

Андрей СУДОПЛАТОВ

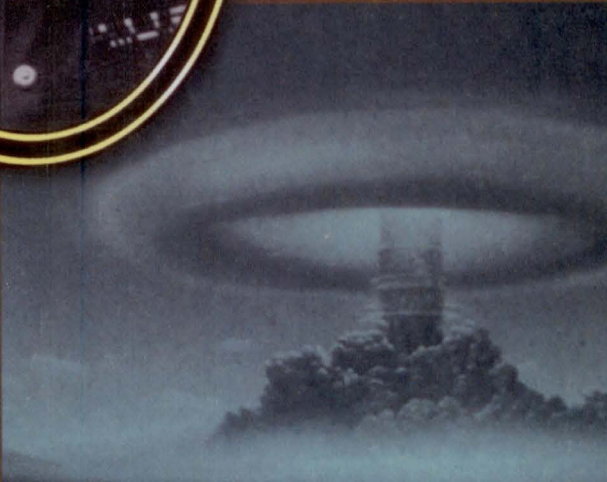
ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ

ГЕНЕРАЛА СУДОПЛАТОВА

ДОСЬЕ

ПРАВДА
И ВЫМЫСЛЫ
О МОЕМ ОТЦЕ

2

СЕРИЯ «ДОСЬЕ»

Андрей Судоплатов

**ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ
ГЕНЕРАЛА СУДОПЛАТОВА**

Правда и вымыслы о моем отце

Книга вторая

Москва
«СОВРЕМЕННОК»
«ОЛМА-ПРЕСС»
1998

ББК 84(2Рос=Рус)6
С89

Серия «Досье»

- Судоплатов А. П.**
С89 Тайная жизнь генерала Судоплатова: Правда и вымыслы о моем отце: В 2 кн. Кн. 2. — М.: Современник: Олма-Пресс, 1998. — 556 с.: ил. — (Серия «Досье»).

ISBN 5-270-01282-0 (Кн. 2)

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 5-270-01282-0 (Кн. 2) © А Судоплатов (Каганов), 1998
ISBN 5-270-01280-4 © А Колпакиди, литературная запись, 1998
© Обработка текста, составление приложения, подбор фотоиллюстраций, Издательство «Современник», 1998
ISBN 5-224-00136-6 © Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», оформление, 1998

КНИГА ВТОРАЯ

Глава 15

ОМСБОН НА ЛИНИИ ОГНЯ

Основным орудием, с помощью которого Четвертое управление НКВД боролось с врагом, была знаменитая Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР, известная под сокращенным названием ОМСБОН. Фактически эта воинская часть явилась первым в нашей стране «спецназом».

Формирование ОМСБОНа происходило в конце июня — начале июля 1941 года. Вот как объяснил отец организационные причины создания этой структуры в одном из своих интервью: «Нам требовалось огромное количество людей — тысячи и тысячи. Никакие штаты НКГБ не выдержали бы этого. Так возникла идея о создании особой воинской части, которая должна была бы заниматься исключительно разведывательно-диверсионной работой»¹.

Аббревиатура «ОМСБОН» появилась не сразу. Как я уже писал выше, первоначально функции, перешедшие затем к Четвертому управлению, выполняла Особая группа при НКВД, которую возглавлял отец. Вот при этой-то группе 26 июня и было создано подразделение, называвшееся «войсками Особой группы». Вначале их возглавил комбриг Павел Михайлович Богданов, начальником штаба был Вячеслав Васильевич Гриднев. Воинское подразделение состояло из двух бригад, в состав которых входили батальоны, делившиеся на отряды, а отряды, в свою очередь, на спецгруппы. В октябре 1941 года войска Особой группы были переформированы в ОМСБОН в составе двух мотострелковых полков: четырехбатальон-

¹ Человек со спины // Неделя. 1991. № 25(1629).

ного и трехбатальонного со специальными подразделениями (саперно-подрывная рота, авторота, рота связи, отряды спецназначения, школа младшего начсостава и специалистов). В таком составе и с таким наименованием ОМСБОН просуществовал до октября 1943 года, когда он был переименован в Отдельный отряд особого назначения НКГБ СССР.

Первоначальной задачей бригады была разведывательно-диверсионная деятельность на важнейших коммуникациях противника, ликвидация вражеской агентуры. Однако вскоре к этим задачам прибавилась гораздо более важная. ОМСБОН был призван стать ядром разворачивающегося партизанского движения, оказывать ему всестороннюю помощь, создавать подполье в городах. За годы войны в тыл врага Четвертым управлением было заброшено 212 отрядов и групп специального назначения общей численностью около 7500 человек.

Большую роль в формировании и боевой деятельности ОМСБОНа сыграл заместитель начальника Особой группы, а затем командир бригады (с 15 октября 1941 года) полковник Михаил Федорович Орлов. Этот незаурядный человек был чрезвычайно близок с отцом в годы войны. Он родился в рабочем поселке Белевского уезда Тульской губернии в семье рабочего-слесаря. В 1919 году вступил в РКСМ и начал работать уполномоченным укома комсомола по организации волостных ячеек, а затем стал председателем райкома комсомола. В декабре 1920 года он добровольно вступил в Красную Армию, участвовал в подавлении антисоветских мятежей, затем окончил Объединенную военную школу имени ВЦИК. В 1924 году вступил в кандидаты, в феврале 1926 года — в члены ВКП(б). В 1930—1931 годах принимал участие в борьбе с бандитизмом в Азербайджане и с басмачеством в Средней Азии. Длительное время он служил в войсках НКВД, работал в военных учебных заведениях. Перед началом Великой Отечественной войны Михаил Федорович работал в должности начальника Себежского военного училища НКВД и одновременно учился заочно в Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Комиссаром ОМСБОНа был назначен Алексей Алексеевич Максимов, инженер по образованию. Преемником Максимова стал полковой комиссар Арчил Степанович Майсурадзе. В этой должности он прошел всю

Великую Отечественную войну, а по ее завершении многие годы работал в Главном политическом управлении Советской Армии.

В ОМСБОНе, как и во всех других частях и соединениях РККА, имелся политотдел, который возглавлял Лев Александрович Студников. Бывший батрак, а затем комсомольский работник, он работал на Северном Кавказе, был секретарем Грозненского горкома, ответственным инструктором Северо-Кавказского крайкома и секретарем Чечено-Ингушского обкома комсомола. В 1930 году Студников вступил в партию, а затем ЦК ВКП(б) направил его на партийно-политическую работу в Красную Армию. Лев Александрович был командирован на учебу в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Учеба прерывалась дважды: в 1939 году в связи с военным конфликтом с Японией на реке Халхин-Гол, куда Студников был направлен в качестве представителя ГлавПУРККА, и в 1940 году — из-за советско-финской войны. Академию Студников закончил в июне 1941 года, в канун Великой Отечественной войны. Приход в бригаду опытного политработника с академическим образованием, помноженным на опыт двух войн, имел большое значение и свидетельствовал о том, как тщательно формировался политаппарат бригады.

Руководителями разведки бригады были Антупеев и майор-пограничник Б. К. Спиридонов.

Костяк командного состава бригады составили преподаватели и слушатели Высшей школы погранвойск и Высшей школы НКВД, других учебных заведений НКВД СССР.

Командиром 1-го полка (после откомандирования Н. Е. Рохлина, бывшего недолго в этой должности, на другую работу) стал Вячеслав Васильевич Гриднев, бывший до этого начальником штаба войск Особой группы. В 1942—1943 годах он командовал ОМСБОНОм. Вехами его жизненного пути являются: Октябрьская революция, рядовым участником которой он был в Петрограде; при захвате Петроградского телеграфа был среди солдат электротехнического батальона, в 1918 году вступил в ряды РКП(б); воевал на Восточном фронте, громил контрреволюционный мятеж в Саратове; в 1921 году начал работать в Московской чрезвычайной комиссии. С этого дня вся его дальнейшая жизнь связана с защитой без-

опасности нашей родины. После окончания Высшей пограничной школы стал комендантом погранучастка, несшего охрану советско-иранской границы. Здесь он сражался с басмачами, неоднократно пытавшимися перейти границу. В биографию Гриднева вписана и ликвидация банды Кябила Касум-оглы. Двенадцать лет прослужил Гриднев на границе. Генерал-майор в отставке.

Комиссаром 1-го полка стал Сергей Иванович Волокитин, известный впоследствии как знаменитый партизанский командир Серго. Отец его — потомственный стеклодув, первый рабочий — директор завода «Красный Май» после Октября. Как и другие юноши его поколения, Сергей Иванович учился в ФЗУ, был слесарем, токарем, бригадиром Московского завода имени Серго Орджоникидзе. Девятнадцатилетнего комсомольского вожака направляют в 1931 году на учебу в чекистскую школу. К началу войны он старший лейтенант госбезопасности. К этому добавим: в ОМСБОН он пришел орденоносцем.

Первый полк ОМСБОНа был интернациональным. В его формировании решающую роль сыграл Исполком III Коммунистического Интернационала и его Генеральный секретарь Георгий Димитров, а также руководители коммунистических партий, бывшие тогда в Москве: Вильгельм Пик, Морис Торез, Пальмиро Тольятти, Хосе Диас и Долорес Ибаррури, Иоганн Коплениг, Клемент Готвальд, Гарри Подлит и другие. Они делали все возможное, чтобы собрать разбросанных в силу различных причин по Советскому Союзу своих соотечественников-политэмигрантов и направить их в ОМСБОН. Особо много сил отдала формированию бригады Стелла Благоева — дочь основателя Болгарской коммунистической партии Димитра Благоева. По поручению Георгия Димитрова она отбирала добровольцев, часто бывала в бригаде, воодушевляла омсбонцев своими пламенными товарищескими беседами.

Наиболее полные данные об этом полке сохранились благодаря мемуарам выдающегося сына болгарского народа Ивана Цоловича Винарова, ставшего заместителем командира полка, и испанца Серна Роке, бывшего в свое время представителем Испанской коммунистической партии в Народном фронте своей страны, сражавшегося на Мадридском и Каталонском фронтах, бойца ОМСБОНа,

воевавшего в Красной Армии комиссаром батальона, бригады, дивизии. В последнее время стали известны и некоторые данные о вьетнамцах, сражавшихся также в составе бригады.

Интернациональный полк бригады был непостоянен. Первоначально он насчитывал в своем составе чуть менее тысячи бойцов. Почти треть его были испанские коммунисты, покинувшие свою родину после поражения Испанской республики. Другую часть составили болгары, чехи, словаки, поляки, австрийцы, венгры, югославы, румыны, греки, итальянцы, немцы, вьетнамцы, французы, финны. Имелось и несколько англичан, членов коммунистической партии, которых Отечественная война застала в Москве, куда они прибыли по партийным делам. Австрийцев также было много, по численности они были вторыми после испанцев. В своем большинстве это были шувбундовцы, эмигрировавшие в Советский Союз после Июльского восстания 1927 года и второго Венского восстания 1934 года, которые были подавлены австрийской буржуазией. Среди австрийцев был и будущий член секретариата Компартии Австрии Иоганн Штайер.

Несколько подробнее И. Винаров рассказывает о болгарях. Их было более сотни человек. Это были прежде всего представители тех групп, которые ранее по заданию Компартии Болгарии вели подпольную работу у себя на родине. В Подмоскowie и Крыму (до его оккупации) обучалось еще около шестидесяти болгарских политэмигрантов, которые в любой момент готовы были отправиться с боевым поручением в тыл врага. В интернациональный полк были зачислены пятнадцать политэмигрантов и партийных деятелей, а также сыновья и дочери ветеранов партии, выросшие в Советском Союзе и получившие здесь образование. Это были: Георгий Павлов Гоню, Петко Кацаров, Густав Влахов, Пенчо Столов, Илия Денев, Иван Крекманов, врач Вера Павлова (дочь старого партийного функционера и крупного философа Тодора Павлова), Вихра Атанасова, Агга Димитрова (дочь ветерана партии Стефана Димитрова), сыновья Георгия Михайлова — Огнян и Кремен, дочь Георгицы Карастояновой — Лилия, сын Ивана Пашова — Жорж, дочь Георгия Дамянова — Роза и другие.

О самом Иване Цоловиче Винарове можно сказать словами генерала С. М. Штеменко: «Иван Винаров яв-

лялся болгарским революционером. В свое время он был вынужден покинуть родину и эмигрировал в СССР, окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и получил звание полковника Красной Армии. Затем последовала работа в аппарате Коминтерна и Заграничного бюро ЦК БРП». В послевоенные годы генерал-лейтенант Иван Винаров стал видным военным деятелем Народной Болгарии.

Испанцы-интернационалисты находились под командованием капитана Перегринана Переса Галарсы, их комиссаром был Сефарико Алварес. Они были разбиты на три взвода. Одним из взводов командовал Серна Роке. Из 125 испанцев было шесть женщин. Среди них особенно выделялись Мария Фернандес, Анхель Санчес, носившая партийную кличку Африка, и Хуанита Прот.

Заметной фигурой среди интернационалистов-испанцев был и Хосе Виеска. Сын крупного шахтовладельца, граф, юным он вступил в ряды Компартии Испании и был активным участником Астурийского восстания 1934 года. Осужденный на смертную казнь, замененную тридцатью годами тюрьмы, он получил свободу благодаря установлению в Испании республиканской власти. В Испании Виеска был комиссаром батальона, а затем командовал бригадой.

Из шести вьетнамцев-омсбоновцев, упомянутых И. Винаровым, после длительных поисков, в которых участвовали совет ветеранов ОМСБОНа (А. С. Казицкий), активисты Центрального совета Общества советско-вьетнамской дружбы, телевидение и ряд газет Москвы (особенно «Правда») и Ханоя («Нянзан»), ныне стали известны их имена: Ли Нам Тхань, выходец из семьи революционера (Нгуен Шинь Тхань), родом из провинции, где родился Хо Ши Мин; Ли Тухк Тят (Выонг Тхун Тхай), тоже из семьи революционера; Выонг Тхун Тинь, вступивший в 1925 году в товарищество революционной молодежи Вьетнама; Ли Ань Тао (Хоанг Ань То), Ли Фу Шан.

Командиром 2-го полка был майор Сергей Вячеславович Иванов. Это один из тех Ивановых, на которых поистине держится земля Русская. И это все несмотря на безрадостное, сиротское детство и суровую юность. Трудовую закалку он получил на шахтах Донбасса. Возвратившись после Октября в родной Воронеж, Иванов

добровольно вступил в кавалерийский дивизион и почти два года не расставался с шашкой. А дальше учеба в Московском пехотном училище, преподавательская работа в пограничном училище (преподавал тактику и топографию), во время которой он заочно окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. Великая Отечественная война застала его в должности инспектора Главного управления Московской противовоздушной обороны. И еще один штрих к его биографии: именно полковнику Иванову после заболевания Дмитрия Медведева было поручено возглавить знаменитый отряд «Победители» на завершающем этапе его боевых действий.

Комиссаром 2-го полка был назначен Сергей Трофимович Стехов, майор. Его так и звали «наш майор». Как и Гриднев, он стал членом партии большевиков в 1918 году. Тогда же он вступил в Красную Армию, был активным участником Гражданской войны. В его биографии есть и такая «запись»: работал телеграфистом в Реввоенсовете 11-й армии, обеспечивал связь С. М. Кирова, Г. К. Орджоникидзе, участвовал в защите Владикавказа. После окончания Гражданской войны Стехов работал в системе Наркомата связи, сначала на своей родине — Ставрополье (он родился в Георгиевске), потом в Москве. Уже в эти годы он начинает заниматься журналистикой, сотрудничает в «Крестьянской газете». В 1939 году партия направляет его на работу в НКВД. Во 2-м полку и во всей бригаде Сергей Трофимович пользовался большим авторитетом и огромным уважением.

Второй полк состоял в основном из рабочих, спортсменов, студентов и школьников (только что закончивших десятые классы), в основном пришедших по направлению ЦК ВЛКСМ. Формирование полка происходило на стадионе «Динамо». Больше всего данных сохранилось о спортсменах, в числе которых было много известных, прославивших родину на международных соревнованиях. Среди них были: боксеры Николай Королев, Сергей Щербаков, Эдуард Лазовский; легкоатлеты Георгий и Серафим Знаменские, Григорий Ермолаев, Моисей Иванович, Леонид Митропольский; борцы Григорий Пыльнов, Анатолий Катулин, Леонид Егоров, Шалва Чихладзе; тяжелоатлеты Николай Шатов, Владимир Крылов; гребцы Александр Долгушин, Ипполит Рогачев, Алексей Смирнов, Сергей Шереметьев; велосипедисты

Федор Тарачков, Виктор Зайпольд; конькобежцы Константин Кудрявцев, Анатолий Капчинский; лыжница Любовь Кулакова и другие. К этому списку надо добавить преподавателей и студентов Московского института физкультуры во главе с проректором.

В ОМСБОНе, по данным М. Ф. Орлова, насчитывалось около 800 спортсменов. Если раньше на стадионах, в плавательных бассейнах и на стартовых трассах они защищали спортивную честь родины, то сейчас пришли в ОМСБОН, чтобы защитить ее с оружием в руках от фашистских захватчиков. Их влияние в бригаде было очень велико. Они стали наставниками еще не закаленных физически солдат. В дальнейшем в тылу врага спортсмены были всегда одними из первых в тяжелых схватках с врагом.

В полк зачислялись также добровольцы-студенты московских вузов. Около тридцати человек пришли из Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ). Многие бойцы были вчерашними студентами и аспирантами МГУ, историко-архивного, строительного, горного, кожевенного, станкоинструментального и других столичных вузов. В ОМСБОНе было много рабочих, техников, инженеров с автозавода и других предприятий.

Немного позже ЦК ВЛКСМ своим постановлением от 4 сентября 1941 года «О мобилизации комсомольцев на службу в войска Особой группы при НКВД СССР» направил в ОМСБОН 800 городских и сельских комсомольцев из четырнадцати областей РСФСР. Туляки, ярославцы, рязанцы, куряне, пензенцы, саратовцы, уральцы и казанцы заполняли казармы бригады. Сюда же добавились и комсомольцы Москвы.

Пополнение личного состава бригады, рассказывал отец, осуществлялось на протяжении всех лет войны. Ее бойцами становились влившиеся в спецотряды партизаны, добровольцы коммунисты и комсомольцы. Общая численность воинов бригады превысила 10 500 человек. Но при этом ее костяком, наиболее активной и мобильной частью оставались пришедшие первыми в бригаду чекисты, пограничники и добровольцы: спортсмены, рабочие, студенты Москвы, зарубежные интернационалисты.

В ОМСБОН с первых же дней его существования пришла большая группа женщин, в основном радистки

и медсестры. Назову имена лишь некоторых из них: Маша Петрушина, Галина Ефимова, Лидия Шерстнева, Людмила Потанина, Зина Чернышева, Шура Павлюченкова, Оля Михайлова, Дуся Приказчикова, Тося Карасева-Кнопка, Тоня Анисимова, Люба Капитонова.

Во главе медицинской службы полков были поставлены добровольцы, только что сдавшие госэкзамены в мединституте: Альберт Цессарский и Илья Давыдов. Врачом была и Вера Давыдова (Павлова); Виктор Стрельников и Владимир Назаров пришли в бригаду с четвертого курса мединститута.

Когда формирование бригады завершилось, а ее состав приобрел опыт боевых действий на фронте и в тылу врага, начался процесс «отдачи» ее бойцов и командиров в отдельные части Красной Армии (например, на укомплектование Отдельной, впоследствии 70-й армии, погранчастей, спецшкол и др.). Только с 1941 по 1944 год из ОМСБОНа было откомандировано 5074 человека.

Попытаюсь хотя бы вкратце рассказать о деятельности бойцов ОМСБОНа в годы войны. Прежде всего о той большой роли, которую они сыграли в битве под Москвой. Об этом отец рассказывал много эпизодов. Кое-что сохранилось у меня в памяти еще с детских лет. Всех бойцов этого отряда спецназа отец считал героями.

По неполным данным, более одной тысячи омсбонцев защищали Москву. Их вклад в защиту столицы, однако, не исчерпывается этой цифрой. Сравним ее со следующими фактами: если минеры ОМСБОНа поставили на Западном фронте 40 тысяч мин, то весь Калининский фронт — 4500; особенностью этой работы было то, что исключительно широко была применена новая техника: управляемые фугасы, огневые фугасы ПТ, МЗД. И все это на дальность свыше 100 км; по тем же неполным данным было определено, что на фугасах и минах, установленных сводным отрядом в Подмосковье, подорвалось 30 немецких танков, 20 броневиков, 68 машин с мотопехотой, 19 легковых автомобилей с офицерами, 53 мотоцикла. Подразделения бригады захватили в исправном состоянии 17 автомашин, 35 мотоциклов с колясками, много пулеметов, радиоприемников и другого военного имущества; кроме того, 156 автомашин были уничтожены авиацией на пробках у минных полей.

Эти цифры могут показаться не столь уж большими. Возможно, это так. Но эти данные необходимо помножить на более важный показатель — выигрыш времени, столь важный для Красной Армии, воевавшей на подступах к столице, что давало возможность затормозить оперативный темп моторизованных и танковых частей врага, потерявших на минных полях значительную часть боевой техники. В более узком плане эти данные говорят о том, что немцы не смогли пробиться к Дмитрову, а также перебросить танки на восточный берег канала Москва—Волга. Следовательно, стратегический план врага — обход Москвы с севера — был сорван. Наконец, бесспорно и то, что инженерные заграждения, поставленные отрядами ОМСБОНа вместе с другими частями Западного фронта, сыграли свою роль в подготовке контрнаступления под Москвой. Добавим к этому и такое обстоятельство: при разгроме немецких войск под Москвой и их отступлении созданная омсбоновцами система инженерно-минных заграждений вторично сыграла свою роль: она заставляла немцев бросать свою многочисленную моторизованную технику у проходов через минные поля, а в создававшихся пробках в панике под ударами Красной Армии гибли тысячи фашистов.

Боевую задачу по устройству заграждений на подступах к Москве омсбоновцы выполнили блестяще. Вот их официальная оценка, выраженная в приказе по инженерным войскам Западного фронта в июле 1942 года: «Характерной для ОМСБОНа особенностью является четкость и отличная организованность, проявленные при выполнении заданий фронта. Работой ОМСБОНа фронту оказана большая помощь». «Заградительные работы, проведенные ими, имели большой размах... и сыграли большую роль в обороне Москвы». За проявленные доблесть и мужество 75 отважных воинов ОМСБОНа были награждены орденами и медалями Советского Союза. Среди них: М. Ф. Орлов, М. Н. Шперов, М. С. Прудников, А. П. Шестаков, П. П. Шаров, М. В. Бреусов, А. И. Авдеев, И. Ю. Давыдов, А. Драганов, А. Л. Саховалер, А. П. Мальцев, А. П. Кругляков, Мария Петрушина, Александра Павлюченкова.

Эти ордена и медали особые. Особые не только потому, что в суровом и тяжелом 1941 году награды давались редко, но и потому, что они связаны со спасением Москвы.

Высокое официальное признание не исчерпывает, однако, всего того, что дала битва за Москву всем омсбонцам, кто в ней участвовал. Солдаты, офицеры и политработники выдержали первую проверку огнем, встретившись лицом к лицу с фашистами. А это самая главная проверка для защитника родины. Без этого не могло быть того беззаветного мужества и преданности, которые проявились впоследствии в тылу врага.

Это подтверждается и данными о действиях ОМСБОНа на линии фронтов за 1941—1943 годы: солдаты и офицеры подготовили к разрушению 128,5 километра железнодорожных, шоссейных дорог и автомагистралей, вырыли на них 11 564 фугасные воронки, изготовили и перезарядили 8998 мин, заложили 2057 фугасов, взорвали полотно шоссейных дорог и автомагистралей протяженностью 71,5 километра, заложили 49 252 минных поля, подготовили к взрыву 205, взорвали 95 мостов, установили 94 километра минных завалов, подготовили к разрушению и выводу из строя более 36 промпредприятий, подготовили 2469 подрывников из числа рабочих и служащих местных предприятий и т. д.

К этим данным добавим еще несколько фактов и цифр: когда началось контрнаступление, было снято 26 779 мин разных систем, разминировано 500 километров нефтепроводов, обезврежено 1500 авиабомб противника, уничтожено более тысячи солдат и офицеров вермахта.

И еще об одном: ряд бойцов сводного отряда Шпекова привлекались в качестве инструкторов по установке мин в частях и подразделениях Красной Армии, оборонявших Москву.

Вскоре большая часть защитников Москвы — омсбонцев была отозвана в город. Это было вызвано не только тем, что они выполнили свои задачи, но и тем, что взамен них пришли вновь сформированные части саперных и инженерных частей. Учитывалось и то, что, несмотря на контрнаступление наших войск, опасность возможного прорыва врага на каком-нибудь участке фронта была вероятна, и поэтому укрепление самой обороны города, и особенно его центра, не снималось с повестки дня.

Омсбонцы внесли свой вклад в то, что под Москвой был развеян миф о непобедимости немецко-фаши-

стской армии, что здесь было нанесено первое жестокое поражение фашизму и появилась надежда на коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны.

Так завершился первый фронтовой период в истории Отдельной мотострелковой бригады особого назначения. Он может быть вкратце охарактеризован такими словами: мы выстояли и, проявив мужество и отвагу, окрепли и возмужали, приобрели боевой опыт, который был приумножен в боях в тылу фашистских войск.

Уже летом 1941 года командование ОМСБОНа приступило к формированию и заброске в тыл врага первых отрядов и групп. Перед ними, наряду с разведывательными и диверсионными, были поставлены задачи сбора подробной и квалифицированной информации о конкретной обстановке, сложившейся на оккупированной территории; о политике оккупационных властей; о системе охраны тыла гитлеровских войск; о развитии партизанского движения и борьбе подпольщиков, о характере необходимой им помощи. Первые отряды ОМСБОНа призваны были установить контакты с партизанами, наладить их связь с Москвой, способствовать формированию новых отрядов и активизации боевых действий партизан. Им предстояло также создать на местах базы для развертывания деятельности отрядов ОМСБОНа; проверить на практике эффективность предложенных командованием тактики и методов борьбы в условиях вражеского тыла, выявить новые возможности их развития; накопить определенный опыт, который был бы взят на вооружение теми отрядами и группами, которые вслед за ними будут направлены в тыл врага.

При формировании отрядов командование ОМСБОНа стремилось назначать на посты руководителей партизанского движения боевых, преданных нашей родине офицеров, имевших опыт партизанской борьбы, разведывательной и диверсионной работы, полученный в годы Гражданской войны, и проявивших себя в истребительных батальонах и в отрядах народного ополчения. Этот принцип оставался основополагающим для командования ОМСБОНа при подборе кадров командиров спецотрядов и спецгрупп на протяжении всех лет войны. Командирами первых отрядов, ушедших в августе 1941 года в тыл врага, стали чекисты Д. Н. Медведев и

А. К. Флегонтов, имевшие опыт партизанской и подпольной деятельности.

Летом 1941 года в тыл врага на территорию Смоленской области были заброшены отряд старшего лейтенанта В. Зуенко и разведывательная группа в составе доцента МГУ Я. С. Кумаченко, З. А. Пивоваровой, бывшей преподавательницы Института иностранных языков, и радиста Н. Г. Абрамкина.

Разведчики сумели устроиться переводчиками в штаб немецкой танковой дивизии и завоевать доверие гитлеровского командования. Через отряд Зуенко группа Кумаченко передавала в Москву ценнейшую разведывательную информацию. До октября 1941 года З. А. Пивоварова и ее разведчики продвигались вместе с танковой дивизией к Москве. И все это время в Центр поступали от них все новые и новые сведения. В октябре группе Пивоваровой удалось незаметно покинуть штаб дивизии, соединиться с отрядом Зуенко и вместе с ним возвратиться в Москву.

В конце лета 1941 года на оккупированную территорию Орловской и Курской областей, а также в ряд районов Белоруссии и Украины были направлены еще несколько оперативных групп под командованием В. И. Пудина, И. П. Галковского, Л. Л. Чанцева и других чекистов-омсбоновцев с целью сбора информации и разведанных. Группа Чанцева готовила к переброске в тыл врага отряд «Митя» — отряд Дмитрия Медведева.

С августа по октябрь 1941 года в Смоленской области успешно действовал отряд под командованием А. К. Флегонтова. Опытный чекист, он в начале 20-х годов возглавлял партизанское движение на Дальнем Востоке. Отряд проводил смелые налеты на вражеские кавалерийские разъезды и обозы, осуществил несколько диверсий на коммуникациях противника, собрал ценные разведывательные данные и в октябре 1941 года вернулся в Москву.

С июля по октябрь 1941 года особая спецгруппа ОМСБОНа создавала базы для действий отрядов бригады на территории Гомельской, Брянской, Орловской областей.

Важнейшее значение в эти первые, наиболее трудные месяцы Великой Отечественной войны имела организационная, разведывательная и диверсионная деятель-

ность первого крупного отряда омсбоновцев, получившего кодовое наименование «Митя» — по имени своего командира, впоследствии известного писателя Дмитрия Николаевича Медведева. Отряд насчитывал 30 бойцов, главным образом воинов-спортсменов, участников Московской битвы. Начальником штаба отряда был полярик, инженер-геолог Д. Д. Староверов.

13 сентября 1941 года после нескольких неудачных попыток отряд перешел линию фронта у деревни Белоголовка Жуковского района, на участке обороны 217-й дивизии. Первая база отряда находилась в Клетнянских лесах, где он пополнился группой окруженцев. Действуя в Брянской области, а затем на территории Могилевской и Орловской областей, отряд совершил более 50 боевых операций. В результате действий отряда «Митя» было взорвано три железнодорожных и семь шоссеиных мостов, уничтожено девять самолетов врага, в 13 местах сильно разрушено железнодорожное полотно, спущено под откос три военных эшелона противника. Бойцы отряда разгромили несколько гарнизонов и полицейских постов, уничтожили шесть пунктов телеграфной связи, вывели из строя шесть заводов, выполнявших военные заказы, уничтожили двух генералов, 17 офицеров, более 400 немецких солдат. Справедливое возмездие постигло 45 предателей родины. 14 января 1942 года, успешно выполнив задание, отряд в составе 272 человек перешел линию фронта в районе Людинова и вернулся в Москву.

Боевая деятельность омсбоновцев в тылу врага в 1942—1944 годах осуществлялась по заданиям командующих Западным, Центральным, Брянским, 1, 2, 3-м Белорусскими и 1-м Украинским фронтами. Перед ними ставились следующие основные задачи:

- сбор разведывательных данных и информации военного, экономического и социально-политического характера;

- разрушение стратегических железнодорожных и шоссеиных магистралей и других коммуникаций в прифронтовой зоне и в глубоком тылу противника, выведение из строя важных транспортных узлов;

- срыв железнодорожных и автоперевозок живой силы и техники противника на фронт;

- разрушение мостов, станционных сооружений;

- всяческое препятствие вывозу в Германию советских

граждан, техники и награбленной немцами национальной собственности советского народа и имущества граждан;

разгром воинских, жандармских и полицейских гарнизонов;

вывод из строя промышленных предприятий, электростанций, средств связи.

11 и 13 января 1942 года командование Западного фронта приказало командиру ОМСБОНа полковнику М. Ф. Орлову сформировать четыре отряда для выполнения главным образом разведывательных и диверсионных заданий в ближайшем тылу врага в районе Вязьма — Дорогобуж.

Командование бригады решило отобрать по 80—90 человек для каждого отряда, в основном спортсменов, саперов, студентов и рабочих. Из 1-го полка — два отряда и столько же из 2-го. Их организация в 1-м полку была поручена капитану Николаю Александровичу Васину и старшему лейтенанту Михаилу Константиновичу Бажанову, а во 2-м — старшему лейтенанту Кириллу Захаровичу Лазнюку и капитану Никите Семеновичу Горбачеву. При этом отряд Васина планировалось направить в северную часть Брянского леса, остальные отряды должны были парализовать движение на участке Московско-Смоленской железной дороги Смоленск — Вязьма — Орша и Минском шоссе. Однако из-за внезапного прорыва фронта немцами три из этих четырех отрядов не были брошены в тыл, а были использованы в конце января — начале февраля в качестве общевойсковых подразделений для того, чтобы задержать немецкое наступление. Через линию фронта перешел лишь отряд Бажанова, который выполнил ряд боевых заданий в районе деревень Дубровка, Репица и других.

В результате действий четырех отрядов омсбоновцев за период с 20 января по 14 февраля было уничтожено 600 солдат и офицеров противника, 3 танка, 28 подвод с боеприпасами и продуктами, захвачено 8 подвод с боеприпасами. Потери омсбоновцев составили 56 убитых, 36 раненых и около 40 пропавших без вести.

В феврале—июне 1942 года за линию фронта ушло более 20 отрядов. В начале 1942 года большинство отрядов переходило линию фронта в Калужской области на участках 10-й и 16-й армий. Оттуда уходили на задан-

ные им территории, главным образом в Брянскую и Орловскую области, в районы Белорусского и Украинского Полесья. Вторым направлением массового выхода отрядов в глубокий тыл врага являлся в тот период путь в Белоруссию и Смоленскую область через лесные массивы западной части Калининской области с центром в Торопце.

В течение 1942 и 1943 годов отряды и спецгруппы ОМСБОНа были заброшены на территории почти всех временно оккупированных областей РСФСР, на Украину и Белоруссию, в республики Прибалтики и на Северный Кавказ. Всем отрядам и группам ОМСБОНа присваивались кодовые названия, и они сохраняли свою самостоятельность в течение всего времени пребывания в тылу врага. В зависимости от характера основного задания отряды или сохраняли свой первоначальный состав, избегая его расширения (преимущественно отряды, имевшие особые разведывательные задачи), или вырастали в бригады и соединения (если основное задание включало такую цель).

Наиболее напряженным по числу переходов отрядами ОМСБОНа линии фронта через Суражские «ворота» явился, пожалуй, март 1942 года: командиры отрядов стремились успеть выйти в тыл врага до начала весенней распутицы.

В числе первых вышел отряд капитана М. Миронова, действовавший в Псковском и Порховском районах.

22 января 1942 года из Москвы в тыл врага направился отряд «Победа» под командованием лейтенанта И. М. Кузина в составе 36 человек.

В начале марта 1942 года линию фронта пересек отряд «Местные» в составе 25 человек, в основном пограничников и жителей Белоруссии (отсюда и название). Отряд возглавил подполковник С. А. Ваупшасов, принявший псевдоним Градов. Комиссаром отряда стал старший лейтенант Г. С. Морозкин, начальником штаба — капитан А. Г. Луньков.

18 марта 1942 года из Торопца к фронту направился спецотряд под командованием П. Г. Лопатина (Дяди Коли) в составе 23 человек. Большую часть отряда составляли бойцы отряда «Митя», отсюда и его кодовое название «Бывалые». Комиссаром отряда был А. Езубчик (затем — Чулицкий), начальником разведки — В. Рудак, начальником штаба — В. Большаков.

Из Торопца осенью 1942 года начинался и рейд в тыл врага отряда «Боевой» под командованием А. К. Флегонтова. Комиссаром отряда был Г. Р. Червонков, начальником штаба — Ф. Ф. Тараненко, врачом — М. И. Лагутин, радистами — Н. Бушков и Хоробрых.

26 октября 1942 года в Брестскую область была сброшена на парашютах спецгруппа «Сокол» под командованием подполковника К. П. Орловского (Роман).

В августе 1943 года из Москвы для усиления разведывательной и диверсионной деятельности на юге Западной Белоруссии был направлен отряд капитана А. Г. Миронова в составе 28 человек. Парашютисты приземлились в районе деревни Песчанка Минской области, в расположении бригады Градова, оттуда в сопровождении группы проводников ушли на базу отряда «Сокол».

В мае 1943 года в Минскую область была десантирована спецгруппа «Юрий» в составе 18 человек. Командиром группы был назначен опытный разведчик Ю. М. Куцин.

В июне 1942 года в район ст. Зленка был заброшен разведывательно-диверсионный отряд «Храбрецы» в составе 14 человек под командованием чекиста А. М. Рабцевича. Комиссаром отряда был немецкий коммунист, политэмигрант К. Линке.

Наряду с Белоруссией одними из главных направлений засылки отрядов и спецгрупп ОМСБОНа в 1942 году являлись Украинское Полесье и Приднестровье.

Одним из первых летом 1942 года на Украину был направлен отряд полковника Д. Н. Медведева «Победители». Комиссаром отряда стал заместитель командира 2-го полка ОМСБОНа по политчасти С. Т. Стехов, начальником штаба — майор Пашун, начальником разведки — С. Творогов, врачом — А. Цессарский. В составе отряда в тыл врага направлялся разведчик Н. И. Кузнецов, чье имя впоследствии стало легендарным.

14 марта 1942 года в тыл врага ушел отряд «Ходоки» в составе 15 человек под командованием Е. И. Мирковского.

В августе 1942 года в районе города Олевска Житомирской области был сброшен на парашютах отряд подполковника Н. А. Прокопюка «Охотники» в составе 64 человек. Комиссаром был майор И. П. Галигузов, начальником штаба — старший лейтенант А. А. Горович.

Весной 1942 года командованию ОМСБОНа было поручено сформировать отряд для выполнения особого задания Ставки в районе Запорожья. С этой целью была создана спецгруппа «Энергетики», состоящая из командира — лейтенанта В. П. Шепеля, мастера спорта, бывшего инструктора ДСО «Динамо», комиссара В. А. Ласкина, заместителя командира по разведке — капитана госбезопасности А. А. Вишневого, радистки А. Солевой.

В марте 1943 года на базу соединения генерала Сабурова, находившегося в это время на территории Белоруссии, был сброшен на парашютах отряд имени Богдана Хмельницкого под командованием майора В. В. Лебеда.

Начиная со второй половины 1943 года командование ОМСБОНа уже имело возможность забрасывать в тыл врага крупные отряды численностью до 150 человек. Таким был, например, отряд «Гвардия» капитана В. Н. Воронова, направленный в район озера Белое (Ровенская область).

Командование ОМСБОНа уделяло большое внимание оказанию помощи Севастополю и партизанам Крыма. В 1942 году в Крым были сброшены спецгруппы В. Аранова «Витязи» и Кахара Адашева «Крымчаки». В марте 1943 года в Крым была направлена спецгруппа майора Арабаджиева «Соколы». Арабаджиев взял на себя руководство деятельностью омсбоновских десантников в Крыму и связанных с ними подпольщиков.

О некоторых из успешных операций Четвертого управления НКВД, проведенных в годы войны, рассказывается в книге Ф. Сергеева (С е р г е е в Ф. Тайные операции нацистской разведки. 1933—1945. М.: Политиздат, 1991). Одной из блестящих операций, проведенных Четвертым управлением в годы войны, было проникновение в смоленскую разведывательную школу немцев, расположенную в поселке Красный Бор.

В июне 1942 года для проникновения в эту одну из наиболее активно действовавших диверсионных школ в центре России был внедрен советский разведчик Михайлов. Как и рассчитывали, на подходе к Смоленску он был задержан гитлеровцами. Его подвергли тщательному допросу и поместили в вяземский лагерь для военнопленных. Там в числе других военнопленных его вер-

бовали в «Русскую национальную армию». Михайлов согласился, полагая, что так он сможет быстрее оказаться в поле зрения разведки. И не ошибся. Вскоре его, только что добровольно появившегося «с той стороны», стали обрабатывать абверовцы. Они «склонили» его к тайному сотрудничеству и отправили в диверсионную школу. За время пребывания там — с августа 1942 по февраль 1943 года — Михайлову удалось войти в доверие, завязать дружеские отношения и перетянуть на свою сторону 12 соучеников. Перед отправкой в советский тыл он снабдил их паролем для явки в органы государственной безопасности. Вместе с другим советским разведчиком, Борисовым, Михайлов сорвал несколько спланированных нацистами диверсионных акций. Через известное время Михайлов благополучно вернулся из вражеского логова. Борисов, оставшийся в школе, продолжал выполнять задания советской контрразведки. Добытые им сведения о планируемой карательной операции против белорусских партизан в районе Суража позволили партизанам нанести предупредительные удары по карателям. За успешное выполнение заданий Михайлов и Борисов были награждены орденом Красного Знамени.

Примером такой решимости советского человека, оказавшегося в немецком плену, может служить явка с повинной агента-радиста Панина, заброшенного абвером на территорию Московской области. До войны он работал и жил в Горьком, а летом 1941 года добровольно ушел на фронт. Часть, в которой он проходил службу, попала в окружение, и вскоре многие ее военнослужащие были захвачены в плен. По словам Панина, в плену он непрестанно думал о побеге, чтобы вернуться в строй, но довольно долго обстоятельства складывались неудачно. Однажды он был вызван в комендатуру лагеря, где после продолжительной беседы ему предложили поступить в разведывательную школу немцев. «Сперва, — заявил Панин, — я готов был плюнуть вербовщику в морду, потом меня осенила мысль, а может быть, это начало пути возвращения к своим. Не сказал ни «да», ни «нет» и был отпущен. Вернувшись же в барак, пожалел, что не согласился».

Но и вербовщик не считал разговор законченным. Он вызывал Панина еще несколько раз, и тот, сделав вид, что доводы вербовщика подействовали, в конце кон-

цов согласился пойти в разведывательную школу. «Самым трудным было, — заявил Панин на допросе, — не возбудить ни в ком подозрений относительно моих истинных намерений. Я старался соблюдать дисциплину, ни с кем не сближался и даже в самолете боялся чем-либо выдать себя. С облегчением вздохнул, лишь когда надо мной раскрылся парашют». Оставшись один, он взвалил на спину рацию и другое шпионское снаряжение, вышел к ближайшему селу, разыскал председателя колхоза. Тот к вечеру доставил его в райотдел НКВД.

Искренность поступка Панина не вызывала сомнений, и было решено попытаться завязать через него радиоигру с разведцентром. Специалисты подробно расспросили, как шло обучение в разведывательной школе, кто являлся ее шефом по технической подготовке, разбирались в кодах и шифрах и уже собирались было выйти от имени Панина в условленное время в эфир. Но тот воспротивился такому решению: «Я довольно долго работал с шефом. Его рация была в Смоленске, а я в Красном Бору. Он не раз хвалил меня за мой, как он говорил, особенный радиопочерк. И если на ключе будет работать другой, он легко догадается. Доверьтесь мне, я вас не подведу».

С доводами Панина посчитались, и в условленный разведывательным центром день и час радист вышел на связь. Сообщил, что группа в момент приземления рассеялась на большом расстоянии друг от друга, судьба остальных ему неизвестна. Сам же он сумел обосноваться в Волоколамске, в доме одной старушки, успел собрать некоторую информацию, которую готов передать.

Центр одобрил действия Панина и, условившись об очередном сеансе связи, закончил первый контакт с ним в эфире. В процессе дальнейшей игры к противнику ушел большой объем сообщений, специально подготовленных чекистами с участием специалистов Генерального штаба. Насколько обдуманно это делалось, можно судить по тому, что, например, описанные Паниным «передвижения войск» на случай проверки противником наши бы подтверждение в результате определенных действий, инсценированных на железной дороге командованием военных сообщений Наркомата обороны СССР.

«Радиоигра» развивалась успешно. «Находчивость» и «старания» Панина были высоко оценены разведыватель-

ным центром. В одном из сеансов связи его уведомили о том, что германское командование «за регулярное сообщение ценных сведений и проявленную храбрость при выполнении задания» удостоило его высокой награды — Железного креста. Участие в оперативной игре было довольно продолжительным. Наступило время, когда по техническим параметрам у рации должно было иссякнуть питание. В Волоколамск был вызван курьер, доставивший батарее. При возвращении курьера через линию фронта он был арестован. Но игра продолжалась. После завершения операции Панин, честно выполнивший свой гражданский долг и принесший этим пользу родине, был награжден медалью «За отвагу».

Просчет, заключавшийся в ставке на военнопленных, СД и абвер пытались восполнить усилением вербовочной работы среди населения оккупированных немецкими войсками районов советской территории, отдавая предпочтение уголовникам. Но и эта затея не достигает цели. В такой обстановке возник новый чудовищный план: использовать в качестве диверсантов подростков. Он основывался на вполне понятном расчете: подростки-диверсанты вряд ли могут привлечь внимание советской контрразведки. Да и население будет снисходительно к детям.

В районе города Касселя создается диверсионная школа для подростков. Для поиска кандидатов в концлагеря, в населенные пункты оккупированной советской территории и особенно в не успевшие эвакуироваться детские дома направляются специальные команды вербовщиков из СД. В школе будущим диверсантам упорно вдалбливают, что они дети великой Германии, что Советской России уже не существует. Их опекают «заботливые» инструкторы и наставники, которые видят свою задачу не только в привитии подопечным навыков диверсионной работы, но в их всестороннем развращении. В школе охотно поощряются и даже инспирируются драки, всемерно проповедуется культ силы, детей учат быть жестокими.

В ночь с 28 на 29 августа и 1 сентября 1943 года большую группу подростков на парашютах сбрасывают в тыл Красной Армии — от Калинина до Харькова. Каждый из забрасываемых одет в поношенную одежду, в торбах у них запас продуктов и взрывчатка, заделанная в неболь-

шие куски каменного угля. Эти куски они должны были подбрасывать в тендеры паровозов или склады угля. Но эта, казалось бы, тщательно подготовленная операция также терпит провал.

Вот что говорилось по этому поводу в одном из документов чекистского аппарата Тульской области: «Сообщение о явке двух диверсантов-подростков. 1 сентября 1943 года в штаб воинской части г. Плавска явились два подростка: Михаил, 15 лет, и Петр, 13 лет. Они заявили, что заброшены вместе с другими диверсантами-подростками для подбрасывания взрывчатки в тендеры паровозов. Обучались на даче под г. Касселем».

Миша рассказывает: «...почти все бывшие детдомовцы, зная, что им надо будет совершать диверсии, договорились втихомолку не выполнять задания немцев, не вредить своим, а сразу явиться в любой штаб Красной Армии и все рассказать...»

И действительно, как правило, подростки сами являлись в воинские части, милицию, органы государственной безопасности, сдавали диверсионное снаряжение и парашюты, сообщали все о себе, о соучениках и школе, где проходили обучение¹.

На Кавказском направлении, судя по некоторым отрывочным данным, с января по ноябрь 1942 года было разоблачено и обезврежено около 170 агентов абвера. На Сталинградском — только за сентябрь, октябрь 1941 и первую половину 1942 года удалось пресечь деятельность почти 200 вражеских агентов. Но совершенно очевидно, что далеко не все переброшенные через линию фронта явились с повинной, а тем более — далеко не все агенты, действовавшие упорно и умело, были обезврежены. Сами авторы «Цеппелина» считали более успешной ближнюю агентурную разведку (на глубину до 50 километров). Здесь, если верить архивным данным, возвращалось обратно 10 процентов переброшенных агентов. Значит, каждый десятый в той огромной массе, которую готовили в рамках «Цеппелина», так или иначе вел свою подрывную работу.

Утверждают, что за годы Великой Отечественной войны чекистские органы обезвредили в тыловых районах

¹ Вскоре советской контрразведке удалось полностью парализовать деятельность диверсионной группы.

страны несколько тысяч гитлеровских лазутчиков, в том числе 1750 агентов-парашютистов. Но значит ли это, что никому из заброшенных в наш тыл немецких агентов не удалось миновать контрразведывательный заслон? Разумеется, не значит.

Известно, например, что в ряде случаев успешно действовали диверсионные группы абвера и СД. Только за четырнадцать дней августа 1941 года на Кировской и Октябрьской железных дорогах было совершено семь диверсионных актов. Диверсантам удавалось неоднократно серьезно нарушать связь между штабами войсковых соединений Красной Армии. В ночь на 17 октября 1944 года на железнодорожном перегоне Лановцы — Корночевка агенты абвера совершили крупную диверсию, и движение на магистрали было задержано на пять суток.

Мне не раз приходилось слышать от отца самые теплые слова в адрес бойцов ОМСБОНа, о их смелости, решительности, всегда нацеленной на подвиг. «Это были железные люди, преданные родине и нашему чекистскому делу, — говорил он. — Я их всех по-братски любил». И, видимо, не случайно на гражданской панихиде в связи с похоронами моего отца среди присутствовавших было много тех, кто с оружием в руках дрался с германскими захватчиками в составе бригады особого назначения, созданной отцом.

Глава 16

СОВЕТСКАЯ РАЗВЕДКА В ГОДЫ ФАШИСТСКОГО НАШЕСТВИЯ

Существенный вклад в победу над фашизмом внесла и советская разведка, но она также разделяет с военнополитическим руководством страны и ответственность за просчеты и ошибки, допущенные в годы войны. Мой отец в своих воспоминаниях говорит об этом достаточно откровенно. Естественно, в описании событий 1941—1945 годов, которыми будет наполнена эта глава, я полностью полагаюсь на его свидетельства.

В июле 1941 года, в результате последовавшего после начала Великой Отечественной войны слияния органов госбезопасности и внутренних дел в единый НКВД,

Первое управление перешло в новый наркомат. 17 июля 1941 года Постановлением ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск» перед разведывательными органами были поставлены следующие задачи:

налаживание работы по выявлению военно-политических планов нацистской Германии и ее сателлитов во время войны;
выявление истинных планов и намерений США и Англии по вопросам ведения войны и послевоенного устройства;

создание спецотрядов для разведывательно-диверсионных операций в тылу противника;

ведение разведки в нейтральных странах с целью недопущения их перехода на сторону стран «оси»;

осуществление научно-технической разведки в целях укрепления военной и экономической мощи СССР.

В итоге функции разведки были разделены между Первым управлением НКВД и созданной в июле 1941 года самостоятельной разведывательно-диверсионной службой — Особой группой (ОГ) при наркоме внутренних дел СССР.

20 июля 1941 года в составе объединенного на базе НКВД и НКГБ СССР Наркомата внутренних дел СССР образовано Первое (Разведывательное) управление. Утвержденная 12 августа 1941 года структура центрального аппарата Первого управления выглядела следующим образом:

а) Руководство разведки (начальник и его заместители) и секретариат.

б) Школа особого назначения (ШОН).

в) Группы «А» и «Б».

г) Отдел «Х» (связь).

д) Оперативные отделы:

1-й (Центральной Европы): Германия, Польша, Чехословакия, Венгрия, украинское отделение;

2-й (Балканский): Болгария, Румыния, Югославия, Греция;

3-й (Западной Европы): Франция, Италия, Швейцария, Испания, Португалия, Бельгия;

4-й (Скандинавский): Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания, Голландия;

5-й (Англо-американский): Англия, США, Канада, Латинская Америка;

6-й (1-й Дальневосточный): Япония, Маньчжурия, Корея;

7-й (2-й Дальневосточный): Китай, Таиланд, Синьцзян;
8-й (Средневосточный): Турция, Иран, Афганистан, Индия;

9-й (совколоний, оперучета, въездных и выездных виз).

В 5-й (Англо-американский) отдел вошло отделение НТР, которое в 1939—1942 годах возглавлял Л. Р. Квасников.

С октября 1941 по февраль 1942 года штаб Первого управления вместе с большей частью служб НКВД находился в эвакуации в Куйбышеве. Семьи сотрудников центрального аппарата внешней разведки были эвакуированы в Алма-Ату и Новосибирск.

В апреле 1943 года НКВД СССР был вновь разделен на наркоматы госбезопасности и внутренних дел. Первое (Разведывательное) управление перешло в ведение НКГБ СССР. В общей сложности к концу войны за рубежом действовало свыше 96 легальных и нелегальных резидентур НКГБ, в отдельных странах (США, Китай, Иран, Великобритания и др.), как и ранее, имелось по несколько разведаппаратов.

В годы Великой Отечественной войны деятельность разведки была подчинена одной задаче — разгрому врага. Лозунг «Все для фронта, все для победы» был законом всех разведчиков. Работа велась по трем основным направлениям:

1. Разведывательно-диверсионные операции в тылу немецко-фашистских войск. Здесь действовало свыше двух тысяч чекистских отрядов и групп. Крупные отряды возглавляли разведчики — Д. Н. Медведев, С. А. Ваупшасов, К. Г. Прокопюк, Д. Н. Орловский, В. А. Карасев, Д. М. Рабцевич. Базируясь в отряде Медведева, совершал свои разведывательные операции и акции возмездия Н. И. Кузнецов.

2. Добыча информации по Германии, Италии, Японии и их сателлитам. Разведка получала данные о планах германского военного командования. Например, в марте 1942 года — о подготовке немецких дивизий для наступления на Сталинградском направлении. В мае 1943 года — о подготовке немцев к наступлению на Курской дуге (сообщение лондонской резидентуры и разведчика Н. И. Кузнецова).

Важную информацию по Японии добывал наш агент в Китае Пенковский. В частности, получил сведения о том, что Япония не собирается нападать на Советский

Союз. Это подтверждало аналогичную информацию Зорге и позволило принять решение о переброске наших войск с Дальнего Востока на запад.

Сотрудники разведки внедрялись в разведывательные и другие подрывные центры противника, в немецкие разведывательные школы. Разведчик Бурханов был внедрен в созданный немцами профашистский так называемый «Туркестанский комитет», где умело вел разведку, «дослужился» до звания майора войск СС.

Агентура нашей разведки стала основным ядром антифашистской организации в Германии, которую гестапо именovalo «Красной капеллой». Во Франции наша агентура создала и возглавила отряды Сопротивления. В Италии агент Калуцци сформировал партизанский отряд, который отважно сражался с фашистами. В бою Калуцци погиб как национальный герой и был награжден итальянцами Золотой медалью.

3. Разведка в странах-союзниках, о их действительных планах и намерениях. Добытые материалы в значительной степени облегчали руководству страны и Советской Армии правильно планировать и проводить боевые операции, координировать свои действия с союзниками. Через агентуру были получены данные о попытках сепаратных переговоров наших союзников с немцами. Особо следует отметить активную работу по добыче необходимой Советскому Союзу информации Кима Филби, Дональда Маклейна и еще некоторых источников в США и Англии.

Бытует представление, что агентурно-оперативные группы сети Разведывательного управления Генерального штаба (так тогда называлось Главное разведывательное управление — ГРУ) и Иностранного отдела (ИНО) НКВД владели надежной агентурой, имевшей доступ в высшие эшелоны военного командования вермахта и политического руководства Германии, и что советское руководство проигнорировало поступавшие из этих источников материалы о подготовке и непосредственных планах развязывания Гитлером войны против Советского Союза.

Разведуправление Генштаба и ИНО НКВД действительно располагали важными источниками информации с выходом на руководящие круги немецкого военного командования и политического руководства, но не име-

ли доступа к документам. К тому же получаемая информация из кругов, близких к Гитлеру, отражала колебания в германском руководстве по вопросу принятия окончательного решения о нападении на Советский Союз.

В начале и середине 30-х годов, как уже выше отмечалось, Берзину, Урицкому, Артузову, Боровичу (по линии Разведупра Красной Армии), Слуцкому, Шпигельгласу, Серебрянскому, Эйтингону (по линии ОГПУ—НКВД) удалось создать в Западной Европе и на Дальнем Востоке (Китай—Япония) мощный агентурно-диверсионный аппарат, располагавший более чем 300 источниками информации. Особую роль в создании этого аппарата сыграли так называемые специальные агенты-нелегалы. Их имена я уже выше называл, но они достойны того, чтобы их можно было повторять неоднократно — это Арнольд Дейч (Ланг), австриец, привлечший к сотрудничеству известную «пятерку» Кима Филби и других в Англии; Теодор Малли, венгр, бывший католический священник, работал в Англии и Франции; Богуславский, поляк, бывший сотрудник разведки генштаба Польши; Шандор Радо, Леопольд Треппер, Рихард Зорге, Эрнст Волльвебер.

В 1939 году была установлена связь с ценным агентом под псевдонимом Друг, который был привлечен к сотрудничеству еще десять лет назад, являясь заместителем шефа штурмовиков Рема. Он считался влиятельным лицом в окружении стремившегося к власти Гитлера. После расстрела Рема Друг содержался германскими властями в заключении. Освободившись в 1939 году, он получил назначение в Шанхай генеральным консулом Германии. Там он регулярно встречался с Зорге, дезавуируя некоторые материалы, переданные последним. Непосредственно с Другом работал заместитель начальника внешней разведки НКВД по Дальнему Востоку Мельников.

Судьба этих людей сложилась по-разному. Дейч погиб в 1942 году на торпедированном немецкой подлодкой советском транспорте, шедшем в Англию. Малли и Богуславского расстреляли по указанию Ежова в годы террора. Радо и Треппер, попортив нервы немцам «Красной капеллой», оказались в лагерях НКВД—МГБ. Зорге повесили японцы. Волльвебер возглавил разведку, потом МГБ ГДР, но стал жертвой интриг Ульбрихта.

Я уже говорил о том, что массовые репрессии в 1937—1938 годах нанесли серьезнейший удар нашим разведслужбам, однако разведывательная деятельность продолжалась. Хотя мы и потеряли временно связь с рядом ценных агентов, агентурным сетям в Скандинавии, Германии и в странах Бенилюкса повезло. Источники информации в Германии (группы Шульце-Бойзена — штаб ВВС, Харнака — министерство экономики, Кукхоффа и Штебе — МИД, Лемана — гестапо) были привлечены к сотрудничеству нелегалами, супругами Зарубиными, резидентом Белкиным, агентом Гиршфельдом, избежавшими репрессий. Связь с ними поддерживалась регулярно. Помимо этих источников, в 1940 году к ним добавились сотрудничавшие с нами на основе доверительных отношений и вербовочных обязательств знаменитая актриса Ольга Чехова и князь Януш Радзивилл, имевшие прямой выход на Геринга. Резиденту НКВД Гудимовичу вместе с женой Морджинской удалось в Варшаве создать мощную группу, осуществлявшую тщательное наблюдение за немецкими перевозками войск и техники в Польшу в 1940—1941 годах.

Серьезные агентурные позиции, как помнит читатель, мы имели также в Италии. Еще в 1937 году нашей разведкой под руководством заместителя начальника ИНО НКВД Шпигельгласа были добыты важные документальные сведения об оперативно-стратегических играх, проведенных командованием рейхсвера (позже вермахта). Этим документам суждено было сыграть значительную роль в развитии событий и изменении действий нашего руководства перед германо-советской войной. Думается, что именно эти действия и побудили Гитлера выступить в 1939 году с инициативой заключения пакта о ненападении. Знаменательно, однако, что зондажные подходы к советскому руководству по осуществлению этой идеи немцы предпочли осуществить не по линии разведки, а по дипломатическим каналам через своего посла в Турции фон Папена еще в апреле 1939 года.

Разведывательные материалы из Берлина, Рима, Токио, что подтверждают и обнародованные ныне архивные документы, регулярно докладывались правительству. Однако руководство разведки не было в курсе, что после визита Молотова в ноябре 1940 года в Берлин начались секретные переговоры с Германией. Таким об-

разом, очевидная неизбежность военного столкновения вместе с тем совмещалась с вполне серьезным рассмотрением предложений Гитлера о разграничении сфер геополитических интересов Германии, Японии, Италии и СССР.

Лишь теперь очевидно, что зондажные беседы Молотова и Шуленбурга, посла Германии в СССР, в феврале—марте 1941 года отражали не только попытку Гитлера ввести Сталина в заблуждение и заставить его врасплох внезапной агрессией, но и колебания в немецких верхах по вопросу о войне с Советским Союзом до победы над Англией. Получаемая советской разведкой информация и дезинформация от Латыша, сотрудничавшего с гестапо, отражала эти колебания. Именно поэтому, думается, нелишне еще раз повторить, что даже надежные источники, сообщая о решении Гитлера напасть на СССР (донесения Харнака, Шульце-Бойзена, жены видного германского дипломата (кодовое имя Юна), близкого к Риббентропу) в сентябре 1940 — мае 1941 года, не ручались за достоверность полученных данных и со ссылками на Геринга увязывали в той или иной мере готовящуюся агрессию Гитлера против СССР с возможной договоренностью о перемирии с англичанами.

К сожалению, правильный вывод об очевидной подготовке к войне на основе поступавшей информации в НКВД связывали также с результатами якобы предстоящих германо-советских переговоров на высшем уровне по территориальным проблемам, а согласно сообщениям из Англии (Филби, Кэрнкросс и др.), и с возможным урегулированием вопроса о прекращении англо-германской войны. До сих пор трудно судить в деталях, насколько в действительности Гитлер всерьез думал договориться со Сталиным. Ведь поступали также данные о том, что Риббентроп последовательно, вплоть до окончательного решения Гитлера, выступал против войны с Россией, во всяком случае до тех пор, пока не будет урегулировано англо-германское военное противостояние.

Хотя Сталин с раздражением относился к разведывательным материалам, вместе с тем он стремился использовать их для того, чтобы предотвратить войну путем секретных дипломатических переговоров по территориальным вопросам, а также — через агентурно-оперативную сеть — для доведения до германских военных кругов

информации о неизбежности для Германии длительной войны с Россией. Акцент делался на то, что Советский Союз создал на Урале военно-промышленную базу, неуязвимую для немецкого нападения.

К сожалению, наша разведка, как военная, так и политическая, перехватив данные о сроках нападения и правильно определив неизбежность близкой войны, не спрогнозировала ставку гитлеровского командования на тактику «блицкрига». Это была роковая ошибка, ибо ставка на «блицкриг» указывала на то, что немцы планировали свое нападение независимо от завершения войны с Англией. Крупным недостатком нашей разведывательной работы явилась слабая постановка анализа информации, поступавшей агентурным путем. Убедительным доказательством такого вывода может служить то, что только в ходе войны и в Разведупре, и в НКВД были созданы в системе разведуправлений отделы по постоянной оценке и обработке разведывательной информации, поступавшей из зарубежных источников.

В первый же день войны моему отцу было поручено возглавить всю разведывательно-диверсионную работу в тылу германской армии по линии советских органов госбезопасности. Для этого в НКВД было сформировано специальное подразделение — Особая группа при наркомате внутренних дел. Приказом по наркомату назначение моего отца начальником группы было оформлено 5 июля 1941 года. Его заместителями были назначены Эйтингон, Мельников, Какучая. Начальниками ведущих направлений по борьбе с немецкими вооруженными силами, вторгшимися в Прибалтику, Белоруссию и на Украину, стали Серебрянский, Маклярский, Дроздов, Гудимович, Орлов, Киселев, Масся, Лебедев, Тимашков, Мордвинов. Начальники всех служб и подразделений НКВД приказом по наркомату были обязаны оказывать Особой группе содействие людьми, техникой, вооружением для разрывания разведывательно-диверсионной работы в ближних и дальних тылах немецких войск.

Главными задачами Особой группы были: ведение разведопераций против Германии и ее сателлитов, организация партизанской войны, создание агентурной сети на территориях, находившихся под немецкой оккупацией, руководство специальными радиоиграми с немецкой разведкой с целью дезинформации противника.

Сразу же было создано войсковое соединение Особой группы — Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН НКВД СССР), которой командовали в разное время Гриднев и Орлов (о том, как и из кого она формировалась, рассказано в интервью, которое приведено выше). По решению ЦК партии и Коминтерна всем политическим эмигрантам, находившимся в Советском Союзе, было предложено вступить в это соединение Особой группы НКВД. Бригада формировалась в первые дни войны на стадионе «Динамо». В ее составе вскоре были более двадцати пяти тысяч солдат и командиров, из них две тысячи иностранцев — немцев, австрийцев, испанцев, американцев, китайцев, вьетнамцев, поляков, чехов, болгар и румын. Среди 320 добровольцев — бывших воинов армии республиканской Испании, вступивших на путь партизанской борьбы на временно оккупированной территории Советского Союза, было пятнадцать капитанов, двадцать девять майоров, четыре подполковника и семьдесят четыре политработника республиканской армии. Все они прошли без малого трехлетнюю школу гражданской войны в Испании, хотя и несопоставимой по масштабам с Великой Отечественной, но войны современной.

Так, подполковник Доминго Унгрия, у которого моему отцу довелось быть советником в Испании, командовал там прославленным 14-м партизанским корпусом, четверо были командирами дивизий, еще четверо — комиссарами дивизий, десять — командирами бригад и десять — комиссарами бригад. В числе этих добровольцев было тридцать пять летчиков и авиационных техников, двадцать пять моряков. Семь человек имели опыт партизанской борьбы, шестнадцать — опыт подпольной деятельности в Испании.

В октябре 1941 года Особая группа в связи с расширенным объемом работ была реорганизована в самостоятельный 2-й отдел НКВД и находилась по-прежнему в непосредственном подчинении Берия. Мой отец продолжал одновременно оставаться заместителем начальника закордонной разведки НКВД.

Начавшаяся война резко изменила отношение советского руководства к разведывательной работе и поступавшей информации. Была проведена реорганизация разведывательных органов. В Генштабе было создано два

разведуправления: одно — во главе с Ф. Кузнецовым — для непосредственного обслуживания нужд фронтов и Ставки в войне с Германией, и другое — во главе с И. Ильичевым — для координации зарубежной разведки в США, Англии и других районах, не ставших немецкими оккупационными зонами. Первое (Разведывательное) управление разделилось в 1942 году на два: Четвертое — во главе с моим отцом — для разведывательно-диверсионной работы против немцев и Японии на нашей территории, в оккупированных странах Европы и на Ближнем Востоке; и Первое — во главе с П. М. Фитиным, сфера действий которого распространялась на США, Англию, Латинскую Америку, Индию, Австралию и т. д. Военно-Морской Флот свое Разведуправление во главе с Воронцовым не разделил.

Самостоятельный отдел по заброске агентуры и диверсионных групп в тыл немецких вооруженных сил был создан в 1943 году во главе с Селивановским в военной контрразведке СМЕРШ. Разведывательный отдел во главе с руководителями НКВД Украины и Белоруссии Т. Строкачом и С. Бельченко действовал также в Центральном штабе партизанского движения, однако он выполнял в основном координационные функции, не ведя агентурной разведки в тылу германских войск без взаимодействия с военной разведкой, НКВД и военной контрразведкой. Некоторую самостоятельность проявляли лишь партийные и комсомольские функционеры, которые вели главным образом пропагандистскую работу в тылах противника. Однако и они полагались в основном на конспиративное обеспечение своей деятельности по линии нашей военной разведки и НКВД.

Добытая важная информация докладывалась Сталину, а непосредственную координацию разведывательной работы осуществляли вначале Молотов, затем Голиков, а в конце войны — Берия. Кроме того, с началом боевых действий в каждом разведуправлении были созданы отделы по обработке и анализу ценных сведений, что в значительной мере облегчало задачу Ставки при принятии решений. Разведывательные органы СССР приняли самое активное участие в развитии партизанского движения в тылу германских войск. Они стали главной опорной военно-учебной базой этого движения. Партизаны оказали большую помощь фронтовым органам разведки

Красной Армии. Этой теме справедливо посвящено много трудов.

Война, известно, жестокая работа. Она перемалывала тысячи людских жизней. Касалось это и разведки. Она постоянно нуждалась в квалифицированных кадрах. Мой отец предложил, чтобы из тюрем были освобождены бывшие сотрудники разведки и госбезопасности. В основном это были люди, которых отец или его заместитель Николай Мельников знали лично и могли за них поручиться. Выше уже рассказывалось, как был вызволен из застенков Серебрянский. Также освобождались из тюремных камер Соболев, Клюкин, Куцин (бывший в свое время заместителем Эйтингона по Шанхаю), Кочетков, Золотарь, Лукин, Фролов, Агабеков (не путать с перебежчиком), Перминов, Терехов, Беляев, Якушев-Бабкин, Мирошниченко, Каминский. Иван Николаевич Каминский был исключительно интереснейшим человеком, талантливейшим разведчиком. Он прекрасно владел польским, украинским, немецким языками, прекрасно знал Западную Европу. Это, между прочим, он сообщил о готовящемся покушении на наркоминдела Литвинова, когда тот должен был оказаться в США для встречи с Рузвельтом по вопросу признания Соединенными Штатами СССР. Предпринятые меры позволили вовремя предотвратить теракт, который готовила группа противников сближения наших стран. Все они были упряманы на некоторое время за решетку.

Кроме сидевших в тюрьмах, была возвращена большая группа чекистов, уволенных ранее из органов, среди них Дмитрий Медведев, Лопатин, Прокопюк и другие. Циничность Берия и простота в решении людских судеб, по словам моего отца, ясно проявились в его реакции на это предложение:

«Берия совершенно не интересовало, виновны или невиновны те, кого мы рекомендовали для работы. Он задал единственный вопрос:

— Вы уверены, что они нам нужны?

— Совершенно уверен, — ответил я.

— Тогда свяжитесь с Кобуловым, пусть их освободит. И немедленно используйте всех по назначению.

Я получил для просмотра дела запрошенных мною людей. Из них следовало, что все были арестованы по инициативе и прямому приказу высшего руководства — Сталина и Молото-

ва. К несчастью, Шпигельглас, Карин, Малли и другие разведчики к этому времени были уже расстреляны.

После освобождения некоторые мои близкие друзья оказались без жилья в Москве: их семьи были выселены из столицы. Все они поселились у меня на квартире, на улице Горького, в доме, где находился спортивный магазин «Динамо». Этажом выше была квартира Меркулова, первого заместителя Берия, который иногда спускался ко мне, если надо было обсудить что-нибудь срочное. Обе наши квартиры использовались также как явочные для встреч с иностранными дипломатами. Случилось так, что Меркулов позвонил мне как раз в тот момент, когда в гостиной сидели мои «постояльцы», и, поскольку он собирался зайти, чтобы поговорить о неотложных делах, пришлось спрятать их в спальне, чтобы избежать встречи наркома с недавно выпущенными на свободу бывшими «преступниками».

Из четырех друзей, живших у меня на квартире, очень опытным сотрудником, как я уже выше говорил, был Каминский — он оставался у меня до тех пор, пока его не послали в Житомир, в тыл к немцам. В пенсне и костюме-тройке Каминский напоминал типичного французского бизнесмена. Провожая его, моя жена не смогла сдержать слез. Сам Каминский излучал оптимизм. По его словам, он по-настоящему счастлив, что его снова привлекли к работе. Перемежая свою речь французскими анекдотами, чтобы немного успокоить мою жену, Каминский говорил, что для него это большая удача, даже если ему и суждено умереть.

Его выдали сразу же после приземления в Житомире. Это сделал священник, агент местного НКВД, который к этому времени уже сотрудничал с гестапо. Каминский сразу почувствовал засаду, устроенную на явочной квартире, и застрелился. О его судьбе мы узнали через три или четыре месяца. Все, кто находился рядом с ним, были блокированы и убиты в перестрелке. Другие чекисты, освобожденные из тюрьмы и ранее уволенные, приступили к работе в органах, но с понижением в должности. Большинство из них были посланы во главе спецгрупп в тыл к немцам. Часть из них погибла, но некоторые — Медведев и Прокопюк — получили звание Героя Советского Союза за успешные партизанские операции в тылу у немцев.

Репрессии 1938—1939 годов многому меня научили: я не был теперь настолько наивен, чтобы подписывать документы на реабилитацию своих друзей, освобожденных из тюрьмы в

1941 году. Моя репутация уже была «подмочена связью с этими людьми», арестованными как «враги народа». Для того чтобы их реабилитация выглядела объективно оправданной, я попросил Фитина подписать документы, необходимые для возвращения в строй людей, особенно близких мне. Это оказалось дальновидным шагом: в 1946 и 1953 годах, когда меня обвиняли в том, что я способствовал освобождению своих друзей, являвшихся «врагами народа», я имел возможность сослаться на подпись Фитина. В судьбе Серебрянского мое ходатайство о его восстановлении в партии в 1941 году сыграло роковую роль: в 1953 году его обвинили в том, что он избежал высшей меры наказания только благодаря заступничеству такого изменника, как я. Он умер в тюрьме на допросе у следователя Цареградского в 1956 году».

26 июня 1941 года мой отец получил еще одно назначение — на должность заместителя начальника штаба НКВД по борьбе с немецкими парашютными десантами. В 1942 году под его начало было передано отборное подразделение десантников. Им была придана эскадрилья транспортных самолетов и бомбардировщиков дальнего действия. На протяжении всей войны они поддерживали тесное сотрудничество с командующим авиацией дальнего действия маршалом Головановым, близким другом Эйтингона по Военной академии.

Ситуация на фронте после вторжения немцев складывалась, как известно, трагически. Мощь германской танковой армады превосходила все предварительные данные, полученные разведкой и по официальным каналам. Масштабы поражения Красной Армии в Прибалтике, Белоруссии и на Украине ошеломляли. До августа 1941 года советские разведслужбы предприняли несколько диверсионных операций по спасению частей Красной Армии, попавших в окружение, однако попытки не удались: эти части оказались рассеянными и больше не могли быть базой для развертывания партизанской войны.

Затем, при взаимодействии с районными и местными партийными организациями, начали засылаться партизанские формирования в тыл к немцам, включая в их состав опытных офицеров-разведчиков и радистов. В годы войны Особая группа — Четвертое управление НКВД и ее войсковые соединения, как следует из официальных документов, выполняли ответственные задания Ставки Верховного Главнокомандования (1941—1945), Шта-

ба обороны Москвы (октябрь—декабрь 1941), командующего Западным фронтом (1941—1943), Штаба обороны Главного Кавказского хребта (1942—1943), командующего Северо-Кавказским фронтом (1942—1943), командующего Закавказским фронтом (1942—1943), командующего Центральным фронтом (1943—1944), командующего 1-м Белорусским фронтом (1943—1944).

В тыл врага было направлено более двух тысяч оперативных групп общей численностью пятнадцать тысяч человек. Двадцать три офицера получили высшую правительственную награду — им присвоили звание Героя Советского Союза. Более восьми тысяч человек наградили орденами и медалями. Маршалы Жуков и Рокоссовский специально обращались в НКВД с просьбой о выделении им отрядов из состава Четвертого управления НКВД для уничтожения вражеских коммуникаций и поддержки наступательных операций Красной Армии в Белоруссии, Польши и на Кавказе. Подразделения Четвертого управления и Отдельной мотострелковой бригады особого назначения уничтожили 157 тысяч немецких солдат и офицеров, ликвидировали 87 высокопоставленных немецких чиновников, разоблачили и обезвредили 2045 агентурных групп противника.

Думаю, в этом есть и немалая доля заслуг моего отца и его друга — Наума Эйтингона, которые умело руководили всеми этими операциями. В истории НКВД это, пожалуй, единственная глава, которой продолжают гордиться его преемники. На всех официальных мероприятиях, посвященных очередной годовщине битвы под Москвой или Сталинградом, а также освобождению Белоруссии, всегда упоминают имена партизан и подпольщиков, находившихся под командованием НКВД. Кузнецов, Медведев, Прокопюк, Ваупшасов, Карасев, Мирковский, Прудников, Шихов, Кудря, Лягин были и остаются истинными героями сопротивления фашизму на оккупированных территориях.

С 1945 по 1992 год у нас в стране издано приблизительно пять тысяч книг и статей о боевых операциях Особой группы и Четвертого управления НКВД в Великой Отечественной войне. В эти годы мой отец находился на действительной службе, затем был арестован, заключен в тюрьму, наконец выпущен из тюрьмы и реабилитирован. И ни в одной из этих публикаций вы не найде-

те имени моего отца. Там, где на документах стояла его подпись, появилось многоточие. Сначала его не упоминали по соображениям секретности, а позднее имя Судоплатова изымалось, поскольку он являлся осужденным «преступником», а вернее сказать, нежелательным свидетелем для многих сильных мира сего. Следует, однако, привести и тот факт, что в сборниках, выходивших под редакцией моего отца, изданных в 1970—1992 годах, названо более трех тысяч имен героев, воевавших в Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения.

Как и прежде, основываясь на свидетельствах отца, дальше я хотел бы остановиться на важнейших операциях советской разведки, рассказать о героях тайной войны, о которых мало знают, но которые сыграли заметную роль в военно-политических событиях того времени.

Существенный вклад в наши разведывательно-диверсионные операции в тылу противника внесло партизанское соединение под командованием полковника Медведева. Ему первому удалось выйти на связи Отто Скорцени, руководителя спецопераций гитлеровской службы безопасности. Дмитрий Медведев и Николай Кузнецов установили, что Скорцени готовит группы нападения на американское и советское посольства в Тегеране, где в 1943 году должна была состояться первая конференция «Большой тройки». Группа боевиков Скорцени проходила подготовку возле Винницы, где действовал партизанский отряд Медведева. Именно здесь, на захваченной нацистами территории, Гитлер разместил филиал своей ставки.

Молодой сотрудник Особой группы Николай Кузнецов под видом старшего лейтенанта вермахта установил дружеские отношения с офицером немецкой спецслужбы Остером, как раз занятым поиском людей, имеющих опыт борьбы с русскими партизанами. Эти люди нужны были ему для операции против высшего советского командования. Задолжав Кузнецову, Остер предложил расплатиться с ним иранскими коврами, которые собирался привезти в Винницу из деловой поездки в Тегеран. Это сообщение, немедленно переданное в Москву, совпало с информацией из других источников и помогло предотвратить акции в Тегеране против «Большой тройки».

Кузнецов (кодовое имя Пух) лично ликвидировал нескольких губернаторов немецкой администрации в Галиции. Эти акты возмездия организаторам террора против советских людей были совершены им с беспримерной храбростью среди бела дня на улицах Ровно и Львова. Одетый в немецкую военную форму, он смело подходил к противнику, объявлял о вынесенном смертном приговоре и стрелял в упор. Каждая тщательно подготовленная акция такого рода страховалась боевой группой поддержки.

Однажды его принимал помощник Гитлера гауляйтер Эрих Кох, глава администрации Польши и Галиции. Кузнецов должен был убить его. Но когда Кох сказал Кузнецову, чтобы тот как можно скорее возвращался в свою часть, потому что возле Курска должно начаться в ближайшие десять дней крупное наступление, Кузнецов принял решение не убивать Коха, чтобы иметь возможность незамедлительно вернуться к Медведеву и передать срочную радиограмму в Москву.

По заданию Ставки информация Кузнецова о подготовке немцами стратегической наступательной операции была перепроверена и подтверждена посланными в оккупированный Орел разведчиками Алексахиным и Воробьевым.

Вокруг личности Кузнецова ходят разного рода слухи, ставящие под сомнение, что он мог так долго и успешно играть роль немецкого офицера. Приходилось слышать о том, что он был послан в Германию еще до начала войны. Активисты «Мемориала», организации, объединяющей узников ГУЛАГа, старались связать его имя с репрессиями против немцев, депортированных в Казахстан из Сибири и Поволжья. Кузнецов никакого отношения к этому не имел. Он был русским, родом из Сибири, хорошо знал немецкий язык и бегло говорил на нем, потому что жил среди проживающих там немцев. Его привлек к работе местный НКВД и в 1939 году направил в Москву на учебу. Он готовился индивидуально, как специальный агент для возможного использования против немецкого посольства в Москве.

Красивый блондин, он мог сойти за немца, то есть советского гражданина немецкого происхождения. У него была сеть осведомителей среди московских артистов. В качестве актера он был представлен некоторым иностран-

ным дипломатам. Постепенно немецкие посольские работники стали обращать внимание на интересного молодого человека типично арийской внешности, с прочно установившейся репутацией знатока балета. Им руководили Райхман, заместитель начальника Управления контрразведки, и Ильин, комиссар госбезопасности по работе с интеллигенцией. Кузнецов, выполняя их задания, всегда получал максимум информации не только от дипломатических работников, но и от друзей, которых заводил в среде артистов и писателей. Личное дело агента Кузнецова содержит сведения о нем как о любовнике большинства московских балетных звезд, некоторых из них в интересах дела он делил с немецкими дипломатами.

Кузнецов участвовал в операциях по перехвату немецкой диппочты, поскольку время от времени дипкурьеры останавливались в гостиницах «Метрополь» и «Националь», а не в немецком посольстве. Пользуясь своими дипломатическими связями, Кузнецов имел возможность предупреждать НКВД о том, когда собираются приехать дипкурьеры и когда можно будет нашим агентам, размещенным в этих отелях и снабженным необходимым фотооборудованием, быстро переснять документы.

В 1942 году Кузнецов был заброшен в район Ровно. Появился он там в форме немецкого офицера интендантской службы. По легенде, разработанной в НКВД, Кузнецов якобы находился в отпуске по ранению и ему поручено организовать доставку продовольствия и теплой одежды для его дивизии, расположенной под Ленинградом. Он выдавал себя за немца, несколько лет прожившего в Прибалтике, где и был мобилизован. По его словам, в Германию он возвратился только в 1940 году в качестве репатрианта. Шла война, перемещение людей было весьма интенсивным, абверу или гестапо понадобилось бы много времени для проверки его личности. Документы для его работы в немецком тылу были изготовлены австрийцем Миллером и его учеником Громушкиным. В подготовке Кузнецова к операциям в тылу немцев активно участвовал наш оперативный работник Окунь. Мой отец много рассказывал мне о том, как провел с Кузнецовым многие часы, готовя к будущим заданиям. Он вспоминал о нем как о человеке редкого таланта оставаться спокойным при выполнении боевых заданий, реалистичном и разумном в своих действиях.

Но постепенно Кузнецов начал очень верить в свою удачу и совершил роковую ошибку, пытаясь пересечь линию фронта для встречи с частями Красной Армии. Кузнецова и его людей схватили бандеровцы, сотрудничавшие с немцами. Это произошло в 1944 году в одной из деревень возле Львова. Расследование советских спецслужб в дальнейшем показало, что Кузнецов подорвал себя ручной гранатой: в архивах гестапо была обнаружена телеграмма, в которой бандеровцы сообщали гестапо о захвате группы офицеров Красной Армии, один из которых был одет в немецкую форму. Бандеровцы считали, что этот человек, убитый в перестрелке, был именно тем, кого все это время безуспешно искали немецкие спецслужбы. Немцам были переданы некоторые поддельные документы, изготовленные на имя обер-лейтенанта Пауля Зиберта (псевдоним Кузнецова), и часть доклада Кузнецова Центру с сообщением поразительных подробностей уничтожения высокопоставленных немецких представителей на Украине. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Операции, проведенные боевыми группами партизан, порой приобретали стратегическое значение и сыграли важную роль в дезорганизации тыловых коммуникаций, когда в 1944 году развернулось наше наступление в Белоруссии. Эти операции известны как «Рельсовая война», или «Концерт». В канун наступления в Белоруссии партизаны вывели из строя основные железнодорожные линии снабжения немецкой армии.

Есть данные, что в период напряженных боев под Москвой в ноябре 1941 года опергруппа и рейдовый партизанский отряд под командованием В. А. Карасева разгромили один из немецких войсковых штабов. По линии НКВД силами диверсионных отрядов Особой группы было осуществлено минирование шоссейных дорог под Москвой и Тулой, что снизило наступательные возможности немецких танковых группировок.

Партизаны Отдельной бригады специального назначения также оказали весьма существенную помощь частям Красной Армии в ходе битвы под Москвой. Когда осенью 1941 года немцы подошли к столице, Отдельная бригада НКВД получила задание во что бы то ни стало защитить центр Москвы и Кремль. Ее бойцы заняли позиции в Доме союзов, в непосредственной близости от

Кремля. В этот критический для судьбы столицы момент Отдельная бригада была, пожалуй, единственным боевым формированием, имевшим достаточное количество мин и людей, способных их установить. По прямому указанию Генерального штаба и лично Жукова минировали дальние и ближние подступы к Москве, а моторизованная часть бригады помогла ликвидировать немецких мотоциклистов и бронетранспортеры, прорвавшиеся к мосту через Москву-реку в районе аэропорта Шереметьево. Ближе этого места пройти к Москве немцы уже не смогли. Сегодня здесь стоят в память о тех днях огромные противотанковые надолбы — символ мужества защитников столицы.

На тот случай, если немцам удастся захватить город, особая бригада НКВД заминировала в Москве ряд зданий, где могли бы проводиться совещания высшего немецкого командования, а также важные сооружения как в столице, так и вокруг нее. Было также заминировано несколько правительственных дач под Москвой (среди них, правда, не было дачи Сталина).

Мой отец неоднократно рассказывал разные случаи. Вот, в частности, один из них.

В ходе подготовки диверсантов ему вместе с Малярским довелось инструктировать молодого сотрудника Игоря Щорса, поступившего на службу в НКВД в 1940 году. В итоге они снабдили его документами и устроили на работу главным инженером водного хозяйства в пригороде Москвы, недалеко от сталинской дачи. В случае занятия этого района немцами ему надлежало использовать системы водопровода и канализации для диверсий и укрытия агентов. В результате бомбардировок часть водопроводных труб оказалась поврежденной, и это мешало нормальной подаче воды на дачу Сталина. Щорс руководил ремонтными работами, которые вели сотрудники охраны, аварии удалось быстро ликвидировать за три часа. Его наградили орденом «Знак Почета», но получить эту награду он не смог, так как она была присвоена человеку, чьи документы Щорс использовал для устройства на работу, а в то время нельзя было раскрыть его настоящее имя. В 1945 году Щорса послали в Болгарию, где он должен был обеспечить добычу и отправку урана в Советский Союз для нашей атомной промышленности.

После ареста моего отца в 1953 году он узнал, что обвиняется еще и в том, что планировал использовать мины, установленные на правительственных дачах, для уничтожения советских руководителей. Следователи заявляли, что мины могут быть приведены в действие дистанционным управлением по приказу Берия для уничтожения преемников Сталина. Все это было грубым вымыслом. Но так было.

В октябре 1941 года Москве грозила серьезная опасность. Большинство аппарата НКВД и семьи его сотрудников были эвакуированы на восток. Те, кто оставался в Москве, переехали с Лубянки в помещение Пожарного училища, располагавшегося в северном пригороде столицы возле штаб-квартиры Коминтерна. Отец сидел в комнате с Серовым, Чернышевым и Богданом Кобуловым, заместителями Берия. Это был запасной пункт командования силами НКВД, созданный на случай боевых действий в городе, если бы немцы прорвали нашу оборону.

В эти дни по приказанию Берия отец занимался комплектованием разведсети в Москве. Было создано три независимые друг от друга разведывательные сети. Одной руководил его старый приятель с Украины майор Дроздов (позднее он получил звание генерала). В целях конспирации его сделали заместителем начальника Аптечного управления Москвы. Он должен был в случае занятия Москвы поставлять лекарства немецкому командованию и войти к нему в доверие. В Москве его не знали, так как он был назначен заместителем начальника московской милиции всего за несколько месяцев до начала войны.

Очень большую работу по подготовке московского подполья и по мобилизации агентуры для противодействия диверсиям немцев в Москве проводил Федосеев — начальник контрразведывательного отдела Управления НКВД по Москве. По линии разведки за эту работу отвечали Маклярский и Масся. Одним из подпольщиков, на котором остановил свой выбор Берия, был Павел Яковлевич Мешик. В 1953 году его — министра внутренних дел Украинской ССР — расстреляли вместе с Берия. Помимо этих двух агентурных сетей, была создана еще одна автономная группа, которая должна была уничтожить Гитлера и его окружение, если бы они появились в Москве после ее взятия. Эта операция была поручена

композитору Книпперу, брату Ольги Чеховой, и его жене Марине Гарикивне. Руководить подпольем должен был Федотов — начальник Главного контрразведывательного управления НКВД.

В разных книгах, в частности в мемуарах Хрущева, говорится об охватившей Сталина панике в первые дни войны. Однако мой отец утверждал, что не наблюдал ничего подобного. Сталин не укрывался на своей даче. Опубликованные записи кремлевского журнала посетителей показывают, что он регулярно принимал людей и непосредственно следил за ухудшавшейся с каждым днем ситуацией. С самого начала войны Сталин принимал у себя в Кремле Берия и Меркулова два или три раза в день. Обычно они возвращались в НКВД поздно вечером, а иногда передавали свои приказы непосредственно из Кремля.

«Мне казалось, — вспоминал отец, — что механизм управления и контроля за исполнением приказов работал без всяких сбоев. И Эйтингон, и я жили глубокой верой в конечную победу над немцами, что в немалой степени объяснялось тем, как спокойно, по-деловому осуществлялось ежедневное руководство сверху. Должен заметить, что иногда было чрезвычайно трудно выполнять получаемые приказы. Когда в октябре 1941 года меня вызвали в кабинет Берия, где находился Маленков, и приказали заминировать наиболее важные сооружения в Москве и на подступах к ней, такие, как главные железнодорожные вокзалы, объекты оборонной промышленности, некоторые жилые здания, некоторые станции метрополитена и стадион «Динамо», взрывчатка должна была быть готова уже через двадцать четыре часа. Мы трудились круглые сутки, чтобы выполнить приказ. А Маленков и Берия в это время без отдыха, спокойно, по-деловому работали в НКВД на Лубянке».

6 ноября 1941 года отец получил приглашение на торжественное заседание, посвященное Октябрьской революции, которое должно было проходить не в Большом театре, а из соображений безопасности — на платформе станции метро «Маяковская».

«Мы спустились на эскалаторе и вышли на платформу, — вспоминал отец. — С одной стороны стоял электропоезд с открытыми дверями, где были столы с бутербродами и прохладительными напитками. В конце платформы находилась трибуна для членов Политбюро.

Правительство приехало на поезде с другой стороны платформы. Сталин вышел из вагона в сопровождении Берия и Маленкова. Собрание открыл председатель Моссовета Пронин. Сталин выступал примерно в течение получаса. На меня его речь произвела глубокое впечатление: твердость и уверенность вождя убеждали в нашей способности противостоять врагу. На следующий день состоялся традиционный парад на Красной площади, проходивший с огромным энтузиазмом, несмотря на обильный снегопад. На моем пропуске стоял штамп: «Проход всюду» — это означало, что я могу пройти и на главную трибуну Мавзолея, где стояли принимавшие парад советские руководители.

Берия и Меркулов предупредили меня, что в случае чрезвычайных происшествий я должен немедленно доложить им, поднявшись на Мавзолей. Ситуация на самом деле была критической: передовые части немцев находились совсем близко от города. Среди оперативных работников, обслуживающих парад, были молодой Фишер, начальник отделения связи нашей службы, и радист со всем необходимым оборудованием. Мы поддерживали постоянную связь со штабом бригады, защищавшей Москву. Снегопад был таким густым, что немцы не смогли послать самолеты для бомбового удара по Красной площади. Приказ войскам, участвовавшим в параде, был четок: что бы ни случилось, оставаться спокойными и поддерживать дисциплину. Этот парад еще больше укрепил нашу веру в возможность защитить Москву и в конце концов одержать победу над врагом.

Даже в эти тревожные для страны часы мы искали слабые места противника, чтобы повернуть ход событий в нашу пользу. Ценную информацию мы получили от графа Нелидова, бывшего офицера царской и Белой армии, крупного двойного агента абвера и английской разведки. По заданию Канариса граф Нелидов принимал участие в стратегических военных «играх» германского генштаба в 1936—1937 годах. Накануне вторжения немцев в Польшу (он был в Варшаве с разведывательной миссией) его арестовала польская контрразведка. Захватив Западную Украину в 1939 году, мы обнаружили его во Львовской тюрьме и привезли в Москву.

Нелидова разрабатывали Василий Зарубин, Зоя Рыбкина и Павел Журавлев, начальник немецкого направления разведки НКВД. В 1941—1942 годах Нелидова планировали использовать в противодействие агентам английской разведки, обособившейся в Москве. Тогда показаниям Нелидова об основ-

ной установке абвера в разведывательно-диверсионной работе на действия в условиях молниеносной войны Журавлев, Рыбкина и я не придали должного значения. Однако обстановка резко изменилась после наших поражений в первые дни и месяцы войны. Тут-то мы и возвратились к первым допросам Нелидова. Его показания сопоставили с материалами, полученными в 1937 году от Шпигельгласа о военно-стратегических «играх» в штабе вермахта, и ставка немцев на «блицкриг» стала очевидной для всех. Реакция Сталина на наше сообщение была незамедлительной. Для развернутых допросов Нелидова и ознакомления со всеми оперативными документами 30-х годов в НКВД прибыли начальник Разведупра Красной Армии Голиков и начальник Оперативного управления Генштаба генерал-майор Василевский. На них произвели большое впечатление его осведомленность, связи и характеристика настроений германского высшего командования».

Нелидов рассказал, что немцы могут нанести нам поражение только в том случае, если война будет продолжаться два или три месяца. Но если в течение этого времени они не овладеют Ленинградом, Москвой, Киевом, Донбассом, Северным Кавказом и, конечно, Баку с его нефтью, немецкое вторжение обречено на провал. Огромное количество танков и моторизованных соединений, необходимых для «блицкрига», могли эффективно действовать лишь на территории с достаточно развитой сетью дорог, а для ведения затяжной войны у немцев не было резерва топлива, особенно для судов германского флота, и в частности подлодок.

В октябре и ноябре 1941 года советская разведка получила надежную информацию из Берлина о том, что немецкая армия почти исчерпала запасы боеприпасов, нефти и бензина для продолжения активных наступательных операций. Все указывало на приближение неизбежной паузы в немецком наступлении. Эти данные передал Арвид Харнак (кодовое имя Корсиканец), антифашист, советник министерства экономики Германии. Член известной семьи писателей и философов, он был привлечен к сотрудничеству во время его визита в Советский Союз в 1932 году и с тех пор целое десятилетие поставлял информацию советской разведке, пока его не разоблачили. В декабре 1942 года его судили и повесили. Его жена, американка Мильдред Фиш Харнак, с которой он познакомился во время учебы в университе-

те штата Висконсин, была также арестована и казнена в 1945 году за антифашистскую деятельность.

В марте 1939 года, когда мой отец стал заместителем начальника разведки НКВД, одной из его главных задач стало внедрение нелегалов в Западной Европе и создание агентурной сети, связанной с немцами, имевшими дипломатическое прикрытие. Особенно это касалось Германии, являвшейся центром внимания всей разведработы. После репрессий 1937—1938 годов германскими делами в разведке стали заниматься новые люди, и контакты советских разведслужб с агентами оказались временно прерванными. Было принято решение резко активизировать эти контакты. Бегство Александра Орлова в 1938 году бросило подозрение на руководящие кадры Иностранного отдела; арестовали Шпигельгласа, Малли, Белкина, Серебрянского и других сотрудников, контролировавших агентурные сети в Западной Европе, что существенно затруднило получение разведывательной информации. Когда отец возглавил этот участок, ему пришлось посылать за рубеж новых и зачастую неопытных людей. В результате с ноября 1938 по март 1939 года поступление разведданных из Западной Европы резко сократилось. Решение, принятое Берия и Сталиным в 1939 году, об открытии специальной разведывательной школы для подготовки кадров означало, что первых специалистов страна получит не раньше чем через два года. Между тем потребность в этих кадрах становилась все более острой. Обстановка с каждым днем накалялась: Адольф Гитлер дал указание генштабу вермахта спешно готовиться к захвату Польши.

Перспективы развязывания войны в Европе вырисовывались все отчетливее. Сталин требовал от Берия подробностей о немецких боевых формированиях и стратегических планах Берлина.

Мой отец отмечал, что, поскольку люди, которые раньше отвечали за агентурную сеть в Западной Европе (Орлов в Испании, Кривицкий в Голландии, Рейсс и Штейнберг в Швейцарии), либо стали перебежчиками, либо подверглись репрессиям, было крайне трудно убедить Берия и Меркулова пойти на риск и активизировать те структуры, которыми они в свое время руководили. К счастью, не все, кто занимался отбором и вербовкой агентов, были репрессированы. Некоторые, как, напри-

мер, Ланг и Гиршфельд, временно числились в действующем резерве, пока наверху решалась их дальнейшая судьба. В Берлине и Париже по-прежнему находились наши люди. Возобновила свою деятельность кембриджская группа, вопреки опасениям, что ее засветил перебежавший на Запад Орлов. В конце концов отцу удалось убедить Фитина, что следует все же идти на риск и восстановить свои старые агентурные связи, как бы это ни было опасно. Они вышли со своим предложением к Берия, и тот был вынужден согласиться с ними.

«Непростое решение о восстановлении прерванных на полгода контактов с нашими агентами было все-таки принято, — рассказывал отец, — хотя мы опасались, что за это время некоторых уже, возможно, схватили и перевербовали. Но был конец апреля 1939 года, и призрак войны на горизонте виделся все яснее.

Я помню, что именно тогда в Центре была решена дальнейшая судьба Кима Филби. Когда из Лондона запросили санкцию на его переход в штаб-квартиру английской разведки, я лично дал согласие при условии, что он сам добровольно примет решение о «двойной игре» с учетом особого риска.

Во Францию новым руководителем нашей резидентуры был направлен Василевский, который должен был восстановить заглохшие связи. В Германию, Финляндию, Польшу и Чехословакию получила назначение группа офицеров. Им потребовалось примерно полгода, чтобы проверить состояние и надежность нашей агентурной сети, с которой последнее время не поддерживалось никаких контактов.

В 1939—1940 годах мы восстановили связи и приступили к активной работе. Созданная военной разведкой и НКВД подпольная сеть, известная как «Красная капелла», действовала в течение почти всей второй мировой войны. Агенты «Красной капеллы» передавали по радио кодированные сообщения в Центр».

Расскажу со слов отца, как все это осуществлялось на практике. Военная разведка имела свою собственную агентурную сеть в Германии, Франции, Бельгии и Швейцарии и действовала независимо от НКВД. В конце 30-х годов военные оказались достаточно дальновидными и послали во Францию и Бельгию двух своих сотрудников — Треппера и Гуревича. Уехали они туда вместе с радистами для работы в условиях военного времени. В этот период военные также имели свою нелегальную ре-

зидентуру в Швейцарии, руководимую бывшим работником венгерской секции Коминтерна Шандором Радо и Урсулой Кучинской (кодовое имя Соня), позднее, в 1941 году, ставшей связной между Центром и немецким физиком Клаусом Фуксом, который работал в Англии.

В подготовке резидентур к оперативной деятельности в Западной Европе в условиях военных действий и перехода на нелегальное положение были допущены серьезные ошибки. Агентурная сеть Треппера, Гуревича и Радо слишком сильно была связана с источниками еврейской национальности, что делало ее уязвимой со стороны германских спецслужб. Руководство Разведупра, так же как и ИНО НКВД, пренебрегло надлежащей подготовкой радистов для поддержания связи в условиях войны. В канун войны НКВД удалось создать мощную агентурную сеть в Германии, руководили ею Амаяк Кобулов, Коротков и Журавлев. У военной разведки в Германии также были важные агенты — Ильза Штебе в отделе печати министерства иностранных дел и Рудольф Шелиа, высокопоставленный немецкий дипломат.

В июне 1941 года, когда Германия напала на СССР, разведка НКВД не имела централизованного контроля над всеми агентурными сетями, посылавшими свои сообщения независимо друг от друга. Разведупр Красной Армии был лучше подготовлен, чтобы переключиться с курьеров и дипломатической почты на подпольные радиопередачи: агенты имели необходимое оборудование. Между тем Иностранный отдел НКЗД только в апреле 1941 года направил в резидентуры Западной Европы указание о подготовке к работе в условиях близкой войны. Амаяка Кобулова и Александра Короткова, находившихся в Европе, обязали ускорить обучение радистов и обеспечить их надежной аппаратурой, а также создать дублирующие радиоквартиры.

Шульце-Бойзен (Старшина), Харнак (Корсиканец) и Кукхоф (Старик), плохо проинструктированные Кобуловым и Коротковым, нарушили элементарное правило конспирации: поддерживали линейную связь. Кроме этого, у всех трех агентов был один радист.

В октябре 1941 года, потеряв связь из-за некачественной аппаратуры и неквалифицированной работы радистов наших агентов в Берлине, Разведуправление во-

енной разведки и НКВД совершили непростительную ошибку. Резидент в Брюсселе Гуревич (Кент) получил по радио шифротелеграмму, в соответствии с которой ему надлежало выехать в Берлин с радиопередатчиком. Он передал его Корсиканцу и Старшине. По возвращении в Брюссель Кент подтвердил по радиосвязи успешное выполнение задания и сообщил в Москву информацию, полученную в Берлине, о трудностях, которые немцы испытывают в снабжении и пополнении резервами, о реалистической оценке немецким командованием провала «блицкрига», о возможном наступлении противника весной—летом 1942 года с целью овладения нашими нефтепромыслами.

Столь ценные сведения, переданные в ноябре 1941 года и подтвержденные спустя три месяца, были доложены правительству, но, к сожалению, не сыграли в должной мере своей роли, ввиду того что 13 декабря 1941 года радист и шифровальщик Кента с кодами были захвачены немецкой контрразведкой, и гестапо не составило большого труда в 1942 году после краткой разработки арестовать руководителей «Красной капеллы» в Берлине и других городах Западной Европы.

5 августа 1942 года Разведупр забросил двух агентов-парашютистов в Германию — Артура Хесслера и Альберта Барта. Но немцы уже держали под наблюдением группу, на связь с которой они были посланы, и их арестовали. Хесслер погиб в гестапо, а Барта немцы перевербовали, и он начал вести с советской разведкой радиоигру, которую, кстати, наши сразу же разгадали. Во время допроса Барт раскрыл советского агента Вилли Ломана (Брайтенбах), который сотрудничал с нами с 1935 года. Леман был сотрудником гестапо и снабжал Москву исключительно важной информацией. Он передал нам в 1935—1941 годах важнейшие материалы о разработках гестапо по внедрению агентуры в среду русских эмигрантов и в коммунистическое подполье.

От Ломана в свое время в Москве также узнали, какие источники польской контрразведки были перевербованы и использовались немцами после разоблачения в 1936 году в Берлине польского резидента Сосновского. К тому же последний попал в наши руки в 1939 году и дал развернутые ориентировки по возможностям польской агентуры в Германии.

Лемана арестовали на улице и тайно, без суда, казнили. Гестапо сообщило жене, что ее муж исчез и его усиленно разыскивают. После войны нашли лишь его регистрационную карточку в архивах тюрьмы Плетцензее в Берлине — других следов о нем не осталось. Леман в годы войны был единственным офицером гестапо, сотрудничавшим с Советским Союзом.

В архивах гестапо были обнаружены сведения о «Красной капелле». И хотя имя Барта там фигурирует, Леман даже не упомянут. Возможно, это вызвано нежеланием бросить тень на гестапо, в рядах которого оказался советский агент. Мой отец не исключал, что гестапо боялось доложить об этом Гитлеру. Барт был взят в плен англичанами и передан нам в 1946 году. Его доставили в Москву, судили и расстреляли за измену.

Несколько слов о работе группы Зорге (Рамзай) в Токио. К информации, поступавшей по этой линии из кругов премьер-министра Коноэ, и высказываниям германского посла Отта в Москве относились с некоторым недоверием. И дело было не только в том, что Зорге привлекли к работе впоследствии репрессированные Берзин и Борович, руководившие Разведупром Красной Армии в 20—30-е годы. Еще до ареста Боровича, непосредственного куратора Зорге, последний получил от высшего руководства санкцию на сотрудничество с немецкой военной разведкой в Японии. Разрешение-то получил, но вместе с тем попал под подозрение, поскольку такого рода спецагентам традиционно не доверяют и регулярно перепроверяют во всех спецслужбах.

В 1937 году исполняющий обязанности начальника Разведупра Гендин в своем сообщении Сталину, подчеркивая двойную игру ценного агента Зорге, добывающего информацию также для Отта, резидента немецкого абвера в Токио, делал вывод, что указанный агент не может пользоваться как источник информации полным доверием.

По мнению моего отца, трагедия Зорге состояла в том, что его героическая работа и поступающие от него сведения практически не использовались нашим командованием. Исключительно важные данные о предстоящем нападении Японии на США, о неприсоединении Японии к германской агрессии против СССР в сентябре—октябре 1941 года так и осели в наших архивах. А

дивизии с Дальнего Востока перебросили под Москву в октябре 1941 года лишь потому, что у Сталина не имелось других готовых к боям резервных боевых соединений. Если же информация Зорге при этом и учитывалась, то не играла существенной роли и в принимаемом решении. Сообщения о том, что японцы не намерены воевать с нами, регулярно поступали с 1941 по 1945 год от наших проверенных агентов, занимавших должности советника японского посольства в Москве и начальника службы жандармерии Квантунской армии, который передавал нам документальные данные о дислокации японских соединений в Маньчжурии. Кроме всего прочего, удалось расшифровать переписку японского посольства в Москве с Токио, из которой следовало, что вторжение в СССР в октябре 1941 года Японией не планировалось.

Поведение Зорге на следствии после его ареста японскими властями вызвало серьезное раздражение в Москве. Он нарушил главную установку советской разведки: никогда не признавать шпионажа в какой-либо форме в пользу Советского Союза. Хотя практика обмена арестованными агентами и разведчиками в 30-е годы являлась очень ограниченной, тем не менее изредка на нее шли. Поляки, например, освободили советского нелегала Федичкина в 1930 году, американцы — резидента НКВД в Нью-Йорке Овакимяна в сентябре 1941 года. Руководство Разведупра ввиду признаний Зорге ни перед кем не ставило вопроса о его возможном обмене.

К августу 1942 года «Красная капелла» в Берлине, включавшая агентов военной разведки и НКВД, была уничтожена. Но в Германии уцелел ряд важных источников информации и агентов влияния. Некоторые агенты гамбургской группы, созданной Серебрянским и Эйтингоном, не связанные с группой Харнака — Шульце-Бойзена и осевшие в концернах «Фарбен индустри» и «Тиссен» в гамбургском порту, уцелели и ушли в подполье. Избежала ареста агент Юна, обосновавшаяся в ведомстве Риббентропа — германском МИДе; не были скомпрометированы Ольга Чехова и польский князь Януш Радзивилл. Однако отсутствовали надежные связники с ними. Два агента НКВД — шведский предприниматель Стринберг (Густав) и популярный актер Карл Герхард (Шансонье) годились разве что на роль курьеров. Поездки Стринберга в Германию оказались малорезультатив-

ными, а Герхарда вскоре выявили немцы, так как он не скрывал своих антигитлеровских настроений. Агентурная сеть во Франции и Швейцарии продолжала работать.

В начале 1941 года Василевский создал сеть нелегалов во Франции. Главной фигурой на связи с ними был полковник Шмидт, ответственный сотрудник шифровальной службы абвера. Василевский узнал, что в начале 1930-х годов Шмидт был завербован французской разведкой. Французские коммунисты, помогавшие людям Василевского, установили, что Шмидт также работал на британскую спецслужбу. Имя английского агента, с которым Шмидт поддерживал контакт во Франции, нам сообщил Маклин еще в 1939 году. По характеру материалов, переданных Шмидтом Василевскому, мы поняли, что англичане регулярно перехватывают и расшифровывают немецкие радиোগраммы. Немцы выследили подозрительные связи Шмидта, и он бесследно исчез.

Сотни радиোগрамм в Москву от «Красной капеллы» из Швейцарии за период с июля 1941 по октябрь 1943 года содержали ценнейшую информацию: приказы немецкого верховного командования, сведения о передвижении войск и массу оперативных подробностей боевых действий. Эта информация передавалась Рудольфом Ресслером (Люци), но он упорно отказывался назвать ее источник советскому резиденту-нелегалу Шандору Радо.

Ресслер, немецкий эмигрант, встретился с Радо, когда Гитлер напал на Советский Союз. Он дал понять, что считает Радо связанным с советской разведкой, и предложил ему передавать информацию из немецких военных кругов. Зная это, в Москве решили, что Люци просто пытается сохранить в тайне свой источник — агента в немецком генштабе.

На самом деле Ресслер передавал информацию, которую получал от англичан. Английская разведка знала о работе группы Радо, поскольку еще накануне войны внедрила своего агента в «Красную капеллу» в Швейцарии. По дипломатическим каналам в Лондоне через английскую миссию связи в Москве англичане не передавали эту информацию, опасаясь, что в НКВД не поверят и потребуют назвать источник. Советские разведслужбы не знали тогда, что у англичан есть аналог немецкой шифровальной машины «Enigma», которую со-

брал в 1938 году для британской спецслужбы польский инженер, работавший ранее на немецком секретном предприятии, выпускавшем эти машины. Англичане держали в строжайшем секрете существование «Enigma», дававшей им возможность дешифровать немецкие радиogramмы. Сведения о ней поступили в Москву в 1945 году от Филби и Кэрнкросса.

Мой отец говорил, что Сталин не доверял англичанам, и для этого были основания.

«Когда мы сравнивали разведанные от наших агентов из Швейцарии и из Лондона, то видели их разительное совпадение. Однако информация из Лондона от кембриджской группы была более полной, а от группы Люци явно отредактированной. Ясно было, что информация Люци дозировалась и редактировалась британскими спецслужбами.

Нашей лондонской резидентуре периодически поставлял расшифрованные радиogramмы Джон Кэрнкросс, работавший в британском шифровальном центре «Блечли парк». Позже, беседуя с моим другом Кукиным — он был резидентом в Лондоне с 1943 по 1947 год и руководил кембриджской группой, — мы признали, что вклад Кэрнкросса в наше общее дело и получаемые от него материалы представляли большую ценность для раскрытия немецких оперативных планов. Дешифрованные материалы, поступающие от Кэрнкросса, имели не только военную ценность, но и позволили нам проследить проникновение английской спецслужбы в группу Радо».

Весной 1943 года, за несколько недель до начала Курской битвы, русская резидентура в Лондоне получила от кембриджской группы информацию о конкретных целях планировавшегося немецкого наступления под кодовым названием операция «Цитадель». В этом сообщении указывалось число немецких дивизий, которые предполагалось использовать, и подчеркивалось, что операция «Цитадель» нацелена на Курск, а не на Великие Луки, то есть не к западу, а к юго-западу от Москвы — там мы не ожидали немецкого наступления. НКВД направил эту информацию советскому Верховному Главнокомандованию 7 мая 1943 года. Сообщение из Лондона содержало более обстоятельные и точные планы немецкого наступления, чем полученные по линии военной разведки от Люци из Женевы. Руководителям военной разведки и НКВД стало совершенно ясно, что англичане передают нам дозированную информацию, но в то же время хо-

тят, чтобы мы сорвали немецкое наступление. Из этого мы сделали вывод, что они заинтересованы не столько в нашей победе, сколько в том, чтобы затянуть боевые действия, которые привели бы к истощению сил обеих сторон.

В начале 1943 года начальник военной разведки генерал Ильичев обратился с письмом в НКВД и к генералу Селивановскому, заместителю начальника военной контрразведки СМЕРШ, с сообщением, что германские спецслужбы проникли в «Красную капеллу». От агента в Брюсселе Гуревича (Кент) было получено зашифрованное предупреждение: он работает под немецким контролем. Было принято решение продолжить эти радиоигры с немцами. Осенью 1943 года в Женеве и Лозанне были арестованы радисты «Красной капеллы», но в Москве все еще продолжали получать информацию из Лондона от советского резидента Кукина, сменившего Горского.

Британская разведка до сих пор не признала факт передачи русской агентурной сети в Швейцарии отредактированных расшифрованных сведений. В Москве, однако, всегда с подозрением относились к «Красной капелле». Ее героическая деятельность в Германии, Франции и Швейцарии не приносила в глазах начальства лавров ни разведке НКВД, ни Разведупру Красной Армии. Никто не относился к ее работе, как приоритетной, потому что дешифрованные приказы немцев, передаваемые англичанами, не содержали бесспорных данных, базировавшихся на подлинных документах, а основывались на устной информации источников.

«Красная капелла» до сих пор рассматривается на Западе как главный источник разведывательной информации, поступавшей в Советский Союз в годы войны, на самом же деле эта информация носила для Москвы второстепенный характер. Тем не менее надо признать, что ее агенты действовали с большим мужеством и высоким профессионализмом и многие из них погибли героической смертью. Руководителей «Красной капеллы» Треппера (Большой шеф), Гуревича (Маленький шеф, или Кент) и Радо (Дора) в Разведупре Красной Армии считали изменниками. Треппер и Радо пытались скрыться от советских властей; их розыск и отправку в Москву осуществили англичане. В Москве их арестовали и посадили в тюрьму на Лубянке.

Треппер и Радо провели в тюрьме по десять лет, прежде чем их освободили и реабилитировали в конце 50-х годов. В своих мемуарах они представили Гуревича как изменника, но ведь именно он захватил, перевербовал и доставил в Москву в 1945 году главного следователя гестапо, занимавшегося делом «Красной капеллы». Когда в ноябре 1942 года Гуревич был взят в гестапо, как выше уже говорилось, ему удалось послать радиогранму, предупреджавшую, что отныне он находится под контролем немцев, а одна из полученных им от НКВД инструкций обязывала его продолжать радиоигры, что он и сделал.

Как только война окончилась, Гуревич сумел убедить офицера гестапо Хайнца Паннвица, который вел дело «Красной капеллы», вступить с нами в контакт. По словам Гуревича, для советской разведки он будет ценным приобретением, поскольку владеет информацией, позволяющей идентифицировать тех, кто симпатизировал русским, и тех, кто был врагом. Это, говорил он, обеспечит Паннвицу амнистию и работу в советских органах безопасности. Находясь в шоке от поражения Германии, Паннвиц принял предложение Гуревича о тайной встрече с русским представителем. Он был задержан и вместе с Гуревичем немедленно доставлен в Москву.

Разоблачения Паннвица, однако, имели лишь ограниченный интерес в глазах руководства разведки. Широкая известность Паннвица на Западе исключала возможность использования его для наших активных операций. Поскольку он мог сообщить о тех осведомителях гестапо, которых советские разведслужбы вместе с британской разведкой все еще продолжали разыскивать, было решено не ликвидировать его, а держать и дальше в тюрьме. Треппер, Радо и Гуревич разделили его судьбу: они остались в живых только потому, что их показания могли понадобиться в дальнейшем. После десяти лет пребывания в тюрьме Паннвица репатриировали в Германию.

С 1946 года Радо и Треппер заявляли, что провал «Красной капеллы» был вызван изменой Гуревича. После смерти Сталина в 1953 году, как сейчас известно, ветераны Коминтерна ходатайствовали о реабилитации Радо и Треппера. Их дело было пересмотрено, и в 1955 году с них сняли обвинение в измене родине, хотя Разведупр

Генштаба и возражало, выдвигая против них и свои обвинения — нарушение правил конспирации и несанкционированное расходование денег. Гуревич был освобожден в 1955 году по амнистии для тех, кто обвинялся в сотрудничестве с немцами, но не реабилитирован.

Гуревич обращался лично к Хрущеву с просьбой разобраться в его деле, но КГБ и военная разведка твердо стояли на своем, намеренно делая его козлом отпущения за провал «Красной капеллы». По специальной справке, подготовленной руководителями разведки КГБ Сахаровским и Коротковым, в 1958 году Гуревича вновь арестовали. Ордер на арест подписали Серов, ставший к тому времени главой КГБ, и Генеральный прокурор Руденко. Гуревича приговорили к двадцати пяти годам тюремного заключения, но в соответствии с новым Уголовным кодексом этот срок был сокращен до пятнадцати лет. Поскольку он уже отсидел почти десять лет, его выпустили через пять лет.

После отбытия полного срока заключения Гуревич обосновался в Ленинграде, где работал переводчиком. Каждый год он подавал на пересмотр своего дела, но КГБ и военная разведка упорствовали, по-прежнему возражая против его реабилитации или нового рассмотрения дела. В официальной истории советской военной разведки, подготовленной в 60—70-е годы, Гуревич представлен как изменник, чьи действия привели к провалу «Красной капеллы» во Франции и Германии. На Западе в книге Жилия Перро «Красная капелла» высказывается та же точка зрения.

В 1990 году военная прокуратура обращалась к моему отцу по делу Гуревича, продолжавшего настаивать на своей реабилитации. Прокуратура нашла документ исключительной важности — служебную записку Генштаба, направленную в адрес НКВД с одобрением радиоприема Гуревича (Кента) с немцами. Когда дело Гуревича стало пересматриваться, выяснилось: единственная вина его заключалась в том, что он без одобрения Центра завел семью на Западе (во Франции). Однако руководство военной разведки продолжало упорно препятствовать восстановлению его прав. После того как в 1991 году Гуревича наконец реабилитировали, Разведупр Генштаба категорически отказало ему в выплате компенсации, назначении военной пенсии и предоставлении статуса

ветерана войны... Его жена умерла в Европе, а сын вместе со своей женой и детьми приезжал в Санкт-Петербург для встречи с отцом. История Гуревича прошла по страницам российской прессы, но никто не задался вопросом: чья злая воля в разведорганах СССР все эти годы продолжала возлагать вину на этого человека?

В воспоминаниях моего отца о Великой Отечественной войне особое место отведено планам советского руководства на мирное завершение войны путем проведения советско-германских переговоров и — в итоге — территориальных уступок:

«Для нас, знавших о существовании у немцев проблем со снабжением армии, директива Сталина стоять до конца в 1941 и 1942 годах и любой ценой остановить врага казалась естественной и разумной. Оглядываясь назад, видишь, что трагические поражения Красной Армии в Белоруссии, потери миллионов человеческих жизней убитыми и взятыми в плен под Киевом были для вермахта всего лишь тактическим успехом. Перед немцами стояла перспектива затяжной войны, для победы в которой у них не было ни необходимых сил, ни материальных ресурсов.

К середине июля 1941 года мы получили два важных сообщения. Одно — по радио из Берлина, другое — от наших дипломатов и разведчиков, интернированных немцами в Италии и Берлине в начале войны. После обмена на германских дипломатов, интернированных в Москве, первый секретарь советского посольства в Берлине Бережков и резидент НКВД Амаяк Кобулов, младший брат заместителя Берия Богдана Кобулова, сообщили, что барон Ботман, сопровождавший поезд с советскими дипломатами, высланными из Германии, намеревался им: может настать время, когда Германия и СССР предпочтут урегулировать свои отношения на основе взаимных уступок.

В изнурительных боях под Смоленском была остановлена танковая армия генерала Гудериана. Росло разочарование в германском верховном командовании, вызванное недостаточно быстрыми темпами продвижения немецких войск в июле 1941 года, о чем сообщил из Берлина Арвид Харнак (Корсиканец)».

Зондажные акции нашей разведки в годы войны были неотъемлемым компонентом ее деятельности, так же как и всех спецслужб воюющих сторон в 1941—1945 годы. Американцы и англичане, кстати, информировали наш МИД о зондажных контактах сотрудников своей раз-

ведки в Швейцарии с представителями немецкой военной оппозиции Гитлеру в 1943 году.

В нашей и зарубежной литературе между тем повседневные зондажные беседы сотрудников разведки и ее крупных агентов в годы войны преподносятся как секретные мирные переговоры. Истина, однако, состоит в том, что за этими беседами стояло лишь стремление выявить дополнительно намерения противника, нащупать возможные формы вовлечения дипломатии с целью отколоть от воюющих сторон союзников или подбросить противнику стратегическую дезинформацию. Такого рода зондажные операции проводятся всеми спецслужбами мира.

Наш ответный зондаж, к примеру, по поводу высказывания Ботмана состоялся после указания Сталина, Молотова и Берия от 25 июля 1941 года, то есть уже спустя три дня. На встрече с послом Болгарии в Москве И. Стаменовым (нашим агентом с 1934 года) в ресторане «Арагви» мой отец, а именно ему была поручена эта миссия, проинформировал его о якобы циркулировавших в дипломатических кругах слухах, что возможно мирное завершение начавшейся германо-советской войны на основе территориальных уступок. Имелось в виду, что Стаменов по собственной инициативе доведет эту информацию до сведения царя Бориса.

Берия с ведома Молотова категорически приказал не поручать Стаменову доводить эту информацию до Софии, иначе он мог бы догадаться, что участвует в дезинформационной операции, рассчитанной на то, чтобы выиграть время и усилить позиции тех немецких военных и дипломатических кругов, которые не оставляли надежд на компромиссное мирное завершение войны.

Ниже я привожу полностью записку моего отца в Совет Министров Союза ССР, составленную им уже во время тюремного заключения, очевидно, по предложению высшего руководства страны, изложенному отцу в ходе одного из многочисленных допросов:

«Докладываю о следующем известном мне факте. Через несколько дней после вероломного нападения фашистской Германии на СССР, примерно числа 25—27 июня 1941 года, я был вызван в служебный кабинет бывшего тогда Народного Комиссара Внутренних Дел СССР Берия.

Берия сказал мне, что есть решение Советского правительства, согласно которому необходимо неофициальным пу-

тем выяснить, на каких условиях Германия согласится прекратить войну против СССР и приостановит наступление немецко-фашистских войск. Берия объяснил мне, что это решение Советского правительства имеет целью создать условия, позволяющие Советскому правительству сманеврировать и выиграть время для собирания сил. В этой связи Берия приказал мне встретиться с болгарским послом в СССР Стаменовым, который, по сведениям НКВД СССР, имел связи с немцами и был им хорошо известен.

Берия приказал мне поставить в беседе со Стаменовым четыре вопроса. Вопросы эти Берия перечислял, глядя в свою записную книжку, и они сводились к следующему:

1. Почему Германия, нарушив пакт о ненападении, начала войну против СССР;

2. Что Германию устроило бы, на каких условиях Германия согласна прекратить войну, что нужно для прекращения войны;

3. Устроит ли немцев передача Германии таких советских земель, как Прибалтика, Украина, Бессарабия, Буковина, Карельский перешеек;

4. Если нет, то на какие территории Германия дополнительно претендует.

Берия приказал мне, чтобы разговор со Стаменовым я вел не от имени Советского правительства, а поставил эти вопросы в процессе беседы на тему о создавшейся военной и политической обстановке и выяснил также мнение Стаменова по существу этих четырех вопросов.

Берия сказал, что смысл моего разговора со Стаменовым заключается в том, чтобы Стаменов хорошо запомнил эти четыре вопроса. Берия при этом выразил уверенность, что Стаменов сам доведет эти вопросы до сведения Германии.

Берия проинструктировал меня также и по поводу порядка организации встречи, она должна была по указанию Берия состояться в ресторане «Арагви» в Москве за столиком, заранее подготовленным в общем зале ресторана.

Все эти указания я получил от Берия в его служебном кабинете в здании НКВД СССР.

После этого я ушел к себе готовиться к встрече.

Вечером этого же дня, примерно часов в 19, дежурный секретарь Наркома передал мне приказание отправиться на городскую квартиру Берия.

Я подъехал к дому, в котором проживал Берия, однако в квартиру допущен не был. Берия, прогуливаясь вместе со мной

по тротуару вдоль дома, в котором он жил, заглядывая в свою записную книжку, снова повторил мне четыре вопроса, которые я должен был по его приказанию задать Стаменову.

Берия напомнил мне о своем приказании задавать эти вопросы не прямо, а в беседе на тему о создавшейся военной и политической обстановке. Второй раз здесь же Берия выразил уверенность в том, что Стаменов как человек, связанный с немцами, сообщит о заданных ему вопросах в Германию.

Берия и днем и на этот раз строжайше предупредил меня, что об этом поручении Советского правительства я нигде, никому и никогда не должен говорить, иначе я и моя семья будут уничтожены.

Берия дал указание проследить по линии дешифровальной службы, в каком виде Стаменов пошлет сообщение по этим вопросам за границу.

Со Стаменовым у меня была договоренность, позволявшая вызвать его на встречу.

На другой день, в соответствии с полученными от Берия указаниями, я позвонил в болгарское посольство, попросил к аппарату Стаменова и условился с ним о встрече у зала Чайковского на площади Маяковского.

Встретив Стаменова, я пригласил его в машину и увез в ресторан «Арагви».

В «Арагви», как это было предусмотрено инструкциями Берия, состоялся мой разговор со Стаменовым.

Разговор начался по существу создавшейся к тому времени военной и политической обстановки. Я расспрашивал Стаменова об отношении болгар к вторжению немцев в СССР, о возможной позиции в этой связи Франции, Англии и США и в процессе беседы, когда мы коснулись темы вероломного нарушения немцами пакта о ненападении, заключенного Германией с СССР, я поставил перед Стаменовым указанные выше четыре вопроса.

Все, что я говорил, Стаменов слушал внимательно, но своего мнения по поводу этих четырех вопросов не высказывал.

Стаменов старался держать себя как человек, убежденный в поражении Германии в этой войне. Быстрому продвижению немцев в первые дни войны он большого значения не придавал. Основные его высказывания сводились к тому, что силы СССР безусловно превосходят силы Германии и, что если даже немцы займут в первое время значи-

тельные территории СССР и, может быть, даже дойдут до Волги, Германия все равно в дальнейшем потерпит поражение и будет разбита.

После встречи со Стаменовым я немедленно, в тот же вечер, доложил о ее результатах бывшему тогда Наркому Берия в его служебном кабинете в здании НКВД СССР. Во время моего доклада Берия сделал какие-то записи в своей записной книжке, затем вызвал при мне машину и, сказав дежурному, что едет в ЦК, уехал.

Больше я со Стаменовым на темы, затронутые в четырех вопросах, не беседовал и вообще с ним больше не встречался. Некоторое время продолжалось наблюдение за шифрованной перепиской Стаменова. Результатов это не дало. Однако это не исключает, что Стаменов мог сообщить об этой беседе через дипломатическую почту или дипломатическую связь тех посольств и миссий, страны которых к тому времени еще не участвовали в войне.

Больше никаких указаний, связанных с этим делом или с использованием Стаменова, я не получал.

Встречался ли лично Берия со Стаменовым, мне неизвестно. Мне организация подобной встречи не поручалась.

Выполняя в июне 1941 года приказание бывшего тогда Наркома Берия в отношении разговора со Стаменовым, я был твердо убежден и исходил из того, что выполняю тем самым указание партии и правительства.

Сейчас, после беседы, проведенной со мной в Президиуме ЦК КПСС, и полученных разъяснений, что никакого решения Советского правительства, о котором говорил Берия, нет и не было, для меня совершенно ясно, что Берия обманул меня, видимо хорошо зная, что я без прямых указаний правительства подобных разговоров ни с кем вести не буду. Да и мыслей подобного рода у меня возникнуть не могло.

Ныне в свете фактов изменнической и предательской деятельности, вскрытых ЦК КПСС, совершенно очевидно, что Берия, тщательно маскируясь, еще тогда, в 1941 году, в самое тяжелое время для страны, стал на путь измены и пытался за спиной Советского правительства вступить в сговор с немецко-фашистскими захватчиками, стал на путь помощи врагу в расчленении СССР и порабощении советского народа немецко-фашистской Германией.

П. Судоплатов,
7 августа 1953 года».

Трудно сказать, насколько руководство рассчитывало на эту информацию, но Берия же в своих показаниях 20 августа 1953 года утверждал, что содержание беседы со Стаменовым было санкционировано Сталиным и Молотовым с целью «дезинформации противника и выигрыша времени советским правительством для собирания сил». Стаменов, в порядке собственной инициативы, не сообщил в Софию об изложенных ему в Москве слухах о слухах, на что наша сторона и рассчитывала. Интересно, однако, то обстоятельство, что время предполагавшегося, но не осуществленного Стаменовым зондажа совпадает с первым кризисом в вопросе принятия решений командованием вермахта и Гитлером о направлениях наступления германских войск после Смоленского оборонительного сражения в июле—августе 1941 года. Об этом, как о первом кризисе «блицкрига» в СССР перед поворотом германских армий на юг, в обход Киева, писали немецкие историки, а также Ф. Гальдер, Г. Гудериан, К. Типпельскирх и другие генералы немецкой армии.

Стаменов был завербован нашим опытным разведчиком Журавлевым в 1934 году в Риме. Он работал третьим секретарем посольства Болгарии, симпатизировал Советскому Союзу и сотрудничал с нами из чисто патриотических соображений. Он был убежден в необходимости прочного союза между Болгарией и СССР и рассматривал его как единственную гарантию защиты болгарских интересов на Балканах и в европейской политике в целом.

Отец вспоминал также:

«Когда Берия приказал мне встретиться со Стаменовым, он тут же связался по телефону с Молотовым, и я слышал, что Молотов не только одобрил эту встречу, но даже пообещал устроить жену Стаменова на работу в Институт биохимии Академии наук. При этом Молотов запретил Берия самому встречаться со Стаменовым, заявив, что Сталин приказал провести встречу тому работнику НКВД, на связи у которого он находится, чтобы не придавать предстоящему разговору чересчур большого значения в глазах Стаменова. Поскольку я и был тем самым работником, то встретился с послом на квартире Эйтинггона, а затем еще раз в ресторане «Арагви», где наш отдельный кабинет был оборудован подслушивающими устройствами: весь разговор записали на пленку.

Я передал ему слухи, пугающие англичан, о возможности мирного урегулирования в обмен на территориальные уступки. К этому времени стало ясно, что бои под Смоленском приобрели затяжной характер и танковые группировки немцев уже понесли тяжелые потери. Стаменов не выразил особого удивления по поводу этих слухов. Они показались ему вполне достоверными. По его словам, все знали, что наступление немцев развивалось не в соответствии с планами Гитлера и война явно затягивается. Он заявил, что все равно уверен в нашей конечной победе над Германией. В ответ на его слова я заметил:

— Война есть война. И, может быть, имеет все же смысл прощупать возможности для переговоров.

— Сомневаюсь, чтобы из этого что-нибудь вышло, — возразил Стаменов.

Словом, мы поступали так же, как это делала и немецкая сторона. Беседа была типичной прелюдией зондажа. Ботман, сотрудник МИДа, проводил аналогичные беседы с Бережковым.

Стаменов не сообщил о слухах, изложенных мною, в Софию, на что мы рассчитывали. Мы убедились в этом, поскольку полностью контролировали всю шифропереписку болгарского посольства в Москве с Софией, имея доступ к их шифрам, которые называли между собой «болгарскими стихами». Шура Кочергина, жена Эйтингона, наш опытный опер-работник, связалась со своими агентами в болгарских дипломатических и эмигрантских кругах Москвы и установила, что Стаменов не предпринимал никаких шагов для проверки и распространения запущенных нами слухов... Так и закончилась в конце июля — начале августа 1941 года вся эта история».

Однако, когда в 1953 году Берия обвинили в подготовке плана свержения Сталина и советского правительства, эта проблема снова всплыла. Оказывается, как писал отец, «этот план предусматривал секретные переговоры с гитлеровскими агентами, которым предлагался предательский сепаратный мир на условиях территориальных уступок. На допросе в августе 1953 года Берия показал, что он действовал по приказу Сталина и с полного одобрения министра иностранных дел Молотова».

За две недели до допроса Берия отца вызвали в Кремль с агентурным делом Стаменова, где он и сообщил о деталях того разговора с болгаринном Хрущеву, Булганину,

Молотову и Маленкову. Они внимательно, без единого замечания, выслушали отца, но это ничего не означало. Несколько позднее он был обвинен в том, что играл роль связного Берия в попытке использовать Стаменова для заключения мира с Гитлером. Желая представить Берия германским агентом и скомпрометировать его, Маленков распорядился послать Пегова, секретаря Президиума Верховного Совета, вместе со следователями прокуратуры в Софию. Они должны были привезти в Москву показания Стаменова. Однако тогда Стаменов отказался дать какие бы то ни было письменные показания.

Правда, он подтвердил устно, что являлся агентом НКВД и сотрудничал с советской разведкой в интересах борьбы с фашизмом как в самой Германии, так и в странах-союзниках. Ни к чему, как рассказывал отец, не привели попытки шантажировать его, ни откровенные угрозы лишить пенсии, которую он получал от советского правительства за свою деятельность во время войны. По свидетельству Суханова, помощника Маленкова, и сообщению младшего брата отца (его жена работала в секретариате Маленкова), Пегов вернулся из Софии с пустыми руками — без свидетельств, без признаний. Все это держалось в тайне, но фигурировало в приговоре по делу Берия и, естественно, в деле моего отца.

В своих же мемуарах Хрущев, знавший обо всех этих деталях, все-таки предпочел придерживаться прежней версии, что Берия вел переговоры с Гитлером о сепаратном мире, вызванные паникой Сталина. Скорее всего Сталин и все руководство чувствовали, что попытка заключить сепаратный мир в этой беспрецедентно тяжелой войне автоматически лишила бы их власти. Не говоря уже об их подлинно патриотических чувствах: любая форма мирного соглашения являлась для них неприемлемой. Как опытные политики и руководители великой державы, они нередко использовали в своих целях поступающие к ним разведанные для зондажных акций, а также для шантажа конкурентов и даже союзников.

Так, русская агентура, имевшая выход на окружение молодого румынского короля Михая, прозондировала взаимную заинтересованность его двора и советского руководства в выходе Румынии из прогитлеровской коалиции. Как и в случае с Финляндией, советские дипломаты подготовили и оформили договор о выходе Румынии

из войны против СССР, Англии и США и о вступлении ее в войну с Германией. Этому предшествовало еще одно важное событие: руководимая нашими оперработниками группа боевиков Румынской компартии задержала лидера фашистов премьер-министра Антонеску при посещении им короля.

В годы войны моему отцу приходилось принимать участие в разработке решений по военным вопросам. Особенно важными в этом плане были его контакты с начальником штаба ВМС адмиралом Исаковым и офицерами Оперативного управления Генштаба.

«В августе 1942 года, — вспоминал отец, — Берия и Меркулов (при этом разговоре присутствовал также Маленков) поручили мне экипировать всего за двадцать четыре часа 150 альпинистов для ведения боевых действий на Кавказе. Как только альпинисты были готовы к выполнению боевого задания, Берия приказал мне вместе с ним и Меркуловым несколькими транспортными самолетами вылететь из Москвы на Кавказ. Перелет был очень долгий. В Тбилиси мы летели через Среднюю Азию на С-47, самолетах, полученных из Америки по ленд-лизу. Наши операции должны были остановить продвижение немецких войск на Кавказ накануне решающего сражения под Сталинградом. Первую посадку мы сделали в Красноводске, затем в Баку, где полковник Штеменко, начальник кавказского направления Оперативного управления Генштаба, доложил об обстановке. Было решено, что наше специальное подразделение попытается блокировать горные дороги и остановить продвижение частей отборных альпийских стрелков противника.

Сразу после нас в Тбилиси прибыла группа опытных партизанских командиров и десантников, руководимая одним из моих заместителей, полковником Михаилом Орловым. Они не дали немцам вторгнуться в Кабардино-Балкарию и нанесли им тяжелые потери перед началом готовящегося наступления. В то же время альпинисты взорвали цистерны с нефтью и уничтожили находившиеся в горах моторизованные части немецкой пехоты.

Наши собственные потери были также велики, потому что альпинисты зачастую были недостаточно подготовлены в военном отношении. Их преимущество было в профессионализме, знании горной местности, а также в активной поддержке со стороны горцев. Только в Чечне местное население не оказывало им помощи.

На штабных совещаниях в Тбилиси, проходивших под председательством Берия, главного представителя Ставки, я часто испытывал затруднения и терялся, когда речь шла о чисто военных вопросах. Как-то я попытался переадресовать их Штененко и сказал, что некомпетентен в военной стратегии и тактике. Берия оборвал меня: «Надо серьезно изучать военные вопросы, товарищ Судоплатов. Не следует говорить, что вы некомпетентны. Вас пошлют на учебу в Военную академию после войны». После войны я действительно поступил в Военную академию и в 1953 году, накануне ареста, окончил ее.

Очень тяжелые бои произошли на Северном Кавказе в августе и сентябре 1942 года, когда я там находился. Наше спецподразделение заминировало нефтяные скважины и буровые вышки в районе Моздока и взорвало их в тот момент, когда к ним приблизились немецкие мотоциклисты. Меркулов и я следили за тем, чтобы взрыв произошел строго по приказу, и присоединились к нашей диверсионной группе, отходившей в горы, в последний момент. Позже мы от нашей дешифровальной группы получили сообщение из Швеции: немцы не смогли использовать нефтяные запасы и скважины Северного Кавказа, на которые очень рассчитывали.

Однако разнос, которому мы подверглись за успешные действия, надолго мне запомнился. Когда мы вернулись в Тбилиси, Берия сообщил, что Сталин объявил Меркулову, заместителю Берия, выговор за неоправданный риск при выполнении операции по минированию: он подвергал свою жизнь опасности и мог быть захвачен передовыми частями немцев. Берия обрушился на меня за то, что я допустил это. В ходе немецких налетов несколько офицеров из Ставки, находившихся на Кавказе, были убиты. Член Политбюро Каганович получил во время бомбежки серьезное ранение в голову. Ранен был и адмирал Исаков, а один из наших наиболее опытных грузинских чекистов, Саджая, погиб во время этого налета».

Опасения, что Тбилиси да и весь Кавказ могут быть захвачены врагом, говорил отец, были реальны. В его задачу в то сложнейшее время входило создание подпольной агентурной сети на случай, если Тбилиси оказался бы под немцами. Профессор Константин Гамсахурдиа (отец Звиада Гамсахурдиа) был одним из кандидатов на пост руководителя агентурной сети в Грузии. Он являлся старейшим осведомителем НКВД. К сотрудничеству его привлек еще Берия после нескольких арестов.

стов в связи с инкриминировавшимися ему антисоветскими заявлениями и националистическим сепаратизмом. По иронии судьбы перед войной он был известен своими прогерманскими настроениями: он всем давал понять, что процветание Грузии будет зависеть от сотрудничества с Германией.

Отец считал своим долгом проверить эти слухи. Заручившись согласием Берия, вместе с Саджая он провел в гостинице «Интурист» беседу с профессором Гамсахурдиа. Кандидат в резиденты показался ему не слишком надежным человеком. К тому же, как выяснилось, весь его предшествующий опыт осведомителя сводился к тому, чтобы доносить на людей, а не оказывать на них влияние. И еще: он был слишком занят своим творчеством. (Кстати, он написал биографию Сталина на грузинском языке.) В целом, сделал вывод отец, это был человек, склонный к интригам и всячески пытавшийся использовать в своих интересах расположение Берия (оба они были мингрелы).

Посоветовавшись с местными работниками, отец пришел к выводу, что Гамсахурдиа лучше использовать в другой роли. Об этом он и доложил Берия. Главная же роль в этом деле отводилась Мачивариани, драматургу, пользовавшемуся в Тбилиси репутацией солидного человека. Он был известен как безукоризненно честный человек, ему-то спокойно и доверили крупные суммы денег, а также золотые и серебряные изделия, которые в случае надобности можно было использовать на нужды подполья.

«Много позже, — вспоминал отец, — один из моих сокамерников, академик Шариа, помощник Берия, отвечавший за партийную пропаганду в Грузии, рассказал мне, что впоследствии Берия потерял к Гамсахурдиа всякий интерес. Тот, однако, оставался в Грузии весьма влиятельной фигурой — своего рода иконой в мире культуры. Известно, что Сталин лично запретил его арестовывать. В 1954 году, когда Берия был уже расстрелян, грузинские власти захотели отделаться от Гамсахурдиа, и местный КГБ обратился в Москву за санкцией на его арест как пособника Берия, который сделал себе политический капитал на личных связях с «врагом народа».

Как рассказывал отцу писатель Кирилл Столяров, изучавший события 1953—1954 годов, Гамсахурдиа хотели обвинить в том, что по указанию Берия он шантажи-

ровал представителей грузинской интеллигенции, принуждая их устанавливать тайные связи с немецкими спецслужбами. Именно за это, утверждали его обвинители, он получил в годы войны от Берия и Микояна крупные денежные суммы и американский «виллис».

В конце концов Гамсахурдия оставили в покое: насколько мне известно, умер он своей смертью в Тбилиси в 70-х годах. Его сын стал первым президентом независимой Грузии, в 1992 году был свергнут и в конце 1993 года, как сообщалось, покончил жизнь самоубийством.

В 1953 году Берия также обвиняли в том, что он нанес ущерб нашей обороне во время битвы за Кавказ. Тогда же за связь с Берия был уволен из армии Штеменко. Но раскручивать вину Штеменко не стали в интересах правящей верхушки. Маршал Гречко, тогда заместитель министра обороны, во время войны сражался на Кавказе под началом Берия. Понятно, что обвинения в адрес Берия бумерангом ударили бы по высшему военному руководству. Вот почему в сообщении для прессы приговор над Берия не включал обвинений в измене в период битвы за Кавказ.

Саджая погиб во время бомбежки, а Штеменко о хороших отношениях с отцом нигде не упоминал. Так что отец также не подвергся допросу в связи с обороной Кавказа по делу Берия. Позднее его следователи вообще потеряли интерес к этому, хотя ему и приходилось слышать от них замечания, что, мол, он незаслуженно получил медаль «За оборону Кавказа», так как вместе с Берия занимался не укреплением обороны, а наоборот — разрушал ее. Словом, по словам следователей выходило, что мой отец вместе с Берия обманывал советское правительство.

После разгрома немцев под Сталинградом, в начале 1943 года, Москва ожила. Один за другим стали открываться театры. Это говорило о том, что на фронте произошел поворот к лучшему. Наша мама вернулась из Уфы со мной и моим братом (тогда еще маленькими детьми), где мы были в эвакуации, и стала работать преподавателем в Высшей школе НКВД. Временно мы поселились в гостинице «Москва», так как отопление в нашем доме не работало; через несколько месяцев въехали в небольшой — всего на девять квартир — дом в переулке рядом с Лубянской.

Глава 17

ВОЕННЫЕ РАДИОИГРЫ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

Рассказывая о деятельности отца во время войны, нельзя не упомянуть о том мощном противнике, с которым ему пришлось столкнуться — немецких разведывательных и контрразведывательных службах. Прежде всего речь идет о знаменитом абвере. Что же из себя представляет эта немецкая спецслужба?

Помнится, как-то по возвращении отца домой из «владимирки» я спросил его: «Какой смысл заложен в этой полумагической аббревиатуре — абвер?». Он ответил просто, что в переводе с немецкого зашифрованных тут слов лежат в буквальном смысле такие понятия, как «отражение», «нападение», «оборона», «защита». Уже несколько позже отец дал мне небольшую книжечку, где достаточно для меня понятно описывалась история этой спецслужбы.

Абвер возник еще в самом начале существования Веймарской республики — в 1921 году. Поначалу он представлял собой небольшую контрразведывательную организацию, разделенную на две группы: «Ост» и «Вест». Одновременно было создано так называемое «розыскное бюро», в обязанности которого входил сбор сведений о политически неблагонадежных гражданах Германии. Отделениями абвера на периферии являлись так называемые «абверштелле», действовавшие при шести армейских военных округах и построенные по географическому принципу. С самого начала за абвером закрепились две функции — разведывательная и контрразведывательная.

Первым руководителем абвера до 1927 года был майор Гемпп. В 1928 году его сменил полковник Швантесс, а последнего в 1929 году — генерал Фердинанд фон Бредов. В 1933 году абвер возглавил морской офицер капитан Патциг. Он впоследствии вступил в конфликт с нацистской службой безопасности, и в результате в начале 1935 года абвер возглавил знаменитый адмирал Канарис.

С самого начала абвер активно сотрудничал с частными разведывательными службами, созданными круп-

ными германскими промышленниками, такими, как «Нунция» или финансируемая Альфредом Гугенбергом «Немецкая заморская служба».

На протяжении всего существования абвера его структура претерпевала неоднократные изменения, окончательно оформившись лишь в октябре 1939 года, после чего она сохранялась в практически неизменном виде до 1944 года.

В этот период абвер состоял из трех отделов. Ведущую роль среди них играл отдел «Абвер-І» (служба осведомления, или активная разведка). В обязанности этого отдела входили сбор, оценка и распространение добываемых абвером сведений военного характера. Подразделения «Абвера-І» строились по географическому и отраслевому принципу. Он состоял из семи групп (подотделов) и пяти подгрупп, которые, в свою очередь, подразделялись на «рефераты». Группа IX занималась сбором разведывательных сведений о сухопутных войсках иностранных армий (входившая в нее подгруппа «Ост» была нацелена на сбор информации о РККА). Группа ІМ собирала сведения о военно-морских силах. Группа І L — о военно-воздушных силах. Группа І ВІ — об экономическом потенциале стран мира. Группа І ІLB — о техническом оснащении и вооружении авиации. Имелись также две вспомогательные группы. Одна из них занималась изготовлением фальшивых документов для агентуры, а другая обеспечивала связь с агентурой.

Главное внимание «Абвера-І» было сосредоточено на изучении сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил армий Польши, Франции, Англии, Советского Союза, Чехословакии, а в период 1936—1938 годов — также Испании. Основными приоритетами являлись организация, численность и вооружение сухопутных войск, принципы их боевого использования, мобилизационные планы, командный состав; состояние военно-морских сил, перспективы их развития, планы использования в случае войны; боеспособность военно-воздушных сил, предполагаемая тактика их использования в боевых условиях, новейшие достижения в области авиационной техники; политико-моральное состояние войск; потенциальные возможности развертывания оборонных отраслей промышленности, производства оружия и новых видов военной техники.

Для связи с германским МИДом при «Абвере-І» постоянно находился референт в ранге советника. С его помощью сравнительно легко удавалось внедрять разведчиков в германские зарубежные представительства. Так, только в немецких посольствах шести стран — Испании, Португалии, Швейцарии, Швеции, Турции и Китая — под видом дипломатических чиновников работало 214 абверовцев, из них 36 — в составе высшего, 32 — среднего и 146 — в качестве вспомогательного персонала.

«Абвер-І» был нацелен на добывание не только военной и военно-промышленной информации. Его интересы простирались также в политические, экономические и дипломатические сферы. В связи с этим у абверовцев возникали неизбежные конфликты с германской внешнеполитической разведкой, для разрешения которых между абвером и СД было заключено соглашение «О разделе сфер влияния» (так называемые «десять заповедей»). В соответствии с ними круг интересов абвера ограничивался только военной областью, а разведка СД обязывалась передавать попадающие в ее руки военные данные верховному командованию вермахта.

Период 1942—1943 годов характеризуется началом крупных радиоигр между советскими и немецкими спецслужбами. Как уже сегодня широко известно, абвер и служба безопасности Германии использовали для этих игр главным образом разоблаченных ими агентов советской военной и политической разведок в Западной Европе и на оккупированной территории. Насколько известно, главным упущением в этих играх была попытка использования старых источников. С нашей стороны, однако, линия заключалась в том, чтобы внедрить непосредственно в спецслужбы противника проверенных агентов, которые могли бы создать дополнительные источники дезинформации для немецкого командования.

Следует признать, что соотношение сил в радиоиграх закономерно сложилось в нашу пользу. Дело в том, что, несмотря на отступления и поражения 1941 года, агентурно-учетные материалы НКВД были заблаговременно эвакуированы. Мы использовали мощный контрразведывательный потенциал советской госбезопасности, располагая, несмотря на войну, возможностями быстрой, оперативной проверки советских граждан и выходцев из Прибалтики, а также эмигрантов, активно ис-

пользовавшихся немцами во власовском и других профашистских и националистических движениях.

Наш агент в гестапо Лейман передавал нам в 1935—1941 годах, как уже знает читатель, важнейшие материалы о разработках гестапо по внедрению повсеместно своей агентуры.

В 1942—1945 годах по линии НКВД, военной разведки и контрразведки СМЕРШ было проведено более 90 радиоигр с немецкими спецслужбами. Некоторые из них заслуживают особого рассмотрения, ибо зачастую получили неполное отражение в нашей и немецкой литературе.

В дополнение к известным фактам о деятельности резидентуры Разведупра Красной Армии в Швейцарии в 1941—1943 годах следует добавить ряд обстоятельств, по-новому характеризующих эту героическую и трагическую страницу. В 1943 году на совещании руководителей разведорганов СССР был проведен анализ — сопоставление материалов военной разведки из Швейцарии о действиях немецкого верховного командования с информацией о передвижениях войск вермахта, полученной от группы Филби — Кэрнкросса — Бланта из Лондона и направленной НКГБ Сталину 7 мая 1943 года. Данные о планах немецкого наступления и группировке войск на Курской дуге, полученные из Швейцарии от Радо, почти полностью текстуально совпадали с текстом перехваченных и расшифрованных англичанами шифрорадиограмм немецкого верховного командования.

Об этом шла речь на совещании у Молотова, в котором участвовали Ильичев, Кузнецов, Фитин и мой отец. В СССР тогда не знали подробностей английских достижений в конструировании дешифровальной машины «Энигма» и были крайне озабочены тем, что англичане могут перехватить и наши шифротелеграммы.

Недоверие к материалам из Швейцарии усиливалось также тем, что Кент сообщил в Центр о широком провале сети во Франции и о том, что он работает под принуждением, участвуя в радиоигре гестапо. Начальник Разведупра Ильичев направил по этому вопросу специальное письмо в НКВД и военную контрразведку СМЕРШ Селивановскому, отвечавшему за радиоигры в этой спецслужбе. Вывод ИНО НКВД 1943 года о том, что информация из Швейцарии базировалась не на све-

дениях из немецких источников, а на дозированной информации из Лондона, подтверждается также следующими обстоятельствами. В ноябре 1943 года поступления информации от групп Люци и Доры из Лозанны и Женевы прекратились. Но в течение 1944 года поступали примерно аналогичные, правда, отрывочные данные от нашей резидентуры из Лондона, которая имела эпизодический, нерегулярный выход на английские радиоперехваты. Англичане предпочли снабжать нас дозированной информацией из Швейцарии, вывев там нашу агентуру, частично проникнув в нее после нападения Гитлера на СССР. Делалось это по двум причинам.

Во-первых, У. Черчилль не хотел сообщать эти данные напрямую, так как это означало признание широких возможностей дешифровки у англичан или их выходов на немецкое военное командование. Во-вторых, англичане делились с нами таким образом информацией лишь в тот период войны, когда ход военных действий складывался не в нашу пользу, или в период, когда перспективы вступления Красной Армии в Польшу, Чехословакию, Финляндию представлялись нереальными. О скрываемой англичанами своей роли в работе нашей разведки в Швейцарии говорит и такой факт. Отдавая себе отчет в противоречивости и небезупречности своих действий в Швейцарии, нелегальный резидент нашей военной разведки в 1938—1944 годах Радо пытался избежать возвращения в Советский Союз в 1944 году, бежав от советских представителей на аэродроме в Каире. Через некоторое время он, однако, был выдан нам англичанами. Для них Радо не представлял никакого оперативного интереса. Содействие его побегу бросило бы дополнительную тень на скрываемое англичанами проникновение их агентов в нашу разведку в Швейцарии.

В целом разведывательная деятельность групп «Красной капеллы» в значительной мере переоценивается в нашей и немецкой литературе. Трагические ошибки Радо, Треппера, попытки скрыться от советских властей в 1944—1945 годах поставили под сомнение героические подвиги работавших с ними антифашистов. Будучи под следствием, в заключении и позднее после реабилитации, по настоянию руководства Польской и Венгерской компартий, в своих мемуарах и показаниях Радо и Треппер оклеветали другого руководителя нелегальных групп —

Гуревича (Кента), который не дал сигнал о провале и о начале немецкими спецслужбами радиоигры с нашим Центром. Гуревичу удалось доставить в Москву шефа контрразведывательной команды гестапо Паннвица, благодаря чему удалось установить фактические обстоятельства гибели наших людей в Германии. Однако, будучи оклеветанным Радо и Треппером, по инициативе Разведупра Гуревич вместе с ними был арестован и добился полной реабилитации только в 1991 году, отсидев 15 лет в лагерях при Сталине и Хрущеве.

В 1942—1943 годах ИНО НКВД перехватил инициативу в радиоиграх с немецкой разведкой. Обусловлено это было тем, что в НКВД смогли внедрить надежных агентов в школы по заброске диверсантов-разведчиков абвера в наши тылы под Смоленском, на Украине и в Белоруссии. В литерном деле «Школа» зафиксирована удачная операция по перехвату засылаемых к нам в тылы диверсантов. Перевербовав начальника паспортного бюро учебного центра абвера в Катини, советские разведчики получили установки на более чем 200 немецких агентов, заброшенных в наши тылы. Все они были либо обезврежены, либо принуждены к сотрудничеству.

Мой отец, как явствует из многих уже раскрытых документов, принимал непосредственное участие в разработке и проведении так называемых радиоигр, осуществленных советской разведкой в годы войны. В своих воспоминаниях он достаточно подробно описывает их.

Наиболее крупными по значению радиоиграми были, по его мнению, операции «Березино» и «Монастырь». Первоначально операция «Монастырь», к примеру, разрабатывалась руководимой им Особой группой и Секретно-политическим управлением НКВД, а затем с июля 1941 года в тесном взаимодействии с ГРУ. Целью операции «Монастырь» являлось проникновение в агентурную сеть абвера, действовавшую на территории Советского Союза. Для этого быстро была создана прогерманская антисоветская организация, которая якобы активно искала контакты с германским верховным командованием.

Несмотря на основательные «чистки» 20-х и 30-х годов, многие представители русской аристократии все еще остались в живых; правда, все они были под наблюдением, а некоторые стали важными осведомителями и агентами.

«Анализируя материалы и состав агентуры, предоставленной в наше распоряжение контрразведкой НКВД, — рассказывает отец, — мы решили использовать в качестве приманки некоего Глебова, бывшего предводителя дворянского собрания Нижнего Новгорода. К тому времени Глебову было уже за семьдесят. Этот человек пользовался известностью в кругах бывшей аристократии: именно он приветствовал в Костроме в 1915 году царскую семью по случаю торжественного празднования 300-летия Дома Романовых. Жена Глебова была своим человеком при дворе последней российской императрицы Александры Федоровны. Словом, из всех оставшихся в живых представителей русской знати Глебов показался нам наилучшей кандидатурой. В июле 1941 года он, почти нищий, ютился в Новодевичьем монастыре.

Конечно, никаких даже самых элементарных азов разведывательной работы он не знал. Наш план состоял в том, чтобы Глебов и второй человек, также знатного рода (это был наш агент), заручились доверием немцев. Наш агент — Александр Демьянов (Гейне) и его жена, тоже агент НКВД, посетили церковь Новодевичьего монастыря под предлогом получить благословение перед отправкой Александра на фронт в кавалерийскую часть. Большинство служителей монастыря были тайными осведомителями НКВД. Во время посещения церкви Демьянова познакомили с Глебовым. Между ними завязались сердечные отношения; Демьянов проявлял жадный интерес к истории России, а у Глебова была ностальгия по прошлым временам. Глебов дорожил обществом своего нового друга, а тот стал приводить на встречи с ним других людей, симпатизировавших Глебову и жаждавших с ним поближе познакомиться. Это были либо доверенные лица НКВД, либо оперативные сотрудники. Каждую из таких встреч организовывал Маклярский, лично руководивший агентом Демьяновым».

О самом Александре Демьянове расскажу со слов отца, который его отлично знал. Действительно, Демьянов принадлежал к знатному роду: его прадед Головатый был первым атаманом кубанского казачества, а отец, офицер царской армии, пал смертью храбрых в 1915 году. Дядя Демьянова, младший брат его отца, был начальником контрразведки белогвардейцев на Северном Кавказе. Схваченный чекистами, он скончался от тифа по пути в Москву. Мать Александра, выпускница Бес-тужевских курсов, признанная красавица в Санкт-Петербурге, пользовалась широкой известностью в аристок-

ратических кругах бывшей столицы. Она получила и отвергла несколько приглашений эмигрировать во Францию. Ее лично знал генерал Улагай, один из лидеров белогвардейской эмиграции, активно сотрудничавший с немцами с 1941 по 1945 год.

Детство Александра Демьянова было омрачено картинами террора — как белого, так и красного, — которые ему пришлось наблюдать во время Гражданской войны, когда его дядя сражался под командованием Улагая.

После того как мать отказалась эмигрировать, они возвратились в Петроград. Там ему удалось устроиться электриком. Из Политехнического института, куда он поступил, умолчав о своем прошлом (получить высшее техническое образование ему в то время было невозможно из-за непролетарского происхождения), его исключили. В 1929 году ГПУ Ленинграда по доносу его друга Терновского арестовало Александра за незаконное хранение оружия и антисоветскую пропаганду. На самом деле пистолет был подброшен. В результате проведенной акции Александр был принужден к негласному сотрудничеству с ГПУ.

Благодаря происхождению его нацелили на разработку связей оставшихся в СССР дворян с зарубежной белой эмиграцией и пресечение терактов. Кстати, в 1927 году Александр был свидетелем взрыва Дома политпросвещения белыми террористами в Ленинграде. Александр стал работать на органы безопасности, используя семейные связи.

Вскоре его перевели в Москву, где он получил место инженера-электрика на «Мосфильме». В ту пору культурная жизнь столицы сосредоточилась вокруг киностудии. Приятная внешность и благородные манеры позволили Демьянову легко войти в компанию киноактеров, писателей, драматургов и поэтов. Свою комнату в коммунальной квартире в центре Москвы он делил с одним актером МХАТа. Органам безопасности удалось устроить для него довольно редкую по тем временам вещь — отныне в Манеже у него была своя лошадь! Естественно, это обстоятельство расширило его контакты с дипломатами.

Александр дружил с известным советским режиссером Михаилом Роммом и другими видными деятелями культуры. НКВД позволял элитной группе художествен-

ной интеллигенции и представителям бывшей аристократии вести светский образ жизни, ни в чем их не ограничивая, но часть этих людей была завербована, а за остальными велось тщательное наблюдение, с тем чтобы использовать в будущем в случае надобности.

Демьянова «вели» Ильин и Маклярский. Он не использовался как мелкий осведомитель, в его задачу входило расширять круг знакомств среди иностранных дипломатов и журналистов — завсегдатаев ипподрома и театральных премьер. Появление Демьянова в обществе актеров, писателей и режиссеров было столь естественным, что ему легко удавалось заводить нужные связи. Он никогда не скрывал своего происхождения, и это можно было без труда проверить в эмигрантских кругах Парижа, Берлина и Белграда. В конце концов Демьяновым стали всерьез интересоваться сотрудники немецкого посольства и абвер.

В канун войны Александр сообщил, что сотрудник торгового представительства Германии в Москве как бы вскользь упомянул несколько фамилий людей, близких к семье Демьяновых до революции. Проинструктированный соответствующим образом Ильиным, Демьянов не проявил к словам немца никакого интереса: речь шла о явной попытке начать его вербовку, а в этих случаях не следовало показывать излишнюю заинтересованность. Возможно, с этого момента он фигурировал в оперативных учетах немецкой разведки под каким-то кодовым именем. Позднее, как видно из воспоминаний Гелена, шефа разведки генштаба сухопутных войск, ему было присвоено имя Макс.

Первый контакт с немецкой разведкой в Москве коренным образом изменил его судьбу: отныне в его агентурном деле появилась специальная пометка, поставленная Маклярским. Это означало, что в случае войны с немцами Демьянов мог стать одной из главных фигур, которой заинтересуются немецкие спецслужбы. К началу войны агентурный стаж Александра насчитывал почти десять лет. Причем речь шла уже о серьезных контрразведывательных операциях, когда ему приходилось контактировать с людьми, не думавшими скрывать свои антисоветские убеждения. В самом начале войны Александр записался добровольцем в кавалерийскую часть, но ему была уготована другая судьба: он стал одним из

наиболее ценных агентов, переданных в распоряжение отца для выполнения спецзаданий.

«В июле 1941 года Горлинский, начальник Секретно-политического управления НКВД, и я, — рассказывает отец, — обратились к Берия за разрешением использовать Демьянова вместе с Глебовым для проведения в тылу противника операции «Монастырь». Для придания достоверности операции «Монастырь» в ней были задействованы поэт Садовский, скульптор Сидоров, которые в свое время учились в Германии и были известны немецким спецслужбам, их квартиры в Москве использовались для конспиративных связей.

Как я уже упоминал, наш замысел сводился к тому, чтобы создать активную прогерманскую подпольную организацию «Престол», которая могла бы предложить немецкому верховному командованию свою помощь при условии, что ее руководители получают соответствующие посты в новой антибольшевистской администрации на захваченной территории.

Создавая мифические антибольшевистские организации, наделяя их различными полномочиями, органы безопасности надеялись таким образом выявить немецких агентов и проникнуть в разведсеть немцев в Советском Союзе. Агентурные дела «Престол» и «Монастырь» быстро разбухали, превращаясь в многотомные. Несмотря на то что эти операции были инициированы и одобрены Берия, Меркуловым, Богданом Кобуловым и другими, впоследствии репрессированными высокопоставленными сотрудниками органов госбезопасности, они остаются классическим примером работы высокого уровня профессионализма, вошли в учебники и преподаются в спецшколах, разумеется, без ссылок на действительные имена задействованных в этой операции агентов и оперативных работников. Это еще раз доказывает то, что, несмотря на репрессии в отношении сотрудников разведорганов НКВД, их преданность родине и делу, которому они посвятили себя, оставалась неизменной.

Радиоигра, планировавшаяся вначале как средство выявления лиц, сотрудничавших с немцами, фактически переросла в противостояние между НКВД и абвером.

После тщательной подготовки Демьянов (Гейне) перешел в декабре 1941 года линию фронта в качестве эмиссара антисоветской и пронемецкой организации «Пре-

стол». Немецкая фронтовая группа абвера отнеслась к перебежчику с явным недоверием. Больше всего немцев интересовало, как ему удалось пройти на лыжах по заминированному полю. Александр сам не подозревал об опасности и чудом уцелел. Его долго допрашивали, требовали сообщить о дислокации войск на линии фронта, затем инсценировали расстрел, чтобы заставить под страхом смерти признаться в сотрудничестве с советской разведкой. Ничего не добившись, Александра перевели в Смоленск. Там его допрашивали офицеры абвера из штаба «Валли». Недоверие стало постепенно рассеиваться. Демьянову поверили после того, как навели о нем справки в среде русской эмиграции и убедились, что он не вовлекался до войны в разведывательные операции, проводившиеся ОГПУ—НКВД через русских эмигрантов.

Немцам было известно, что русская эмиграция нацифицирована агентами НКВД, действовавшими весьма эффективно: многие эмигранты охотно сотрудничали с СССР из патриотических соображений и чувства вины перед родиной. Это позволяло сводить на нет все попытки белой эмиграции проводить теракты и организовывать диверсии. Кроме того, выяснилось, что перед войной агенты абвера вступали с Демьяновым в контакт, разрабатывали его в качестве источника и в берлинском досье он фигурировал под кодовым именем Макс. Абвер сделал ставку на Макса.

Александр прошел курс обучения в школе абвера. Единственной трудностью для него было скрывать, что он умеет работать на рации и знает шифровальное дело. Немцы были буквально в восторге, что завербовали столь способного агента. Это облегчало и работу НКВД, так как он мог быть заброшен в русский тыл без радиста.

Теперь немцы поставили перед Демьяновым (Максом) конкретные задачи: он должен был осесть в Москве и создать, используя свою организацию и связи, агентурную сеть с целью проникновения в штабы Красной Армии. В его задачи входила также организация диверсий на железных дорогах.

В феврале 1942 года немцы забросили Макса на парашюте на нашу территорию вместе с двумя помощниками. Время для этого они выбрали неудачное: в снежном буране все трое потеряли друг друга и добирались из-под Ярославля в Москву поодиночке. Александр свя-

зался с Центром и быстро освоился с обязанностями резидента немецкой разведки. Оба помощника вскоре были арестованы. Немцы начали посылать курьеров для связи с Максом. Большинство из этих курьеров в НКВД сделали двойными агентами, а некоторых арестовали. Всего было задержано более пятидесяти агентов абвера, посланных на связь.

Александр как разведчик имел полную поддержку семьи, что было для Москвы большой удачей. Детали его разведывательной деятельности были известны его жене и тестю. Нарушая правила, в НКВД пошли на это по простой причине: его жена, Татьяна Березанцова, работала на «Мосфильме» ассистентом режиссера и пользовалась большим авторитетом среди деятелей кино и театра. Тесть, профессор Березанцов, считался в московских академических кругах медицинским богом и был ведущим консультантом в кремлевских клиниках. Ему, одному из немногих специалистов такого уровня, разрешили частную практику. Березанцова хорошо знали и в дипкорпусе, что было очень важно. В то время ему было за пятьдесят, высокообразованный, он прекрасно говорил на немецком (получил образование в Германии), французском и английском языках. Его квартира использовалась как явочная для подпольной организации «Престол», а позднее для контактов с немцами.

НКВД понимал, что немцы легко могут проверить, кто проживает в этой квартире, и казалось естественным, что вся семья, корни которой уходили в прошлое царской России, может быть вовлечена в антисоветский заговор.

По предложению моего отца первая группа немецких агентов должна была оставаться на свободе в течение десяти дней, чтобы можно было проверить их явки и узнать, не имеют ли они связи еще с кем-то, кроме Александра (Макса). Берия и Кобулов предупредили моего отца, что если в Москве эта группа устроит диверсию или теракт, то ему не сносить головы.

Жена Александра растворила спецтаблетки в чае и водке, угостила немецких агентов у себя на квартире, и, пока под действием снотворного они спали, эксперты НКВД успели обезвредить их ручные гранаты, боеприпасы и яды. Правда, часть боеприпасов имела дистанционное управление, но специалисты считали, что в об-

шем эти агенты разоружены. Подобные операции на квартире Александра были весьма рискованным делом: «гости», как правило, отличались отменными физическими данными и несколько раз, несмотря на таблетки, неожиданно просыпались раньше времени.

Некоторым немецким курьерам, особенно выходцам из Прибалтики, позволяли возвратиться в штаб-квартиру абвера при условии, что они доложат об успешной деятельности немецкой агентурной сети в Москве.

Отец писал, что в соответствии с разработанной НКВД легендой Демьянова устроили на должность младшего офицера связи в Генштаб Красной Армии:

«По мере того как мы разрабатывали фиктивные источники информации для немцев среди бывших офицеров царской армии, служивших у маршала Шапошникова, вся операция превращалась в важный канал дезинформации».

Радиоигра с абвером становилась все интенсивнее. В середине 1942 года ее радиотехническое обеспечение было поручено тому самому Фишеру, ставшему впоследствии знаменитым Рудольфом Абелем.

Демьянову между тем удалось создать впечатление, что его группа произвела диверсию на железной дороге под Горьким. Чтобы подтвердить диверсионный акт и упрочить репутацию Александра, было организовано несколько сообщений в прессе о вредительстве на железнодорожном транспорте.

Советский агент Гейне — Александр Демьянов, ставший для абвера Максом, превратился в важный источник информации для командования вермахта. Руководство абвера считало, что Макс опирается на источники информации в окружении маршала Б. М. Шапошникова и генерала К. К. Рокоссовского. Гейне к тому времени был наиболее проверенным нашим агентом, прошедшим эту проверку под дулами фашистских автоматов. Вся дезинформация, передаваемая им, готовилась в Оперативном управлении Генштаба при участии одного из его руководителей, С. М. Штеменко, затем она визировалась в Разведуправлении и передавалась в НКВД для легендирования обстоятельств ее получения.

По свидетельству немецкого историка Винфреда Майера, данные Гейне-Макса высоко ценились командованием вермахта. Об этом в восторженных тонах писали в своих воспоминаниях и шефы немецкой разведки Гелен

и Шелленберг. Копии телеграмм Гейне хранятся в архивах рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера под литерой «А». Дезинформация, передаваемая Гейне, имела стратегическое значение. Так, 4 ноября 1942 года Гейне «предсказал», что Красная Армия нанесет немцам удар 15 ноября не под Сталинградом, а на Северном Кавказе и подо Ржевом. Немцы ждали удара подо Ржевом, отразили его, но окружение советскими войсками группировки Паулюса под Сталинградом было для них полной неожиданностью.

По замыслу Штеменко, важные операции Красной Армии действительно осуществлялись в 1942—1943 годах там, где их «предсказывал» Гейне-Макс, но все они имели лишь отвлекающее, вспомогательное значение.

Дезинформация Гейне-Макса, как следует из воспоминаний Гелена, способствовала также тому, что принятие немцами решения о сроках наступления на Курской дуге неоднократно переносилось, что также было на руку командованию Красной Армии.

Следует отметить, что радиоигра «Монастырь» с участием Гейне была задумана как чисто контрразведывательная операция. Действительно, когда Гейне-Макс вернулся в Москву в 1942 году в качестве резидента немецкой разведки, с его помощью было захвачено более двадцати агентов противника. Однако позднее операция приняла характер стратегической дезинформационной радиоигры.

В немецких архивах операция «Монастырь» известна как «Дело агента Макса». В своих мемуарах «Служба» Гелен высоко оценивает роль агента Макса — главного источника стратегической военной информации о планах советского Верховного Главнокомандования на протяжении наиболее трудных лет войны. Он даже упрекает командование вермахта за то, что оно проигнорировало своевременные сообщения, переданные Максом по радиопередатчику из Москвы, о контрнаступлении советских войск. Надо отдать должное американским спецслужбам: они не поверили Гелену и в ряде публикаций прямо указали, что немецкая разведка попала на удочку НКВД. Гелен, однако, продолжал придерживаться своей точки зрения, согласно которой работа Макса являлась одним из наиболее впечатляющих примеров успешной деятельности абвера в годы войны.

Начальник разведки немецкой службы безопасности Вальтер Шелленберг в своих мемуарах утверждает, что ценная информация поступала от источника, близкого к Рокоссовскому. В то время Макс служил в штабе Рокоссовского офицером связи, а маршал командовал войсками Белорусского фронта. По словам Шелленберга, офицер из окружения Рокоссовского был настроен антисоветски и ненавидел Сталина за то, что подвергся репрессиям в 30-х годах и сидел два года в тюрьме.

Престиж Макса в глазах руководства абвера был действительно высоким — он получил от немцев Железный крест с мечами. Советское руководство, в свою очередь, наградило его орденом Красной Звезды.

Жена Александра и ее отец за риск при выполнении важнейших заданий были награждены медалями «За боевые заслуги».

Из материалов немецких архивов известно, что командование вермахта совершило несколько роковых ошибок отчасти из-за того, что целиком полагалось на информацию абвера, полученную от источников из советского Верховного Главнокомандования.

Часть информации, которая шла в Берлин, возвращалась в Москву от немцев. Вот как это было.

В 1942—1943 годах непродолжительное время, до своего разоблачения, с советской разведкой сотрудничал полковник Шмит, один из руководителей шифровальной службы абвера. Он передал нашим людям во Франции разведывательные материалы, полученные абвером из Москвы. Их проанализировали и выяснили, что это была наша же дезинформация, переданная Гейне-Максом.

Отец записал по этому поводу:

«Одну из шифровок мы получали трижды. Первый раз — из Франции через Шмита, в феврале 1943 года. Второй раз в марте 1943 года от Энтони Бланта (кембриджская группа), служившего в английской разведке: он сообщил нашему резиденту в Лондоне Горскому, что у немцев в Москве есть важный источник информации в военных кругах. Третий раз — англичане через миссию связи нашей разведки в Лондоне передали в апреле 1943 года это же сообщение, будто бы перехваченное английской разведкой в Германии. На самом деле англичане получили эту информацию при помощи дешифровальной машины «Enigma» и представили нам в сильно уре-

занном виде, что ими практиковалось и в дальнейшем. Немецкое верховное командование использовало передававшуюся Гейне-Максом информацию для ориентации офицеров своих боевых частей на Балканах. Британская разведка перехватывала эти сообщения, посылавшиеся из Берлина на Балканы, так что мы в конце концов наши же данные получали от Бланта, Кэрнкросса и Филби. Это доказывало, что наша дезинформация работает. В Швейцарии британская спецслужба давала отредактированные тексты перехватов, дешифрованные с помощью «Enigma», своему агенту, поддерживавшему контакт с Ресслером, который, в свою очередь, передавал эту информацию «Красной капелле», откуда она поступала в Центр.

Итак, мы имели две версии, рожденные первоначально нашей дезинформацией, переданной Максом.

В феврале 1943 года мы получили из Лондона модифицированную версию сообщения Демьянова в Берлин вместе с указанием, что германская разведка имеет в военных кругах Москвы свой источник информации. Позднее через нашего резидента в Лондоне Чичаева британская спецслужба предупредила нас: есть основания полагать, что у немцев в Москве важный источник, через который просачивается военная информация. Мы поняли, что речь идет об Александре.

Следует отметить, что операция «Монастырь» с участием Гейне-Макса была задумана как чисто контрразведывательная... Однако позднее операция приняла характер стратегической дезинформационной радиоигры.

Помимо операции «Монастырь», советские разведслужбы во время войны вели примерно восемьдесят радиоигр дезинформационного характера с абвером и гестапо. В 1942—1943 годах Москве окончательно удалось захватить инициативу в радиоиграх с немецкой разведкой.

Моему отцу пришлось стать свидетелем бюрократических интриг, начавшихся впоследствии между военной контрразведкой СМЕРШ, НКВД и руководством военной разведки:

«Возглавлявший СМЕРШ Абакумов неожиданно явился ко мне в кабинет и заявил, что по указанию советского Верховного Главнокомандования мне надлежит передать ему все руководство по радиоиграм: этим делом должна заниматься военная контрразведка, которая находится в ведении Наркомата обороны, а не НКВД. Я согласился, но при условии,

если будет приказ вышестоящего начальства. Через день такой приказ появился, за нами оставили две радиоигры: операции «Монастырь» и «Послушники» (еще одна радиоигра по дезинформации немцев). Абакумов остался крайне недоволен, поскольку знал, что результаты этих операций докладываются непосредственно Сталину.

После того как Абакумову не удалось подчинить себе радиоигры «Монастырь» и «Послушники», он угрожающе предостерег меня:

— Учтите, я этого не забуду. Я принял решение в будущем не иметь с вами никаких дел!..»

Операция «Послушники» проводилась под прикрытием как бы существовавшего в Куйбышеве (теперь — Самара) антисоветского религиозного подполья, поддерживаемого Русской Православной Церковью в Москве. По легенде возглавлял это подполье епископ Ратмиров. Он работал под контролем Зои Рыбкиной в Калинин (ныне — Тверь), когда этот город находился в руках немцев.

При содействии епископа Ратмирова и митрополита Сергия удалось внедрить двух молодых офицеров НКВД в круг церковников, сотрудничавших с немцами на оккупированной территории. После освобождения Калинин епископ Ратмиров переехал в Куйбышев. От его имени их направили из Куйбышева под видом послушников в Псковский монастырь с информацией к настоятелю, который сотрудничал с немецкими оккупантами. Оба послушника были известны немцам.

Немцы послали в Куйбышев радистов из числа русских военнопленных, которых там НКВД быстро удалось завербовать. Тем временем два офицера-«послушника» развернули в монастыре кипучую деятельность. Среди церковных служителей было немало агентов НКВД, что облегчало их работу.

Немцы были уверены, что имеют в Куйбышеве сильную шпионскую базу. Регулярно поддерживая радиосвязь со своим разведбюро под Псковом, они постоянно получали от нас ложные сведения о переброске сырья и боеприпасов из Сибири на фронт. Располагая достоверной информацией от своих агентов, мы в то же время успешно противостояли попыткам псковских церковников, сотрудничавших с немцами, присвоить себе полномочия по руководству приходами Православной Церкви на оккупированной территории.

Подготовленные для советского руководства материалы о патриотической позиции Русской Православной Церкви, ее консолидирующей роли в набиравшем силу антифашистском движении славянских народов на Балканах и неофициальные зондажные просьбы Рузвельта улучшить политическое и правовое положение Православной Церкви, переданные через Гарримана Сталину, очевидно, убедили его пойти навстречу союзникам и вести по отношению к Церкви менее жесткую политику. Сталин сделал неожиданный шаг: разрешил провести выборы патриарха Русской Православной Церкви.

Должность патриарха была упразднена еще Петром Первым, как только церковные иерархи начали выступать против его реформ. Такое положение сохранялось почти двести лет, до 1917 года. После свержения монархии в России Временное правительство разрешило Православной Церкви провести выборы патриарха. Им стал Тихон. После его смерти советское правительство не разрешило выборы нового патриарха, и только во время Великой Отечественной войны, когда Сталин осознал значение Церкви для сплочения народа, в 1943 году Патриарх всея Руси был избран. Им стал Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Крутицкий и Коломенский Сергей (Старгородский). Мои родители присутствовали на церемонии интронизации. По приказу Сталина епископ Ратмиров после войны был награжден золотыми часами и медалью.

Сложной была в это время и конфронтация Абакумова с Берия. В течение всей войны наркомом обороны был Сталин. При нем военную контрразведку (СМЕРШ) передали из НКВД в ведение Наркомата обороны, и начальником СМЕРШа, по рекомендации Берия, утвердили Абакумова. Таким образом, занимая эту должность, Абакумов стал заместителем Сталина как наркома обороны, что значительно повышало его статус и давало прямой выход на Хозяина.

Теперь он был фактически независим от Берия и превратился из подчиненного в его соперника. В 1943 году без санкции Берия Абакумов арестовал комиссара госбезопасности Ильина, опытного начальника 3-го отдела Секретно-политического управления НКВД, ведавшего вопросами работы с творческой интеллигенцией. В соответствии с правилами, отмененными лишь при Горба-

чеве, никто не имел права арестовать высокопоставленное должностное лицо без согласия начальства. Бывали, правда, исключения, но каждый раз они рассматривались как ЧП. Ордер на арест подписывал прокурор, но на нем в левом нижнем углу обязательно должна была быть санкция непосредственного начальника того лица, которое подвергалось аресту: «Согласовано» — и подпись. Санкция же Берия в данном случае отсутствовала.

Отец вспоминал, что Ильин пользовался в НКВД большим уважением. В течение пяти лет, до того как началась операция «Монастырь», он «вел» Демьянова и также участвовал в этой радиоигре с немцами на ее начальной стадии. В 1937—1938 годах он избежал ареста, хотя и был старшим оперативным работником, поскольку в то время отвечал за работу с меньшевиками, уже не представлявшими интереса для Сталина.

В конце 1938 года Берия направил его в Орел и Ростов для расследования дела о так называемых троцкистских диверсиях на железных дорогах. Считалось, что заговорщики проникли в ряды местных руководителей советских и партийных органов. Он вернулся в Москву, потрясенный примитивностью ложных обвинений, с которыми ему пришлось столкнуться, и доложил начальству: Орловское и Ростовское УНКВД попросту сфабриковали дела, с тем чтобы упрочить собственное положение и укрепить свою репутацию. После его представления дело было пересмотрено, а Ильин получил назначение на должность начальника 3-го отдела Секретно-политического управления НКВД, что позволило ему добиться ареста двух важных осведомителей, снабжавших нас заведомо ложной информацией о якобы антисоветских настроениях среди ответственных работников.

Ильин вызвал осведомителей в Москву и приказал им представить подробные данные по делам двух подозреваемых. Получив их информацию, он убедился, что они за годы репрессий прекрасно научились искусству клеветы на тех, кого разрабатывали. Осведомителей-фальсификаторов арестовали и приговорили к десяти годам лагерей, а Ильин получил награду — знак «Почетный чекист». Учитывая личные контакты Ильина с такими писателями, как Алексей Толстой, и прославленными музыкантами и композиторами, его часто прини-

мал у себя Берия. Ильин также был в дружеских отношениях с Меркуловым.

И вот в 1943 году служба Ильина в органах закончилась из-за конфликта с Абакумовым. Еще во время Гражданской войны Ильин подружился с Теплинским, с которым они вместе служили в кавалерийской части. Позднее Ильин начал работать в ОГПУ, а Теплинский перешел в авиацию и сделал неплохую карьеру: в 1943 году он был генерал-майором и получил назначение на должность начальника инспекции штаба ВВС.

Неожиданно повышение Теплинского по службе за тормозилось: выяснилось, что против его нового назначения возражают органы. Тогда он обратился к Ильину, пытаясь выяснить, в чем дело. Тому удалось быстро узнать: единственная причина, заставившая госбезопасность отказать Теплинскому в доверии, заключалась в его присутствии на вечеринке в Военной академии в 1936 году, до ареста Тухачевского, где он якобы позволил себе с похвалой отозваться об офицерах и генералах, вскоре павших жертвами репрессий в армии. Ильин предостерег Теплинского, чтобы он был осторожнее в своих высказываниях, но свое предостережение сделал по телефону.

Абакумов тут же узнал об их разговоре и, возмущенный, потребовал от Берия, чтобы он отстранил Ильина от работы. Берия вместо этого поручил Меркулову ограничиться простым внушением, притом в дружеском тоне. К тому времени отношения между Абакумовым и Берия сильно испортились. Абакумов принял решение воспользоваться этой историей для того, чтобы скомпрометировать Берия и Меркулова. Он доложил Сталину, что комиссар госбезопасности Ильин срывает проводимую СМЕРШ оперативную проверку состава ВВС Красной Армии в связи с новыми назначениями. Все это приобретало особую важность, так как одна из причин, побудившая Сталина перевести СМЕРШ под свой личный контроль, заключалась в том, что он хотел исключить любое вмешательство бериевского НКВД в вопросы служебных передвижений в армии. Сталин приказал Абакумову немедленно арестовать Теплинского. Даже в годы войны Сталин по-прежнему стремился во что бы то ни стало лично контролировать работу возглавлявшихся им ведомств. В данном же случае речь шла об особо важном ведомстве — Наркомате обороны.

На допросе, проводившемся с пристрастием (Абакумов выбил ему два передних зуба в первую же ночь), Теплинский признался, что Ильин советовал ему, как лучше себя вести, чтобы не дать оснований для обвинения в симпатиях к «врагам народа». Кроме того, он также признал, что делился с Ильиным своими симпатиями к ряду высших офицеров, подвергшихся арестам в 1938 году. Неделью спустя Абакумов доложил о признаниях арестованного лично Сталину и получил от него санкцию на арест Ильина.

Явившись к Меркулову на Лубянку, Абакумов потребовал, чтобы вызвали Ильина — речь шла о руководящем работнике наркомата, комиссаре госбезопасности. И вот этого человека разоружают и сажают во внутреннюю тюрьму Лубянки. Хотя тюрьма и принадлежала НКВД, чекисты были лишены права допрашивать Ильина, поскольку он находился в ведении СМЕРШа. На следующий день Абакумов устроил очную ставку Теплинского с Ильиным. Теплинский, избитый накануне, повторил свои «признания»; Ильин, возмущившись, влепил ему пощечину, назвав его бабой.

Не найдя свидетелей для подтверждения показаний Теплинского, Абакумов оказался в сложном положении: ведь необходимо было заручиться показаниями двух свидетелей. Поскольку никто из окружения Теплинского в военных верхах даже не знал о существовании Ильина и не мог дать показания против него, найти второго свидетеля для обвинения представлялось проблематичным, а без этого нельзя было передавать дело для слушания в военную коллегию. Ильина избивали, лишали сна, однако он не только отказывался признать себя виновным, но даже не подписывал протоколы допросов. Для оформления дела их необходимо было предъявить Сталину, чтобы он решил дальнейшую судьбу подсудимого, и Абакумов боялся предстать перед Сталиным без убедительного обвинительного заключения. Хотя Абакумов не смог доказать вину Ильина, тот по-прежнему оставался в тюрьме.

На допросы Ильина вызывали в течение четырех лет, с 1943 по 1947 год. Его держали в одиночной камере и периодически избивали, чтобы получить признания. Через четыре года на него махнули рукой, но еще целых пять лет он оставался в тюрьме, где в разное время его

сокамерниками были министр авиационной промышленности Шахурин, маршал авиации Новиков и министр иностранных дел Румынии. Ильин никому не говорил, что он офицер-чекист. По его версии он работал в техническом отделе киностудии документальных фильмов. Понимая, что является жертвой борьбы за власть, Ильин дал себе слово ни в чем не признаваться и лучше умереть, чем запятнать свою честь. Ему удавалось даже сохранять чувство юмора. Однажды он спросил у своего следователя, проводившего допрос:

— А что означает орденская ленточка у вас на груди?

Офицер ответил, что это орден Ленина. Ильин заметил:

— Вот какая мне оказана честь — дело поручено человеку, награжденному орденом Ленина. Значит, мое дело очень важное!

В июле 1951 года Ильин был переведен в «Матросскую тишину» и помещен в специальный блок тюрьмы ЦК партии. Находившимися там подследственными занимался Комитет партийного контроля, который расследовал дела членов ЦК и офицеров госбезопасности. Начальник тюрьмы предупредил его о серьезных последствиях, если он не признает свою вину перед партией. Новый следователь, появившийся на очередном допросе в форме генерал-майора юстиции, был заместитель военного прокурора Советского Союза Китаев. К безмерному удивлению Ильина, Китаев потребовал от него показаний о предательской деятельности Абакумова, в ответ Ильин попросил представить доказательства, что это не провокация. Охранник вывел его в коридор и подтолкнул к глазку камеры, где сидел заклятый враг Ильина Абакумов.

Тем не менее Ильин отказался свидетельствовать против Абакумова, дальновидно рассудив, что Абакумов в свое время обо всем докладывал Сталину и если он, Ильин, сейчас расскажет о сфабрикованных Абакумовым делах, то его могут обвинить в содействии этим преступлениям. Ильин дал показания, что в своей работе после 1933 года не имел с Абакумовым никаких контактов, лишь изредка встречал его на Лубянке, а также во время инспекционной поездки в Ростов в 1938 году. Китаев был неудовлетворен его заявлением и перевел Ильина обратно на Лубянку, где допросы тут же возобновились. Од-

нако их тон сделался совершенно иным. Теперь его обвиняли в том, что он неправильно понимал свой служебный долг, поддерживая контакты и дружеские отношения с подозрительными людьми. Через полгода начальник комендатуры Министерства госбезопасности (МГБ) генерал-майор Блохин объявил ему: за служебные упущения Особое совещание приговаривает Ильина к девяти годам тюремного заключения.

Срок заключения истек — Ильин отсидел девять лет. Перед освобождением ему предложили пройти в кабинет для оформления необходимых документов. Ильин рассказывал позже, что Блохин являлся не только начальником комендатуры, но отвечал и за приведение смертных приговоров в исполнение (в ряде случаев он сам приводил их в исполнение), поэтому, когда его вызвали к Блохину, перед ним за одну-две секунды мысленно прокрутилась вся его жизнь. Он был уверен, что сейчас, сию минуту, его поведут в комендатуру на расстрел. Однако его привели в обычный кабинет, где он дал подписку о неразглашении обстоятельств дела и условий содержания под стражей. Он получил справку об освобождении, временный паспорт и свою старую форму комиссара госбезопасности, теперь генерал-майора, без погон, которая за эти годы порядком обветшала.

Выпущенный на волю поздним вечером, без денег, Ильин решил найти убежище в приемной МГБ на Кузнецком мосту. Он знал, что война кончилась, но не знал, как она изменила жизнь людей: ему было неизвестно, что в стране произошла денежная реформа и в обращении совсем другие деньги. Он также не знал, где его семья и что с ней. Утром выяснилось, что его жена развелась с ним, так как не имела сведений о нем и считала, что он погиб. Она снова вышла замуж, и их дочь жила с ней.

Ильин попробовал связаться с Меркуловым, который стал министром Госконтроля. Он пришел в министерство, секретарь доложил Меркулову, а потом сказал, что фамилия Ильина министру ни о чем не говорит. Ему некуда было идти. Он снова вернулся в приемную МГБ и сделал попытку позвонить Шубнякову, бывшему своему заместителю.

Он не знал номер его телефона, и у него не было монеты, чтобы позвонить из автомата, поэтому он на-

брал свой старый номер, воспользовавшись внутренним телефоном в приемной МГБ. Ответил дежурный офицер, который узнал его и разговаривал с ним с явной симпатией: репутация Ильина все еще оставалась высокой среди ветеранов НКВД. Оказалось, что Шубняков арестован в 1951 году, вслед за Абакумовым. Офицер из приемной МГБ одолжил Ильину пятьсот рублей (тогда это была довольно большая сумма) и посоветовал немедленно уехать из Москвы.

Ильин поехал в Рязань, где жил его двоюродный брат. Там он устроился на работу грузчиком на железнодорожной станции. О своем прибытии в город он сообщил в местное отделение госбезопасности на железной дороге, и через два месяца они помогли ему получить должность бригадира грузчиков. От него, правда, потребовали, чтобы он сказал своим товарищам по работе, что был осужден не по политической статье, а за растрату и другие должностные преступления, и обещали сделать соответствующую запись в трудовой книжке. Но Ильин отказался, опасаясь, что его могут обвинить в сокрытии своего прошлого. Так в возрасте сорока восьми лет он начал новую жизнь.

После смерти Сталина он подал на реабилитацию. Первое прошение было отклонено, но ему разрешили вернуться в Москву. Ильин устроился в транспортный отдел Моссовета. Реабилитировали его в 1954 году после расстрела Берия. В течение года ему отказывали в полной пенсии, положенной сотрудникам госбезопасности. Этому противился Серов, заявляя, что Ильин скомпрометирован связью с Теплинским, все еще отбывавшим срок как «враг народа».

Отец вспоминал, как буквально через три дня после его освобождения из тюрьмы в 1968 году Ильин навещал его:

«Я узнал, что судьба вновь улыбнулась ему. В 1956 году его бывший куратор в ЦК стал заместителем заведующего Отделом культуры ЦК партии. Ему нужен был честный и опытный администратор на пост оргсекретаря Московского отделения Союза писателей. Предшествующий опыт работы Ильина, в прошлом комиссара госбезопасности по вопросам культуры, делал его кандидатуру на этот пост вполне подходящей. К тому же его поддерживали такие писатели, как Федин и Симонов. Партийному руководству нужен был в Союзе писа-

телей человек, который бы знал всех, включая и осведомителей. Ильин идеально соответствовал своей новой должности и работал в Союзе писателей до 1977 года. Умер он в 1990 году».

В 1944 году операция «Монастырь» начала развиваться в новом направлении. Накануне летнего наступления Красной Армии в Белоруссии Сталин вызвал начальника Разведупра Кузнецова, начальника военной контрразведки СМЕРШ Абакумова, наркома госбезопасности Меркулова и отца.

Отец писал об этом:

«Настроение у меня было приподнятым: наша работа шла успешно, и месяц назад нас с Эйтингоном наградили орденом Суворова за боевые операции в немецком тылу. Как правило, эта высокая награда давалась только командирам фронтовых частей за выигранные сражения, и тот факт, что на сей раз ее вручили офицерам госбезопасности, говорил о многом. Вот почему на встречу я шел с чувством уверенности, да и Меркулов был в отличном расположении духа, как один из кураторов операции «Монастырь».

Однако Сталин принял нас весьма холодно. Он упрекнул за непонимание реальностей войны и спросил, как, на наш взгляд, можно использовать «Монастырь» и другие радиоигры для оказания помощи нашей армии в наступательных операциях, и предложил расширить рамки радиоигр, отметив, что старые приемы не подходят к новой обстановке. Кузнецов предложил подбросить новую информацию через Гейне-Макса о якобы планировавшемся наступлении на Украине. Я не был готов к такому повороту разговора и абсолютно ничего не знал о планах советского Верховного Главнокомандования. К тому же я помнил совет маршала Шапошникова никогда не вступать в дела, находящиеся за пределами твоей компетенции. Вот почему я молчал, когда Абакумов возобновил попытки подчинить операцию «Монастырь» СМЕРШу, заявляя, что его аппарат имеет с Генштабом более тесные связи, чем НКВД.

Сталин вызвал генерала Штеменко, начальника Оперативного управления Генштаба, и тот зачитал приказ, подготовленный еще до нашего разговора. В соответствии с приказом мы должны были ввести немецкое командование в заблуждение, создав впечатление активных действий в тылу Красной Армии остатков немецких войск, попавших в окружение в ходе нашего наступления. Замысел Сталина заключался в том,

чтобы обманным путем заставить немцев использовать свои ресурсы на поддержку этих частей и «помочь» им сделать серьезную попытку прорвать окружение. Размах и смелость предполагавшейся операции произвели на нас большое впечатление. Я испытывал подъем и одновременно тревогу: новое задание выходило за рамки прежних радиоигр с целью дезинформации противника».

Кстати о Сталине. Чего мы только не начитались о нем за последние годы. У меня, естественно, была возможность узнать о нем, как говорится, из первых рук. Однажды я спросил отца, как с ним разговаривал Сталин. Был ли случай, когда бы он на него накричал или еще хуже — стучал кулаком, как об этом ныне пишут всякие «демократические» авторы?

Отец подобных случаев не вспомнил, хотя ему пришлось видеть Сталина, как говорится, и в духе и не в духе. Отец, в общем-то, всегда уважительно отзывался о Сталине. Не припоминаю его плохих слов и о Берия, Молотове, Маленкове. Всех их он считал талантливыми государственными деятелями, которые слов на ветер не бросали.

Сталин, со слов отца, всегда говорил тихо, спокойно. Внимательно слушал отца (беседы их, как правило, проходили один на один), если что-то у отца не получалось с выполнением задания (надо учесть, что простых заданий у него не было), то Сталин всегда приговаривал: «Подумайте, с какой стороны можно было бы подойти к этому делу. Спешить в таких делах не надо. Подумайте над другим вариантом и доложите о своих соображениях». И обязательно Сталин в завершение разговора желал удачи. Кстати, должен заметить, отец никогда не скрывал перед ним ни своих просчетов, ни недоработок, говорил о них откровенно и честно, и это обстоятельство было замечено Сталиным, который ему, в свою очередь, доверял.

19 августа 1944 года генеральный штаб немецких сухопутных войск получил посланное абвером сообщение Макса о том, что соединение под командованием подполковника Шерхорна численностью в 2500 человек блокировано Красной Армией в районе реки Березины. Так началась операция «Березино» — продолжение операции «Монастырь».

Операцию «Березино» разработал начальник 3-го отдела Четвертого управления полковник Маклярский, отец

поддержал идею операции. Планировалась заманчивая радиоигра с немецким верховным командованием. О ее замысле во исполнение указания Ставки было доложено лично Сталину, Молотову, Берия. Санкция на проведение операции была получена.

Для непосредственного руководства этой операцией на место событий в Белоруссию выехали Эйтингон, Маклярский, Фишер, Серебрянский и Мордвинов.

В действительности группы Шерхорна в тылу Красной Армии не существовало. Немецкое соединение под командованием этого офицера численностью в 1500 человек, защищавшее переправу на реке Березине, было нами разгромлено и взято в плен. Эйтингон, Маклярский, Фишер, Мордвинов, Гудимович и Т. Иванова при активном участии Гейне-Макса перевербовали Шерхорна и его радистов. В Белоруссию были отправлены бойцы и офицеры бригады особого назначения, вместе с ними прибыли немецкие антифашисты-коминтерновцы. В игре также участвовали немецкие военнопленные, завербованные советской разведкой. Таким образом, было создано впечатление о наличии реальной немецкой группировки в тылу Красной Армии. Так, с 19 августа 1944 по 5 мая 1945 года была проведена самая, пожалуй, успешная радиоигра с немецким верховным командованием. Однако оперативные работники, участвовавшие в операции «Березино», не были награждены ни тогда, ни в последующие годы, ни к 50-летию Победы, хотя представлялись к награждению. К сожалению, такое было не редкостным явлением в штабах, когда награды выписывались не тем, кто их добывал кровью и потом.

Немецкая служба безопасности и генеральный штаб германских сухопутных войск всерьез замыслили нарушить тыловые коммуникации Красной Армии, используя соединение Шерхорна. С этой целью Шерхорну в ответ на его просьбы о помощи были посланы специалисты по диверсиям и техника. При этом нам удалось захватить направленную на связь с Шерхорном группу боевиков-эсэсовцев.

Шерхорн посылал в Берлин отчеты о диверсиях в тылу Красной Армии, написанные Эйтингоном, Маклярским и Мордвиновым. Макс получил приказ из Берлина проверить достоверность сообщений Шерхорна о действиях в тылу Красной Армии — он их полностью подтвердил.

Гитлер произвел Шерхорна в полковники и наградил Рыцарским крестом, а Гудериан отправил личное поздравление. Шерхорну приказали прорваться через линию фронта и продвигаться в Польшу, а затем в Восточную Пруссию. Шерхорн потребовал, чтобы ему для обеспечения этой операции парашютом были сброшены польские проводники, сотрудничавшие с немцами. Берлин согласился, и в результате были захвачены несколько польских агентов немецкой разведки. Гитлер, со своей стороны, планировал послать начальника службы спецопераций и диверсий Скорцени и его группу, но от этого плана немцам пришлось отказаться из-за ухудшения в апреле 1945 года военной ситуации на советско-германском фронте.

5 мая 1945 года, незадолго до завершения войны, командование вермахта и абвер в своей последней телеграмме рекомендовали Шерхорну действовать по обстоятельствам. Максу было приказано законсервировать источники информации и порвать контакты с немецкими офицерами и солдатами-окруженцами, которым грозило пленение, вернуться в Москву, затаиться и постараться сохранить свои связи. Шерхорна и его группу мы интернировали под Москвой, где они находились до тех пор, пока не были освобождены в начале 50-х годов.

А вот описание операции «Березино», так сказать, «с другой стороны», данное знаменитым «диверсантом № 1» третьего рейха Отто Скорцени в его известной книге «Секретные задания РСХА»:

«Примерно в то же время на Восточном фронте потребовалось вмешательство моих батальонов. Во второй половине августа мне приказали срочно явиться в ставку фюрера. По прибытии меня встретили два офицера из штаба генерала Йодля и объяснили причину вызова.

Вскоре после чувствительного поражения в июньской кампании 1944 года на центральном участке Восточного фронта дал о себе знать один «резервный агент», иначе говоря, сотрудник одного из подразделений контрразведки, какие существуют во всякой армии, русский агент, еще в начале войны внедрившийся в тыл русских.

Солдаты, неделями скитавшиеся по лесам на занятых русскими территориях и сумевшие пробиться к своим через линию фронта, сообщали о целых отрядах, находившихся в ок-

ружении. Тогда наш связной перешел линию фронта и передал разведчику приказ о «расконсервации» и само задание. И вот, наконец, радиограмма: «В лесной массив к северу от Минска стекаются группы уцелевших немецких солдат».

Около двух тысяч человек под командованием подполковника Шерхорна находились в районе, указанном весьма неопределенно. Разведчику сразу же приказали наладить радиосвязь с затаившимся отрядом, сообщили соответствующие частоты и код, но до сих пор все попытки оставались тщетными — по-видимому, у Шерхорна не было передатчика. Главнокомандующий уже посчитал невозможным найти и вернуть отряд. Ему посоветовали обратиться за помощью к моим «специальным частям».

— В состоянии ли вы выполнить подобное задание? — спросили встретившиеся со мной офицеры.

Я с достаточным основанием дал утвердительный ответ, зная, что эти офицеры и их коллеги были бы счастливы вернуть своих друзей, затерявшихся в водоворотах русского цунами. В тот же вечер я вернулся на самолете в Фриденталь, и мы принялись за дело. В считанные дни мы разработали план под кодовым названием «Браконьер» и взялись за решение бесчисленных технических проблем, связанных с осуществлением операции. Наш проект предусматривал создание четырех групп, каждая из которых состояла из двух немцев и трех русских. Людей вооружили русскими пистолетами и снабдили запасом продовольствия на четыре недели. Кроме того, каждая группа брала с собой палатку и портативную радиостанцию. На всякий случай их переодели в русскую военную форму, обеспечили удостоверениями, пропусками и т. д. Их приучили к русским сигаретам, у каждого в вещмешке имелось несколько ломтиков «русского» черного хлеба и советских консервов. Все прошли через руки парикмахера, который остриг их почти наголо в соответствии с военной модой русских, а в последние дни перед вылетом им пришлось расстаться со всеми предметами гигиены, включая даже бритвы.

Двум группам предстояло прыгнуть с самолетов восточнее Минска, почти точно посередине между городами Борисов и Червень, продвинуться на запад и обследовать бескрайние леса в этом районе. Если не удастся обнаружить отряд Шерхорна, надлежало самостоятельно добираться к линии фронта. По замыслу, две другие группы должны были десантироваться между Дзержинском и Витей, приблизиться к Минску и

обшарить обширный сектор вплоть до самого города. Если поиски останутся бесплодными, им тоже следовало пробираться к линии фронта.

Мы отдавали себе отчет, что сей план является лишь теоретическим руководством, и предоставили всем группам достаточную свободу действий; изначальная неопределенность не позволяла предусмотреть все детали операции, и потому им было дано право действовать по собственному разумению в соответствии со сложившимися обстоятельствами. Нам же оставалось уповать на радиосвязь, которая позволяла в случае необходимости передать новые указания. После обнаружения отряда Шерхорна следовало соорудить в занятом им лесу взлетно-посадочную полосу. Тогда можно было бы постепенно эвакуировать солдат на самолетах.

В конце августа первая группа — П. поднялась в воздух на «Хейнкеле-111» из состава 200-й эскадрильи. С лихорадочным нетерпением ждали мы возвращения самолета — ведь предстояло пролететь более 500 километров над вражеской территорией (к тому времени линия фронта проходила через Вистюль). Поскольку подобный полет мог состояться только ночью, истребители не могли сопровождать транспортный самолет. В ту же ночь состоялся сеанс радиосвязи между разведчиком и группой П.

«Скверная высадка, — докладывали наши парашютисты. — Попробуем разделиться. Находимся под пулеметным огнем».

Сообщение на этом заканчивалось. Возможно, пришлось отступить, бросив передатчик. Ночи проходили одна за другой, а из радио доносился лишь негромкий треск атмосферных помех. Ничего больше, никаких вестей от группы П. Скверное начало!

В начале сентября отправилась в полет вторая группа — С. По возвращении пилот доложил, что парашютисты прыгнули точно в указанном месте и достигли земли без происшествий. Однако следующие четыре дня и ночи радио молчало. Оставалось единственное объяснение — еще один провал, еще одна катастрофа. Но на пятую ночь наше радио, от которого все неутомимо ждали проявления хоть каких-нибудь признаков жизни, уловило ответ. Сначала пошел настроечный сигнал, затем особый сигнал, означавший, что наши люди вышли на связь без помех (нелишняя предосторожность: отсутствие сигнала означало бы, что радист взят в плен и его силой заставили выйти на связь). И еще великолепная новость: отряд Шерхорна существует и его удалось обнаружить! На следую-

щую ночь подполковник Шерхорн сам сказал несколько слов — простых слов, но сколько в них было сдержанного чувства, глубокой благодарности! Вот прекраснейшая из наград за все наши усилия и тревоги!

Через сутки после второй группы вылетела третья пятерка с унтер-офицером М. во главе. Мы так никогда и не узнали, что с ними случилось. Раз за разом наши радисты настраивались на их волну, повторяли позывные... Долгие, томительные недели... Ответа так и не последовало. Группа М. исчезла в бескрайних русских просторах.

Ровно через двадцать четыре часа вслед за группой М. на задание отправилась и четвертая группа Р. Четыре дня они регулярно выходили на связь. После приземления они двинулись к Минску, но не могли строго держаться этого направления, поскольку то и дело натывались на русские военные патрули. Иногда они встречали дезертиров, которые принимали их за товарищей по несчастью. В целом же большая часть населения в этой части Белоруссии была настроена довольно дружелюбно. На пятый же день сеанс связи неожиданно прервался. Мы даже не успели сообщить им координаты отряда Шерхорна. Вновь потянулось тревожное, нестерпимо долгое ожидание. Каждое утро Фолькерсам грустно объявлял: «Никаких вестей от групп Р., М., и П.». Наконец через три недели мы получили телефонограмму откуда-то из района литовской границы: «Группа Р. перешла линию фронта без потерь». Как и следовало ожидать, отчет Р. чрезвычайно заинтересовал разведывательные службы. Ведь случаи возвращения германских солдат с занятых русскими территорий были крайне редки. Р. особенно подчеркивал беспощадность, с которой советские командиры претворяли в жизнь принцип тотальной войны, мобилизуя все силы, а в случае необходимости используя даже женщин и детей. Если не имелось свободных транспортных средств, местному гражданскому населению приходилось за многие километры катить бочки с горючим — порой почти до линии огня — или по цепочке передавать снаряды прямо на артиллерийские позиции. Бесспорно, нам было чему поучиться у русских.

Переодетому лейтенантом Красной Армии командиру Р. достало смелости проникнуть в офицерскую столовую и получить обед. Благодаря безукоризненному знанию русского языка он оказался вне подозрений. Несколькими днями позже Р. добрался до наших передовых частей, полностью сохранив свою группу.

Теперь нам предстояло удовлетворить наиболее насущные нужды отряда Шерхорна, более трех месяцев находившегося в полной изоляции и лишенного буквально всего. Шерхорн просил прежде всего побольше медицинских препаратов, перевязочных средств и собственно врача. Первый прыгнувший с парашютом врач при приземлении в темноте разбился, сломал обе ноги и через несколько дней скончался. Следующему повезло, и он приземлился целым и невредимым. Потом мы стали сбрасывать маленькой армии продовольствие, одежду. Из донесения врача следовало, что состояние раненых плачевно, и Шерхорну было приказано немедленно приступить к подготовке эвакуации.

В течение двух-трех ночей 200-я эскадрилья высылала по несколько самолетов для снабжения затерянного в лесу лагеря. К сожалению, ночная выброска материалов не могла быть точной: зачастую спускаемые на парашютах контейнеры опускались в недоступных местах или оставались найденными в лесных зарослях, хотя солдаты Шерхорна вели непрерывные поиски. Тем временем совместно со специалистами эскадрильи мы подготовили план эвакуации, решив использовать в качестве аэродрома обширную лесную поляну, обнаруженную невдалеке от лагеря Шерхорна. Операцию решили проводить в октябре, в период наиболее темных безлунных ночей, наметив в первую очередь вывезти на самолетах раненых и больных, а уж затем здоровых.

К Шерхорну направили специалиста по быстрому развешиванию взлетно-посадочных полос в полевых условиях. Но едва начались подготовительные работы, как русские мощным ударом с воздуха сделали выбранное место непригодным. Пришлось изыскивать другой способ. После переговоров с Шерхорном решили, что отряду следует покинуть обнаруженный лагерь и совершить 250-километровый переход на север. Там, в окрестностях Дювабурга, возле прежней русско-литовской границы, находилось несколько озер, которые замерзали в начале декабря. Когда лед достаточно окрепнет, озера превратятся в подходящие аэродромы для транспортных самолетов.

Проделать столь долгий путь в тылу врага — дело не простое. Шерхорн предложил разделить отряд на две маршевые колонны. Первой, под командованием моего офицера С., надлежало идти прямо на север, выполняя роль разведывательного авангарда. Вторая, под командованием Шерхорна, должна была идти параллельным курсом, но немного сзади. Следова-

ло снабдить людей теплой одеждой и прочими необходимыми материалами. Для двух тысяч человек такая операция требовала огромного количества вылетов. Мы послали им девять радиопередатчиков, чтобы при дроблении отряда каждая часть имела бы связь с другими и с нами.

Поздней осенью 1944 года колонны медленно потянулись на север. Русских телег было мало, на них с трудом уместили больных и раненых. Кто мог, шел пешком. Переход оказался намного более длительным, чем мы предполагали. В среднем за день преодолевали 12 километров. Шерхорн был вынужден то и дело останавливать отряд для отдыха на день-другой, и тогда за неделю не удавалось пройти и сорока километров. С другой стороны, не обходилось без кровопролитных схваток с русскими военными патрулями, число погибших и раненых росло с каждым днем, и темпы продвижения, естественно, снижались. Мало-помалу все мы, успевшие хорошо узнать русских, теряли последние надежды. Шансы Шерхорна на возвращение в Германию были до ужаса малы.

По мере продвижения отряда к линии фронта маршрут самолетов снабжения укорачивался, но определить место выброски становилось труднее. По радио мы старались уточнить их координаты на карте, испещренной разными значками. Несмотря на предосторожности, несметное число тюков и контейнеров попало в руки русской милиции, которая, надо отдать ей должное, справлялась со своей задачей. Но даже не это было нашей главной заботой. С каждой неделей количество горючего, выделяемого 200-й эскадрилье, неизменно сокращалось, тогда как наши потребности в нем отнюдь не уменьшались. Время от времени мне удавалось в виде исключения урвать дополнительно 45 тонн, но каждая новая просьба наталкивалась на все большие трудности. Несмотря на отчаянные мольбы Шерхорна, пришлось сократить число вылетов самолетов снабжения. Думаю, ни Шерхорн, ни его солдаты, в невероятно сложных условиях пробивавшиеся через русские леса, не в состоянии были понять наши проблемы. Чтобы поддержать их дух, их веру в наше стремление помочь им всеми имеющимися у нас средствами, я в каждом радиосеансе старался высказывать неизменный оптимизм.

В феврале 1945 года мне самому пришлось командовать дивизией на Восточном фронте. Отбивая яростные атаки врага, я не упускал из вида наши «особые миссии». Сообщения, все еще регулярно приходившие от Шерхорна, были полны отчаяния: «Высылайте самолеты... Помогите нам... Не забы-

вайте нас...». Единственная хорошая весть: Шерхорн встретил группу П., первую из четырех заброшенных групп, которую считали бесследно сгинувшей в августе 1944 года. В дальнейшем содержание радиосообщений стало для меня сплошной пыткой. Мы уже не в состоянии были посылать более одного самолета в неделю. Перелет туда-обратно превышал 800 километров. Да и количество отправляемых грузов таяло на глазах. День и ночь я ломал голову, изыскивая возможности помочь людям, которые не сломались, не сложили оружия. Но что было делать?

К концу февраля нам перестали выделять горючее. При одной лишь мысли об огромных его запасах, захваченных противником в ходе наступления, меня охватывало бешенство. На каждом из аэродромов Вартегау, занятых русскими, имелось по несколько сотен тонн авиационного горючего.

27 февраля командир группы С. прислал нам следующее сообщение: «Отряд прибыл в намеченный район возле озер. Без немедленной поддержки умрем от голода. Можете ли вы нас забрать?»

По мере расходования элементов питания передатчика призывы о помощи становились все более настойчивыми, а мы уже не в силах были помочь. В конце С. просил доставить хотя бы батареи питания: «Мы больше ничего не просим... только говорить с вами... только слышать вас».

Крах и невероятный хаос, поразивший многие службы, окончательно добили нас. Не могло быть и речи о вылете самолета с помощью для несчастных, тем более об их эвакуации.

И все равно наши радисты ночи напролет не снимали наушников. Порой им удавалось засечь переговоры групп Шерхорна между собой, порой до нас долетали их отчаянные мольбы. Затем, после 8 мая, ничто более не нарушало молчание в эфире. Шерхорн не отвечал. Операция «Браконьер» окончилась безрезультатно¹.

Примечательно, что Гелен, возглавлявший после Канариса немецкую военную разведку, стремясь завоевать доверие американцев, предлагал Макса как надежного источника после войны. Однако разведка США отнеслась с недоверием к предложению Гелена.

Большая заслуга в проведении операций «Монастырь» и «Березино» принадлежит начальнику отделения Мас-

¹ С к о р ц е н и О. Секретные задания РСХА: Книга тайн-10. М.: «Мистерия», 1996. С. 301—308.

ся, который в 1945—1950 годах активно участвовал в разведывательной работе по атомной проблеме в США.

Созрел план использовать Шерхорна для вербовки немецкого адмирала Редера, командующего военно-морскими силами, отстраненного Гитлером от исполнения своих обязанностей в 1943 году. Будучи в плену, Редер находился в Москве. Позднее, по его просьбе, в Москву приехала его жена. Казалось, он настроен на сотрудничество с Москвой — в обмен на обещание не предъявлять ему обвинения как военному преступнику на Нюрнбергском процессе, хотя британская сторона и настаивала на привлечении его к суду за операции немецких подводных лодок против британского флота и безоружных торговых судов.

Мой отец поселил его с женой у нас на даче, но вскоре убедился, что план воздействия на адмирала через Шерхорна нереален, поскольку они оказались несовместимы друг с другом. Более благотворно действовал на адмирала Серебрянский, который был на нашей даче «под домашним арестом как военнопленный» (он играл роль немецкого бизнесмена). Серебрянскому удалось убедить адмирала, чтобы он возобновил в Германии свои знакомства и связи. Редеру, как вспоминал отец, очень нравились прогулки вдоль Москвы-реки на трофейном лимузине «хорьх» — именно такой был у него в Германии.

В конце 1945 года НКВД отправил Редера в Германию. Британская сторона продолжала настаивать на предании его суду как военного преступника. Как говорил мой отец, мы достигли соглашения с англичанами и американцами по этому вопросу. Редер, несколько других высших офицеров немецких ВМС и еще группа офицеров были переданы союзникам в обмен на бывшего царского генерала Краснова, командовавшего в Гражданскую войну казачьим войском, а во вторую мировую служившего в штабе вермахта, и советских офицеров, сражавшихся в армии Власова. Шерхорн был также возвращен в Германию, и связи с этими людьми прервались.

После войны советские разведслужбы сделали попытку вновь задействовать Александра Демьянова (Гейне-Макса), на сей раз в Париже, но вскоре выяснилось, что там эмигрантские круги не проявили к нему никако-

го интереса, и он вместе с женой возвратился в Москву. Больше ни в каких разведывательных операциях ни он, ни его жена не участвовали.

Демьянов работал впоследствии инженером-электриком в одном научно-исследовательском институте. Умер он в 1975 году от разрыва сердца, катаясь на лодке по Москве-реке. Ему было шестьдесят четыре года.

И военная, и политическая разведка сыграли большую роль в подготовке и проведении Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций, совещаний и встреч министров иностранных дел государств антигитлеровской коалиции в 1943—1945 годах. Накануне Тегеранской конференции правительство СССР приняло специальное решение, обязывающее все учреждения и ведомства Советского Союза оказывать всяческое содействие оперативной деятельности разведорганов Наркомата обороны и НКВД.

Встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране и Ялте предшествовали неофициальные беседы, в которых участвовали Фитин и мой отец с одной стороны и глава американской военной миссии в Москве генерал Дин, посол США Гарриман, советник английского посольства Роберте — с другой. Оговаривали возможные подходы к решению спорных вопросов: обмен разведывательной информацией, взаимная выдача провалившейся агентуры и захваченных немецких военных специалистов, деликатные проблемы возможного послевоенного урегулирования в странах Восточной Европы. Гарриман, в частности, не возражал против идеи создания коалиционного правительства в послевоенной Польше, предложенной Сталиным и Молотовым.

Эти последние встречи с представителями американской и английской разведок как бы подвели итоги сотрудничества спецслужб союзников в годы войны. Наиболее результативным оно оказалось в Афганистане, где резиденту советской разведки Алахвердову удалось парализовать действия немецкой агентуры в приграничных районах. Совместно с англичанами была разгромлена агентурно-диверсионная сеть немецкой и японской разведок в Индии и Бирме. Высоко оценивая нашу поддержку действиям английской разведки в Индии и Бирме, англичане, в свою очередь, выдали Москве многих прогерманских агентов в Афганистане

и Средней Азии, завербованных немцами для действий в советском тылу.

Дальше общих рассуждений о совместных диверсионных операциях против немцев в Западной Европе с английскими и американскими спецслужбами дело не пошло. Однако советские разведчики-нелегалы наладили деловой контакт с сотрудниками английской разведки, действовавшими при штабе маршала Тито в Югославии. Подполковник Квашнин установил хорошие личные отношения с сыном Черчилля Рэндольфом и оказал большую помощь английским офицерам в выходе из немецкого окружения. Полученная от Квашнина информация имела важное значение в оценке намерений английских правящих кругов и в их послевоенной политике в Югославии.

Вспоминая о наших с отцом разговорах по поводу сотрудничества в годы войны с разведками союзников, должен заметить, что он, отмечая, может быть, даже природную черту британцев к интригам, всегда подчеркивал, что им нельзя отказать в высоком профессионализме. Что касается сотрудничества, он о целом ряде эпизодов вспоминал с большой теплотой, всякий раз подчеркивая, что, к примеру, в наших отношениях с английской разведкой еще очень много белых пятен, и огорчался оттого, что вопросы сотрудничества не изучаются, никто об этом ничего не пишет. Но это так, к слову.

Американские деловые круги проявляли интерес к возможным формам решения еврейского вопроса, предлагая финансовую помощь в восстановлении районов Гомеля в черте так называемой «еврейской оседлости» и Крыма, где предполагалось создать еврейскую республику. В неофициальных беседах моего отца с Гарриманом, проходивших в ресторане «Арагви» и записывавшихся на магнитофон, в качестве переводчика выступал наш агент влияния князь Януш Радзивилл, компаньон семьи Гарриман по финансовым операциям в Польше и странах Восточной Европы. Он вновь был арестован НКВД в Польше в январе 1945 года.

Накануне Ялтинской конференции под председательством вначале Голикова, а затем Берия состоялось самое длительное за всю войну совещание руководителей разведки Наркомата обороны, Военно-Морского Флота и НКВД—НКГБ. Главный вопрос — оценка потенциа-

ных возможностей германских вооруженных сил к дальнейшему сопротивлению союзникам — был рассмотрен в течение двух дней. Прогнозы советской разведки о том, что война в Европе продлится не более трех месяцев ввиду нехватки у немцев топлива и боеприпасов, оказались правильными.

Последний, третий день работы совещания был посвящен сопоставлению имевшихся материалов о политических целях и намерениях американцев и англичан на Ялтинской конференции. Все согласились с тем, что и Рузвельт, и Черчилль не смогут противодействовать линии советской делегации на укрепление позиций СССР в Восточной Европе.

Участники совещания исходили из достоверной информации о том, что американцы и англичане займут гибкую позицию и пойдут на уступки ввиду заинтересованности быстрее вступления Советского Союза в войну с Японией. Прогноз НКВД и военной разведки о низкой способности японцев противостоять мощным ударам советских подвижных соединений в обход укрепленных районов, построенных японцами вдоль советской границы, подтвердился в августе 1945 года. Однако никто тогда не предвидел, несмотря на подробные данные о завершении работ по атомной бомбе, что американцы применят ядерное оружие против Японии.

Накануне Потсдамской конференции оценки были еще более оптимистичными. Берия и Голиков вообще не упоминали о перспективах социалистического развития Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии. Социалистический выбор как реальность в странах Европы был более или менее ясен только для Югославии. В Москве исходили из того, что Тито как руководитель государства и компартии опирался на реальную военную силу. В других же странах обстановка была иной. Вместе с тем все сходились на том, что советское военное присутствие и симпатии к Советскому Союзу широких масс населения обеспечат стабильное пребывание у власти в Польше, Чехословакии и Венгрии правительств, которые будут ориентироваться на тесный союз и сотрудничество с СССР.

Военно-политические рекомендации советских разведслужб по Германии также были далеки от установок на строительство социализма в оккупированной совет-

скими войсками зоне. Речь скорее шла о том, чтобы в будущей нейтральной, разоруженной навсегда Германии создать мощную, стабильную, ориентирующуюся на Россию, прогрессивную группу в немецком руководстве.

Практическим результатом решений совещания было также поручение заместителю начальника Первого (Разведывательного) управления НКГБ Короткову договориться с представителями разведслужб США и Англии о выдаче командного состава власовской армии, в частности Жиленкова, в обмен на передачу англичанам и американцам интересовавших их немецких генералов и адмиралов: речь шла и о находившемся в Москве в плену гросс-адмирале Редере.

Я остановился лишь на ключевых моментах материалов, имеющихся в архиве моего отца и связанных непосредственно с его работой в годы войны, — на основных разведывательных операциях германо-советской войны, вопросах оценки деятельности разведки военно-политическим руководством Советского Союза. Нельзя не признать, что систематическое внимание к работе разведки стало уделяться под влиянием наших серьезных неудач в начале войны. До войны Сталин, оценивая поступающие к нему материалы, больше полагался на собственное видение развития событий и собственную интуицию.

В ретроспективе очевидно, что наиболее существенные результаты были достигнуты не на основе реализации предвоенных агентурных позиций в Западной Европе и Германии, а в итоге подготовленных и осуществленных акций уже в ходе войны. При этом залогом успеха в операциях по стратегической дезинформации противника было тесное взаимодействие органов военной разведки и НКВД и привлечение к ним квалифицированных специалистов высшего уровня из Генерального штаба. Все это способствовало тому, что материалы о таких операциях, к примеру, о радиоигре «Монастырь», используются ныне американскими и нашими спецслужбами в качестве учебных материалов.

Конечно, неправильно было бы представлять, что у советской разведки были сплошные достижения. Абвер и гестапо нанесли разведорганам НКВД и Наркомата обороны серьезный урон. Помимо гибели ценных агентов и

оперработников в Западной Европе в 1941—1943 годах, советские органы госбезопасности потеряли в результате действий немецкой контрразведки целый ряд руководителей резидентур. Среди погибших были видные сотрудники советской разведки: Каминский (он при попытке ареста застрелился) — один из создателей «Красной капеллы» в Германии. В 1942 году в Афганистане погиб Фридтуд, знаменитый вербовщик Григулевича. Он вместе с Алахвердовым проводил операцию по нейтрализации немецких агентов. Виктор Лягин (резидент в Херсоне и Николаеве, накануне войны заместитель начальника Разведуправления НКВД), заброшенный в тыл врага, был схвачен немцами и расстрелян: никого не выдав, он отказался бежать, так как ему пришлось бы бросить своего раненого радиста. Иван Кудря (резидент в Смоленске и Киеве, его подготовкой занималась моя мама) проник в агентурную сеть абвера и передал важную информацию в Москву, до того как его предали. Владимир Молодцов (резидент в Одессе, был схвачен румынами). Суд над ним и его группой получил большую огласку. Об этом процессе писала вся румынская пресса. Когда его и членов группы приговорили к расстрелу, председатель суда предложил им подать апелляцию королю Румынии с просьбой о помиловании. Молодцов ответил: никогда не станет просить пощады у врага и не обратится с подобным прошением к главе иностранного государства, солдаты которого топчут нашу землю.

Лягину, Молодцову, Кузнецову после войны было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

К званию Героя Советского Союза были представлены офицеры-партизаны Морозов, Колесников, подпольщики Гефт, Гордиенко и многие другие. Ю. Колесников только через 50 лет получил звание Героя Российской Федерации в связи с полувековым юбилеем Победы над фашистской Германией. Не получили, как я уже выше отмечал, свои награды участники операции «Березино» и погибшие герои норвежского Сопротивления. Но наш святой долг воздать должное всем погибшим разведчикам, партизанам и антифашистам, тем, кто не был в должной мере отмечен в войну и послевоенные годы.

Будучи уже совсем старым человеком (он прожил почти девяносто лет), отец всегда с гордостью вспоминал

годы Великой Отечественной войны, считая, что в них проявился великий дух всего нашего народа, вся его огромная воля к свободе. О своих омсбоновцах он иначе и не говорил, как только в превосходной степени, называя их всех Героями, Молодцами, Людьми Долга и Чести. Он высоко оценивал вклад в победу партизан и подпольщиков, особенно — белорусов. И очень горевал по тем, кому не довелось дожить до Победы.

Окончание войны до сих пор живет в памяти как грандиозное событие, разом смывшее у многих все сомнения относительно мудрости руководства страны. Героические и трагические события минувшего, людские потери и даже массовые репрессии — все это казалось оправданным перед лицом Великой Победы над Гитлером.

Мой отец, вспоминая о тех днях, описывал, в частности, большой прием в Георгиевском зале Кремля:

«Я удостоился чести сидеть за одним столом с заместителем начальника Генштаба генералом Штеменко, начальником Разведывательного управления НКВД Фитиным, начальником Разведуправления Генштаба генералом Ильичевым, начальником армейской разведки генерал-полковником Кузнецовым. Помню, как Сталин подошел к нашему столу, приветствуя Исакова, потерявшего ногу во время немецкой бомбежки в 1942 году на Кавказе, и произнес тост в его честь. Исаков не мог выйти перед такой аудиторией на косяках, и нас всех до глубины души растрогал сталинский жест. Мы чувствовали себя его детьми и наследниками. Подчеркнутое внимание Сталина к молодым генералам и адмиралам показывало, что будущее страны он связывал с нашим поколением».

Уроки войны свидетельствуют, что советская разведка никогда не играла роли самостоятельного инструмента как военной, так и мирной большой политики. Лишь реализуя указания руководства государства в период минувшей войны, она сыграла существенную роль в выводе из войны Финляндии и Румынии, стратегической дезинформации германского командования. Несомненна также ее большая помощь в развитии партизанского движения, инициативной постановке вопроса о развитии в Советском Союзе работ по атомной энергии.

Глава 18

АТОМНЫЙ ШПИОНАЖ

В музее ВНИИ экспериментальной физики в бывшем секретном Арзамасе-16, ныне Сарове, есть уникальный экспонат — корпус первой советской атомной бомбы, которая была взорвана на Семипалатинском полигоне 29 августа 1949 года. Проект создания первой бомбы в условиях совершеннейшей секретности назывался «Реактивные двигатели специальные». Сами ученые-атомщики окрестили этот проект по-другому — «Реактивные двигатели Сталина». Но прижилось иное — «Россия делает сама».

История создания советской атомной бомбы до сих пор имеет немало «белых пятен». В печати уже неоднократно шли дискуссии о том, кто внес больший вклад в разработку отечественной ядерной бомбы — ученые-ядерщики или разведчики. Поскольку остаются неясности, то, видимо, и в дальнейшем будет немало разговоров по этому поводу.

Сегодня существуют две диаметрально противоположные точки зрения на проблему советского атомного шпионажа. Сторонники первой считают, что ученых Запада и США, имеющих отношение к созданию американской атомной бомбы, можно обвинить в шпионаже в пользу Советского Союза. Сторонники второй точки зрения утверждают, что подобные высказывания — ложь и клевета. Но при этом и те и другие то ли в силу незнания, то ли по какой-то иной причине совершенно обходят молчанием главное — наличие в советских архивах сотен работ западных ученых, таких, как Р. Оппенгеймер, Э. Ферми, Л. Сцилард и других, посвященных атомной проблеме. Эти документы докладывались на научно-техническом совете Спецкомитета правительства СССР по атомной проблеме.

Любому человеку, связанному с разведкой, должно быть ясно, что без помощи специальных служб просто невозможно получить секретные документы, каковыми являются работы западных ученых. Уяснив это, можно смело говорить о том, что при создании атомной бомбы в СССР использовался весь тот научный потенциал, который был уже накоплен на Западе. И спор по поводу

того, кто внес большой вклад в разработку отечественной ядерной бомбы, ведется в таком случае не с адекватных позиций. Не надо кого-то обвинять в шпионаже, а нужно, видимо, говорить о том, что советская разведка использовала возможности, открывшиеся в связи с выходом близких ей людей, ее агентов на ведущие научные круги Запада.

Мой отец в своих воспоминаниях высказался о решающей роли советской разведки в получении атомных секретов. Причем он утверждает, что их она получала от таких известных ученых, как Р. Оппенгеймер, Э. Ферми, Л. Сцилард. Однако эту точку зрения пытались опровергнуть. В частности, Служба внешней разведки России в лице своего пресс-бюро заявила, что это не соответствует действительности.

Тем не менее материалы, информация о которых сейчас становится известной, во все большей степени подтверждают тот факт, что именитые физики мира помогали СССР в создании атомного оружия, считая, что сокрытие этих секретов может привести к ядерной войне, к мировому диктату одной страны.

Чем больше в печати появляется публикаций об атомной бомбе, тем все явственнее возникают вопросы, ответы на которые могут многое прояснить. Как случилось, что из святой святых лаборатории в Лос-Аламосе, где велась работа над американской атомной бомбой, уплывала совершенно секретная информация? Каким образом это происходило? Появление новых свидетельств, например, полковника Владимира Барковского, причастного к добыванию атомных секретов, о том, что иностранные ученые передавали секретную информацию совершенно бескорыстно, наводит еще на один вопрос: почему они так поступали? Не было ли между учеными мира какой-то неформальной договоренности по поводу обмена информацией, касающейся атомной бомбы? А может быть, у ученого сообщества существовала сверхидея — использовать атомную бомбу, атомную энергию для создания международного правительства, причем ведущую роль в нем должны играть ученые? Иллюзия? Как знать... По крайней мере, точку в истории создания атомной бомбы ох как рано ставить.

Но прежде чем ответить на эти вопросы, есть смысл уточнить, что собой представляла американская атом-

ная программа и кто ее реализовывал. Сегодня практически об этом все известно до деталей. Благополучный и удаленный от театра военных действий Американский континент собрал тогда многих известных ученых. Образу говоря, в результате эмиграции европейских ученых в США была достигнута научная «критическая масса», которая так необходима для ядерного взрыва. В годы второй мировой войны в США оказались А. Эйнштейн, Э. Ферми, Л. Сцилард, Э. Теллер, Х. Бете, Дм. Франк, Ю. Вигнер, В. Вайскопф, П. Дебай и другие крупнейшие ученые, так или иначе занимавшиеся решением этой задачи. В 1943 году в Америку прибыл Нильс Бор, который консультировал американцев по урановой проблеме.

13 августа 1942 года администрация США утвердила «Манхэттенский проект» как организацию и план деятельности по разработке и производству атомной бомбы. Проект — колоссальный комплекс организационных, научно-исследовательских, конструкторских и промышленно-технологических работ, направленных на создание первых образцов атомного оружия. Щедрое финансирование позволило масштабно и всесторонне развернуть дело. К его осуществлению было привлечено больше людей, чем в ряды экспедиционного корпуса Эйзенхауэра во время высадки союзнических войск в Северной Франции в 1944 году. Американцы затратили на этот проект в тысячу раз больше, чем в свое время получили на ядерные исследования немецкие ученые.

Службу безопасности проекта возглавил Борис Паш, сын митрополита Русской Православной Церкви в США, известный своей непримиримостью к Советской России.

Разработать конструкцию атомной бомбы было поручено Р. Оппенгеймеру. Вместе с небольшой группой физиков-теоретиков он работал в Калифорнийском университете в Беркли. Его же назначили и директором одного из проектов, так называемого «У». Комитет по военной политике далеко не единодушно поддержал кандидатуру Оппенгеймера. Непримирым противником его назначения был и начальник службы безопасности проекта Б. Паш.

По мнению представителей спецслужб, в прошлом у Оппенгеймера было слишком много «темных пятен». Речь шла о его связи с «левыми» организациями. Оппенгей-

мер длительное время был близок с Джейн Тейлок, дочерью профессора английской литературы в Калифорнийском университете, коммунисткой по политическим убеждениям. Эти отношения сохранились и после того, как он женился на Катрин Гаррисон — вдове опять-таки коммуниста — и начал работать в зоне «У». Оппенгеймер стал и руководителем известной теперь всему миру Лос-Аламосской национальной лаборатории, где за ключей проволокой создавалась атомная бомба.

В лаборатории буквально свирепствовала служба безопасности. Каждый отдел исследовательского коллектива работал, абсолютно не зная, что делают другие. Стратегия в области обеспечения секретности, по признанию руководителя «Манхэттенского проекта» генерала Лесли Гровса, сводилась к трем основным задачам: «предотвратить попадание в руки к немцам сведений о нашей программе; сделать все возможное для того, чтобы применение бомбы в войне было полностью неожиданным для противника, и, насколько это возможно, сохранить в тайне от русских наши открытия и детали наших проектов и заводов». Как известно, решить третью задачу американцам так и не удалось.

В конце 1941 или в начале 1942 года было начато дело «Энормас» — разработка отделения научно-технической разведки органов госбезопасности СССР. «Энормас» в переводе с английского означает «громадный». Под этим словом подразумевалось устройство немыслимой силы. Так была закодирована разработка, касающаяся ядерного оружия.

Реализация этого дела имела несколько стадий. На первой не только мы, но и американцы, и англичане не очень верили в практическую возможность решения проблемы создания урановой бомбы. В материалах «Энормас» немало сомнений участников этого проекта — американцев и англичан.

Недоверчиво воспринимали разведывательную информацию по этой проблеме и руководители Советского Союза. В частности, на одном из донесений тогдашнему начальнику отделения научно-технической разведки НКГБ СССР Л. Квасникову Лаврентий Берия написал: «Не верю я вашему Антону. По-моему, не то он нам сообщает... Политические аспекты атомной бомбы, изложенные в ш/т (шифротелеграмме), прошу перепроверить через Вашингтон».

Первоначальные заключения наших специалистов по проекту «Энормас» были отрицательными. И не потому, что не признавалось научное значение этой проблемы, а потому, что отрицалась практическая возможность решения ее. И лишь в 1944 году разработка «Энормас» в советской разведке стала приоритетной. К этому времени уже появилась достоверная информация, оцененная И. Курчатовым, что американцы ведут систематическую и серьезнейшую работу не в области теоретических исследований по атомной бомбе, а по инженерному решению этой проблемы.

Дело «Энормас» таит в себе секреты, которые смогли бы пролить свет на то, как удалось выйти на таких ученых, как Р. Оппенгеймер и Э. Ферми, как внедрились наши разведчики в научные круги Запада, как использовались при этом коминтерновские связи и контакты с учеными еврейской национальности. А ведь известно, что именно под этим соусом удалось создать общий фон благоприятного отношения западных ученых и специалистов к вопросам, связанным с развитием ядерных исследований в Советском Союзе.

Не секрет, что первая информация о ядерной реакции, которую удалось осуществить в Чикаго итальянскому физiku Э. Ферми в 1942 году, была получена из научных кругов, близких к Оппенгеймеру. А добыл ее бывший работник Коминтерна и бывший секретарь Н. Крупской, наш резидент в Калифорнии Г. Хейфец. Он в свое время проинформировал Москву и о том, что разработка атомного оружия перешла в практическую плоскость. У него к тому времени уже был налажен контакт с Оппенгеймером и его окружением. Дело в том, что семья Оппенгеймера, в частности его брат, была тесно связана с нелегальной группой Компартии США на Западном побережье.

Одним из мест нелегальных контактов и встреч был салон мадам Брамсон в Сан-Франциско. Для нашей разведки сочувствующие коммунисты были одним из источников приобретения ценных людей и знакомств. Именно в салоне мадам Брамсон и произошла встреча Хейфеца с Оппенгеймером. Во время ее ученый рассказал, что Германия может опередить союзников в создании атомной бомбы. Он также поведал, что еще в 1939 году Альберт Эйнштейн обратился к президенту США Руз-

вельту с секретным письмом, в котором обратил его внимание на необходимость изучения возможностей атомной энергии для создания мощного оружия. Оппенгеймер был расстроен тем, что быстрой реакции на это письмо не последовало.

Салон мадам Брамсон существовал с 1936 по 1942 год. Наша страна поддерживала его. Хейфец передавал деньги на его финансирование. Но и мадам Брамсон была не бедной, а даже наоборот — весьма состоятельной дамой.

В поставке атомной информации велика заслуга и нашего разведчика Семена Марковича Семенова, который в свое время добыл секреты производства пенициллина. Это его разыскивают журналисты и не могут найти! Семенов использовал в своей работе эмигрантские и еврейские круги в США. Именно он вербовал Мориса Козна, который широкой общественности больше известен под именем Питера Крогера. Особую роль в добытии атомных секретов сыграл Сергей Николаевич Курнаков. Бывший офицер Белой армии, видный деятель русской эмиграции в США, он перешел на работу в ОГПУ. В 1946 году вернулся на родину. Именно Курнаков вышел на научные круги, имеющие отношение и к разработке атомной бомбы. Сергей Николаевич хотя и знал, что находится в сфере внимания американской контрразведки, практически открыто заваливался на прием к ведущим американским физикам и устанавливал с ними соответствующие отношения.

В деле «Энормас» есть и такой секрет, как исчезновение из него нескольких десятков страниц. Почему они исчезли? Кто их изъял? Что это за документы?

Первые сведения об участии советской разведки в создании ядерного оружия начали просачиваться в прессу слабенькими ручейками. Только недавно информация хлынула настоящим потоком. Одна сенсация захлестывала другую. То оказывается, наши ученые просто скопировали американскую бомбу по материалам, полученным с помощью наших разведчиков, то утверждает, что в их руки попали не только схемы, но и готовое «изделие» американского производства, не взорвавшееся в Японии в 1945 году. При всем многообразии выдвинутых версий делается один вывод — ничего собственно в атомном оружии мы не имеем. И в таком случае

искать подлинных творцов ядерной бомбы — дело бессмысленное.

Такой вывод возник, думается, не случайно. В условиях, когда сведения о ядерном оружии — истории его рождения, центрах и людях, его создавших, этапах развития — носили сверхсекретный характер, у основной массы наших сограждан сложилось представление о том, что кто-то что-то и где-то делает, в результате чего обороноспособность страны обеспечена. Но кто, где именно и какой ценой — об этом практически никто не знал.

Наиболее известное дело, касающееся атомного шпионажа, — дело Клауса Фукса, одного из разработчиков «Манхэттенского проекта». Фукс родился в Германии в семье лютеранского священника. Блестяще закончив гимназию, поступил в Лейпцигский университет (математика и теоретическая физика). Его преподавателями были нобелевские лауреаты Гейзенберг и Френкель. В Лейпциге Фукс стал членом социал-демократической партии. В 1933 году после прихода к власти фашистов эмигрировал сначала во Францию, потом — в Англию.

В 1941 году он был допущен к сверхсекретным работам, связанным с созданием атомного оружия. В декабре 1943 года по приглашению Р. Оппенгеймера, активного сторонника широкого привлечения специалистов-ядерщиков, работающих в Англии, к реализации американского атомного проекта, Фукс приехал в Нью-Йорк в составе британской научной миссии и с января 1944 года был включен в число разработчиков «Манхэттенского проекта». С августа 1944 по июнь 1946 года он работал в американском ядерном центре в Лос-Аламосе.

В конце 1949 года спецслужбы Англии получили доказательства контактов К. Фукса с представителями советской разведки. 2 февраля 1950 года он был арестован. Предъявленное ему обвинение гласило, что в период между 1943 и 1947 годом он, по крайней мере, четыре раза передавал неизвестному лицу информацию о секретных атомных исследованиях. Генеральный прокурор Англии, главный обвинитель на процессе Шоукросс, раскрыл это неизвестное лицо, заявив, что Фукс передавал атомные секреты «агентам советского правительства». Фукс передал нам материал о взрывном устройстве атомной бомбы, над чем работал в качестве одного

из конструкторов. 1 марта 1950 года он был осужден на 14 лет.

Кто же был тем «агентом советского правительства», кому Фукс передавал атомные секреты? Фукс вышел сначала на крупнейшего деятеля международного коммунистического движения Ю. Кучински, который был прекрасно известен английским властям и работал в одной из английских спецслужб — оценивал военно-экономический потенциал фашистской Германии. О своей встрече с Фуксом Кучински сообщил советскому послу в Англии И. Майскому, который, в свою очередь, решил не перепоручать связи с Фуксом НКВД — он был в плохих отношениях с резидентом НКВД в Англии А. Горским, а обратился к военному атташе Кремеру. Так была установлена постоянная связь с Фуксом.

Известно, что Фукс встречался с Соней Кучински, родственницей Кучинского, которая являлась агентом советской военной разведки. И это происходило в то время, когда Соня находилась в поле зрения английской спецслужбы, о ней знали, что она советская разведчица, находилась в советской резидентуре в Швейцарии, откуда перебралась в Англию.

Англичанам удалось внедрить в советскую разведывательную сеть в Швейцарии своего крупного агента Джима Хэнберна, который сумел почти полностью нейтрализовать и провалить всю нашу «Красную капеллу» в Швейцарии.

Сегодня можно рассуждать и спорить о том, знала ли английская разведка о встрече Фукса с Кучински или нет. Не исключено, что ее контакты тщательно анализировались. Ее связь с Фуксом, возможно, была зафиксирована. А что, если английская разведка была заинтересована в том, чтобы Советскому Союзу стало известно о работах над атомной бомбой в США?

Любопытны в этом отношении для анализа и такие детали. Судебный процесс над Фуксом носил сверхспринтерский характер разбирательства. Суд состоялся 1 марта 1950 года и длился всего полтора часа. Неожиданной для такого дела была и мера наказания. Суд не поддался искушению покарать Фукса по статье «измена родине». Небезынтересно вспомнить, что английская сторона отвергла притязания американцев на передачу дела Фукса в суд США, так же как и предложение ди-

ректора ФБР Гувера об оказании помощи в разбирательстве. Чем объяснить такую позицию? Не тем ли, что американцы практически полностью закрыли для англичан информацию о ядерных разработках?

Эпизод с Фуксом диктует необходимость совершенно по-новому взглянуть на все, что произошло. История с английским агентом Джимом Хэнберном, выход Фукса на Сою Кучински, которая находилась под колпаком английской контрразведки, молниеносный суд над Фуксом — всего этого историки разведки почему-то не хотят замечать. Без анализа же этих фактов и событий, без поиска новых доказательств и свидетельств трудно отвести зерна от плевел, определить мотивы, толкавшие ученых Запада передавать Москве атомные секреты. И в этом отношении кое-какой свет проливают шифротелеграммы резидентуры советской разведки, которые направлялись из США в Москву с информацией об атомной бомбе, и директивы из Москвы своим агентам.

Послания наших разведчиков, которые активно добывали атомные секреты в 40-е годы, расшифровали американцы в 1952—1953 годах. У нас они не публиковались. Их содержание стало известно лишь недавно. Они подтверждают очень важную роль русской эмиграции, подлинных патриотов России в получении особо секретных документов об атомной бомбе. В этих документах прослеживается и связь агентов советской разведки с видными деятелями западной науки, в частности с Р. Оппенгеймером. Можно, видимо, спорить о том, насколько адекватно были расшифрованы документы, но то, что они точно указывают на связь людей, окружавших Оппенгеймера, и на его связь с агентами советской разведки, бесспорно.

Вот директива из Москвы. Датирована она 17 февраля 1945 года. В ней агенту Гурону предписывается немедленно установить контакт с агентом Векселем и с руководством американского атомного проекта.

Еще одна телеграмма от 21 марта 1945 года. Адресована она Антону — резиденту научно-технической разведки в Нью-Йорке Л. Квасникову. Оппенгеймер по этому документу проходит как директор «индейской резервации», то есть Лос-Аламосской лаборатории, и как Вексель, то есть не как агент, а как источник информации по атомной бомбе. Причем несколько раз он назван как директор атомного проекта.

А вот текст дешифрованной телеграммы, отправленной из США в Москву 29 января 1945 года Виктору, то есть начальнику советской разведки П. М. Фитину. Документ содержит информацию о том, что по каналам Американской коммунистической партии, а также по каналам связи Бюро соотечественников американской организации помощи России в годы войны идет активная проверка крупных ученых, участвующих в выполнении американского атомного проекта.

Эта исключительно важная информация получена от агента, которому присвоен псевдоним Молодой — Млад. Позднее Млад будет фигурировать как источник информации о первом испытательном взрыве атомной бомбы. Его дневниковые записи хранятся в литерном деле «Энормас» в архиве советской разведки.

В шифротелеграммах встречается агент под кличками Бек и Кавалерист. Его подлинное имя — Сергей Николаевич Курнаков. Это тот самый Курнаков, который создал агентурную сеть среди эмигрантов в США. Например, в шифротелеграмме от 12 ноября 1944 года, отправленной в Москву, указывается на контакты Бека с учеными Гарвардского университета Т. Холлом и его сыном, где проводились теоретические исследования и разработки, связанные с атомной бомбой, и на то, как ему удалось привлечь к получению секретных материалов активистов движения помощи России в годы войны.

В шифропереписке содержится разгадка супругов Розенберг. В документах они фигурируют как агенты советской разведки. Да, действительно, они поддерживали отношения с теми, кто был близок нам. Однако никакими «атомными шпионами» они не были. Этими делами они вообще не занимались. Они сообщали о работах в области радиолокации. И только через их родственника Дэвида Грингласа удалось узнать о режиме секретности в Лос-Аламосской лаборатории, об участниках атомного проекта, масштабах проводимых работ.

Но тем не менее американские спецслужбы супругов Розенберг представили крупнейшими шпионами XX века. Их, по сути дела, они сделали козлами отпущения. И сделали это скорее всего потому, что других людей, которые тесно работали с советской разведкой и активно передавали атомные секреты, захватить, арестовать и предать суду не удалось. А тут у спецслужб США была

хоть и косвенная, но все же зацепка, чтобы оправдаться за свои провалы перед американской общественностью. Известно, что правительство США несколько раз давало им задание провести проверку и доказать причастность конкретных лиц к передаче атомных секретов Советскому Союзу. Но всякий раз расследование оканчивалось неудачно. Американские спецслужбы были взбешены тем, что идет утечка информации, а поймать никого не удастся. А утечка делалась по инициативе Оппенгеймера. Он предоставлял доступ к секретным материалам людям, чьи симпатии были на стороне Советского Союза.

Так и возникло, по-моему, широко разрекламированное «Дело» супругов Розенберг. Роковую роль, правда, в их судьбе сыграла, как вспоминает ветеран советской разведки П. Масся, крупная ошибка руководителей научно-технической разведки МГБ СССР Квасникова, Барковского и Раина — направить оперативного работника И. Каменева на связь с курьером Розенбергов Гарри Голдом, которого уже в это время допрашивала американская контрразведка.

Почему же американским спецслужбам не удавалось обнаружить источник утечки информации? Скорее всего потому, что они полагались только на техническое прослушивание и на технику перехвата и совершенно не имели надежной агентуры среди ученых. Дело осложнялось еще и тем, что ученая команда была слишком разнородная, в ней находилось много иностранцев. Сказалось и то, что сначала спецслужбы пошли по ложному пути — они сосредоточили свои усилия на поиске немецких шпионов и только в 1943—1944 годах начали всерьез выяснять, у кого какие симпатии. Прежде всего под подозрение попадали те, кто лояльно относился к коммунистам. А время было упущено. В 1945—1946 годах наши активные операции пошли на убыль. Правда, американским контрразведчикам удалось нащупать и кое-какие наши связи. И они даже попытались прогнать через них дезинформацию. Однако этим достичь практически ничего не удалось. Поезд, как говорится, уже ушел.

Например, один из сотрудников советской резидентуры в Нью-Йорке, курировавший поставки по ленд-лизу, А. Раин (в 1947—1949 годах возглавлял научно-техническую разведку МГБ СССР) получил более 50 сек-

ретных документов о разработках атомного оружия от предоставленных ему агентов ФБР. Эти документы содержали заковыристую дезинформацию. Но научный уровень их составителей был невысок. Давая в них правильную характеристику работ по атомной бомбе, они вписывали неверные формулы и расчеты о проведенных экспериментах. Экспертиза, которую проделали академики А. Иоффе и И. Курчатов, позволила установить характер переданных документов, вскрыть содержащиеся в них дезинформационные данные. Все эти документы имеются в архивах Службы внешней разведки России. Возникает вопрос: не по этой ли причине ФБР упорно отказывается предать гласности свои материалы из Лос-Аламоса?

Между тем в результате расследования выяснилось, что в Лос-Аламосской лаборатории грубо нарушался режим секретности. Сознательно это делалось или неосознанно? Видимо, сознательно. Иначе с чего бы это до сих пор от журналистов скрываются документы этого расследования. Похоже, не иначе, как я уже выше говорил, стыд буквально преследует американские спецслужбы за то, что они не сумели предотвратить утечку важнейшей информации.

Разумеется, американские спецслужбы всячески отрицали и продолжают отрицать версию о том, что видные ученые Запада, оказавшиеся причастными к атомному проекту, делились секретной информацией с Советским Союзом. Этой точки зрения придерживаются и некоторые наши публицисты и даже историки советской разведки. В частности, Владимир Барковский, полковник Службы внешней разведки России, который в настоящее время пишет историю разведки, в одном из своих интервью, данном «Комсомольской правде» (19 сентября 1995 года), утверждает, что великие ученые, такие, как Р. Оппенгеймер и Н. Бор, не выдавали нам атомные секреты. Но как тогда быть с очевиднейшими фактами?

Вот, скажем, в шифротелеграмме от 13 ноября 1945 года прямо указывается, что наша резидентура направляет документы, опущенные затем в официальной публикации комиссии Смита по атомной энергии. В шифротелеграмме фигурирует имя Оппенгеймера и его брата Фрэнка, не без помощи которого удалось восполнить пробел в докладе.

В этом докладе содержался раздел о ядерном реакторе. Оппенгеймер решительно возражал против издания доклада в урезанном виде. Он считал, что таким образом дезориентируется мировое сообщество и, в частности, ученые, работающие над атомной бомбой. Об этом в своих воспоминаниях в 1991 году написал коллега В. Барковского полковник внешней разведки А. Феклисов, поддерживавший связь с К. Фуксом в 1945—1949 годах в Англии.

А вот другой случай. Он уже хорошо известен. К Н. Бору ездили сотрудники советской разведки — Я. Терлецкий и Василевский. Перед ними стояла задача — теперь уже это точно известно — попытаться установить подлинность некоторых научных отчетов по атомной проблеме, которые удалось заполучить с помощью агентурных связей. К тому времени в Москву через А. Раина, об этом уже выше упоминалось, шел большой поток дезинформации. Терлецкий и Василевский приехали в Данию, где находился Н. Бор. Терлецкий познакомился с ученым на официальном приеме в посольстве. Вскоре Бор дважды принял Терлецкого. Он передал ему открытый доклад Смита. Но что было особенно важно, он прокомментировал его и ответил более чем на двадцать вопросов. Причем все его ответы выходили за рамки официального доклада комиссии Смита. Некоторые из них касались важнейших моментов. В частности, типов ядерных реакторов. У Бора удалось получить подтверждение, что реакторы могут быть двух типов — на тяжелой воде и графитные. Эта информация была исключительно важной.

В 1993 году Терлецкий в интервью английскому телевидению описал встречу с Нильсом Бором. Он привел сказанные ему тогда слова ученого о том, что для равновесия сил в мире русские должны как можно скорее создать свою атомную бомбу.

Бора никто не принуждал, никто не вербовал, никто никогда не считал его каким-то агентом влияния или еще чем-то подобным. Но он показал, что обеспокоен судьбами будущего мира, и прекрасно понимал, что может произойти, если атомная бомба окажется в чьих-то одних руках. Именно этими, а не какими-то иными мотивами можно объяснить желание великого ученого помочь Советскому Союзу.

Кстати, независимая экспертиза вопросов (заданных Бору Терлецким и содержащихся в стенограмме, которая недавно стала достоянием гласности), проведенная физиком Д. Сарфатти, учеником одного из создателей атомной бомбы известного физика Х. Бете, выявила, что вопросы указывали на высокий уровень осведомленности советских специалистов о характере проблем, которые необходимо решать при создании атомной бомбы.

Бор не поставил в известность ни английские, ни американские спецслужбы о характере заданных вопросов и тем самым скрыл то, что СССР находится на подходе к созданию атомной бомбы. Он вел свою линию, он обеспечивал интересы научного обмена. И именно этим обстоятельством воспользовалась советская разведка.

Надо отдать должное людям, работающим в ней, и их смекалке. Под видом ученых они получали ценнейшую информацию. Причем делалось это не на последней стадии получения материалов о создании атомного оружия, а сразу: перед разведчиками была поставлена задача — выйти на научные круги, имеющие отношение к созданию атомного оружия. Такие действия нашей разведки создали иллюзию у видных западных ученых, что они имеют дело с представителями советской научной общественности, но никак не разведчиками и уж тем более нелегалами.

Конечно же все эти ставшие известными ныне факты хотелось бы опровергнуть американским спецслужбам. И действительно, пока ни в одной крупной американской газете ни строки не написано ни о Векселе — Р. Оппенгеймере, ни о Н. Боре и их отношении к ядерным секретам. Сегодня мы поднимаем эти пласты не для того, чтобы в Америке началась «охота на ведьм», а чтобы лучше понять, о чем задумывались ученые, причастные к созданию ядерного оружия, и как они действовали, прекрасно понимая, чем может закончиться дело, если атомная бомба окажется в чьих-то одних руках.

Разумеется, добытая советскими разведчиками информация, о чем утверждал мой отец, способствовала ускоренному созданию ядерного оружия в нашей стране. Лично у меня тут никаких сомнений нет. Должен заметить, что авторитет отца, который для нас, братьев Судоплатовых, в семье был всегда высок и, можно даже

сказать, непререкаем, тут совершенно на меня не давит. Было бы наивным отвергать на всех уровнях формулу «информация способствовала». Да, она действительно способствовала тому, что у нас появилась своя атомная бомба.

Так существовал ли заговор ученых в конце 30-х годов, когда наука вплотную подошла к практической реализации проекта получения атомной энергии? Или была неформальная договоренность среди физиков-ядерщиков делиться между собой информацией? Никаких документов на сей счет не существует. Но скандальные истории с атомным шпионажем, которые интерпретируются каждым по-своему, упорно замалчивают один очень серьезный факт. Замалчивается он и Службой внешней разведки России. Может, потому, что не хочется принижать свои заслуги?

Дело в том, что имеются точные данные о том, что, помимо Советского Союза, исчерпывающие материалы по созданию атомной бомбы, включая и ее инженерное решение, получили и шведские ученые. Причем именно в тот же самый период, что и советские. Располагая этими фактами, можно более или менее смело говорить о том, что существовала неформальная договоренность между учеными относительно того, чтобы ядерное оружие ни в коем случае не было монополией какой-то отдельной политической группы.

Нильс Бор, Игорь Курчатов, Соня Кучински, Лев Ландау, Джулиус и Этель Розенберг, Энрико Ферми, Клаус Фукс, Анатолий Яцков и Павел Судоплатов... Кому-то эти фамилии ни о чем не говорят, а для кого-то они и сегодня еще являются чем-то вроде сигнала: внимание — атомная бомба. Именно эти и многие-многие другие лица так или иначе причастны к атомной бомбе, созданной в нашей стране. Некоторые из них, как, скажем, Нильс Бор или Игорь Курчатов, давно известны всему миру. Имена других только-только разгораются на небосклоне известности. Это — наши разведчики, некоторые из которых, рискуя жизнью, добывали секреты атомного оружия. Чьих имен мы еще не знаем?

Советская разведка действительно очень активно работала в послевоенные годы, особенно в период обострения «холодной войны». Нужно было не просмотреть подготовку к внезапному атомному нападению на СССР,

следить за совершенствованием стратегических наступательных вооружений, вскрывать планы и намерения западных стран по ключевым международным проблемам.

Отдельно следует остановиться на разведке в области науки, техники и экономики. Характерный пример — добыча секретов по атомному оружию. Сейчас много появилось открытых публикаций по этому вопросу. Высказываются разные версии о том, почему Советскому Союзу удалось в сравнительно короткий срок создать свою атомную бомбу, лишив тем самым американцев возможности шантажировать СССР, а то и нанести безнаказанно атомный удар, о чем у Пентагона были конкретные планы.

К 1939 году ученые Германии, Англии, США и Франции вплотную подошли к проблеме расщепления атома и получения нового источника энергии. Исследования в этом направлении до начала Великой Отечественной войны велись в СССР. Я. Зельдовичу, И. Харитону и другим удалось достичь определенных успехов. По линии внешней разведки поступали сведения, что в Германии, Великобритании и США интенсивно ведутся исследования по созданию нового сверхмощного оружия, что заставило советское руководство отнестись к данной проблеме с предельной серьезностью.

Первоначально исследования по урановой проблеме велись разрозненно, в различных лабораториях и институтах. Только в апреле 1943 года была образована центральная лаборатория № 2 по атомной проблеме при АН СССР во главе с профессором И. В. Курчатовым. К нему стали поступать все работы по атомным исследованиям, включая секретную разведывательную информацию из США и Великобритании, полученную агентурным путем от разведывательных служб ГШ РККА и НКВД—НКГБ.

3 июля 1943 года ГКО рассмотрел вопрос о состоянии разведывательной работы. Было принято решение о разделении функций и направлений деятельности ГРУ и Первого управления НКГБ СССР. В частности, внешней разведке Наркомата госбезопасности отводилась головная роль в добывании информации по созданию атомного оружия (проект «Энормас»). В соответствии с постановлением ГКО, военная разведка обязывалась передавать НКГБ всю информацию, а также агентуру по атом-

ному проекту. В свою очередь отделение НТР Первого управления получило статус самостоятельного отдела.

Перед органами внешней разведки по атомной проблеме были поставлены конкретные задачи:

определить круг стран, ведущих практические работы по созданию атомного оружия;

оперативно информировать Центр о содержании этих работ;

через собственные агентурные возможности приобретать необходимую научно-техническую информацию, способствующую созданию подобного оружия в СССР.

В феврале 1944 года для перевода и обработки информации по атомному проекту, полученной оперативно-агентурным путем, в составе НКВД была создана специальная группа «С» (Судоплатов). Так мой отец вплотную был завязан на наш атомный проект.

6 августа 1945 года первая в истории атомная бомба взорвалась над японским городом Хиросима. Наличие оружия массового уничтожения в руках нового потенциально-го противника поставило перед советским правительством задачу первоочередной важности — создание в наикратчайшие сроки собственного атомного оружия.

20 августа 1945 года для координации усилий по решению этой задачи был образован Специальный комитет по проблеме № 1 при ГКО, а затем при Совете Министров СССР, который возглавил заместитель Председателя СМ СССР Л. П. Берия. Рабочим аппаратом Спецкомитета стало Первое главное управление при СМ СССР, начальником которого был назначен нарком боеприпасов СССР Б. Л. Ванников.

Работа Спецкомитета шла по двум направлениям — научному, руководимому академиком АН СССР И. В. Курчатовым, и разведывательному, которое курировалось непосредственно бывшим главой НКВД. 27 сентября 1945 года на базе группы «С» в системе НКВД СССР был создан самостоятельный отдел «С», занимавшийся переводом, обработкой и обобщением разведанных по атомной тематике, полученных от внешней разведки. 10 января 1946 года отдел был передан в состав НКГБ, а затем — МГБ СССР. Подчиняясь непосредственно министру госбезопасности, начальник отдела «С» являлся одновременно руководителем 2-го (информационного)

бюро Спецкомитета. 30 мая 1947 года отдел «С» был выведен из состава МГБ СССР.

За время своей деятельности организаторы «атомной разведки» П. М. Фитин, мой отец — П. А. Судоплатов, Л. П. Василевский, В. М. Зарубин, Е. Ю. Зарубина, Г. Б. Овакимян, Л. Р. Квасников, С. М. Семенов, А. С. Феклисов, В. Г. Фишер (Р. И. Абель), Г. М. Хейфец, А. А. Яцков, помощники советской разведки Клаус Фукс, Дональд Маклейн, Моррис и Леонтина Коэн, Гарри Голд, Дэвид Гринглас, а также многие и многие другие оказали советской науке, как писал впоследствии И. В. Курчатов, «неоценимую помощь», позволив ученым уже 29 августа 1949 года провести испытания первой отечественной плутониевой бомбы, а в 1953 году создать первую в мире термоядерную бомбу, перегнав США на очередном витке гонки вооружений.

За выдающийся вклад в обеспечение ядерной безопасности государства А. С. Феклисову, Л. Р. Квасникову, А. А. Яцкову, Л. Коэн в 1996 году было присвоено звание Герой России.

Появление у нас в 1949 году атомной бомбы удержало американскую реакцию во главе с президентом Трумэном от соблазна использовать против нас ядерное оружие, а значит, спасло нас от катастрофы, американских лидеров — от преступления, американский народ — от позора. В том, что все так благополучно закончилось, большая заслуга и разведки органов государственной безопасности.

Это направление деятельности советских разведслужб мой отец в своих воспоминаниях описал достаточно подробно:

«В 1943 году всемирно известный физик Нильс Бор, бежавший из оккупированной немцами Дании в Швецию, попросил находившихся там видных ученых Елизавету Мейтнер и Альфвена проинформировать советских представителей и ученых, в частности Капицу, о том, что его посетил немецкий физик Гейзенберг и сообщил: в Германии обсуждается вопрос о создании атомного оружия. Гейзенберг предложил международному научному сообществу отказаться от создания этого оружия, несмотря на нажим правительств. Не помню, Мейтнер или Альфвен встретились в Гетеборге с корреспондентом ТАСС и сотрудником нашей разведки Косым и сообщили ему, что Бор озабочен возможным созданием атомного оружия в

гитлеровской Германии. Аналогичную информацию от Бора, еще до его бегства из Дании, получила английская разведка.

Западные ученые высоко оценивали научный потенциал советских физиков, им были хорошо известны такие крупные ученые, как Иоффе, Капица, и они искренне считали, что, предоставив информацию Советскому Союзу об атомных секретах и объединив усилия, можно обогнать немцев в создании атомной бомбы».

Еще в 1940 году советские ученые, узнав о ходивших в Западной Европе слухах о работе над сверхмощным оружием, предприняли первые шаги по выявлению возможности создания атомной бомбы. Однако они считали, что создание такого оружия возможно теоретически, но вряд ли осуществимо на практике в ближайшем будущем. Комиссия Академии наук по изучению проблем атомной энергии под председательством академика Хлопина, специалиста по радиохимии, тем не менее рекомендовала правительству и научным учреждениям отслеживать научные публикации западных специалистов по этой проблеме.

«Хотя правительство не выделило средств на атомные исследования, — вспоминал мой отец, — начальник отделения научно-технической разведки НКВД Квасников направил ориентировку резидентурам в Скандинавии, Германии, Англии и США, обязав собирать всю информацию по разработке «сверхоружия» — урановой бомбы. Эта инициатива Квасникова связана с другими драматическими событиями, когда в Германии, США и Англии ученые-физики приступили к изучению возможностей создания ядерного оружия задолго до организации американским правительством спеццентра по созданию атомной бомбы в Лос-Аламосе».

Осенью 1939 года ведущие немецкие ученые-физики под руководством Э. Шумана (близкого родственника известного композитора) были объединены в «Урановое общество» при управлении армейских вооружений, куда, в частности, вошли Вернер Гейзенберг, Карл-Фридрих фон Вайцзекер, Пауль Гратек, Отто Ган, Вильгельм Грот и другие. Научным центром атомных исследований стал Берлинский физический институт «Общества кайзера Вильгельма», а его ректором назначили профессора Гейзенберга. К участию в научных разработках были подключены физико-химические институты Гамбургского, Лейпцигского, Грейфсвальдского, Гейдельбургского и Ростокского университетов.

В течение двух лет группа Гейзенберга провела отправные теоретические исследования и эксперименты, необходимые для создания атомного реактора с использованием урана и тяжелой воды. Также было установлено, что взрывчатым веществом может служить изотоп урана-238 — уран-235, содержащийся в обычной урановой руде.

Намеченные исследования в Германии нуждались в достаточных запасах урана, получении тяжелой воды или чистого графита. Для лабораторных разработок хватало руды, поставляемой с месторождения в Яхимове из Чехословакии, но в дальнейшем урана требовалось значительно больше. Еще сложнее было положение с тяжелой водой. Однако вскоре проблема разрешилась. После оккупации Бельгии весной 1940 года на обогатительной фабрике «Юнион миньер» немцы захватили около 1200 тонн уранового концентрата, что составило почти половину имеющегося мирового запаса урана. Другая часть запаса в сентябре того же года была тайно переправлена из Конго в Нью-Йорк. С оккупацией Норвегии в руках у немецких руководителей атомного проекта оказался завод фирмы «Норск-гидро» в Рjukanе, в то время единственный в мире производитель и поставщик тяжелой воды. Накануне оккупации 185 килограммов тяжелой воды были вывезены по запросу Жолио-Кюри в Париж, эта же продукция затем попадает в США.

В декабре 1940 года под руководством Гейзенберга завершилась постройка первого опытного реактора, а фирма «Ауэргезельшафт» освоила производство металлического урана в Ораниенбурге. Одновременно в секретных лабораториях «Сименса» начался поиск путей промышленной очистки графита для использования его в качестве замедлителя нейтронов в реакторе при отсутствии тяжелой воды, а также развернулось проектирование электроэнергетического обеспечения проекта.

Знаменательно, что почти в то же самое время решением Особого совещания НКВД в апреле 1940 года из СССР был выслан известный немецкий физик Ф. Хоутерманс. Он длительное время работал в Физико-техническом институте в Харькове, в частности, с известнейшим физиком Ландау, занимался вопросами ядерной физики. Хоутерманс был арестован в декабре 1937 года «как подозрительный иностранец, прикидывавшийся бежен-

цем-антифашистом». В защиту Хоутерманса выступили крупнейшие физики мира: Бор, Эйнштейн, Жолио-Кюри. Находясь в заключении, Хоутерманс дал согласие на сотрудничество с органами НКВД после своего возвращения в Германию. Это обстоятельство было чисто формальным. Хоутерманса, как сочувствовавшего коммунистам, немедленно арестовало гестапо. Тем не менее по ходатайству немецких физиков он вскоре был выпущен из тюрьмы и включился в научную работу в Германии.

Поворот в судьбе Хоутерманса привел, однако, к резкой активизации всех исследований по возможностям создания атомного оружия в США и Англии в 1941 году. Хоутерманс поручил своему доверенному лицу немецкому физiku Ф. Райхе, покинувшему Германию в 1941 году, проинформировать физиков о фактическом начале работ в фашистской Германии по созданию атомного оружия.

Резидент нашей разведки в Нью-Йорке Овакимян проинформировал руководство разведки в апреле 1941 года о встрече беженца из фашистской Германии с виднейшими физиками западного мира, находившимися в США, в ходе которой обсуждалось громадное потенциальное военное значение урановой проблемы. Однако накануне войны этим материалам не придавали существенного значения.

Мой отец отмечал, что «большой успех в этом приоритетном направлении нашей разведывательной деятельности был достигнут после того, как мы направили в Вашингтон в качестве резидента Зарубина (Купер) — под прикрытием должности секретаря посольства Зубилина — вместе с женой Лизой, ветераном разведки.

Сталин принял Зарубина 12 октября 1941 года накануне его отъезда в Вашингтон. Тогда немцы находились под Москвой. Сталин сказал Зарубину, что его главная задача в будущем году заключается в нашем политическом воздействии на США через агентуру влияния».

До этого времени разведывательная работа по сбору политической информации в Америке была минимальной, поскольку СССР не имел конфликтных интересов с США в геополитической сфере. Но в начале войны Кремль был сильно озабочен поступившими из США данными, что американские правительственные круги рас-

смаатривают вопрос о возможности признания правительства Керенского как законной власти в России в случае поражения Советского Союза в войне с Германией, и советское руководство осознало важность и необходимость получения информации о намерениях американского правительства, так как участие США в войне против Гитлера приобретало большое значение.

«Зарубин должен был создать масштабную и эффективную систему агентурной разведки не только для отслеживания событий, но и воздействия на них, — вспоминал по этому поводу отец. — Однако поступившие в Центр за полтора года материалы разведки из Англии, США, Скандинавии и Германии по разработке атомного оружия кардинально изменили направление наших усилий.

Менее чем за месяц до отъезда Зарубина британский дипломат Маклин, наш проверенный агент из кембриджской группы, работавший в то время под псевдонимом Лист, сообщил документированные данные, что английское правительство уделяет серьезное внимание разработке бомбы невероятной разрушительной силы, основанной на действии атомной энергии.

С 1939 года я был куратором разведывательных операций, связанных с использованием знаменитой кембриджской группы, в том числе разработок по Филби и Маклину. В июле 1939 года я принял решение о возобновлении связи с Маклином, Филби, Берджесом, Кэрнкроссом и Блантом, хотя они могли быть раскрыты Александром Орловым, бежавшим на Запад.

Когда Франция потерпела поражение в июне 1940 года, Маклин, работавший в английском посольстве во Франции, вернулся в Лондон в министерство иностранных дел. В Лондоне он действовал под оперативным руководством резидента Горского (один из его псевдонимов Вадим)».

16 сентября 1941 года британский военный кабинет (так назывался кабинет министров во время войны) рассмотрел специальный доклад о создании в течение двух лет урановой бомбы. Проект по урановой бомбе получил название «Трубный сплав». На эти работы крупному британскому концерну «Империал кемикал индастриз» были ассигнованы громадные средства. Маклин передал советской разведке шестидесятистраничный доклад британского военного кабинета с обсуждением этого проекта.

Далее отец уточнял:

«Другой наш источник — агент из «Империял кемикал индастриз» — сообщил, что руководство концерна рассматривает вопрос об атомной бомбе только в теоретическом плане. Одновременно нам стало известно, что комитет начальников штабов Великобритании также принял решение о строительстве завода по созданию атомной бомбы. Наш резидент в Лондоне Горский срочно попросил Центр провести экспертизу направленных нам материалов».

Первоначально ученые дали по этим материалам отрицательное заключение. Поскольку советские ученые рассматривали вопрос об атомном оружии только как теоретическую возможность, руководство разведслужб не было удивлено тем, что информация по урановой бомбе носила противоречивый характер.

Наша разведывательная деятельность в США в то время была направлена на противодействие Германии и Японии. Хейфец, резидент в Сан-Франциско, пытался завербовать агентуру в США для последующего использования ее в Германии, но не добился существенных результатов, поскольку имел связи в основном в еврейских общинах американского тихоокеанского побережья.

В задачи Хейфеца и Зарубина входила нейтрализация антисоветской деятельности белой эмиграции в США, представленной такими фигурами, как Керенский, бывший премьер Временного правительства, и Чернов, лидер партии эсеров, высланный из России по указу Ленина в 1922 году.

Дело в том, что в СССР начали получать помощь по ленд-лизу, и было крайне важно создать в глазах американцев самое благоприятное впечатление о нашей стране, тем более что правительство Рузвельта очень болезненно реагировало на критику его связей с Советским Союзом, раздававшуюся в конгрессе и на страницах газет. В Москве стремились выявить, в какой мере эта критика инспирирована белой эмиграцией.

Отец уточнял:

«Однако все это отошло на второй план, когда Хейфец и наш оперативный работник Семенов сообщили, что американские власти намерены привлечь выдающихся ученых, в том числе лауреатов Нобелевской премии, к разработкам особо секретной проблемы и на эти цели правительство выделяет двадцать процентов от общей суммы расходов на военно-тех-

нические исследования. Хейфец сообщил также, что связанный с нелегальной сетью Компартии США видный физик Оппенгеймер и его коллеги покидают Калифорнию и уезжают на новое место для проведения работ по созданию атомной бомбы.

До февраля 1942 года я занимал должность заместителя начальника зарубежной разведки и помню эти сообщения. Они содержали исключительно важную информацию, которая способствовала изменению нашего скептического отношения к атомной проблеме».

Решение американцев выделить такие крупные суммы на атомный проект в этот опасный для союзников период войны убедило нас, что он имеет жизненно важное значение и может быть фактически выполнен.

Первая встреча Хейфеца и Оппенгеймера произошла в декабре 1941 года в Сан-Франциско на собрании по сбору пожертвований в помощь беженцам и ветеранам гражданской войны в Испании. Хейфец посетил это собрание в качестве советского вице-консула. Он хорошо говорил на английском, немецком и французском языках и был незаурядной личностью. Еще в 30-е годы, будучи заместителем резидента в Италии, он заметил и начал первичную разработку Ферми и его молодого ученика Понтекорво, которые выделялись своими антифашистскими взглядами и могли стать источниками научно-технической информации.

Мой отец рассказывал, что он познакомился с Хейфецом в 30-е годы, когда тот приезжал в Москву, и сразу попал под его обаяние, которое сочеталось с высоким профессионализмом разведчика. Хейфец некоторое время работал секретарем Крупской. Его отец был одним из основателей Компартии США, когда работал в Коминтерне. Находясь на нелегальном положении в Германии, Хейфец окончил Политехнический институт в Йене и получил диплом инженера. Хейфец как еврей рисковал в Германии головой, но его темная кожа позволила ему использовать фальшивые документы студента-беженца из Индии, обучающегося в Германии.

Хейфец вращался в различных кругах Сан-Франциско, пользовался большим уважением коммунистов и «левых» (они называли его «мистер Браун»). Опекаемый им светский салон госпожи Брамсон часто посещали нелегально состоявшие в Компартии США Роберт Оппен-

геймер и его брат Фрэнк. Хейфец рассказывал моему отцу, что дважды встречался с Оппенгеймером и его женой на коктейле. К тому времени до Хейфеца уже доходили слухи о начале работ над сверхбомбой, но Москва все еще сомневалась в важности и неотложности атомной проблемы.

Тогда же Хейфец сообщил, что Оппенгеймер упомянул о секретном письме Альберта Эйнштейна президенту Рузвельту в 1939 году, в котором обращал его внимание на необходимость исследований для создания нового оружия в связи с угрозой фашизма.

Оппенгеймер был разочарован тем, что со стороны властей быстрой реакции на письмо Эйнштейна не последовало и что работы разворачиваются медленно.

Опытный профессионал Хейфец прекрасно знал, как расположить к себе Оппенгеймера. Не могло быть и речи о том, чтобы предложить ему деньги, прибегнуть к угрозам или шантажу с использованием компрометирующих материалов. Благодаря личному обаянию он установил доверительные отношения с Оппенгеймером через его брата Фрэнка, обсуждая сложную ситуацию в связи с нападением японцев на Перл-Харбор и нависшую над миром угрозу фашизма.

В традиционном смысле слова Оппенгеймер, Ферми и Сцилард никогда не были советскими агентами. Это утверждал и Квасников, возглавлявший в 1947—1960 годах советскую научно-техническую разведку: «Ученых, работавших с нашей разведкой, агентами назвать было нельзя».

Информация Хейфеца имела исключительно важный характер. Центр поручил Семенову (кодовое имя Твен) проверить сообщения, полученные от Хейфеца. Семенов должен был выявить главных ученых-специалистов, привлеченных к работе над сверхсекретным проектом, и определить конкретную роль каждого.

Семенов пришел в органы госбезопасности в 1937 году. Он один из немногих имел высшее техническое образование, и его послали учиться в США, в Массачусетский технологический институт, чтобы в дальнейшем использовать по линии научно-технической разведки. Он эффективно действовал как оперативный сотрудник под прямым руководством Овакимяна, который работал под прикрытием советской внешнеторговой фирмы Амторг

в Нью-Йорке. Именно Семенову и его помощнику Курнакову удалось установить прочные контакты с близкими к Оппенгеймеру физиками из Лос-Аламоса, работавшими в 20—30-е годы в Советском Союзе и имевшими связи в русской и антифашистской эмиграции в США. Так стал регулярно действовать главный канал поступления информации по атомной бомбе. Это Семенов привлек к сотрудничеству супругов Коэн, выполнявших роль курьеров. Лона Коэн передала СССР в 1945 году важнейшие научные материалы по конструкции атомной бомбы.

Семенов, используя свои связи в Массачусетском технологическом институте, определил, кто из видных ученых участвует в так называемом «Манхэттенском проекте» по созданию атомной бомбы, и независимо от Хейфеца сообщил весной 1942 года, что не только ученые, но и американское правительство проявляет серьезный интерес к этой проблеме. Семенов сообщал также, что в проекте участвует известный специалист по взрывчатым веществам Кистяковский, украинец по национальности.

Немедленно было дано указание использовать агенту среди русских эмигрантов для обеспечения подходов к Кистяковскому. Однако два важных агента в США — бывший генерал царской армии Яхонтов, женатый на сестре жены наркома госбезопасности СССР Меркулова, эмигрировавший в США после Гражданской войны, и Сергей Курнаков, ветеран операций ГПУ по эмиграции в США, не смогли привлечь Кистяковского.

На связи у Семенова некоторое время находились супруги Юлиус и Этель Розенберг, привлеченные к сотрудничеству с нашей разведкой еще Овакимяном в 30-е годы. Научно-техническая информация Розенбергов не имела существенного значения — они со своими родственниками были подстраховочным звеном, далеким от основных операций. Позднее арест и суд над ними привлек внимание всего мира.

Семенову принадлежит, пожалуй, основная роль в создании канала поступления разведывательной информации по атомной бомбе, через который в 1941—1945 годах в СССР получили, как пишет Терлецкий в своих воспоминаниях, американские секретные отчеты, а также английские материалы с описанием основных эксперимен-

тов по определению параметров ядерных реакций, реакторов, различных типов урановых котлов, диффузионных разделительных установок, дневниковые записи по испытаниям атомной бомбы и т. п.

В марте 1942 года Маклин предоставил советским разведслужбам документальные данные об интенсивной работе по атомной проблеме в Англии. В том же году советская военная разведка привлекла к сотрудничеству Фукса.

Важные события произошли и в нашей стране. В мае 1942 года Сталин получил письмо от молодого ученого-физика, специалиста по ядерным реакциям, будущего академика Флерова, который обращал внимание на подозрительное отсутствие в зарубежной прессе с 1940 года открытых научных публикаций по урановой проблеме, а это, по его мнению, свидетельствовало о начале работ по созданию атомного оружия в Германии и других странах. Флеров предупреждал, что немцы могут первыми создать атомную бомбу.

Поступление этого письма по времени совпало с информацией советской резидентуры из оккупированного немцами Харькова. В частности, сообщалось, что бывший политэмигрант в СССР Ф. Хоутерманс прибыл в Харьков со специальной миссией, направленной военным командованием Германии с целью получения дополнительных данных в украинском Физико-техническом институте об использовании в военных целях советских исследований по проблеме урана. Хоутерманс в период немецкой оккупации Харькова фактически стал одним из руководителей украинского Физико-технического института. В сообщениях агентуры указывалось, что Хоутерманс прибыл в Харьков «в эсэсовской форме».

О появлении Хоутерманса в Харькове и Киеве в составе немецкой комиссии по демонтажу научного оборудования немедленно проинформировали академика Капицу, и тот придал этому факту важное значение, указав, что это подтверждает развитие работ в Германии по созданию урановой бомбы.

Выяснить все об атомных разработках в Германии поручили моему отцу, который в то время занимался организацией партизанского движения и сбором разведывательной информации по Германии и Японии.

Об этом новом для него задании отец рассказывал так: «Информация от агентуры, полученная в деловых и промышленных кругах Швеции, была противоречивой. В Германии и Скандинавии упорно циркулировали слухи о работах немцев над «сверхоружием», но никаких подробностей об этих работах мы не знали. Только после войны стало ясно, что под «сверхоружием» имелась в виду двухступенчатая ракета на основе модели ФАУ-2, которая могла бы достигнуть побережья США.

Информация по атомной бомбе, поступившая из США и Англии, совпадала. Она подтвердилась, когда мы получили сообщение о возможности создания атомной бомбы со слов видного физика-ядерщика Елизаветы Мейтнер. Мейтнер была в поле зрения нашей разведки с тех пор, когда в 1938 году встал вопрос о возможности ее приезда в Советский Союз для работы. Потом ей пришлось бежать из фашистской Германии в Швецию, где Нильс Бор помог ей устроиться на работу в Физический институт Академии наук. Агентов-женщин, вышедших на Мейтнер, инструктировала по указанию Берия заместитель резидента НКВД в Стокгольме Зоя Рыбкина.

В марте 1942 года Берия направил Сталину всю информацию, поступившую из США, Англии, Скандинавии и оккупированного Харькова. В письме он указывал, что в Америке и Англии ведутся научные работы по созданию атомного оружия.

В феврале 1943 года, когда британские спецслужбы провели диверсионную операцию в норвежском Веморке, где был завод тяжелой воды, необходимой для атомного реактора, Сталин поверил, что атомный проект приобретает реальное содержание. О подробностях диверсии нам сообщили наши источники в Норвегии, Филби и кембриджская группа из Лондона. Я не придавал особого значения этим сообщениям, потому что ущерб от нее показался мне незначительным, и был удивлен, когда Берия приказал мне взять на заметку эту операцию. Его, естественно, насторожило, что, несмотря на имевшуюся договоренность с англичанами о совместном использовании наших агентурных групп в Скандинавии, Западной Европе и Афганистане для проведения крупных операций по диверсиям и саботажу, англичане не просили нас о поддержке своего рейда в Веморке. Это говорило о том, что диверсионной операции в Норвегии англичане придавали особое значение.

До начала 1943 года у нас никаких практических работ в области создания атомной бомбы не велось. Еще до нападе-

ния немцев Государственная комиссия по военно-промышленным исследованиям отклонила предложения молодых физиков-ядерщиков Института физико-технических исследований в Харькове и немецкого ученого-эмигранта Ланге начать работы по созданию сверхмощного взрывного устройства. Предложение было направлено в отдел изобретений Наркомата обороны, но его сочли преждевременным и не поддерживали.

В марте 1942 года Берия предложил Сталину создать при Государственном Комитете Обороны научно-консультативную группу из видных ученых и ответственных работников для координации работ научных организаций по исследованию атомной энергии. Он также просил Сталина разрешить ознакомить наших видных ученых с информацией по атомной проблеме, полученной агентурным путем, для ее оценки. Сталин дал согласие и предложил, чтобы независимо друг от друга несколько ученых дали заключение по этому вопросу.

По проблеме создания в ближайшем будущем атомной бомбы высказались с одной стороны академик Иоффе и его молодой ученик профессор Курчатов, которых ознакомили с материалами разведки, с другой — академик Капица (его проинформировали устно о работах по атомной бомбе в США, Англии и Германии).

Иоффе привлекли к исследованиям по атомной энергии по совету академика Вернадского. Он был известен западным ученым, поскольку в 20—30-е годы совершил ознакомительные поездки в лаборатории Западной Европы и США. В 1934 году, находясь в Бельгии, Иоффе отклонил предложение уехать на работу в США, хотя в то время противоречия в наших научных кругах между физиками резко обострились. Особенно остро конфликтовали московские и ленинградские ученые. Непримируемую позицию к школе Иоффе занимали, в частности, и некоторые влиятельные профессора Московского университета. Это продолжалось не один год. Мой отец вспоминал, в частности, как московский профессор сказал ему: «Павел Анатольевич, зачем вы консультируетесь у этих деятелей из Ленинградского физико-технического института? Это же банда!..»

Иоффе оценил громадную важность информации об атомных исследованиях в Америке и поддержал необходимость начала работ по созданию советской атомной бомбы. В дальнейшем Иоффе сыграл видную роль в улаживании конфликтов между учеными Московского

университета и Академии наук, и он был одним из инициаторов создания вскоре после войны трех главных центров атомных исследований.

Капица считал, что проблема создания атомной бомбы бросает вызов современной физике и ее решение возможно только совместными усилиями наших ученых и ученых США и Англии, где проводятся фундаментальные исследования по атомной энергии.

Отец рассказывал, что в октябре 1942 года Сталин на своей даче в Кунцеве принял только Вернадского и Иоффе. Вернадский, ссылаясь на неформальную договоренность крупнейших физиков мира о совместной работе, предложил Сталину обратиться к Нильсу Бору и другим ученым, эмигрировавшим в США, а также к американскому и английскому правительствам с просьбой поделиться с нами информацией и вместе проводить работы по атомной энергии. На это Сталин ответил, что ученые политически наивны, если думают, что западные правительства предоставят нам информацию по оружию, которое даст возможность в будущем господствовать над миром. Однако Сталин согласился, что официальный зондажный подход к западным специалистам от имени наших ученых может оказаться полезным.

После этой встречи, как позднее свидетельствовал нарком боеприпасов, один из руководителей атомной программы Ванников, впервые руководство страны окончательно убедилось в реальной возможности создания атомного оружия, и Сталин был так заворожен мощным разрушительным потенциалом атомной бомбы, что в конце октября 1942 года предложил дать кодовое название плану нашего контрнаступления под Сталинградом — операция «Уран».

На основе информации из Лондона от источника в концерне «Империал кемикал индастриз», который играл важную роль в английском проекте «Трубный сплав», Сталин приказал Первухину, наркому химической промышленности, оказать самую серьезную поддержку ученым в работе по созданию атомного оружия.

Прошел год. Капица, проинформированный НКВД в 1942—1943 годах о миссии Хоутерманса в оккупированном Харькове и начале работ в США и Германии над атомным оружием, несколько раз обращался к Сталину и Берия с предложениями пригласить Бора, чтобы тот

возглавил нашу атомную программу. По согласовании с Молотовым он написал Бору письмо, в котором просил приехать его в Советский Союз, где ему гарантировались самые лучшие условия для работы. Когда Бор находился в Англии, его пригласили в советское посольство, где он встретился с резидентом НКВД Горским, действовавшим под прикрытием должности советника посольства, но в ходе беседы Бор избегал обсуждать вопросы атомных исследований.

В конце января 1943 года была получена информация от Семенова (Твен), что в декабре 1942 года в Чикаго Ферми осуществил первую цепную ядерную реакцию. Источник, сотрудничавший с НКВД, молодой Понтекорво, сообщил о феноменальном успехе Ферми условной фразой: «Итальянский мореплаватель достиг Нового Света». Однако эта информация носила самый общий характер, и спустя несколько месяцев Курчатов запросил дополнительные материалы о первой ядерной реакции.

В это же время Барковский передал из Лондона закрытые научные труды западных ученых по атомной энергии за 1940—1942 годы. Эти первые научные материалы подтвердили, что западные ученые достигли большого прогресса в создании атомной бомбы.

Таким образом, советские разведслужбы располагали не только устными сообщениями, но и протоколами обсуждения на заседаниях английского военного кабинета перспектив использования атомной энергии для создания сверхмощного оружия.

В 1943 году резидентом в Мехико был назначен Василевский. Он вполне подходил для этой работы: у него был опыт войны в Испании, где он командовал диверсионным партизанским отрядом; он успешно выполнил агентурные операции в 1939—1941 годах в Париже; он адаптировался к жизни на Западе, был всегда хорошо одет, подтянут, владел французским и испанским языками, обладал незаурядными способностями располагать к себе людей и привлекать к сотрудничеству под удобным предлогом.

Василевскому удалось восстановить связи с агентурой в США и Мексике, привлеченной Эйтингтоном и Григулевичем для проведения операции по ликвидации Троцкого.

В 1939—1941 годах во время пребывания в США Эйтингону было предоставлено чрезвычайное право вербовать и привлекать к сотрудничеству людей без санкции Центра, используя родственные связи. Василевскому эта агентура была известна, так как он был одним из активных участников операции в Мексике. Перед отъездом в Мексику он получил специальное разрешение на использование этих людей. Через такие, законсервированные на некоторое время, каналы Василевский налазил связь с Понтекорво в Канаде и некоторыми специалистами Чикагской лаборатории Ферми, минуя советскую резидентуру в Нью-Йорке. Понтекорво сообщил Василевскому, что Ферми положительно отнесся к идее поделить информацию по атомной энергии с учеными стран антигитлеровской коалиции.

11 февраля 1943 года Сталин подписал постановление правительства об организации работ по использованию атомной энергии в военных целях. Возглавил это дело Молотов. Тогда же было принято решение ввиду важности атомной проблемы сделать ее приоритетной в деятельности разведки НКВД. Берия первоначально выступал в качестве заместителя Молотова и отвечал за вопросы обеспечения военных и ученых разведывательной информацией. Мой отец вспоминал, как Берия приказал ему познакомить Иоффе, Курчатова, Кикоина и Алиханова с научными материалами, полученными агентурным путем, без разглашения источников информации:

«Кикюин, прочитав доклад о первой ядерной цепной реакции, был необычайно возбужден и, хотя я не сказал ему, кто осуществил ее, немедленно отреагировал: «Это работа Ферми. Он единственный в мире ученый, способный сотворить такое чудо». Я вынужден был показать им некоторые материалы в оригинале на английском языке. Чтобы не раскрывать конкретные источники информации, я закрыл ладонью ту часть документа, где стояли подписи и перечислялись источники. Ученые взволнованно сказали: «Послушайте, Павел Анатольевич, вы слишком наивны. Мы знаем, кто в мире физики на что способен. Вы дайте нам ваши материалы, а мы скажем, кто их авторы». Иоффе тут же по другим материалам назвал автора — Фриша. Я немедленно доложил об этом Берия и получил разрешение раскрывать Иоффе, Курчатову, Кикоину и Алиханову источники информации».

В апреле 1943 года в Академии наук СССР была создана специальная лаборатория № 2 по атомной проблеме, руководителем которой назначили Курчатова. Ему едва исполнилось сорок лет. Это было смелое решение. Но американский атомный проект возглавил сорокачетырехлетний Оппенгеймер, не имевший звания лауреата Нобелевской премии. Советские физики старшего поколения не могли поверить, что Бор и Ферми работают в подчинении у Оппенгеймера. Уже в декабре 1943 года по прямому указанию Сталина Курчатов был избран действительным членом Академии наук.

Получив от НКВД доклад о первой цепной ядерной реакции, осуществленной Ферми, Курчатов обратился к Первухину с просьбой поручить разведывательным органам выяснить ряд важных вопросов о состоянии атомных исследований в США. В связи с этим, как об этом говорилось выше, и была проведена реорганизация деятельности служб разведки Наркомата обороны и НКВД. В течение пяти лет, в 1940—1945 годах, научно-техническая разведка велась специальными подразделениями и отделениями Разведупра Красной Армии и Первого управления НКВД—НКГБ, заместителем начальника которого мой отец был до февраля 1942 года.

В 1944 году было принято решение, что координировать деятельность разведки по атомной проблеме будет НКВД. Помимо координации деятельности Разведупра и НКВД по сбору информации по атомной проблеме на группу, а позднее отдел были возложены функции реализации полученных данных внутри страны. Большую работу по обработке поступавшей научно-технической информации по атомной бомбе проводили сотрудники отдела «С» Зоя Зарубина, Земсков, Масся, Грознова, Покровский. Зарубина и Земсков под руководством Терлецкого перевели наиболее важные материалы по конструкции ядерных реакторов и самой атомной бомбы. К тому времени Зоя Зарубина имела большой опыт оперативной и переводческой работы, участвовала в мероприятиях Ялтинской и Потсдамской конференций союзников в 1945 году.

Квалифицированные специалисты и ученые, работавшие в отделе «С», регулярно докладывали о получаемых разведывательных материалах на заседаниях комитета и научно-технического совета.

Курчатов и ученые его группы часто бывали у Берия, обсуждая вопросы организации работ в соответствии с получаемой от НКВД информацией. Фактически Курчатов и Иоффе поставили перед Сталиным вопрос о замене Молотова Берия в качестве руководителя всех работ по атомной проблеме.

Советские ученые, чтобы ускорить научные работы по атомной энергии, были очень заинтересованы в регулярном ознакомлении с ходом этих работ в США. В письме от 7 марта 1943 года заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров СССР Первухину Курчатов писал:

«Получение данного материала имеет громадное, неопределимое значение для нашего государства и науки. Теперь мы имеем важные ориентиры для последующего научного исследования, они дают возможность нам миновать многие, весьма трудоемкие фазы разработки урановой проблемы и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения».

Курчатов подчеркивал, что «вся совокупность сведений... указывает на техническую возможность решения всей проблемы в значительно более короткий срок, чем это думают наши ученые, незнакомые еще с ходом работ по этой проблеме за границей».

В другом письме, от 22 марта 1943 года, Курчатов сообщал, что внимательно рассмотрел последние работы американцев по трансурановым элементам и установил новое направление в решении всей проблемы урана. «До сих пор, — пишет Курчатов, — работы по трансурановым элементам в нашей стране не проводились. В связи с этим обращаюсь к Вам с просьбой дать указание разведывательным органам выяснить, что сделано в рассматриваемом направлении в Америке».

Источники информации и агентура в Англии и США, работавшие на Советский Союз, добыли 286 секретных научных документов и закрытых публикаций по атомной энергии. В своих записках в марте—апреле 1943 года Курчатов назвал семь наиболее важных научных центров и 26 специалистов в США, получение информации от которых имело огромное значение. С точки зрения деятельности разведки, это означало оперативную разработку американских ученых в качестве источников важной информации.

В феврале 1944 года состоялось первое совещание руководителей военной разведки и НКВД по атомной

проблеме в кабинете Берия на Лубянке. От военных присутствовали Ильичев и Мильштейн, от НКВД — Фитин и Овакимян. Отец тоже участвовал в этом совещании и был официально представлен как руководитель группы «С», координировавший усилия в этой области. На группу, как мы уже знаем, была возложена задача по сбору всей информации по атомной проблеме.

Отец в связи с этим говорил, что не был обрадован поручением Берия:

«Возглавляя работу группы «С» по координации добычи и реализации разведанных по атомной бомбе, я испытывал трудности, так как не имел технического образования, не говоря уже о знаниях в области физики. Одновременно я руководил действиями диверсионных партизанских отрядов в тылу немецких армий, и это было моей основной обязанностью».

В 1944 году Хейфец вернулся в Москву и доложил свои впечатления о встречах с Оппенгеймером и другими известными учеными, занятыми в атомном проекте. Он сказал, что Оппенгеймер и его окружение глубоко озабочены тем, что немцы могут опередить Америку в создании атомной бомбы.

Вслушав доклад Хейфеца, Берия заметил, что настало время для более тесного сотрудничества органов безопасности с учеными. Чтобы улучшить отношения, снять подозрительность и критический настрой специалистов к органам НКВД, Берия предложил установить с Курчатовым, Кикоиным и Алихановым более доверительные, личные отношения. Мой отец пригласил ученых к себе домой на обед:

«Однако это был не только гостеприимный жест: по приказанию Берия я и мои заместители — генералы Эйтингон и Сазыкин — как оперативные работники должны были оценить сильные и слабые стороны Курчатова, Алиханова и Кикоина. Мы вели себя с ними как друзья, доверенные лица, к которым они могли обратиться со своими повседневными заботами и просьбами.

Однажды вечером после работы над очередными материалами мы ужинали в комнате отдыха. На накрытом столе стояла бутылка лучшего армянского коньяка. Я вообще не переношу алкоголя, даже малая доза всегда вызывала у меня сильную головную боль, и мне казалось, что наши ведущие ученые по своему складу и напряженной умственной работе так же не употребляют алкогольных напитков. Поэтому я предло-

жил им по чайной ложке коньяку в чай. Они посмотрели на меня с изумлением, рассмеялись и налили себе полные рюмки, выпив за успех нашего общего дела.

В начале 1944 года Берия приказал направлять мне все агентурные материалы, разработки и сигналы, затрагивавшие лиц, занятых атомной проблемой; и их родственников. Вскоре я получил спецсообщение, что младший брат Кикоина по наивности поделился своими сомнениями о мудрости руководства с коллегой, а тот немедленно сообщил об этом оперативному работнику, у которого был на связи.

Когда я об этом проинформировал Берия, он приказал мне вызвать Кикоина и сказать ему, чтобы он воздействовал на своего брата. Я решил не вызывать Кикоина, поехал к нему в лабораторию и рассказал о «шалостях» его младшего брата. Кикоин обещал поговорить с ним. Их объяснение было зафиксировано оперативной техникой прослушивания, установленной в квартирах ведущих ученых-атомщиков.

Я был удивлен, что на следующий день Берия появился в лаборатории у Кикоина, чтобы окончательно развеять его опасения относительно брата. Он собрал всю тройку — Курчатова, Алиханова, Кикоина — и сказал в моем присутствии, что генерал Судоплатов придан им для того, чтобы оказывать полное содействие и помощь в работе; что они пользуются абсолютным доверием товарища Сталина и его личным. Вся информация, которая предоставляется им, должна помочь в выполнении задания советского правительства. Берия повторил: нет никаких причин волноваться за судьбу своих родственников или людей, которым они доверяют, — им гарантирована абсолютная безопасность. Ученым будут созданы такие жизненные условия, которые дадут возможность сконцентрироваться только на решении вопросов, имеющих стратегически важное значение для государства».

По указанию Берия все ученые, задействованные в советском атомном проекте, были обеспечены приличным жильем, дачами, пользовались спецмагазинами, где могли наравне с руководителями правительства покупать товары по особым карточкам; весь персонал атомного проекта был обеспечен специальным питанием и высококвалифицированной медицинской помощью. В это же время все личные дела ученых, специалистов и оперативных работников, напрямую участвовавших в проекте или в получении разведывательной информации по

атомной проблеме, были переданы из управления кадров в секретариат Берия.

Тогда же в секретариат Берия из американского отдела передали наиболее важные оперативные материалы по атомной энергии, добытые разведкой. Из дела оперативной разработки «Энормас» по атомной бомбе, до сих пор хранящегося в архиве Службы внешней разведки, было изъято около двухсот страниц. В целях усиления режима безопасности без санкции Берия никто не имел доступа к этим материалам.

«Помню конфликт с заместителем Берия Завенягиным, который требовал ознакомить его с документами, — писал мой отец. — Я отказал ему, и мы крепко поссорились; он получил доступ к материалам разведки только после разрешения Берия.

Большие административные способности Берия в решении атомной проблемы признают и участники нашей атомной программы, например, академик Харитон в своем интервью о создании атомной бомбы в журнале «Огонек» (1993 г.).

Когда мы получили данные о том, что американские власти уделяют особое внимание секретности своего атомного проекта, Эйтингон и я предложили использовать группы нелегалов в качестве курьеров и для работы с источниками информации: мы понимали, что американская контрразведка обратит внимание на связи Хейфеца с прокоммунистическими кругами, имеющими выход на специалистов «Манхэттенского проекта». Получив соответствующую директиву Москвы, Зарубин приказал Хейфецу немедленно прекратить разведывательные операции с использованием активистов компартии».

Однако некоторые активисты Компартии США продолжали действовать по собственной инициативе. В 1943 году, нарушив полученное от Зарубина указание, они, не зная о выходах советских разведслужб на семью Оппенгеймера, обратились к нему с просьбой о предоставлении информации Советскому Союзу о работах в Лос-Аламосе. Оппенгеймер, опасавшийся раскрытия связей через жену и брата с «московскими людьми», вынужден был поставить в известность американские спецслужбы об этой просьбе знакомого физика, связанного с компартией. Это привело к тому, что все связи с видными физиками, участвовавшими в работах по атомной бомбе, были переключены на канал нелегаль-

ной разведки и использование специальных курьеров, имевших безупречное прикрытие в глазах американской контрразведки.

В 1943—1944 годах НКВД использовались различные каналы подходов к американским атомным секретам. Главными целями были лаборатории Лос-Аламоса, заводы Ок-Риджа и лаборатории по ядерным исследованиям в Беркли. Советские разведслужбы также пытались проникнуть в промышленные фирмы, выполнявшие заказы, связанные с созданием атомного оружия.

В 1943 году известный актер, руководитель Московского еврейского театра Михоэлс, вместе с еврейским поэтом, нашим проверенным агентом Фефером, совершил длительную поездку в США как руководитель Еврейского антифашистского комитета. Оперативное обеспечение визита Михоэлса и разработку его связей в еврейских общинах осуществлял Хейфец.

Берия принял Михоэлса и Фефера накануне отъезда и дал им указание провести в США широкую пропаганду большой значимости вклада еврейского народа в развитие науки и культуры Советского Союза и убедить американское общественное мнение, что антисемитизм в СССР полностью ликвидирован вследствие сталинской национальной политики.

Зарубин и Хейфец через доверенных лиц информировали Оппенгеймера и Эйнштейна о положении евреев в СССР. По их сообщению, Оппенгеймер и Эйнштейн были глубоко тронуты тем, что в СССР евреям гарантировано безопасное и счастливое проживание. В это же время до Оппенгеймера и Эйнштейна дошли слухи о плане Сталина создать еврейскую автономную республику в Крыму после победы в войне с фашизмом.

Оппенгеймер и Ферми не знали, что уже в то время они фигурировали в оперативных материалах НКВД как источники информации под кодовыми именами Директор Резервации, Вексель, Эрнст. Псевдоним Вексель использовался иногда и для источника обобщенных материалов, поступавших от ученых-физиков, участвовавших в американском атомном проекте.

«Насколько я помню, — уточнял отец, — под общим псевдонимом Стар иногда фигурировали Оппенгеймер и Ферми. Еще раз повторяю — никто из них никогда не был нашим завербованным агентом разведки.

Жена известного скульптора Коненкова, наш проверенный агент, действовавшая под руководством Лизы Зарубиной, сблизилась с крупнейшими физиками Оппенгеймером и Эйнштейном в Принстоне. Она сумела очаровать ближайшее окружение Оппенгеймера. После того как Оппенгеймер прервал связи с Американской компартией, Коненкова под руководством Лизы Зарубиной и сотрудника нашей резидентуры в Нью-Йорке Пастельняка (Лука) постоянно влияла на Оппенгеймера и еще ранее уговорила его взять на работу специалистов, известных своими «левыми» убеждениями, на разработку которых уже были нацелены наши нелегалы и агентура Семенова.

Лиза Зарубина, жена Василия Зарубина, резидента в США, была выдающейся личностью. Обаятельная и общительная, она легко устанавливала дружеские связи в самых широких кругах. Элегантная женщина с чертами классической красоты, натура утонченная, она как магнит притягивала к себе людей. Лиза была одним из самых высококвалифицированных вербовщиков агентуры. Она привлекла к работе беженцев из Польши и одного из помощников Сциларда. Она нашла выход на Сциларда через одного его родственника в Москве, работавшего в специальной лаборатории НКВД по авиационной технике. Лиза прекрасно владела английским, немецким, французским и румынским языками. Она выглядела типичной представительницей Центральной Европы, но могла неузнаваемо менять свою внешность и манеру поведения. Лиза состояла в родственных отношениях с Анной Паукер, видным деятелем Румынской компартии. Старший брат Лизы руководил боевой организацией румынских коммунистов, и когда его судил военный трибунал, сумел дважды бежать из зала суда. В 1922 году он погиб в перестрелке».

Елизавета Зарубина стала сотрудником разведывательной службы еще в 1919 году. Одно время она работала в секретариате Дзержинского. Ее первым, скажем так, гражданским мужем был Яков Блюмкин, застрелившийся в Москве в 1918 году немецкого посла графа Мирбаха. Блюмкин являлся ключевой фигурой в заговоре эсеров против Ленина в июле 1918 года. Когда мятеж эсеров провалился, Блюмкин явился с повинной, был прощен и продолжал работать в ЧК—ГПУ, выполняя задания Дзержинского и иногда Троцкого, с которым он также был знаком.

В 1929 году Яков Блюмкин создал нелегальную резидентуру в Турции под видом торговой фирмы, исполь-

зуя финансовые средства, полученные от продажи хасидских древнееврейских рукописей, переданных ему из особых фондов Государственной библиотеки. Эти деньги предназначались для создания боевой диверсионной организации против англичан в Турции и на Ближнем Востоке. Однако Блюмкин передал часть средств Троцкому, который после высылки из СССР жил в Турции. Кроме того, он привез в Москву письмо Троцкого, адресованное Радеку.

Елизавета была потрясена этим. Она сообщила обо всем руководству. Блюмкин был арестован, а позднее расстрелян.

Через несколько лет она вышла замуж за Василия Зарубина, вернувшегося из Китая. Они были направлены на нелегальную работу в Европу по фальшивым документам — супружеская пара коммерсантов из Чехословакии. Семь лет Зарубины находились в различных странах Западной Европы, успешно провели ряд важных разведывательных операций, в том числе по вербовке сотрудника гестапо Лемана (Брайтенбах) и жены помощника министра иностранных дел Германии (Юна), с которой Зарубина поддерживала связь до мая 1941 года.

В 1941 году Елизавете Зарубиной было присвоено звание капитана госбезопасности. В США она часто ездила в Калифорнию, где Хейфец ввел ее в круг людей, близких к семье Оппенгеймера. Благодаря связям Хейфеца Зарубина получила все установочные данные на членов семьи и родственников Оппенгеймера, отличавшихся «левыми» взглядами. Хейфец организовал встречу Елизаветы с женой Оппенгеймера Кэтрин, которая симпатизировала Советскому Союзу, коммунистическим идеалам.

Ветераны ЦРУ, работавшие в Москве весной 1992 года над архивом ЦК КПСС, натолкнулись на материалы Коминтерна о связях Оппенгеймера с членами законспирированной ячейки Компартии США. Они обнаружили также и запрос нашей разведки Димитрову, председателю Коминтерна, в июне 1943 года с просьбой предоставить данные для использования этих связей.

Зарубина и Хейфец через жену Оппенгеймера Кэтрин убедили Оппенгеймера воздержаться от открытого высказывания взглядов в поддержку коммунистов и «левых» кругов, чтобы не привлекать внимания американ-

ских спецслужб. Они также уговорили Оппенгеймера поделиться информацией с учеными, бежавшими от преследований нацистов. Оппенгеймер согласился это сделать, а также допустить этих людей к научной работе в атомном проекте, если получит подтверждение их антифашистских взглядов.

Таким образом, Оппенгеймер, Ферми и Сцилард помогли советской разведке внедрить надежные агентурные источники информации в Ок-Ридж, Лос-Аламос и Чикагскую лабораторию.

Мой отец по этому поводу уточнял: «Насколько я помню, в США было четыре важных источника информации, которые передавали данные о работе лаборатории в наши резидентуры в Нью-Йорке и Вашингтоне. Они также поддерживали связи с нашей нелегальной резидентурой, использовавшей для прикрытия аптеку в Санта-Фе. Материалы, которые получал в Нью-Йорке Семенов, а позднее Яцков, поступали от Фукса и одного из наших глубоко законспирированных агентов через курьеров».

Одним из этих курьеров была Лона Коэн. Ее муж, Морис Коэн, был привлечен к сотрудничеству Семеновым. В 1939 году Морис женился на Лоне и также привлек ее к разведывательной работе. Сначала Лона отказывалась от сотрудничества, рассматривая его как измену, но Морис убедил ее, что они действуют во имя высшей справедливости и что такого рода сотрудничество вовсе не является предательством. Центр дал согласие на ее работу, имея в виду, что в нелегальных операциях супружеские пары действуют наиболее эффективно.

Когда Мориса в июле 1942 года призвали на военную службу, было решено в качестве курьера использовать его жену. Яцков (Джонни), сотрудник советского консульства в Нью-Йорке, принял Лону Коэн на связь от Семенова. Для прикрытия своих поездок в штат Нью-Мексико Лона посещала туберкулезный санаторий под предлогом профилактики. В 1992 году Яцков вспоминал о ней как о красивой молодой женщине. Вскоре после того, как в августе 1945 года атомные бомбы были сброшены на японские города, Лона совершила рискованную поездку в небольшой городок Альбукерке и там встретила с агентами Младом и Эрнстом. Млад, он же молодой физик Т. Холл, отец которого работал механиком на фабрике родственников Эйтингона в США,

был привлечен к сотрудничеству крупным агентом НКВД в белой эмиграции С. Курнаковым (псевдонимы Бек, Кавалерист). Там ей должны были передать исключительно важные документы для московского Центра.

Получив документы, Лона приехала на вокзал к самому отходу поезда с небольшим чемоданом, сумкой и ридикюлем. В условиях введенного в этом городке специального режима служба безопасности проверяла документы и багаж у всех пассажиров. И здесь Лона проявила высокий уровень профессиональной подготовки. Она поставила чемодан перед проверяющими и нервно перебирала содержимое своей сумки в поисках затерявшегося билета. «Она передала ридикюль, где под салфетками лежал сверток с чертежами и детальным описанием первой в мире атомной бомбы, кондуктору вагона, который и держал его, пока она искала билет. Лона села в поезд уверенная, что кондуктор обязательно вернет ей ридикюль. Так и произошло. Когда Яцков встретил ее в Нью-Йорке, она сказала ему, что все в порядке, но полиция почти держала эти материалы в своих руках. Этот эпизод впервые рассказан историком разведки Чиковым.

После ареста Юлиуса и Этель Розенберг в 1950 году Кознам удалось ускользнуть от американских властей. В Москве они прошли специальную подготовку как агенты-нелегалы. Получив от нашей службы новозеландские паспорта на имя Питера и Хелен Крогер, Козны осели в Лондоне. Они владели букинистическим магазином и в своем небольшом домике в предместье Лондона оказывали значительную помощь в радиосвязи резиденту КГБ Конону Молодому, действовавшему под именем Гордона Лонсдейла.

Козны были арестованы вместе с ним в 1961 году и приговорены английским судом к двадцати годам тюремного заключения. В тюрьме они провели шесть лет, потом их обменяли. После своего освобождения они жили в Москве. Лона умерла в 1992 году, Морис пережил ее на три года».

Среди виднейших ученых, которых в Москве активно разрабатывали, используя их родственные связи и антифашистские настроения, был Георгий Гамов — русский физик, сбежавший в США в 1933 году из Брюсселя, где проходил международный съезд физиков. О возможном использовании Гамова и подходах к нему через его родственников в СССР, которые фактически явля-

лись заложниками НКВД, ориентировал академик Иоффе. Гамов имел широкие связи с американскими физиками и поддерживал дружеские отношения с Нильсом Бором. Группа «С» поручила Лизе Зарубиной добиться его сотрудничества с нами. Лиза вышла на Гамова через его жену, тоже физика. Гамов преподавал в Джорджтаунском университете в Вашингтоне и, что особенно важно, руководил в Вашингтоне ежегодными семинарами по теоретической физике. Таким образом, он мог обсуждать с ведущими физиками мира последние, самые перспективные разработки.

НКВД удалось воспользоваться широкими знакомствами, которыми располагал Гамов. Лиза Зарубина пригласила жену Гамова к сотрудничеству в обмен на гарантии, что родственникам в Союзе будет оказана поддержка в трудные военные годы.

«Мне помнится, — писал отец, — что в некоторых случаях американские специалисты нарушали правила работы с секретными документами и показывали Гамову отчеты об опытах, консультировались у него. Нарушение режима работы с документами делалось по общему согласию ученых. Однако от Гамова удалось получить в устной форме общие характеристики ученых, узнать их настроения, оценки реальной возможности создания атомной бомбы. Мне кажется, что между Бором, Ферми, Оппенгеймером и Сцилардом была неформальная договоренность делиться секретными разработками по атомному оружию с кругом ученых-антифашистов «левых» убеждений.

Другой источник информации в Теннесси, получавший сведения от Ферми и Понтекорво, был связан с нелегальной группой, также использовавшей как прикрытие аптеку в Санта-Фе, откуда материалы пересылались с курьером в Мексику. Насколько я помню, три человека — научные сотрудники и клерки — копировали наиболее важные документы, получая к ним доступ «от Оппенгеймера, Ферми и Вейскопфа».

Аптека в Санта-Фе (штат Нью-Мексико) была для нелегальной резидентуры, созданной в США Эйтингоном и Григулевичем в операции против Троцкого, запасной явкой в 1940 году. Эйтингон и Григулевич получили тогда от Берия широкие полномочия вербовать агентов без санкции Центра. К 1940 году у Григулевича за плечами был большой опыт разведывательной работы. В 30-х годах в Литве он принимал участие в ликвидации

провокаторов охраны, проникших в литовский комсомол, затем участвовал в операциях против троцкистов за границей, воевал в Испании. Для действий в Латинской Америке у Григулевича было надежное прикрытие — сеть аптек в Аргентине, которой владел его отец.

Эйтингон и Григулевич создали параллельную нелегальную сеть, которую можно было использовать в США и Мексике вне контактов с испанской эмиграцией в этих странах. Уезжая из Америки в 1941 году, Эйтингон и Григулевич аптеку оформили на одного из агентов их группы. Теперь эта сеть помогла выйти на интересующие группу «С» источники информации по атомной проблеме.

Оппенгеймер предложил директору проекта генералу Гровсу пригласить для работы в Америке виднейших ученых Европы. Среди них был Нильс Бор. Бор, хочу еще раз подчеркнуть, ни в коей мере не был советским агентом, но он оказал СССР неоценимые услуги. После разговора с Мейтнер в 1943 году в Швеции он активно выступил за то, чтобы поделиться атомными секретами с международным антифашистским сообществом ученых. В формировании позиции Бора и Мейтнер огромную роль сыграла известная финская писательница Вуолийоки, видный агент советской разведки.

Вуолийоки приговорили в Финляндии за шпионаж в пользу СССР к смертной казни, но ее освободили под давлением общественности (один ее зять был заместителем министра иностранных дел Швеции, другой — одним из руководителей Компартии Англии — Палм Датт), и она оказалась в Швеции.

Впоследствии группе «С» удалось через Вуолийоки и Мейтнер найти подходы к Бору и устроить с ним встречу наших сотрудников Василевского и Терлецкого в ноябре 1945 года в Копенгагене.

В 1943 году, как пишет один из участников операции советской разведки по атомной проблеме Феклисов в очерке «Героический подвиг Клауса Фукса» (Военно-исторический журнал. 1990. № 12; 1991. № 1), Оппенгеймер предложил включить Клауса Фукса в состав группы английских специалистов, прибывавшей в Лос-Аламос для участия в работе над атомной бомбой.

В 1933 году немецкий коммунист Фукс вынужден был искать убежище в Англии. Получив в Бристольском

университете образование, он продолжал работать там как физик. В 1941 году Фукс сообщил о своем участии в атомных исследованиях видному деятелю коммунистического и рабочего движения Юргену Кучинскому. Кучинский проинформировал советского посла в Англии Майского. Майский был в натянутых отношениях с резидентом НКВД в Лондоне Горским и поэтому поручил военному атташе Кремеру войти в контакт с Фуксом. Фукс сначала встречался с Урсулой Кучински (Соня), агентом военной разведки, одной из организаторов сети «Красная капелла».

Фукс перед отъездом в США был проинструктирован об условиях возобновления связи с ним. В США Фукс должен был в общении с американскими коллегами подчеркнуть, что он единственный человек в группе английских специалистов, которому грозил немецкий концлагерь. По этой причине Фукс пользовался абсолютным доверием Оппенгеймера и по его указанию получил доступ к материалам, к которым не имел формально никакого отношения. Оппенгеймеру приходилось вступать в острый конфликт с генералом Гровсом, который категорически возражал, чтобы до сведения английских ученых доводилась обобщенная информация по результатам исследований и экспериментов.

Кстати, английские власти и разведка также поставили перед своими специалистами задачу по сбору всей информации по атомной бомбе, поскольку американцы не собирались делиться с ними атомными секретами.

Возможно, была еще одна причина, по которой Оппенгеймер пригласил Фукса в Лос-Аламос, а позднее — в центр научных исследований в Принстоне. Может быть, Оппенгеймер знал, что Фукс не останется после войны в Америке. В агентурных материалах зафиксированы его слова: «Информация должна передаваться теми, кто по личным обстоятельствам покинет Лос-Аламос и страну после окончания работы по атомной бомбе». Кроме того, Оппенгеймер имел основания предполагать, что Фукс связан с коммунистами, и это тоже могло сыграть свою роль.

Е. Зарубина восстановила связь с двумя глубоко законспирированными агентами, польскими евреями, на Западном побережье. Они были легализованы Эйтингоном в начале 30-х годов во время его краткой нелегальной командировки в США. Первоначально планирова-

лось, что эти агенты осядут в Калифорнии с целью организации диверсий на транспортных судах, вывозящих в Японию стратегическое сырье (уголь, нефть, металл) в случае военного конфликта между СССР и Японией. Более десяти лет эти агенты не привлекались к активным действиям.

Один из них был зубной врач (кодовое имя Шахматист), получивший французский медицинский диплом в конце 20-х годов. Его обучение оплатило ГПУ. Жене зубного врача удалось установить дружеские отношения с семьей Оппенгеймера. Так была создана конспиративная связь с семейством Оппенгеймера и его ближайшим окружением, выпавшая из поля зрения американской контрразведки.

ФБР не знало и о конспиративных контактах Зарубиной. Только в 1946 году в связи с другими разоблачениями ФБР твердо установило, что Зарубина была сотрудницей советской разведки, но она уже находилась в Москве.

Таким образом, Семенов и Зарубина создали систему надежных связей, а Квасников и Яцков под руководством Овакимяна обеспечили бесперебойную передачу информации по атомному оружию на заключительном этапе работ в Лос-Аламосе в 1945 году.

Надо отметить, что ознакомление советских ученых с научными трудами разработчиков американского атомного оружия — Оппенгеймера, Ферми, Сциларда — имело важное значение для широкого развертывания в СССР работ по атомной бомбе. Эта информация поступала конспиративным путем с их ведома.

«Насколько я помню, — писал мой отец, — через Роберта и Директора Резервации, как именовался в нашей переписке Лос-Аламос, мы получили пять секретных обобщенных докладов о ходе работ по созданию атомной бомбы. Подобный материал был направлен не только нам, но и шведским ученым. По нашим разведанным, шведское правительство располагало детальной информацией по атомной бомбе в 1945—1946 годах. Шведы отказались от создания собственного ядерного оружия из-за колоссальных затрат. Но тот факт, что они имели достаточно данных, чтобы принять решение по этому вопросу, позволяет сделать вывод: шведы получали, как и мы, информацию по атомной бомбе, в частности, и от Бора после того, как он покинул Лос-Аламос».

Комитет Обороны СССР своим постановлением за № 7357 установил сроки окончания строительства циклотронной лаборатории при Ленинградском физико-техническом институте — к 1 января 1946 года. Ответственность за выполнение задания возлагалась на двух академиков — А. Иоффе, директора института, и А. Алиханова, заведующего объектом. А через месяц, 21 февраля, Сталин подписал постановление ГКО № 7572 «О подготовке специалистов по физике атомного ядра» для лаборатории № 2 и смежных с ней учреждений.

Постановление содержало 16 пунктов с изложением подробных обязанностей по обустройству и финансированию учебно-материальной базы, выделению лабораторных помещений, обеспечению обслуживающим персоналом и постройке циклотрона для Московского университета. Увеличение численности обучаемых предусматривалось доукомплектованием старших курсов по специальности «Физика атомного ядра» путем перевода студентов-отличников из других вузов.

Плановые задания по подготовке специалистов в области химии радиоактивных и редких элементов, компрессорных машин и молекулярной физики были определены для Ленинградского университета и Политехнического института, Московского института тонкой химической технологии. Кроме того, Центральное статистическое управление в месячный срок провело учет и регистрацию специалистов-физиков, работавших во всех отраслях народного хозяйства, научно-исследовательских и других учреждениях, после чего Курчатову предложили провести отбор нужных ему специалистов.

В группе «С» знали, что военные эксперты и специалисты по взрывчатым веществам играют ведущую роль в развитии работ по атомной бомбе в Америке. В свою очередь, и советское правительство приняло решение, учитывая американский опыт, назначить крупного специалиста по производству взрывчатых веществ, видного организатора военной промышленности Ванникова ответственным за инженерное и административное обеспечение нашего атомного проекта. Ванников сыграл в работах по атомной бомбе в СССР ту же роль, что и генерал Гровс в США.

В НКВД были не только проинформированы о технических разработках американской атомной программы,

но знали и о внутренних чисто человеческих конфликтах и соперничестве между учеными и специалистами, работавшими в Лос-Аламосе, о напряженных отношениях ученых с генералом Гровсом — директором проекта. В особенности отметили информацию о серьезных разногласиях генерала Гровса и Сциларда.

Гровс был в ярости от академического стиля научной работы Сциларда и его отказа подчиняться режиму секретности и военной дисциплине. Борьба с генералом стала своеобразным хобби Сциларда. Гровс не доверял ему и считал рискованным его участие в проекте. Он даже пытался отстранить его от работы, несмотря на громадный вклад Сциларда в осуществление первой в мире цепной ядерной реакции урана.

Оппенгеймер, по словам Хейфеца, был человеком широкого мышления, который предвидел как колоссальные возможности, так и опасности использования атомной энергии в мирных и военных целях. В Москве знали, что он останется влиятельной фигурой в Америке после войны, и поэтому необходимо было тщательно скрыть контакты с ним и его ближайшим окружением. В группе «С» понимали, что подход к Оппенгеймеру и другим видным ученым должен базироваться на установлении дружеских связей, а не на агентурном сотрудничестве, и необходимо было использовать то обстоятельство, что Оппенгеймер, Бор и Ферми являлись убежденными противниками насилия. Они считали, что ядерную войну можно предотвратить путем создания баланса сил в мире на основе равного доступа сторон к секретам атомной энергии, что, по их мнению, могло коренным образом повлиять на мировую политику и изменить ход истории.

В разведывательной работе, как говорил мой отец, разграничение между полезными связями, знакомствами и доверительными отношениями весьма условно. В служебных документах употребляется специальный термин — агентурная разведка, что означает получение материалов на основе работы агентов и офицеров разведки, действующих под прикрытием какой-либо официальной должности. Однако ценнейшая информация зачастую поступает от источника, который не является агентом, взявшим на себя формальные обязательства по сотрудничеству с разведкой и получающим за это день-

ги. В оперативных документах этот источник информации все равно рассматривается в качестве агентурного, поскольку выход на него базируется на контактах и связях с агентами или доверенными лицами из близкой к нему среды.

Мой отец вспоминал: «Я был поражен, что мировоззрение многих виднейших западных физиков и наших ученых совпадает. Вернадский в 1943 году вполне искренно предлагал Сталину просить американское и английское правительства поделиться с нами информацией об атомных исследованиях и вместе с западными учеными работать над созданием атомной бомбы. Таких же взглядов придерживались Иоффе, Капица, Нильс Бор».

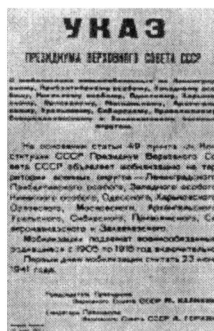
Бор, очевидно знавший после бесед с Оппенгеймером об утечке информации к советским и шведским ученым, встречался с президентом Рузвельтом и пытался убедить его в необходимости поделиться с русскими секретами «Манхэттенского проекта», чтобы ускорить работы по созданию бомбы. Наши источники в Англии сообщили, что Бор не только делал это предложение президенту Рузвельту, но якобы по его поручению вернулся в Англию и пытался убедить английское правительство в необходимости такого шага. Черчилль пришел в ужас от этого предложения и распорядился, чтобы были приняты меры для предотвращения контактов Бора с русскими.

Супруги Зарубины, несмотря на достигнутые результаты в работе, недолго прожили в Вашингтоне. И произошло это не по их вине и не из-за активности ФБР. Один из подчиненных Зарубина, сотрудник резидентуры НКВД в посольстве подполковник Миронов, направил письмо Сталину, в котором обвинял Зарубина в сотрудничестве с американскими спецслужбами. Миронов в письме указал — он следил за Зарубиным — даты и часы встреч Зарубина с агентами и источниками информации, назвав их контактами с представителями ФБР.

Для проверки выдвинутых обвинений Зарубины были отозваны в Москву. Проверка заняла почти полгода. Было установлено, что все встречи санкционировались Центром и ценная информация, полученная Зарубиным, не бросала на него и тени подозрений в сотрудничестве с ФБР. Миронов был отозван из Вашингтона и арестован по обвинению в клевете. Однако когда он предстал

Листовка с
текстом Указа
Президиума
Верховного
Совета СССР о
мобилизации.
23 июня 1941 г.

Иосиф Сталин и Вячеслав Молотов. Они
думали, что отодвинули войну с Германией,
но она уже стояла у порога СССР

«За Родину!
За Сталина!»

«Батарея! Огонь
по врагу!»

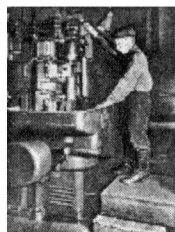

«Родина-мать зовет!». Плакат на карте
военных действий. Лето 1941 г.

Народные
мстители

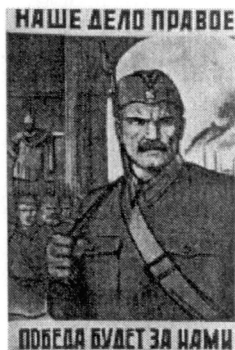
«Все для
фронта, все для
победы!»

«До свиданья,
мама, не горюй,
не грусти»

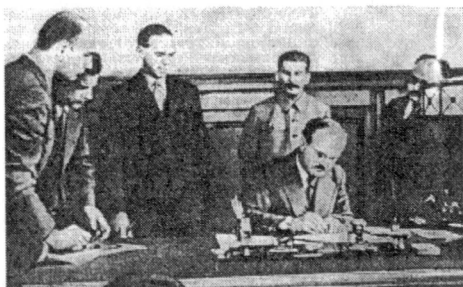

Пресс-конференция в Берлине. Министр иностранных дел Риббентроп объявляет о вторжении Германии в Советский Союз. 22 июня 1941 г.

В. А. Серов. «Наше дело правое, победа будет за нами!». Плакат. 1941 г.

Подписание соглашения между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях против Германии. Москва, июль 1941 г.

Командование Московского военного округа и Московской зоны обороны (слева направо): А. И. Кудряшов, П. А. Артемьев (командующий) и К. Ф. Телегин. Осень 1941 г.

Москва. Строятся баррикады у Кировских ворот. Осень 1941 г.

Председатель Комитета
Обороны И. В. Сталин.
Ноябрь 1941 г.

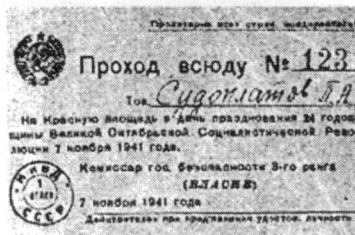

А. С. Шербаков, секретарь
МК и МГК партии

Пропуск, выданный
П. А. Судоплатову на Красную
площадь для участия в параде войск.
7 ноября 1941 г.

Октябрьский парад в Москве. С Красной
площади на фронт. 7 ноября 1941 г.

«Защитим родную Москву». Декабрь 1941 г.

М. И. Журавлев,
начальник
Управления НКВД
Москвы и области

Л. П. Берия и П. А. Судоплатов —
организаторы ОМСБОНа

М. Ф. Орлов,
командир бригады
ОМСБОНа

Донесение
М. Ф. Орлова
о выполнении
задания командующего
Западным фронтом
Г. К. Жукова.
Зима 1941 г.

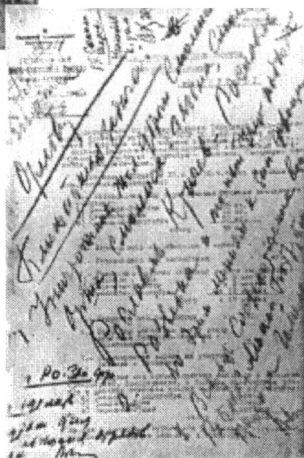
Бойцы бригады особого назначения перед
отправкой через линию фронта. 1942 г.

Д. Н. Медведев,
командир парти-
занского отряда
«Победители»

С. Т. Стехов,
комиссар
отряда
«Победители»

А. А. Лукин,
замкомандира отряда
«Победители» по
разведке

С. С. Бельченко,
один из организа-
торов партизанско-
го движения

Командование Западного фронта (справа налево): командующий Г. К. Жуков, член военного совета Н. А. Булганин, начальник штаба В. Д. Соколовский

«Вперед за нашу победу!» — под таким призывом вышла 6 ноября 1941 года «Комсомольская правда»

Казнь немецкими оккупантами советских патриотов в Минске. 1941 г.

Взрыв немецкого воинского эшелона бойцами ОМСБОНа. 1942 г.

Радиисты-омсбоновцы передают добытые сведения в Центр

Т. А. Строкач, начальник штаба Украинского партизанского движения

А. Ф. Федоров, один из руководителей партизанского движения

К. П. Орловский, командир партизанского соединения «Соколы»

П. П. Вершигора, командир 1-й Украинской партизанской дивизии

Н. А. Прокопюк

Н. И. Кузнецов

С. А. Ваупшасов

А. П. Демьянов

С. А. Ковпак, С. В. Руднев, В. А. Войцехович
разрабатывают оперативный план очередной боевой
операции во время Карпатского рейда. 1943 г.

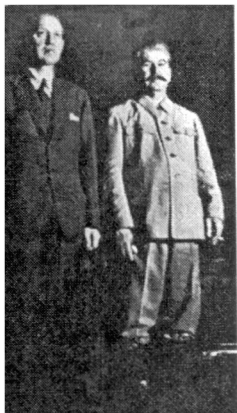
Начальник Центрального штаба партизанского движения
П. К. Пономаренко (сидит второй слева) среди руководителей
партизанского движения Белоруссии. 1943 г.

У. Черчилль,
И. В. Сталин,
В. А. Гарриман
после перегово-
ров в Кремле.
1943 г.

И. В. Сталин
и специальный
представитель
президента США
Г. Хопкинс в
Кремле

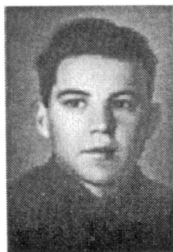
О. И. Кузьмина (Михайлова),
радистка ОМСБОНа

В. А. Дроздов, близкий
друг и помощник
П. А. Судоплатова

Е. Г. Мазаник,
исполнительница
приговора над палачом
белорусского народа Кубе

А. Творогов,
лейт. госбезо-
пасности

Д. Староверов, начальник
штаба отряда «Митя»

Командир партизанского
отряда «Победители»
Д. Н. Медведев (второй
справа) с соратниками по
борьбе. Слева направо:
М. И. Сипович, комиссар
отряда Г. Н. Кулаков и
адъютант командира
Н. Ф. Королев

И. В. Сталин, Ф. Рузвельт, У. Черчилль на Тегеранской конференции. 1943 г.

П. А. Судоплатов

Отто Скорцени

В. С. Абакумов, начальник «СМЕРШ» на фронте

М. П. Родина
(Африка
де Лас Эрас)

В. А. Лягин

В. А. Молодцов

И. Д. Кудря

Ю. И. Куцин

Н. Н. Селивановский, замначальника «СМЕРШ» (справа) и писатель К. Симонов

Подпольные анти-фашистские издания, выпускавшиеся во Франции, Германии, Чехословакии в 1941 — 1942 гг.

Рихард Зорге

Клемент Готвальд

Макс
Клаузен

Бойцы Народно-освободительной армии Югославии после успешно проведенной операции

Людвиг Свобода

Представители комитета «Свободная Германия», В. Ульбрихт (кр. слева) и Э. Вайнерт (кр. справа)

Иосиф Броз Тито

В освобожденном Киеве. Советские солдаты на Крещатике. Ноябрь 1943 г.

Адмирал
Ф. Канарис

Г. Геринг
и М. Борман
осматривают
место, где было
совершено
покушение
на А. Гитлера.
Июль 1944 г.

В. Шеленберг

Б. З. Кобулов

А. Н. Аполлонов

Площадь Белорусского вокзала.
Отсюда началось отнюдь не парадное
шествие немцев по улицам Москвы.
17 июля 1944 г.

О. Нидермайер

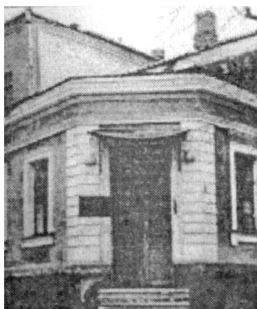
А. Розенберг

А. Шептицкий и униатский кандидат на украинский трон В. Габсбург

С первых дней оккупации униаты активно поддерживали «новый порядок». На снимке: послание митрополита и сообщение о богослужении в честь фюрера в святоюрском храме

Харьков. В этом здании находилась в 1941-1943 гг. штаб-квартира ОУН

И. Слипый раболепно приветствует своего покровителя Ганса Франка

Г. Костельник на кафедре Львовского собора

И. Супрунок, один из руководителей Украинской народной армии

Львов. Советские солдаты с боями освобождают город от немецких оккупантов и их приспешников. 1944 г.

П. М. Фитин

Я. И. Серебрянский

П. М. Журавлев

П. А. Судоплатов

З. И. Рыбкина
(Воскресенская)

Б. А. Рыбкин

Н. И. Эйтингон

Е. Ю. Зарубина
(Розенцвейг)

В. М. Зарубин

А. М. Коротков

И. И. Агаянц

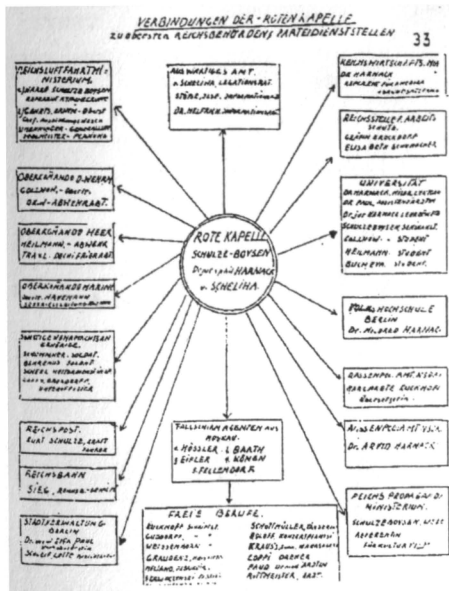

А. М. Сахаровский

С. И. Ермаков Ф. И. Косарев А. М. Рабцевич

Леопольд Треппер (Отто)

Шандор Радо (Дора)

Анатолий Гуревич (Кент)

Набросок схемы «подпольных связей». Из отчета германского Главного управления имперской безопасности по делу шпионской организации «Красная капелла». Берлин, 22 декабря 1942 г.

Арвид Харнак
(Корсиканец)

Милдред Харнак

Графиня Эрика
фон Брокдорф

Харро Шульце-
Бойзен (Старшина)

Курт Шульце

Софи Познанска

Адам Кукхоф

Михаил Макаров
(Карлос Аламо)

Гилель Кац

Вера Аккерман

Ингеборг
Куммерова

Ганс-Генрих
Куммеров

Давид Ками

Джорджи
де Винтер

Фернан Пориоль

Сюзанна Спаак

Ю. И. Чингор

А. Стенес

**Вилли Леман
(Брайтенбах)**

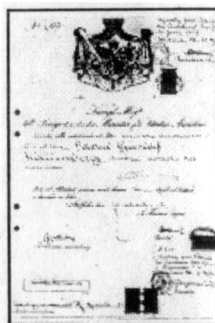

Эрих Такке

**Рауль Валленберг
в своем рабочем
кабинете. 1945 г.**

**На снимке:
дипломатический паспорт
Р. Валленберга, выданный
ему МИД Швеции**

**Штурмовые части
союзников на побережье
Нормандии. Июнь 1944 г.**

Дуайт Эйзенхауэр

Шарль де Голль

**Главы государств-союзников
в период Крымской конференции.
Слева направо: И. Сталин, Ф. Руз-
вельт и У. Черчилль. Ливадия,
февраль 1945 г.**

перед судом, выяснилось, что он болен шизофренией. Его уволили со службы и поместили в больницу.

В 1943 году в Центре было принято решение строить контакты с учеными-атомщиками с использованием нелегальных каналов. Непосредственное руководство действиями нелегалов было возложено на советского резидента в Мексике Василевского. После отъезда За-рубиных Василевский руководил сетью агентов из Мехико, иногда посещая Вашингтон, но долго там не задерживался, чтобы не привлекать внимания американской контрразведки. Было решено свести к минимуму использование опорных пунктов резидентуры в Вашингтоне.

«Я вспоминаю, — писал мой отец, — что Василевский рассказывал мне, как в 1944 году он приехал в Вашингтон и, в частности, должен был передать в Центр материалы, полученные от Ферми, но, к своему ужасу, узнал, что шифровальщик отсутствует. На следующий день американская полиция доставила шифровальщика в посольство, подобрав в одном из баров, где он напился до бесчувствия. Василевский немедленно принял решение не использовать посольство в Вашингтоне для передачи особо важных сообщений.

В 1945 году за успешную работу в разработке линии Ферми в США Василевский был назначен моим заместителем по отделу «С». Почти два года он возглавлял отдел научно-технической разведки в НКВД, а потом в Комитете информации — нашем центральном разведывательном ведомстве, существовавшем с 1947 по 1951 год. Василевский был уволен из органов безопасности в 1948 году, став одной из первых жертв начавшейся антиеврейской кампании. В апреле—июне 1953 года он начал вновь работать в аппарате, но его опять уволили — теперь уже по сокращению штатов как «подозрительного» человека. Умер Василевский в 1979 году.

Описание конструкции первой атомной бомбы стало известно в СССР в январе 1945 года. Советская резидентура в США сообщила, что американцам потребуется минимум один год и максимум пять лет для создания существенного арсенала атомного оружия. В этом сообщении также говорилось, что взрыв первых двух бомб, возможно, будет произведен через два-три месяца».

В это время разведка Москвы заметно активизировалась в этом направлении, и в СССР получили значительную информацию о «Манхэттенском проекте» и о

планах использования месторождений урановой руды в Бельгийском Конго, Чехословакии, Австралии и на острове Мадагаскар. Агентам военной разведки удалось проникнуть в канадскую фирму, создавшую специальную корпорацию по разработке урановой руды. Резидент военной разведки Мольер, он же вице-консул в Нью-Йорке Михайлов, сообщал о работах лаборатории в Беркли, близ Сан-Франциско, по анализу урановых руд. Примерно в это же время сотрудничавший с Москвой начальник разведки чехословацкого правительства в Лондоне Моравец проинформировал, что английские и американские спецслужбы проявили большой интерес к разработке урановых месторождений в Судетских горах. Он получил доступ к материалам англо-чешских переговоров по вопросу эксплуатации месторождений урана в послевоенный период.

По мере приближения окончания войны в Советском Союзе начали предпринимать первые шаги по геологическому поиску урановой руды.

В феврале 1945 года была получена информация и захвачены немецкие документы о высококачественных запасах урана в районе Бухово — в Родописких горах. Советское руководство обратилось к Димитрову, в то время уже главе болгарского правительства, и болгарские власти оказали нам содействие в разработке месторождений урана.

27 января 1945 года Сталиным было подписано постановление ГКО № 7408, адресованное только Молотову и Берия:

«Совершенно секретно, особой важности.

1. Организовать в Болгарии поиски, разведку и добычу урановых руд на урановом месторождении Готен и в его районе, а также геологическое изучение других известных или могущих быть открытыми месторождений урановых руд и минералов.

2. Поручить НКВД СССР (т. Молотову) провести переговоры с правительством Болгарии о создании смешанного Болгарско-Советского акционерного общества с преобладанием советского капитала для производства поисков, разведки и добычи урановых руд на урановом месторождении Готен и в его районе, а также производства геологического изучения других известных или могущих быть открытыми в Болгарии месторождений урановых руд и минералов.

Переговоры с болгарскими властями и всю документацию по созданию и оформлению акционерного общества проводить, именую месторождение радиевым».

Было создано советско-болгарское горное общество, видную роль в котором играл Щорс — сотрудник нашей разведки, горный инженер по образованию.

Отец вспоминал в связи с этим:

«Урановая руда из Бухово была нами использована при пуске первого атомного реактора. В Судетских горах в Чехословакии урановая руда оказалась более низкого качества, но тоже использовалась нами. Мы скрывали эти работы от американцев и англичан. Для координации наших разведывательных и контрразведывательных мероприятий в Чехословакию был направлен опытный работник разведки, бывший резидент в Италии Рогатнев.

Поставкам болгарского урана, ввиду более высокого его качества, уделялось исключительное внимание. Димитров лично следил за урановыми разработками. Мы направили в Болгарию более трехсот горных инженеров, срочно отозвав их из армии; район Бухово охранялся внутренними войсками НКВД. Однако вскоре через агентуру нам стало известно, что американские спецслужбы готовят диверсионные акты с целью сорвать поставки урана в Советский Союз и одновременно выявить подлинный размах работ, чтобы определить сроки создания ядерного оружия в СССР. Американцы даже пытались организовать похищение Щорса. Мы приняли контрмеры: Эйтингон занялся перевербовкой американских разведчиков и их жен, задержанных при содействии нашей агентуры из местных турок вблизи урановых месторождений, но успеха не достиг.

Из Бухово поступало примерно полторы тонны урановой руды в неделю. Наша разведка обеспечила работавших на урановых рудниках американскими инструкциями и методикой по технике добычи урана и его учету.

В 1946 году в СССР были открыты и сразу же стали разрабатываться крупные месторождения урана более высокого качества. Однако интенсивные работы в Бухово продолжались: мы хотели создать у американцев впечатление, что болгарский уран нам крайне необходим. Подписанное Завенягиным, заместителем Берия, соглашение с правительством Болгарии о разработках и поставках урана, дезинформационные мероприятия, организованные Эйтингоном и группой офицеров, подтверждали важность для нас этих урановых разработок».

В марте 1945 года группа «С» направила на имя Берия обобщенный доклад об успешном развитии работ в США по созданию атомной бомбы. В этом докладе детально описывались американские центры, в частности лаборатория в Лос-Аламосе, заводы в Ок-Ридже, давалась подробная характеристика деятельности американской фирмы «Келекс», дочерней компании «Келлок» в Нью-Йорке, отмечались работы по атомной бомбе, проводимые крупнейшими фирмами США «Джоунс констракшн», «Дюпон», «Юнион карбайт», «Кемикл компани» и другими. В докладе указывалось, что американское правительство затратило 2 миллиарда долларов на разработку и производство атомного оружия и что в общей сложности в проекте занято более ста тридцати тысяч человек.

Кроме того, агентура сообщала о строго ограниченном круге лиц, которым было известно назначение проводимых работ; о допуске к таким данным правительственных чиновников только по личному разрешению президента США; о создании в рамках проекта собственной контрразведки, полиции и иных служб; об изъятии из библиотек США всех ранее открытых публикаций по исследованиям в области атомной энергии; о замене настоящих фамилий ученых и специалистов, имевших непосредственное отношение к работам в таких атомных центрах, как Лос-Аламос, Ок-Ридж, Хэнфорд, псевдонимами; о физической охране ответственных лиц, а также о других подобных мероприятиях.

В апреле 1945 года Курчатов получил от разведслужб НКВД очень ценный материал по характеристикам ядерного взрывного устройства, методе активации атомной бомбы и электромагнитному методу разделения изотопов урана. Этот материал был настолько важен, что уже на следующий день органы разведки получили его оценку.

Курчатов направил Сталину доклад, построенный на основе разведданных, о перспективах использования атомной энергии и необходимости проведения широких мероприятий по созданию атомной бомбы.

Через 12 дней после сборки первой атомной бомбы в Лос-Аламосе в Москве получили описание ее устройства из Вашингтона и Нью-Йорка. Первая телеграмма поступила в Центр 13 июня, вторая — 4 июля 1945 года. Кстати, пять лет спустя эти телеграммы, возможно, бы-

ли расшифрованы американцами и послужили основанием для давления на Фукса, чтобы он признался в шпионаже.

Отец, описывая этот факт, утверждал: «Я, однако, не могу полностью поверить в это, хотя подтверждаю, что источники, указанные в телеграммах, Чарльз и Млад — это Фукс и Понтекорво.

Мы доложили Берия, что два источника, не связанные друг с другом, сообщили о предстоящем испытании ядерного устройства.

После атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки работы по созданию атомной бомбы в СССР приобрели широкий размах. В это время НКВД получил из США особенно ценные материалы.

Детальный доклад Фукса (Чарльз) был доставлен диппочтой после того, как он встретился 19 сентября со своим курьером Гарри Голдом. Доклад содержал тридцать три страницы текста с описанием конструкции атомной бомбы. Позднее было получено дополнительное сообщение по устройству атомной бомбы через каналы связи от Холла (Млад), которое передала Лона Коэн. Не помню, чье описание бомбы было более подробным. Но сходство было поразительным. Мне кажется, что в материалах содержалось подробное изложение главы доклада правительству и конгрессу США по устройству атомной бомбы, которая по соображениям секретности была опущена в официальной публикации, — докладе комиссии Смита, опубликованном 12 августа 1945 года. Мы знали, что Оппенгеймер и генерал Гровс редактировали этот доклад. Фукс сообщил, что Оппенгеймер отказался подписать доклад, опубликованный комиссией, поскольку, как он считал, в нем была дезинформация, направленная на то, чтобы задержать атомные исследования в других странах.

Среди материалов, которые мы получили в сентябре—октябре 1945 года, были некоторые разделы доклада, не попавшие в отчет комиссии Смита, и фотографии помещений заводов в Ок-Ридже. Они были особенно ценными, поскольку мы также приступили к строительству предприятий и форсировали работы по созданию первого атомного реактора. Я припоминаю, что двенадцатистраничная справка-доклад, составленная Семеновым, по устройству атомной бомбы была подписана Василевским и направлена Берия и Сталину. Этот документ фактически лег в основу программы всех работ на следующие три-четыре года».

Качество и объем полученной информации от источников в США и Англии был весьма важен для организации и развития нашей атомной программы. Подробные доклады, содержащие данные об эксплуатации первых атомных реакторов, спецификации по производству урановой и плутониевой бомб сыграли важную роль в ускорении работ. Ценными были данные о конструкции системы фокусирующих взрывных линз и размерах критической массы урана и плутония для взрыва ядерного устройства; о сформулированном Фуком принципе имплозии — сфокусированном взрыве вовнутрь; данные о плутонии-240, детонаторном устройстве, времени и последовательности операций по производству и сборке бомбы и способе приведения в действие содержащегося в ней инициатора. Были получены данные о строительстве заводов по очистке и разделению изотопов урана, что значительно сокращало время на переработку урановой руды, а также дневниковые записи о первом испытательном взрыве атомной бомбы в США в июле 1945 года.

После атомной бомбардировки американцами Хиросимы и Нагасаки Политбюро и Государственный Комитет Обороны 20 августа 1945 года приняли решение о кардинальной реорганизации работы по атомной энергии — проблеме номер один. Для этого был создан Спецкомитет правительства с чрезвычайными полномочиями. Берия как член Политбюро и заместитель председателя ГКО был назначен его председателем, Первухин — заместителем, генерал Махнев — секретарем.

В комитет входили члены Политбюро: Маленков — секретарь ЦК ВКП(б) по кадрам, Вознесенский — председатель Госплана СССР; академики Курчатов и Капица; нарком боеприпасов Ванников, заместитель наркома внутренних дел Завенягин. Рабочим аппаратом комитета было специально созданное Первое главное управление при Совете Народных Комиссаров СССР. Начальником управления был назначен Ванников, Завенягин стал его первым заместителем. При Спецкомитете был научно-технический совет, его председатель — Ванников, заместитель председателя — Иоффе. Отдел «С», который возглавлял в НКВД—НКГБ мой отец, был рабочим аппаратом так называемого 2-го бюро комитета.

Сталин предложил, чтобы Иоффе и Капица стали членами Спецкомитета по проблеме номер один. Одна-

ко Иоффе отказался, ссылаясь на свой преклонный возраст. Он сказал, что будет более полезен в научно-техническом совете. Именно Иоффе рекомендовал назначить профессора Курчатова на должность научного руководителя атомной программы.

«Участвуя в заседаниях Спецкомитета, — вспоминал мой отец, — я впервые осознал, какое важное значение имели личные отношения членов правительства, их амбиции в принятии важных государственных решений. Наркомы, члены этого комитета, стремились во что бы то ни стало утвердить свое положение и позиции. Очень часто возникали жаркие споры и нелицеприятные объяснения. Берия выступал в качестве арбитра и добивался безусловного неукоснительного выполнения всех директив руководства.

Я поддерживал дружеские отношения и с Иоффе, и с Капицей. По предложению Берия я подарил Капице охотничье ружье. Капица как-то посетовал, что у него сохранился в плохом состоянии лишь один экземпляр книги о русских инженерах, написанный его тестем — академиком Крыловым, крупнейшим инженером-кораблестроителем. Я прибег к услугам специальной правительственной типографии — книгу напечатали в двух экземплярах на отличной бумаге. Капица послал один экземпляр Сталину, надеясь попасть к нему на прием.

Мне пришлось наблюдать растущее соперничество между Капицей и Курчатовым на заседаниях Спецкомитета. Капица был выдающейся личностью, прекрасным тактиком и стратегом, крупнейшим организатором науки. Часто научные выступления он комментировал с большим чувством юмора. Я помню, что одно заседание Спецкомитета в 1945 году проходило в часы трансляции из Лондона футбольного матча между нашей командой и английской. Члены Политбюро и правительства были шокированы, когда Капица предложил прервать заседание и послушать матч. Возникла неловкая пауза, но Берия, ценивший юмор, к всеобщему изумлению, объявил перерыв. Напряжение спало. А затем настроение присутствующих поднялось, поскольку наша команда победила.

Капица, сыгравший важную роль в инициировании наших работ по атомной проблеме и установлении контактов с западными учеными, в частности, Терлецкого с Бором, естественно, претендовал на самостоятельное, руководящее положение в реализации атомного проекта. Но вскоре отношения между Капицей, Берия и Вознесенским испортились. Капица предложил, чтобы Курчатов консультировался с ним по

оценке результатов работ и выводов, прежде чем докладывать на заседаниях Спецкомитета. Первухин поддержал Капицу, но Берия и Вознесенский не согласились. Берия потребовал, чтобы Капица и Курчатов вносили в правительство альтернативные предложения. Более того, Берия предложил Капице на базе своего института продублировать ряд экспериментов Курчатова. Капица был возмущен и утверждал, что такая переориентация его института будет означать фактическое свертывание работ по теоретической физике в Советском Союзе.

Точно не помню, но, по-моему, месяц спустя, в октябре 1945 года, Капица обратился к Берия и Вознесенскому за объяснением, почему с ним не проконсультировались, когда принимали решение о создании новых учебных институтов по подготовке специалистов в области ядерной физики вне Академии наук — Инженерно-физического (МИФИ) и Физико-технического (МФТИ).

Капица написал Сталину, что Берия и Вознесенский не прислушиваются к мнению ученых, что только ученым можно доверить руководство атомным проектом. После неудачных попыток добиться от Сталина поддержки в этом конфликте Капица вскоре был выведен из состава Спецкомитета. Его оставили в покое, но лишили доступа к атомным разработкам».

Спецкомитет по атомной проблеме обладал чрезвычайными полномочиями по мобилизации сил, любых ресурсов и резервов для создания атомной бомбы. На практике это означало, что когда в Сибири стали строиться заводы по переработке урановой руды, пришлось сильно ограничить электроснабжением ряд предприятий.

Мой отец вспоминал яростные споры и нецензурную брань членов комитета Первухина и Вознесенского, когда обсуждался вопрос о том, за какими предприятиями сохранить в полном объеме потребление электроэнергии. Для него оказалось совершенно неожиданным, что Первухин, защищая предприятия курируемой им химической промышленности, нападал на Вознесенского, члена Политбюро, старшего по положению.

В первый послевоенный год разведывательные операции по атомной проблеме пользовались особым приоритетом. В декабре 1945 года Берия оставил пост наркома внутренних дел и переехал с Лубянки в Кремль, в кабинет заместителя Председателя Совета Народных Ко-

миссаров. Заседания Спецкомитета по атомной проблеме также стали проходить в Кремле, а не в НКВД. Мой отец, как начальник 2-го бюро комитета, сотрудник аппарата правительства, получил постоянный пропуск на вход в Кремль в любое время.

«Заседания Спецкомитета обычно проходили в кабинете Берия. Это были жаркие дискуссии. Помимо острых споров о распределении электроэнергии, Первухин продолжал свои нападки на Вознесенского, требуя увеличения фондов цветных металлов для нужд предприятий химической промышленности, занятых в производстве ядерного топлива. Меня удивляли взаимные претензии членов правительства. Берия вмешивался в эти споры, призывая Первухина и Вознесенского к порядку. И я впервые увидел, что все в этом особом правительственном органе считали себя равными по служебному положению независимо от того, кто из них был членом ЦК или Политбюро.

Я сохранил вплоть до своего ареста хорошие отношения с Ванниковым и секретарем комитета генералом Махневым. Они были блестящими знатоками нашей промышленности, могли безошибочно указать, какому заводу можно поручить выполнение заказов по атомному проекту.

Я часто заходил в кабинет Махнева. Его почему-то считают генералом НКВД, но это не так. Прекрасный организатор производства боеприпасов и работ по атомной бомбе, он никогда не служил в органах госбезопасности. Махнева очень интересовала информация о работе американских промышленных предприятий и фирм, участвовавших в атомной программе. Зачастую мы получали эту информацию из открытых источников, по линии ТАСС и регулярно составляли обзоры экономических показателей и технологического потенциала, почерпнутые из научно-технических журналов об американских фирмах, занятых отдельными заказами правительства в связи с созданием атомной бомбы.

Только тогда я понял, какой большой интерес и внимание к экономическим вопросам и развитию промышленности проявлял Берия. Я узнал, что Берия как заместитель председателя ГКО в годы войны отвечал не только за деятельность спецслужб, но и за производство вооружения и боеприпасов, работу топливно-энергетического комплекса. В особенности его интересовали вопросы добычи и переработки нефти. В кабинете Берия стояли макеты нефтеперерабатывающих заводов. По его инициативе Ванников, Устинов и Байбаков (им

не было еще 40 лет) были выдвинуты на высокие посты наркомов производства боеприпасов, вооружения и нефтяной промышленности.

Участие в заседаниях под председательством Берия открыло новый, неизвестный мне мир. Я знал, что разведка имела важное значение во внешней политике, обеспечении безопасности страны, но не меньшее значение имело восстановление народного хозяйства и создание атомной бомбы. До сих пор я вспоминаю наших талантливых организаторов промышленности и директоров заводов, участвовавших в решении сложнейших организационных и технических вопросов. Выработка этих решений оказалась гораздо интересней, чем руководство агентурной сетью в мирное время. Хозяйственная деятельность позволяла людям проявлять таланты и способности в решении таких проблем, как преодоление нехватки ресурсов, срывы поставок оборудования и материалов. Организовать слаженную работу многих производственных отраслей промышленности для реализации атомной программы было делом не менее сложным, чем успешное проведение разведывательно-диверсионных операций в годы войны.

Берия, грубый и жестокий в общении с подчиненными, мог быть внимательным, учтивым и оказывать каждодневную поддержку людям, занятым важной работой, защищал этих людей от всевозможных интриг органов НКВД или же партийных инстанций. Он всегда предупреждал руководителей предприятий об их личной ответственности за неукоснительное выполнение задания, и у него была уникальная способность внушать людям как чувство страха, так и воодушевлять на работу. Естественно, для директоров промышленных предприятий его личность во многом отождествлялась с могуществом органов госбезопасности. Мне кажется, что вначале у людей превалировал страх. Но постепенно у работавших с ним несколько лет чувство страха исчезало и приходила уверенность, что Берия будет поддерживать их, если они успешно выполняют важнейшие народнохозяйственные задачи. Берия часто поощрял в интересах дела свободу действий крупных хозяйственников в решении сложных вопросов. Мне кажется, что он взял эти качества у Сталина — жесткий контроль, исключительно высокая требовательность и вместе с тем умение создать атмосферу уверенности у руководителя, что в случае успешного выполнения поставленной задачи поддержка ему обеспечена.

Осенью 1945 года в советской программе работ над атомной бомбой наступил критический момент. Надо

было приступать к созданию первого советского атомного реактора. Однако ученые не были едины в оценке представленных разведкой материалов, так как информация была противоречивой. Американцы использовали два типа реакторов: графитный и работавший на тяжелой воде. Возник огромный риск в использовании добытых военной разведкой образцов урана-235. Следовало принять решение, по какому пути пойти при строительстве первого реактора. Как решить проблему? Была выдвинута фантастическая идея — направить в США группу ученых для тайной встречи с Оппенгеймером, однако положение Оппенгеймера в обществе резко изменилось. Попытка восстановить прерванные с ним прямые контакты через общих знакомых в Чикаго в 1945 году не увенчалась успехом. Выдвигалось и другое предложение — послать Капицу к Нильсу Бору. Капица хорошо был известен на Западе и пользовался большим авторитетом в научном мире. Несомненно, что его письмо к Бору в 1943 году способствовало установлению, при посредничестве разведки, неформального контакта с западными учеными, работавшими в области атомных исследований. Однако Капица вел себя независимо, и это не нравилось руководству, а неприязненное отношение к нему Берия и Вознесенского исключало возможность его поездки за границу.

Курчатов и Кикоин предложили, чтобы в Данию на встречу к Бору поехал в сопровождении офицеров разведки высококвалифицированный специалист, профессор Зельдович, работавший у Курчатова. Но Зельдович не подходил для этой роли, так как не был сотрудником разведки и НКВД не мог раскрыть ему в случае необходимости во время командировки агентурные связи за рубежом. Эти обстоятельства заставили положиться на тех ученых, которые работали в аппарате разведорганов. Выбор был невелик. В штате отдела «С» было два офицера — научные сотрудники, физики по образованию, владевшие в некоторой степени английским языком. После того как они были приняты на работу в НКВД, оба посещали семинар Капицы и Ландау. Один из них, Рылов, будучи ученым, проявлял большую склонность к аналитическо-разведывательной работе. Другой, Терлецкий, только что защитивший кандидатскую диссертацию, впоследствии лауреат Государственной премии, не был

связан своими научными интересами с группой Курчатова, Иоффе, Алиханова и Кикоина и мог дать собственную оценку научных материалов. В 1943 году он отклонил предложение Курчатова работать у него. Терлецкий и Рылов переводили и редактировали поступающие в отдел «С» материалы по атомным работам, докладывали на заседаниях научно-технического совета Спецкомитета.

Мой отец говорил, что, «работая в разведке, Терлецкий продолжал оставаться творческим человеком. Наряду с оценкой и обработкой информации по американской атомной бомбе, он зачастую предлагал на научно-техническом совете свои собственные выводы, это создавало проблемы, потому что мы должны были дважды в день представлять высшему руководству всю получаемую информацию, а Терлецкий иногда запаздывал с оценкой, и я выслушивал от руководства нелицеприятные замечания. Однако мы решили остановить свой выбор на Терleckом — он мог бы произвести своей широкой эрудицией и освещенностью нужное впечатление на Нильса Бора.

Берия утвердил мое предложение направить Терleckкого в Копенгаген. Не могло быть и речи, чтобы для выполнения столь важного задания отправить Терleckкого на встречу одного. Он не имел вообще никакого представления об оперативной работе, поэтому было принято решение, что полковник Василевский, непосредственно курировавший линию Ферми, должен выехать вместе с ним. Предполагалось, что Василевский начнет разговор с Бором, а Терleckкий перейдет к обсуждению технических вопросов. С ними также был переводчик, наш сотрудник, к сожалению, я не помню его фамилию. Василевский выехал в Данию под фамилией Гребецкий, Терleckкий — под своей собственной».

В своих мемуарах Терleckкий пишет, что накануне поездки в Копенгаген его принял Капица и посоветовал не задавать Бору много вопросов, «а просто представить, передать письмо и подарки от него, рассказать о советских физиках, и Бор сам сообщит о многом, что нас интересует».

Предварительная договоренность о встрече с Бором была достигнута благодаря финской писательнице Вуолийоки и датскому писателю Мартину Андерсену Нексе. Нексе не был агентом НКВД, но оказывал в 40-е годы большую помощь Рыбкиной в установлении полезных контактов и знакомств с влиятельными людьми в странах Скандинавии.

В июле 1993 года во время беседы с Терлецким мы вспоминали некоторые подробности этой истории. Накануне встречи Бор сообщил в советское посольство, что примет нашу делегацию. В начале встречи Бор нервничал, вспоминал Терлецкий, и у него слегка дрожали руки. Видимо, Бор понял, что впервые напрямую имеет дело с представителями советского правительства и настало время выполнить принятое им и другими физиками решение поделиться секретами атомной бомбы с международным сообществом ученых и советскими физиками.

После первой встречи с Василевским на приеме в нашем посольстве 6 ноября 1945 года Бор предпочел вести разговор по научным вопросам только с Терлецким. Выбора не было, и пришлось санкционировать встречу Терleckого и Бора наедине с участием переводчика. Вопросы для беседы с Бором были подготовлены заранее Курчатовым и Кикоиным.

Терлецкий сказал Бору, что его тепло вспоминают в Московском университете, передал ему рекомендательное письмо и подарки от Капицы, привет от Иоффе и других советских ученых, поблагодарил за готовность проконсультировать советских специалистов по атомной программе.

Бор ответил на вопросы о методах получения в США урана, диффузионном и масс-спектрографическом, о комбинации этих методов, каким образом достигается большая производительность при масс-спектрографическом методе. Он сообщил, что в США все котлы работают с графитовыми модераторами, так как производство тяжелой воды требует колоссального количества электроэнергии. Терлецкий получил ответы на целый ряд принципиально важных вопросов, в том числе о плутонии-240, о нем в официальном докладе Смита, полученном нами от Бора и из США, не было ни слова. Встреча, по мнению Курчатова, имела важное значение для верификаций нашими специалистами имевшихся у разведки нескольких сотен отчетов и трудов Ферми, Сциларда, Бете, Оппенгеймера и других зарубежных ученых. Было рассмотрено, как вспоминает Квасников, 690 научных материалов. По мнению Джона Хассарда, известного английского специалиста по ядерной физике из London's Imperial College, Бор в устной форме дал существ-

венную информацию русским о конструкции американской атомной бомбы. Джек Сарфатти, физик-теоретик, ученик одного из создателей атомной бомбы Х. Бете, также считает, что ответы Бора содержали важную стратегическую информацию по созданию ядерного оружия.

Знаменательно, что Бор формально поставил в известность английские спецслужбы о встрече и беседе с советскими специалистами по атомной программе, передаче русским доклада комиссии Смита, но вместе с тем он умолчал о характере заданных ему вопросов. Таким образом, западные спецслужбы до ареста Фукса не имели представления о том, что принципиально важные вопросы создания атомного оружия в Москве уже известны.

Между прочим, Сцилард сразу же после атомных взрывов в Японии предсказал, что Советский Союз через два-три года создаст свое ядерное оружие. А Бор тогда же выступил за установление международного контроля за использованием атомной энергии.

«После успешной поездки Терлецкого, — вспоминал отец, — у меня сложились дружеские отношения с Курчатовым, Алихановым и Кикоиным. Мы с женой провели несколько выходных дней с ними и их женами в правительственном доме отдыха. В нашей квартире недалеко от Лубянки мы устроили несколько обедов для ученых.

Вместе с Василевским я должен был подобрать физиков-ядерщиков для поездок в США, Англию и Канаду, чтобы привлечь западных специалистов из ядерных центров для работы в Советском Союзе».

В этот же период Василевский несколько раз выезжал в Швейцарию и Италию на встречу с Бруно Понтекорво. Для прикрытия этих поездок он использовал визиты советской делегации деятелей культуры во главе с известным кинорежиссером Григорием Александровым и кинозвездой Любовью Орловой. Оперативное обеспечение его встреч с Понтекорво осуществляли Горшков и Яцков, в разное время работавшие в Италии и США.

Василевский встречался также с Жолио-Кюри. Однако Берия и Сталин приняли решение не привлекать Жолио-Кюри к атомным разработкам в СССР, хотя он хотел приехать в Москву. Оставаясь на Западе, Жолио-Кюри был более полезен, потому что влиял на формирование выгодной для Советского Союза пацифистской позиции видных ученых-атомщиков.

За успешные акции в Дании, Швейцарии и Италии Василевский был поощрен солидной по тем временам денежной премией в размере тысячи долларов и отдельной квартирой в центре Москвы, что тогда было большой редкостью.

Активные операции советской разведки в Западной Европе совпали с началом «холодной войны». В Москве отдавали себе отчет, что американская контрразведка подобралась довольно близко к русским источникам информации и агентуре, обслуживающей их. Оперативная обстановка резко осложнилась. Когда был запущен первый советский реактор в 1946 году, Берия приказал прекратить все контакты с американскими источниками. Он предложил обдумать, как можно воспользоваться авторитетом Оппенгеймера, Ферми, Сциларда и других близких к ним ученых в антивоенном движении. В СССР считали, что антивоенная кампания и борьба за ядерное разоружение может помешать американцам шантажировать русских атомной бомбой, и начали широкомасштабную политическую кампанию против ядерного превосходства США. Советское руководство хотело связать американские правящие круги политическими ограничениями в использовании ядерного оружия — у нас атомной бомбы еще не было. Берия категорически приказал не допустить компрометации видных западных ученых связями с нашей разведкой: было важно, чтобы западные ученые представляли самостоятельную, имеющую авторитет и влияние политическую силу, дружественную по отношению к Советскому Союзу.

Через Фукса идея о роли и политической ответственности ученых в ядерную эпоху была доведена до Ферми, Оппенгеймера и Сциларда, которые решительно выступили против создания водородной бомбы. В своих доводах они были совершенно искренни и не подозревали, что Фукс под влиянием русских разведслужб логически подвел их к этому решению. Действуя как антифашисты, они объективно превратились в политических союзников СССР.

Директива Берия основывалась на информации, полученной от Фукса в 1946 году, о серьезных разногласиях между американскими физиками по вопросам совершенствования атомного оружия и создания водородной бомбы. На совещании, состоявшемся в конце 1945 или в

начале 1946 года, ученые вместе с Фуксом выступили против разработки «сверхбомбы» и столкнулись с резкими возражениями Теллера.

Клаус Фукс отклонил предложение Оппенгеймера продолжить работу с ним в Принстоне, возвратился в Англию и продолжал снабжать отдел «С» исключительно важной информацией. С осени 1947 года по май 1949-го Фукс передал нашему оперативному работнику Феклисову основные теоретические разработки по созданию водородной бомбы и планы начала работ, к реализации которых приступили в США и Англии в 1948 году.

Особенно ценной была полученная от Фукса информация о результатах испытаний плутониевой и урановой атомных бомб на атолле Эниветок. Фукс встречался с Феклисовым в Лондоне один раз в три-четыре месяца. Каждая встреча тщательно готовилась и продолжалась не более сорока минут. Феклисова сопровождали три оперативных работника, чтобы исключить возможность фиксации встречи службой наружного наблюдения британской контрразведки. Фукс и Феклисов так и не были зафиксированы английской контрразведкой.

Фукс сам невольно способствовал своему провалу, сообщив службе безопасности, курировавшей английские атомные разработки, что его отец получил место преподавателя теологии в Лейпцигском университете в Восточной Германии. В это время американские спецслужбы разоблачили нашего агента, курьера Фукса, Голда, он опознал Фукса на фотографии, и американцы сообщили об этом английской контрразведке. В 1950 году Фукса арестовали. После напряженных допросов Фукс признал, что передавал секретные сведения Советскому Союзу. Его судили, и в обвинительном заключении по его делу упоминалась лишь одна встреча с советским агентом в 1947 году, и то целиком на основе его личного признания.

О сотрудничестве Фукса с советской разведкой и обстоятельствах его ареста рассказал Феклисов в очерке «Героический подвиг Клауса Фукса» и в своей книге «За океаном и на острове».

Сведения о развитии атомных исследований в Англии и реальных запасах ядерного оружия в США, переданные Фуксом в 1948 году, совпали с исключительно

важной информацией из Вашингтона, полученной от Маклина, который с 1944 года занимал должность секретаря английского посольства в США и контролировал всю канцелярию этого ведомства. Он сообщил, что потенциал ядерного вооружения США недостаточен для ведения войны с Советским Союзом.

В научных кругах США и СССР важную роль играли крупнейшие ученые с независимыми политическими убеждениями.

Мой отец заметил по этому поводу:

«Так, например, Оппенгеймер напоминает мне в значительной мере наших ученых академического типа — Вернадского, Капицу и других. Они всегда стремились сохранить собственное лицо, стремились жить в мире, созданном их воображением, с иллюзией независимости. Но независимость ученого, вовлеченного в работы громадной государственной важности, всегда остается иллюзией. А для Курчатова в научной работе главными всегда были интересы государства. Он был менее упрям и более зависим от властей, чем Капица и Иоффе. Берия, Первухин и Сталин сразу уловили, что он представляет новое поколение советской научной интеллигенции, менее связанное со старыми традициями русских ученых. Они правильно поняли, что он амбициозен и полон решимости подчинить всю научную работу интересам государства. Правительство стремилось любой ценой ускорить испытание первой атомной бомбы, и Курчатов пошел по пути копирования американского ядерного устройства. Вместе с тем не прекращалась параллельная работа над созданием бомбы советской конструкции. Она была взорвана в 1951 году. В США аналогичную позицию занимал Теллер, стремившийся утвердить монополию США на ядерное оружие.

Будучи настоящими учеными, Курчатов и Оппенгеймер в то же время были административными руководителями важнейших проектов, имевших судьбоносное значение для мира. Конфликт личных убеждений, научных интересов и административных обязанностей в таком случае неизбежен. Мы не можем быть им судьями, работа этих людей над бомбой открыла новую эру в науке. Однако дело не только в открытии, суть проблемы в том, что впервые крупнейшие ученые мира действовали не только как носители научных идей, но и как государственные деятели. Надо отметить, что первоначально ни Курчатов, ни Оппенгеймер не были окружены так называемой «научной бюрократией», чиновниками от науки, кото-

рые появились в значительных масштабах во второй половине 50-х годов».

В 40-е годы ни одно правительство в мире не могло достаточно эффективно полностью контролировать научно-технический прогресс. Парадокс заключался в том, что и американское, и советское правительства вынуждены были в интересах успешного решения атомной проблемы полагаться на совместную работу с учеными различных мировоззрений, возможно, даже враждебных властям, и приспосабливаться к их запросам, потребностям, экстравагантному поведению. Виднейшие ученые мира, разделяя антифашистские и пацифистские взгляды, полные иллюзий о возможной ведущей роли ученых в мировом правительстве после того, как будет открыта атомная энергия, были склонны делиться достижениями в этой области с учеными-единомышленниками других дружественных стран.

С началом «холодной войны» настроения ученых резко изменились. Именно поэтому американские физики отвергли в 1948 году попытку нашего нелегала Фишера (Абель) возобновить сотрудничество с ними. Они поняли, что это не сотрудничество, а шпионаж.

Разведывательные материалы по атомной бомбе сыграли неоценимую роль не только в военной политике, но и в дипломатической сфере. Когда Фукс сообщил в Москву не опубликованные в докладе комиссии Смита данные о конструкции атомной бомбы, он также предоставил исключительно ценные сведения о масштабах производства урана-235. Эта информация Фукса дала возможность рассчитать, сколько американцы производили урана и плутония ежемесячно, и помогла определить реальное количество атомных бомб, которыми они располагали.

Сведения, полученные от Фукса и Маклина, позволили сделать заключение, что американская сторона не была готова вести ядерную войну в конце 40-х и даже в начале 50-х годов. По значению эти сведения могут быть приравнены к информации Пеньковского о реальном советском ракетно-ядерном потенциале, которую в начале 60-х годов он передал американцам. Подобно Фуксу, Пеньковский сообщил, что Хрущев блефует и не готов к конфронтации с США, так же как и американцы не были готовы к полномасштабной атомной войне с СССР в конце 40-х годов.

Когда началась «холодная война», Сталин твердо проводил линию на конфронтацию с США. Он знал, что угроза американского ядерного нападения до конца 40-х годов была маловероятна. По данным советских разведслужб, только к 1955 году США и Англия должны были создать запасы ядерного оружия, достаточные для уничтожения Советского Союза.

Информация Фукса и Маклина сыграла большую роль в стратегическом решении советского руководства поддержать китайских коммунистов в гражданской войне в 1947—1948 годах. В СССР располагали данными, что президент Трумэн рассматривает возможность применения атомного оружия, чтобы не допустить победы коммунистов в Китае. Тогда Сталин сознательно пошел на обострение обстановки в Германии, и в 1948 году возник Берлинский кризис. В западной печати появились сообщения, что президент Трумэн и премьер-министр Англии Этли готовы применить атомное оружие, чтобы не допустить перехода Западного Берлина под наш контроль. Однако в Москве знали, что у американцев не было нужного количества атомных бомб, чтобы противостоять Советскому Союзу одновременно в Германии и на Дальнем Востоке, где решалась судьба гражданской войны в Китае. Американское руководство переоценило советскую угрозу в Германии и упустило возможность использовать свой ядерный арсенал для поддержки китайских националистов.

В 1951 году, когда, как вспоминал отец, разрабатывался план по военно-диверсионным операциям против американских баз, «Молотов, комментируя наши предложения, отметил, что такие операции должны проводиться в соответствии не только с военными соображениями, но прежде всего с политическими решениями. Он сказал, что наша позиция и решительные действия по блокаде Берлина в значительной мере помогли китайским коммунистам. Для Сталина победа коммунистов в Китае означала громадную поддержку его линии в противоборстве с США. Я хорошо помню, что стратегия Сталина сводилась к созданию опорной «оси» СССР—Китай в противостоянии западному миру.

В августе 1949 года СССР испытал свою первую атомную бомбу. Это событие подвело итог невероятным напряженным семилетним трудам. Сообщения об этом в нашей печати не появилось — опасались превентивного ядерного удара США.

По крайней мере, так мне говорил помощник Берия по атомным вопросам генерал Сазыкин. Поэтому сообщение об этом в американской печати 25 сентября 1949 года вызвало шок у Сталина, руководства атомным проектом и в особенности у отвечавших за обеспечение секретности атомных разработок. Наша первая реакция — американской агентуре удалось получить данные о проведенном испытании. Если мы проникли в «Манхэттенский проект», то нельзя исключать аналогичные действия американской разведки. Ко всеобщему облегчению, примерно через неделю наши ученые сообщили, что научные приборы, установленные на самолетах, при регулярном заборе проб воздуха могут обнаружить следы атомного взрыва в атмосфере. Объяснение ученых позволило органам безопасности избежать обвинения в том, что американской разведке удалось внедрить своего агента в круги создателей отечественного атомного оружия».

Курчатов и Берия за выдающиеся заслуги в укреплении могущества нашей страны были отмечены высшими наградами, большими денежными премиями и специальными грамотами о пожизненном статусе почетных граждан Советского Союза. Все участники советской атомной программы получили привилегии: бесплатный проезд в транспорте, государственные дачи, право поступления детей в высшие учебные заведения без вступительных экзаменов. Последняя привилегия сохранялась до 1991 года для детей сотрудников разведки — нелегалов, находящихся при исполнении служебных обязанностей за рубежом.

Оценивая материалы по атомной проблеме, прошедшие через отдел «С», следует принять во внимание высказывания академиков Харитона и Александрова на собрании, посвященном 85-летию со дня рождения Курчатова. Они отметили его гениальность в конструировании атомной бомбы и в ответственной решении начать строительство заводов по производству урана и плутония, в то время как мы располагали лишь их мизерным количеством, полученным лабораторным путем. Атомная бомба была создана в СССР за четыре года. Разведывательные материалы, безусловно, ускорили создание нашего атомного оружия.

И все же отец считал, что Курчатов остается одним из крупных ученых, сыгравших ту же роль, что и Оппенгеймер, хотя, разумеется, он не был таким научным ги-

гантом, какими были Нильс Бор и Энрико Ферми. Талант Курчатова, его организационные способности и настойчивость Берия сыграли важную роль в успешном решении атомной проблемы в Советском Союзе.

Когда Нильс Бор посетил в 1961 году МГУ и принял участие в студенческом празднике «День физика», КГБ посоветовал Терлецкому, профессору МГУ, лауреату Государственной премии по науке и технике, не попадаться ему на глаза. Однако Терлецкий пришел на встречу, но Бор, остановив свой взгляд на нем, сделал вид, что не узнал его.

Мой отец пояснял эту ситуацию так:

«В те годы я сидел в тюрьме, а Василевский ходил с клеймом опасного человека, исключенного из партии «за предательскую антипартийную деятельность в Париже и Мексике». КГБ, однако, поступил разумно, не напомнив Бору о его встречах с нашими разведчиками в Дании. Лишь незадолго до смерти Бора его посетил в Копенгагене офицер нашей разведки Рылов, сотрудник Международного агентства по атомной энергии, в прошлом молодой научный сотрудник отдела «С», и Бор припомнил свою встречу с советскими специалистами в 1945 году.

Василевский рассчитал, что западные спецслужбы рано или поздно зафиксируют контакты Москвы с Понтекорво в Италии и Швейцарии, и уже тогда было принято решение о маршрутах его возможного бегства в СССР. В 1950 году, сразу же после ареста Фукса, Понтекорво бежал в СССР через Финляндию. Эта операция нашей разведки успешно блокировала все усилия ФБР и английской контрразведки раскрыть другие источники информации по атомной проблеме помимо Фукса. По приезде в Союз Понтекорво начал научную работу в ядерном центре под Москвой, в Дубне. Он написал прекрасную автобиографическую книгу, в которой много интересного рассказал о Ферми, но о своих контактах с советской разведкой умолчал.

Хотя Василевский был в опале около семи лет — до 1961 года, он встречался с Понтекорво в 60—70-х годах, приглашал его на обед в ресторан Дома литераторов. В 1968 году, когда я был освобожден из тюрьмы, Василевский предложил и мне встретиться и пообедать с Понтекорво. Но поскольку ресторан находился в сфере постоянного внимания КГБ, а руководители разведки категорически были против встреч Василевского с Понтекорво, я отказался.

В 1970 году я стал членом московского объединения литераторов и регулярно посещал писательский клуб. Там, в ресторане, я и Василевский встретились за обедом с Рамоном Меркадером. Я не люблю привлекать к себе внимание, поэтому попросил, чтобы Рамон не надевал Звезду Героя Советского Союза. Но Меркадер и Василевский, наоборот, получали удовольствие, бросая вызов властям своими наградами. Василевский до последних дней своей жизни продолжал писать письма в ЦК КПСС, разоблачая тогдашнего руководителя разведки КГБ генерала Сахаровского, его провалы и ошибки в работе с агентурой».

Супруги Розенберг были привлечены к сотрудничеству с советской разведкой в 1938 году агентами НКВД Овакимяном и Семеновым. По иронии судьбы Розенберги представлены и в американской, и российской прессе как ключевые фигуры в атомном шпионаже в пользу СССР. Отец же утверждал, что в действительности их роль была не столь значительна. Они действовали абсолютно вне связи с главными источниками информации по атомной бомбе, которые координировались специальным разведывательным аппаратом.

Отец вспоминал, что в 1943—1945 годах нью-йоркская резидентура возглавлялась Квасниковым и Пастельняком, а потом недолгое время Когеном, под началом которых работали Семенов, Феклисов, Яцков. Кстати, Квасников в интервью американскому телевидению в 1990 году признал, что Розенберги, помогая нашей разведке в получении информации по авиации, химии и радиотехнике, никакого отношения к серьезным материалам по атомной бомбе не имели.

Летом 1945 года зять Розенберга, старший сержант американской армии Гринглас (Калибр), который работал в мастерских Лос-Аламоса, накануне первого испытания атомной бомбы подготовил для Центра небольшое сообщение о режиме функционирования контрольно-пропускных пунктов. Курьер не смог поехать к нему на встречу, поэтому Квасников с санкции Центра дал указание агенту Голду (Раймонд) после плановой встречи с Фуксом в Санта-Фе ехать в Альбукерке и взять сообщение у зятя Розенберга. Центр своей директивой нарушил основное правило разведки — ни в коем случае не допускать, чтобы агент или курьер одной разведгруппы получил контакт и выход на не связанную с ним

другую разведывательную сеть. Информация Грингласа по атомной проблеме была незначительной и минимальной, по этой причине наша разведка не возобновляла контактов с ним после этой встречи с Голдом. Когда Голд был арестован в 1950 году, он указал на Грингласа, а последний на Розенбергов.

Ужасная судьба Розенбергов (их казнь на электрическом стуле) вызвала в мире огромный резонанс.

Отец писал в своих воспоминаниях: «В первый раз я узнал об аресте Розенбергов из сообщения ТАСС и совершенно не был озабочен этим известием. Кое-кому это покажется странным, но необходимо отметить, что, отвечая за действия нескольких тысяч диверсантов и агентов в тылу немцев и за сотни источников агентурной информации в США, включая операции нелегалов, я не испытывал беспокойства за судьбу наших основных разведывательных операций. Работая в свое время начальником отдела «С», я, безусловно, знал главные источники информации и не могу припомнить, чтобы среди них, во всяком случае по разведывательным материалам по атомной бомбе, супруги Розенберг фигурировали как важные источники. Мне тогда пришло в голову, что Розенберги, возможно, были связаны с проведением наших разведопераций, но ни в коем случае не играли никакой самостоятельной роли. В целом их арест не представлялся мне событием, заслуживающим особого внимания.

Прошел год, и в конце лета следующего года я был искренне удивлен, когда генерал-лейтенант Савченко, в то время заместитель начальника разведуправления МГБ, пришел ко мне в кабинет и сообщил, что назначенный только что министр госбезопасности Игнатьев приказал доложить ему о всех материалах по провалам наших разведывательных операций в США и Англии в связи с делом Розенбергов. Он сказал также, что в ЦК партии создана специальная комиссия по рассмотрению возможных последствий в связи с арестами Голда, Грингласа и Розенбергов. Насколько я понял, речь шла о нарушении правил оперативно-разведывательной работы сотрудниками органов госбезопасности.

Савченко я знал еще с 20-х годов, когда он возглавлял оперативный отдел штаба погранвойск на румынской границе. В 1946 году он стал министром госбезопасности на Украине, а позднее, в 1948 году, по протекции Хрущева перешел на работу в Комитет информации, затем стал заместителем начальника Разведуправления МГБ. В конце 40-х — начале

50-х годов он лично утверждал проведение основных разведопераций в США и Англии. Однако Савченко сказал мне, что он не может быть уверен в заключении своего аппарата по делу Розенбергов, поскольку их сотрудничество с нами началось еще до войны и продолжалось в период войны. К тому времени наши бывшие резиденты в США и Мексике — Горский и Василевский, известные в этих странах как Громов и Тарасов, были уже уволены из органов разведки.

Аналогичной была судьба и супругов Зарубиных, которые знали обстоятельства оперативной работы нашей агентуры в США в середине 40-х годов. Хейфец к этому времени уже два года сидел в тюрьме как участник «сионистского заговора». Поэтому Савченко не мог обратиться к ним, чтобы они прокомментировали архивные оперативные материалы для доклада в ЦК. Наиболее важные свидетели Овакимян и Зарубин, возглавлявшие американское направление в разведке в годы войны, не скрывали своего неуважительного отношения к Савченко за его некомпетентность в делах разведки и открыто называли «сукиным сыном». Они отказались от бесед с ним, заявив, что дадут свои объяснения только в ЦК. Яцков, Соколов и Семенов, имевшие отношение к этим делам, в то время находились за границей, но Савченко не хотел полагаться на их объяснения или на выводы Квасникова, возглавлявшего научно-техническую разведку, как на заинтересованных лиц.

Савченко и я были вызваны в ЦК по единственному вопросу: кто был ответствен за злосчастную телеграмму, санкционировавшую фатальную встречу Голда с Грингласом в Альбукерке.

В ЦК партии была представлена справка по результатам работы комиссии, в подготовке которой участвовали Савченко и сотрудники американского направления разведки органов безопасности. Насколько я помню, в ней утверждалось, что провалы были следствием ошибок, якобы допущенных Семеновым в вербовке и инструктаже Голда. В справке также говорилось, что конспиративная встреча Грингласа с Голдом санкционировалась Центром. В справке было сказано, что Овакимян, начальник американского направления в 40-е годы, уволен из органов госбезопасности. О его громадных заслугах, конечно, не было ни слова.

Я категорически возражал против этих выводов, поскольку Семенов и Овакимян в конкретных делах показали себя высококвалифицированными оперативными работниками. Фактически именно они создали в конце 30-х годов весьма значи-

тельную сеть агентурных источников научно-технической информации в США. Однако в ЦК партии и управлении кадров МГБ мои соображения отклонили, им приписали вину за провал, и они были уволены из органов разведки в значительной мере на волне антисемитизма, поскольку Семенов был еврей. Я помню, как мы собирали деньги, чтобы поддержать Семенова, пока он не устроился консультантом и переводчиком в Институт научно-технической информации Академии наук.

На следующий год эта скандальная история неожиданно получила продолжение. Я был снова вызван в ЦК к Киселеву, помощнику Маленкова. Совершенно неожиданно для себя я увидел у него Савченко. Киселев был категоричен и груб. Из его уст я услышал знакомые мне по 1938—1939 годам обвинения: ЦК разоблачил попытки отдельных сотрудников и ряда руководящих работников МГБ обмануть партию, преуменьшая роль Розенбергов в разведывательной работе. В анонимном письме сотрудника МГБ, поступившем в ЦК, сказал Киселев, отмечена значительная роль Розенбергов в добычании информации по атомной проблеме. В заключение Киселев подчеркнул, что Комитет партийного контроля рассмотрит эти сигналы о попытках ввести ЦК в заблуждение по существу дела Розенбергов.

Савченко и я в один голос категорически возражали Киселеву, объясняли, что наши разведывательные операции в США по атомной проблеме фактически были прекращены в 1946 году и мы вынуждены были полагаться на источники в Англии. Мы ссылались на полученные в 1946 году указания Берия сберечь источники информации для осуществления выгодной для нас политической кампании по пропаганде ядерного разоружения среди научной общественности и интеллигенции стран Запада.

Киселев обвинил нас в неискренности и в попытках понизить значение контактов нашей разведки с супругами Розенберг. Я ответил ему, что полностью отвечаю за работу по проникновению нашей агентуры на атомные объекты США в 1944—1946 годах. При этом я подчеркнул, что, разумеется, ценность агентурного проникновения и подхода к интересующим нас объектам резко варьировалась в зависимости от служебного положения источников информации. Супруги Розенберг были лишь незначительным звеном нашей периферийной деятельности на американских атомных объектах. Материалы Розенбергов и их родственника Грингласа не могут

быть отнесены к категории важной информации. Розенберги были наивной, но вместе с тем преданной нам, в силу своих коммунистических убеждений, супружеской парой, готовой во всем сотрудничать с нами, но их деятельность не имела принципиального значения в получении американских атомных секретов.

Киселев официальным тоном заявил, что доведет до сведения ЦК и лично Маленкова наши объяснения и Комитет партийного контроля установит, кто конкретно несет вину за провал разведывательных операций в США».

Розенберги героически вели себя в ходе следствия и на судебном процессе. По этой причине советские руководящие инстанции прекратили поиски козлов отпущения.

Становится очевидным, что дело Розенбергов с самого начала приобрело ярко выраженную политическую окраску, которая затмила незначительность предоставленной их группой научно-технической информации в области атомного оружия. Они давали информацию по химии и радиолокации. Гораздо более важным для американских властей и для советского руководства оказались их коммунистическое мировоззрение и идеалы, столь необходимые Советскому Союзу в период обострения «холодной войны» и антикоммунистической истерии. В исключительно трудных условиях они проявили себя твердыми сторонниками и друзьями Советского Союза.

Быстрый арест Розенбергов сразу же после признаний Грингласа указывает на то, что ФБР действовало так же, как и НКВД, следуя политическим установкам и указаниям, вместо того чтобы подойти к делу профессионально. ФБР пренебрегло выявлением всех лиц, связанных с Розенбергами. Это потребовало бы не только наружного наблюдения, но и агентурной разработки Розенбергов для того, чтобы выявить оперативного работника или нелегала — специального агента, на связи с которым они находились. Только так можно было определить степень их участия в операциях советской разведки. Проявленная ФБР поспешность помешала американской контрразведке выйти на Фишера (полковника Абе-ля), советского нелегала, осевшего в США в 1948 году и арестованного только в 1957-м. Фотография с кодовым именем Элен Собелл, жены Мортон Собелла, члена

группы Розенбергов, была обнаружена агентами ФБР только при аресте Фишера в его бумажнике.

Теперь очевидно, что ФБР и НКВД использовали одни и те же методы при расследовании дел о шпионаже с политической подоплекой. Фактически все дело Розенбергов было построено на основе признаний обвиняемых. На это, в частности, указывают и доводы защитника Розенбергов о том, что ФБР предварительно натаскивало и инструктировало Голда и Грингласа для их будущих показаний при судебном разбирательстве дела. Конечно, действия ФБР были вполне логичными, ибо оно не справилось со своей главной задачей: выявить действительную роль супругов Розенберг в добычании и передаче секретной информации Советскому Союзу. Так называемые «зарисовки и схемы» Грингласа, фигурирующие в деле, ни в коей мере не могли быть основанием для того, чтобы делать выводы о характере разведывательной работы и предоставленной в Москву информации.

Розенберги, как выше уже говорилось, стали жертвами «холодной войны». Американская и советская стороны одинаково стремились извлечь максимум политической выгоды из судебного процесса. Знаменательно, что в период разгула антисемитизма у нас в стране и разоблачений так называемого «сионистского заговора» советская пропаганда приписывала американским властям проведение антисемитской кампании и преследование евреев в связи с процессом Розенбергов.

Однако в США процесс по делу Розенбергов вызвал определенный рост антисемитских настроений. В СССР использовали это: быстро перевели на русский язык пьесы и памфлеты американского писателя, в то время коммуниста, Говарда Фаста об антисемитизме в США. Дело Розенбергов превратилось в один из мощных факторов советской пропаганды в деятельности Всемирного Совета Мира, созданного при нашей активной поддержке в конце 40-х годов.

Отец уточнял в связи с процессом Розенбергов, что в США в 40-е годы успешно действовали независимо друг от друга четыре наши агентурные сети: в Сан-Франциско, где было консульство; в Вашингтоне, где было посольство; в Нью-Йорке — на базе торгового представительства Амторг и консульства; и, наконец, в Вашингтоне —

эта сеть возглавлялась нелегальным резидентом Ахмеровым. Он руководил деятельностью Голоса, одного из главных организаторов нашей разведывательной работы, тесно связанного в 30-е годы с компартией. В дополнение к этому активно действовала в Мексике самостоятельная агентурная группа под руководством Василевского.

Отец писал:

«Я помню, что побег в Канаде в 1945 году Гузенко — шифровальщика из аппарата военного атташе — имел далеко идущие последствия. Гузенко сообщил американским и канадским контрразведывательным службам данные, позволившие им выйти на нашу агентурную сеть, активно действовавшую в США в годы войны. Более того, он предоставил им список кодовых имен ученых-атомщиков Америки и Канады, которых наша разведка и военное разведывательное управление активно разрабатывали. Эти ученые-атомщики не были нашими агентами, но были источниками важной информации по атомной бомбе.

Сведения, полученные от Гузенко, а также признания агента нашей военной разведки Бентли, переведенной ФБР, позволили американской контрразведке проникнуть в нашу агентурную сеть. Однако любая ориентировка, сообщенная Гузенко ФБР, требовала тщательной проверки, а это оборачивалось годами кропотливой работы. Когда американская контрразведка после длительной разработки вышла на наши источники информации, мы уже получили важнейшие для нас сведения по атомной бомбе и законсервировали связи с агентурой. ФБР утверждало, что Гузенко помог в дешифровке наших спецтелеграмм, и это позволило разоблачить наших агентов Голда, Нана и Фукса.

Я, однако, не считаю, что дешифровка телеграмм сыграла решающую роль в раскрытии наших разведывательных операций. Еще в декабре 1941 года агент Шульце-Бойзен (Старшина) из Берлина сообщил нам, что немцы захватили в Петсамо в Норвегии одну из наших шифровальных книг. Естественно, мы сменили свои кодовые книги. Я помню, что в 1944 году в рамках сотрудничества между Сталиным и Тито возник вопрос об обучении технике дешифровки направленных к нам югославских сотрудников госбезопасности. Тогда Овакимян, заместитель начальника Разведуправления НКВД и начальник американского направления, категорически возражал против обучения югославов. Я также помню, как он говорил: «Мы кардинально изменили свои шифровальные ко-

ды после провала наших подпольных групп в Германии. Зачем нам делиться опытом с посланцами Тито, у нас достаточно оснований подозревать их в двойной игре — в сотрудничестве с английской разведкой». Возражения Овакимяна были приняты.

Овакимян еще в 1944 году, когда Зарубин вернулся из США, высказывал опасения, что ФБР удалось внедрить своих агентов в наши агентурные группы. Когда Зарубин объяснял-ся по поводу выдвинутых против него несостоятельных обвинений, мы все-таки из предосторожности вновь сменили коды шифропереписки. Поэтому я не думаю, что ФБР вышло на нашу агентурную сеть на основе дешифровки кодовой книги, захваченной в Петсамо.

ФБР так и не предало гласности и всячески уклонялось от обсуждения методов своей работы и используемых источников информации. Лемфер, бывший сотрудник американской контрразведки, в своей книге «Война ФБР — КГБ» рассказывает о сложном процессе восстановления нашей кодовой книги: она частично обгорела. Возможно, так оно и было. Я не могу полностью отрицать, что дешифровка не сыграла своей роли в выходе контрразведки США и Канады на наши источники агентурной информации. Тем не менее считаю, что ФБР, стремясь скрыть свой собственный агентурный источник, специально придумало историю о дешифровке нашей переписки.

В мае 1995 года ФБР опровергло мою версию о получении нашей разведкой данных по атомной бомбе. ФБР отметило, что Ферми, Оппенгеймер, Сцилард и Бор, по их данным, не были шпионами. Но я это и не утверждал.

Сейчас американцам удалось дешифровать переписку наших резидентур в Вашингтоне, Сан-Франциско, Нью-Йорке с Москвой в значительной мере, я полагаю, потому, что в 1992 году мы сами передали американской стороне ряд материалов Коминтерна, включая полный текст шифротелеграмм на русском языке, полученных по каналам разведки НКВД. Ввиду постоянного наблюдения американскими спецслужбами с 1940 года за нашим радиоэфиром им удалось установить, как сообщила наша пресса, более двухсот агентов советской разведки, участвовавших в добыче материалов по атомной бомбе и секретной документации американских правительственных органов, в том числе и спецслужб. Но ряд ключевых кодовых имен остается нераскрытым».

В сентябре 1992 года в военном госпитале КГБ отец встретился с ветераном разведки Яцковым, у которого на связи в 1945—1946 годах был Голд. Они припомнили

ту историю, рассказанную в книге Лемфера, о якобы перехваченной телеграмме из нашего нью-йоркского консульства в Москву, что послужило основанием для выхода американской контрразведки на Фукса.

«Мы обсудили надежность наших шифросистем связи и возможности их дешифровки, — рассказывал отец. — Яцков и Феклисов продолжали также считать, что все было ФБР сфальсифицировано; они представили как бы дешифрованную телеграмму нашего консульства в Центр о встрече Голда и Фукса в январе 1945 года в доме сестры Фукса Кристель. Как писал Феклисов в своей книге, в качестве улики против Фукса использовалась карта Санта-Фе в штате Нью-Мексико неподалеку от Лос-Аламоса, где было отмечено место встречи Голда и Фукса. Утверждалось, что на карте, обнаруженной при обыске на квартире Голда, были отпечатки пальцев Фукса.

Для меня, профессионала разведки, обстоятельства, не позволившие ФБР проникнуть в нашу агентурную сеть, вполне понятны. Персонал и технические кадры «Манхэттенского проекта» комплектовались американской администрацией в большой спешке — много было иностранцев, привлеченных для работы в проекте. У ФБР просто не было времени на протяжении полутора лет организовать и привести в действие мощную контрразведывательную агентурную сеть среди научных работников проекта. Между тем абсолютно необходимой предпосылкой вскрытия глубоко законспирированных контактов ученых-атомщиков с агентами и курьерами советской разведки было эффективное агентурное наблюдение и работа с персоналом атомного проекта. В СССР наша контрразведка обладала гораздо большими возможностями всесторонней проверки всего персонала, как научного, так и вспомогательного, привлеченного к атомным работам. Она опиралась на высокоразвитую систему оперативно-учетных материалов.

Мы должны иметь в виду и исторические обстоятельства. В начальный период войны главной задачей ФБР было предотвращение утечки информации по атомному оружию к немцам. Мое предположение сводится к тому, что первоначально в 1942—1943 годах ФБР активно разрабатывало выходы на «немецкие» связи и контакты ученых, приступивших к работе в лабораториях Лос-Аламоса. Просоветские симпатии учитывались и фиксировались, однако они приобрели существенное значение лишь на финишной стадии, в начале 1945 года.

Насколько мне известно, директива об усиленном выявлении связей с прокоммунистическими крутами начала проводиться в жизнь администрацией проекта лишь в конце 1944 года, после того как ФБР зафиксировало наш большой интерес к лаборатории по изучению радиации в Беркли.

Хотя нам удалось проникнуть в окружение Оппенгеймера, Ферми и Сциларда через Фукса, Понтекорво и других, мы никогда не прекращали своих усилий, чтобы получать материалы из лаборатории в Беркли, так как ее разработки были тесно связаны с исследованиями в Лос-Аламосе. ФБР зафиксировало наш интерес к этой лаборатории, но оно переоценило его и сосредоточилось на противодействии нашей работе. Между тем это направление играло подчиненную роль.

Чрезвычайно ценную информацию по атомной бомбе мы получали на последней стадии работ, накануне первого экспериментального взрыва и производства первых бомб. В период, когда американская контрразведка значительно усилила свою работу, мы прервали всякие контакты с внедренными в проект агентами. В результате никто из сотрудничавших с нами людей не был задержан американской контрразведкой с поличным и непосредственно в момент передачи нам информации».

Теперь уже общепризнано, что советская разведка выступила инициатором развертывания широкомасштабных работ по созданию атомного оружия в СССР и оказала, повторяю, существенную помощь нашим ученым в этом деле. Однако атомное оружие было создано колоссальными усилиями наших ведущих ученых-атомщиков и работников промышленности.

Из послевоенных операций советской разведки также можно выделить следующие. Привлечение к сотрудничеству английского контрразведчика Джорджа Блейка, который сообщил о строительстве в Западном Берлине специального тоннеля к нашим подземным линиям связи и установке аппаратуры подслушивания. Блейк также ориентировал органы госбезопасности о заброске агентуры английской разведки. За связь с нами Блейк был арестован английскими властями и приговорен к 42 годам тюрьмы строгого режима. После пяти лет заключения совершил смелый и успешный побег из тюрьмы. Сейчас проживает и работает в Советском Союзе.

Второй пример. Нелегальный вывод нашего кадрового разведчика Конона Молодого в Англию. За шесть

лет работы он добыл много важной информации, особенно по военно-морскому флоту. В результате предательства Молодой был арестован англичанами и осужден на 25 лет. Из заключения вызволен путем обмена на арестованного у нас английского разведчика. Невольно высокую оценку работе Молодого дала королевская комиссия, записав: «Теперь сколько-нибудь важных секретов в морском адмиралтействе Англии более не осталось».

Иногда разведка приносила пользу государству в областях, где, казалось бы, нет необходимости для ее вмешательства. Два примера. В конце войны разведчик Н. М. Горшков, находясь в Италии, через свои связи получил дневники советского татарского поэта Мусы Джалиля, написанные в фашистской тюрьме. Дневники позволили восстановить героические страницы в жизни великого татарского поэта. Второй пример. Благодаря умелым действиям разведчика Б. Н. Батраева стали достоянием родины архивы писателя И. А. Бунина. Этот случай подробно описан в еженедельнике «Литературная Россия» № 42 от 19 октября 1990 года.

Глава 19

СТРАНИЦЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

После образования 15 марта 1946 года Министерства госбезопасности во главе с генерал-полковником В. С. Абакумовым руководство разведывательной и контрразведывательной работой за границей было возложено на Первое главное управление (ПГУ) МГБ СССР.

15 июня 1946 года генерал-лейтенант П. М. Фитин был снят с занимаемой должности и переведен в распоряжение УК МГБ. На его место был назначен генерал-лейтенант Петр Николаевич Кубаткин, работавший до этого начальником УМГБ по Ленинградской области. С 9 сентября 1946 года, после его перевода на другую работу, ПГУ МГБ возглавил бывший долголетний начальник Второго (Контрразведывательного) управления генерал-лейтенант Петр Васильевич Федотов. На тот период в центральном аппарате разведки работало около 600 человек.

30 мая 1947 года для координации всех разведывательных операций за рубежом был образован Комитет информации (КИ) при СМ СССР, в который влились внешняя разведка МГБ и ГРУ ГШ Красной Армии. Его возглавил первый заместитель Председателя СМ СССР и министр иностранных дел СССР Вячеслав Михайлович Молотов. Осуществление практического руководства работой КИ возлагалось на первого заместителя председателя КИ. С 1 августа 1947 года на этой должности находился генерал-лейтенант П. В. Федотов, а затем, с февраля 1949 года — генерал-лейтенант Сергей Романович Савченко, возглавлявший прежде МГБ Украины.

В состав Комитета информации входил ряд управлений, в том числе стратегической разведки: 1-е — англо-американское, 2-е — европейское, 4-е — нелегальной разведки, 7-е — шифровальное, Управление советников в странах народной демократии, самостоятельные направления «ЕМ» (эмиграция) и «СК» (совколонии); шесть функциональных отделов (оперативной техники, связи и пр.).

Для руководства разведаппаратами за рубежом был введен институт главных резидентов, которыми, как правило, назначались послы и посланники.

В конце 1948 года руководители Советской Армии настояли на возвращении военной разведки в состав Генерального штаба, а в подчинение МГБ перешли Управление советников в странах народной демократии и службы «ЕМ» и «СК».

В феврале 1949 года был изменен статус Комитета информации. Разведка, фактически слитая с МИДом СССР, стала подчиняться ему напрямую. После освобождения В. М. Молотова от должности министра, с 4 марта 1949 года председателями КИ были новый глава МИДа А. Я. Вышинский, а затем заместитель руководителя дипломатического ведомства В. Н. Зорин.

17 октября 1949 года в составе МГБ СССР было образовано Первое управление, на которое возлагались задачи по руководству внешней контрразведкой:

контрразведывательное обеспечение совколоний;

выявление и пресечение подрывной деятельности контрразведывательных органов капиталистических стран и эмигрантских центров, направленных против СССР.

Первое управление МГБ имело собственные резидентуры при советских представительствах за рубежом.

1 ноября 1951 года, во избежание ненужного параллелизма, заграничные аппараты Комитета информации и Первого управления МГБ были объединены. КИ как орган внешней разведки практически прекратил существование, а в январе 1952 года был расформирован.

2 ноября 1951 года в связи с передачей разведывательных функций из Комитета информации при МИДе СССР в МГБ СССР в нем было воссоздано Первое главное управление (ПГУ). 14 ноября 1951 года в его состав вошло Первое управление МГБ СССР (внешняя контрразведка). Возглавил ПГУ генерал-лейтенант С. Р. Савченко.

19 декабря 1951 года решением Политбюро ЦК КПСС внешняя разведка в полном масштабе была возвращена в МГБ СССР. Начальник главка получил статус заместителя министра госбезопасности.

В структуру ПГУ МГБ входили:

- а) руководство (начальник, его заместители и коллегия);
- б) секретариат;
- в) Управление нелегальной разведки;
- г) Управление НТР;
- д) Управление внешней контрразведки;
- е) географические отделы: Англо-американский; Латинской Америки; стран Скандинавии и Финляндии; Германии, Австрии и Швейцарии; Франции и стран Бенилюкс; Дальневосточный (Япония и Корея); Юго-Восточной Азии; Ближнего и Среднего Востока;
- ж) функциональные отделы: «Д» (активных мероприятий); шифровальный и другие.

Позже на базе европейских (английского, германского, французского и др.) направлений было создано Управление Западной Европы ПГУ МГБ.

6 марта 1946 года Уинстон Черчилль в своей известной речи в Фултоне впервые заявил о существовании «железного занавеса». Эта дата стала считаться началом «холодной войны».

Однако для СССР конфронтация с западными союзниками началась сразу же, как только Красная Армия вступила на территорию стран Восточной Европы. Конфликт интересов был налицо. Принцип проведения многопартийных выборов на освобожденных землях и формирование коалиционных правительств (с фактической ориентацией на Запад), как предложил в Ялте прези-

дент Рузвельт, могли быть приемлемы для Советского Союза лишь на переходный период после поражения гитлеровской Германии.

В частности, Молотов и Берия в то время считали, что коалиционные правительства в Восточной Европе долго не протянут. Позже, в 1947 году, на заседаниях Комитета информации, возглавлявшегося Молотовым, эти слова приобрели новый смысл. Между прочим, с 1947 по 1951 год этот комитет являлся главным разведорганом, куда стекалась почти вся информация из-за рубежа по военным и политическим вопросам.

Ялтинское соглашение, где официально был зафиксирован послевоенный раздел мира между США, Англией, СССР, было обусловлено, как ни парадоксально, пактом Молотова—Риббентропа. В этом договоре 1939 года, как теперь говорят, не было высоконравственных принципов, но он впервые признавал СССР великой державой мира. После Ялты Россия стала одним из центров мировой политики, от которого зависели будущее всего человечества и судьбы мира.

В наши дни многие аналитики указывают на близость Сталина и Гитлера в их подходе к разделу мира. Сталина ожесточенно критикуют за то, что он предал принципы и нормы человеческой морали, подписав пакт с Гитлером. При этом, однако, упускают из виду, что он подписал и тайное соглашение с Рузвельтом и Черчиллем о разделе Европы (Ялта), а позднее с президентом Трумэном (Потсдам).

Идеологические принципы далеко не всегда имеют решающее значение для тайных сделок между сверхдержавами: такова одна из реальностей нашей жизни.

Отец рассказывал мне, как, кажется, в декабре 1941 года в кабинете у Берия он встретил нашего посла в США Уманского, только что вернувшегося из Вашингтона после нападения японцев на Перл-Харбор. Посол сообщил тогда отцу, что Гарри Гопкинс, близкий друг Рузвельта и его личный посланник по особо важным делам, от имени президента поставил перед СССР вопрос о роспуске Коминтерна и о примирении с Русской Православной Церковью. По его словам, это необходимо, чтобы снять препятствия со стороны оппозиции в оказании помощи по ленд-лизу и обеспечить политическое сотрудничество с США в годы войны. Эти неофициаль-

ные рекомендации были приняты Сталиным еще в 1943 году и создали дополнительные благоприятные предпосылки для встречи в Тегеране, а затем в Ялте. Это показало американцам, что со Сталиным можно договориться по самым деликатным вопросам с учетом его интересов.

Кстати говоря, и мы, и американцы упорно не публикуем все записи бесед Гопкинса с советскими руководителями. Причина проста — доверительные обсуждения шекотливых вопросов опровергают многие стереотипные представления и свидетельствуют о том, что сговор Запада со Сталиным о разделе сфер влияния в мире после войны был вполне реален. Руководители западных стран мирились с коммунистическим присутствием в мировой политике, и, более того, они не считали коммунистический режим препятствием в достижении договоренности по вопросам послевоенного устройства мира.

Мой отец вспоминал, что в конце 1944 года, при подготовке к Ялтинской конференции, открывшейся, как известно, в феврале 1945 года, состоялось совещание руководителей НКВД—НКГБ, Наркомата обороны и ВМФ, на котором председательствовал Молотов. Целью этого совещания было выяснить, может ли Германия продолжать войну, и проанализировать информацию о возможных сферах соглашений с нашими союзниками Америкой и Англией по послевоенному устройству мира. О точной дате открытия конференции тогда не сообщили: Молотов просто сказал, что она состоится в Крыму не позже чем через два месяца.

После этого совещания Берия назначил отца руководителем специальной группы по подготовке и проверке материалов к Ялтинской конференции. Он должен был регулярно информировать Молотова и Сталина. Сам Берия поехал в Ялту, но участия в конференции не принимал. Проводя подготовку к встрече в Крыму, группа, которой руководил мой отец, собирала данные о руководителях союзных держав, составляла их психологические портреты, чтобы советская делегация знала, с чем она может столкнуться во время переговоров. Было известно, что ни у американцев, ни у англичан нет четкой позиции в отношении послевоенного будущего стран Восточной Европы. У союзников не существовало ни со-

гласованности в этом вопросе, ни специальной программы. Все, чего они хотели, — это вернуть к власти в Польше и Чехословакии правительства, находившиеся в изгнании в Лондоне.

Отец писал об этом, в частности, так: «Данные военной разведки и наши собственные указывали на то, что американцы открыты для компромисса, так что гибкость нашей позиции могла обеспечить приемлемое для советской стороны разделение сфер влияния в послевоенной Европе и на Дальнем Востоке. Мы согласились, что польское правительство в изгнании должно получить в новом коалиционном правительстве Польши несколько важных постов. Требования Рузвельта и Черчилля, выдвинутые в Ялте, показали нам крайне наивными: с нашей точки зрения, состав польского послевоенного правительства будут определять те структуры, которые получали поддержку со стороны Красной Армии.

В период, предшествовавший Ялтинской конференции, Красная Армия вела активные боевые действия против немцев и смогла освободить значительную часть польской территории. Благоприятный для нас поворот политической ситуации во всех восточноевропейских странах предугадать было весьма нетрудно — особенно там, где компартии играли активную роль в комитетах национального спасения, бывших де-факто временными правительствами, находившимися под нашим влиянием и отчасти контролем».

И действительно, СССР вполне мог проявить гибкость и согласиться на проведение демократических выборов, поскольку так называемые правительства в изгнании ничего не могли противопоставить советскому влиянию. Бенеш, к примеру, бежал из Чехословакии в Англию, как мы уже знаем, на деньги НКВД вывез туда нужных ему людей и находился под нашим сильным влиянием. Ставший позднее президентом Чехословакии Людвик Свобода всегда ориентировался на Советский Союз. Руководитель чехословацкой разведки полковник Моравец, впоследствии генерал, как пишет в своих воспоминаниях отец, с 1935 года сотрудничал с советскими разведорганами, сначала с военной разведкой, потом с НКВД, что не мешало ему одновременно придерживаться антисоветских убеждений и тесно контактировать с нашим резидентом в Лондоне Чичаевым.

Молодому румынскому королю Михая тоже понадобилась поддержка глубоко законспирированных наших

групп, связанных с руководством Румынской компартии, для того, чтобы арестовать генерала Антонеску, разорвать союз с Гитлером и вступить в антигитлеровскую коалицию.

Ситуация в Болгарии складывалась для нас вполне благоприятно, учитывая присутствие и большое влияние бывшего председателя Исполкома Коминтерна Георгия Димитрова.

«Во время проведения Ялтинской конференции, — вспоминает отец, — мы уже готовились тайно вывозить урановую руду, добывавшуюся в Родопских горах Болгарии (уран был нужен для нашей атомной программы).

В 1945 году я встречался с Гарриманом, послом Соединенных Штатов в Советском Союзе. Первая встреча была в Министерстве иностранных дел: меня представили как Павла Матвеева, сотрудника секретариата Молотова, ответственного за техническую подготовку Ялтинской конференции. После первой официальной встречи я пригласил Гарримана на обед в «Арагви», ресторан, известный тогда своей изысканной грузинской кухней. Гарриман с видимым удовольствием принял мое приглашение. Я взял с собой на обед, как своего переводчика, князя Януша Радзивилла, представленного Гарриману в качестве польского патриота, проживающего в Москве в изгнании (в это время он был нашим агентом, находившимся на личной связи у Берия).

Для Гарримана и Радзивилла это была встреча старых знакомых. Гарриман владел химическим заводом, фарфоровой фабрикой, двумя угольными и цинковыми шахтами в Польше. Что было еще важнее, Радзивилл и Гарриман совместно владели угольно-металлургическим комплексом, где было занято до сорока тысяч рабочих. У себя на родине Януш Радзивилл являлся весьма заметной политической фигурой, будучи сенатором и председателем комиссии сейма по иностранным делам. В 1930-х годах он помогал Гарриману в приобретении акций некоторых польских предприятий в условиях весьма жесткой конкуренции со стороны французских и бельгийских предпринимателей».

Надо заметить, что советская разведка стала активно интересоваться Радзивиллом с середины 30-х годов. После того как 17 сентября 1939 года Красная Армия вступила в восточные районы Польши, он оказался у нас и Берия завербовал его в качестве так называемого «агента влияния». Затем отец организовал его возвращение в

Берлин, где некоторое время резидентура вела за ним наблюдение и регулярно докладывала в Москву. Его нередко видели в то время на дипломатических раутах в обществе Геринга, с которым он раньше охотился и частенько приезжал в свое имение под Вильнюсом (тогда эта территория принадлежала Польше).

В конце 1944 или начале 1945 года отцу сообщили, Радзивилл задержан и доставлен в Москву. Берия приказал отцу использовать Радзивилла в зондажных контактах с американцами накануне Ялтинской конференции. В то время наши отношения с Польшей были натянутыми. Прокоммунистический временный комитет в Люблине объявил себя правительством страны в противовес польскому правительству в изгнании, находившемуся в Лондоне. Потому и было принято решение активно использовать Радзивилла, чтобы успокоить проанглийски настроенных поляков. Британские и американские власти между тем, как стало известно, начали наводить справки относительно местонахождения Радзивилла, исчезнувшего из их поля зрения. Обычная проверка его предвоенных связей показала: Радзивилл имел деловые отношения с Гарриманом. Узнав об этом, Берия тут же распорядился о переводе Радзивилла с Лубянки, где он к тому времени успел просидеть уже около месяца, на явочную квартиру в пригороде Москвы под домашний арест. Берия решил использовать Радзивилла в качестве посредника в общении с Гарриманом.

«На обеде в «Арагви» с Гарриманом и Радзивиллом, — пишет отец, — я собирался сказать о нашей терпимости по отношению к католическим, протестантским и православным священнослужителям, даже тем, кто в годы войны сотрудничал с немецкими властями на оккупированных территориях (я лично принимал архиепископа Слипого, одного из иерархов украинской Униатской церкви; несмотря на то что он тесно сотрудничал с гитлеровцами, ему позволили вернуться во Львов, но уже после Ялтинской конференции его арестовали и отправили в ГУЛАГ по приказанию Хрущева). Я также собирался обсудить за обедом в «Арагви» судьбу священников Русской Православной Церкви и заверить Гарримана, что советское правительство не преследует православных иерархов.

Когда я говорил об этом, Гарриман заметил, что недавние выборы патриарха Русской Православной Церкви произвели весьма благоприятное впечатление на американское об-

публичное мнение. Больше никаких других вопросов, подготовленных мною заранее, обсудить не удалось — Гарриман почувствовал, что Радзивилл вовсе не является официальным переводчиком, и принялся обсуждать с ним возможные деловые перспективы, касавшиеся создания совместных предприятий в Советском Союзе после войны. По словам Гарримана, разгром Германии мог логически привести к тому, что советско-американское экономическое сотрудничество станет реальным. Мы нуждаемся в экономической помощи, поэтому пустим американский капитал, чтобы поднять разрушенное войной народное хозяйство. Гарриман рассчитывал, что американская сторона может извлечь большие доходы, участвуя в восстановлении нашей экономики. Он упомянул о создании совместных предприятий в угольной и горно-металлургической промышленности как форме экономического сотрудничества. К такому повороту дела я не был готов.

Я сказал американскому послу, что мы признательны за переданную нам по дипломатическим каналам информацию о контактах американских агентов с уполномоченными лицами Герделера и генерала Бека в Швейцарии. Американцы откровенно сообщили нам о своих планах вывести Германию из войны. Упомянул я и о том, что мы информировали государственный департамент США о своих тайных контактах с финансами с целью подписания мирного соглашения, в которых роль посредников играла семья Валленберг.

Под конец я спросил у Гарримана, что ожидают американцы от Ялтинской конференции. Моя цель при этом заключалась в том, чтобы заранее подготовить нашу позицию по наиболее деликатным вопросам, которые будут затрагивать американцы. Например, будущее Польши, послевоенные границы в Европе или судьба Югославии, Греции и Австрии. Гарриман, однако, был не готов к подобной беседе. Я понял, что ему требуются для этого инструкции, которых он пока не получил. Его больше интересовало, как долго Радзивилл собирается оставаться в Москве. Я заверил, что Радзивилл может свободно отправиться в Лондон, но предпочитает поехать прямо в Польшу, как только страну освободят от немцев.

Гарриман неожиданно для меня поставил вопрос о привлечении еврейского капитала для восстановления нашего разрушенного войной хозяйства. Он, в частности, дал понять, что американские деловые круги поддерживают идею использования еврейских капиталов для возрождения Гомельской об-

ласти в Белоруссии — традиционного места компактного проживания евреев.

Я всячески старался перевести разговор на личные темы. Так, я посоветовал Гарриману обратить внимание на поведение его дочери, чьи похождения с молодыми людьми в Москве могут причинить ей большой вред: в городе немало всякого хулиганья, что неудивительно, учитывая трудности военного времени. Свои замечания я высказал в мягкой, дружеской форме и специально подчеркнул, что, конечно, наше правительство постарается не допустить каких-либо действий, компрометирующих как самого Гарримана, так и его семью. При этом я особо отметил, что Гарриман пользуется уважением руководителя нашего государства. Эти предостережения не были ни угрозой, ни попыткой какого-либо шантажа. Наоборот, наша цель была показать ему, что ни о каких провокациях против него не может быть и речи. Тот факт, что мы обсуждали с ним не только дипломатические, но и чисто личные вопросы, притом довольно шепетильного свойства, показывал лишь степень нашего доверия. Но Гарриман никак не отреагировал на мои предостережения, проявив куда большую озабоченность доставкой водки и черной икры для участников предстоящей конференции в Крыму.

Беседуя с Радзивиллом, Гарриман отметил, что Ялта должна дать зеленый свет перспективным деловым начинаниям в послевоенной Восточной Европе и в Советском Союзе. Поддерживая разговор, я сказал, что смысл тайного пребывания Радзивилла в Москве заключается в том, чтобы исключить всякого рода слухи, будто друг Геринга вот-вот появится в Швеции или Англии в качестве курьера от Гитлера с мирными предложениями. Радзивилл не только тут же перевел мои слова, но и со своей стороны поддержал меня, подтвердив свое намерение появиться в Европе лишь после окончания войны. Поскольку на встрече я выступал как высокопоставленный чиновник правительства, то от имени нашего руководства преподнес Гарриману подарок — чайный сервиз.

Как известно, разговор отца с Гарриманом в «Араги», а затем в гостинице «Советская» (в то время там обычно останавливались приезжавшие в Москву западные делегации) был записан на пленку. Эта запись, рассказывал отец, очень тщательно прослушивалась и анализировалась, с целью найти в ней любые дополнительные штрихи для создания психологического портрета членов американской делегации на конференции в Ялте.

Эти психологические нюансы были для Сталина важнее разведывательных данных: возможность установления личных контактов с главами западных делегаций Рузвельтом и Черчиллем представлялась ему решающей. Теперь-то хорошо известно, что личные отношения мировых лидеров сыграли колоссальную роль при обсуждении и принятии документов на Ялтинской конференции.

В ноябре 1945 года, когда Сталин находился на отдыхе в Крыму, Гарриман безуспешно пытался с ним встретиться для обсуждения планов экономического и политического сотрудничества. Он пришел к Молотову и убеждал его, что он наш друг, на протяжении нескольких лет неизменно обсуждавший самые щекотливые вопросы с советскими должностными лицами и лично со Сталиным. Однако на сей раз Молотов остался безучастным и сугубо официальным. Это означало, что отныне Гарриман больше не представляет интереса для нашей стороны и доступ в высшие эшелоны власти ему заказан. Гарриман покинул Москву в конце января 1946 года.

Летом 1941 года Гарри Гопкинс, советник президента Рузвельта, предложил нашему послу в Вашингтоне Уманскому установить конфиденциальные отношения. Это было сделано по прямому указанию президента. В декабре 1941 года Сталин назначил вместо Уманского на пост посла в США Литвинова — и Гопкинс тут же установил с ним близкие отношения. Настолько близкие, что Литвинов часто бывал у Гопкинса дома. Литвинов рассказывал, как однажды, когда советник американского президента был болен, он сидел у его кровати и обсуждал с ним текущие проблемы. И Уманский, и Литвинов, с которыми мой отец встречался в Москве, также, по их словам, установили неофициальные отношения с сотрудниками госдепартамента и Белого дома. Наши резиденты Зарубин, а позднее сменивший его Горский расширили эти контакты во время союзнических отношений с Америкой в годы второй мировой войны.

Перед любым официальным визитом список будущих участников переговоров в обязательном порядке вручался НКВД (или НКГБ). В нем на каждого из участников содержались подробные установочные данные, включая связи с нами и отношение к нашей стране. Полученные материалы для составления психологической

характеристики содержали информацию о личностных качествах и особо секретное приложение о возможности их агентурного сотрудничества с советской разведкой.

Одно должностное лицо США, с которым у НКВД—НКГБ существовали конфиденциальные отношения, входило в состав официальных членов американской делегации на Ялтинских переговорах. Этого человека звали Элджер Хисс, он был доверенным лицом Гопкинса. В беседах с Уманским, а затем с Литвиновым Хисс раскрывал планы Вашингтона. Кроме того, он был весьма близок с некоторыми «источниками», сотрудничавшими с советской военной разведкой, и с нашими активными агентами в Соединенных Штатах. Советские разведслужбы знали, что американцы готовы прийти к соглашению с Москвой о будущем Европы.

В списке против фамилии Хисса было указано, что он с большой симпатией относится к Советскому Союзу и является сторонником послевоенного сотрудничества между американским и советским правительствами. Однако ничего не говорилось о том, что Хисс, сотрудник госдепартамента США, является агентом советской разведки.

Хисс стал источником информации для нашей группы в Вашингтоне в начале и середине 30-х годов. В эту группу, во главе которой стоял родившийся в России экономист Натан Сильвермастер, входили как наши агенты, так и те, кто являлся источником конфиденциальной информации, но чья деятельность не была зафиксирована ни в каких вербовочных документах, поскольку никто из них не подписывал обязательств о сотрудничестве. В 30-е годы учетно-вербовочные обязательства в контактах с симпатизирующими нам влиятельными людьми на Западе особого значения не имели. В 40-е годы уже был введен строгий порядок документированного оформления сотрудничества с советской разведкой.

Агентурные донесения, переведенные на русский, как правило, мы докладывали Сталину или Молотову без всяких комментариев. Единственным приложением к документу могла быть справка, что данный агент или источник заслуживает или не заслуживает доверия или что за достоверность данных в спецсообщении мы не ручаемся. Хисс фигурировал как источник Марс, но он не имел об этом ни малейшего понятия.

Когда в конце 40-х годов Хисса обвинили в шпионаже в пользу СССР, никаких убедительных доказательств его виновности представлено не было, да их и быть не могло. Хисс был близок к людям, сотрудничавшим с советской военной разведкой, возможно, являлся источником информации, передаваемой нашим спецслужбам, однако он никогда не был советским агентом в полном смысле слова. Накануне Ялты на контакты с советскими представителями Хисса подтолкнули Гопкинс и Хэлл, госсекретарь США, по поручению Рузвельта, зная о его симпатиях к Советскому Союзу. Американским властям было важно иметь Хисса как промежуточное лицо, которое эпизодически может донести важную неофициальную информацию до советских правящих кругов.

В администрации Рузвельта советская разведка имела очень важный источник информации. Это был помощник Рузвельта по делам разведки, находившийся в плохих отношениях с Уильямом Донованом и Эдгаром Гувером, руководителями соответственно УСС (Управление стратегических служб) и ФБР. Очевидно, Рузвельт и Гопкинс, со своей стороны, также не доверяли полностью УСС и ФБР. Рузвельт в те годы создал свою собственную неофициальную разведывательную сеть, услугами которой он пользовался для выполнения деликатных миссий. Хисс, так же как Гопкинс и Гарриман, входил в этот узкий круг доверенных лиц.

Возможно, поэтому Трумэн, сменивший Рузвельта, сразу же не отстранил Хисса. Полученный им мягкий приговор, невразумительные обвинения, выдвинутые против него, и, наконец, нейтральная позиция, занятая по данному делу американским правительством, показывают, что Хисс знал слишком многое, что могло бы отразиться на репутации как Рузвельта, так и Трумэна. Вероятно, в архивах ФБР есть куда больше материалов на Хисса, чем было представлено на суде, возможно, между Трумэном и Гувером существовала негласная договоренность ограничить обвинение против Хисса только лжесвидетельством.

Отец пояснял: «Следует иметь в виду, что 80 процентов разведывательной информации по политическим вопросам поступает не от агентов, а из конфиденциальных источников. Обычно эти источники засекаются контрразведкой, но доказать факт шпионажа всегда проблематично. Линия советской

разведки всегда заключалась в том, чтобы члены компартии не были причастны к нашей разведывательной деятельности. Если же источник информации представлял для нас слишком большую важность, то такому человеку приказывали выйти из партии, чтобы продемонстрировать свое разочарование в коммунизме».

В годы войны Гопкинс и Гарриман поддерживали личные, неофициальные, и дипломатические отношения с советским руководством, — вероятно, они действовали по указанию самого Рузвельта. Что касается Сталина, то он прибегал к неофициальной дипломатии лишь в первый период войны, используя Уманского и Литвинова. Как только он установил личные отношения с Рузвельтом в Тегеране, у него отпала необходимость сохранять в Америке Литвинова, опытного дипломата, бегло говорившего на английском, французском и немецком. Назначение послом в Америку Громыко в 1944 году свидетельствовало, что установлен личный контакт между Сталиным и Рузвельтом. Ему больше не нужны были сильные посредники — такие, как Литвинов или Уманский. Позже Сталин расстался со всеми, кто поддерживал неофициальные контакты с посланниками Рузвельта.

Первоначально советское руководство серьезно рассматривало участие СССР в «плане Маршалла», имея в виду прежде всего возрождение разрушенной войной промышленности на Украине, в Белоруссии и в Ленинграде. Советский политический курс неожиданно резко изменился после того, как разведорганы получили важную информацию от агента под кодовым именем Стюарт Дональда Маклина.

Будучи первым секретарем британского посольства в Вашингтоне и исполняя обязанности начальника канцелярии посольства, Маклин имел доступ к важной секретной переписке. В донесении утверждалось: цель «плана Маршалла» заключается в установлении американского экономического господства в Европе. Новая международная экономическая организация по восстановлению европейской промышленности будет находиться под контролем американского капитала. Источником этой информации был не кто иной, как министр иностранных дел Великобритании Эрнест Бевин. Этот план и предопределил в будущем разницу в экономическом развитии стран Восточной и Западной Европы.

Вышинский хотел немедленно доложить об этом сообщении Сталину. Однако прежде чем сделать это, ему надо было удостовериться еще раз в надежности агента, от которого поступила информация, причем не только в самом Маклине, но и в других агентах, входивших в кембриджскую группу, — Филби, Берджесе, Кэрнкроссе и Бланте. Вышинский опасался, что эти люди скомпрометированы своими связями в прошлом с Орловым. Не ведут ли теперь они двойную игру?

«В 1939 году, после того как Орлов перебежал на Запад, — рассказывал отец, — именно я отдал приказ о возобновлении контактов с Филби и Маклином. Поскольку в досье Маклина хранилась эта телеграмма за моей подписью, Вышинский именно мне задал вопрос, можно ли доверять такому агенту, как Маклин. Я ответил, что несу ответственность за подписанные мною директивы, но о работе Маклина я имею сведения лишь до 1939 года, а с 1942 года у меня вообще нет о нем никаких сообщений, при этом я добавил: «Каждый источник важной информации должен в обязательном порядке регулярно проверяться и оцениваться заново, так что кембриджская группа не может быть исключением». В конце разговора я напомнил Вышинскому, что Сталин лично распорядился, чтобы НКВД не разыскивал Орлова за рубежом и не преследовал членов его семьи.

После моего напоминания Вышинский, казалось, убедился, что оснований не доверять надежности нашего агента нет, а значит, следует доложить о сообщении Сталину. Если же информация Маклина была, так сказать, с душком, то Вышинский понимал, что сможет умыть руки, сославшись на приказ Сталина оставить Орлова в покое. Кроме того, наш разговор с Вышинским происходил в присутствии Федотова, которого можно было использовать как свидетеля против меня, если бы информация Маклина оказалась ложной».

В сообщении Маклина также говорилось, что «план Маршалла» предусматривает прекращение выплаты Германией репараций. Это сразу же насторожило советское руководство, поскольку в то время репарации являлись, по существу, единственным источником внешних средств для восстановления разрушенного войной народного хозяйства.

В Ялте и Потсдаме стороны пришли к соглашению, что Германия будет выплачивать репарации в виде оборудования, промышленных станков и машин, легковых

автомобилей, грузовиков и строительных материалов регулярно — в течение пяти лет. Особенно важны эти поставки были для химической и машиностроительной промышленности, нуждавшихся в модернизации. Причем использование поставок в Советском Союзе не подлежало международному контролю, это означало, что мы могли использовать их на любые цели, которые сочтем необходимыми.

По «плану Маршалла» реализация всех проектов зарубежной экономической помощи должна была находиться под международным, фактически американским контролем. План этот мог быть приемлемым, если бы являлся дополнением к регулярному поступлению репараций из Германии и Финляндии. Сообщение, полученное от Маклина, однако, ясно давало понять, что британское и американское правительства хотели с помощью «плана Маршалла» приостановить репарации Советскому Союзу и странам Восточной Европы и предоставить международную помощь, основанную не на двусторонних соглашениях, а на международном контроле.

Подобная ситуация была абсолютно неприемлема, она препятствовала бы советскому контролю над Восточной Европой. А это означало, что коммунистические партии, уже утвердившиеся в Румынии, Болгарии, Польше, Чехословакии и Венгрии, будут лишены экономических рычагов власти. Знаменательно, что через полгода после того, как «план Маршалла» был в СССР отвергнут, многопартийная система в Восточной Европе была ликвидирована при активном участии Москвы.

По указанию Сталина Вышинский направил находившемуся в Париже Молотову шифровку, где кратко суммировалось сообщение Маклина. Основываясь на этой информации, Сталин предложил Молотову выступить против реализации «плана Маршалла» в Восточной Европе.

Противодействие этому плану проводилось различными путями. К примеру, Вышинский лично вел переговоры с румынским королем Михаем о его отречении в обмен на гарантированные условия проживания в Мексике. Советское руководство наградило его орденом «Победа», румынское правительство установило ему высокое пожизненное содержание.

Отец говорил и об уникальной ситуации, сложившейся в Болгарии: «Во время войны мне приходилось часто

встречаться с Георгием Димитровым, возглавлявшим Коминтерн до того, как он был распущен в 1943 году. В течение года он являлся заведующим Международным отделом ЦК ВКП(б). Когда в 1944 году Димитров вернулся в Болгарию, он позволил царице и ее сыну, наследнику престола, покинуть страну, забрав с собой все семейные ценности. Зная, какую угрозу могут представлять монархические круги в эмиграции, Димитров решил уничтожить всю политическую оппозицию внутри страны: ключевые фигуры бывшего парламента и царского правительства Болгарии подверглись репрессиям и были ликвидированы. В результате этой акции Димитров стал единственным коммунистическим руководителем в Восточной Европе, не имевшим среди эмиграции организованной оппозиции, реально претендующей на власть. Преемники Димитрова пользовались плодами этого положения более тридцати лет. Генерал Иван Винаров, один из руководителей разведки Болгарии, работавший под моим началом в Четвертом управлении в годы войны, позднее, когда мы встретились с ним в 70-х годах в Москве, говорил: мы использовали ваш опыт и уничтожили всех диссидентов, до того как они смогли сбежать на Запад».

Иным, продолжал отец, было положение в Чехословакии: «Наш резидент в Праге Борис Рыбкин к концу 1947 года создал нелегальную резидентуру, действовавшую под прикрытием экспортно-импортной компании по производству бижутерии, используя ее в качестве базы для возможных диверсионных операций в Западной Европе и на Ближнем Востоке. Чешская бижутерия известна во всем мире, и это облегчало Рыбкину задачу создания дочерних компаний «дистрибьютеров» в наиболее важных столицах Западной Европы и Ближнего Востока. В задачи Рыбкина входило использование курдского движения против шаха Ирана и правителей Ирака, короля Фейсала Второго и премьер-министра Нури Саида. В конце 1947 года Рыбкин погиб в автомобильной катастрофе в Праге, но к этому времени его организация уже начала активно действовать.

В 1948 году, накануне перехода власти от Эдварда Бенеша к Клементу Готвальду, Молотов вызвал меня в свой кремлевский кабинет и приказал ехать в Прагу и, организовав тайную встречу с Бенешем, предложить ему с достоинством покинуть свой пост, передав власть Готвальду, лидеру Компартии Чехословакии. Чтобы напомнить Бенешу о его тесных неофициальных связях с Кремлем, я должен был предъявить ему

расписку на десять тысяч долларов, подписанную его секретарем в 1938 году, когда эти деньги нужны были Бенешу и его людям для переезда в Великобританию. В противном случае мне предписывалось сказать ему, что мы найдем способ организовать утечку слухов об обстоятельствах его бегства из страны и оказанной ему финансовой помощи для этого, тайном соглашении о сотрудничестве чешской и советской разведок, подписанном в 1935 году в Москве, секретном договоре о передаче нам Карпатской Украины и об участии самого Бенеша в подготовке политического переворота в 1938 году и покушения на премьер-министра Югославии.

Молотов подчеркнул, что я не уполномочен вести какие-либо переговоры по вопросам чешской политики: моя задача заключалась лишь в том, чтобы передать наши условия, предоставив Бенешу право решать, как он их выполнит. Молотов повторил свои инструкции очень четко, пристально глядя на меня сквозь пенсне. Я ответил, что считаю такое деликатное задание более подходящим для человека, лично знающего Бенеша и непосредственно с ним связанного по прежней работе».

Таким человеком, а об этом отец хорошо знал, мог быть Zubov. Он был резидентом советской разведки в Праге в предвоенные годы. За проявленную строптивость Сталин и Молотов в свое время посадили его в тюрьму. Дело было в том, что он в 1938 году сообщил о несостоятельности плана Бенеша опереться на сомнительных людей в Белграде и, более того, отказался дать им денег, которые были выделены советским правительством на проведение спецоперации. Когда отец назвал фамилию Zubova, то Молотов на это сказал, чтобы он лично выполнил поручение с привлечением нужных людей, а каких — это уже на его усмотрение.

«Было ясно, — писал отец, — что он (Молотов. — *Авт.*) не хотел брать на себя ответственность за то, какими методами я буду действовать: его интересовал только результат. Я должен был покинуть Прагу через двенадцать часов после разговора с Бенешем, не дожидаясь ответа».

Отец вместе с Zubовым (с сентября 1946 года Zubov находился на пенсии; после систематических избиений в тюрьме, которым подвергал его следователь Родос, он стал фактически инвалидом: довольно заметно прихрамывал и ходил, опираясь на палку) в январе 1948 года поездом прибыли в Прагу. Остановились они не в по-

сольстве, а в скромном отеле, где представились членами советской торговой миссии. К этому времени в Прагу из Москвы скрытно была переброшена бригада специального назначения — 400 человек, переодетых в штатское. Эта группа предназначалась для поддержки и защиты Готвальда.

«Официальные советские представители, — продолжал отец, — и без того оказывали на Бенеша весьма сильный нажим, а тут еще и мы должны были внести свою лепту. Зубов и я провели в Праге целую неделю, и за это время Зубову, который перед войной встречался с Бенешем в присутствии нашего посла Александровского, удалось, используя все свое умение и прошлые связи, на пятнадцать минут встретиться с Бенешем в его резиденции, расположенной в самом центре Праги. Смысл нашего послания он довел до президента, сказав, что в стране произойдут кардинальные перемены независимо от того, сохранится нынешнее руководство или нет, но, по его мнению, Бенеш был единственным, кто мог бы обеспечить плавную и бескровную передачу власти.

В соответствии с инструкциями Зубов сказал Бенешу, что не ожидает от него ответа, а всего-навсего передает ему неофициальное послание. По словам Зубова, Бенеш казался сломленным, больным человеком, который постарается сделать все, что можно, с тем чтобы избежать взрыва насилия и беспорядков в Чехословакии.

Выполнив свою миссию, мы сели в поезд Прага — Москва. Как только поезд пересек границу, я сразу же, используя каналы связи местного обкома партии, послал, как мне и было приказано, шифровку Молотову и ее копию Абакумову, тогдашнему министру госбезопасности: «Лев получил аудиенцию и передал послание» (Лев — кодовое имя Зубова). Через месяц Бенеш мирно уступил бразды правления Готвальду».

Резидентуры советской внешней разведки, как уже выше говорилось, к началу Великой Отечественной войны были обескровлены. По словам начальника разведки военных лет Павла Михайловича Фитина, в 30-х годах сложилась обстановка недоверия и подозрительности ко многим чекистам, главным образом руководящим работникам не только центрального аппарата, но и резидентур Иностранного отдела за кордоном. Их обвиняли в измене родине и подвергали репрессиям... В течение 1938—1939 годов почти все резиденты ИНО за кордоном были отозваны в Москву и многие из них репрессированы.

Десятки агентов остались без связи, им было выражено — пусть и в косвенной форме — политическое недоверие. Поток информации стал заметно иссякать, но и то, что докладывалось, в Кремле воспринималось с недоверием: «дезинформация», «идете на поводу у буржуазных разведок», «подыгрываете провокаторам войны и троцкистам». В обезлюдевших резидентурах царила неопределенность и тревога, вызов в Москву воспринимался как приговор. Дезориентировала оперработников и самоуверенная позиция Сталина и Молотова: в ближайшие годы войны не будет, гарантия этого — советско-германский пакт о ненападении, «канализировавший» гитлеровскую агрессию на Запад.

И все-таки, несмотря на постоянную угрозу немотивированной расправы, ослабленная, поредевшая разведка продолжала направлять в Центр объективную информацию. Вот небольшая сводка разведсообщений, направленных в Москву из «легальных» резидентур только по обстановке в Восточной Пруссии:

«12 июня 1940 года. В Мемель, Тильзит, Кенигсберг и Данциг усиленно завозятся строительные материалы — цемент и железо — для сооружения укреплений на границе с СССР. За последнее время число паромов, занятых на этих перевозках, значительно возросло. Укрепляется побережье — до Мемеля. Помимо береговых укреплений и пунктов зенитной артиллерии здесь создано значительное количество посадочных площадок для авиации».

«9 августа 1940 года. Немецкие офицеры и солдаты в Мемеле изучают русский язык, практикуются в русской разговорной речи, особенно по технике допроса военнопленных».

«14 августа 1940 года. В Восточной Пруссии наблюдается повышенная военная активность, ведется строительство вспомогательных военных объектов, идет интенсивный контроль за пассажирами, направляющимися в глубь Германии по железной дороге».

«4 июня 1941 года. При Кенигсбергском университете созданы двухгодичные курсы переводчиков русского языка, на них обучаются 100 человек. При штабе командования округа созданы трехмесячные курсы, на которые набрано около 40 человек. В начале мая в Кенигсберг были вызваны на военные сборные пункты лица до 60 лет, владеющие русским языком».

Такие тревожные сигналы поступали из всех «легальных» резидентур. Не требовалось особого аналитического дара, чтобы усмотреть за сухими, нарочито скупыми строками сообщений предупреждение: страна в опасности, пора готовиться к отпору, выводить войска на передовые рубежи и не убаюкивать себя наивными надеждами на твердое слово фюрера «всей германской нации» и пакты, которые третий рейх уже неоднократно рвал и попира-
рал железной пятой танковых колонн.

В марте 1938 года в органы государственной безопасности на освободившиеся после кровавых «чисток» места было мобилизовано около 800 коммунистов с высшим образованием, имевших опыт руководящей работы. После обучения в Центральной школе НКВД их направили в аппарат и периферийные органы. Большая группа была отобрана для работы в 5-м (Иностранном) отделе НКВД СССР.

Им предстояло пройти через тяжелейшие испытания войной, достойно и компетентно представлять советскую внешнюю разведку в годину испытаний. В своих воспоминаниях П. М. Фитин писал:

«Руководство управления в первую очередь сосредоточило внимание на подборе руководителей резидентур за рубежом. В течение 1939—1940 годов за кордон направлялись старые, опытные разведчики: В. М. Зарубин, Е. Ю. Зарубина, Д. Г. Федичкин, Б. А. Рыбкин, З. И. Рыбкина (Воскресенская), В. А. Тахчианов, М. А. Аллахвердов, А. М. Коротков, а также молодые способные чекисты: Г. Н. Калинин, А. К. Тренев, А. И. Леоненко, В. Г. Павлов, Е. И. Кравцов, Н. М. Горшков и многие другие. При подборе кандидатур на разведывательную работу за рубежом приходилось сталкиваться с большими трудностями из-за отсутствия у многих товарищей опыта ведения разведки за кордоном».

В 1941—1942 годах резидентуры, в том числе и «легальные», были немногочисленны (от 3 до 12 оперативных работников). Ощущался недостаток в кадрах с хорошим знанием иностранных языков. Так, в Японии сотрудники не владели японским языком, в США ни один оперативный работник не говорил по-испански, хотя на резидентуру возлагалась также работа по Латинской Америке. В Китае недоставало работников со знанием китайского языка. Не было и четкой организации работы по направлениям.

Буквально накануне войны в результате чрезвычайных мер и авралов удалось укомплектовать несколько десятков «легальных» и нелегальных резидентур за рубежом, направив в них более двухсот работников. Разведка, словно таинственная птица Феникс, буквально возстала из пепла, восстанавливались прерванные связи с агентурой, приобретались новые источники. Из резидентур вновь потек все более крепнувший ручеек политической, военной и научно-технической информации. И все-таки в результате репрессий 30-х годов разведке был нанесен колоссальный ущерб, и лишь к концу 1944 года ценой огромных усилий это положение удалось исправить.

В 1940—1941 годах было расширено число ведомств прикрытия. Кроме посольств и торгпредств стали использовать отделения ТАСС, Интурист, ВОКС. «Легальные» резидентуры в Англии, США, Китае, Иране, Турции, Швеции, Афганистане, Японии и Болгарии (в первых пяти странах действовало по нескольку «легальных» резидентур) получили дополнительные свежие кадры сотрудников. Руководство разведки понимало — надо спешить, время поджимало.

В этот период (положение несколько изменилось к концу 40-х годов) резидентуры имели слабую материально-техническую базу: средств на приобретение мебели не выделялось, приходилось «договариваться» об этом с послом и завхозом, не все резидентуры имели радиоприемники, не хватало пишущих машинок, и их обычно заимствовали в учреждениях прикрытия. Из обязательного инвентаря можно упомянуть еще фотоаппаратуру — «лейку», набор линз, фотоувеличитель. Автомобином располагал, как правило, только резидент, и на ее содержание выделялись ограниченные средства. Как вспоминают ветераны, для проведения ответственных мероприятий часто приходилось «реквизировать» личные автомашины послов. По крайней мере, они не разваливались в самый ответственный момент операции по связи с агентом или отрыву от наружного наблюдения.

«Легальные» резидентуры размещались в помещениях секретно-шифровальных отделов посольств или консульств (либо в примыкавших к ним комнатах). В одном помещении обычно располагалась «вся команда» — и резидент, и оперативные работники. В нарушение тре-

бований конспирации там обсуждались итоги проведенных или цели предстоящих мероприятий. Нередко за одним столом, особенно в «почтовые дни», работало по два-три сотрудника. Остальные ждали своей очереди. Может быть, именно поэтому немногословен, почти телеграфен стиль отчетов военной поры, стиль тогдашних резидентур.

Не секрет, что руководство Советского Союза часто сэкономило на внешней разведке, ограничивая ее жесткими финансовыми рамками. Но «самая недорогая разведка в мире» творила чудеса. Ее «секретным оружием» во все времена были люди — кадровые работники, самоотверженные, забывавшие о себе и семьях, отдававшие себя «ненормированной» службе и долгу бесповоротно. И эти известные и безымянные разведчики делали все возможное и невозможное, чтобы советское правительство не оставалось незрячим в самые ответственные периоды войны.

Перед разведкой с «легальных» позиций были поставлены следующие задачи: наладить работу по выявлению военно-политических и других планов фашистской Германии и ее союзников; выявить истинные планы и намерения наших союзников, особенно США и Англии, по вопросам ведения войны и отношения к СССР; вести разведку в нейтральных странах, чтобы не допустить их перехода на сторону стран «оси», парализовать в них деятельность гитлеровской агентуры и организовать разведку с их территорий против Германии и ее союзников; осуществлять научно-техническую разведку в развитых капиталистических странах в целях укрепления военного и экономического потенциала СССР.

Каждая легальная резидентура получала свое конкретное задание. Ветеран-разведчик А. С. Феклисов написал в своих мемуарах «За океаном и на острове», что Сталин, принимая перед отъездом в США В. М. Зарубина, определил для резидентуры следующие задачи: следить, чтобы Черчилль и американцы не заключили с Гитлером сепаратный мир и все вместе не пошли против Советского Союза; добывать сведения о военных планах Гитлера в войне против СССР, которыми располагали союзники; выяснить секретные цели и планы союзников в действительности открыть второй фронт в Европе.

В 1941 году, когда наша разведывательная работа во многих странах только становилась на рельсы военного времени, основную тяжесть по добыче информации несли «легальная» резидентура в Англии. Она состояла всего из четырех оперативных работников (к 1944 году их стало 12), резидентом был назначен уже упоминавшийся А. В. Горский. Резидентура обеспечила Кремлю доступ к секретным документам военного кабинета Англии, к переписке Черчилля с Рузвельтом и другими главами правительств, министра иностранных дел Идена с послами, к информационным сводкам английской разведки. Среди агентов была знаменитая кембриджская «пятерка». Очень ценные источники имелись в эмигрантских кругах в Лондоне. Они держали нашу разведку в курсе переговоров Черчилля и Идена с польским эмигрантским правительством, с югославским королем Петром и премьером Шубашичем, чехословацким президентом Бенешем. Подсчитано, что лондонская резидентура в начальный период войны добыла приблизительно 8 тысяч документов по политическим вопросам, 127 — по экономическим, 715 — по военным, 51 — о деятельности разведорганов Англии и других государств.

Условия работы в Лондоне были по-настоящему прифронтовые: эскадрильи Геринга (а потом и ракеты-снаряды ФАУ) безжалостно обрушивались на английскую столицу, и очень часто оперработник, приходя на явку за очередной партией документальных материалов, обнаруживал там только дымившиеся развалины, пожарные и санитарные автомашины, усиленное полицейское оцепление...

И тем не менее, несмотря на ценность добытых в Лондоне и других резидентурах разведывательных материалов, они не вполне удовлетворяли Ставку Верховного Главнокомандования. От внешней разведки требовался более-масштабный подход к освещению событий, их подоплеку и перспективного развития. Наверное, именно эта неудовлетворенность и находила отражение в письмах Центра, направлявшихся в «легальные» резидентуры в 1941—1943 годах. Преобладал, как пишет один из исследователей, «ярко выраженный критический подход в оценке их работы». Мой отец вспоминал, что, добиваясь эффективности в разведработе, борясь с самоуспокоенностью некоторых разведчиков, нужно было под-

держать их и дружеским советом, поощрять их за несомненные показатели в работе. А этого часто не хватало. Было не до сантиментов...

Важное значение для разведки имели мероприятия руководства страны (ГКО СССР) по улучшению работы разведывательных органов Советского Союза за рубежом, осуществленные в 1943 году. В постановлении ГКО от 5 июня 1943 года отмечалось, что в деятельности разведорганов существуют дублирование усилий по некоторым вопросам, распыление сил и средств на решение второстепенных задач. Постановление четко разграничивало функции ГРУ Красной Армии, Разведывательного (Первого) управления НКГБ СССР и РУ Наркомата ВМФ СССР.

На РУ НКГБ возлагалось ведение политической разведки в целях получения сведений о внешней и внутренней политике иностранных государств, их политическом и экономическом положении, политпартиях, группах и общественно-политических деятелях, достижениях и новинках в области науки и техники, данных об эмиграции и т. д.

Основное внимание разведка по-прежнему должна была сосредоточивать на работе против Германии, Японии, Италии и оккупированных ими стран. «Легальные» резидентуры, наряду с разведывательной работой по месту своего пребывания, должны были вести разведку против одной или нескольких воюющих стран. Одновременно ставилась задача по усилению разведработы в Англии, США и Турции. Для разведки с «легальных» позиций намечалось еще шире, чем прежде, использовать советские организации за границей, активнее направлять кадровых разведчиков в составе различных делегаций, закупочных комиссий и в качестве представителей в международных организациях.

«Легальным» разведчикам было рекомендовано вступать в различные иностранные клубы и общества для заведения связей и не ориентироваться только на приобретение источников из левопрогрессивных кругов. Необходимо отметить, что ценная агентура вербовалась в основном на идейно-политической основе, главным условием которой являлась антифашистская настроенность кандидата. Вербовочные разработки проводились в ускоренном режиме, в форме прямого предложения. Ост-

рая нехватка времени у оперработника порой приводила к упрощенчеству, отказу от неторопливых классических форм работы.

Во время войны наши «легальные» резидентуры наибольшего успеха добились в союзнических странах, что объясняется благожелательным, как правило, отношением к советским работникам (особенно до сталинградского перелома в войне). Известно, однако, что многие так называемые нейтральные страны, например, Швейцария, Турция, Иран, оказывали значительную помощь фашистской Германии поставками стратегического сырья и продовольствия. Они были уверены в победе нацистов, хотя и не решались вступить в войну на стороне третьего рейха.

Разведка внесла немалый вклад в решение задачи по недопущению вступления этих государств в войну на стороне Германии. Разведка своевременно добывала ценные сведения о планах и намерениях правящих кругов в нейтральных государствах, что позволяло советскому правительству корректировать свою политику по отношению к ним, а в определенной степени и противостоять германской дипломатии в этих странах.

Одной из таких резидентур была стокгольмская. Известная разведчица Зоя Рыбкина (Воскресенская), автор интереснейшей книги воспоминаний, писала: «Советская разведка в Швеции имела своей основной задачей собирать информацию о политическом и экономическом положении Германии и ее военных планах. С этой целью наша разведка создала несколько опорных пунктов разведывательных групп. В портах Норвегии действовала группа Антона. На севере Швеции, в приграничной полосе с Финляндией наша агентурная группа регистрировала переброску в Финляндию немецкой военной техники и воинских частей. В южных портах Швеции другая агентурная группа наблюдала за взаимными германо-шведскими поставками».

Материалы, которые добывались нашей «легальной» резидентурой в Швеции, неоднократно докладывались советскому руководству. Документы неопровержимо свидетельствовали о том, что правящие круги Швеции проводят откровенно прогерманскую политику, пропуская через свою территорию немецкие войска в Финляндию, оказывая вермахту помощь транспортными средствами,

снабжая Германию военно-стратегическим сырьем, особенно железной рудой и сталью, которая затем «воевала» с Советским Союзом.

Зоя Ивановна мало написала о затруднениях, с которыми пришлось столкнуться нашей внешней разведке в Швеции. А они, как утверждал мой отец, были немалыми: досаждали цепкие шведские спецорганы, «любопытствовали» союзники (пытались узнать, чем занята в Скандинавии советская разведка). Особую опасность представляли абвер и СД, агентура которых была вездесуща и чувствовала себя в Стокгольме как дома (об этом с исчерпывающей откровенностью сообщил в увесистом томе своих мемуаров Шелленберг).

Ни в одной из нейтральных стран наши разведчики не работали в комфортных условиях, поэтому, как утверждал мой отец, даже сейчас, через дистанцию уже более чем в полвека, отделяющую нас от тех событий, нельзя говорить об успехах и провалах наших «легальных» резидентур мимоходом, без серьезного и всестороннего анализа агентурно-оперативной обстановки вокруг резидентур и оперработников, без учета сложностей того времени. Наверное, не следует сегодня воспринимать как истину в последней инстанции и оценки Центра, памятуя, что они делались и для того, чтобы «дать накачку», «подстегнуть», «стимулировать».

Когда в наших специальных монографиях упоминается о том, что не в «полную силу» сработала наша «легальная» резидентура в Болгарии, как-то забывается, что в Софии практически всю войну (Болгария не воевала против СССР) находился только один оперативный работник, на которого болгарская полиция обрушила все свое внимание. В июне 1943 года на замену Бориса прибыл опытный разведчик Д. Г. Федичкин, которому удалось сделать больше, но не следует забывать: это был уже победоносный для нас 1943 год.

Драматические события разворачивались вокруг деятельности «легальных» резидентур в Турции (в Стамбуле и Анкаре). Центр был недоволен качеством разведработы, уровнем агентурно-оперативной деятельности. Политическую информацию по Турции Центр получал главным образом из Лондона. Недовольство Москвы нашло отражение в расформировании резидентуры в Анкаре. А посильные ли ставились задачи? Например, добиться

срыва германо-турецкого союза. Или создать нелегальные резидентуры в Румынии, Болгарии, Югославии и Греции, вербуя подходящих агентов в Турции. Обстановка в Турции с ее откровенно прогерманским руководством и драконовским полицейским режимом радикально отличалась от условий в Афганистане и даже Иране, а об этом в Москве часто забывали.

Страстное желание «легальных» разведчиков добыть информацию быстро, оперативно, поскорее сделать ее известной Центру сказывалось нередко и на соблюдении норм конспирации и безопасности. Такого рода нарушения были выявлены, например, в нью-йоркской резидентуре. Американской контрразведке удалось внедрить аппаратуру подслушивания практически во все советские учреждения в США, в том числе и в помещение нью-йоркской резидентуры. ФБР при помощи «слухачей» были выявлены имена некоторых агентов, характер рода операций, содержание отдельных указаний Центра. Несмотря на союзнические отношения, в США велось плотное наблюдение за деятельностью советских представительства. По воспоминаниям А. С. Феклисова, к середине 1943 года ФБР в основном разгромило резидентуры Германии и Италии, интернировало японцев и перебросило большую часть своих сил и средств на борьбу против советской разведки. Почти все сотрудники резидентуры стали замечать за собой слежку.

В 1943—1945 годах были созданы новые «легальные» резидентуры НКГБ в Египте, Италии, Франции, Финляндии, Румынии и Венгрии. После изнурительных путешествий по самым невероятным маршрутам добрались наши первые «легальные» резиденты до мест назначения в Латинской Америке: Сонг — в Гавану, Рене — в Монтевидео, Юрий — в Мехико. Несмотря на трудности и валютную скудность военных лет, внешняя разведка приобретала все большую мощь и оперативный размах, уже просматривался глобальный замысел в ее деятельности.

Сложный комплекс проблем по открытию второго фронта в Европе, добывание документации по атомному оружию, планы ведущих держав мира по послевоенному переустройству — все это полно, а порой и с избытком материалов освещала советская разведка в 1943—1945 годах. Неимоверные усилия аппарата разведки принесли свои плоды...

Жаль, что мы все еще мало знаем о разведчиках, которые осуществляли решающие удары и «прорывы» на фронтах «тайной войны». В обороте у исследователей и на слуху у людей, интересующихся этим героическим периодом жизни внешней разведки, не более трех-четырех десятков имен сотрудников «легальных» резидентур.

Четвертое управление, которым руководил мой отец, внесло общепризнанный вклад в нашу победу. Среди двадцати восьми чекистов, удостоенных высшей награды страны — звания Героя Советского Союза, двадцать три были офицерами и сотрудниками его управления. В декабре 1945 года отцу была оказана редкая честь выступить с официальным докладом на ежегодном собрании сотрудников аппарата НКВД—НКГБ, посвященном очередной годовщине образования ЧК. Вскоре он был избран членом парткома Министерства государственной безопасности (МГБ): весной 1946 года Наркомат государственной безопасности (НКГБ) стал называться министерством.

Еще в июле 1945 года, сразу же после окончания войны, накануне Потсдамской конференции, Сталин подписал постановление правительства о введении для офицеров и руководящего состава госбезопасности и внутренних дел аналогичных с Красной Армией воинских званий (старший майор — полковник; комиссар госбезопасности — генерал-майор; комиссар госбезопасности 3-го ранга — генерал-лейтенант, 2-го ранга — генерал-полковник, 1-го ранга — генерал армии; генеральный комиссар — маршал). Берия получил звание маршала в июле 1945 года. Павлу Михайловичу Фитину и моему отцу тем же постановлением правительства присвоили звание генерал-лейтенанта, а Науму Эйтингону — генерал-майора. Так в первый раз имя моего отца было упомянуто на страницах нашей прессы среди руководящих работников НКВД, которым были присвоены генеральские звания.

В 1947 году «холодная война» уже приняла ожесточенный характер, что привело, как мы уже говорили в начале главы, к важной реорганизации структур разведорганов. Война показала, что политическая и военная разведки не всегда квалифицированно справлялись с оценкой и анализом всей информации, которую они получали по своим каналам. И тогда В. М. Молотов, ко-

торый перед Ялтинской конференцией несколько раз председательствовал на совещаниях руководителей разведслужб, предложил объединить их в одну централизованную организацию. Сталин согласился с этим предложением — так появился на свет Комитет информации. В самом же НКВД было решено сохранить разведывательную структуру на случай войны или локальных военных конфликтов на Ближнем Востоке, в Европе, на Балканах или на Дальнем Востоке. Аналогичное спецподразделение было сохранено в Министерстве обороны.

Отец вспоминал в связи с этим фактом следующее: «Оглядываясь на прошлое, я вижу, что вполне здравая идея создания единого аналитического центра для обработки разведывательной информации была реализована на практике не так, как следовало. Оперативное руководство разведывательными операциями не надо было передавать в чужие руки. Что же касается нового Комитета информации, то его задачи надо было ограничить анализом материалов разведки.

Эффективность и продуманность операций зарубежной разведки органов безопасности и Генштаба Вооруженных Сил в значительной мере зависели от взаимодействия этих служб. Разведслужба МГБ сотрудничала с контрразведкой, а ГРУ контактировало с соответствующими отделами управлений Генштаба. Ни ГРУ, ни разведка МГБ, отличаясь высоким профессионализмом при выполнении заданий военного или политического характера, сами не определяли приоритеты и цели своей деятельности, касающиеся проникновения наших спецслужб и внедрения наших агентов на объекты противника. При новой системе любые запросы о содействии от высшего военного командования или Министерства госбезопасности сначала поступали к Сталину, а затем к Молотову как к главе Комитета информации, а это, естественно, увеличивало поток бюрократических бумаг и неизбежных согласований, затрудняя процесс принятия решений.

Прежнее Разведуправление НКВД—НКГБ, являвшееся основным инструментом обеспечения интересов госбезопасности за рубежом, по существу, превратилось в придаток Министерства иностранных дел, основная деятельность которого — дипломатия, а не разведка. Как и Комитет информации, министерство находилось под контролем Молотова. В результате такие операции, прежде успешно осуществлявшиеся НКВД—НКГБ, как проникновение в эмигрантские организации, внедрение наших агентов в британские и американские спецслуж-

бы и сотрудничество с органами контрразведки в подавлении националистических движений в Прибалтике и в Западной Украине, начали заметно терять свое значение. Комитет информации был учрежден одновременно с образованием ЦРУ в Соединенных Штатах. Это была попытка — глубоко ошибочная! — аналогичным образом отреагировать на происходящие изменения в Америке».

Уже после развала Советского Союза отец неоднократно подчеркивал, что эффективное функционирование спецслужб зависит от их тесного сотрудничества с органами безопасности. Не имея прочной оперативной самостоятельной базы для работы, скажем, налоговой полиции, таможенной службы и т. п. (на Западе все эти службы обладают серьезными рычагами контроля над важными сферами жизни общества), ничего путного не добьешься. Понятно, в России эти службы лишь рождаются, действия их зачастую непрофессиональны и потому, как говорится, не всегда в законе.

Отец был убежден, что орган по анализу и оценке разведанных должен действовать самостоятельно, непосредственно обслуживать руководство страны, а не быть в подчинении у бюрократов и тех или иных влиятельных политиков или руководителей спецслужб. К такому выводу пришли не сразу, а постепенно, к 1951-му, точнее, к 1952 году, когда Сталин распорядился, чтобы вся оперативная разведывательная работа была вновь сосредоточена в Разведывательном управлении Министерства обороны и новом Первом главном управлении (внешняя разведка) Министерства государственной безопасности.

Комитет же информации стал играть роль только аналитического центра по обработке материалов военной и политической разведки.

Именно там, вспоминал отец, и начали работать Берджес и Маклин, когда им удалось скрыться в Советском Союзе. Видимо, по этой причине в 1960-е годы Хрущев создал Отдел международной информации при ЦК КПСС для анализа и обработки материалов по внешне-экономическим и внешнеполитическим вопросам. После известных событий августа 1991 года, так называемой «бархатной» буржуазно-демократической революции, вернее будет сказано — переворота, Горбачев и Ельцин совершили ту же, мягко говоря, ошибку: вместо того что-

бы выработать механизм общественно-демократического и парламентского контроля за деятельностью спецслужб, они объединили политическую и оперативную работу и создали Службу внешней разведки, которая в своей зарубежной деятельности не может не опираться на материалы контрразведки. Отсутствие эффективной координации действий с органами внутренней безопасности, налоговой полицией и таможней остается уязвимым местом в ее работе.

Упомянутый Комитет информации возглавлялся сначала Молотовым, затем три месяца Вышинским, а после него Зориным, впоследствии нашим представителем в Организации Объединенных Наций.

«Мне, — вспоминал отец, — довелось присутствовать на нескольких совещаниях при Вышинском: до последнего дня своего пребывания на посту председателя комитета он умудрился лично не подписать ни одного сколько-нибудь важного документа, переложив всю ответственность на своих заместителей. При этом он неизменно повторял: «В столь серьезном деле я совершенно некомпетентен».

По его словам, он дважды говорил товарищу Сталину о своей некомпетентности в вопросах разведывательной деятельности. Всякий раз, бывая у Сталина, Вышинский брал с собой и своего заместителя. Он совершенно откровенно хотел, чтобы кто-то еще делил с ним ответственность за решения: это давало ему возможность в случае неудачи переложить вину на другого. Кстати, Вышинский был куда более компетентен, чем пытался представить. Как-то в неофициальной обстановке он признался, что разведка, как правило, связана с неприятностями, а не с успехами в работе. Он был прав: в нашем деле действительно нельзя рассчитывать только на успех — риск остается всегда достаточно высоким. В конце концов он убедил Сталина, что его следует освободить от этого груза забот. Просьбу Вышинского удовлетворили, назначив Зорина на пост председателя Комитета информации».

Еще до этих перемен, в июне 1946 года неожиданно для многих сотрудников с поста министра госбезопасности был смещен Меркулов. Разговоры вокруг этого события были разные. Напекали, правда смутно, что спецслужбы, дескать, не справились со своими обязанностями, допустив ошибки в проведении традиционной первوماйской демонстрации. Речь шла о возникших во время празднования Первомая пробках на столичных ули-

цах. Вскоре всем, вспоминал отец, стало ясно, что это был просто предлог, чтобы снять Меркулова.

После окончания войны на первый план выдвигалась проблема реорганизации Вооруженных Сил. Вслед за этим Сталин предложил Политбюро рассмотреть деятельность органов госбезопасности и поставить перед ними новые задачи.

«Позднее, — пишет в воспоминаниях отец, — Мамулов и Людвигов рассказали мне, что от Меркулова потребовали представить на Политбюро план реорганизации Министерства госбезопасности. На заседании Берия, по их словам (оба они, как я упоминал, возглавляли секретариат Берия), обрушился на Меркулова за неспособность определить направления в работе контрразведки в послевоенное время. К нему присоединился и Сталин, обвинив Меркулова в полной некомпетентности.

На заседании, где присутствовали заместители Меркулова, должны были обсудить новые задачи Министерства госбезопасности. Военная контрразведка (СМЕРШ), которая в годы войны находилась в ведении Наркомата обороны, возглавлялась Абакумовым и контролировалась Сталиным, вновь возвращалась в состав Министерства госбезопасности, поскольку Сталин перестал возглавлять Наркомат обороны. Министром обороны был назначен Булганин, сугубо штатский человек, не имевший военного образования — его срочно произвели в маршалы, после чего и последовало это назначение.

Тогда, на совещании, произошла интересная сцена. Сталин спросил, почему начальник военной контрразведки не может быть одновременно заместителем министра госбезопасности. Меркулов тут же с ним согласился, чтобы Абакумов был назначен первым заместителем министра. При этом Сталин саркастически заметил, что Меркулов ведет себя на Политбюро как двурушник и целесообразно заменить его на посту министра госбезопасности. Похоже, Меркулов совершил ошибку, так легко согласившись с предложением Сталина, но на самом деле Сталин просто искал подходящий предлог, чтобы его убрать».

На пост министра у Сталина уже была готова кандидатура. Это был Огольцов. Человек он был порядочный, но провинциал, никогда не работавший в Центре. Таким всегда начинать работу в больших ведомствах трудно. В Москве он был всего полгода, его перевели из Красноярского управления госбезопасности.

Отец вспоминал, что Огольцов умолял Сталина не назначать его на эту должность. «Как честный коммунист, — заявил он на заседании Политбюро, — я совершенно не подхожу для такого высокого поста, поскольку у меня недостает для столь ответственной работы необходимых знаний и опыта». Тогда Сталин тут же предложил назначить министром Абакумова. Берия и Молотов промолчали, зато член Политбюро Жданов горячо поддержал эту идею.

«Через неделю, — пишет отец в своих воспоминаниях, — Эйтингона и меня вызвали к Абакумову.

— Почти два года назад, — начал он, — я принял решение никогда с вами не работать. Но товарищ Сталин, когда я предложил освободить вас от выполняемых вами обязанностей, сказал, что вы должны продолжать работать в прежней должности. Так что, — заключил новый министр, — давайте срабатываться.

Сперва мы с Эйтингоном почувствовали облегчение — подкупила его искренность. Однако последующие события показали, что нам не следовало слишком предаваться благодушию. Через несколько дней нас вызвали на заседание специальной комиссии ЦК КПСС, на котором председательствовал новый куратор органов безопасности секретарь ЦК А. А. Кузнецов.

Комиссия рассматривала «преступные ошибки» и случаи служебной халатности, допущенные прежним руководством Министерства госбезопасности. Это было обычной практикой: всякий раз при смене руководства в министерствах (обороны, безопасности или иностранных дел) Центральный Комитет назначал комиссию для рассмотрения деятельности старого руководства и передачи дел.

Среди вопросов, которые изучала комиссия Кузнецова, был и такой: приостановление Меркуловым уголовного преследования сторонников Троцкого в 1941—1945 годах. Неожиданно всплыли мои и Эйтингона подозрительные связи с известными «врагами народа» — руководителями разведки ОГПУ—НКВД в 30-е годы. Абакумов прямо обвинил меня и Эйтингона в «преступных махинациях»: мы вызволили своих «дружков» из тюрьмы в 1941 году и помогли им избежать заслуженного наказания. Сказанное возмутило меня до глубины души: речь шла о клевете на героев войны, людей, преданных нашему делу. Охваченный яростью, я резко оборвал его.

— Не позволю топтать сапогами память героев, погибших в войне, тех, которые проявили мужество и преданность сво-

ей родине в борьбе с фашизмом. В присутствии представителя Центрального Комитета я докажу, что дела этих чекистов были сфабрикованы в результате преступной деятельности Ежова, — заявил я в запальчивости.

Кузнецов (он знал меня лично — мы встречались на соседней даче, у вдовы Емельяна Ярославского), вмешавшись, поспешил сказать, что вопрос закрыт. Обсуждение на этом закончилось, и я ушел.

Вернувшись к себе, я тут же вызвал в кабинет Серебрянского, Зубова, Прокопюка, Медведева и других сотрудников, подвергавшихся арестам и увольнениям в 1930-х годах, и предложил им немедленно подать в отставку. Особенно уязвимым было положение Зубова и Серебрянского, чьи дела вел в свое время Абакумов».

В июле 1946 года — впервые за восемь лет — отец взял отпуск и вся наша семья отправилась под Ригу, на прибалтийский курорт Майори. Вначале мы жили в военном санатории, но известный латышский писатель Вилис Лацис, одно время бывший народным комиссаром внутренних дел Латвии, а затем Председателем Совета Министров, пригласил нас в свою резиденцию.

Когда мы вернулись в Москву, начальник секретариата Министерства госбезопасности Чернов сообщил отцу, что Четвертое управление, которым руководил мой отец, расформировано.

«Поскольку нашего подразделения больше не существовало, — вспоминает отец, — я получил указание от министра представить ему свои предложения по использованию личного состава. У меня фактически не было возможности маневра: с одной стороны Молотов, намеренный создать Комитет информации, а с другой — Абакумов, министр госбезопасности.

Я все еще являлся руководителем разведывательного бюро Спецкомитета правительства по атомной проблеме. От Огольцова я узнал: Абакумова раздражало, что я до сих пор занимаю этот пост и имею прямой доступ в Кремль. Он ничего не мог с этим поделать, поскольку атомная проблема не относилась к его компетенции.

Новый Комитет информации, как предполагалось, должен был объединить военную и политическую разведку, что не могло не затронуть работу Специального разведывательного бюро по атомной проблеме, которое занималось координацией деятельности ГРУ и МГБ по сбору разведданных, свя-

занных с ядерным оружием. Чем же должно было заниматься данное подразделение теперь? В конце 1946 года этот вопрос стоял ребром, а мне все никак не удавалось переговорить с Берия, который был заместителем главы правительства и членом Политбюро. В конце концов я позвонил ему и спросил, каким должен быть статус и кому должно подчиняться разведывательное бюро Спецкомитета правительства по проблеме номер один в связи с организацией Комитета информации.

Его ответ, не скрою, меня озадачил.

— У вас есть свой министр для решения таких вопросов, — резко бросил он и повесил трубку. Я понимал, что если у меня все еще есть министр Абакумов, то он никогда не поддержит меня.

Вот почему я тут же предложил, чтобы функции 2-го разведывательного бюро были переданы Комитету информации. Учитывая важность атомной проблемы, этими вопросами должен был заниматься самостоятельный отдел научно-технической разведки. На должность начальника отдела научно-технической разведки я рекомендовал назначить Василевского. Федотов, который вначале сменил Фитина в должности начальника разведки МГБ, а потом стал заместителем Молотова в Комитете информации, согласился, но Василевский проработал всего несколько месяцев...»

Знаю, что Василевского убрали из Комитета информации во время гонений на евреев, занимающих крупные служебные должности, позволив, правда, выйти в 1948 году на пенсию в звании полковника по выслуге лет.

Служебное положение моего отца определилось лишь осенью 1946 года, когда решением ЦК и правительства была создана спецслужба разведки и диверсий при министре госбезопасности СССР (с 1950 года она называлась Бюро МГБ № 1 по диверсионной работе за границей), и он был назначен начальником, а Эйтингон — заместителем. Их задача заключалась в том, чтобы организовать самостоятельную службу, которая была бы в случае войны преобразована в самые сжатые сроки в орган, направляющий боевую работу. Отец сохранил свое положение как начальник самостоятельного подразделения в системе Министерства госбезопасности. Абакумов проявил достаточно такта, чтобы не лишать его тех привилегий, которые он получал в годы войны: отцу сохранили государственную дачу, его продолжали вклю-

чать в список лиц, получавших сверх служебного оклада ежемесячное денежное вознаграждение, а также имевших право на спецобслуживание и питание в кремлевской столовой. Положение моего отца изменилось лишь в одном отношении: его больше не приглашали на регулярные совещания начальников управлений под председательством министра, как это было в годы войны. Интересно, что коллегия в МГБ при Сталине так и не была создана. С Абакумовым отец практически не общался.

Но в один из обычных рабочих дней, как рассказывал отец, он «неожиданно услышал по телефону требовательный и уверенный, как обычно, голос Абакумова:

— До меня дошли слухи, что ваши сыновья планируют покушение на товарища Сталина.

— Что вы имеете в виду?

— То, что сказал, — ответил Абакумов.

— А вы знаете, сколько им лет? — спросил я.

— Какая разница, — ответил министр.

— Товарищ министр, я не знаю, кто вам об этом доложил, но подобные обвинения просто невероятны. Ведь моему младшему сыну — пять лет, а старшему — восемь.

Абакумов бросил трубку. И в течение года я не слышал от него ни одного слова на темы, не касавшиеся работы. Он ни разу не встретился со мной, хотя я и находился в его непосредственном подчинении. Все вопросы решались только по телефону».

В конце 1946 — начале 1947 года продолжалась серьезная реорганизация управления разведкой: в июле 1946 года, как уже выше говорилось, было ликвидировано Четвертое управление; в конце 1946 — начале 1947 года Разведывательное управление МГБ передали в Комитет информации, созданный лишь в марте 1947 года, — полгода шел «раздел агентурного аппарата». Проработавший в Четвертом управлении под началом моего отца всю войну Фишер, отвечавший за службу радиоразведки, был переведен в Комитет информации. С помощью Огольцова, первого заместителя Абакумова, Судоплатову удалось убедить Федотова, заместителя Молотова, что его службе необходим свой радиоцентр. Принятое решение, что комитет и бюро должны пользоваться услугами одного и того же радиоцентра, не обрадовало отца.

В комитете начальником управления по работе с нелегалами был назначен Коротков — он-то и разработал

план использования Фишера (позже приобретшего известность под псевдонимом Рудольф Абель) в качестве руководителя сети нелегалов в США и Западной Европе. План Короткова должен был вначале получить мое одобрение, так как одной из основных его задач было проникновение на военные базы и сооружения в Бергене (Норвегия), Гавре и Шербуре (Франция). Отец говорил, что высказался категорически против, так как считал, что куда полезнее будет, если Фишер, работая за рубежом, усовершенствует нашу систему радиосвязи, вместо того чтобы подвергаться ненужному риску, руководя сетью нелегалов. Нелегальные радисты и агенты-нелегалы должны быть либо мужем и женой, либо работать отдельно друг от друга, поддерживая связь с помощью связного, чтобы максимально снизить риск быть захваченными вместе и провалить тем самым всю сеть. Именно несоблюдение этого правила привело к трагическим потерям в «Красной капелле» в годы войны. Коротков же, по существу, настаивал на том, чтобы Фишер сочетал руководство агентурной сетью и контроль за радистами.

Решение об отправке Фишера за рубеж было принято лишь в конце 1947 года. Отец предложил Федотову направить его в Западную Европу и в Северную Америку, с тем чтобы проверить на месте, чем располагает наша агентурная сеть во Франции, Норвегии, Соединенных Штатах и Канаде. Фишер должен был обеспечить доступ на военные объекты, склады и хранилища боеприпасов:

«Нам позарез надо было знать, как быстро американцы смогут перебросить подкрепления в Европу в случае, если «холодная война» перерастет в горячую».

Эйтингон, в свою очередь, предложил Фишеру получить гражданство США и наладить собственную систему радиосвязи с Москвой и лично поддерживать ее. По легенде он должен был вести свободный образ жизни и не ставить себя в зависимость от радиста. Он сам был радистом очень высокой квалификации. Отец вспоминал, что согласился с Эйтингоном, подчеркнув, что Фишеру ни в коем случае не следует полагаться на старые источники информации:

«Он должен установить новые конфиденциальные контакты, а затем проверить тех людей, которых мы использовали в

30—40-е годы: в каждом отдельном случае он сам решит, стоит ли выходить с ними на связь или нет, то есть мы ничего не станем им сообщать о появлении их нового куратора на Западе. Приоритетным в США было для нас Западное побережье — именно там, на Лонг-Бич, находились военные объекты. Фишер получил указание сообщать нам об американских военных поставках китайским националистам, которые в то время все еще вели ожесточенные сражения с китайской Народно-освободительной армией».

Фишеру удалось создать новую агентурную сеть, объединявшую агентов в Калифорнии и нелегалов, укрывавшихся под видом чехословацких эмигрантов в Бразилии, Мексике и Аргентине. Его люди докладывали о движении военной техники и боеприпасов, которые отправлялись из американских портов на Тихоокеанском побережье в порты Дальнего Востока. Нелегалы довольно часто приезжали из Латинской Америки в Соединенные Штаты по делам, связанным с их бизнесом, что было для них отличным прикрытием. Все они, по мнению отца, были настоящими специалистами по проведению диверсионных операций, получившими большой опыт во время партизанской войны против немцев. В эту латиноамериканскую группу входили Гринченко, Филоненко и бывшая секретарша Троцкого Мария де Лас Эрас (кодовое имя Патрия). Получив соответствующий приказ из Центра, они могли привлечь для диверсионных операций и калифорнийских агентов.

Полковник Филоненко и его жена, майор разведки, вместе с тремя детьми жили в Аргентине, Бразилии и Парагвае, выдавая себя за чешских бизнесменов, бежавших из Шанхая от китайских коммунистов. В случае необходимости супруги Филоненко могли использовать проживавших в Калифорнии китайцев, чтобы пронести взрывчатку на американские суда, перевозившие военные грузы на Дальний Восток. Чтобы свести риск до минимума, Филоненко предпочитал регулярные визиты в Соединенные Штаты вместо постоянного проживания там. К счастью, приказа о проведении диверсий на американских судах так и не поступило.

Другую агентурную сеть Фишера составляли немецкие иммигранты на Восточном побережье США. В частности Курт Визель, бывший помощник Эрнста Воллвебера, специалист по проведению диверсий еще в до-

военной Европе. В Америке ему удалось продвинуться по службе и занять должность ведущего инженера судостроительной компании, дававшей доступ к закрытой информации. У него были обширные связи в тамошней немецкой колонии. С помощью докеров и обслуживающего персонала, нуждавшихся в дополнительных денежных средствах, Визель создал надежную группу для проведения диверсионных актов. В 1949—1950 годах у него было несколько явочных квартир, расположенных в непосредственной близости от портовых сооружений.

Отец позже отмечал в своих воспоминаниях: «В конце 40-х кое у кого было немалое искушение снабдить Визеля и Филоненко взрывными устройствами, но я категорически возражал против этого предложения, считая, что не было никакой необходимости подвергать наших людей неоправданному риску. Когда осенью 1950 года кризис в корейской войне достиг своего апогея, из Латинской Америки в Соединенные Штаты приехали наши специалисты, которые могли собрать взрывные устройства на месте. В Соединенных Штатах они провели два месяца, но использовать на деле свои способности им так и не довелось, поскольку приказа из Центра не последовало, и наши офицеры благополучно вернулись в Аргентину, а оттуда через Вену в Москву...»

Во время пребывания в Москве приехавшего в отпуск Фишера то ли Абакумов, то ли Молотов поднял вопрос о розыске Орлова. Отец решительно возразил, напомнив, что ЦК партии запретил его преследовать. Кроме того, Орлов был высокопрофессиональным разведчиком. Он сразу же заметит слежку или любые попытки наших агентов найти подходы к его родственникам. Словом, все тут было не так просто, как некоторым казалось. Мысль об использовании Фишера для поисков Орлова подал Коротков (кодовое имя Длинный) — в свое время предполагалось, что он будет помощником Орлова по руководству агентурной сетью во Франции, и ему было известно о планах использования Фишера в качестве радиста у Орлова, так и не реализованных в 30-е годы.

Позднее именно Коротков стал виновником провала Фишера. В 1955 году он в качестве помощника направил к Фишеру агента Рейно Хэйханена, финна по происхождению. Тот любил выпить и, растратив оперативные средства, нарушил правила конспирации, а когда

его решили отозвать в Москву, остался в Америке и выдал Фишера (Рудольфа Абеля).

Поскольку так и не были осуществлены планы диверсий в Соединенных Штатах во время корейской войны, Фишер был переведен в Управление нелегальной разведки Комитета информации, хотя отец по-прежнему имел на него определенные виды.

«В 1951 или 1952 году, — рассказывает отец, — новый министр госбезопасности Игнатьев отдал приказ, чтобы мое бюро вместе с ГРУ подготовило план диверсионных операций на американских военных объектах и базах — на случай войны или возможного ограниченного военного конфликта вблизи наших границ. Мы определили сто целей, разбив их на три категории: военные базы, где размещались стратегические военно-воздушные силы с ядерным оружием; военные сооружения со складами боеприпасов и боевой техники, предназначенных для снабжения американской армии в Европе и на Дальнем Востоке; и, наконец, нефтепроводы и хранилища топлива для обеспечения размещенных в Европе американских и натовских воинских частей, а также их войск, находящихся на Ближнем и Дальнем Востоке возле наших границ.

К началу 50-х годов мы имели в своем распоряжении агентов, которые могли проникнуть на военные базы и объекты в Норвегии, Франции, Австрии, Германии, Соединенных Штатах и Канаде. План заключался в том, чтобы установить постоянное наблюдение и контроль за стратегическими объектами НАТО, фиксируя любую их активность. Фишер, наш главный резидент-нелегал в Соединенных Штатах, должен был установить постоянную надежную радиосвязь с нашими боевыми группами, которые мы держали в резерве в Латинской Америке. В случае необходимости все эти люди были готовы через мексиканскую границу перебраться в США под видом сезонных рабочих.

В Европе между тем князь Гагарин, наш давнишний агент, выдававший себя за антисоветски настроенного эмигранта и в годы второй мировой войны служивший в армии Власова, переехал из Германии во Францию. В его задачу входило создание базы для диверсионных действий в морских портах и на военных аэродромах, а также группы боевиков, которые в случае войны или усиления напряженности вдоль наших границ были бы в состоянии вывести из строя систему коммуникаций и связь штаб-квартиры НАТО, находившейся в Фонтенбло — пригороде Парижа. В Москве мне передали группу спе-

циалистов по нефти, нефтепереработке и хранению топлива, с которыми мы обсуждали технические характеристики и расположение основных нефтепроводов в Западной Европе. Затем мы дали своим офицерам задание вербовать агентов-диверсантов из числа обслуживающего персонала нефтеперерабатывающих заводов и нефтепроводного хозяйства.

В 1952 году мне пришло сообщение, что Фишер получил гражданство США и обрел таким образом надежную «крышу». Теперь он мог заниматься, вполне официально, одной из своих профессий, которые указал, — артиста или свободного художника. Ему удалось оборудовать три радиоквартиры: между Нью-Йорком и Норфолком, возле Великих озер и на Западном побережье. Это последнее, что я о нем слышал перед своим арестом и до того момента, когда его обменяли на американского военного пилота Пауэрс, отбывавшего свое наказание во Владимирской тюрьме, где в то время был и я.

Сменивший Абакумова на посту министра госбезопасности Игнатьев и министр обороны маршал Василевский в 1952 году одобрили план действий, направленных против американских и натовских стратегических военных баз в случае войны или вышедших из-под контроля локальных конфликтов. План предусматривал, что первой акцией при возникновении военного конфликта в Европе должно стать уничтожение коммуникаций натовской штаб-квартиры. План этот был подписан моим отцом и тогдашним начальником ГРУ генералом Захаровым.

Однако предложение о расширении базы действий агентов в Париже совершенно неожиданно натолкнулось на серьезные трудности. Вот как пишет об этом мой отец: «Хохлов (кодовое имя Свистун), один из наших агентов-ветеранов, активно работавший в годы войны, вдруг оказался «засвечен» контрразведкой противника, позднее он бежал на Запад. Хохлов был профессиональным актером, обладал приятной внешностью (блондин с голубыми глазами) и к тому же бегло говорил по-немецки, что делало его весьма ценным разведчиком для Маклярского и Ильина. Перед войной Хохлов в основном «работал» в среде московской интеллигенции. Мы планировали использовать его как связного для агентурной сети, которая создавалась в Москве на случай, если ее займут немцы. Позднее, в Минске, он выступал в роли немецкого офицера, находившегося в отпуске. Ему удалось завязать знакомство с женской прислугой в доме немецкого гау-

ляйтера Белоруссии. В 1943 году в спальне хозяина дома под матрац была заложена мина с часовым механизмом, и во время взрыва гауляйтер Кубе погиб.

Я взял с собой Хохлова в Румынию, чтоб он, пожив там какое-то время, адаптировался к жизни на Западе. Вернувшись в Москву, Хохлов находился в резерве МГБ в группе секретных агентов, которых планировалось использовать для «глубокого проникновения» на Запад. Для всех он вел жизнь обычного советского студента, получая на самом деле жалование в моем бюро, где проходил по негласному штату как младший офицер разведки. Его учеба в институте была прервана войной, и я без вступительных экзаменов устроил его на филологический факультет МГУ. Правда, помочь ему получить хорошую квартиру я не смог, и, женившись, он продолжал жить на старом месте, где стало особенно тесно после того, как у него родился сын. С 1950 года Хохлов начал регулярно ездить на Запад. Мы его снабдили подложными документами на имя Хофбауэра. В моем бюро Хохлова курировала Тамара Иванова, начальник отделения по подготовке нелегалов. Она успешно работала в Венгрии и Австрии, в 1945 году участвовала в проверке немцев в операции «Березино», но в 1948 году была отозвана согласно директиве о прекращении работы и возвращении всех нелегалов из социалистических стран Восточной Европы.

Хохлов несколько раз выезжал в Германию, Австрию и Швейцарию. Я хотел, чтобы он, используя свои внешние данные, а также свой артистизм, познакомился с балериной грузинского происхождения, танцевавшей в Парижской опере, которую часто видели в компании с американскими офицерами и персоналом натовской штаб-квартиры. Его хорошие манеры и общительность помогли ему создать группу по сбору информации и, что было еще важнее, организовать боевой резерв для чрезвычайных ситуаций.

Сам Хохлов об этих планах ничего не знал. К моему сожалению и негодованию, он совершил непростительную ошибку, которую сам вначале не принял всерьез. В моих глазах, однако, это перечеркнуло всю его карьеру нелегала.

А дело было вот в чем. Хохлов попытался тайком вывезти в Австрию купленный в Швейцарии аккордеон. Таможенники задержали его, тщательно проверили документы и на несколько часов забрали паспорт. Как только Хохлов доложил о случившемся в Центр, мне стало ясно: легенде о герре Хофбауэре наступил конец.

Оплошность, допущенная Хохловым и вызвавшаяся в незначительном на первый взгляд инциденте на границе, на самом деле была для разведчика-профессионала серьезной. Хохлов, надо понимать, привлек к себе внимание властей и наверняка попал в список подозрительных лиц. Отныне западные спецслужбы даже при обычной проверке уже не оставили бы его в покое.

«Понятно, — продолжал отец, — что для подготовки боевых операций по этой легенде он больше не годился. Хохлов сам попросил освободить его от выполнения своих обязанностей, и я удовлетворил его просьбу. В его личном деле должен храниться подписанный мною рапорт об отчислении его из бюро».

Дальнейшая его судьба была несчастливой. Его послали в качестве оперработника и переводчика в советское представительство в Германии, а в 1954 году, уже после ареста отца, Хохлову поручили возглавить группу боевиков для ликвидации Околовича, руководителя русской националистической организации НТС, активно сотрудничавшей с немцами в годы войны. Но Хохлов «провалился». Его задержали американцы, после чего он был перевербован ЦРУ. Дороги назад у него не было. Вскоре он стал «знаменитостью»: американцы использовали его как «звезду» в антисоветском пропагандистском шоу. Его заставили играть навязанную ему роль. В прессе его представляли как горячего сторонника Запада, потому он и решил открыться перед Околовичем и рассказал американцам о готовившемся убийстве.

Скандал разразился на пресс-конференции во Франкфурте, устроенной ЦРУ, где Хохлов публично выступил с разоблачениями. Особенно поразило всех утверждение, будто жена умоляла его не выполнять полученного задания. Ее тут же в Москве арестовали, и она провела год в тюрьме вместе с сыном, после чего была на пять лет сослана в Сибирь. Хохлов охарактеризовал ее как антисоветчицу, которая, дескать, и вдохновила его на побег. Он говорил также, что она глубоко верующий человек. Все это не соответствовало действительности. В 1957 году он заявлял, что КГБ предпринял попытку отравить его, подсыпав в коктейль радиоактивный таллий, от которого Хохлова спасли медики из ЦРУ.

В мае 1992 года Хохлов на короткое время появился в Москве после того, как Ельцин подписал указ о его

помиловании, но вскоре снова уехал в Соединенные Штаты. Лорд Бэтел из Европейского парламента обратился с просьбой побеседовать с моим отцом относительно дела Хохлова, и после разрешения прокуратуры, которая вновь начала расследование побега Хохлова на Запад, эта беседа состоялась. Его статья появилась в газете «Дейли телеграф» и в журнале «Новое время», но там отсутствует ряд весьма важных подробностей, о которых говорил отец:

«Один из последних начальников Хохлова, Герой Советского Союза Мирковский, мой бывший заместитель, рассказывал мне, что его подопечный не хотел ехать на последнее задание. Посылали его не для ликвидации Околовича, а для подготовки этого убийства, выполнить которое должна была группа немецких агентов. Хохлов также не хотел брать с собой жену и сына в Австрию. Это означало, что он совсем не собирался бежать на Запад. На пресс-конференции, проводившейся в ЦРУ, он, однако, заявил, будто они с женой только и мечтали о побеге. Он приобрел шумную известность в западной прессе своими обращениями к правительствам «свободного мира» добиться выезда к нему жены и сына. Мирковский полагает, что с нашей стороны было ошибкой позволить Хохлову появляться на Западе с паспортом, который однажды уже привлек внимание спецслужб. Как мы предполагаем, он попал в руки ЦРУ, и его принудили к сотрудничеству, но в этой отчаянной ситуации ему все-таки удалось послать условную открытку жене. Хотя она и была просмотрена ЦРУ, в ней все же содержался предупредительный сигнал о том, что он работает под «враждебным контролем». Ему не повезло — этот сигнал не был вовремя замечен. Два других агента, посланных нами для работы с Хохловым, были схвачены американцами: его заставили их выдать».

В своей книге «Во имя совести» Хохлов говорит о себе как о специалисте по проведению партизанских операций в годы войны, но совершенно не касается неудачной карьеры в разведке. Кстати, работая на ЦРУ по специальным контрактам (обучал тактике антипартизанских операций на Тайване и в Южном Вьетнаме), он также провалился, потому что имел лишь опыт агента-нелегала, вербовщика привлекательных женщин и осведомителей, а не специалиста по боевым операциям. Хохлов поступил совершенно правильно, выбрав впоследствии научную карьеру и распрощавшись навсегда с жизнью

разведчика. От перехода Хохлова на Запад пострадала его семья, особенно тяжело пришлось жене. Она так ничего и не сказала своему сыну про отца, перебежавшего на Запад. Сын Хохловых стал профессором биологии в Московском университете и как научный эксперт ездил в Соединенные Штаты. Впрочем, с отцом своим впервые он встретился только тогда, когда тот появился в их московской квартире в мае 1992 года.

Прочность договоренностей, достигнутых в Ялте и Потсдаме по западной границе СССР, стала подвергаться испытанию уже через несколько месяцев после окончания второй мировой войны. Переход от сотрудничества в годы войны к противоборству между главными державами антигитлеровской коалиции был связан, с одной стороны, с резкими изменениями в Европе в 1944—1945 годах в пользу социализма, что вызвало крайнее беспокойство в руководстве ведущих держав Запада.

Вместо антисоветского «санитарного кордона» из стран — членов Балтийской Антанты, Варшавского договора 1922 года, Малой Антанты появился пояс, состоящий из новых советских республик, а также стран, в правительства которых вошли члены компартий. В Германии и Австрии, за которые так опасались Верти и Клемансо в связи с угрозой распространения на них «красной заразы» в 1919 году, теперь стояли части Красной Армии. Подъем же демократических сил и влияния коммунистов в Италии, Франции, Бельгии и других странах Западной Европы, вошедших в состав многих правительств, ставил под вопрос прочность европейского капитализма.

В то же время появление у США летом 1945 года нового мощного оружия массового уничтожения — атомной бомбы — создавало условия для быстрого пересмотра решений «Большой тройки», которые устраивали западных союзников до тех пор, пока СССР нес основную тяжесть войны с гитлеровской Германией и был готов помочь в победе над милитаристской Японией. 5 марта 1946 года бывший премьер-министр Англии У. Черчилль, выступая в городе Фултоне (штат Миссури) в присутствии президента США Г. Трумэна, объявил о том, что Европу разделил «железный занавес», опустившийся от Балтики до Адриатики.

Он призвал к объединению сил Запада против СССР и изменению положения за «железным занавесом».

Перемена в расстановке сил в мире была отмечена и бывшими верноподданными Гитлера, оставшимися на бывшей оккупированной территории. Таких оставалось немало, несмотря на их срочное массовое бегство из этих стран до прихода советских войск, а затем массовые аресты среди коллаборационистов, проведенные НКВД.

По оценке историков Р. Мисиунаса и Р. Таагепера, в Прибалтике советский контроль над территорией был частичным и поверхностным. В лесах было много разрозненных групп немцев, балтийских частей германской армии, литовских националистических партизан, а также эстонских ветеранов финской армии, которые выступали и против немцев, и против русских... В период наивысшего подъема в их рядах участвовало от 0,5 до 1 процента всего населения. В Литве к весне 1945 года около 30 тысяч вооруженных людей бродили в лесах. Косвенные данные по Латвии позволяют предположить, что в период максимального подъема вооруженного сопротивления в лесах находилось от 10 до 15 тысяч человек. Схожее положение было и в Эстонии, где «лесное братство» временами насчитывало до 10 тысяч человек.

Анализируя состав участников подпольных вооруженных отрядов в Прибалтике, Р. Мисиунас и Р. Таагепера отмечают, что первая волна состояла из вольных или невольных сообщников Германии и служащих немецкой армии, участников антигерманского национального подполья и бывших членов финской армии (в Эстонии). Совершенно очевидно, что первая группа, упомянутая двумя авторами, была самой многочисленной в составе населения Прибалтики. Ветеранов армии Маннергейма насчитывалось несколько тысяч. Что же касается «антигерманского национального подполья», то за время оккупации их активность ограничивалась распространением литературы в своем кругу, и вряд ли эта группа могла представлять боевую силу.

«Вскоре, — по словам двух историков, — к ним присоединились люди, бежавшие от призыва в Красную Армию, и дезертиры. Новые пополнения были результатом недовольства перераспределением земли и других социальных перестроек».

Социальной базой нелегальных вооруженных формирований явились те слои общества, которые в наибольшей степени пострадали от преобразований общества, и прежде всего богатое крестьянство, земли которого бы-

ли вновь урезаны после реформы 1945—1947 годов. Новое перераспределение земли, осуществленное после войны, было более радикальным, чем реформа 1940—1941 годов. Максимальные размеры земельных участков были ограничены 20 га (а не 30 га, как в 1941 году), а земли тех, кто сотрудничал с немецкими оккупантами, сокращались до 5—7 га. Были разделены земли тех, кто бежал на Запад.

Грубые методы произвола, практиковавшиеся властями в те годы, значительно расширяли массовую базу повстанцев. Вряд ли Р. Мисиунас и Р. Таагепера сильно преувеличивают, когда пишут о том, что преследования НКВД и НКГБ в 1944—1945 годах затронули не только богатых или германских коллаборационистов. Мишенью могли оказаться рабочие — социал-демократы... Любой, кто жаловался на какие-либо стороны советской бюрократии или не мог приспособиться к ее требованиям (например, поставщики зерна на селе), становился такой мишенью. Сочетание случайного и небрежного в действиях репрессивных подразделений МВД и МГБ, отсутствие должного порядка фактически делали каждого потенциальной мишенью, особенно из-за того, что Советы расценивали всякого, кто пережил германскую оккупацию, немецким пособником.

Большую роль в идейном руководстве повстанческим движением сыграла Католическая церковь. В Литве религия внесла свои особенности в развитие сопротивления. Католические общины представляли собой базовую организацию, охватывающую большинство населения. Угроза их существованию со стороны Советов сама по себе способствовала сопротивлению. Некоторые священники были руководителями подпольного движения в Литве. Ничего похожего не было в Эстонии и Латвии. Там Лютеранская церковь не могла стать духовной и национальной опорой для сплочения из-за ее вековой связи с балтийскими немцами. Эта разница, может быть, объясняет сравнительную силу литовских повстанцев.

Высокий авторитет Католической церкви в Литве и Униатской церкви среди части населения Западной Украины (а эти церкви заняли непримиримую позицию в отношении советской власти) объясняет особое упорство вооруженного сопротивления в лесах этих регионов, а также поддержку подполья со стороны части местных жи-

телей, особенно в деревне. Негибкая атеистическая пропаганда, готовность видеть в служителях культа лишь слепых исполнителей воли Ватикана, нежелание признавать реальность Униатской церкви со стороны советских властей лишь усиливали антигосударственную деятельность многих представителей Церкви, укрепляли их союз с сепаратистами.

Помимо призывов Католической церкви, большую роль в поддержании духа вооруженного сопротивления играла вера в скорый вооруженный конфликт между СССР и Западом. В частях «Литовского фронта активистов» вера в Запад существенно возросла, когда новость об атомной бомбе достигла Литвы.

Те дни, когда сотни тысяч жителей Хиросимы и Нагасаки были принесены в жертву демонстрации атомной мощи США, — 6 и 9 августа 1945 года — были днями великих надежд для командования ЛФА. 20 августа было созвано особое совещание для того, чтобы обсудить международную обстановку. Его участники с величайшим интересом выслушали сообщение Би-би-си о мощи атомной бомбы. Взрыв первой атомной бомбы вызвал оживленные дискуссии среди борцов за свободу в Литве. Общий вывод сводился к тому, что Запад должен представить Кремлю атомный ультиматум и заставить Советы освободить порабощенные страны.

Вера в неминуемую войну, в ходе которой Советский Союз мог быть превращен в атомную пустыню, вдохновляла бывших солдат и офицеров эсэсовских легионов и заставляла их упорно ждать новых влиятельных союзников, которые должны были восстановить досоветские порядки. «...Людей притягивало в «лесное братство» ожидание неминуемой войны между Западом и Советским Союзом... С этой точки зрения важно было только продержаться несколько лет... Хотя такая оценка поднимала боевой дух, это также приводило к тому, что повстанцы преувеличивали военный аспект борьбы». Созданная 10 июня 1946 года организация повстанцев Литвы — Объединенное демократическое движение сопротивления — объявила о борьбе «за мировое правительство и создание международного демократического государства благосостояния».

Надежды на всестороннюю помощь извне способствовали развитию контактов подполья с западными державами. Эти связи устанавливались через лиц, выехав-

ших из Прибалтики после 1941 года и оставшихся за пределами СССР. В 1945 году командованию ЛФА удалось установить связи с литовскими организациями перемещенных лиц в Великобритании, Франции, Швеции и Германии. Представители подполья умели посетить своих соотечественников, а посланцы организаций перемещенных лиц пересекали границу и прибывали на родину.

Руководители эмигрантских организаций, среди которых преобладали бывшие пособники Гитлера, видели в вооруженной борьбе ЛФА, Украинской подпольной армии (УПА) и других «армий» возможность восстановить строй, свергнутый с приходом Красной Армии. Однако в угоду конъюнктуре они объявляли себя сторонниками западной демократии и по мере укрепления своих позиций в странах эмиграции оказывали давление на правительства с целью усилить поддержку вооруженному подполью. Эти усилия совпадали с общим направлением в политике ведущих стран Запада — углублением «холодной войны» и подготовкой вооруженного нападения на СССР.

Западные спецслужбы установили регулярные связи с прибалтийским подпольем уже в 1945 году. Один из видных лидеров повстанцев Юозас Лукша-Даумантис долгое время находился на Западе, стремясь добиться увеличения помощи «лесным братьям». В целях рекламы этого движения им была написана книга «Партизаны за железным занавесом». Американская разведка забросила с парашютом Лукшу и других представителей партизан в 1949—1951 годах обратно в Литву, где Лукша вскоре умер.

Литовское подполье создало «Совет республики» и выбрало его президента. Солдаты вооруженных отрядов были объявлены «бойцами свободы». Впоследствии, 16 февраля 1949 года вооруженная организация создала свою структуру под названием «Движение литовских бойцов за свободу». Республика была разделена на три военных округа (Северо-Восток, Северо-Запад и Неман). В Эстонии повстанцами руководил Эстонский национальный комитет с несколькими местными отделениями... Штаб связи латвийских партизан действовал в Риге на улице Матисс вплоть до 1947 года.

Стремление сочетать организацию боевых подразделений с широко разветвленным подпольем, способным

вести разведку, пропагандистскую деятельность среди населения, диверсии и саботаж на производстве, террористические акты против советских активистов и меры устрашения нейтральных и пассивных, было характерно для деятельности повстанцев в Прибалтике. Группы так называемых «лесных братьев» отличались по размерам, от 800 человек до одиночек, которые прятались в бункерах около своей фермы или даже под полом своего дома. «Некоторые «лесные братья» возвращались в города с поддельными документами для проведения разведки и пассивной работы сопротивления или для того, чтобы навсегда оставить лесную жизнь... По мере того как организованные части повстанцев несли потери, некоторые из их сторонников переходили к активным действиям... Поэтому невозможно провести точную линию между повстанцами и неповстанцами.

Средняя продолжительность участия в «лесном братстве» составляла два года. За 8 лет интенсивных боев (1945—1952) в литовском повстанческом движении участвовало около 100 тысяч человек. Литовские и эстонские «лесные братства» включали соответственно 40 тысяч и 30 тысяч.

Вооруженные отряды совершали диверсии, взрывы, поджоги административных советских учреждений. Значительно реже, да и то на первой стадии своей деятельности, они вступали в вооруженные схватки с советскими войсками. Судя по отчету литовского подполья, с апреля 1945 года по май 1946 года произошло шесть боев с войсками МВД.

Основным направлением деятельности подполья был террор против всех, кто поддерживал советскую власть. Как признают Р. Таагепера и Р. Мисиунас, «главные усилия повстанцев и пассивного сопротивления направлялись на срыв работы администрации... Сотрудников местных Советов запугивали, их заставляли быть двойными агентами, и в случае, если они проявляли чрезмерное рвение в сотрудничестве, их убивали... Для проверки новобранцев «лесные братья» давали им задания — казнить тех, кто сотрудничал с советской властью... С 1945 по 1952 год было убито от 4 до 13 тысяч лиц, сотрудничавших с советскими властями или подозреваемых в таком сотрудничестве».

Очевидно, это очень заниженные данные. По сведениям, оглашенным на латвийской конференции историков в июле 1988 года, за 1944—1952 годы только в Литве

«лесные братья» убили около 25 тысяч советских граждан. По данным эстонских историков, только в Эстонии повстанцы убили «несколько сот советских людей» всего за 1948 год и начало 1949 года. Запугивание членов ВКП(б) и ВЛКСМ в Прибалтике приводило к тому, что иные из них «сдавали свои партийные или комсомольские билеты, или проявляли пассивность в своей работе, или отказывались от нее под угрозой смерти».

Литовское подполье «публично объявило, что оно будет сурово наказывать тех, кто примет от советских властей землю и скот, который был отнят у фермеров, имевших участки от 100 акров и менее того».

Массовое устрашение населения постоянным и незримым наблюдением за каждым словом и поступком человека, подкрепляемое частыми и беспощадными расправами со всеми, кто хоть немного отклонялся в своем поведении от стандарта, устанавливаемого тайными вождями, деформировало общественное сознание. Характерно, что психологической обработке населения, в том числе за пределами районов боевых действий, «лесные братья» придавали огромное значение.

Вновь возрожденный орган бывшей Балтийской Антанты — «Балтик ревью», создание которого в 1940 году было расценено советским правительством как свидетельство антисоветского курса режимов Пятса, Ульманиса, Сметоны, убеждал в июне 1948 года, что «на Украине, в Прибалтике, Белоруссии борьба продолжается... Далекие рейды УПА — в окрестностях Киева, к западу от Харькова, к северу от Одессы — создают впечатление о большом восстании на Украине... Большое восстание должно и может произойти не только на Украине, но одновременно во всех странах под русской оккупацией».

Эти планы находили отклик и на Западе. Видный государственный деятель США Джордж Ф. Кеннан писал в 1947 году: «В недрах Советского Союза скрытаны элементы, которые за одну ночь могут превратить, изменить состояние этой страны от нынешней мощи до крайней слабости». 25 марта 1948 года газета «Ди Вельт-вохе» (Цюрих) опубликовала статью под заглавием «Украина — забытая баррикада», в которой пропагандировалась идея восстановления антисоветского «санитарного кордона» и содержался призыв поддержать антисоветское подполье.

Все же Запад не мог оказать более действенную помощь «лесным братьям» без того, чтобы начать вооруженные действия против советских войск, стоявших в Германии, Австрии, Венгрии, Румынии и Польше. Без разгрома Советской Армии и ее союзников в Центральной и Юго-Восточной Европе мечта о возрождении «санитарного кордона» или антисоветской баррикады не имела шансов на реализацию. Все зависело от готовности США развязать войну против СССР.

В планах антисоветской войны большое значение придавалось поощрению раскола как среди социалистических стран, так и внутри СССР. Директива СНБ-58, утвержденная президентом США Г. Трумэном 14 сентября 1949 года, гласила: «Для нас практически осуществимый курс — содействовать еретическому процессу отделения сателлитов... Мы должны всемерно увеличивать всю возможную помощь и поддержку прозападным лидерам и группам в этих странах. Начало или усиление психологической, экономической и подпольной войны сильно увеличит шансы на быстрое и успешное завершение войны, ибо поможет преодолеть волю врага в борьбе, поддержит моральный дух дружественных групп на вражеской территории».

Каждый новый план войны, рождавшийся в недрах Пентагона, предусматривал все более массированные атомные бомбардировки СССР. Так, план «Чариотир» 1948 года исходил из необходимости сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов в первые 30 дней войны и еще 200 атомных бомб в последующие два года.

Однако специальный комитет из высших чинов армии, флота и авиации под председательством генерал-лейтенанта Х. Хармона в своем докладе от 11 мая 1949 года пришел к выводу, что, хотя «атомные бомбардировки могут стимулировать диссидентство и надежду на освобождение от угнетения», они не смогут гарантировать успеха.

Комитет пришел к выводу, что если даже за первый месяц войны будут убиты 6,7 миллиона советских граждан, моральный дух русских не будет подорван, а воля к борьбе только возрастет. Отсутствие надежных гарантий легкой победы США в условиях их атомной монополии сдерживало реализацию планов нападения на СССР. Сомнения в успехе атомного нападения на СССР в американских военных штабах возросли после успешного ис-

пытания первой советской атомной бомбы в сентябре 1949 года.

И хотя в 1949 году возросла засылка американской агентуры в СССР, в том числе и в районы действий подпольных вооруженных формирований, Запад не давал обитателям лесов надежды на скорое начало военных действий на Европейском континенте. Между тем затяжная вооруженная борьба истощала силы подполья.

В специальном обращении литовского подполья к римскому папе Пию XII в середине 1949 года содержался призыв к решительным действиям западных держав, пока СССР не ликвидировал атомную монополию США: «Обладание атомной энергией усыпило мир. Скоро большевизм будет иметь оружие такой же мощности... Нас бросили на смерть в Ялте и Потсдаме. Теперь повторяют ту же ошибку». В случае же отказа Запада забросать СССР атомными бомбами «бойцы за свободу» требовали хотя бы радиопропаганды на литовском языке.

С 1951 года начались регулярные радиопередачи «Голоса Америки» на литовском, латышском и эстонском языках. 17 августа 1951 года палата представителей США приняла поправку к закону о взаимном обеспечении безопасности, внесенную конгрессменом Керстеном, которая предусматривала выделение средств для лиц из «Советского Союза, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании, Латвии и Эстонии или областей Германии и Австрии, находящихся под коммунистическим контролем, или других стран, поглощенных Советским Союзом». Эти средства предназначались для того, чтобы «создать из таких лиц национальные элементы вооруженных сил НАТО или для других целей, когда соответствующим образом будет решено президентом, что такая помощь необходима для обороны Северо-Атлантического региона и безопасности США».

Поправка Керстена знаменовала собой беспрецедентное нарушение международного права, когда без объявления войны страна выделяла средства для формирования воинских подразделений из граждан чужих стран для возможных военных действий против этих стран. Однако, когда конгресс выделил такие средства, в лесах, протянувшихся на юг от Финского залива до Карпат, находилось уже мало лиц, которые были готовы защищать интересы США и других стран Северо-Атлантического региона. Вооруженные силы украинских и прибалтий-

ских националистов таяли. Хотя значительную роль в поражении УПА и «лесных братьев» сыграли советские Вооруженные Силы, его главной причиной явилась утрата антисоветским подпольем поддержки среди деревенского населения.

Несмотря на то что грубые методы администраций, нарушения законности вызывали во многих западных республиках оппозицию к советской власти, поражение, которое в конечном счете потерпело подполье, было прежде всего следствием его порочного политического курса. В каком бы малопривлекательном виде ни представляла социалистическая система в Прибалтике и Западной Украине, оуновцы и «лесные братья» не могли предложить никакой реальной альтернативы, кроме беспощадного террора и перспективы атомной войны. Это вынуждены признать и апологеты «лесных братьев» Р. Ми-сиунас и Р. Таагелера, которые отмечали, что повстанцы... проиграли политическую борьбу в результате просчета, даже не заметив этого.

Кризис подпольного движения в Прибалтике начался уже в период земельной реформы 1945—1947 годов. Хотя реформа задела состоятельных крестьян, она вызвала поддержку тех, кто от нее выиграл. У последних теперь появилась очевидная экономическая заинтересованность в том, чтобы советский режим сохранялся (пока на коллективизацию не очень налегали), даже если это вступало в противоречие с их национальными, а в Литве и с их религиозными чувствами.

«Сопrotивление очень энергично выступило против земельной реформы... Сила позитивного действия была в советских руках. Сопrotивление любому советскому мероприятию сначала выглядело в высшей степени патриотичным, но по мере того как шли годы, его нельзя было отличить от социального обскурантизма... По мере того как советский режим держался, все больше и больше людей пришли к выводу, что стабильная работа и служба гораздо надежнее обеспечивается сотрудничеством. Чем больше людей сотрудничали, тем больше появлялось мишеней контртеррора повстанцев, а семьи жертв становились на сторону Советов. Всё больше людей вступало в комсомол и советскую милицию. По мере того как шансы на победу повстанцев (с помощью Запада) меркли, их ореол национальных освободителей сменился образом бунтовщиков, которые нападали и убегали, оставляя гражданское

население наедине с разгневанными властью имущими. Люди устали жить между двумя терроризмами».

Даже повторение в 1947—1949 годах на земле Прибалтики печального опыта коллективизации 1929—1932 годов, вызвавшего взрыв недовольства в широких слоях крестьянства Эстонии, Латвии и Литвы, лишь временно сдержало кризис вооруженного подполья. К весне 1949 года из Эстонии было депортировано около 60 тысяч «раскулаченных», 50 тысяч — из Латвии, 150 тысяч — из Литвы.

Однако депортация и коллективизация 1949 года явились пирровым импульсом для повстанческой войны. Система снабжения партизан была разрушена. Более того, их отношения с сельским населением приобрели антагонистический характер. Вместо того чтобы полагаться на добровольные подношения фермеров, повстанцы стали совершать налеты на коллективизированные скот и зерно, которые повстанцы в своем легкомысленном упоеании считали советской собственностью. Однако крестьянам надо было выживать и выполнять неумолимые нормы государственной сдачи продуктов. Все в большей степени превращая свою деятельность в борьбу за собственное выживание, «бойцы за свободу» стали соответствовать ярлыку «бандит», который советские власти старались приклеить им. В борьбу против «лесных братьев» и УПА все активнее включалось местное население, создавая отряды самообороны.

Если сразу после окончания войны какая-то часть населения видела в вооруженном подполье защитников национальных интересов, связывала цели этой борьбы с желанием вернуть мирную стабильную жизнь, то продолжение деятельности ЛФА, ОУН и других все больше показывало их неспособность к созидательной деятельности. Это выглядело резким контрастом по сравнению с теми усилиями, которые прилагало население западных территорий по восстановлению разрушенного хозяйства. Одновременно все более очевидным становилось, что советская власть является надежным союзником местного населения в восстановлении мирной, процветающей жизни, развитии национальной культуры.

Огромная помощь всей Советской страны разоренным западным территориям машинами, сырьем, топливом, продуктами питания, промышленными изделиями, самоотверженный труд рабочих, инженеров, техников,

ученых, переселившихся с востока в западные районы страны, позволили восстановить народное хозяйство Эстонии, Латвии, Литвы, Молдавии, Западной Украины, Западной Белоруссии в кратчайшие сроки. Например, уже в 1948 году промышленность Литвы достигла довоенного уровня.

В этих условиях вооруженное подполье все больше самоизолировалось, превращаясь во внутреннюю эмиграцию, не понимавшую реальных нужд и чаяний своих народов и не могущую предложить им ничего, кроме слепой ненависти и разрушения. В начале 50-х годов подполье могло рассчитывать лишь на чрезвычайную помощь извне. К 1949 году литовские повстанческие группы уже не могли парализовать деятельность местных Советов. В Латвии и Эстонии эта способность была в основном утрачена к концу 1946 года. К концу 1949 года латвийское движение сопротивления было в основном разгромлено, хотя даже в феврале 1950 года в боях в Окте в Курляндии участвовало около 50 повстанцев. В Эстонии стычки продолжались вплоть до 1953 года.

Террор «лесных братьев» уже перестал запугивать население. Если летом 1946 года в школах и вузах Эстонии лишь 15 процентов школьников и студентов вступили в пионеры и комсомол, то к 1950 году 44 процента всех учащихся Эстонии были пионерами или комсомольцами, и даже в Литве таких было 28 процентов.

Численность литовского сопротивления сократилась до 5 тысяч к концу 1950 года и до 700 к концу 1952 года, когда объединенное командование прекратило свое существование, объявив о демобилизации и переходе к пассивному сопротивлению. Большая часть оставшихся повстанцев перешла к гражданской жизни с подпольными документами, а многие воспользовались амнистией 1955 года. Предложение об амнистии 1956 года свидетельствовало о том, что повстанцы еще существовали. Отдельные аресты и казни продолжались в конце 50-х годов и даже позже. «Тиеса» сообщала о захвате группы повстанцев в 1961 году. В 1978 году уцелевший повстанец Аугуст Сабе утопился, чтобы не сдаться в лесах Южной Эстонии. Последний лидер литовского движения Адольфас Рамаускас-Ванагас был убит в 1956 году.

Переход к «мирным» методам борьбы был крахом надежд поднять народы Прибалтики на всеобщее восста-

ние против советской власти. Однако это означало лишь отсрочку в планах сепаратистов. Борьба принимала затяжной характер. Помимо прочего, требовались годы, чтобы живые воспоминания о терроре «лесных братьев» забылись, а образы бандитов померкли. Тогда стало бы уже легче распространять провокационную легенду о благородных борцах за дело свободы народов, сражавшихся в лесах в 40—50-х годах.

Прекращение вооруженного сопротивления в лесах Прибалтики и Карпат происходило в то время, когда в США и других странах Запада усиливались призывы к «освобождению» всех народов, «порабощенных коммунизмом». Штабы империалистических стран приняли установку на решительный отказ от принципов послевоенного устройства и реставрацию довоенных порядков, когда авангард реваншистских сил, сражавшийся на передовой линии, понял обреченность этой борьбы. Это было лишним свидетельством крайней нереалистичности политики, взятой на вооружение правящими кругами Запада в начале 50-х годов.

Автор «доктрины освобождения» Д. Ф. Даллес стал в январе 1953 года государственным секретарем США и пропагандистом активного наступления на страны социализма. Неотъемлемым элементом новой политики были попытки создания вооруженных формирований из населения социалистических стран. Одновременно большое значение придавалось «психологически-диверсионной войне», «тотальному пропагандистскому наступлению».

В начале 1953 года конгресс США принял предложенную президентом Эйзенхауэром резолюцию, в которой выражалась надежда на то, что «народы, находящиеся под господством советского деспотизма, должны будут вновь обрести права самоопределения». Это активизировало действия законодательных органов США в отношении советских республик.

7 мая 1953 года в своем выступлении в конгрессе автор поправки к закону о взаимном обеспечении безопасности Керстен подчеркнул, что «Соединенные Штаты никогда не признавали насильственное включение независимых наций Литвы, Латвии и Эстонии в СССР. Мы все еще поддерживаем дипломатические отношения со свободными правительствами балтийских наций, хотя их

родные страны поглощены коммунистическим заговором».

В тот же день палата представителей США по предложению Керстена приняла резолюцию о создании комитета по проведению расследования выборов, которые состоялись в 1940 году в Эстонии, Латвии и Литве, и «других обстоятельств, которые привели к включению этих стран в Советский Союз».

Тема пересмотра истории, восстановления довоенного статуса в бывших странах «санитарного кордона» стала постоянно звучать во внешнеполитических заявлениях американских руководителей. Попытки пересмотреть послевоенное устройство в Европе, изменить советскую западную границу и социалистический строй на западе страны исключали возможность добиться поворота к нормализации отношений между Востоком и Западом. Именно поэтому столь эфемерным оказался «дух Женевы», возникший после первой встречи глав правительств четырех великих держав: Н. И. Булганина, Д. Эйзенхауэра, А. Идена и Э. Форэ — в июле 1955 года в Женеве.

Зарождение «холодной войны» тесно увязано с поддержкой Западом вооруженных националистических выступлений в странах Прибалтики и в Западной Украине. В основном борьбу с ними вели местные органы безопасности, но Москва держала эти операции под своим контролем, выделяя в помощь местным властям оружие и советников. Мой отец оказался вовлеченным в водоворот событий в Западной Украине — учитывался его опыт работы по борьбе с украинскими националистами:

«Как-то летом 1946 года меня вызвали вместе с Абакумовым в Центральный Комитет партии на Старой площади. Там в кабинете секретаря ЦК Кузнецова, державшегося, несмотря на наше знакомство, на редкость официально, я увидел Хрущева, первого секретаря Компартии Украины. Кузнецов информировал меня о том, что Центральный Комитет согласился с предложением Кагановича и Хрущева тайно ликвидировать руководителя украинских националистов Шумского. По сведениям МГБ Украины, Шумский установил контакты с эмигрантскими кругами на Западе, вел закулисные интриги, с тем чтобы войти в состав формируемого в эмиграции временного правительства — Украинскую головную вызвольную раду. Было известно также, что в разговорах со своими друзьями он проявлял неуважение по отношению к Сталину, по-

зволял оспаривать мнение Сталина о себе и выдвигал свою версию обсуждения со Сталиным вопроса о составе украинского правительства в конце 20-х — начале 30-х годов.

Шумский пользовался известностью в националистических кругах как человек, подвергшийся еще в начале 30-х годов репрессиям в ходе внутрипартийной борьбы. Его имя предавалось анафеме на всех партийных съездах в республике, а на свободе он оказался лишь потому, что был частично парализован и его пришлось по состоянию здоровья выпустить из тюрьмы.

Шумский имел глупость, находясь в ссылке в Саратове, вступить в контакт с украинскими деятелями культуры в Киеве и за рубежом. По словам Кузнецова, он явно переоценил свой авторитет среди украинских эмигрантов и обратился с дерзким письмом к Сталину, угрожая покончить с собой, если ему не разрешат вернуться на Украину. Хрущев, со своей стороны, добавил, что, по имеющимся у него сведениям, Шумский уже купил билет на поезд и намерен вернуться на Украину, чтобы организовать вооруженное националистическое движение или бежать за границу и войти в состав украинского правительства в эмиграции.

На это Абакумов заметил, что, поскольку я являюсь специалистом по украинским делам, мне следует проследить связи Шумского с националистическим подпольем и украинскими эмигрантами. Абакумов также сказал, что направит в Саратов спецгруппу, чтобы ликвидировать Шумского, а в мою задачу входит устроить так, чтобы его сторонники не догадались, что его ликвидировали.

Майрановский, в то время начальник токсикологической лаборатории МГБ, был срочно вызван в Саратов, где в больнице лежал Шумский. Яд из его лаборатории сделал свое дело: официально считалось, что Шумский умер от сердечной недостаточности. Кстати, установить его зарубежные связи нам так и не удалось. В Москве этой операции придали небывалое значение. В Саратов выезжали заместитель министра МГБ Огольцов, которому подчинялся Майрановский, и лично знавший Шумского Каганович».

Заверения руководства СССР Рузвельту накануне Ялты в том, что советские граждане пользуются свободой вероисповедания, вовсе не означали конца противобор-

ства с украинскими католиками, или униатами. Григулевич, агент НКВД в Риме, получивший коста-риканское гражданство и ставший после войны послом Коста-Рики в Ватикане и Югославии, информировал Кремль о том, что Ватикан намерен занять твердую позицию по отношению к Москве из-за преследований украинской Католической церкви.

Что касается самой Униатской церкви, то она находилась в весьма своеобразном положении: подчиняясь Ватикану, униаты проводили богослужение на украинском языке. Возглавлял Церковь известный националист митрополит Андрей (он же Роман) Шептицкий, польский граф и бывший офицер австрийской армии. Главой украинских униатов он был назначен папой еще перед первой мировой войной и ради Церкви пожертвовал военной карьерой. Во время первой мировой войны он сотрудничал с австрийской разведкой, был арестован царской военной контрразведкой и сослан, а в 1917 году освобожден Временным правительством и вернулся во Львов, где была создана украинская военная националистическая организация во главе с полковником Коновальцем.

В 1941 году, когда началась война и Львов оккупировали немцы, Шептицкий послал поздравления от Униатской церкви Гитлеру, надеясь на освобождение Украины от большевиков. Он зашел так далеко, что даже благословил созданную в ноябре 1943 года дивизию СС «Галичина», специальное украинское формирование, находившееся под командованием офицеров немецкого гестапо. Дивизия присягнула на верность Гитлеру и использовалась для карательных акций против мирного населения и евреев, которых уничтожали на Украине, в Словакии и Югославии. Капелланом дивизии Шептицкий назначил архиепископа Иосифа Слипого.

Отдельные подразделения этой дивизии попали в плен к англичанам в Италии и Австрии, а в мае 1947 года командиры этих подразделений были посланы в Англию. В 1951 году Интеллидженс сервис использовала их как агентов-диверсантов и забросила в Западную Украину на парашютах, где они должны были возглавить движение сопротивления.

В 1944 году Шептицкий был уже стар и находился при смерти. Заботясь о судьбе украинской Униатской

церкви, он, проявив мудрость, направил миссию в Москву, включавшую его младшего брата, архиепископа Иосифа Слипого и архиепископа Гавриила Костельника. Они через Президиум Верховного Совета попросили принять их Патриарха Русской Православной Церкви, которая никогда не была в хороших отношениях с униатами. Президиум Верховного Совета, однако, направил делегацию в НКВД, чтобы прояснить вопрос о сотрудничестве руководства Униатской церкви с немцами.

Моему отцу и генералу Мамулову, начальнику секретариата НКВД, было приказано принять украинскую церковную делегацию. К их удивлению, отец на западно-украинском диалекте изложил им данные о сотрудничестве руководства Униатской церкви с немцами и, как было приказано руководством, заверил их, что, если они расскажут и выяснится, что иерархи Церкви сами лично не совершили военных преступлений, преследовать их не будут.

Последующие события развивались трагически. После смерти митрополита А. Шептицкого, в 1945 году среди униатских священнослужителей разгорелся ожесточенный конфликт. Дело в том, что внутри Униатской церкви давно существовало сильное движение за объединение с Православной Церковью. Те священники в окружении А. Шептицкого, которые противостояли такому союзу, оказались серьезно скомпрометированными своим сотрудничеством с немцами. Архиепископ Гавриил Костельник, высказывавшийся на протяжении почти трех десятилетий за объединение с Православной Церковью, стал во главе этого движения. Приходилось часто слышать, будто он является агентом НКВД, но это утверждение не имеет под собой никаких оснований. В действительности двое его сыновей были вовлечены в движение бандеровцев и оба погибли в боях с частями НКВД. В 1946 году Костельник собрал конгрегацию униатских священнослужителей, проголосовавших за воссоединение с Православной Церковью. Архиепископ Иосиф Слипый был арестован и сослан. Воссоединение нанесло решающий удар по украинскому партизанскому националистическому движению под руководством Бандеры — ведь большинство их командиров было из семей униатских священников.

Из всех сил стремясь сохранить националистическое движение, Бандера прибегнул к террору, ставшему по-

вседневным явлением в жизни Западной Украины. Местные власти, по существу, потеряли контроль над сельской местностью. Вожаки-националисты запрещали молодежи идти на призывные пункты для службы в Красной Армии; люди Бандеры вырезали семьи призывников и сжигали их дома, пытаясь установить власть ОУН над сельскими территориями. Убийство Костельника на ступенях львовского собора, когда он выходил после службы, стало кульминацией кампании террора. Убийца был окружен толпой верующих и застрелился; его опознали — им оказался член террористической группы, руководимой заместителем Бандеры Шухевичем, семь лет возглавлявшим украинское подполье. Во время войны Шухевич имел чин гаупт-штурмфюрера и был одним из командиров карательного батальона «Nachtigal». Командовали батальоном в основном немцы, а состоял он из бандеровцев. После массового расстрела в июле 1941 года во Львове евреев и многих представителей польской интеллигенции бандеровцы провозгласили создание правительства независимой Украины во главе с Стецко.

Однако немецкие власти немедленно разогнали это правительство. Ряд политических деятелей ОУН были интернированы, в том числе и Бандера. Гитлер рассматривал оуновское движение лишь как полицейскую силу в установлении германского господства на славянской территории. Немцы поддерживали украинский национализм только в создании местных органов управления под своим контролем и вплоть до 1944 года категорически не признавали ОУН как политическую силу.

Позднее, в 1945 году, часть батальона «Nachtigal» вошла в элитное карательное подразделение вооруженных сил фашистской Германии — дивизию «Галичина».

Полученная Москвой в 1947 году информация из-за рубежа о том, что Ватикан ищет поддержки американских и английских властей для оказания помощи Униатской церкви и тесно связанным с ней бандеровским формированиям, была передана не только Сталину и Молотову, но и Хрущеву, первому секретарю ЦК Компартии Украины. Хрущев обратился к Сталину с просьбой разрешить ему тайно ликвидировать всю униатскую церковную верхушку в бывшем венгерском городе Ужгороде. В письме, направленном в два адреса — Сталину и Аба-

кумову, — Хрущев и Савченко, министр госбезопасности Украины, утверждали, что архиепископ украинской Униатской церкви Ромжа активно сотрудничает с главарями бандеровского движения и поддерживает связь с тайными эмиссарами Ватикана, которые ведут активную борьбу с советской властью и оказывают всяческое содействие бандеровцам. Они писали также, что Ромжа и его группа представляют серьезную угрозу для политической стабильности в регионе, недавно вошедшем в состав Советского Союза.

Кроме того, Хрущев знал, что Ромжа располагает информацией о положении в руководящих кругах Украины и планировавшихся мероприятиях по подавлению украинского националистического движения. Сведения поступали от монашек-униаток, находившихся в тесном контакте с женой Туреницы, первого секретаря обкома партии и председателя облисполкома. Оба поста он занимал одновременно и пользовался большим уважением и любовью населения. На лозунгах и транспарантах, развешанных в Ужгороде к ноябрьским праздникам, было написано: «Да здравствует 30-я годовщина Октябрьской революции и Иван Иванович Туреница!»

Информация об обстановке в украинском руководстве через Ромжу просачивалась за границу, а оттуда бумерангом в Москву. Все это создавало реальную опасность для Хрущева. Не справившись с ситуацией, Хрущев выступил инициатором тайной физической расправы с Ромжей.

Министр госбезопасности СССР Абакумов показал тогда моему отцу письмо Хрущева и Савченко и предупредил: не оказывать украинским органам госбезопасности никакого содействия в этой акции до получения прямого указания Сталина.

Сталин согласился с предложением Хрущева, что настало время уничтожить «террористическое гнездо» Ватикана в Ужгороде.

Однако нападение на Ромжу было подготовлено плохо: в результате автомобильной аварии, организованной Савченко и его людьми, Ромжа был только ранен и доставлен в одну из больниц Ужгорода. Хрущев запаниковал и снова обратился за помощью к Сталину. Он утверждал, что Ромжа готовился к встрече с высокопоставленными связными из Ватикана.

Отец выехал в Ужгород со своей группой, чтобы выявить связи и контакты Ромжи, потому что лично знал все руководство украинских националистов с того времени, когда был внедрен в штаб-квартиру ОУН.

В Ужгороде он провел почти две недели. Туда же через неделю в это время приехали Савченко и Майрановский, начальник токсикологической лаборатории, с приказом ликвидировать Ромжу. В Киеве на вокзале, в своем железнодорожном вагоне, их принял Хрущев, дал четкие указания и пожелал успеха. Два дня спустя Савченко доложил Хрущеву по телефону, что к выполнению операции все готово, и Хрущев отдал приказание о проведении акции. Майрановский передал ампулу с ядом кураре агенту местных органов безопасности — это была медсестра в больнице, где лежал Ромжа. Она-то и сделала смертельный укол.

В результате этой операции Савченко получил повышение, через год его перевели в Москву и назначили заместителем Молотова в Комитете информации...

В ноябре 1949 года украинский писатель Ярослав Галан, который яростно разоблачал связи украинских иерархов Униатской церкви с гитлеровцами и Ватиканом, был зарублен гуцульским топориком в своей квартире во Львове. Последовавшие за этим события мой отец описывал так:

«После ликвидации Ромжи, примерно год, у меня не было никаких контактов с Абакумовым, но однажды около четырех часов утра раздался телефонный звонок.

— В десять будьте готовы для выполнения срочного задания. Вылет из Внукова.

В аэропорт я прибыл вместе с Эйтингоном, который провожал меня. Здесь уже ждал генерал-лейтенант Селивановский, заместитель Абакумова. Лишь когда мы подлетали к Киеву, он сказал: конечная цель нашего пути — Львов. Однако густой туман помешал самолету приземлиться во Львове, и он вернулся в Киев, откуда мы уже поездом выехали во Львов. По дороге Селивановский рассказал о злодейском убийстве Галана бандеровцами. Товарищ Сталин, по его словам, крайне неудовлетворен работой органов безопасности по борьбе с бандитизмом в Западной Украине. В этой связи мне приказано сосредоточиться на розыске главарей бандеровского подполья и их ликвидации. Это было сказано непререкаемым тоном. Мне стало ясно: мое будущее ставилось в зависимость от выполнения этого задания.

Во Львове мы сразу же попали на партактив, который проводил Хрущев, специально прибывший из Киева, чтобы взять под личный контроль розыск убийц Галана. На совещании у меня с Хрущевым возник спор. Он был явно не в духе: над ним висела угроза сталинской опалы из-за того, что не удалось положить конец разгулу бандитизма в Западной Украине.

Я еще больше вывел его из себя, когда возразил против предложения ввести для жителей Западной Украины специальные паспорта. Хрущев также предложил мобилизовать молодежь на работу в Донбасс и на учебу в фабрично-заводские училища Восточной Украины и таким своеобразным методом лишить бандеровские формирования пополнения. Я твердо заявил, что введение особых паспортов и фактическое переселение молодежи, с тем чтобы оборвать всякую связь с националистически настроенными родителями и друзьями, — явная дискриминация; это может еще больше ожесточить местное население. Что касается молодежи, то, уклоняясь от насильственной высылки, она наверняка уйдет в леса и вольется в ряды вооруженных бандитских формирований. Хрущев раздраженно сказал, что это не мое дело, поскольку моя задача сводится к одному — обезглавить руководство вооруженного подполья, а другие вопросы будут решать те, кому положено.

Мое вмешательство, однако, оказалось весьма своевременным, и идея насчет специальных паспортов была похоронена, а планы мобилизации молодежи осуществились частично — только на учебу в ФЗУ. Объявленная вскоре амнистия распространялась на тех, кто согласится добровольно сдать оружие в отделение милиции или в местные органы безопасности: этот шаг оказался особенно эффективным, и уже в первую неделю нового, 1950 года оружие сдали восемь тысяч человек. В подавляющем большинстве их действительно не преследовали. Кстати, как нам удалось выяснить, из этих восьми тысяч примерно пять составляли молодые люди от пятнадцати до двадцати лет, которые бежали из дома в банды после того, как прослышали насчет принудительного труда на шахтах Донбасса.

По нашим сведениям, вооруженное сопротивление координировалось также Шухевичем. С 1943 по 1950 год он возглавлял бандеровское подполье на Украине. Этот человек обладал незаурядной храбростью и имел опыт конспиративной работы, что позволило ему еще и через семь лет после ухода немцев заниматься активной подрывной деятельностью. В то время как мы разыскивали его в окрестностях Львова, он на-

ходил в кардиологическом санатории на берегу Черного моря под Одессой. Потом, как нам стало известно, он объявился во Львове, где встретился с несколькими видными деятелями культуры и даже послал венок от своего имени на похороны одного из них. Его рискованный жест вызвал разговоры в городе, и наш агент, бывшая актриса театра «Березиль» в Харькове, писавшая для «Известий», подтвердила присутствие Шухевича в районе Львова. Нам, в свою очередь, удалось установить личность четырех его телохранителей-женщин, которые одновременно были и его любовницами.

В то время вооруженное сопротивление советской власти пользовалось поддержкой населения, проживавшего в районе Львова. Вместе с Лебедем, в прошлом крупным деятелем ОУН, мы отправились в глухую деревню на Львовщине. Там разыскали родственников Лебеда — двое его племянников руководили местной бандитской группой. Ранее двоюродный брат Лебеда был застрелен бандеровцами за то, что согласился стать председателем колхоза, хотя им было прекрасно известно, что его дочь и двое сыновей — активные участники антисоветского подполья. Лебедь хотел убедить их отказаться от вооруженной борьбы. Дочь застреленного председателя колхоза, несмотря на потрясение, считала гибель отца возмездием за то, что он пошел на сотрудничество с советской властью.

Во Львове я оставался полгода — развязка хоть и была неизбежной, но, как это часто бывает, все равно оказалась неожиданной. Шухевич слишком уж полагался на свои старые связи военного времени и ослабил бдительность. Между тем мы вышли на семью Горбового, адвоката и влиятельного участника бандеровского движения. Как оказалось, Горбовой и его семья хотели идти на компромисс с советской властью и не желали лично участвовать в убийствах. Я сумел найти подход к Горбовому и его друзьям и предложил от имени советского руководства: войну нужно как можно скорее закончить и вернуть людей к нормальной жизни. Я обещал хлопотать об освобождении племянницы Горбового из лагеря в России, куда ее отправили только за то, что она была его родственницей. Свое обещание я сдержал — после моего звонка лично Абакумову племянницу Горбового тут же освободили и на самолете доставили во Львов.

В ответ Горбовой указал нам места, где мог скрываться Шухевич. К тому времени нам удалось перетянуть на свою сторону и связного Шухевича, игрока местной футбольной команды «Динамо». Горбовой и его единомышленник акаде-

мик Крипьякевич, сын которого активно участвовал в бандеровском движении, раскаялись и публично заявили об ошибочности своих политических взглядов; они не были репрессированы.

Шухевич между тем совершил еще одну роковую ошибку. Когда в доме, где он жил с одной из своих телохранительниц, Дарьей Гусяк, появился милиционер для обычной проверки документов, нервы его сдали. Шухевич застрелил милиционера, и все трое — он сам, Дарья и ее мать — бежали. Наши поиски привели в глухую деревушку, где мы нашли только мать Дарьи. Шухевича там не было, но присутствие этой женщины указывало, что далеко уйти он не мог. Позднее, когда Дарья была арестована, она показала, что умолила Шухевича не убивать мать: у нее был деревянный протез, и он боялся, что с ней будет трудно бежать. Тогда-то они и оставили ее в деревне.

Наша группа по захвату Шухевича расположилась в доме, где жила мать Дарьи. Довольно скоро там появилась молодая симпатичная студентка-медичка из Львова, племянница Дарьи. Она приехала повидаться с родными и выступить, как она сказала, по поручению институтского комитета комсомола с беседами о вреде национализма. Во время нашего дружеского разговора (я представился новым заместителем председателя райисполкома), отвечая на мой осторожный вопрос, где находится сейчас ее тетя, девушка ответила, что она живет в общежитии ее института и время от времени навещает ее в Лесную академию, куда собирается вскоре поступать.

Группа наружного наблюдения быстро установила, в какую «академию» ходит Дарья: она совершала регулярные поездки в деревню под Львовом, где часами оставалась в кооперативной лавке. Это заставило нас предположить, что там в это время бывает Шухевич. К несчастью, молодые офицеры, проводившие слежку в марте 1950 года, были малоопытными и для прикрытия пытались за ней ухаживать. Когда лейтенант Ревенко протянул Дарье руку и сказал по-украински, что хотел бы поближе познакомиться с такой очаровательной женщиной, она почувствовала ловушку и, не долго думая, в упор застрелила его. Ее тут же схватили, но не мои люди, а местные жители, ставшие свидетелями совершенного на их глазах убийства.

Моим людям удалось отбить ее у толпы и отвести в местное отделение МГБ. Через полчаса старший группы, мой ближайший помощник, был уже там, он немедленно приказал

распустить на базаре слух, что женщина убила лейтенанта и застрелилась на любовной почве. Дарья была надежно изолирована, а я, генерал Дроздов и двадцать оперативников окружили сельпо, чтобы блокировать возможные пути бегства Шухевича. Дроздов потребовал от Шухевича сложить оружие — в этом случае ему гарантировали жизнь.

В ответ прозвучала автоматная очередь. Шухевич, пытаясь прорвать кольцо окружения, бросил из укрытия две ручные гранаты. Завязалась перестрелка, в результате которой Шухевич был убит.

После смерти Шухевича движение сопротивления в Западной Украине пошло на убыль и вскоре затихло. Нам удалось выяснить, что Шухевич создал весьма опасную агентурную сеть. За полгода до описываемых событий, в июне 1949 года, Дарья, как оказалось, две недели жила в Москве в гостинице «Метрополь» по паспорту на чужое имя. У нее в номере хранились взрывные устройства. В течение этих двух недель она неоднократно посещала Красную площадь в поисках подходящей «мишени». Предполагалось, что этот взрыв произведет впечатление на Западе и ООН получит финансовую поддержку».

Архивные материалы бандеровского движения были тайно вывезены националистами из Львова в Ленинград и спрятаны в отделе редких рукописей Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Крах «украинской эпопеи» наступил через год. Чекистским органам и лично Хамазюку, оперативнику из группы отца, удалось заслать агента в сохранившийся еще отряд бандеровцев, перебравшийся к тому времени с Украины в Чехословакию, а оттуда в Германию. Британская разведка, выйдя на этих людей, перевезла их в Англию для обучения подрывной деятельности. Наш человек был представлен бандеровцам как один из близких Шухевичу активистов. Находясь в Мюнхене, он поддерживал контакты с Центром, но как только группа перебравлась в Англию, было решено пока не рисковать и не выходить с агентом на связь. Оуновские вожаки за рубежом сильно тревожились из-за отсутствия радиосвязи с Шухевичем. Они, поддерживаемые англичанами, решили направить на Украину начальника оуновской службы безопасности Матвиейко. Ему поручалось узнать о судьбе молчавшего Шухевича и активизировать подпольное движение. Тут же было дано указание нашему аген-

ту отправить зашифрованную открытку в Германию по указанному адресу с сообщением о маршруте группы Матвиейко.

Предполагалось, что эмиссары Бандеры высадутся в районе города Ровно. Наша служба противовоздушной обороны получила указание не сбивать британский самолет, который и должен был, взяв группу Матвиейко, лететь с Мальты, а затем сбросить всех на парашютах под Ровно. Это было сделано не только с целью защиты нашего агента, находившегося в составе группы диверсантов, но и потому, чтобы захватить всех живыми.

Членов группы тепло встретили на явочной квартире люди Райхмана, заместителя начальника контрразведки, искусно сыгравшие роль подпольщиков, которых рассчитывал застать там Матвиейко. После выпивки — в спиртное было подмешано снотворное — «гости» мирно уснули и проснулись уже во внутренней тюрьме областного управления МГБ.

Все это происходило в мае 1951 года.

«В три часа ночи, — вспоминает отец, — в моей квартире раздался телефонный звонок. Звонил секретарь Абакумова: мне надлежало срочно явиться в кабинет министра. У Абакумова шел допрос Матвиейко, который проводили сам министр и его заместитель Питовранов. Вначале я выступил в роли переводчика, поскольку Матвиейко говорил только на западноукраинском диалекте. Допрос продолжался два часа. Затем Абакумов приказал мне самому заняться Матвиейко. Я работал с ним примерно месяц. Это были не допросы, а беседы, то есть протоколы не велись.

Наши беседы проходили в кабинете начальника внутренней тюрьмы Миронова, где Матвиейко имел возможность даже смотреть телевизор. Помню, как его поразила опера «Богдан Хмельницкий» на украинском языке. Этот спектакль шел в рамках декады украинского искусства в Москве. Ни в Польше, ни в Западной Украине Матвиейко никогда не бывал на оперных спектаклях, исполнявшихся на его родном языке. Ему это казалось невероятным, и чтобы убедить его окончательно в подлинности увиденного, я взял Матвиейко с собой в театр на украинскую декаду, правда, в сопровождении «эскорта».

После бесед со мной он убедился, что кроме, быть может, фамилий нескольких второстепенных агентов, нам, по существу, было известно все об украинской эмигрантской органи-

зации и бандеровском движении. Он был потрясен, когда я стал излагать биографии всех известных ему руководителей украинских националистов, приводить подробности их личной жизни, рассказывать об их взаимных распрях. Заверив Матвиейко, что не собираюсь его вербовать, я объяснил: самое главное для нас — прекратить вооруженную борьбу в Западной Украине. С разрешения Абакумова я позвонил Мельникову, первому секретарю Компартии Украины, сменившему на этом посту Хрущева, и попросил принять Матвиейко в Киеве и показать ему, что Украина, и в частности Западная Украина, — это не оккупированная русскими территория, а свободные земли, где живут свободные люди.

С Матвиейко я больше не встречался. В Киеве его поместили на конспиративной квартире под домашний арест, при этом дали возможность свободно передвигаться по городу. Затем его перевели во Львов, где он жил в особняке. Оттуда он и сбежал. Какой тут поднялся переполох в Киеве и Москве! Был объявлен всесоюзный розыск. Министр госбезопасности Украины немедленно приказал арестовать всех, кто отвечал за охрану Матвиейко. Оказалось, что ушел он весьма просто: вышел из ворот особняка, попрощался с охранником, который за прошедшие десять дней привык к тому, что Матвиейко свободно приходит и уходит (правда, в сопровождении офицеров госбезопасности), и не остановил его, хотя никакого сопровождения на сей раз не было.

Эти дни он жил на квартире своего старого знакомого, не связанного с бандеровцами. Матвиейко сказал ему, что приехал из Москвы по делам и поживет у него недолго. За это время он обошел бандеровские явки и проверил львовские связи, о которых не дал никаких показаний в Москве. К своему ужасу, он обнаружил, что их агентурная сеть не существует: два адреса оказались неверными, а люди, связанные с подпольем, были вымышленными. Все это было фантазией составителей отчетов о дутых успехах бандеровского движения, посылавшихся в штаб-квартиры ОУН в Лондоне и Мюнхене. Матвиейко был достаточно опытным разведчиком, чтобы понять: оставшиеся явки наверняка находятся под наблюдением советской контрразведки, их сохранили только для того, чтобы использовать в качестве ловушек для незадачливых визитеров из-за рубежа.

Через три дня Матвиейко сам сдался органам безопасности во Львове. На пресс-конференции, устроенной украинским руководством, он выступил с осуждением бандеровско-

го движения. Используя свой авторитет, Матвиейко призвал эмиграцию и оуновцев, сражавшихся в бандитских отрядах, к примирению. Впоследствии он начал новую жизнь — работал бухгалтером, женился, вырастил троих детей и мирно скончался в 1974 году».

История с Матвиейко приобретает новое звучание в свете провозглашения украинской независимости. На Западе никогда не отдавали себе отчета в том, что после революции 1917 года Украина впервые в своей истории обрела государственность в составе Советского Союза. Подлинный расцвет наступил в национальном искусстве, литературе, системе образования на родном языке, что совершенно невозможно было представить ни при царизме, ни при австрийском и польском господстве в Галиции.

Украинских партийных руководителей, в отличие от их коллег из других союзных республик, в Москве всегда встречали с особым почетом, и они оказывали существенное влияние на формирование внутренней и внешней политики кремлевского руководства. Украина была постоянным резервом выдвижения кадров на руководящую работу в Москве. Украинская компартия имела свое Политбюро, чего не было ни в одной республике, состояла членом Организации Объединенных Наций. До 1992 года Украина не являлась полностью независимым государством, но вес, который имела Украина, укрепление ее престижа в СССР и за рубежом стали прелюдией к обретению ею совершенно нового статуса независимого государства после распада Советского Союза.

В 1946 или 1947 году вооруженные отряды курдов под командованием муллы Мустафы Барзани вступили в бои с шахскими войсками, перешли границу СССР с Ираном и оказались на территории Азербайджана.

Эти события отец описывает так: «Барзани я был представлен как Матвеев, заместитель генерального директора ТАСС и официальный представитель советского правительства. Впервые в своей жизни встречался я с настоящим вельможей-феодалом. Вместе с тем Барзани произвел на меня впечатление весьма проницательного политика и опытного военного руководителя. Он сказал, что за последние сто лет курды поднимали восемьдесят восстаний против персов, иракцев, турок и англичан и более чем в шестидесяти случаях обращались за помощью к России и, как правило, ее получали. Поэтому, по

его словам, с их стороны вполне естественно обратиться к нам за помощью в тяжелое для них время, когда иранские власти ликвидировали Курдскую республику.

Незадолго до этих событий руководители иранских курдов-повстанцев попали в устроенную шахом ловушку: они были приглашены в Тегеран для переговоров, схвачены там и повешены. Лишь Барзани избежал этой участи. Когда шах пригласил на переговоры самого Барзани, тот ответил, что придет только в том случае, если шах пришлет членов своей семьи в качестве заложников в его штаб-квартиру. Пока проходили предварительные переговоры с шахом, Барзани перебросил большую часть своих сил в северные районы Ирана, ближе к советской границе. Мы же, со своей стороны, были заинтересованы в использовании курдов в проводимой нами линии по ослаблению английского и американского влияния в странах Ближнего Востока, граничащих с Советским Союзом. Я объявил Барзани, что советская сторона согласилась, чтобы Барзани и часть его офицеров прошли спецобучение в наших военных училищах и академии. Я также заверил его, что расселение в Средней Азии будет временным, пока не созреют условия для их возвращения в Курдистан.

Абакумов запретил мне сообщать руководителю Компартии Азербайджана Багирову о содержании переговоров с Барзани и особенно о согласии Сталина предоставить возможность курдским офицерам пройти подготовку в наших военных учебных заведениях.

Дело в том, что Багиров стремился использовать Барзани и его людей для дестабилизации обстановки в Иранском Азербайджане. Однако в Москве полагали, что Барзани сможет сыграть более важную роль в свержении проанглийского режима в Ираке. И кроме того, что особенно важно, с помощью курдов мы могли надолго вывести из строя нефтепромыслы в Ираке, имевшие тогда исключительно важное значение в снабжении нефтепродуктами всей англо-американской военной группировки на Ближнем Востоке и в Средиземноморье.

После переговоров с Барзани я вылетел в Ташкент и проинформировал узбекское руководство о его предстоящем приезде. Затем возвратился в Москву.

Барзани вместе со своими разоруженными отрядами и членами их семей был отправлен в Узбекистан. Через пять лет, в марте 1952 года, меня послали в Узбекистан для встречи с Барзани под Ташкентом, чтобы разрешить возникшие про-

блемы. Барзани не устраивало положение пассивного ожидания и отношение местных властей. Он обратился к Сталину за помощью и потребовал выполнения ранее данных ему обещаний. Он настаивал на формировании курдских боевых частей. Барзани хотел также сохранить свое влияние на соплеменников, расселенных по колхозам вокруг Ташкента, и контроль над ними.

Встреча с Барзани состоялась на правительственной даче. Моим переводчиком был майор Земсков, он так же, как и Барзани, бегло говорил по-английски. Барзани рассказал мне, как американцы и англичане хотели подкупить его для проведения акции давления на иракское, иранское и турецкое правительства.

Разработанный мною по поручению нового министра госбезопасности Игнатьева план заключался в том, чтобы сформировать из курдов специальную бригаду — полторы тысячи человек — для диверсионных операций на Ближнем Востоке. Ее можно было использовать и для намечавшегося свержения правительства Нури Саида в Багдаде, что серьезно подорвало бы влияние англичан во всем Ближневосточном регионе. (При помощи курдов это удалось осуществить в 1958 году, когда я уже сидел в тюрьме.) Курды также должны были играть определенную роль в наших планах, связанных с выведением из строя нефтепроводов на территории Ирака, Ирана и Сирии в случае вспышки военных действий или прямой угрозы ядерного нападения на СССР.

Барзани выразил согласие подписать соглашение о сотрудничестве с советским правительством в обмен на наши гарантии содействия в создании Курдской республики, которую Барзани видел прежде всего в районе компактного проживания курдов на стыке границ Северного Ирака, Ирана и Турции.

Выслушав Барзани, я ответил, что не имею полномочий обсуждать соглашение такого рода. Однако мы не возражали против создания курдского правительства в изгнании. Сопровождавший меня ответственный сотрудник Международного отдела ЦК партии Маньчха, участвовавший в переговорах, предложил создать демократическую партию Курдистана во главе с Барзани. По замыслу Маньчхи, партия должна была координировать деятельность представителей правительства Барзани во всех районах проживания курдского населения. Штаб-квартира партии могла бы, по его словам, разместиться в правлении колхоза, находившегося километрах в пятнадцати от Ташкента.

Я не вмешивался в этот разговор, но слушал внимательно. Когда беседа закончилась, Барзани пригласил меня на встречу с офицерами своего штаба. При нашем появлении человек тридцать, находившихся в комнате, вытянулись по стойке «смирно». Затем, как по команде, все они упали на колени и поползли к Барзани, моля позволить им поцеловать край его одежды и сапоги. Естественно, что все иллюзии насчет демократического Курдистана, которые я до тех пор мог питать, тотчас испарились. Мне стало совершенно ясно, что это еще одна идеологическая инициатива, возникшая в недрах ЦК на Старой площади.

В апреле 1952 года Барзани, окруженный членами своей семьи и соплеменниками, обосновался в большом колхозе под Ташкентом. В Москве было решено, что курдам предоставят статус автономного района. Министерству госбезопасности предписывалось организовать для курдов военное обучение и оказывать содействие в установлении связей с зарубежными соотечественниками. Наши попытки внедрить в окружение Барзани своих людей и завербовать кого-либо из курдов были успешно блокированы их службой безопасности. Правда, Земскову, имевшему немалый опыт общения с курдами, удалось завербовать одного младшего офицера, учившегося в нашей Военной академии, но после возвращения в Ташкент он вскоре бесследно исчез. Отыскать его мы так и не смогли и пришли к выводу, что его ликвидировали по приказу Барзани.

Весной 1953 года со мной произошел курьезный случай, нарушивший правила конспирации. Барзани посещал лекции в Военной академии, в которой занимался и я. Однажды он увидел меня там в форме генерал-лейтенанта. Хитро подмигнув мне, он через своего переводчика, молодого лейтенанта, сказал:

— Рад иметь дело с представителем советского правительства в столь высоком воинском звании.

Я, со своей стороны, в ответ пожелал ему успехов в освоении военных дисциплин.

В последний раз я случайно встретил Барзани накануне своего ареста на улице Горького. Я был в штатском. Он заметил меня и хотел, по-видимому, подойти, но мне эта встреча при моем положении была ни к чему, и я предпочел сделать вид, что не увидел его, и поскорее затерялся в толпе.

Барзани был достаточно умен, чтобы понять: будущее курдов зависит от того, как удастся сыграть на противоречиях между сверхдержавами, имеющими свои интересы на Ближнем

Востоке. Бросая ретроспективный взгляд, видишь, что сверхдержавы вовсе не стремились к справедливому решению курдской проблемы. Судьбу Курдистана с точки зрения его интересов никогда не рассматривали в Кремле, как, впрочем, и в Лондоне, и Вашингтоне. И Запад, и нас интересовало одно — доступ к месторождениям нефти в странах Ближнего Востока, как ни цинично это выглядит. Суслов, которому позднее поручили заниматься курдским вопросом, обещал Барзани всестороннюю поддержку в борьбе за автономию только ради того, чтобы с помощью курдов свергнуть Нури Саида в Ираке. Американцы, со своей стороны, также обещали Барзани поддержку, чтобы с его помощью свергнуть проанглийское руководство в Ираке и заменить его своими ставленниками, но в критический момент заняли выжидательную позицию, договорившись с англичанами. Словом, судьбой курдов играли как могли».

В 40—50-х годах у кремлевского руководства была цель использовать движение курдов в конфронтации с Западом в обстановке «холодной войны». Идея создания Курдской республики позволила СССР проводить политику, направленную на ослабление британских и американских позиций на Ближнем Востоке, но широкие слои курдского населения были безразличны к действиям, направленным против англичан и американцев в этом регионе.

До второй половины 50-х годов курды были единственными союзниками Москвы на Ближнем Востоке. Когда режим Нури Саида был свергнут в результате военного переворота при поддержке СССР, мы приобрели таких союзников, как Ирак, Сирия, Египет, которые с точки зрения геополитических интересов Советского Союза были куда важнее, чем курды. Ирак и Сирия стали играть главную роль в нашей ближневосточной политике и противостоянии Западу в этом беспокойном регионе.

Трагедия самого Барзани и его народа заключалась в том, что в интересах СССР и Запада (до известной степени также арабских государств и Ирана) курдов рассматривали как своего рода устрашающую силу в регионе или разменную монету в конфликтных столкновениях турецких, иранских и иракских правителей.

Разумным решением курдской проблемы, как считал отец, могло бы стать предоставление международных гарантий автономии, какой бы ограниченной она ни бы-

ла. По существу, никто ни на Западе, ни в странах Арабского Востока не хотел, чтобы нефтяные месторождения Мосула оказались на территории независимого курдского государства и под его контролем.

В 1963 году, когда у нашей страны возникли осложнения с правительством Касема и сменившими его иракскими националистами, отец, находясь в тюрьме, посылал оттуда свои предложения по возможным контактам с Барзани и был уведомлен, что его предложения приняты. Курдам направили помощь — вооружение и боеприпасы, — чтобы они защитили свои земли от карательных экспедиций иракской армии. Однако наши попытки сделать курдов своими стратегическими союзниками, чтобы иметь возможность влиять на события в Ираке, не увенчались успехом.

Глава 20

ТАЙНА «ЛАБОРАТОРИИ-Х»

Имя Рауля Валленберга, шведского дипломата, широко известного в мире благодаря своей деятельности по спасению евреев во время второй мировой войны и исчезнувшего в 1945 году, составляет одну из тайн XX века, до сих пор не раскрытых.

Известно, что Валленберг был задержан военной контрразведкой СМЕРШ в 1945 году в Будапеште и тайно ликвидирован, как предполагает мой отец, во внутренней тюрьме МГБ в 1947 году.

Прошло почти полвека в бесплодных расследованиях; проводимых как официальными лицами из КГБ, так и журналистами, но дело Валленберга так и не обнаружено.

Недавно найдено письмо начальника Разведуправления НКГБ СССР Фитина в адрес СМЕРШ, арестовавшей Валленберга, с требованием передать его в распоряжение разведки в оперативных целях. Однако Абакумов это представление отклонил, стремясь, видимо, приписать лавры успешной работы с Валленбергом своему аппарату.

Рауль Валленберг принадлежал к известному семейству финансовых магнатов, которое поддерживало с на-

чала 1944 года тайные контакты с представителями советского правительства. Хотя моему отцу и не поручалось разрабатывать Валленберга и его связи с немецкими и американскими спецслужбами, он хорошо знал о вкладе, который внесла семья Валленберг при заключении сепаратного мира с Финляндией. Характер донесений военной контрразведки о Рауле Валленберге и о контактах всей семьи говорил о том, что дипломат — подходящий объект для вербовки или роли заложника. Арест Валленберга, допросы, обстоятельства гибели — все подтверждает, что была попытка завербовать его, но он отказался сотрудничать с НКВД. Возможно, страх, что неудачная попытка вербовки станет известна, если отпустить Валленберга на свободу, и заставил ликвидировать его.

Мой отец в своих воспоминаниях не обошел вниманием Валленбергов и описал интерес к ним советской разведки следующим образом: «В годы войны наша резидентура в Стокгольме получила указание найти влиятельных людей в шведском обществе, которые могли бы стать посредниками при проведении переговоров с финнами о заключении сепаратного мира. Вот тогда мы и установили контакты с семейством Валленберг.

Сталин был озабочен тем, что Финляндия, союзник Германии с 1941 года, может подписать мирный договор с американцами, не учтя наших интересов в Прибалтике. Американцы, в свою очередь, опасались, что мы оккупируем Финляндию. Однако такой необходимости у нас не было: нам был важен нейтралитет ближайшей соседней страны, чтобы использовать его в своих интересах через агентов влияния в главных политических партиях Финляндии. Эти люди соглашались сотрудничать с нами, если мы обеспечим нейтралитет Финского государства. Кроме того, они хотели играть роль посредника между Востоком и Западом.

Знаменательно, что в 70—80-е годы финскому примеру стремились последовать влиятельные политические круги в Польше, Болгарии, Румынии, Чехословакии, Венгрии, а также в Прибалтийских республиках, выступавшие за возрождение своей государственной независимости. Эти попытки обе стороны — предпринимавшие и препятствовавшие им — называли финляндизацией».

Отец вспоминал, как в 1938 году, за год до начала советско-финской войны, Сталин распорядился о пере-

даче двухсот тысяч долларов для политической поддержки финской партии мелких хозяев, чтобы она сыграла определенную роль в формировании позиции правительства по урегулированию пограничных вопросов. Деньги финнам передал полковник Рыбкин, бывший тогда первым секретарем советского посольства в Финляндии и известный там под фамилией Ярцев. Выше я уже говорил, что Борис Рыбкин и его жена Зоя Рыбкина (Воскресенская) были близкими друзьями наших родителей и всегда, когда выдавался случай, бывали у нас дома и на даче.

Так вот, И. В. Сталин лично инструктировал Рыбкина, как разговаривать с политическими деятелями, получившими от нас деньги, а также и по вопросу о подготовке секретных переговоров с представителями финского правительства с целью заключения пакта о ненападении и сотрудничестве, планировавшихся с участием доверенного лица советского правительства, лично известного Маннергейму. Этим доверенным лицом был граф Игнатьев, автор книги «Пятьдесят лет в строю», знавший Маннергейма по Академии Генштаба царской армии.

Переданные Ярцевым (Рыбкиным) предложения финскому правительству Маннергейм отверг, однако проинформировал Гитлера о необычном предложении советской стороны. Таким образом, германское руководство, принимая решение о начале переговоров с нами по заключению пакта о ненападении, прекрасно знало, что их предложение не может рассматриваться Москвой как совершенно неожиданное и неприемлемое.

В годы войны Рыбкины руководили нашей резидентурой в Стокгольме. Одна из их задач заключалась в поддержании контактов с агентурной сетью «Красной капеллы» в Германии через шведские каналы. Большой объем работы выпал на долю Зои Ивановны. В дипломатических кругах Стокгольма и Москвы эту русскую красавицу хорошо знали. Она блистала не только красотой, но и прекрасным знанием немецкого и финского языков. Рыбкин, высокий, прекрасно сложенный, обаятельный человек, обладал тонким чувством юмора и был великолепным рассказчиком. Супруги пользовались большой популярностью среди дипломатов в шведской столице, что позволило им быть в курсе зондажных попыток немцев выяснить возможности сепаратного мир-

ного соглашения с Соединенными Штатами Америки и Великобританией без участия Советского Союза. Кстати, немецкая разведка в провокационных целях распространяла в Стокгольме в 1943—1944 годах слухи о возможных секретных переговорах между СССР и Германией о сепаратном мире без участия американцев и англичан. Стилль работы нацистского руководства иногда не отличался особой гибкостью. В решении политических задач они могли идти и напролом.

Рыбкины принимали активное участие в подготовке и оформлении секретных экономических соглашений. В 1942 году с помощью нашего агента, известного шведского актера и сатирика Карла Герхарда, им удалось заключить бартерную сделку: мы получили высококачественную шведскую сталь, крайне необходимую для самолетостроения, в обмен на платину. Нейтралитет Швеции был грубо нарушен, но банк, осуществивший эту сделку, получил солидную прибыль. Контрольным пакетом акций банка владела семья Валленберг.

«Карл Герхард, — читаем мы в воспоминаниях моего отца, — поддерживал дружеские отношения с дядей Рауля Маркусом Валленбергом и по утвержденному в Москве плану представил ему на приеме Зою Рыбкину. Зоя очаровала Маркуса Валленберга. Они встретились еще раз на уик-энде в роскошном отеле, принадлежавшем семейству Валленберг под Стокгольмом. Разговор шел о том, как можно устроить встречу дипломатов двух стран — СССР и Финляндии, — находящихся в состоянии войны, на которой они могли бы обсудить заключение сепаратного мирного договора. Зоя Рыбкина сказала Валленбергу, что необходимо довести до сведения финнов: советская сторона гарантирует полную государственную независимость по окончании войны, но ввиду продолжения военных действий на Балтийском театре рассчитывает получить право на ограниченное военное присутствие в портах Финляндии и ограниченное размещение военно-морских и военно-воздушных баз на ее территории.

Семейство Валленберг, в свою очередь, имело финансовые интересы в Финляндии и было очень заинтересовано в мирном урегулировании советско-финских отношений.

Всего неделя понадобилась Маркусу Валленбергу, чтобы организовать встречу Зои с представителем финского правительства Юхо Кусти Паасикиви, ставшим позднее президентом, сменив на этом посту Карла Густава Маннергейма. Со-

ветскую сторону на переговорах представляла Александра Коллонтай, наш посол в Швеции, долго остававшаяся первой и единственной женщиной в ранге посла. Только в 70-х годах в ранге посла вновь оказалась женщина — Зоя Миронова, возглавившая советскую миссию при международных организациях, аккредитованных в Женеве.

Консультации продолжались все лето, и наконец 4 сентября 1944 года был заключен мирный договор между СССР и Финляндией.

После того как Рауль Валленберг оказался в наших руках в качестве заложника или объекта возможной вербовки, Сталин и Молотов, вероятно, рассчитывали использовать положение семьи Валленберг для получения выгодных кредитов на Западе».

В 1945 году советское руководство распространило слухи о том, что в Крыму будет создана еврейская автономная республика, куда смогут приехать евреи со всего света, особенно из Европы, пострадавшие от фашизма. Сталин блефовал, преследуя несколько целей. Во-первых, этой приманкой — еврейская республика — он надеялся успокоить британских союзников, опасавшихся, что еврейское государство будет создано в Палестине, которая находилась под их протекторатом. Во-вторых, Сталин стремился выяснить возможности привлечения западного капитала для восстановления разрушенного войной народного хозяйства.

От Берия мой отец получил указание прозондировать американцев по этому вопросу во время бесед с их послом в Москве Гарриманом. В 1945 году он встречался с ним под фамилией Матвеев.

К моменту ареста военной контрразведкой Рауль Валленберг был известен своей деятельностью по спасению и вывозу евреев из Германии и Венгрии в Палестину. В НКВД знали о высокой репутации Валленберга среди руководителей международных сионистских организаций. Арестовать его, как и любого западного дипломата, без прямого указания Москвы было нелегально. Даже если предположить, что он был задержан случайно (в это же время задержали более тридцати дипломатов некоторых европейских стран, почти всех освободили через несколько месяцев в обмен на военнопленных и военнослужащих Советской Армии, оставшихся на Западе), то руководители военной контрразведки в Будапеште должны

были обязательно доложить об этом в Москву. Теперь известно, что приказ об аресте Валленберга подписал Булганин, заместитель Сталина по Наркомату обороны, и приказ был немедленно выполнен.

Бывший коллега моего отца, генерал-лейтенант Белкин, в свое время заместитель начальника СМЕРШ, был знаком с делом Валленберга. Он рассказывал отцу, что в 1945 году фронтовые органы СМЕРШ получили ориентировку на Валленберга, в которой указывалось, что он подозревается в сотрудничестве с германской, американской и английской разведками, и предписывалось установить постоянное наблюдение за ним, отслеживать и изучать его контакты, прежде всего с немецкими спецслужбами.

«О работе Валленберга, — как вспоминал отец, — сообщал наш агент Кутузов (он принадлежал к роду великого полководца), эмигрант, привлеченный к сотрудничеству с советской разведкой еще в начале 30-х годов. Кутузов работал в миссии Красного Креста в Будапеште и участвовал в разработке Валленберга. Согласно сообщениям Кутузова, Рауль Валленберг активно сотрудничал с немецкой разведкой. Кутузов интерпретировал его поведение как двойную или даже тройную игру. Конечно, в таком рискованном деле — спасение евреев — необходимо было поддерживать тесные контакты с официальными лицами и немецкими спецслужбами. Я помню, что Белкин говорил мне о нескольких зафиксированных встречах Валленберга с начальником немецкой разведки Шелленбергом».

Обстоятельства сложились так, что Валленберг оказался в сфере повышенного внимания советских разведорганов. Может быть, как мы уже говорили, через него советское руководство рассчитывало добиться более тесного сотрудничества семейства Валленберг с представителями Москвы в Скандинавских странах, чтобы заручиться доверием международного капитала для получения кредитов. Не исключено, что план вербовки или использования его как заложника в возможной политической игре возник потому, что Валленберг рассматривался как важный свидетель закулисных связей деловых кругов Америки и фашистской Германии, а также спецслужб этих стран в годы войны. Когда союзники достигли тайной договоренности о круге обвинений, которые будут предъявлены руководителям третьего рейха на Нюрн-

бергском процессе, надобность в Валленберге отпала — он был уничтожен.

Отец рассказывал, что Рауля Валленберга задержали (фактически это был арест) в его квартире: к нему явились сотрудники контрразведки и предложили поехать в штаб группы советских войск. Валленберг сказал тогда одному из своих друзей: «Не знаю, кем я буду — гостем или пленником».

В Москву его везли под охраной, но в спальном вагоне обращались как с «гостем», еду приносили из вагона-ресторана. Кутузова также доставили в Москву, отдельно от Валленберга. Вскоре Кутузова, в отличие от Валленберга, освободили из тюрьмы и разрешили ему выехать на Запад, разумеется, с условием продолжать активное сотрудничество с советской разведкой. В конце концов он обосновался в Ирландии, где скончался в 1967 году.

В Москве Валленберга поместили в специальный блок внутренней тюрьмы на Лубянке, где содержались под стражей особо важные лица, которых склоняли к сотрудничеству; если они отказывались — их ликвидировали.

Немецкому отделу разведки НКВД регулярно пересылались протоколы допросов Валленберга. Возможно, следователи запугивали его, обвиняя в связях с гестапо.

Из опубликованных в прессе материалов ясно: Валленберга держали в Москве в двух тюрьмах — во внутренней на Лубянке и в Лефортовской. Сотрудники МГБ—КГБ вспоминают, что после допросов «с пристрастием» в Лефортове Валленберга вновь переводили в специальный блок внутренней тюрьмы на Лубянке.

Отец подробно описывал спецблок внутренней тюрьмы на Лубянке — он скорее напоминал гостиницу. Помещения, в которых содержались заключенные, можно было назвать камерами лишь условно: высокие потолки, нормальная мебель. Еду приносили из столовой и ресторана НКВД, по качеству она, конечно, сильно отличалась от тюремной. Однако место это было зловещим.

В этом здании находилась комендатура НКВД—МГБ, где в 1937—1950 годах приводились в исполнение приговоры в отношении лиц, осужденных к смертной казни, а также тех, кого правительство считало необходимым ликвидировать в особом, то есть несудебном, порядке.

В Варсонофьевском переулке, за Лубянской тюрьмой, располагалась непосредственно подчиненная министру внутренних дел и комендатуре НКВД—МГБ токсикологическая лаборатория и спецкамера при ней.

Токсикологическая лаборатория была создана в 1921 году при Председателе Совнаркома В. И. Ленине, задолго до Берия, и именовалась «Специальным кабинетом». Возможно, что Ленин просил Сталина достать ему яд именно из запасов этой лаборатории-«кабинета». Первым начальником лаборатории в 30-х годах был профессор Казаков, его расстреляли в 1938 году по процессу Бухарина. Научно-исследовательские работы по тематике лаборатории проводились специалистами Института биохимии, возглавляемого академиком Бахом.

Токсикологическая лаборатория в официальных документах именовалась «Лабораторией-Х». Начальник лаборатории, полковник медицинской службы, профессор Майрановский занимался исследованиями влияния смертоносных газов и ядов на злокачественные опухоли. Профессора высоко ценили в медицинских кругах. В 1937 году исследовательская группа Майрановского из Института биохимии была передана в НКВД и подчинялась непосредственно начальнику спецотдела оперативной техники при комендатуре НКВД—МГБ. Комендатура отвечала за охрану здания НКВД, поддержание режима секретности и безопасности и за исполнение смертных приговоров. В 60—70-х годах «Лаборатория-Х» получила название Спецлаборатории № 12 Института специальных и новых технологий КГБ.

В своих воспоминаниях отец рассказывал об этой лаборатории так: «Вся работа лаборатории, привлечение ее сотрудников к операциям спецслужб, а также доступ в лабораторию, строго ограниченный даже для руководящего состава НКВД—МГБ, регламентировались Положением, утвержденным правительством, и приказами по НКВД—МГБ. Ни я, ни мой заместитель Эйтингон не имели допуска в «Лабораторию-Х» и спецкамеру. Непосредственно работу лаборатории курировал министр госбезопасности или его первый заместитель. По поводу этой лаборатории до сих пор ходит много чудовищных слухов.

Проверка, проведенная еще при Сталине, после ареста Майрановского, а затем при Хрущеве в 1960 году, в целях антисталинских разоблачений, показала, что Майрановский и

сотрудники его группы привлекались для приведения в исполнение смертных приговоров и ликвидации неугодных лиц по прямому решению правительства в 1937—1947 годах и в 1950 году, используя для этого яды. Мне известно, что подобного рода акции осуществлялись нашей разведкой за рубежом также и в 60—70-е годы. Об этом также говорил и писал генерал-майор КГБ Олег Калугин».

В архиве моего отца есть также и его заметки о «деле Валленберга»: «Допросы Валленберга вели офицеры разведки, чаще других — подполковник Копелянский, свободно говоривший по-немецки. Его уволили из органов в 1951 году из-за еврейского происхождения. Хотя участие Копелянского в допросах подтверждено документально — его фамилия значится в тюремном журнале регистрации вызова заключенного на допрос к следователю, — он отрицал это и говорил, что не помнит подследственного с таким именем. Однако по этим записям в журнале видно, что именно Копелянский вызывал Валленберга из камеры на допрос за день до его смерти.

Дело Валленберга к началу июля 1947 года зашло в тупик. Он отказался сотрудничать с советской разведкой и был уже не нужен ни как свидетель тайных политических игр, ни как заложник — Нюрнбергский процесс закончился.

Похоже, Валленберг был переведен в спецкамеру «Лаборатории-Х», где ему сделали смертельную инъекцию под видом лечения. Но в то же время руководство страны продолжало уверять шведов, что ничего не знает о местонахождении и судьбе Валленберга. Медслужба тюрьмы не имела ни малейшего представления об этом, и его смерть была констатирована в обычном порядке. Однако министр госбезопасности Абакумов, очевидно осведомленный о подлинной причине смерти Валленберга, запретил вскрытие тела и приказал кремировать его.

Существовала специальная практика кремации тех, кто был уничтожен по особому правительственному решению: вскрытие тела не производилось, прах подлежал захоронению как невостреченный в общей могиле. Позднее власти очень неохотно признали, что прах таких известных людей, как Тухачевский, Якир, Уборевич, Мейерхольд и других, захоронен в этой общей могиле. Крематорий Донского монастыря тогда был единственным, поэтому, возможно, в одной и той же могиле лежит прах моего начальника, друга и наставника Шпигельгласа и одного из руководителей разведки Серебрянского. Весьма вероятно, что прах Валленберга и Берия захоронен там же».

Как следует из воспоминаний бывших сотрудников МГБ—КГБ, журнал специальных записей всех ликвидаций со ссылками на соответствующие решения высших инстанций в запечатанном конверте с надписью «Без разрешения министра не вскрывать» и грифом «Совершенно секретно» после ареста Берия был отправлен Суханову, помощнику Маленкова, заведующему Особым сектором Президиума ЦК КПСС. В 1966 году полковник Студников, сразу же после ареста моего отца сменивший его в должности начальника по разведывательно-диверсионной работе за границей, его заместитель Гудимович и полковник Василевский подтвердили в ЦК, что этот пакет был изъят из сейфа на Лубянке и передан в Особый сектор Президиума ЦК. С тех пор он находится в недрах архивов или уничтожен по указанию высшего руководства, так как содержит свидетельства прямой ответственности за акции, осуществленные «Лабораторией-Х», не только Ежова, Берия, Абакумова, Меркулова, но и высшего руководства страны — Сталина, Молотова, Маленкова, Булганина, Хрущева.

В июне 1993 года «Известия» опубликовали статью Максимовой «Валленберг мертв. К сожалению, доказательств достаточно», а газета «Сегодня» — статью Абаринова «Отмывают не только деньги, но и версии». В обеих статьях приводятся выдержки из документов, касающихся судьбы Валленберга.

Из служебной записки Вышинского, направленной в 1947 году Молотову, явствует, что в конце 1944 года правительство Швеции обратилось в Народный комиссариат иностранных дел СССР «с просьбой взять под защиту первого секретаря шведской миссии в Будапеште Рауля Валленберга».

В 1945 году, в начале января, шведов информировали, что Валленберг обнаружен и взят под защиту советских военных частей. На самом же деле Валленберг был арестован военной контрразведкой в Будапеште.

Через некоторое время шведы уведомили МИД, что среди сотрудников их миссии, выехавших из Будапешта, Валленберга нет, и просили разыскать его. По этому вопросу они направили восемь нот в советские инстанции и сделали пять устных запросов. Посол Швеции в Москве Седерблом в 1946 году обратился к Сталину — и был им принят — с личной просьбой — выяснить судьбу Валленберга.

В свою очередь, МИД тоже несколько раз запрашивал о Валленберге СМЕРШ и Министерство госбезопасности. Наконец в феврале 1947 года МИД был проинформирован, что Валленберг находится в распоряжении МГБ.

В упомянутой выше служебной записке Вышинский писал: «Поскольку дело Валленберга до настоящего времени продолжает оставаться без движения, я прошу Вас обязать тов. Абакумова представить справку по существу дела и предложения о его ликвидации».

Отец замечал по этому поводу, что для него нет сомнений в зловещем смысле последних слов Вышинского. Он не предлагает закрыть дело (тогда была бы другая формулировка — «прекратить дело»), а почти «требует», чтобы Абакумов представил предложения об уничтожении Валленберга как нежелательного лица для советского руководства.

Итак, Вышинский выступил с такой просьбой — это крайне важно, — будучи заместителем Молотова и по разведывательной работе, которая осуществлялась в те годы Комитетом информации. Федотов, который сообщил Вышинскому о том, что Валленберг находится в тюрьме, также в тот период был одним из руководителей Комитета информации.

Резолюция Молотова на записке Вышинского также имеет большое значение: **«Тов. Абакумову. Прошу доложить мне. 18.V.47 г.»**.

Мой отец утверждал, что фактически это было распоряжение заместителя главы правительства и руководителя разведки представить предложения о том, как ликвидировать Валленберга. Такова была обычная практика тех лет. Кстати, не так давно был опубликован и показан по телевидению документ, направленный Сталину и Молотову в 1947 году, касающийся американского гражданина, закордонного агента НКВД Исаака Оггинса, подозревавшегося в двойной игре. Этот документ содержит такую же формулировку.

После того как предложение было рассмотрено, Сталин или Молотов давали свое согласие в устной, а иногда письменной форме. Если в устной, то Абакумов, как было установлено в ходе проверок и следствия по его делу, делал пометку на таких документах: «Согласие тт. Сталина, Молотова получено» — и проставлял дату.

Из официальных документов явствует: Валленберг умер 17 июля 1947 года. Однако 18 августа того же года Вышинский информировал шведского посла о том, что советское правительство не располагает сведениями о Валленберге и что он не мог быть задержан советскими властями, а скорее всего стал случайной жертвой уличных боев в Будапеште. А в январе 1945 года Москва информировала шведов, что Валленберг находится под защитой советских военных частей.

В марте—мае 1956 года в ходе советско-шведских переговоров, проходивших в Москве, шведская сторона предоставила нашему правительству материалы, относящиеся к Раулю Валленбергу. Тогда же ЦК партии принял решение о проверке и выяснении обстоятельств гибели шведского дипломата. Это решение ЦК КПСС до сих пор не опубликовано.

В 1957 году ЦК КПСС утвердил проект меморандума советского правительства о судьбе Валленберга, подготовленный в МИДе (министр иностранных дел Шепилов) и КГБ (председатель Серов).

Советское правительство информировало шведское, что компетентные органы изучили и проверили представленные шведами материалы о Рауле Валленберге. Тщательные поиски в архивах внутренней тюрьмы на Лубянке, Лефортовской, а также Владимирской и других тюрем ничего не дали: сведений о пребывании Валленберга в Советском Союзе не обнаружили. Но в 1947 году эти сведения были: в МИД было сообщено, что Валленберг находится в распоряжении МГБ.

Компетентные органы провели после этого проверку всех архивных документов вспомогательных служб, и в результате в документах медицинской службы внутренней тюрьмы на Лубянке обнаружили рапорт начальника этой службы Смольцова, адресованный бывшему министру госбезопасности Абакумову. В рапорте говорилось, что лично известный министру заключенный Валленберг неожиданно скончался у себя в камере вечером 17 июля 1947 года. Причина смерти — инфаркт.

Заканчивался меморандум, как положено, искренними сожалениями и глубокими соболезнованиями по поводу смерти Рауля Валленберга.

Обращает на себя внимание немаловажная деталь: на рапорте Смольцова от 17 июля 1947 года сделана припи-

ска, что о смерти Валленберга должно лично министру и тело приказано кремировать без вскрытия.

Отец пояснял: «Я полагаю, что уничтожение архивных материалов по делу Валленберга началось в процессе подготовки меморандума. Обусловлено это было, видимо, тем, что непосредственные инициаторы его ареста и убийства — Молотов и Булганин — все еще находились у власти и занимали ведущее положение в руководстве страны. Булганин, подписавший приказ об аресте Валленберга, был главой правительства, а Молотов, отдавший приказ о ликвидации шведского дипломата, входил в состав высшего руководства страны.

Наше правительство официально признало факт ареста Валленберга, заключения его в тюрьму и смерть от «инфаркта» спустя десять лет после его гибели. Оно также заявило, что Рауль Валленберг был незаконно арестован по приказу Абакумова, который за совершенные им преступления, в том числе арест Валленберга, понес самое суровое наказание.

Это была циничная ложь. В ходе судебного процесса и следствия Абакумову такого обвинения не предъявлялось».

До сих пор не найдена в архивах КГБ записка Абакумова Молотову, в которой, вероятно, должны были излагаться суть дела Валленберга и, по-видимому, содержаться роковые для его участи предложения, инициированные Вышинским. Хотя записка не найдена, мой отец предполагал, что следы ее, видимо, могут отыскаться в переписке Министерства госбезопасности и МИДа, председателя КГБ с руководством ЦК КПСС и правительства в указанный период времени. В регистрационном журнале секретариата Молотова имеется кодовый номер, по которому можно проследить прохождение этого документа.

Зато в архивах КГБ, как было заявлено уже осенью 1994 года, удалось найти документ, из которого следует, что председатель КГБ Серов просил Молотова принять его по делу Валленберга в феврале 1957 года, когда готовился проект меморандума шведскому правительству с признанием ареста Валленберга и его смерти.

Не обнаружена пока и записка Серова, известная моему отцу, в которой он должен был сообщить Хрущеву и Булганину о том, что в действительности произошло с Валленбергом прежде, чем был подготовлен официальный меморандум советского правительства.

Отец в своих записях свидетельствует: «Зная повадки Хрущева, я утверждаю, что он сохранил в своем архиве запи-

ску Серова, безусловно содержащую серьезный компромат на Молотова. Для Хрущева эта записка имела существенное значение в обстановке обострившейся борьбы за власть в начале 1957 года, завершившейся, как известно, разгромом так называемой антипартийной группы Молотова, Кагановича, Маленкова и «примкнувшего» к ним Шепилова. Однако в силу неясных для меня причин Хрущев не использовал дело Валленберга против Молотова. Я помню, как следователи весьма настойчиво добивались от меня данных об участии Молотова в секретных сделках с западными промышленниками и дипломатами, и я понимал, что их вопросы далеко не случайны. Однако имя Валленберга тогда не фигурировало.

Серов должен был обязательно обратиться к Хрущеву за разрешением на уничтожение материалов по делу Валленберга. Вполне вероятно, что после этого они и были уничтожены. Причина мне ясна: Молотов в феврале 1957 года был еще в силе и оставался весьма влиятельной фигурой в руководстве. Он, как и другие государственные деятели, имевшие прямое отношение к скандальным и преступным акциям, был заинтересован, чтобы документальные свидетельства исчезли.

Должно сохраниться и другое письмо Серова, в котором он обязан был доложить Хрущеву, что дело Валленберга уничтожено».

Последний раз дело Валленберга расследовалось по приказу Горбачева под наблюдением Бакатина, председателя КГБ. Новое расследование подтвердило, что Валленберг действительно умер в тюрьме. Было также установлено, что его следственно-архивное и тюремное дела уничтожены.

К сожалению, архивы, как и рукописи, увы, горят и уничтожаются. Но следы остаются. Бывают находки совершенно случайные и неожиданные. Так, технический сотрудник в архиве КГБ, не имевший никакого отношения к расследованию дела Валленберга, обнаружил его дипломатический паспорт и личные вещи в пакете, выпавшем из увесистой пачки неразобранных документов.

Отец по этому поводу вспоминал: «После громкого скандала, вызванного выходом в свет моей книги на Западе, я написал в мае 1994 года по просьбе русско-шведской комиссии по делу Валленберга объяснение в учетно-архивный отдел Федеральной службы безопасности. Мой сын (Анатолий. — *Авт.*) беседовал с шведскими представителями: выяснение ис-

тины о деле Рауля Валленберга зависит в немалой степени и от шведской стороны, которая упорно отказывается предать гласности данные его отчетов о контактах с немецкими и американскими спецслужбами в 1941—1945 годах.

Я думаю, что когда-нибудь исследователи все-таки доберутся до наших и зарубежных архивных материалов, как это произошло с катынским делом, и поставят точку в запутанной и трагической истории Валленберга».

Попытка наших властей, надо сказать небезуспешная, скрыть правду о Валленберге напоминает дело о расстреле в 1940 году групп польских военнопленных в Катынском лесу под Смоленском и других местах. Лишь в 1992 году в прессе были опубликованы архивные материалы этого дела, в частности рапорт бывшего председателя КГБ Шелепина об уничтожении документов, связанных с преступной акцией. Стало известно, что Шелепин в 1959 году обращался к Хрущеву, чтобы получить разрешение на их уничтожение. Все это дает основание предполагать, что и с делом Валленберга поступили так же.

Хотя президент Борис Ельцин передал Леху Валенсе документы и дело о польских военнопленных вроде бы уже закрыто, покров тайны все еще не сброшен до конца. В извлеченных из архивов КГБ документах нет сведений, как планировалась и проводилась эта акция. Даже те, кто активно занимался вербовкой польских офицеров, не представляли, какая судьба ожидает военнопленных, отказавшихся сотрудничать с НКВД. Мой отец предполагал, что об этом знал Райхман, имевший отношение к польским делам.

Официальное сообщение правительства гласило, что польские военнопленные, находящиеся в лагерях, попали в руки немцев и были расстреляны. Действительно, некоторые польские офицеры были убиты из немецкого оружия. Тогда многие, и мой отец тоже, поверили этой версии.

«Впервые, — писал отец, — я услышал, что польских военнопленных расстреляли мы, от генерал-майора КГБ Кеворкова, заместителя генерального директора ТАСС в 80-е годы. Он сказал, что Фалин, заведовавший Международным отделом ЦК КПСС, в 70-е годы получил выговор от Андропова за проявленный интерес к катынскому делу и предложение начать новое расследование. Меня поразило, что, по словам Ке-

воркова, в ЦК больше всего были озабочены, как скрыть, что уничтожение польских офицеров было проведено по решению Политбюро».

Говоря о преступном массовом уничтожении польских военнопленных и попытках Хрущева и Горбачева скрыть эту трагедию, надо отметить и то обстоятельство, что, возможно, расстрел поляков в 1940 году был своего рода мщением, сведением счетов с ярыми антисоветчиками, польскими офицерами, за уничтожение сорока тысяч (по разным документам разные цифры) наших военнопленных в польских концентрационных лагерях после поражения Красной Армии в 1920 году под Варшавой. Такой вариант не исключается, поскольку поляки обогрили свои руки кровью многих русских людей, как в Гражданскую войну, так и после нее, не говоря уже о советско-польской войне.

Здесь я считаю необходимым привести следующие выдержки из воспоминаний моего отца: «В 1953 году меня и Эйтингона обвинили в том, что мы организовывали ликвидацию неугодных Берия людей с помощью ядов на специальных конспиративных квартирах, в загородных резиденциях и эти убийства преподносили как смерть от несчастных случаев. Абакумов также обвинялся в уничтожении неугодных ему людей. Вопреки требованиям закона, ни в обвинительном заключении, ни в приговоре по нашим делам не фигурировали имена «наших жертв». И это не было случайностью или результатом небрежной работы следователей, нет, — они свое дело знали. Жертв просто не было, не существовало. В сведении личных счетов Берия и Абакумова с их противниками ни я, ни Эйтингон участия не принимали.

Все тайные ликвидации двойных агентов и политических противников Сталина, Молотова, Хрущева в 1930—1950 годах осуществлялись по приказу правительства. Именно поэтому конкретные боевые операции, проводимые моими подчиненными совместно с сотрудниками «Лаборатории-Х» против врагов, действительно опасных для Советского государства, как тогда представлялось, ни мне, ни Эйтингону в вину не ставили. Абакумову, лично отдававшему приказы от имени правительства о проведении операций, они также не ставились в вину. Берия же в 1945—1953 годах не имел к этим делам никакого отношения и даже не знал о них».

Что касается всей работы «Лаборатории-Х», не только научной, надо полагать, она была хорошо известна как тем, кто занимался расследованием дела Берия и Абакумова, так и правительству и ЦК партии, наблюдавшим и направлявшим ход следствия по этим делам и определявшим его содержание.

В обвинительном же заключении по делу моего отца утверждалось, что именно он наблюдал за работой сверхсекретной токсикологической лаборатории, которая экспериментировала с ядами на приговоренных к смерти заключенных в период с 1942 по 1946 год. Сегодня хорошо известно, что это совершенно не так, поскольку это обвинение было снято при его реабилитации. В архивах ЦК КПСС и КГБ обнаружили утвержденное правительством Положение, регулировавшее всю деятельность этой лаборатории и порядок отчетности о ее работе. «Лаборатория-Х» отцу была неподконтрольна. Он не мог ни отдавать приказы ее начальнику Майрановскому, ни использовать яды против кого-либо, ни тем более проводить с ними эксперименты на людях, хотя эта «басня» пошла гулять после того, как на свет появились показания, выбитые у Майрановского, якобы участника сионистского заговора в МГБ, которого, кстати, никогда не существовало. Словом, вся спекуляция этими «показаниями» шла с целью дискредитировать отца и Эйтингона. Причем делали это люди, прекрасно отдающие себе отчет в том, что использование потерявших юридическое значение показаний против реабилитированных людей выставляет их самих в неприглядном свете.

В 1951 году в МГБ был учинен большой разгром по поводу раскрытия сионистского заговора. Майрановский вместе с Эйтингоном, Райхманом, Матусовым и А. Свердловым были арестованы и обвинены не только в незаконном хранении ядов, но также в том, что они являются участниками сионистского заговора, цель которого — захват власти и уничтожение высших руководителей государства, включая Сталина. Рюмину, который возглавлял следствие по этому делу, удалось выбить фантастические признания у Майрановского (он отказался от них в 1958 году) и заместителя начальника секретариата Абакумова Бровермана. Когда в конце 1952 года Рюмин, будучи заместителем министра госбезопасности Игнатьева, был снят с должности, Следственная часть не могла

представить обвинительное заключение против Майрановского в том виде, как его подготовил Рюмин. Показания начальника токсикологической лаборатории не подкреплялись признаниями врачей, арестованных по делу Абакумова, которые не имели понятия об этой лаборатории.

Никто из арестованных врачей ничего не знал о секретной деятельности Майрановского: он сам проводил эксперименты с ядами на приговоренных к смертной казни в соответствии с установленным правительством и Министерством госбезопасности порядком. Зафиксировать в полном виде признания Майрановского было чрезвычайно рискованно, поскольку он ссылался на указания высших инстанций и полученные им награды. Именно поэтому его дело поступило на рассмотрение во внесудебный орган — Особое совещание при министре госбезопасности. По-видимому, имелись какие-то планы использовать в дальнейшем Майрановского в качестве свидетеля против кого-либо в высшем руководстве. Его оставили в живых и в феврале 1953 года приговорили к десяти годам лишения свободы за незаконное хранение ядов и злоупотребление служебным положением.

Майрановский был осужден незадолго до смерти Сталина. Когда Берия вновь возглавил органы безопасности, Майрановский направил ему огромное количество заявлений-просьб об освобождении, писал о своей невиновности и ссылался на работу под его непосредственным руководством в 1938—1945 годах. Берия, видимо, собирался освободить его, но вскоре сам был арестован. Прокуратура немедленно использовала заявления Майрановского против него самого, против Берия, Абакумова и Меркулова. Теперь Майрановский был представлен как сообщник Берия в его мифических планах ликвидации советского руководства с помощью ядов.

Из книги отца я знаю о четырех фактах ликвидации опасных врагов Советского государства, как тогда таких людей называли, проведенных с участием Майрановского в 1946—1947 годах. Речь тут идет об известных украинских националистах — Шумском и Ромже, а также иностранцах — Самете и Оггинсе.

Самет, польский инженер еврейской национальности, интернированный советскими спецслужбами в 1939 году, занимался сверхсекретными работами по исполь-

зованию трофейного немецкого оборудования на наших подлодках. Это оборудование позволяло лодкам находиться больше времени под водой. Самет связался с англичанами. Его цель была во что бы то ни стало выехать в Палестину. Чтобы внедрить агента в окружение Самета и контролировать его связи с иностранцами, в Ульяновск, где все происходило, был направлен Эйтингон. Приехавший позже Майрановский вместе с агентом, врачом заводской поликлиники, сделал Самету во время профилактического осмотра инъекцию яда кураре.

Что касается Оггинса, то об этом отец пишет так: «Генерал Волкогонов в 1992 году представил в конгресс США список американцев, погибших в Советском Союзе в годы второй мировой войны, а также «холодной», и выразил от имени президента Ельцина сожаление в связи с их гибелью. В этом списке был и Оггинс. Ликвидировали Оггинса, как считает Волкогонов, чтобы он не смог рассказать правду о советских тюрьмах и концлагерях.

На Западе к тому времени было достаточно хорошо известно о ГУЛАГе, и причина, по которой уничтожили Оггинса, не так проста, как писали в наших газетах. Судя по публикации, Оггинс был незаконно арестован НКВД и приговорен Особым совещанием к восьми годам заключения якобы за антисоветскую пропаганду. На самом деле Оггинс приехал в Советский Союз по фальшивому чехословацкому паспорту — об этом в прессе не было ни слова.

Он действительно симпатизировал коммунистическим идеям и являлся негласным членом Компартии США. Оггинс также был старым агентом Коминтерна и НКВД в Китае, на Дальнем Востоке и США. Его жена Нора входила в агентурную сеть НКВД в Америке и Западной Европе и отвечала за обслуживание наших конспиративных квартир во Франции и США в 1938—1941 годах. Оггинса арестовали в 1938 году, подозревая в двойной игре. Его жена вернулась в США в 1939-м. Вначале она считала, что муж находится в Советском Союзе по оперативным соображениям, но потом поняла, что он арестован.

У нас были основания предполагать, что Нора начала сотрудничать с ФБР и другими американскими и японскими спецслужбами. Она попыталась, может быть, по заданию американской контрразведки восстановить прерванные с 1942 года связи с нашей агентурой в Америке. В конце войны Нора Оггинс обратилась к американским властям, чтобы они по-

могли разыскать ее мужа, рассчитывая добиться его освобождения. В период наших хороших отношений с Америкой сотруднику американского посольства в Москве разрешили встретиться с Оггинсом в Бутырской тюрьме, преследуя свои цели — выявить, что известно американцам о его деятельности.

После провала нашей разведывательной сети в США и Канаде в 1946—1947 годах Молотов опасался, что если освободить и Оггинса, то американцы могут привлечь его в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности и использовать как свидетеля против Компартии США. Кроме того, по мнению наших спецслужб, контакты Норы Оггинс с американскими властями и сотрудничество с ФБР уже нанесли серьезный урон нашим агентурным позициям в США и Франции».

Дальнейшее надо понимать так: Абакумов, зная обо всем этом, предложил ликвидировать Оггинса. Решение о ликвидации было принято Сталиным и Молотовым. В 1947 году Майрановский во время медицинского обследования сделал Оггинсу, находившемуся в тюрьме, смертельный укол. Отцу и Эйтингону поручили организовать его похороны на еврейском кладбище в Пензе и оформить дату захоронения 1944 или 1945 годом.

Вспоминая этот случай, отец, как я знаю, испытывал искреннее сожаление. Но тогда, в годы «холодной войны», говорил он, ни мы, ни американцы не задумывались о моральных аспектах ликвидации опасных противников, агентов-двойников.

В 60—70-е годы и в 1990-м прокуратура, КГБ и Комитет партийного контроля при ЦК КПСС расследовали случаи использования ядов в операциях спецслужб. Было установлено, что Майрановский имел отношение к применению ядов спецслужбами в 1937—1947 годах. С 1952 года использование ядов возобновилось уже без участия Майрановского и, как всегда, регламентировалось соответствующими указаниями правительства. Никто из реально руководивших всеми действиями по применению ядов ни из службы комендатуры КГБ, ни из Оперативно-технического управления не был привлечен даже к административной ответственности. Козлами отпущения сделали моего отца и Наума Эйтингона. Эти два заслуженных генерала, много сделавших, с риском для своей жизни, для безопасности СССР, были преданы

анафеме и на долгие годы вычеркнуты из активной жизни. На такую «благодарность» они не рассчитывали. Но, как говорится, от судьбы, от суммы, от тюрьмы не отрекайся.

Мрачная известность лаборатории продолжала волновать воображение советских руководителей. В 1988 году генерал-майор КГБ Шадрин рассказывал отцу, об этом свидетельствуют отцовские воспоминания, что высшее руководство страны, то есть Горбачев, проявляет интерес к практике устранения политических соперников в прежние времена. Именно тогда получили распространение слухи о том, что председатель КГБ Семичастный в 1964 году якобы отказался выполнить нарек-поручение Брежнева по негласной ликвидации Хрущева. Однако Семичастный, по словам Шадрина, отказался представить письменное объяснение по этому вопросу.

Отец пишет: «В 1990 году меня и Олега Калугина вызвали в прокуратуру. Меня допрашивали по делу Оггинса, Калугина — по делу Маркова, болгарского диссидента, убитого в Лондоне, где тот в 1978 году работал на Би-би-си. Калугин подтвердил прокурору то, о чем говорил в своих выступлениях в прессе.

Он, занимая должность начальника Службы внешней контрразведки КГБ, консультировал болгарскую разведку в проведении операции по ликвидации Маркова с помощью яда, полученного из Спецлаборатории, которую раньше возглавлял Майрановский. Марков погиб от укула зонтиком, изготовленным в этой лаборатории.

Участие Калугина в операции, проводимой болгарской разведкой, соответствовало его служебным обязанностям: он отвечал за мероприятия по борьбе с агентурой западных спецслужб за рубежом и должен был оказывать содействие спецслужбам социалистических стран. Марков же считался в то время видным агентом английской разведки. Как мне рассказывали, болгарское правительство наградило Калугина за эту операцию орденом и браунингом. Не так давно Калугин поведал, что получил орден Красного Знамени еще за одну ликвидацию — похищение в Вене советского перебежчика, офицера ВМФ Артамонова, проведенное с использованием токсикологических препаратов, от которых Артамонов умер у него на руках.

Объяснение Калугиным его участия в ликвидации и похищении неудобных советскому правительству людей было аналогично моему. Другой вопрос: для нашей так называемой

«демократической общественности» Калугин — борец за справедливость и права человека, а я, мягко говоря, — одиозная личность.

Калугин и поддерживавшая его пресса справедливо поставили вопрос о контроле над работой токсикологических подразделений спецслужб. Однако, на мой взгляд, дело не только в контроле. Токсикологические лаборатории всегда будут в составе служб технического обеспечения деятельности органов госбезопасности и разведки.

Преступные злоупотребления в этой сфере были установлены и в операциях ЦРУ. В 1977 году Огородник, сотрудник Министерства иностранных дел, являвшийся агентом ЦРУ, покончил жизнь самоубийством, проглотив ампулу с ядом в момент ареста. Однако до этого он с санкции ЦРУ ликвидировал с помощью изготовленного в США яда скрытого действия ни в чем не повинную женщину, советскую гражданку, имевшую некоторые основания подозревать его в шпионаже.

Возникает вопрос: оправданно ли применение наркотиков или ядов в борьбе с терроризмом? Конечно, смертный приговор или уничтожение террориста должны осуществляться в строгом соответствии с требованиями закона. К сожалению, правовые аспекты действий спецслужб в боевой обстановке, например, при вынужденной ликвидации опасных террористов, не разработаны ни у нас, ни за рубежом.

Однако опасность заключается в том, что столь мощное оружие может быть использовано правящим режимом для уничтожения нежелательных людей, политических противников и соперников, как уже было в нашей истории. Разумеется, токсикологическая служба обязана подчиняться строгим правилам и контролироваться. Но, повторяю, дело не только в контроле — важен статус персонала.

Я думаю, что сотрудники токсикологических подразделений спецслужб не должны находиться на действительной военной службе. Это позволит контролировать их действия в рамках реального прокурорского надзора. Не являясь военнослужащими, они не должны будут подчиняться в своих действиях требованиям дисциплинарного Устава Вооруженных Сил, согласно которому приказ начальника является законом для подчиненного, а уголовную ответственность за незаконно отданный воинский приказ несет высшее должностное лицо, его отдавшее. Может быть, это станет какой-то гарантией против злоупотреблений в использовании токсикологических служб в политической борьбе.

То, что я поведал на страницах своей книги, кому-то покажется схематичным, кому-то попыткой скрыть от общественности механизм страшной работы «Лаборатории-Х». Проверка сфальсифицированных против меня обвинений, что я контролировал работу лаборатории и отдавал ее начальнику приказы, показала, что я, как и руководители других самостоятельных служб и управлений МГБ—КГБ, имел самое общее представление о работе лаборатории и никакого участия в деятельности токсикологического подразделения не принимал.

Впервые этот материал, но, естественно, в другой форме, я представил в ЦК КПСС в 60-х годах, в своих заявлениях, добиваясь сначала освобождения из тюрьмы, затем реабилитации. Напрасно так называемые демократические журналы пытаются обвинить меня в том, что я утаиваю невыгодные для себя обстоятельства, но при этом используют факты из моей книги, изданной на Западе, без ссылок на нее (например, публикация Ваксберга о деле Оггинса в «Литературной газете»).

Глава 21

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

В 1942—1945 годах так называемый еврейский вопрос в свете отношений с союзниками приобрел существенное значение во внешней и внутренней политике Советского государства.

В Кремле, как выше уже говорилось, очень рассчитывали получить значительные средства на восстановление народного хозяйства под видом оказания помощи еврейскому населению СССР, пострадавшему от гитлеровского нашествия. Правительство, продолжая старую линию заигрывания с сионистскими кругами, стремилось использовать «палестинский вопрос» в качестве козырной карты в переговорах с англичанами, опасавшимися за свои позиции на Ближнем Востоке и препятствовавшими массовому переселению евреев в Палестину и образованию там еврейского государства.

В начале 1920-х годов, когда советская власть лишь становилась на ноги, среди руководителей всех уровней было немало лиц с еврейскими фамилиями. В то время

не существовало паспортов, так что официально никто не делил людей по национальному признаку.

В 1922—1923 годах в стране были ликвидированы многие еврейские и другие националистические организации и арестованы их руководители. Одной из наиболее активных групп подобного толка была, к примеру, «По-алей Цион» в Одессе, члены этой подпольной организации, сумев нейтрализовать службу наружного наблюдения, заманили нескольких оперработников на заброшенное кладбище и жестоко их избили. Другая подпольная группа, «Хатана», зародилась в Житомире, но по иронии судьбы именно работавшим в этом городе сотрудникам ГПУ — евреям было поручено возглавить операцию против этой еврейской националистической группы.

Среди разгромленных еврейских организаций был и Бунд, входивший в социалистический Интернационал. Была распущена и Еврейская коммунистическая партия, ранее отколовшаяся от Бунда. Это соответствовало нашей политике ликвидации любых построенных по национальному принципу фракций коммунистических партий, как входивших в ВКП(б), так и вне ее. Тогда же распустили так называемую Украинскую коммунистическую партию. Коммунистическая партия Украины (большевиков) стала единственной правящей партией в республике.

Руководители ликвидированных еврейских организаций были либо высланы, либо выехали за границу. Это им позволили сделать.

До 1928 года в стране фактически не существовало препятствий для выезда за границу и процедура была очень проста. У советских евреев больше не осталось своих националистических организаций, и постепенно произошло то, что можно назвать интенсивным процессом ассимиляции. Если говорить о еврейской интеллигенции, то она полностью утратила свое политическое значение.

В 1933 году в связи с коллективизацией была введена паспортная система для строгого контроля проживания в городах и упрощения учета движения населения. Евреи были выделены в отдельную национальную группу, хотя у них не было своего государственного образования.

Во всех крупных ведомствах евреи в то время занимали влиятельное положение. Отец вспоминал: «В 1939 году мы получили устную директиву, обязывавшую нас — это происходило уже после массовых репрессий — следить за тем, какой процент лиц той или иной национальности находится в руководстве наиболее ответственных, с точки зрения безопасности, ведомств. Но директива эта оказалась куда более глубокой по своему замыслу, чем я предполагал. Впервые вступила в действие система квот. К счастью, большинство моих товарищей по оружию успели к этому времени достичь больших успехов, доказали свою преданность партии и не попали под действие этой новой директивы».

Отец отмечал, что образование Еврейской автономной области с центром Биробиджан было предпринято Сталиным для усиления пограничного режима на Дальнем Востоке путем создания там своего рода заслона, а совсем не как шаг к созданию еврейского государства. Граница в этих местах нередко нарушалась китайскими и белогвардейскими террористическими группами. Идея Сталина заключалась в том, чтобы поставить преграду на их пути в виде поселений, жители которых настроены враждебно к белоэмигрантам, и особенно к казачеству. Статус региона был дальновидно определен как автономная область, а не республика, что означало: здесь не будет ни своего законодательного органа, ни верховного суда, ни управленческих структур министерского уровня. Хотя область и имела автономию, она была всего лишь приграничной особой территорией, а не политическим центром.

Перед войной в верхах была идея использовать лидеров социалистического Бунда — Генрика Эрлиха и Виктора Альтера во внешнеполитических целях.

Мой отец пишет по этому поводу следующее: «Бывший заместитель начальника Второго контрразведывательного управления генерал Райхман в 1970 году рассказывал мне, что эти бундовские лидеры были арестованы нами в Восточной Польше в сентябре — октябре 1939 года. Когда началась война с Германией, в сентябре 1941 года их выпустили. На встрече с Берия им предложили создать еврейский антигитлеровский комитет: первоначально планировалось, что председателем комитета будет Эрлих, его заместителем — Михоэлс, а ответственным секретарем — Альтер. От плана пришлось отказаться, поскольку Эрлих и Альтер слишком много знали о

намерениях Сталина воспользоваться ими для выколачивания денег на Западе. В декабре 1941 года Альтер и Эрлих были вновь арестованы, хотя против них не выдвинули никаких обвинений. 27 декабря 1941 года Эрлих обратился к Председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинину, протестуя против ареста и доказывая, что он является сторонником советского правительства и готов сотрудничать с НКВД».

Из этого письма, как видим, абсолютно ясно, что именно НКВД стремился инициировать через Эрлиха создание Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). Главная задача комитета, говорилось в письме, должна состоять в интенсивной пропаганде среди еврейских общин Соединенных Штатов и Англии положения евреев в Советском Союзе, с тем чтобы получить максимальную помощь, необходимую СССР в борьбе против гитлеровской агрессии. В общем-то, такой подход к решению проблемы был на руку советским лидерам, поэтому все предложения ЕАК получили полное одобрение. НКВД было поручено подобрать подходящее место для штаб-квартиры комитета. Во главе ЕАК стали: главный режиссер Еврейского государственного театра Михоэлс, поэт Фефер, публицист и литературный критик Эпштейн. Эрлих же ответа на свое письмо так и не получил. Архивы свидетельствуют, что в декабре 1941 года Берия распорядился перевести Эрлиха и Альтера в камеры-одиночки. Эти заключенные были известны под номерами 41 и 42, допрашивать их или заполнять на них регистрационные карточки в Куйбышевской тюрьме НКВД, где они содержались, было запрещено.

Генерал Райхман позднее рассказывал отцу, что существовал специальный приказ, в соответствии с которым даже персонал тюрьмы не имел права знать их полные имена. Эти указания исходили от Сталина, Молотова и Берия.

В 1942 году видный американский политический деятель Уинделл Уилки и президент Американской федерации труда Вильям Грин направили в СССР запрос о судьбе Эрлиха и Альтера через советского посла в Америке Литвинова. С аналогичным запросом обратился в НКВД СССР и польский посол в Москве Станислав Кот. Заместитель наркоминдел Вышинский в своем ответе Коту намекнул, что Эрлих и Альтер были помилованы ошибочно: и тот и другой, как установлено, тайно вступили

в сговор с немцами. В конце 1942 года Уилки обратился в СССР с новым запросом, но до февраля 1943 года не получил никакого ответа. Молотов между тем поручил Литвинову объявить, что 23 декабря 1941 года Эрлих и Альтер были расстреляны, поскольку в октябре и ноябре того же года систематически занимались предательской деятельностью, предпринимали попытки распространять в Советском Союзе враждебную информацию, направленную на прекращение военных действий и подписание мирного договора с фашистской Германией.

Это была, мягко говоря, неправда. Эрлих покончил жизнь самоубийством — 14 мая 1942 года он повесился в камере. Альтер, оставаясь в одиночном заключении до 17 февраля 1943 года, был тайно расстрелян по приказу Берия.

«Во время описываемых событий, — говорит отец, — я ничего не знал об их судьбе. Все, что я пишу о них, происходило перед визитом Михозлса в Соединенные Штаты».

Лишь в сентябре 1992 года из публикации в еженедельной газете МВД «Щит и меч» стала известна истинная судьба Эрлиха и Альтера. Их уничтожили, чтобы скрыть тайные неофициальные контакты советского руководства с влиятельными представителями зарубежных еврейских общин. Эрлиха и Альтера устранили еще и потому, что Сталин боялся их политического влияния за пределами Советского Союза.

Сразу же после образования Еврейского антифашистского комитета советская разведка решила использовать связи еврейской интеллигенции для выяснения возможностей получить дополнительную экономическую помощь в борьбе с фашистской Германией через сионистские круги. Еще с 1925 года по директиве Дзержинского в ВЧК активно разрабатывали планы проникновения в сионистские организации США, Западной Европы и Палестины. Особо разветвленную агентурную сеть в сионистском движении удалось создать в начале 30-х годов Серебрянскому.

Теперь ЕАК мог быть прикрытием для восстановления агентурных позиций в сионистском движении, утраченных в 1938 году в связи с арестом почти всего оперативного состава группы Серебрянского. С этой целью Михозлсу и Феферу, нашему проверенному агенту, бы-

ло поручено прозондировать реакцию влиятельных зарубежных сионистских организаций на создание еврейской республики в Крыму. Эта задача специального разведывательного зондажа — установление под руководством нашей резидентуры в США контактов с американским сионистским движением в 1943—1944 годах — была успешно выполнена. Кстати, в тот же период в советском руководстве действительно подумывали о возможности создания еврейской республики в Крыму на базе существовавших там до войны трех национальных еврейских районов. По предложению Молотова руководство ЕАК подготовило письмо, адресованное Сталину, с предложением создать в Крыму еврейскую республику.

Это письмо впервые частично опубликовано в 1993 году в «Литературной газете». В письме, в частности, говорилось, что создание еврейской советской республики в соответствии с большевистскими принципами и в духе ленинско-сталинской национальной политики раз и навсегда решит проблему законной государственности еврейского народа и дальнейшего развития его многовековой культуры. Эту проблему не удавалось решить никому в течение столетий. Ее можно наконец разрешить только в нашей великой социалистической стране. Это письмо, зафиксированное в регистрационных журналах, хранящихся в партийном архиве, до сих пор не рассекречено полностью. Его не показали даже тогда, когда во время визита Ельцина в 1992 году в Вашингтоне демонстрировали архивные материалы ЕАК.

15 февраля 1944 года проект письма был представлен Молотову. По его указанию Лозовский, заместитель Молотова, редактировал этот документ. Письмо было переадресовано Молотову и поставлена новая дата — 21 февраля. Тремя днями позже оно было зарегистрировано в секретариате правительства СССР под номером М-23314 и в тот же день направлено секретарю ЦК Маленкову, секретарю Московского городского комитета партии и начальнику Главного политического управления Вооруженных Сил Щербакову и председателю Госплана Вознесенскому с поручением рассмотреть этот вопрос.

Отец по этому поводу писал: «Должен отметить, что Литвинов, будучи послом в США в годы войны, в переписке с Молотовым и НКВД решительно выступал против связей с сионистским движением, а также против нашего активного

участия в решении палестинской проблемы. Точные мотивировки позиции Литвинова я не помню, но смысл ее сводился к тому, что наше возможное воздействие на сионистское движение будет крайне незначительно. Поэтому Литвинов полагал целесообразным поручать все контакты с сионистскими кругами исключительно сотрудникам советских спецслужб либо особо проверенной агентуре. В этих рекомендациях нет ничего удивительного: возглавляя боевую подпольную организацию большевиков до революции, Литвинов имел очень большой опыт агентурно-оперативной работы, в том числе по привлечению к сотрудничеству с партией большевиков людей из враждебных ей кругов».

Оперативный работник нашей разведки Хейфец, весьма успешно проявивший себя в получении материалов из США по атомной бомбе, рассказывал отцу, что письмо, о котором идет речь, в сущности, являлось предложением об образовании еврейской республики в Крыму, куда могли бы приехать евреи со всего мира. Это, естественно, потребовало бы переселения жителей Крыма. В марте и апреле 1944 года крымские татары были депортированы. Из Крыма выселили и перевезли в Узбекистан сто пятьдесят тысяч человек. То, что письмо, с одной стороны, и приказ о депортации — с другой, практически датированы тем же числом (15 и 14 февраля соответственно), является совпадением. Приказ Сталина о высылке крымских татар, которых обвиняли в массовом сотрудничестве с немцами, был подписан раньше, но на исполнение к Берия он попал за день до того, как поступило письмо из Еврейского антифашистского комитета.

Координация и исполнение сталинского плана по привлечению еврейского капитала были поручены Хейфецу и резиденту советской разведки в Вашингтоне Зарубину, которые организовали поездку Михоэлса в Америку в 1943 году.

Перед поездкой в Соединенные Штаты Михоэлс вызвал на Лубянку Берия и проинструктировал его, как завязать широкие контакты с американскими евреями. Наш план заключался в том, чтобы заручиться поддержкой американской общественности и получить кредиты, необходимые для развития металлургической и угольной промышленности. Михоэлс и Фефер блестяще справились со своей миссией.

Успех поездки Михоэлса в Америку сразу же сделал его подозрительным в глазах Сталина. Еще бы, ведь он, представитель еврейской культуры, стал подлинным героем, известным во всем мире, поэтому ему была уготована судьба Эрлиха и Альтера.

Существенной была роль Михоэлса и Фефера, рассказывал отец, и в разведывательной операции по выходу на близкие к Эйнштейну круги ученых-специалистов, занятых разработкой в то время никому не известного «сверхоружия». Эти люди встречались с близкими к семье Эйнштейна русскими эмигрантами супругами Коненковыми, и через них, правда, в устной форме к нам поступала важная информация о перспективах нового «сверхоружия», обсуждавшихся в Принстоне при участии Ферми и Оппенгеймера. Координацией всей этой работы по линии нашей разведки в США занимались, кроме Зарубиных, Хейфец и Пастельняк.

Поговаривали, что Михоэлсу может быть предложен пост председателя Верховного Совета в еврейской республике. Кроме Молотова, Лозовского и нескольких ответственных сотрудников Министерства иностранных дел, Михоэлс был единственным человеком, знавшим о существовании сталинского плана создания еврейского государства в Крыму. Таким путем Сталин рассчитывал получить от Запада 10 миллиардов долларов на восстановление разрушенной войной экономики.

Берия был в курсе того, что наша инициатива подержана американской стороной, а точнее — еврейскими организациями США, поскольку он лично принимал и Михоэлса, и Фефера после поездки в Америку.

Обсуждение вопроса о создании еврейской республики в рамках Советского Союза отец рассматривал как своего рода зондирование Запада, с тем чтобы выяснить, насколько далеко идут их планы предоставления нам экономической помощи после окончания войны. Однако решение вопроса о создании еврейской республики было отложено до окончания войны, и письмо лежало без движения в течение четырех лет. О его содержании ходили самые разные слухи. Затем, уже в 1948 году, Маленков воспользовался им для проведения кампании против членов ЕАК, а позднее и против старой гвардии в руководстве страной. Молотов, Микоян, Ворошилов, Вознесенский и, наконец, сам Берия, причастные к обсужде-

нию создания еврейской республики на территории Крыма, сами, из-за того, что у них имелись родственники-евреи, оказались уязвимы в ходе этой кампании.

План по привлечению американского капитала был, как отец уже упоминал, связан с идеей создания еврейской республики в Крыму, так называемой «крымской Калифорнии». Эта идея широко обсуждалась в кругах американских евреев, о чем рассказывал ему Хейфец. По его словам, проектом особенно интересовался президент американской торговой палаты Эрик Джонстон, которого в июне 1944 года вместе с американским послом Авереллом Гарриманом принял Сталин для обсуждения проблем возрождения областей, бывших главными еврейскими поселениями в Белоруссии, и переселения евреев в Крым. Джонстон нарисовал перед Сталиным весьма радужную картину, говоря, что для этой цели Советскому Союзу после войны будут предоставлены большие долгосрочные американские кредиты.

Мысль о создании еврейской социалистической республики в Крыму, с благословения империалистов Америки, которым, как видно, было все равно, какой будет еврейская республика, открыто обсуждалась в Москве не только среди еврейского населения, но и в высших эшелонах власти.

Известно, что Михоэлс как председатель Еврейского антифашистского комитета в своей деятельности в значительной степени полагался на Фефера, крупного агента НКВД (Михоэлс, разумеется, не знал об этом), которого «вел» комиссар госбезопасности Райхман. Случалось, что Фефера принимал на явочной квартире сам Берия для обсуждения вопроса о создании еврейской республики в Крыму.

До июня 1945 года казалось, что этот проект остается в силе и уже будет реализовываться. Во время подготовки Ялтинской конференции Гарриман, как свидетельствует отец, спрашивал у него и помощника Молотова Новикова о том, как идут дела с образованием еврейской республики в связи с будущими американскими кредитами под этот проект.

Сталин сразу же после войны обсуждал с делегацией американских сенаторов план создания еврейской республики в Крыму и возрождения Гомельской области, места компактного проживания евреев в Белоруссии. Он

просил их не ограничивать кредиты и техническую помощь этими двумя регионами, а предоставить ее без привязки к конкретным проектам.

Затем, в июне 1945 года после Ялты и победы над гитлеровской Германией, Президиум Верховного Совета СССР принял указ: Крым стал административной областью в составе РСФСР. Между тем перед войной Крым являлся автономной республикой со значительным представительством татарского населения во всех управленческих структурах. В ноябре 1945 года, когда Гарриман попытался связаться со Сталиным через Молотова, чтобы обсудить вопросы экономического сотрудничества, его просьба о личной встрече была отклонена по указанию Сталина.

После войны Сталин предпочел вести другую линию: усилить попытки проникновения в ряды сионистского движения, поскольку, как человек с обостренным чутьем, понимал, что именно в нем заложен огромный разрушительный потенциал, особенно противостоящий государствам с крепкой центральной властью. До 1948 года Великобритания имела от Лиги Наций мандат на управление территорией Палестины. Сталин и Молотов надеялись успокоить англичан, опасавшихся быть вышвырнутыми из Палестины после создания там еврейского государства. Проект еврейской автономии в Крыму должен был отвлечь внимание лидеров мирового еврейства от Палестины как единственного варианта для решения еврейской проблемы. Когда в конце 1945 года стало ясно, что Сталин не считает себя связанным с прежним неофициальным зондажем, англичане и американцы организовали англо-американский комитет по Палестине без участия Советского Союза. Это противоречило ранее достигнутому соглашению о совместных консультациях военных союзников по палестинской проблеме.

И вот в апреле 1946 года, как вспоминает отец, заместители министра иностранных дел Деканозов и Вышинский направили служебную записку правительству, где особо подчеркивали, что интересы Советского Союза игнорируются: палестинский вопрос будет решаться без участия нашего государства. В этом документе они предлагали проводить политику благоприятного отношения к созданию еврейского государства в Палестине.

С согласия Молотова Вышинский опубликовал под псевдонимом статью в журнале «Новое время», в которой делает упор на необходимость создания демократического еврейского государства на подмандатной территории Палестины. Расчет заключался в том, чтобы усилить советскую позицию на Ближнем Востоке и вместе с тем подорвать британское влияние в арабских странах, противившихся появлению нового государства, показав, что англичане не способны остановить евреев в их стремлении создать свое государство.

Одновременно с предпринимавшимися политическими шагами в 1946 году из Кремля было получено указание забросить наших агентов в Палестину через Румынию. Они должны были создать в Палестине нелегальную агентурную сеть, которую можно было бы использовать в боевых и диверсионных операциях против англичан.

«Для этой цели, — вспоминает отец, — я выделил трех офицеров: Гарбуза, Семенова (настоящее имя Таубман — он являлся помощником Григулевича по литовскому подполью и помогал ликвидировать в Париже в 1938 году Рудольфа Клемента) и Колесникова. У Гарбуза и Колесникова был опыт партизанской войны на Украине и в Белоруссии, где они участвовали в операциях против немецких оккупационных властей.

Семенов и Колесников обосновались в Хайфе и создали две агентурные сети, но участия в диверсиях против англичан не принимали. Колесников сумел организовать доставку из Румынии в Палестину стрелкового оружия и противотанковых гранат, захваченных у немцев. Семенов, со своей стороны, попытался возобновить контакт с нашим агентом в организации «Штерн». Это была антибританская террористическая группа, куда Серебрянскому в 1937 году удалось заслать своего человека. Гарбуз оставался в Румынии, отбирая там кандидатов для будущего переселения в Израиль.

Мне с самого начала было ясно, что, помогая, казалось бы, евреям, на самом деле мы ставили своей задачей создание собственной агентурной сети внутри сионистской политической и военной структуры. Евреи стремились к независимости и были тесно связаны с Америкой. Но у нас не было уверенности, что мы сумеем влиять на них, как в Восточной Европе. Однако мы считали крайне важным обозначить до известной степени там свое присутствие. Как рассказывал мне Хейфец, еще в 1943 году Литвинов в своем послании Молото-

ву из Вашингтона подчеркивал, что Палестина и создание еврейского государства сделаются одним из главных вопросов послевоенной мировой политики».

Но во второй половине 1946 года Сталин занял позицию активного противодействия деятельности международных еврейских организаций и британо-американской политике по палестинскому вопросу — он был раздражен требованиями советских евреев по улучшению условий их проживания, когда они вернулись из эвакуации. В это время в стране начала разворачиваться антисионистская кампания. Это, естественно, в первую очередь коснулось евреев. Начались «чистки» в партийном аппарате, дипломатической службе, военном руководстве и разведке. Кульминацией кампании стал «заговор врачей» и обвинения врачей-евреев в сионизме. Эта кампания стала повторением «чисток» 30-х годов, еще одним сталинским маневром для перетасовки всего партийного и советского аппарата, с тем чтобы заменить старое руководство — Молотова, Микояна, Берия и других новыми людьми, которые не угрожали бы его положению единственного правителя страны.

В октябре 1946 года впервые был поднят жупел еврейского буржуазного национализма в качестве угрозы коммунистической идеологии. Только что назначенный министром госбезопасности Абакумов в письме вождю обвинил руководителей Еврейского антифашистского комитета в националистической пропаганде, в том, что, по его мнению, они ставят еврейские интересы выше интересов Советской страны. Подобное обвинение прозвучало серьезным предостережением. Хейфец, который блестяще проявил себя в получении информации по атомной бомбе и сумел установить контакты на высоком уровне в американской еврейской общине, впал в немилость. Он продолжал работать в Еврейском антифашистском комитете секретарем по зарубежным связям, однако был вынужден прервать свои контакты с американской еврейской общественностью. В письме Абакумов обвинял комитет в том, что он в конце войны взял на себя функции представлять интересы еврейского населения при возвращении собственности вернувшимся в родные края людям.

Тысячи евреев во время войны бежали из Киева, Минска, Риги, Ленинграда и Москвы, спасаясь от наступа-

ющих немецких войск. Нацисты приходили под лозунгами освобождения украинцев и прибалтов от «еврейского господства». Это находило благодатную почву среди националистов, захватывавших дома, квартиры и прочую собственность евреев. Когда в 1945 году оставшиеся в живых евреи стали возвращаться домой, они увидели, что их имущество находится в чужих руках.

Председатель Еврейского антифашистского комитета Михоэлс всячески старался защищать интересы евреев в имущественных и жилищных вопросах. Абакумов же стремился доказать, что попытка комитета защитить интересы евреев-беженцев была проявлением еврейского буржуазного национализма. Его письмо отражало обеспокоенность местных партийных руководителей, которым приходилось заниматься этими проблемами. Поведение Михоэлса, выступавшего от имени возвращавшихся домой евреев, не просто встревожило Сталина, но усилило его подозрительность. И действительно, только представьте себе: в советской системе, со строгой иерархией, неожиданно появляется человек, пользующийся международным авторитетом и безупречной репутацией, и начинает действовать по своей собственной инициативе.

Мой отец становился невольным свидетелем антиеврейских настроений в советском руководстве. «Помню, как Хрущев, тогда секретарь Коммунистической партии Украины, — вспоминал отец, — звонил Усману Юсупову, секретарю Коммунистической партии Узбекистана, и жаловался ему, что эвакуированные во время войны в Ташкент и Самарканд евреи «слетаются на Украину как вороны». В этом разговоре, состоявшемся в 1947 году, он заявил, что у него просто нет места, чтобы принять всех, так как город разрушен, и необходимо остановить этот поток, иначе в Киеве начнутся погромы. Я в тот момент находился в кабинете Юсупова, и он пересказал мне этот разговор, поскольку я пришел к нему с просьбой о расселении трех тысяч курдов, бежавших из Ирана в Азербайджан во главе с Барзани. Было крайне опасно оставлять их на Кавказе, и руководство решило переселить курдов в Узбекистан. В то время трудно было найти жилье для возвращавшейся в Киев еврейской интеллигенции. Проблему их размещения нельзя было решить путем создания нескольких колхозов, как это сделали для курдских беженцев.

Ситуация еще более ухудшалась. Я помню устное указание Обручникова, заместителя министра госбезопасности по

кадрам, сделанное в том же 1947 году, не принимать евреев на офицерские должности в органы госбезопасности. Я не мог себе представить, что такой откровенно антисемитский приказ исходил непосредственно от Сталина, и считал, что все это дело рук Абакумова. Мне стало ясно, что грандиозный план использования советской еврейской интеллигенции для укрепления международного сотрудничества со всемирным еврейством был отвергнут. Эйтингон, все время жаловавшийся на притеснения его родственников в университете и в медицинских учреждениях, был убежден, что антисемитизм являлся существенным элементом государственной политики. Оглядываясь назад, я признаю, что он понимал ситуацию куда лучше, чем я.

Берия и Богдан Кобулов часто рассказывали мне, что Сталин любил шутки и анекдоты антимусульманского, и в частности антиазербайджанского толка, особенно когда их рассказывали в присутствии Багирова, первого секретаря Компартии Азербайджана, который просто не выносил издевательских интонаций Кобулова, произносившего русские слова с азербайджанским акцентом. Это заставляет меня думать, что юмор, направленный против той или иной национальной группы, был по душе Сталину и он, в сущности, являлся антисемитом не больше, чем антимусульманином».

Сталин и его ближайшие помощники проявляли интерес к еврейскому вопросу, чтобы извлечь политические дивиденды в борьбе за власть и для консолидации своих сил. Так начались антисемитские «игры» в высших партийных эшелонах. После того как Сталин начал кампанию против космополитов в 1946—1947 годах, руководящий состав среднего уровня и рядовые партийные чиновники стали воспринимать антисемитизм как официальную линию партии. Термин «безродный космополит» сделался синонимом слова «еврей»: он означал, что советские граждане еврейской национальности, разделяя мировоззрение евреев Запада, в силу этого не могли быть полностью преданными Советскому государству. В какой-то степени это было действительно так. Последующие годы это доказали. Большинство евреев приняло участие в так называемой «демократической» революции в России, но, естественно, не все они приняли эту революцию. Многие остались верными социализму.

Но вернемся в 50-е годы. Кампания против космополитов совпала с изменением баланса политических сил

вокруг Сталина. Был понижен в должности Маленков, а Берия отстранен от курирования любых дел, связанных с госбезопасностью. Начали циркулировать слухи, что Молотов и Берия окружили себя евреями.

Усилия Сталина после войны были направлены на то, чтобы распространить влияние Советского Союза сначала на страны Восточной Европы, находившиеся у наших границ, а затем везде, где Советскому Союзу составляла конкуренцию Великобритания. Сталин предвидел, что арабские страны повернутся в нашу сторону, разочаровавшись в англичанах и американцах из-за их поддержки Израиля. Арабы поэтому должны были оценить антиссионистские тенденции в советской внешней политике. Это подтверждали слова Сталина: «Давайте согласимся с образованием Израиля. Это будет как шило в заднице для арабских государств и заставит их повернуться спиной к Британии. В конечном счете британское влияние будет полностью подорвано в Египте, Сирии, Турции и Ираке».

«Холодная война» началась по-настоящему в 1946—1947 годах, когда исчезли иллюзии насчет советского послевоенного сотрудничества с Западом. Союзнические отношения во время войны с Англией и Америкой обернулись конфронтацией. Гражданская война в Китае становилась все более интенсивной; возрастала также напряженность в Италии и Франции, где коммунисты вели ожесточенную политическую борьбу за власть. С наступлением «холодной войны» надежды Москвы на получение еврейских капиталов улетучились. Руководству страны стало ясно, что полагаться на поддержку еврейских деловых кругов за рубежом и их инвестиции уже не приходится.

И первой жертвой смены курса стал Михоэлс, находившийся в самом центре дискуссий по созданию еврейской республики в Крыму.

Кроме того, к Сталину поступили оперативные материалы о том, что Михоэлс якобы стремится заручиться поддержкой его зятя Г. Мороза, чтобы обеспечить в советском руководстве выгодное ему решение еврейского вопроса по улучшению положения еврейского населения и развития еврейской культуры. МГБ также подозревало, что через связи Михоэлса с сионистскими организациями в Америке стали известны некоторые тра-

гические события в жизни Аллилуевых, родственников Сталина. Сталин, вероятно, опасался, что большой личный авторитет Михоэlsa может быть использован международным сионистским движением в своих целях. Михоэлс пользовался мировой известностью и, безусловно, был сильной незаурядной личностью, поэтому в условиях тоталитарного режима того времени не могло быть и речи о применении к нему отработанной схемы ареста и расправы, прикрытой фиговым листком судебного разбирательства.

Отец рассказывал, что Михоэлс был ликвидирован в так называемом «специальном порядке» в январе 1948 года.

«К моему счастью, — читаем мы в его воспоминаниях, — к этой операции я не имел никакого отношения. Подробностей убийства мне стали известны лишь в апреле 1953 года. Помнится, что непосредственно этой операцией на месте руководили заместитель Абакумова Огольцов и министр госбезопасности Белоруссии Цанава. Михоэlsa и сопровождавшего его Голубова заманили на дачу Цанавы под предлогом встречи с ведущими белорусскими актерами, сделали смертельный укол и бросили под колеса грузовика, чтобы инсценировать бандитский наезд на окраинной улице Минска. За рулем грузовика сидел сотрудник транспортного отдела МГБ по Белорусской железной дороге.

Голубов был агентом МГБ в среде творческой интеллигенции, чего Михоэлс, конечно, не знал. В той ситуации, однако, он оказался нежелательным свидетелем, поскольку именно с его помощью удалось привезти Михоэlsa на дачу.

Известие о гибели Михоэlsa пробудило в моей душе подозрения, о которых я никому не стал говорить. Однако я не мог себе представить, что Огольцов сам отправится в Минск, чтобы лично руководить операцией. Убийство совершил, как я считал, какой-нибудь антисемитски настроенный бандит, которому заранее сказали, где и когда он может найти человека, возмнившего себя выразителем еврейских интересов».

Много месяцев 1948 года отец был занят проблемами еще более острыми, а именно Берлинским кризисом и созданием курдской подпольной сети в Иране, Ираке и Турции с целью свержения правительства Нури Саида и Фейсала в Ираке, а также чехословацкими делами. Вместе с Зубовым он летал в Прагу, чтобы попытаться

нейтрализовать сторонников президента Бенеша при передаче власти новому правительству во главе с Готвальдом (об этом уже рассказывалось).

В 1947 году наша мама серьезно заболела и вскоре была вынуждена уйти на пенсию. Еще в 1940 году, по рассказу отца, она проявила достаточно мудрости, чтобы отойти от оперативной работы и была назначена старшим преподавателем спецдисциплин в Высшей школе НКВД (позднее МГБ). Время от времени она принимала участие в оперативных делах — выходила на контакты с агентами-женщинами, представлявшими особый интерес для руководства контрразведывательного управления, но большей частью она старалась держаться в тени и не привлекать к себе внимания. Ее болезнь совпала с кампанией по «чистке» евреев в МВД, МГБ и Министерстве иностранных дел. В отставку она вышла в звании подполковника в 1949 году и проходила по спискам личного состава под своей девичьей фамилией Каганова.

В 1949 и 1950 годах, когда отцу приходилось совершать частые поездки в Западную Украину, Азербайджан, Узбекистан и в Чехословакию, его обязанности в бюро по разведке и диверсионной работе исполнял Эйтингон. Он в это смутное время часто бывал у нас в доме, подолгу разговаривая с мамой. Его рассказы чаще всего были связаны с развернувшейся в органах безопасности антиеврейской кампанией, которая день ото дня набирала обороты и принимала все больший размах. Сестра Эйтингона Соня, известный терапевт и главврач поликлиники автозавода (ныне ЗИЛ), была арестована, младшую сестру нашей мамы — Елизавету отчислили из аспирантуры медицинского института в Киеве. Родители пытались как-то помочь им, используя дружеские отношения с Музиченко, директором МОНИКИ в Москве. В 30-х годах он был нелегалом НКВД во Франции и Австрии, но в 1938 году ушел из разведки и счастлив был вернуться к своей прежней профессии врача. Он устроил на работу тетю Лизу, которая, кстати, работает в этом институте и поныне.

В то время, по молодости лет, мы, естественно, многого не знали, не всегда чувствовали те огромные переживания, которые доставались родителям в связи с несчастьями, касавшимися родственников и друзей. Читая обо всем этом в воспоминаниях отца, я ощутил весь

трагизм того времени, раздавивший многих людей, которых отец знал, любил, ценил за высокий профессионализм и преданность своему делу. Вот, к примеру, как он переживал за одного из лучших агентов-нелегалов Хейфеца. «Для меня, — пишет отец, — явилось большим ударом известие об аресте Хейфеца в 1948 или 1949 году: здесь заступничество, мое или Эйтингона, было бесполезно. И я, и он связывали этот арест с антисемитской кампанией. В результате почти все члены Еврейского антифашистского комитета и другие деятели еврейской культуры были арестованы и отданы под суд по обвинению в заговоре с целью отделения Крыма от СССР».

Внутренняя борьба за власть в период с 1948 по 1952 год вызвала новую волну антисемитизма — возникло «дело врачей». Хотя оно и было частью антисемитской кампании, одними евреями не ограничились. Скорее «дело врачей» явилось продолжением борьбы, в которой сводились старые счеты в руководстве страны. Сталин с помощью Маленкова и Хрущева хотел провести «чистку» в рядах старой гвардии и отстранить от власти Берия. Главными фигурами в пресловутом «деле врачей» должны были стать Молотов, Ворошилов и Микоян, эти последние из могикиан в сталинском Политбюро. Однако вся правда в отношении «дела врачей» так никогда и не была обнародована, даже в период горбачевской гласности. Причина в том, что речь шла о грязной борьбе за власть, развернувшейся в Кремле перед смертью Сталина и захватившей, по существу, все руководство.

Принято считать, что «дело врачей» началось с исторического письма Сталину, в котором врачи-евреи обвинялись в вынашивании планов умерщвления руководителей страны с помощью неправильных методов лечения и ядов. Автором письма была приобретающая скандальную известность Лидия Тимашук, врач кремлевской поликлиники. Письмо Тимашук, однако, было послано Сталину не в 1952 году, накануне арестов врачей, а в августе 1948 года. В нем утверждалось, что академик Виноградов неправильно лечил Жданова и других руководителей, в результате чего Жданов умер. Тогда реакция Сталина выразилась в презрительном «чепуха», и письмо пошло в архив. Там оно и оставалось без всякого движения в течение трех лет, пока его не извлекли в конце 1951 года.

Письмо понадобилось как орудие в борьбе за власть. О письме знали все члены Политбюро — знали они и о сталинской реакции. Однако самое важное заключается в том, что Тимашук никого не обвиняла в заговоре. В письме она лишь сигнализировала об имевших место недостатках и упущениях, наполовину выдуманных, в обеспечении лечением руководителей партии и государства. По этой причине текст письма так до сих пор и не опубликован, в нем излагаются, по существу, взаимные претензии лечебного персонала друг другу, как правило, склочного характера. Об этом, по словам моего отца, ему рассказывал уже во Владимирской тюрьме полковник Людвигов, помощник Берия по делам Политбюро и Совета Министров. «Я всегда считал, что «дело врачей» затеял Абакумов как продолжение кампании против космополитов, — писал мой отец в своих воспоминаниях. — Однако в 1990 году, попав в военную прокуратуру, куда меня вызвали как свидетеля в связи с новым расследованием дела Абакумова в послевоенные годы, я узнал нечто иное. Оказалось, что инициатором «дела врачей» он не был, напротив, Абакумов, арестованный в 1951 году, обвинялся в том, что скрывал данные о заговоре, целью которого было убийство Сталина. Делал он это якобы для того, чтобы захватить власть. При этом Абакумов, по словам его обвинителей, опирался на врачей-евреев и евреев — сотрудников в аппарате министра госбезопасности, в частности на Эйтингона.

Маленков и Берия, несомненно, стремились устранить Абакумова, и оба были готовы для достижения своей цели использовать любые средства. Суханов, помощник Маленкова, весной 1951 года принял в приемной ЦК следователя Следственной части по особо важным делам МГБ подполковника Рюмина, известного своим антисемитизмом. Результат этой встречи стал роковым для судьбы советской еврейской интеллигенции. В то время Рюмин опасался увольнения из органов госбезопасности из-за выговора, полученного за то, что забыл папку с материалами следствия в служебном автобусе. Кроме того, он скрыл от партии и управления кадров госбезопасности, что отец его был кулаком, что его родные брат и сестра обвинялись в воровстве, а тесть служил в армии Колчака.

Надо отдать должное Абакумову: он прекрасно понимал, что предпринимавшиеся ранее Рюминым попытки представить арестованных врачей террористами были всего лишь пре-

людией к «делу врачей». В течение нескольких месяцев 1950 года ему как-то удавалось держать Рюмина в узде. Чтобы спасти карьеру и дать выход своим антисемитским настроениям, Рюмин охотно пошел навстречу требованию Суханова написать Сталину письмо с разоблачением Абакумова».

В этом письме, отправленном 2 июня 1951 года на имя Сталина, подполковник Следственной части по особо важным делам М. Д. Рюмин обвинял руководство МГБ и прежде всего министра Абакумова в «еврейском заговоре», в том, что тот «замазывает» террористические замыслы еврейских националистов и вражеской агентуры, направленные против советского руководства и лично товарища Сталина. Из-за этого в МГБ нарушают социалистическую законность и, грубо игнорируя требования, изложенные в постановлении ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года, сознательно не протоколируют все допросы подследственных. Кроме того, Рюмин сообщал, что министр Абакумов недобросовестно обогатился за счет присвоения трофейного имущества и проявил нескромность в быту.

«Через тридцать лет после описываемых событий, — вспоминал отец, — моя родственница, работавшая машинисткой в секретариате Маленкова (ее непосредственным начальником был Суханов), рассказала мне, что Рюмин был настолько необразован и безграмотен, что одиннадцать раз переписывал свое письмо с обвинениями в адрес Абакумова. Суханов держал его в приемной около шести часов, а сам вел переговоры с Маленковым по поводу содержания письма Сталину. Лишь Суханов знает, почему выбрали Рюмина, чтобы обвинить Абакумова в заговоре. Однако он ничего не сказал об этой стороне дела, когда выступал по Российскому телевидению в июле 1992 года в передаче об истории «заговора врачей».

В своем письме, обвинявшем Абакумова (с подачи Маленкова), Рюмин заявлял, что тот приказал Следственной части не давать хода материалам по сионистскому заговору, направленному против руководителей Советского государства.

К этому времени уже арестовали за антисоветскую сионистскую пропаганду целый ряд хорошо известных врачей-евреев. Самый, пожалуй, знаменитый из них, специалист с мировым именем Этингер трагически погиб в тюрьме во время допроса. Это случилось еще до

ареста Абакумова. Рюмин обвинил Абакумова в том, что именно он несет ответственность за смерть Этингера, так как специально поместил его в холодную камеру в Лефортовской тюрьме с целью убрать одного из участников «заговора врачей» и тем самым помешать ему выдать других заговорщиков-сионистов. Для придания этим обвинениям большей убедительности на свет было извлечено из архива письмо Тимашук.

Абакумов, более опытный в подобных интригах, чем Рюмин, опасался чрезмерно раздуть «сионистский заговор», прибегая к слишком явным фальсификациям. Он предвидел, что Сталин может потребовать реальных улик в этой весьма рискованной провокационной игре. Кроме того, Абакумов прекрасно знал, что в делах, где инициатива принадлежала высшему руководству, не полагалось проявлять своей собственной. Некоторые из арестованных медиков были лечащими врачами Сталина. Многие из них с членами Политбюро связывали подчас не только профессиональные, но и доверительные отношения.

Учитывая все обстоятельства, Абакумов не горел желанием расширять рамки дела Еврейского антифашистского комитета до уровня мирового заговора. Он знал, что такие обвинения наверняка вызовут напряженность в верхах, особенно Ворошилова и Молотова, женатых на еврейках, и Кагановича, который сам был евреем. Осторожность, проявленная Абакумовым, сыграла в его судьбе роковую роль.

Энергичный Рюмин между тем был назначен начальником Следственной части по особо важным делам, а потом заместителем министра госбезопасности по следственной работе. Это развязало ему руки для подтасовки материалов против Абакумова с тем, чтобы, устранив его, свободно раскручивать дело о «заговоре врачей» и участвующих в нем руководящих работников МГБ — евреев по национальности.

Рюминские следователи потребовали от Абакумова назвать членов своего кабинета министров, который он якобы предполагал создать после свержения Сталина. Его также обвинили в сокрытии предательских замыслов жены Молотова Полины Жемчужиной, в частности ее контактов с израильским политическим деятелем Голдой Меир.

Абакумов яростно отрицал свою вину, доказывая, что не скрывал никаких материалов о «заговоре врачей» и тем более не являлся его руководителем или вдохновителем и не привлекал к «заговору» подчиненных сотрудников-евреев из Министерства госбезопасности. Он продолжал полностью отрицать предъявлявшиеся ему обвинения даже под пытками, «признания» от него так и не добились. Таким образом, дело о «заговоре» в Министерстве госбезопасности зависело от признаний полковника Шварцмана, журналиста по профессии. Работая в Следственной части, он, как правило, сам не занимался допросами, а в основном редактировал фальсифицированные показания, вырванные у заключенных. Когда Сталин распорядился арестовать начальника Следственной части Леонова и его заместителей, одним из арестованных оказался и Шварцман, еврей по национальности. Он показал, что является помощником Абакумова по сионистской террористической организации, куда входили все высшие офицеры МГБ. На допросе он «признался», что якобы получил от Абакумова задание создать в Министерстве госбезопасности группу евреев-заговорщиков для разработки террористических акций против членов правительства.

Шварцман также «признался», что, будучи гомосексуалистом, находился в интимных отношениях с Абакумовым, его сыном и послом Великобритании в Москве. Свои гомосексуальные контакты с американскими агентами-двойниками Гавриловым и Лаврентьевым он, по его словам, использовал для того, чтобы через этих внедренных в посольство США людей получать инструкции и приказы для еврейских заговорщиков.

Шварцман хорошо знал, как работает машина следствия, и, чтобы доказать свое сотрудничество, выдвигал против должностных лиц еврейской национальности одно обвинение за другим. В то же самое время он выдумывал самые невероятные истории вроде такой: в террористической деятельности ему помогал сионистский «суп», который по старинным рецептам варила его тетка. Он также рассказал следователям, что спал с падчерицей и в то же время имел гомосексуальные отношения с сыном. Он добивался, чтобы его направили на психиатрическую экспертизу, — и такое предложение внес заместитель военного прокурора полковник Успен-

ский. Когда о выдвинутых Шварцманом обвинениях против тридцати сотрудников Министерства госбезопасности еврейской национальности, занимавшихся терроризмом, доложили Сталину, он заявил Игнатьеву и Рюмину: «Вы оба дураки. Этот подонки просто тянет время. Никакой экспертизы. Немедленно арестовать всю группу». (Об этом мне рассказывал Людвиг, когда мы оба находились в тюрьме.)»

По распоряжению Сталина были арестованы все евреи — ответственные сотрудники центрального аппарата Министерства госбезопасности. Так оказались за решеткой Эйтингон, Райхман, заместители министра госбезопасности генерал-лейтенанты Питовранов и Селивановский. Арестовали и полковника в отставке Маклярского, ставшего к тому времени весьма известным киноматюром, специализировавшимся на сценариях из жизни разведчиков: Шварцман в своих показаниях упомянул и его. Был брошен в тюрьму и сын первого главы Советского государства Свердлов полковник Андрей Свердлов.

Вместе с этими людьми также были арестованы и их непосредственные подчиненные, по национальности русские. В МГБ и Следственной части появились новые лица из партийных органов. Они, как правило, отличались полной некомпетентностью. На волне набравшей силу антисемитской кампании и истерии руководство Следственной части по особо важным делам МГБ специальными решениями ЦК КПСС в 1951—1953 годах было усилено Коняхиным и Месяцевым. Последний имел большой опыт работы в годы войны в качестве начальника следственного отдела во фронтовых органах военной контрразведки СМЕРШ. В 60—70-е годы Месяцев стал председателем Гостелерадио СССР, затем послом в Австралии.

Из всех арестованных «заговорщиков в МГБ» только Абакумов, Эйтингон, Питовранов и Матусов ни в чем не признали себя виновными.

Арестованные Рюминым врачи-евреи, находившиеся под следствием, обвинялись в том, что выполняли задания Абакумова. Приписывавшиеся участникам «заговора врачей» преступления казались моему отцу невероятными. Один из этих «террористов», профессор Александр Фельдман, лечил всю нашу семью, пользовался нашим полным доверием, и отец с мамой всегда поздравляли его с праздниками и посылали ему цветы.

По сценарию Рюмина в роли связного между врачами и «заговорщиками в МГБ» должна была выступать сестра Эйтингона Соня, которая якобы поддерживала связь между учеными-медиками и братом, планировавшим убийство руководителей страны.

Об арестах тогда публично не сообщалось, и сразу никто не осознавал, какие масштабы приняла эта «чистка» в МГБ. Отец вспоминал потом:

«Серьезность угрозы я почувствовал, предприняв попытку связаться с полковником Шубняковым, заместителем начальника Главного контрразведывательного управления. Попытка оказалась безуспешной, хотя мне в тот момент срочно требовалась справка-проверка на одного важного агента. Сведения, которые были мне нужны, мог дать только он, а Шубняков как в воду канул. Между тем никто не хотел внятно объяснить, куда он подевался, хотя по своему служебному положению (начальник Специального бюро по разведке и диверсиям) и званию (генерал-лейтенант) я имел на это право. Возмущенный, я позвонил Питовранову, начальнику контрразведывательной службы, но оказалось, что и с ним нельзя связаться: он таинственно исчез. Тут до меня дошло, что повторяется то же самое, что было в период массовых арестов в предвоенные годы. И Шубняков, и Питовранов к тому времени уже находились в Лефортовской тюрьме.

В 1951 году, когда арестовали Абакумова, мне позвонил Рюмин, которого только что назначили начальником Следственной части МГБ. Он заявил, что в его распоряжении имеются серьезные компрометирующие материалы на Эйтингона и его сестру. Эйтингон в тот момент находился в трехмесячной командировке в Литве. Я попросил, чтобы мне принесли эти материалы: я хотел с ними лично ознакомиться. Через час появился Рюмин с тощим досье. Против Эйтингона не было никаких данных, но против Сони были выдержки из агентурных сообщений, будто она отказывала в медицинской помощи русским, а лечила и консультировала только евреев. Я заявил Рюмину, что меня это совершенно не убеждает и Эйтингон в моих глазах по-прежнему остается надежным и заслуживающим доверия ответственным сотрудником органов безопасности. Рюмин возразил:

— А вот Центральный Комитет нашел эти данные вполне убедительными. — И тут же, выхватив папку из моих рук, с гневным видом удалился.

Ситуация, сложившаяся в Министерстве госбезопасности, была запутанной и крайне неопределенной. Министр Абакумов находился под арестом в «Матросской тишине». Однако его место оставалось вакантным — преемника не назначали. Когда я позвонил заместителю министра Огольцову с тем, чтобы обсудить с ним положение с сестрой Эйтингона, он ответил:

— Это дело политическое, и рассматривать его можно лишь в ЦК партии.

По его словам, пока не будет назначен новый министр, он не будет подписывать никаких бумаг или давать какие-либо приказы.

После разговора с Огольцовым мне осталось только одно: позвонить Игнатьеву, тогдашнему секретарю ЦК партии, курировавшему работу МГБ—МВД. Он был членом созданной Сталиным комиссии ЦК по реорганизации министерства после ареста Абакумова. Меня уже вызывали на одно заседание, и я, признаюсь, критиковал руководство министерства за ошибки в проведении разведывательных и контрразведывательных операций за границей, а также в Западной Украине и Средней Азии. Игнатьев тогда сказал, что готов, если потребуются, обсудить со мной тот или иной неотложный вопрос. Когда я позвонил ему, он, казалось, с радостью согласился принять меня в ЦК на Старой площади.

Встретившись с ним, я сказал, что обеспокоен попытками оклеветать Эйтингона и его сестру, приписав им националистические взгляды. Игнатьев вызвал в кабинет Рюмина с материалами на Эйтингона и его сестру. В моем присутствии Рюмин, открыв папку, начал зачитывать крайне невразумительные показания против Эйтингона и его сестры, в которых утверждалось, что они оба проявляют враждебность по отношению к Советскому государству. На сей раз агентурные сведения, что Соня отказывалась лечить русских, даже не были упомянуты.

— Как члены партии мы обязаны, — сказал я, — оценивать людей не по слухам, а по их делам. Вот работа Эйтингона: организатор акции по устранению Троцкого в Мексике, создатель успешно действовавшей агентурной сети за границей, наконец, он является одной из ключевых фигур в обеспечении нашей страны секретной информацией об атомном оружии.

Рюмин молчал. Игнатьев прервал меня:

— Давайте оставим Эйтингона и его семью в покое.

После встречи с Игнатьевым у меня отлегло от сердца: я подумал, что с Эйтинггоном и его сестрой ничего плохого не произойдет.

Примерно месяц спустя Игнатьева назначили министром госбезопасности. А в октябре 1951 года именно по его прямому указанию Эйтингон был арестован, когда возвратился в Москву из Литвы, где ему удалось обезвредить руководство антисоветской подпольной организации. Его падчерица Зоя Зарубина сообщила мне, что Эйтингона арестовали на ее глазах в аэропорту Внуково.

Арест Эйтингона положил конец службе Зои Зарубиной в органах нашей разведки. Она успешно работала с материалами по атомному оружию, на Ялтинской и Потсдамской конференциях, но вынуждена была уйти из органов после его ареста. Прекрасное знание английского языка помогло ей стать одним из ведущих преподавателей Института иностранных языков, а позднее она руководила подготовкой переводчиков для Организации Объединенных Наций.

Через несколько дней после ареста Эйтингона мне представилась возможность встретиться с Игнатьевым на совещании руководящего состава министерства. Отведя меня в сторону, он с упреком произнес:

— Вы ошибались насчет Эйтингона. Что вы сейчас о нем думаете?

До сих пор помню свой ответ:

— Моя оценка базируется на конкретных результатах работы людей и на линии партии.

Здесь я должен немного остановиться на своих иллюзиях. Я всегда рассматривал «дело врачей» и «сионистский заговор» как чистейший вымысел, распространявшийся такими преступниками, как Рюмин, которые затем докладывали о «результатах» следствия некомпетентным людям вроде Игнатьева. Всякий раз, встречаясь с Игнатьевым, я поражался, насколько этот человек некомпетентен. Каждое агентурное сообщение воспринималось им как открытие Америки. Его можно было убедить в чем угодно: стоило ему прочесть любой документ, как он тут же подпадал под влияние прочитанного, не стараясь перепроверить факты.

Игнатьев совершенно не подходил для порученной ему работы. Как-то раз, проводя утром совещание по оперативным вопросам у себя в кабинете, на котором присутствовало более десяти человек, он вдруг впал в настоящую истерику из-за телефонного звонка генерала Блохина, начальника ко-

мендатуры МГБ. Помню, как он буквально прокричал в телефон:

— Вы обязаны действовать по закону. Никто не давал вам права втягивать меня в ваши дела!

Повесив трубку, он пояснил:

— Не выношу этих звонков Блохина. Вечно просит, чтобы я подписывал приказы о приведении в исполнение смертных приговоров. Говорит, что существует на этот счет инструкция. Почему я должен иметь ко всему этому какое-то отношение и подписывать эти бумаги?! Есть Верховный суд, пусть Блохин действует по закону.

Никто не ответил. В кабинете повисло неловкое молчание.

Игнатьев легко заводил уголовные дела против ни в чем не повинных людей. Позже я понял, что он действовал не по собственной инициативе, а выполнял приказы, полученные свыше — от Сталина, Маленкова и других.

Когда ТАСС объявил о том, что широко известные в стране врачи и ученые-медики обвиняются в организации сионистского заговора с целью убийства Сталина и всего Политбюро путем неправильного лечения, я считал это провокацией, продолжением ранее начатой антисемитской кампании. Когда ко мне попали материалы с обвинениями против Эйтингона, я узнал, что он якобы обучал врачей-заговорщиков ведению террористических действий против Сталина и членов советского правительства. В этой связи, говорилось в обвинительном заключении, Эйтингон держал у себя в кабинете мины, взрывные устройства, закамуфлированные под обычные электроприборы. Между тем все прекрасно знали, что это были образцы оперативной техники, постоянно находившейся в нашем распоряжении.

В те дни Москва была буквально наводнена слухами, один страшнее другого: еврейские врачи и фармацевты пытаются травить простых советских людей. Поговаривали и о возможных погромах. Меня охватило беспокойство, когда дети — им тогда было десять и двенадцать лет, — вернувшись из школы, рассказали нам об этих слухах. Жена и я оказались в весьма трудном положении: детям высокопоставленных сотрудников органов госбезопасности было крайне рискованно выступать против наглых антисемитских высказываний, поскольку любой спор просто привлек бы внимание к ним и их родителям. Это наверняка стало бы известно наверху — партийным органам, державшим под контролем все сферы общественной жизни.

ни. Наши дети ходили в школу вместе с детьми Маленкова и Кагановича — это значило, что школа была под постоянным наблюдением. Наши дети не могли даже позволить себе сказать, что Ленин и Сталин всегда были против проявлений антисемитизма, поскольку такого рода высказывание было бы немедленно истолковано совсем в ином духе и до неузнаваемости искажено.

Женя и я посоветовали сыновьям говорить, что нужно быть особенно бдительными, нельзя распространять слухи, которые являются провокацией. Нам всем приходилось тогда придерживаться официальной версии в изложении событий, которую давала газета «Правда», а в ней не было и намека на погромы. А распространение слухов — это игра с огнем, опасная в особенности потому, что она на руку врагам народа. Другое дело — чувство негодования по отношению к предателям и конкретным террористам, учили мы своих детей. Интересно, думал я, как они скажут это на пионерском собрании? Вскоре после этого разговора позвонил директор школы и поблагодарил за прекрасное воспитание детей. По его словам, он находился в довольно трудном положении: ведь в школе училось немало еврейских детей. Директор сказал жене: выступление ваших детей на пионерском собрании, что распространение слухов является провокацией, вызвало одобрительный гул и разрядило напряженную обстановку».

Постепенно кампания, раздувавшаяся вокруг «сионистского заговора», стала явно выходить из-под контроля ее организаторов. Рюмин и Игнатъев поддерживали обвинения министра государственной безопасности Грузии Рухадзе в адрес Берия, что он скрывал свое еврейское происхождение и тайно готовил заговор против Сталина в Грузии. Берия оказался первым в сталинском списке на уничтожение.

К августу 1952 года кончилось так называемое «крымское дело», тянувшееся с 1948 года, — все арестованные члены Еврейского антифашистского комитета, кроме Лины Штерн, и бывший заместитель министра иностранных дел Лозовский были расстреляны. По мнению отца, Хейфеца оставили в живых лишь для того, чтобы он мог свидетельствовать против Берия и Молотова, когда придет подходящее время предъявить им обвинения в установлении связи с кругами международного сионизма, под диктовку которых было инициировано предложение создать еврейскую республику в Крыму.

Мнение отца, как он говорил, было основано на чтении материалов дела Абакумова, с которыми он познакомился в военной прокуратуре через сорок лет после описываемых событий, и книги Кирилла Столярова «Голгофа», посвященной обстоятельствам гибели Абакумова.

Мой отец всегда считал, что Рюмин занимался расследованием «дела врачей» до самой смерти Сталина. Но Сталин оказался достаточно дальновидным, чтобы понять: заговор, каким рисовал его Рюмин, был слишком примитивен и в него вряд ли можно было поверить. Рюмин дал лишь голую схему «заговора», но не мог наполнить ее убедительными деталями, позволявшими этому вымыслу выглядеть правдоподобным. 12 ноября 1952 года Сталин приказал уволить Рюмина из МГБ как не справившегося с обязанностями и откомандировать в резерв ЦК партии. Рюмин был назначен на скромную должность бухгалтера, которую занимал до начала работы в органах. А до этого Рюмин работал счетоводом в Архангельской потребкооперации.

Таким образом, с января 1953 года, когда опубликовали сообщение ТАСС о «заговоре врачей», ответственность за творившиеся беззакония и преступления в следственном аппарате МГБ несут министр госбезопасности Игнатьев, его первый заместитель Гоглидзе, заместитель по кадрам Епишев, руководители Следственной части Коняхин, Гришаев, Месяцев и другие.

Те, кто пришел на руководящую работу в органы госбезопасности в этот особенно страшный период по решению ЦК — Игнатьев, Епишев, Месяцев, — не только не были привлечены к ответственности, но, наоборот, получили в 50—70-е годы высокие назначения на ответственную партийную и советскую работу. Козлами отпущения сделали Гоглидзе как сообщника Берия и малограмотного патологического антисемита Рюмина.

Отец вспоминал, как в конце февраля 1953 года, за несколько дней до смерти Сталина, он заметил в поведении Игнатьева нарастающую неуверенность. Интуиция подсказала отцу, что вся антисемитская кампания вот-вот захлебнется и ее организаторы станут нежелательными свидетелями и будут подвергнуты аресту. И действительно, после смерти Сталина Берия обвинил Игнатьева в обмане партии и добивался привлечения его к

уголовной ответственности, но поддержки в Президиуме ЦК не получил.

Среди тех, кого допрашивали по делу о так называемом «сионистском заговоре», был и Майрановский, начальник токсикологической «Лаборатории-Х». В 1951 году он был арестован — его тут же сделали ключевой фигурой «сионистского заговора» в МГБ, поскольку он знал всех обвиняемых академиков-врачей и работал с ними в тесном контакте. Позже его хотели сделать участником и «заговора врачей».

По версии Рюмина, Майрановский действовал в соответствии с указаниями Эйтингона — с целью ликвидировать все высшее руководство страны. Рюмин не отдавал себе отчета, на какую зыбкую почву он ступает: ведь в своей сверхсекретной работе Майрановский выполнял приказы самого Сталина. На допросах начальник «Лаборатории-Х» признался во всем, чего от него добивались. Правда, Игнатьев вскоре почувствовал, что Рюмин зашел слишком далеко, и решил выделить Майрановского из дела о «заговоре врачей». Смерть Сталина положила конец «делу врачей», но антисемитизм продолжал оставаться весьма грозной силой.

«Дело врачей» серьезно подорвало престиж медиков в обществе и вызвало волну недоверия к людям этой профессии. После разоблачения фальшивого заговора соперничавшие между собой группы в научных медицинских кругах попали в трудное положение. Друг нашей семьи, профессор Музиченко, ректор Московского областного научного института клинических исследований (МОНИКИ), рассказал отцу, что в споре медиков всегда так или иначе замешаны влиятельные люди в правительстве, поскольку именно от них зависят ассигнования на научные исследования. «Дело врачей» научило чиновников избегать любых профессиональных споров, поскольку никогда нельзя предсказать, какая из конфликтующих сторон получит поддержку в верхах, а какая окажется в политическом проигрыше и потребует даже вмешательства органов безопасности. Это создавало неблагоприятную атмосферу для научных споров и затягивало принятие государственных решений об ассигнованиях на нужды здравоохранения. До сих пор сохраняются опасения, что конфликты по медицинским и другим профессиональным проблемам могут закончиться расследованием на Лубянке.

Сейчас говорят о том, будто накануне смерти Сталина существовал план депортации евреев из Москвы. Если подобный план действительно существовал, ссылки на него можно найти в архивах органов госбезопасности и Московского комитета партии, потому что по своим масштабам он наверняка требовал большой предварительной подготовки. В этом случае должна была существовать какая-то директива, одобренная правительством, по крайней мере, за месяц до начала проведения такой акции. Скорее речь идет только о слухе, возможно основанном на высказываниях Сталина или Маленкова, выяснявших отношение общества к евреям в связи с «делом врачей».

Несмотря на атмосферу нетерпимости к евреям, возникшую при Сталине и сохранившуюся при Хрущеве, соблюдался так называемый выборочный подход к их интеллигенции, в соответствии с которым отдельным небольшим группам творческой интеллигенции и высококвалифицированным профессионалам-специалистам было позволено занять видное положение в обществе. «Сионистский заговор» и устранение Берия положили конец приему евреев на ответственные посты в службе разведки и ЦК партии.

С точки зрения советского мышления намерение создать еврейскую республику при поддержке из-за рубежа рассматривалось как грубое вмешательство в наши внутренние дела. Иностранное участие — вещь неслыханная в нашем закрытом обществе.

Отец вспоминал: «Когда в свое время я зондировал отношение Гарримана к созданию еврейской республики, я следовал полученным от Берия инструкциям. Я знал, что подобный зондаж зачастую не приводит ни к каким результатам, а является всего-навсего общепринятой практикой сбора разведывательной информации. В то время я и представить себе не мог, что сам факт участия в таком обсуждении может грозить мне смертным приговором».

Трагедия заключалась в том, что в закрытом обществе, каким был Советский Союз, создание государства Израиль в 1948 году воспринималось как нежелательное существование у евреев как бы второй родины. И этим было все сказано.

Глава 22

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ СТАЛИНА

В 1946 году Сталин назначил Абакумова министром госбезопасности, и это изменило соотношение сил в его окружении. В то время он тщательно скрывал свои истинные цели, и даже его приближенные думали, что новые назначения в кремлевских верхах (Жданова перевели из Ленинграда в Москву, Кузнецова ввели в Секретариат ЦК, Родионов стал Председателем Совета Министров Российской Федерации) — всего лишь обычные малозначащие перестановки. Но это было не так. Сталин в очередной раз вводил новых людей в руководство, чтобы подчеркнуть свое превосходство над соперничающими группировками в Кремле.

В 1946—1948 годах второй после Сталина голос в принятии партийных и правительственных решений был у Жданова. Два эпизода проливают новый свет на борьбу за власть. Первый — дело о сокрытии фактов выпуска некачественной продукции в авиапромышленности; второй, связанный с первым, — отставка маршала Жукова и других героев войны.

Началось все с обвинения Главного маршала авиации Новикова и народного комиссара авиационной промышленности Шахурина в сокрытии дефектов на самолетах, что вызывало авиакатастрофы. Абакумов, будучи главой военной контрразведки в 1945 году, сообщил о письмах летчиков, жаловавшихся на низкое качество самолетов. Когда его назначили министром госбезопасности, он по указанию Сталина возбудил уголовное дело против руководителей авиационной промышленности и Новикова, главноком ВВС, якобы скрывавших эти неполадки. Сталин пришел в ярость, когда его сын Василий, генерал ВВС, и Абакумов сообщили, что высшие чины авиационной промышленности преднамеренно скрывали дефекты оборудования, чтобы получать премии и награды. Маленков по своему положению в Политбюро отвечал за промышленность и получил золотую медаль и звание Героя Социалистического Труда за выдающуюся работу в организации производства военной продукции.

Следствие показало, что число авиакатастроф с трагическими последствиями искажалось. В основном все

эти случаи приписывались ошибкам летчиков, а не недостаткам оборудования. Перед войной за неудачи называли строжайшим образом. Когда Валерий Чкалов — летчик, совершивший беспосадочный перелет через Северный полюс в Америку, — погиб в 1938 году в авиакатастрофе, сотрудник, отвечавший за безопасность Чкалова, был арестован, и его расстреляли за халатность, которая привела к гибели народного героя.

Когда Сталин на совещании высших чинов МГБ в июле 1946 года спросил Абакумова: «Вина Новикова и Шахурина доказана. Какую меру наказания вы предлагаете?» — тот без промедления ответил: «Расстрел». — «Расстрелять просто; сложнее заставить работать. Мы должны заставить их работать», — неожиданно сказал Сталин.

Новикова и Шахурина арестовали, и Сталин потребовал получить от них признания для разоблачения военного руководства. Их признания были подшиты к делам маршала Жукова и других генералов и представляли серьезную угрозу для Маленкова. Эти признания Сталин использовал, чтобы снять маршала Жукова с должности своего заместителя и главнокомандующего сухопутными войсками в 1946 году. В приказе от 9 июня 1946 года, подписанном Верховным Главнокомандующим, Жуков обвинялся в «отсутствии скромности», «чрезмерных личных амбициях» и «приписывании себе решающей роли в выполнении всех основных боевых операций во время войны, включая те, в которых он не играл вообще никакой роли». Жуков был понижен в должности и назначен командующим Одесским военным округом. Приказ также гласил, что «маршал Жуков, чувствуя озлобление, решил собрать вокруг себя неудачников, командующих, освобожденных от занимаемых должностей, таким образом становясь в оппозицию правительству и Верховному Командованию».

Эти обвинения были основаны на признаниях маршала Новикова, который под давлением был вынужден дать показания против Жукова. В письме Сталину он рассказал об амбициях Жукова и сообщил, что вел с ним «антисталинские разговоры», а также помогал скрыть его происхождение из семьи царского городского.

Снятие Жукова имело далекоидущие последствия. Это было началом кампании по развенчанию ряда воен-

начальников — героев Великой Отечественной войны. Так Сталин хотел избавиться от потенциальных соперников. Вскоре адмирал Кузнецов, командующий Военно-Морским Флотом, был смещен, и в результате перестановки министром Вооруженных Сил стал Булганин. Но тот был не в состоянии справиться с серьезными проблемами в Вооруженных Силах и избегал ответственности за принятие решений. Письма, требующие немедленной реакции, месяцами оставались без подписи. Весь Секретариат Совета Министров был в ужасе от такого стиля работы, особенно когда Сталин, уехав на Кавказ в отпуск, возложил исполнение обязанностей Председателя Совета Министров на Булганина.

Берия лично обратился к Сталину с просьбой ускорить прохождение документов по атомной бомбе, находившихся в секретариате Булганина. Сталин разрешил своим заместителям подписывать самые важные постановления в обход Булганина. Так в Совете Министров возник прецедент создания бюро по различным направлениям работы правительства.

У Булганина, по мнению моего отца, не было ни малейших политических принципов — послушный раб любого лидера. Сталин за преданность назначил Булганина первым заместителем Председателя Совета Министров, а Хрущев за то же сделал его Председателем Совета Министров на смену Маленкову. Позднее, в 1957 году, когда Булганин вместе с Маленковым, Молотовым, Кагановичем и Ворошиловым попытался сместить Хрущева, Никита Сергеевич на заседании партактива выдвинул против него оригинальное обвинение: «Он был сталинским стукачом. За это Сталин сделал его Маршалом Советского Союза. Конечно, после того как мы раскрыли его антипартийное предательское поведение, мы лишим его звания и разжалуем». Об этом рассказывал отцу его бывший заместитель, полковник Студников, который присутствовал на том заседании.

Назначив Булганина, которого военные не уважали, министром Вооруженных Сил, Сталин достиг цели и стал вершителем судеб как настоящих командующих — таких, как Василевский, Жуков, Штеменко, Конев, Рокоссовский и Баграмян, — так и самого Булганина. Булганин никогда бы не взял на себя ответственность за любое серьезное решение, даже входящее в его компетенцию,

хотя никто не мог ничего сделать без его резолюции. Таким образом, ни одна из сторон — ни истинные лидеры, ни дутая фигура — не могла действовать независимо друг от друга. Это поощряло вражду и соперничество между военными.

Абакумов арестовал генералов, близких к Жукову в Германии по обвинениям, которые вначале казались неполитическими: растрата фондов и вывоз для себя ценностей, мебели, картин и драгоценностей из Германии и Австрии. Из опубликованных недавно архивных материалов видно, что из этих людей выбивали показания об антисталинских заявлениях Г. К. Жукова.

В 1944 году, во время войны, Сталин приказал, чтобы Богдан Кобулов, заместитель Берия, установил в московской квартире Жукова подслушивающие устройства. Прослушивание квартир Жукова и адмирала Кузнецова не дало результатов, на которые так надеялись. Однако некоторые известные маршалы и генералы были посажены в тюрьму, а часть из них расстреляна за антисталинские высказывания, записанные подслушивающими устройствами, или в связи с показаниями, которые были выбиты у них людьми Абакумова.

Жуков и Кузнецов, сохранив свое достоинство, открыто признали свои ошибки. Жуков «раскался» в том, что наградил орденом Красной Звезды знаменитую певицу Русланову. Хотя во время войны у него было такое право, в мирное время награждать мог лишь Верховный Совет.

Маршал Кулик и генерал Рыбальченко были расстреляны в 1950 году. Остальные сидели в тюрьме; их освободили после смерти Сталина. Новикова и адмирала Кузнецова восстановили в должности в 1951—1953 годах, и после смерти Сталина с них были сняты все обвинения. Жуков оставался на должности командующего военным округом, в 1952 году Сталин ввел его в состав ЦК. Лишь после марта 1953 года он был отозван обратно в Москву и назначен первым заместителем министра обороны.

Жуков, понятно, был настроен враждебно ко всему аппарату Министерства государственной безопасности. Ему было все равно, кто отдавал приказы следить за ним — Берия, Абакумов или Богдан Кобулов; они все лезли в его личную жизнь. Прослушивание квартиры Жукова было прекращено в 1953 году, после смерти Ста-

лина, но возобновилось Хрущевым в 1957 году, а Брежнев продолжал прослушивание до смерти Жукова в 1974 году. Даже на пенсии Жуков оставался потенциальной угрозой для Хрущева и Брежнева, военным героем, который мог бы возглавить военную оппозицию, если бы его выдвинули военные.

Виктор Абакумов родился в 1908 году. Он занимал пост министра госбезопасности с 1946 по 1951 год. Несмотря на то что образования у него не было, он благодаря своему врожденному уму и твердости характера взобрался на самый верх. Его работа в ЧК начиналась с технического обеспечения операций, с агентами он дела не имел и занимался явочными квартирами, машинами. Позже, во время «чистки» 30-х годов, он сделал себе имя под начальством Богдана Кобулова, заместителя Берия. Незадолго перед войной Абакумова повысили: он стал заместителем народного комиссара внутренних дел. Когда Михеев, начальник военной контрразведки, застрелился в окружении под Киевом, Сталин заменил его Абакумовым, которому тогда было всего тридцать четыре года. В новой должности Абакумов отвечал за политическую благонадежность войск и борьбу с немецким шпионажем в Вооруженных Силах; вместе с тем он набирался опыта в вопросах разведки и контрразведки. Его нельзя было сравнить с Берия по профессиональным способностям, но деловая хватка сильно отличала его от остальных аппаратчиков.

В декабре 1945 года Берия был освобожден от должности народного комиссара внутренних дел, которую занимал с конца 1938 года. Он уже не курировал органы безопасности, если это напрямую не касалось его основной работы: он руководил Специальным комитетом по проблеме номер один — атомной бомбе и топливно-энергетическим комплексом.

Когда Абакумова в 1946 году назначили вместо Меркулова министром госбезопасности, он не был близок к Берия. Напротив, Сталин дал Абакумову указание собрать компромат на всех, в чьих руках была власть, в том числе на Берия. Абакумов смог доказать, что Маленков прекрасно знал о сокрытии неполадок в авиапромышленности, и в 1947 году он получил выговор, был смещен с должности и временно сослан в Казахстан. Его вывели из Секретариата ЦК, а его обязанности перешли

к Кузнецову, протеже Жданова. Абакумов и Кузнецов установили самые тесные дружеские отношения.

Однако спустя два месяца Сталин назначил Маленкова заместителем Председателя Совета Министров. Берия в то время поддерживал Маленкова и не скрывал, что они часто встречаются. Абакумов, со своей стороны, сообщал Сталину о том, что Маленков и Берия сочувствуют репрессированным руководителям авиапромышленности и военным.

Расстановка сил в окружении Сталина была следующей: и Берия, и Маленков поддерживали тесные рабочие отношения с Первухиным и Сабуровым, занимавшимися экономическими вопросами. Все они входили в одну группировку. Они выдвигали своих людей на важные должности в правительстве.

Вторая группа, позднее получившая название ленинградской, включала Вознесенского — первого заместителя Председателя Совета Министров и главу Госплана, Жданова — второго секретаря ЦК партии, Кузнецова — секретаря ЦК, отвечавшего за кадры, в том числе и органов госбезопасности, Родионова — Председателя Совета Министров Российской Федерации, Косыгина — заместителя Председателя Совета Министров по легкой промышленности и финансам, выдвинутого в период подготовки и проведения денежной реформы, а после «ленинградского дела» переведенного на малопrestижную работу в Министерство легкой промышленности.

Вторая группировка назначала своих людей на должности секретарей районных партийных организаций. Кузнецов в 1945 году выдвинул Попова, бывшего директора авиазавода, секретарем Московской парторганизации, и Попов стал членом Оргбюро ЦК и секретарем ЦК ВКП(б) одновременно. Жданов поощрял его попытки контролировать министров через выборы в Московский комитет партии. Жданов и Кузнецов осуществляли двойной контроль над членами правительства через Попова и через Центральный Комитет.

Нечто подобное пытался сделать Ельцин, став секретарем Московского комитета партии. В этом одна из причин его конфликта с аппаратом ЦК.

Таким образом, членами правительства можно было манипулировать без вмешательства Берия, Маленкова и Первухина. Когда Жданов в 1948 году умер, Попов по-

требовал, чтобы министры, как члены партии, подчинялись ему, как главе Московского комитета партии. Маленков, стремясь убрать Попова, интерпретировал это его требование как свидетельство «заговора» и появления «независимого» центра власти в Московской парторганизации. Мнение Маленкова было поддержано министрами, которые жаловались Сталину, что Попов постоянно вмешивался в их работу.

Сталин поощрял это соперничество; он понимал, что при этом его власть не пострадает. Кроме того, Сталин сознавал, что борьба за власть внутри его старой гвардии давала ему возможность при первой же необходимости избавиться от них всех. Он всегда мог заменить их молодыми партийными работниками с мест, которые не имели опыта интриг наверху.

Через год после того, как Черчилль в Фултоне, в 1946 году, произнес свою знаменитую речь и «холодная война» началась, немедленно последовало похолодание во всех аспектах советской интеллектуальной жизни, возникли так называемые научные дискуссии в биологии, литературной критике и лингвистике, философии, политекономии. Обе кремлевские группировки использовали эту кампанию каждая в своих интересах, пытаясь найти идеологические грехи у своих противников. Это было не просто противостояние евреев (космополитов) и правых коммунистов; суть кампании, скорее, была в кардинальной перетасовке кадров в научных и творческих кругах в интересах правящей верхушки.

Всем известно «дело биологов»: возникшие в 30-е годы споры по генетике быстро перешли из области науки в область политики. По одну сторону находились всемирно известные биологи, обосновавшие необходимость финансирования дальнейших исследований по генетике. Им противостояла группа карьеристов в науке, возглавляемая Трофимом Лысенко, который спекулировал марксистской идеологией. Он представил правительству картину бесперебойного снабжения продовольствием на основе достижений марксистской биологии, обещал через десять лет начало новой эры изобилия, открыто боролся против генетиков, утверждая, что они ставят палки в колеса прогресса.

Его обещания оказались блефом. Начались новые дебаты, статьи в научных журналах критиковали Лысенко

и его последователей. Выдающиеся ученые писали в ЦК, вскрывая серьезные ошибки кремлевского биолога.

На должность заведующего Отделом науки ЦК КПСС Жданов выдвинул своего сына Юрия, который одно время был женат на дочери Сталина Светлане. Юрий Жданов поддерживал критиков Лысенко. При этом использовалась информация Абакумова из научных биологических кругов, полученная от заслуживающих доверия источников, о том, что академик Лысенко пытается обмануть правительство, голословно докладывая о своих достижениях в агrobiологии, которые на самом деле отсутствуют. В своих письмах ученые говорили, что царствование Лысенко в агrobiологии с 30-х годов и его неприятие любых исследований по генетике были губительными для научного прогресса.

Людвигов, начальник секретариата Берия в Совете Министров, рассказывал моему отцу, как Жданов использовал эту ситуацию, чтобы усилить свое влияние в научных кругах. Он не был сторонником свободы научной деятельности, его не интересовали собственно научные вопросы — его скорее волновало расширение своего влияния. Выступления ученых против Лысенко помогали ему назначать своих людей на посты, контролирующие науку и промышленность.

Официальная линия в науке после смерти Жданова вновь начала склоняться к поддержке Лысенко и неприятию генетики. К сожалению, опубликованные работы о судьбе генетики в 40-е годы почти не упоминают, что внезапные изменения в официальном отношении к ученым-генетикам совпали с кардинальными изменениями в партийном руководстве, отвечавшем за науку, и во многом были вызваны ими.

Линия Сталина и его соратника Маленкова заключалась в постоянных перемещениях партийных руководителей высокого ранга и чиновников госбезопасности, не позволяя им оставаться на одном и том же месте более трех лет подряд, чтобы не привыкали к власти. Однако Сталин и Маленков предпочитали не наказывать преданных высокопоставленных чиновников, и ЦК не всегда принимал меры по фактам взяточничества, «разложения» и подобным сигналам, поступавшим из Комиссии партийного контроля и органов безопасности. Если же «провинившиеся» причислялись к соперникам, то этот

компромат сразу же использовался для их увольнения или репрессий.

Руководство знало об издержках почти каждой крупной идеологической кампании, но цель, как говорил Маленков, оправдывала эти издержки.

В последние годы правления Сталина в небольшой круг руководителей входили Маленков, Булганин, Хрущев и Берия, и Сталин всячески способствовал разжиганию среди них соперничества. В 1951 году в немилость попал Берия. Сталин приказал поставить подслушивающие устройства в квартире матери Берия, решив, что ни Берия, ни его жена не позволят никаких антисталинских высказываний, но его мать, Марта, жившая в Грузии, вполне могла высказать сочувствие преследуемым мингрельским националистам.

Берия был мингрел, а мингрелы не ладили с гурийцами, которым больше всего доверял Сталин. Дело мингрелов, в сущности, основывалось на сфабрикованных обвинениях в заговоре с целью отделения от Советского Союза. Сталин затеял это дело, желая избавиться от Берия. Он потребовал, чтобы Берия уничтожил своих самых верных товарищей.

В 1948 году, за четыре года до грузинской «чистки», Сталин назначил министром госбезопасности Грузии генерала Рухадзе. В годы войны тот возглавлял военную контрразведку на Кавказе. Его антибериевские настроения были общеизвестны. По личному приказу Сталина Рухадзе с помощью Рюмина, пользовавшегося дурной славой, собирал компромат на Берия и его окружение. Вначале была просто ежедневная слежка за его грузинскими родственниками. Берия не скрывал ни от Сталина, ни от Молотова, что дядя его жены, Гегечкори, — министр иностранных дел в меньшевистском правительстве Грузии в Париже; не скрывал и того, что его племянник сотрудничал с немцами, будучи во время войны в плену.

В конце 30-х годов, а потом после войны советская разведка занималась грузинскими эмигрантами во Франции. Наиболее успешной в этом отношении была работа офицера НКВД Вардо Максимальшвили, бывшего секретаря Берия.

В то время в правительственных кругах ходили слухи о том, что сын Берия Серго собирается жениться на Светлане Аллилуевой после ее развода с сыном Жданова.

Нина Теймуразовна, жена Берия, и сам Лаврентий Павлович были решительно против этого брака. Берия знал, что его противники из Политбюро используют этот брак в борьбе за власть, что силы Сталина уже не те и если Берия свяжет себя со Сталиным семейными узами, то в случае смерти Сталина он будет обречен. Ситуация породила их взаимную неприязнь, и с этой точки зрения можно объяснить, почему в 1951 году Сталин приказал генералу Рухадзе продолжать расследование о взяточничестве грузинских чиновников-мингрелов. Надо заметить, что в Грузии в органах безопасности и на руководящей работе прослойка мингрелов была очень значительной.

Сталин приказал Рухадзе найти доказательства и выискать свидетельства зарубежных связей мингрелов Грузии, тогда он мог бы подытожить: «Этим мингрелам вообще нельзя доверять. Я не хочу, чтобы меня окружали люди с сомнительными связями за рубежом». Этого было достаточно, чтобы Рухадзе понял, что он должен сфабриковать заговор. Вскоре после этой встречи Рухадзе присутствовал на званом ужине, где, сильно выпив, прихвастнул, что он близок к Сталину и тот давал ему инструкции по проведению диверсий и похищений в Турции и Франции. На ужине также присутствовал министр внутренних дел Грузии Бзиава, мингрел, который на следующий день написал письмо только что назначенному министру госбезопасности Игнатьеву в Москву и в нем сообщил о поведении Рухадзе на ужине. Игнатьев доложил об этом Сталину. Сталин приказал показать это письмо Рухадзе и в его присутствии уничтожить письмо. Игнатьев предупредил Рухадзе, что, хотя тот и пользуется еще расположением Сталина, «нельзя позволять себе распускаться».

Следующим шагом Рухадзе был арест бывшего министра госбезопасности Грузии Рапавы, генерального прокурора Шония и академика Шариа — члена мандатной комиссии Совета Национальностей Верховного Совета СССР, некоторое время работавшего заместителем начальника внешней разведки НКВД. Всех их обвинили в связях с эмигрантскими организациями через агента НКВД Гигелия, который вернулся из Парижа с женой-француженкой в 1947 году. Гигелия и его жена, невзирая на ее французское подданство, были арестованы по приказу Сталина, их пытали, чтобы заставить действовать по заранее продуманному сценарию.

Так началась «чистка» грузинского руководства, близкого к Берия. Кампания против взяточничества в Грузии переросла в обвинения в заговоре с целью отделения мингрелов от Советского Союза. Сталин начал эту кампанию в 1951 году, вскоре после заметного роста популярности Берия в связи с успешной работой по атомной проблеме и проведением второго испытательного взрыва атомной бомбы. Хозяин знал, что это было особое достижение, потому что советское ядерное устройство не копировало американские образцы атомной бомбы. Но вместо того чтобы поощрить успех своего протеже, Сталин захотел, чтобы теперь этим делом занимался более зависимый от него человек.

Политбюро предложило Берия возглавить партийную комиссию по расследованию дела «мингрельских уклонистов», отправив его в Тбилиси, чтобы тот разоблачил «мингрельский национализм» и уволил своего ближайшего соратника, первого секретаря ЦК Компартии Грузии Чарквиани, которого по приказу Сталина сменил давний враг Берия Мгеладзе. Берия, кроме того, пришлось закрыть мингрельские газеты.

Сталин направил в Тбилиси к арестованным мингрелам группу следователей, чтобы получить признания, которые опорочили бы Берия и его жену. Мингрелы ни в чем не признались. Они полтора года провели в тюрьме, им не давали спать, их пытали. Берия освободил их лишь после смерти Сталина. За восемь месяцев до своей смерти Сталин арестовал Рухадзе, который стал для него нежелательным свидетелем. Официально же его обвинили в обмане партии и правительства.

Отец в своих воспоминаниях описывает, в частности, ситуацию, в которой он оказался в Грузии в 1952 году, когда Игнатъев приказал ему выехать в Тбилиси: «Я должен был оценить возможности местной грузинской разведслужбы и помочь им подготовить похищение лидеров грузинских меньшевиков в Париже, родственников жены Берия, Нины Гегечкори. Докладывать я должен был лично Игнатъеву. Мне сообщили, что инициатива по проведению этой операции исходила из Тбилиси, от генерала Рухадзе, и Сталин лично ее одобрил. Рухадзе настаивал на том, чтобы грузинские агенты взяли эту операцию на себя. С этой идеей он прибыл в Москву и пошел на прием к Игнатъеву. Отправляясь обратно в Тбилиси, он пригласил меня лететь вместе с ним. Я предпочел поехать поездом.

То, что я увидел в Тбилиси, меня глубоко потрясло. Единственный способный агент с хорошими связями во Франции, Гигелия, сидел в тюрьме по обвинению в шпионаже и мингрельском национализме. Агентам Рухадзе нельзя было доверять; они даже отказались говорить со мной по-русски. Заместитель Рухадзе, планировавший поехать в Париж, никогда не был за границей. Он был уверен, что если привезет грузинским эмигрантам шашлык и корзину грузинского вина, устроит пирушку в самом знаменитом ресторане Парижа, то завоеует их расположение. Предлагали также послать в Париж делегацию деятелей культуры, но все понимали, что эти грандиозные планы маскируют желание Рухадзе отправить в Париж свою жену. Она была скромной женщиной и хорошей певицей, но могла представлять в делегации только Тбилисскую консерваторию. О планах мужа она не имела ни малейшего понятия.

Группа следователей из Москвы, занимавшаяся делом мингрелов, между тем радостно сообщила Рухадзе, что они уже почти установили связь между семьей Берия и арестованными националистами. Тогда в кабинете Рухадзе я заметил под стеклом на столе портрет молодого Берия — одного из его закланных врагов. Рухадзе стал союзником Абакумова, который еще в 1946 году пытался компрометировать сначала бывших подчиненных Берия по разведслужбе, а потом и его самого.

Любительский авантюризм Рухадзе испугал меня, и я поспешил вернуться в Москву, чтобы доложить обо всем Игнатьеву. Он и его первый заместитель Огольцов внимательно выслушали меня, но заметили, «что судить об этом деле надо не нам, а «инстанции», так как Рухадзе лично переписывается со Сталиным на грузинском языке. Сталин, однако, понимал, что Рухадзе и Рюмин становились опасны: вместо того чтобы просто добиваться признаний в измене, они в ходе следствия проявляли большой интерес к интригам в партийной и правительственной верхушке. Абакумов писал из тюрьмы Берия и Маленкову 11 октября 1952 года, что Рюмин интересовался внутренними отношениями в Политбюро, пользуясь информацией из совершенно секретных докладных, направлявшихся МГБ Сталину».

Кремлевская интрига продолжала закручиваться. Сталин решил принести в жертву Рюмина и Рухадзе. Рухадзе вскоре посадили в Лефортово; Рюмина сняли с должности заместителя министра госбезопасности и уволили из органов в ноябре 1952 года. После смерти Ста-

лина его арестовали, но, даже если бы Сталин был жив, он все равно бы его уничтожил.

После смерти Сталина Берия не выпустил Рухадзе из тюрьмы, но жертвы Рухадзе были освобождены. Рухадзе и Рюмин, оба находясь под арестом, закидали Берия письмами с просьбой об освобождении, обращаясь к нему как к «Великому Человеку». Три месяца спустя, когда Хрущев и Маленков арестовали Берия, эти письма впутали их в организованный якобы Берия заговор. Таким образом, Рухадзе был расстрелян в Тбилиси в 1955 году вместе со своими бывшими жертвами, которые вновь были арестованы за связь с Берия.

«Скрытые мотивы и амбиции в конце 40-х — начале 50-х годов играли гораздо более важную роль в политических событиях, чем казалось в то время и кажется сейчас, — вспоминал отец. — Мы, кто видел все это и в результате страдал от этого, позже пришли к выводу, что сталинская партийная верхушка использовала «борьбу с космополитизмом», а хрущевская — с «последствиями культа личности» — только для того, чтобы убрать с дороги своих противников и оппонентов. Их целью было добиться абсолютной власти или ввести новые фигуры в свое окружение. И те и другие рассчитывали, что Комитет партийного контроля и органы безопасности постоянно будут снабжать их компрометирующими материалами. Общим правилом было собирать компрометирующие факты против всех, а при необходимости использовать эту информацию. Я был и инструментом, и жертвой этой системы».

После смерти Жданова нарушился хрупкий баланс власти. По «ленинградскому делу» все люди Жданова и соперники Маленкова и Берия были осуждены и расстреляны. Однако в 1949 году стало известно лишь, что Кузнецов и Вознесенский сняты со своих постов, потому что замешаны в фальсификации результатов партийных выборов на Ленинградской городской партконференции. Для идеалистически настроенных коммунистов самым ужасным преступлением высокопоставленного партийного или государственного деятеля была измена, но не меньшим преступлением была и фальсификация партийных выборов. Дело партии было священным, и в особенности внутрипартийные выборы тайным голосованием, которые считались наиболее эффективным инструментом внутрипартийной демократии. Участников «ленинградского дела» обвинили в попытке раскола ком-

партии с помощью организации оппозиционного центра в Ленинграде. Все это было сфабриковано и вызвано непрекращающейся борьбой среди помощников Сталина. Мотивы, заставившие Маленкова, Берия и Хрущева уничтожить ленинградскую группировку, были ясны: усилить свою власть. Они боялись, что молодая ленинградская команда придет на смену Сталину.

Теперь уже известно, что результаты подсчета голосов при тайном голосовании в Ленинграде в 1948 году действительно были сфальсифицированы, но осужденные не имели к этому никакого отношения. Политбюро в полном составе, включая Сталина, Маленкова, Хрущева и Берия, единогласно приняло решение, обязывающее Абакумова арестовать и судить ленинградскую группу, но, что бы ни писали в школьных учебниках по истории партии и что бы ни писал Хрущев в своих воспоминаниях, инициатором дела был не Абакумов. Действительно, его подчиненные под его руководством сфабриковали это дело, но Абакумов действовал в соответствии с полученным приказом.

Сначала всех арестованных обвинили в преступлении средней тяжести. Например, Вознесенского — в утрате документов из секретариата и в семейственности: его младший брат и сестра занимали ответственные посты в Москве и Ленинграде. Косвенно это задело и Микояна: один из его сыновей женился на дочери Кузнецова.

«Ленинградское дело» оставалось тайной и после смерти Сталина, и даже мой отец, хоть и был начальником самостоятельной службы МГБ, не знал о судьбе тех, кто погиб в безвестности. Глава Ленинградского МГБ генерал Кубаткин был репрессирован и расстрелян после закрытого суда. Теперь документы «ленинградского дела» частично опубликованы. Руки всех, кто был в тот период членом Политбюро, в крови, потому что они подписали смертный приговор обвиняемым за три недели до начала процесса в Ленинграде.

«Ленинградское дело» совпало также с резким развенчанием Молотова, который, хоть и оставался членом Политбюро, был снят с поста министра иностранных дел в марте 1949 года. Его сменил Вышинский. Молотов очень тяжело переживал арест жены, Полины Жемчужиной, еврейки; сначала ее обвинили в превышении

власти и утере секретных документов (которые могли украсть и по указанию Сталина). По приказу Сталина, под принуждением следователей, чтобы скомпрометировать Жемчужину в глазах мужа и Политбюро, двух ее подчиненных заставили оболгать ее и признаться, что они были с ней в интимной связи. Она провела в тюрьме год, а потом ее выслали в Казахстан. Сталин надеялся получить от Жемчужиной компромат на Молотова.

Отец говорил, что арест жены Молотова держали в секрете и он узнал о нем лишь перед самой смертью Сталина, когда Фитин, бывший в то время министром госбезопасности Казахстана, пожаловался ему, как тяжело лично отвечать за Жемчужину. Игнатьев все время запрашивал о ней, пытаясь узнать о ее связях с сионистами и послом Израиля в СССР Голдой Меир. В январе или феврале 1953 года Фитина вызвал Гоглидзе, первый заместитель министра госбезопасности, и приказал перевести Жемчужину на Лубянку. Фитин понял, что главной целью всего этого было обвинить Молотова в связях с сионистами, и забеспокоился, что изменения в руководстве могут коснуться тех, кто работал с Молотовым, в том числе и его.

В то время Сталин открыто выступил против Молотова и Микояна на Пленуме ЦК. Сталин объявил их заговорщиками. Он обвинил Молотова в том, что тот уступил перед шантажом и давлением со стороны империалистических кругов, подразумевая, что Жемчужина имела отношение к сионистскому заговору и тайным связям с Голдой Меир. Сразу после Пленума от Молотова потребовали вернуть в секретариат Сталина оригиналы документов по Пакту Молотова—Риббентропа, включавшие секретные протоколы. С того дня и до тех пор, когда в 1992 году их опубликовали, они хранились в секретных архивах Политбюро. Возможно, Сталин собирался предъявить Молотову обвинения в прогерманских симпатиях или заискивании перед Гитлером во время этих тайных переговоров.

В сентябре 1950 года Дроздов, заместитель министра госбезопасности Украины, был переведен в Москву. Дроздова поставили во главе Специального бюро № 2 МГБ СССР, которое должно было заниматься тайной слежкой и похищением сталинских врагов внутри страны — как реальных, так и выдуманных.

Отец вспоминал об этом эпизоде так: «Вначале Абакумов и Огольцов решили, что заниматься подобными операциями, как в стране, так и за рубежом, будет мое бюро по диверсиям и разведке, а Дроздов будет моим заместителем, так как Эйтингон впал в немилость. Это не устраивало Абакумова, он так организовал работу, что внутренние операции поручили Дроздову. У Дроздова не было связей в Москве, но ему доверили эти щекотливые дела.

Первое его задание было проконтролировать надежность системы по подслушиванию и убедиться, что наши «жучки» не обнаружены. Именно тогда от Дроздова я узнал, что в 1942 году Сталин приказал Богдану Кобулову, заместителю Берия, установить подслушивающую аппаратуру в квартирах Ворошилова, Буденного и Жукова. Позже, в 1950 году, к этому списку были добавлены имена Молотова и Микояна. Существовали грандиозные планы по тайному подслушиванию всех телефонных разговоров в руководстве ЦК, но это было исполнено только во времена Брежнева, когда техника достигла необходимого уровня.

Дроздов был рад, что он не вовлечен ни в какие похищения по приказу Сталина, но его подчиненным дважды пришлось работать на Главное управление контрразведки: они должны были заговаривать на улице с иностранными дипломатами, которые встречались с русскими писателями, и затевать потасовки. Первое, что сделал Берия, став министром внутренних дел после смерти Сталина, — уволил Дроздова, поскольку тот слишком много знал о внутренних интригах и потому что он был в плохих отношениях с Богданом Кобуловым. Увольнение Дроздова в пятьдесят лет было просто спасением для него, хоть и казалось тогда крахом: иначе он был бы арестован вместе с Берия».

В июле 1951 года арестовали Абакумова. В последний год его работы на посту министра, особенно в последние девять месяцев, он был абсолютно изолирован от Сталина. Кремлевский список посетителей показывает, что после ноября 1950 года Сталин Абакумова не принимал. Сталин считал, что Абакумов слишком много знал. Его обвинили в затягивании расследования по важным преступлениям и сокрытии информации о том, что Гаврилов и Лаврентьев (гомосексуалисты, которых внедрили в американское посольство) были двойными агентами ЦРУ и МГБ.

Конечно, на совести Абакумова были сфабрикованные признания и ложные показания, данные под пытками, но правда и то, что сперва прокуратура, а после и Рюмин обвинили его в преступлениях, которых он не совершал. Он никогда не был политиком и не мог организовать заговор с целью захвата власти; он был абсолютно предан Сталину и верил в него.

Сначала казалось, что руководство партии хотело исправить серьезные ошибки в работе МГБ. Комиссия Политбюро, в которую входили Берия, Маленков, Игнатьев и Шкирятов (глава Комиссии партийного контроля), с самого начала казалась заинтересованной в проверке эффективности разведывательных и контрразведывательных операций. Вскоре, однако, стало ясно, что арест Абакумова был началом новой «чистки». В результате позиции Маленкова усилились, так как Сталин назначил своего бывшего секретаря, впоследствии заведомо руководящих партийных и советских органов ЦК, Игнатьева на пост министра госбезопасности. В отсутствие Абакумова и «ленинградской группы» Маленков и Игнатьев в союзе с Хрущевым образовали новый центр власти в руководстве.

Игнатьев и его новый первый заместитель Гоглидзе планировали начать ликвидацию глав эмигрантских группировок в Германии и Париже, чтобы доложить об этих громких делах Сталину. Их не заботило, что гораздо выгоднее влиять на деятельность эмиграции. Они собирались использовать двух агентов, семейную пару, для расправы с генералом в отставке Капустянским, украинским националистом, получившим этот чин от самого царя. Ему было за семьдесят, он отошел от политики и был не опасен, но Игнатьев хотел поскорей доложить о его ликвидации, чтобы произвести впечатление на правительство.

Мой отец был категорически против и убедил Игнатьева и его заместителя Епишева не делать этого, поскольку смерть Капустянского лишит нас доступа к его почте, которая была важнейшим источником регулярной информации о положении в эмиграции.

Отец потом вспоминал о крайней шаткости своего положения в то время: «Мою жену и меня беспокоили частые аресты среди работников МГБ. И в антиеврейской кампании, и во внутриправительственных интригах была заметна нарастаю-

шая напряженность. Жена чувствовала, что она и я проходим по показаниям тех, кто был арестован — Райхмана, Эйтингона, Матусова, Свердлова. Я впервые в жизни заговорил с женой о перспективах и возможности найти другую работу. Будучи начальником службы при некомпетентном министре с заместителями типа Рюмина, авантюристами и карьеристами, я неизбежно должен был попасть в сложное положение. Я только что получил диплом Военной академии, и это давало мне надежду на новую работу в военной или партийной сфере.

В 1952 году Сталин не поехал, как обычно, в отпуск на Кавказ. Кажется, тогда нам позвонил Маленков и сообщил, что ЦК поручает мне важное задание, в детали которого меня посвятит Игнатьев. Вскоре я был приглашен к нему в кабинет, где, как ни странно, он был один. Поздоровавшись, Игнатьев сказал: «Наверху весьма озабочены возможностью формирования «Антибольшевистского блока народов» во главе с Керенским. Эту инициативу американской реакции необходимо решительно пресечь, а верхушку блока обезглавить». Мне приказали безотлагательно подготовить план действий в Париже и Лондоне, куда предполагался приезд Керенского.

Через неделю, однако, я доложил Игнатьеву, что в подготовке операции возникли сложности, так как наш человек в Париже, Хохлов, который мог найти подходы к Керенскому, попал в поле зрения контрразведки противника. Когда он в последний раз пересекал границу, его документами заинтересовалась австрийская полиция, а его фальшивый паспорт был изъят для проверки.

Нашу нелегальную боевую группу в Париже возглавлял князь Гагарин, чьей задачей был поиск подходов к штаб-квартире НАТО в Фонтенбло для уничтожения систем связи и тревоги в случае обострения ситуации или начала военных действий. О существовании этой боевой группы докладывали по различным поводам и Сталину, и Маленкову. Я спросил Игнатьева, должны ли мы переориентировать эту агентуру на ликвидацию Керенского.

Игнатьев, который никогда не шел на риск, сказал, что это должны решать наверху. Спустя день или два я прочел сообщение ТАСС о том, что украинские националисты и хорватские эмигранты не согласились на создание «Антибольшевистского блока» под председательством Керенского — они не желали иметь русского во главе этой организации.

На следующее утро я направил рапорт Игнатьеву о работе

боевой группы, приложив информацию ТАСС, чтобы он понял, что Керенский уже не представляет угрозы для Советского Союза. Игнатьев вызвал в кабинет меня, Рясного и Савченко. Он начал с упреков, что они предложили ликвидацию Керенского, не вникнув во внутреннюю вражду в антикоммунистических группировках. Игнатьев подчеркнул, что товарищ Маленков особенно озабочен тем, чтобы мы не уходили в сторону от основной акции, борьбы с главным противником — Соединенными Штатами.

После совещания Игнатьев предложил нам подготовить предложения по реорганизации разведывательной работы за рубежом. Этой реорганизацией руководил лично Сталин. По его инициативе в конце 1952 года в МГБ было создано Главное разведывательное управление, позднее ставшее знаменитым Первым главным управлением КГБ СССР. Начальник разведки занял должность замминистра, что означало увеличение расходов и повышение престижа проведения разведопераций за рубежом.

Меня не пригласили в Кремль на совещание по этому вопросу, на котором председательствовал Сталин, но Маленков официально объявил на совещании в МГБ о решении, которое охарактеризовал как план создания мощной разведывательной агентурной сети за рубежом. Маленков при этом цитировал Сталина: «Работа против нашего главного противника невозможна без создания мощного агентурно-диверсионного аппарата за рубежом. Необязательно создавать резидентуры непосредственно в США, но мы должны действовать против американцев решительно, прежде всего в Европе и на Ближнем Востоке. Мы должны использовать новые возможности, открывшиеся для нас в связи с усилением китайской эмиграции в Соединенные Штаты. Уязвимость Америки — в многонациональной структуре ее населения. Мы должны искать новые возможности использования национальных меньшинств в Америке. Ни одного некоренного американца, который работает на нас, нельзя заставлять работать против страны, откуда он родом. Мы должны максимально использовать в Соединенных Штатах иммигрантов из Германии, Италии и Франции, убеждать их, что, помогая нам, они работают на свою родину, унижаемую американским господством».

Начался 1953 год. Отец, как он пишет в своих воспоминаниях, был очень обеспокоен кадровыми перестановками в МГБ. Эти перестановки происходили по инициативе Сталина, и поэтому никто не мог влиять на них.

Отец знал, что и его имя было в списке из 213 человек. В список входили имена руководящих работников высшего ранга, проходивших по показаниям репрессированных в связи с «ленинградским делом», делом Еврейского антифашистского комитета и «заговором врачей». Используя эти материалы, Маленков снимал с должности или вовсе убирал из Москвы многих сотрудников. Он хотел привлечь в аппарат новых людей, которые были бы мало знакомы с механизмами кремлевской власти «...и выполнили бы любой приказ без малейшего колебания».

Эта новая «чистка» ничем не отличалась от прошлых. Были выколачивания признаний, мордобой, шантаж, кровь. Одним из первых был подвергнут унижению генерал-лейтенант Власик, начальник кремлевской охраны. Сначала он был отправлен в Сибирь на должность начальника лагеря, но там его тайно арестовали. Власику предъявили обвинения в сокрытии знаменитого письма Л. Тимашук, которое Рюмин использовал для раскручивания «дела врачей», «в подозрительных связях с агентами зарубежных разведок и тайном сговоре с Абакумовым».

После ареста Власика немилосердно избивали и мучили. Его отчаянные письма к Сталину о невинности остались без ответа. Власика вынудили признать, что он злоупотреблял властью, что он позволял подозрительным людям присутствовать на официальных приемах в Кремле, на Красной площади и в Большом театре, где бывали Сталин и члены Политбюро, которые, таким образом, могли быть подставлены под удар террористов. Власик оставался в заключении до амнистии, которая последовала в 1955 году. Осудили же его в итоге за растрату фондов на проведение Ялтинской и Потсдамской конференций. Несмотря на поддержку маршала Жукова, его просьбы о реабилитации были отклонены.

Увольнение Власика вовсе не означало, что Берия теперь мог менять людей в личной охране Сталина. В 1952 году, после ареста Власика, Игнатьев лично возглавил Управление охраны Кремля, совмещая эту должность с постом министра госбезопасности.

Мой отец заявлял, что все сплетни о том, что Сталина убили люди Берия, голословны: «Без ведома Игнатьева и Маленкова получить выход на Сталина никто из сталинского окружения не мог. Это был старый, больной человек с

прогрессирующей паранойей, но до своего последнего дня он оставался всемогущим правителем. Он дважды открыто объявлял о своем желании уйти на покой, первый раз после празднования Победы в Кремле в 1945-м и еще раз на Пленуме Центрального Комитета в октябре 1952 года, но это были всего лишь уловки, чтобы выявить расстановку сил в своем окружении и разжечь соперничество внутри Политбюро».

В последние месяцы жизни Сталина мой отец продолжал выполнять его поручения, данные им лично либо через его ближайшее окружение. «В январе 1953 года Маленков и Игнатьев, — рассказывает он в своих мемуарах, — приказали мне подготовить предложения, как использовать отзыв нашего советника в Китае, который доложил Сталину о директиве китайского руководства вербовать агентов из числа работавших там советских специалистов. Товарищ Сталин, по словам Маленкова, решил послать копию этого сообщения Мао Цзэду, объявив, что мы отзываем нашего советника потому, что полностью доверяем китайскому руководству. Ковалева, по-моему, так его фамилия, тут же назначили помощником Сталина в аппарате Совета Министров.

Маленков приказал мне посоветоваться с Ковалевым по поводу создания новой разведывательной сети на Дальнем Востоке, чтобы получать достоверную информацию о Китае. При этом он подчеркнул, что эта сеть не должна иметь связи со старыми источниками, которые могут быть известны китайцам еще со времен Коминтерна.

Атмосфера была напряженной. В конце февраля 1953 года меня вызвали в кабинет Игнатьева, где находились Гоглидзе, его первый заместитель, и Коняхин, заместитель начальника Следственной части. Игнатьев сказал, что мы едем в «инстанцию». Был поздний час — Игнатьев, Гоглидзе и Коняхин вошли в кабинет Сталина, а я около часа оставался в приемной. Потом Гоглидзе и Коняхин вышли, а меня попросили зайти.

Я был очень возбужден, когда вошел в кабинет, но стоило мне посмотреть на Сталина, как это ощущение исчезло. То, что я увидел, меня поразило. Я увидел уставшего старика. Сталин очень изменился. Его волосы сильно поредели, и хотя он всегда говорил медленно, теперь он явно произносил слова как бы через силу, а паузы между словами стали длиннее. Видимо, слухи о двух инсультах были верны: один он перенес после Ялтинской конференции, а другой — накануне семидесятилетия, в 1949 году».

Сталин, по словам отца, начал встречу с обсуждения намеченной реорганизации зарубежной разведки. Игнатьев спросил, есть ли необходимость оставлять в Министерстве госбезопасности два независимых разведывательных центра: Бюро по диверсиям за рубежом и Главное разведуправление. Отцу предложили по этому поводу высказаться.

«Я пояснил, — рассказывал отец, — что для выполнения операций против американских стратегических баз и баз НАТО, окружавших наши границы, мы должны постоянно сотрудничать с разведкой МГБ и Министерства обороны. Быстрое развертывание сил для выполнения специальных задач, таких, как диверсии, требует взаимодействия.

Я подчеркнул, что успех наших диверсионных операций против немцев в большой степени зависел от качества агентурной сети, раскинутой в непосредственной близости от баз, которые нужно будет уничтожить, добавив, что мы были готовы в соответствии с директивой ЦК взорвать американские склады с горючим в Инсбруке, в Австрии. Мы не просто отправили туда оперативную группу. Наши агенты имели прямой доступ к объектам, но неожиданный приказ Абакумова об отмене операции, которая могла сильно затруднить американские воздушные перевозки в Берлин, сбил нас с толку.

Сталин ничего не ответил. На несколько минут воцарилась неловкая пауза. Потом он сказал: «Бюро по диверсиям за рубежом следует сохранить как самостоятельный аппарат с непосредственным подчинением министру. Оно будет важным инструментом в случае войны для причинения серьезного ущерба противнику в самом начале военных действий. Судоплатова также следует сделать заместителем начальника Главного разведуправления. Ему необходимо быть в курсе всех наших агентурных возможностей, чтобы все это использовать в диверсионных целях».

Сталин спросил меня, знаком ли я с Мироновым, помощником Епишева, заместителем министра МГБ по кадрам, и предложил, чтобы Миронов возглавил Главное разведуправление МГБ. Я ответил, что встречался с Мироновым лишь однажды, когда по приказу министра рассказал ему об основных задачах бюро.

Возникла еще одна неловкая пауза. Сталин передал мне написанный от руки документ и попросил прокомментировать его. Это был план покушения на маршала Тито. Я никогда раньше не видел этого документа, но Игнатьев пояс-

нил, что инициатива исходила от Рясного и Савченко, заместителей министра госбезопасности, и что Питовранов в курсе этой акции».

Кстати, по рассказу отца, Питовранов резко выделялся своим интеллектом и кругозором среди руководства МГБ. В начальный период войны он стал начальником управления НКВД в Горьком. На какое-то время Рюмин сумел упрятать его за решетку по обвинению в «заговоре Абакумова». В 1952 году он был освобожден. Он дружил с заместителем отца — Эйтингоном, но по иронии судьбы был вынужден, подчиняясь приказу, организовать его арест в октябре 1951 года. Спустя два дня он сам попал в Лефортово и сидел в камере напротив Эйтингона.

Позже, рассказывает отец, он слышал, что Питовранов написал из тюрьмы письмо на имя Сталина, где обвинял Рюмина в провокационном срыве планов активных операций нашей контрразведки. Его освободили, он вернулся на свое прежнее место, месяц полечившись в Архангельском, в военной санатории для высшего командования.

Дальше речь пошла об одном ответственном деле — ликвидации Тито. «Я сказал Сталину, что в документе предлагаются наивные методы ликвидации Тито, которые отражают опасную некомпетентность в подготовке плана. Письмо Сталину гласило: «МГБ СССР просит разрешения на подготовку и организацию теракта против Тито, с использованием агента-нелегала «Макса» — тов. Григулевича И. Р., гражданина СССР, члена КПСС с 1950 года (справка прилагается)».

История Макса такова. Он был перебросен нашими спецслужбами по коста-риканскому паспорту в Италию, где ему удалось завоевать доверие и сравнительно легко войти в среду дипломатов южноамериканских стран, видных коста-риканских деятелей и коммерсантов, посещавших Италию.

Используя свои связи, Макс по заданию Центра добился назначения на пост Чрезвычайного и Полномочного Посланника Коста-Рики в Италии и одновременно в Югославию. Выполняя свои дипломатические обязанности, он во второй половине 1952 года дважды посетил Югославию, где был хорошо принят, имел доступ в круги, близкие к Тито, и получил его обещание личной аудиенции. Занимаемое Максом в то время положение, в общем-то, позволяло использовать его возможности для проведения активных действий против Тито.

В начале февраля 1953 года Макс был вызван руководством разведки в Вену, где с ним была организована встреча в конспиративных условиях. В ходе обсуждения возможностей Макса перед ним был поставлен вопрос, чем он мог бы быть наиболее полезен, учитывая его положение. Макс предложил предпринять какое-либо действенное мероприятие лично против Тито.

В связи с этим предложением с ним была проведена беседа о том, как он себе это представляет, в результате чего выявились, как следует из документа, такие возможные варианты осуществления теракта против Тито:

«1. Поручить Максу добиться личной аудиенции у Тито, во время которой он должен будет из замаскированного в одежде бесшумно действующего механизма выпустить дозу бактерий легочной чумы, что гарантирует заражение и смерть Тито и присутствующих в помещении лиц. Сам Макс не будет знать о существовании применяемого препарата. В целях сохранения жизни Макс будет предварительно привита противочумная сыrovоротка.

2. В связи с ожидаемой поездкой Тито в Лондон командировать туда Макса, используя свое официальное положение и хорошие личные отношения с югославским послом в Англии Велебитом, попасть на прием в югославском посольстве, который, как следует ожидать, Велебит даст в честь Тито.

Теракт произвести путем бесшумного выстрела из замаскированного под предмет личного обихода механизма с одновременным выпуском слезоточивых газов для создания паники среди присутствующих, с тем чтобы создать обстановку, благоприятную для отхода Макса и скрытия следов.

3. Воспользоваться одним из официальных приемов в Белграде, на который приглашаются жены дипломатического корпуса. Теракт произвести таким же путем, как и во втором варианте, поручив его самому Макс, который как дипломат, аккредитованный при югославском правительстве, будет приглашен на такой прием.

Кроме того, поручить Макс, разработать вариант и подготовить условия вручения через одного из костариканских представителей подарка Тито в виде каких-либо драгоценностей в шкатулке, раскрытие которой приведет в действие механизм, выбрасывающий моментально действующее отравляющее вещество.

Максу предложено было еще раз подумать и внести предложения, каким образом он мог бы осуществить наиболее дей-

ственные мероприятия против Тито. С ним обусловлены способы связи и договорено, что ему будут даны дополнительные указания.

Считали бы целесообразным использовать возможности Макса для совершения теракта против Тито. Макс по своим личным качествам и опыту работы в разведке подходит для выполнения такого задания.

Просим Вашего согласия».

Сталин не сделал никаких пометок на документе, — вспоминает отец. — Письмо не было подписано. В кабинете Сталина, глядя ему в глаза, я сказал, что Макс не подходит для подобного поручения, так как он никогда не был боевиком-террористом. Он участвовал в операции против Троцкого в Мексике, против агента охранки в Литве, в ликвидации лидера троцкистов Испании А. Нина, но лишь с задачей обеспечения выхода боевиков на объект акции. Кроме того, из документа не следует, что прямой выход на Тито гарантирован. Как бы мы о Тито ни думали, мы должны отнестись к нему как к серьезному противнику, который участвовал в боевых операциях в военные годы и, безусловно, сохранит присутствие духа и отразит нападение. Я сослался на нашего агента Вала — Момо Джуровича, генерал-майора в охране Тито. По его отчетам, Тито был всегда начеку из-за напряженного внутреннего положения в Югославии. К сожалению, Вал в связи с внутренними интригами, не так уж отличавшимися от наших, потерял расположение Тито и в настоящее время сидел в тюрьме. Будет разумнее использовать разногласия в окружении Тито, отметил я, лихорадочно придумывая, каким образом ввести в игру находившегося под арестом Эйтингона, чтобы он отвечал за исполнение операции, так как Григулевич очень ценил его — они в течение пяти лет работали бок о бок за границей.

Игнатьеву не понравились мои замечания, но я внезапно почувствовал уверенность, поскольку упоминание высокопоставленного источника информации из службы безопасности Тито произвело впечатление на Сталина. Однако Сталин прервал меня и, обращаясь к Игнатьеву, сказал, что это дело надо еще раз обдумать, приняв во внимание внутренние «драчки» в руководстве Югославии. Потом он пристально посмотрел на меня и сказал, что, так как это задание важно для укрепления наших позиций в Восточной Европе и для нашего влияния на Балканах, подойти надо к нему исключительно ответственно, чтобы избежать провала, подобного тому, ко-

торый имел место в Турции в 1942 году, когда сорвалось покушение на посла Германии фон Папена. Все мои надежды поднять вопрос об освобождении Эйтингона мгновенно улетучились.

На следующий день в министерстве мне выдали два литературных дела — «Стервятник» и «Нерон», содержащих компромат на Тито. Там также были еженедельные отчеты от нашей резидентуры в Белграде. Досье включали в себя idiotские резолюции Молотова: искать связи Тито с профашистскими группировками и хорватскими националистами. В досье я не нашел никаких реальных фактов, дающих возможность подступиться к ближайшему окружению Тито, чтобы наши агенты могли подойти достаточно близко для нанесения удара».

Когда отца вызвали на следующий день в кабинет Игнатьева, там были четверо из людей Хрущева — заместитель министра Серов, Савченко, Рясной и Епишев. Он, рассказывал отец, сразу же почувствовал себя не в своей тарелке, потому что прежде обсуждал столь деликатные вопросы лишь наедине с Берия или Сталиным. Среди присутствующих он был единственным профессионалом разведки, имевшим опыт работы за рубежом.

Как можно было сказать заместителю министра, лихорадочно раздумывал он, что план их наивен? Как пишет в своих воспоминаниях, он не поверил своим ушам, когда Епишев прочел пятнадцатиминутную лекцию о политической важности задания. Потом включились в нравоучительный разговор Рясной и Савченко, сказав, что Григулевич как никто подходит для такой работы, и с этими словами показали его письмо к жене, в котором он говорил о намерении пожертвовать собой во имя общего дела. Григулевича, говорил отец, видимо, вынудили написать это письмо. Организаторам надо было хорошенько подстраховаться, чтобы в случае чего избежать ответственности.

Отец понял, что предостережения его не подействуют, и сказал, что он, как член партии, считает своим долгом заявить им и товарищу Сталину, что никому не дано права посылать агента на верную смерть в мирное время. План операции должен обязательно предусматривать возможности ухода боевика после акции, нельзя согласиться с планом, в котором агенту приказывали уничтожить серьезно охраняемый объект без предварительного анализа оперативной обстановки.

В заключение разговора, как свидетельствовал отец, Игнатъев подчеркнул, что все должны думать, думать и еще раз думать о том, как выполнить директиву партии.

Это совещание оказалось его последней деловой встречей с Игнатьевым и Епишевым. Через десять дней Игнатъев поднял оперативный состав и войска МГБ по тревоге и конфиденциально проинформировал начальников управлений и самостоятельных служб о болезни Сталина. Через два дня Сталин умер, и идея покушения на Тито была окончательно похоронена.

5 января 1953 года, в соответствии с решением Бюро Президиума ЦК КПСС от 30 декабря 1952 года, Первое главное (разведывательное) управление, Второе главное (контрразведывательное) управление, Бюро № 1 (по разведке и диверсиям), Отдел «Д» («активные мероприятия»), а также ряд подразделений 4-го (розыскного), 5-го (секретно-политического) и 7-го (оперативного) управлений МГБ СССР были объединены в Главное разведывательное управление (ГРУ) МГБ СССР. Управление по разведке за границей ГРУ МГБ возглавил генерал-майор Евгений Петрович Питовранов.

Практически процесс реорганизации и создания ГРУ МГБ СССР остался на бумаге и завершен не был. 5 марта 1953 года умер И. В. Сталин, МГБ и МВД были объединены в единое Министерство внутренних дел, которое возглавил Л. П. Берия. Начался новый этап перестройки органов.

Тем временем попытки моего отца перейти на работу в партийные органы или Совет Министров, казалось, начали приносить плоды. В 1952 году он отправил в ЦК информацию, полученную от нашей резидентуры в Вене, о планах американцев похитить секретаря ЦК Австрийской компартии. Отца вызвали в ЦК к Суслову, чтобы обсудить эти данные. Спустя несколько дней, в первые дни марта 1953 года, сказали, что его кандидатуру рассматривают на замещение вакансии заместителя председателя недавно сформированной Иностранной комиссии ЦК КПСС по «нелегальным» связям с иностранными коммунистическими партиями. Мои родители были полны надежд, что, может быть, придет конец службе отца в органах безопасности, которые, по его словам, возглавлялись абсолютно некомпетентными людьми, со-

вершавшими преступления как по причине некомпетентности, так и из карьеристских побуждений.

Но быстро разворачивавшиеся события коренным образом изменили судьбу отца. 5 марта Сталин умер, и в тот же день поздно вечером Берия назначили министром расширенного Министерства внутренних дел, которое теперь включало в себя и милицию, и аппарат органов безопасности (МГБ).

Отец потом много раз вспоминал об этих днях: «Я был на похоронах Сталина и видел, как непрофессионально Серов, Гоглидзе и Рясной контролировали положение в городе. Прежде чем я смог добраться до Колонного зала, чтобы встать в караул от моего министерства, кордон из грузовиков перекрыл путь, так что мне пришлось пробираться через кабины грузовиков. Не продумали даже, как разместить все делегации, прибывавшие на похороны. Была какая-то идиотская неразбериха, из-за которой сотни скорбящих людей, к сожалению, погибли в давке.

Во время похорон Сталина мое горе было искренним; я думал, что его жестокость и расправы были ошибками, совершенными из-за авантюризма и некомпетентности Ежова, Абакумова, Игнатьева и их подручных.

На следующий день после похорон я понял, что началась другая эпоха. Секретарь Берия позвонил мне в шесть вечера и сообщил, что новый Хозяин покинул кабинет и приказал не ждать его возвращения. С этого момента я мог уходить с работы ежедневно в шесть вечера в отличие от тех лет, когда приходилось работать до двух или трех утра, пока Сталин сидел за рабочим столом в Кремле или у себя на даче.

Началась перетряска кадров в новом министерстве; Круглов, который работал с Маленковым в ЦК в 30-е годы и на протяжении последних семи лет был министром внутренних дел, стал первым заместителем Берия в расширенном МВД. Гоглидзе, который невольно оказался причастным к «мингирельскому делу», перестал занимать пост заместителя министра и возглавил военную контрразведку. Богдан Кобулов, протеже Берия, которого Абакумов в 1946 году уволил из органов госбезопасности, вернулся на Лубянку в должности заместителя Берия. Серов, человек Хрущева, сохранил свое положение и остался первым заместителем Берия. Рясной и Савченко, которые, как и Серов, работали с Хрущевым на Украине, возглавили Главное разведуправление. Федотов, всегда уравновешенный и дисциплинированный, ненадолго сменивший

в 1946 году Фитина в руководстве внешней разведки, а позже работавший в Комитете информации, вновь, как и до войны, возглавил Главное контрразведывательное управление. Берия назначил генерал-лейтенанта Сазыкина, моего бывшего заместителя по отделу «атомной» разведки, начальником Управления по борьбе с идеологическими диверсиями и национализмом, будущего 5-го «политического» управления КГБ».

Параллельно с этими быстрыми назначениями шло развенчание обвинителей по делу «сионистского заговора» и «делу врачей». Эйтингон, Райхман, Селивановский, Белкин, Шубняков и другие высокопоставленные работники, арестованные по обвинениям в сокрытии «сионистского заговора» или содействии Абакумову в планах захватить власть, в конце марта 1953 года были освобождены. Дело Жемчужиной закрыл сам Берия 23 марта, но освободили ее на следующий день после похорон Сталина, по случаю дня рождения Молотова, 9 марта. Берия приказал пересмотреть дела Эйтингона и Райхмана и быстро утрясти все формальности, необходимые для их освобождения.

Позже Эйтингон со слов отца рассказывал, что не ждал ничего хорошего, когда после смерти Сталина, о которой он не знал, его вызвали к следователю. К его удивлению, он увидел там Гоглидзе и Кобулова, который был уволен из органов еще семь лет назад. Он сразу понял, что произошли большие перемены. Ему был задан лишь один вопрос: будет ли он после освобождения продолжать службу? Он чувствовал себя неважно, но после лечения был готов продолжить работу. Потом Кобулов сказал Эйтингону, что Сталин умер и он, Кобулов, говорит от имени Берия, недавно назначенного главой расширенного Министерства внутренних дел, а он — его заместитель по следственной работе и контрразведке. Кобулов обещал, что, хотя формальности займут несколько дней, Эйтингон может спокойно «отдыхать» в камере в ожидании освобождения. Эйтингон попросил перевести его подальше от следственного блока, чтобы ему не приходилось слышать крики заключенных, на которых Рюмин пробует «активные методы следствия». Кобулов ответил, что Рюмин сам находится под арестом за совершенные преступления, а Берия, став министром, первым же приказом запретил избиения и пытки подследственных на Лубянке и в Лефортове.

Потом Кобулов вызвал конвой, и в следственную комнату вошел конвоир, чтобы сопроводить Эйтингона до его камеры. Рисуюсь перед Кобуловым, охранник приказал Эйтингону: «Руки за спину!» — обычное обращение с заключенными. Кобулов немедленно оборвал его и приказал обращаться с Эйтингоном с подобающим уважением, как с генерал-майором госбезопасности, так как он уже не под следствием, а под административным арестом. Это наконец убедило Эйтингона в том, что все происходящее не игра.

В свою очередь Берия приказал отцу и другим генералам проверить сфабрикованные обвинения по «сионистскому заговору». Больше всего проверяющих, как рассказывал отец, поразило то, что Жемчужина, жена Молотова, якобы установила тайные контакты через Михоэlsa и еврейских активистов со своим братом в Соединенных Штатах. Ее письмо к брату, датированное октябрём 1944 года, вообще к политике не имело никакого отношения.

«Как офицер разведки, — вспоминал этот случай отец, — я тут же понял, что руководство разрешило ей написать это письмо, чтобы установить формальный тайный канал связи с американскими сионистскими организациями. Я не мог представить себе, что Жемчужина была способна написать подобное письмо без соответствующей санкции.

Я вспомнил о своих контактах с Гарриманом по поводу создания еврейской республики в Крыму. Из показаний Жемчужиной я понял, что зондаж американских представителей по этому вопросу осуществлялся не только через меня, но и по другим направлениям, в частности через Михоэlsa. Это убедило меня в том, что мое общение с Гарриманом — лишь одна из немногих попыток обсудить, как можно использовать еврейский вопрос в более широком контексте советско-американских отношений.

Когда я начал обсуждать с Берия ту роль, которую могла бы сыграть Жемчужина в обновлении неформальных контактов с международным еврейским сообществом, он оборвал меня, сказав, что этот вопрос в разведоперациях закрыт раз и навсегда».

Вместо этого, свидетельствует отец, Берия указал на Майского, который, по его словам, был фигурой гораздо более важной и идеальной кандидатурой для того, чтобы осуществить зондаж наших новых инициатив на

Западе. Как видный дипломат, он мог завязать личные контакты на высоком уровне, чтобы проводить нашу резко изменившуюся после смерти Сталина политику.

Академику Майскому, бывшему послу в Лондоне и заместителю министра иностранных дел, тогда уже было под семьдесят. Когда-то он был одним из меньшевистских лидеров, оппонентов Ленина, но позже сделал головокружительную карьеру на советской дипломатической службе. Тем не менее его в 1952 году тоже обвинили в «сионистском заговоре». Против него выдвинули неправдоподобные, скорее всего даже абсурдные обвинения. А именно в них утверждалось, что еврейские организации за рубежом хотели назначить его министром иностранных дел в новом правительстве после того, как «Абакумов захватит власть».

«Берия сказал мне, — пишет отец, — «...так как вы знали Майского во время войны, еще до Ялты, а ваша жена подружилась с его женой, вы должны подготовиться для работы с ним в будущем».

Начальник контрразведки Федотов, который «пересматривал» дело Майского, посоветовал отцу пока с ним не встречаться. «Павел Анатольевич, — сказал он ему доверительно, — с первой же моей встречи с ним, когда я официально ему объявил: «Вы находитесь в ведении начальника контрразведки генерала Федотова, которому поручено рассмотреть абсурдные обвинения, выдвинутые против вас, и обстоятельства вашего незаконного ареста», он начал признаваться, что был японским шпионом, потом английским, а потом американским».

Можно понять действия Майского, который был готов говорить что угодно, признавать свою вину во всех смертных грехах, лишь бы избежать избиений и пыток. Он отказывался верить, что Сталин умер и похоронен в Мавзолее; он говорил, что это очередная провокация.

Федотов предложил тогда отцу отложить с ним все дискуссии по важным дипломатическим вопросам и вопросам разведки недели на две-три. По приказу Берия он перевел его из камеры в комнату отдыха за своим кабинетом. Там Майский смог увидеться с женой, там ему показали документальные кадры похорон Сталина.

Трехнедельная отсрочка чуть не стала роковой, потому что дело Майского, в отличие от остальных, тогда, в мае 1953 года, не было официально закрыто. Когда аре-

стовали Берия, Майский, к которому Маленков и Молотов относились плохо, жил на Лубянке со своей женой, в комнате за кабинетом Федотова. Теперь Майского обвинили в сговоре с Берия с целью стать при нем министром иностранных дел и вновь посадили в тюрьму, где у него произошел нервный срыв.

Позже, рассказывал отец, наша мама встретилась с его женой в приемной Бутырок, где сидели и Майский, и отец. Майская сказала, что она ведет фантастическую жизнь: хотя все деньги Майского и все государственные облигации были конфискованы, ее личные облигации последних пяти лет остались при ней, и одна из них выиграла по государственному займу 50 тысяч рублей (тогда один рубль равнялся четырем американским долларам). Когда она встретила нашу маму в тюрьме, куда они обе принесли передачи с едой для своих мужей, Майская не смогла сразу вспомнить, где они встречались. «В Париже, в Лондоне или на приеме в Кремле?» — спросила она. Мама тогда напомнила ей, что это было на даче Емельяна Ярославского и в его же квартире в центре Москвы.

Проведя в тюрьме четыре года, Майский наконец предстал перед военной коллегией Верховного суда по обвинению в пособничестве Берия захватить власть и поддержании связей между Берия и английской разведкой. Он отвергал все обвинения, и военная коллегия не смогла найти доказательств его вины. Был вызван Горский (резидент НКВД в Лондоне в то время, когда Майский был там послом), чтобы дать показания о предательской связи Майского с Берия, но он изменил свои первоначальные показания и не поддержал обвинение. Вина была уменьшена до превышения полномочий посла, так как Майский отправлял телеграммы из Лондона не только в Министерство иностранных дел, но и в НКВД Берия — вдруг ему поставили в вину стандартные требования рассылки спецсообщений послов. Его также обвинили в том, что он преступно восхищался западным образом жизни и культивировал западные манеры общения в советском посольстве в Лондоне. Майского приговорили к десяти годам тюрьмы, четыре с половиной из которых он уже отсидел, а вскоре он был амнистирован. Его реабилитировали лишь в 1964 году. В своих опубликованных воспоминаниях он ни ра-

зу не упомянул о злключениях и злсчастном знакомстве с советской тюрьмой.

Дело по «сионистскому заговору» в органах безопасности было наконец закрыто в середине мая 1953 года, когда освободили Андрея Свердлова и Матусова, ответственных работников МГБ. Берия назначил Свердлова на должность начальника отдела, отвечавшего за расследования и проверку анонимок. Его коллега Матусов, из записей которого можно узнать весьма интересную хронологию «чисток» с 1930 по 1950 год, был освобожден в 1953 году, но не восстановлен на службе. Он умер в конце 60-х годов. Моя мать пользовалась его юридическими консультациями, чтобы подкрепить просьбы об освобождении отца. Матусова вскоре исключили из партии и лишили пенсии МГБ за причастность к репрессиям. Опираясь на поддержку Свердлова, он беспрерывно апеллировал в КПК при ЦК КПСС.

В 1963 году Матусова и Свердлова вызвал заместитель председателя Комитета партийного контроля Сердюк, протеже Хрущева, который потребовал, чтобы они перестали писать письма в ЦК, иначе партия накажет их обоих за то, что они распускают сплетни, а сверх того — за незаконное преследование знаменитого писателя Александра Солженицына.

Свердлов и Матусов бурно протестовали, утверждая, что они не фабриковали это дело. Письмо Солженицына, критикующее советскую систему и лично Сталина за военные неудачи, было перехвачено во время войны военной цензурой, которая и начала дело против Солженицына. В условиях войны критика военного командования расценивалась, по крайней мере, как подозрительная. Сердюк прервал их и сказал, что, судя по имеющимся у Комиссии партийного контроля доказательствам, Солженицын всегда был нестигаемым ленинцем, и показал им письмо, которое Солженицын написал Хрущеву.

Свердлов получил выговор по партийной линии, но продолжал работать старшим научным сотрудником в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, куда его перевели после ареста Берия. Матусова же исключили из партии «навсегда». Было официально объявлено, что это решение никогда не будет пересмотрено, но его оставили в покое и позволили заниматься литературной

деятельностью. Вместе со Свердловым он написал ряд детективных повестей.

Абакумова не освободили. Как мрачно шутил мой отец, Берия и Маленков имели на него большой острый зуб. Его обвинили в фальсификации дела Жемчужиной.

Отец в своих воспоминаниях писал по этому поводу: «В то время меня не интересовал Абакумов, у меня были свои причины его не любить, но я узнал от Райхмана, что Абакумов отрицал обвинения, связывающие его с «сионистским заговором», несмотря на то что Рюмин зверски его пытал. Райхман рассказал мне, что он вел себя как настоящий мужчина с сильной волей. В 1990 году меня вызвали в качестве свидетеля, когда его дело проверялось военной прокуратурой; я изменил свое мнение о нем, потому что, какие бы преступления он ни совершал, он заплатил за все сполна в тюрьме. Ему пришлось вынести невероятные страдания (он просидел три месяца в холодильнике в кандалах), но он нашел в себе силы не покориться... Он боролся за жизнь, категорически отрицая «заговор врачей». Благодаря его твердости и мужеству в марте и апреле 1953 года стало возможным быстро освободить всех арестованных, замешанных в так называемом заговоре, поскольку именно Абакумову вменялось в вину, что он был их руководителем».

Однако Берия и Маленков решили покончить с Абакумовым. На совещании у себя в кабинете Берия официально объявил, что хотя обвинения Абакумова в заговоре были несостоятельны, но он все равно остается под следствием за разбазаривание правительственных средств, злоупотребление властью и, что было серьезней, за фальсификацию дела против бывшего руководства Министерства авиационной промышленности, командования ВВС, против Полины Жемчужиной, за убийство Михоэзса.

До самого ареста Берия мой отец по служебным обязанностям был вхож в его кабинет и однажды воспользовался такой возможностью для личной просьбы: «Как только 23 марта 1953 года освободили Эйтингона, его тут же положили в больницу из-за язвы и общего истощения. Он просил меня ускорить освобождение его сестры Сони, которую арестовали вместе с ним в 1951 году и приговорили к десяти годам тюремного заключения «за отказ лечить русских пациентов и содействие сионистскому заговору». Соню вначале приговорили к восьми годам, но прокурор Дарон, еврей по национальности, который наблюдал за следствием в МГБ,

боясь обвинений в симпатии к евреям, настоял на большем сроке. Я воспользовался следующей своей встречей с Берия, чтобы передать ему письмо от Эйтингона, который просил за сестру. К счастью для Сони, первый заместитель Берия Круглов тоже был тогда в кабинете. Когда я попытался объяснить, в чем дело, Берия меня прервал, передал письмо Круглову, не подписывая его, и сказал: «Немедленно организуйте ее освобождение».

Я проследовал за Кругловым в его кабинет, где он продиктовал короткое представление в Верховный суд: «Предпринятая Министерством внутренних дел проверка обвинений против Сони Исаковны Эйтингон показала, что дело сфабриковано, а доказательства ее вины сфальсифицированы. МВД входит в Верховный суд с предложением приговор отменить, а дело против Эйтингон С. И. прекратить за отсутствием состава преступления». Подпись: «С. Круглов, первый заместитель министра внутренних дел СССР».

Я проследил, чтобы письмо было передано в Верховный суд, и попытался ускорить формальности, необходимые для ее освобождения. Определение Верховного суда было подписано только через три недели, но еще неделя потребовалась, чтобы его получила администрация лагеря, где она сидела. Я лично позвонил начальнику лагеря, прося о ее скорейшем освобождении, но он ответил, что она в больнице и ей будут делать операцию. Используя свое положение, я отдал приказ немедленно выписать ее из лагеря и перевести в местную больницу, как только операция будет сделана».

Ей повезло, что Круглов, а не Берия подписал письмо о ее освобождении. Через несколько недель Берия арестовали, и его резолюция на письме не дала бы ей никакого шанса выйти из тюрьмы в течение, как минимум, двух лет, когда освободили всех других заключенных, отбывавших срок по обвинениям в «сионистском заговоре» и агитации. Дело сестры Эйтингона было одним из первых в волне реабилитаций, начатой Берия после смерти Сталина.

Новый Устав Коммунистической партии был одобрен на XIX съезде КПСС в 1952 году. По этому Уставу правящий орган был лишь один — Президиум Центрального Комитета, сильно расширенный. Политбюро, в котором было только одиннадцать членов, было упразднено. В новом Президиуме было двадцать пять человек, включая старую гвардию — Молотова, Кагановича и Во-

рошилова — и относительно молодых людей типа Брежнева, Чеснокова и Суслова.

Однако реальная власть была сконцентрирована в Бюро Президиума, не известном широкой общественности, которое было выбрано на последнем Пленуме ЦК в октябре 1952 года, где председательствовал Сталин. В Бюро входили Сталин, Маленков, Берия, Хрущев, Ворошилов, Каганович, Булганин, Сабуров, Первухин. Туда не входили Молотов и Микоян, влиятельные фигуры старой гвардии, которых к этому времени лишили реальной власти. В новом Бюро правили Сталин и молодое поколение.

На Пленуме ЦК 2 апреля 1953 года, когда еще не прошло и месяца после смерти Сталина, Берия обнародовал факты, что Сталин и Игнатьев злоупотребили властью, сфабриковав «дело врачей».

Игнатьев был человеком Маленкова. Его устранение после смерти Сталина как секретаря ЦК, курировавшего органы безопасности, устраивало Берия и Хрущева, но не устраивало Маленкова, который терял свою опору в Секретариате ЦК партии. Для Маленкова это было особенно опасно, так как в апреле 1953 года он отошел от работы в аппарате ЦК КПСС, будучи освобожденным от должности секретаря ЦК.

Материалы апрельского Пленума 1953 года содержат в основном все те сенсационные обвинения, которыми Хрущев в 1956 году удивил мир в разоблачительном докладе на XX съезде партии.

Не вдаваясь в оценку мотивов инициатив Берия в апреле—июне 1953 года, нельзя не признать, что в его предложениях по ликвидации ГУЛАГа, освобождении политзаключенных, нормализации отношений с Югославией содержались все основные меры «ликвидации последствий культа личности», реализованные Хрущевым в годы «оттепели».

Во время последних лет сталинского правления Хрущев использовал союз с Маленковым и Берия, чтобы усилить свое влияние в партии и государстве. Он добился редкой чести обратиться к XIX съезду КПСС с отдельным докладом по Уставу партии. Одержав победу над своими соперниками с помощью интриг, он расставлял своих людей на влиятельных постах. Редко замечают, что Хрущев умудрился в последний год правления Сталина

внедрить четырех своих ставленников в руководство МГБ—МВД: заместителями министра стали Серов, Савченко, Рясной и Епишев. Первые трое работали с ним на Украине. Четвертый служил под его началом секретарем обкома в Одессе и Харькове.

Сразу после Пленума ЦК в апреле 1953 года Маленков потерял свое руководящее положение в аппарате ЦК КПСС. Таким образом, его положение в руководстве теперь полностью зависело от союза с Берия. Он не понимал этого и преувеличивал свой авторитет, все еще думая, что он второй после Сталина человек в партии и государстве и что все вокруг него, включая Президиум ЦК, заинтересованы в хороших с ним отношениях. Однако после смерти Сталина поведение членов советского руководства стало более независимым и каждый хотел играть собственную роль. Таким образом, возникла новая обстановка, открывшая путь к восхождению Хрущева к вершинам власти.

В течение суток с момента смерти Сталина Министерство госбезопасности и Министерство внутренних дел, как выше уже говорилось, были объединены под единым руководством Берия. 10 марта 1953 года в министерстве были созданы четыре группы для проверки и пересмотра фальсифицированных дел: «заговора врачей», «сионистского заговора», «мингрельского дела» и «дела МГБ».

Сообщение МВД для печати об освобождении арестованных врачей значительно отличалось от решения ЦК КПСС. В этом сообщении Берия использовал более сильные выражения для осуждения незаконного ареста врачей. Однако его предложения по реабилитации расстрелянных членов Еврейского антифашистского комитета были отклонены Хрущевым и Маленковым. Члены ЕАК были реабилитированы лишь в 1955 году. Предложения Берия по реабилитации врачей и членов ЕАК породили ложные слухи о его еврейском происхождении и о его связях с евреями. В начале апреля 1953 года Хрущев направил закрытое письмо партийным организациям с требованием не комментировать сообщение МВД, опубликованное в прессе, и не обсуждать проблему антисемитизма на партийных собраниях.

2 апреля 1953 года Берия адресовал в Совет Министров СССР докладную записку, в которой констатиро-

вал, что Михоэлс был оклеветан и злодейски убит по приказу Сталина группой работников МГБ, возглавлявшейся Огольцовым и Цанавой, куда входили еще пять оперативных работников. Он предложил отменить Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении этих лиц орденами, а Огольцова и Цанаву, как исполнителей злодейской акции, арестовать по обвинению в убийстве. Однако Цанаву был арестован лишь полгода спустя, но не за участие в убийстве Михоэлса, а как «член банды Берия». Огольцова и его группу лишили наград, но под суд не отдали. Из партии Огольцова исключили только в 1954 году. Итак, за убийство Михоэлса по-настоящему никто не ответил, если не считать того, что несколько человек должны были вернуть свои ордена.

Кстати, Берия выступил на Президиуме ЦК КПСС и представил на обсуждение проект более широкой амнистии для политических заключенных. Однако и эти его предложения не были приняты. Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии касался всех лиц, включая и политзаключенных, осужденных на срок до пяти лет. Это решение оказалось непродуманным: свыше миллиона обычных уголовников — воров, насильников, мошенников, хулиганов — одновременно выпустили из лагерей.

Города и поселки буквально наводнились шпаной и хулиганьем, обстановка стала опасной и напряженной. В связи с этим Берия перевел аппарат министерства на работу в усиленном режиме, приказал своим заместителям и начальникам управлений обеспечить общественный порядок в столице. Войска МВД были брошены на патрулирование Москвы и массовые обыски чердаков и подвалов. Порядок быстро восстановили. Несомненно, однако, что вызванный амнистией разгул преступности пошатнул поднявшийся было после освобождения врачей престиж Берия. Знаменательно, что Берия принял решение о передаче ГУЛАГа из МВД в Министерство юстиции и поставил вопрос о его ликвидации. После ареста Берия это решение было отменено. Мой отец, в то время часто встречаясь по службе с Лаврентием Павловичем Берия, отмечал: «В апреле 1953 года в поведении Берия я стал замечать некоторые перемены: разговаривая по телефону в моем присутствии (а иногда и еще нескольких старших офицеров госбезопасности) с Маленковым, Булганиным

и Хрущевым, он открыто критиковал членов Президиума ЦК партии, обращался к ним фамильярно, на «ты». Как-то раз в присутствии начальника Управления идеологической контрразведки Сазыкина он начал вспоминать, как спас Илью Эренбурга от сталинского гнева.

По его словам, в 1939 году он получил приказ Сталина арестовать Эренбурга, как только тот вернется из Франции. На Лубянке Берия ждала телеграмма от резидента НКВД в Париже Василевского, в которой тот высоко оценивал политический вклад Эренбурга в развитие советско-французских отношений и его антифашистскую деятельность. Вместо того чтобы выполнить приказ Сталина, Берия на следующей встрече с ним показал телеграмму Василевского. В ответ Сталин пробормотал:

— Ну что ж, если ты так любишь этого еврея, работай с ним и дальше.

Однажды, зайдя в кабинет к Берия, я услышал, как он спорит по телефону с Хрущевым:

— Послушай, ты сам просил меня найти способ ликвидировать Бандеру, а сейчас ваш ЦК препятствует назначению в МВД компетентных работников, профессионалов по борьбе с национализмом.

Развязный тон Берия в общении с Хрущевым озадачивал меня: ведь раньше он никогда не позволял себе такую вольность, когда рядом были его подчиненные.

В мае 1953 года был отозван в Москву Григулевич. Это сделали по двум причинам: надо было убедиться, не «засветил» ли его Орлов (Никольский) в своих разоблачительных статьях, опубликованных за месяц до этого в журнале «Лайф». Во-вторых, если он оставался вне подозрений, его предполагалось привлечь к бериевскому плану объединения Германии и урегулированию отношений с Югославией.

Весной 1953 года положение моего отца на службе было неопределенным. С одной стороны, заместитель Берия Богдан Кобулов хотел назначить его начальником инспекции МВД, то есть курировать исполнение приказов и инструкций центрального аппарата всеми территориальными органами госбезопасности. Отца это предложение не очень устраивало, так как он должен был нести груз ответственности за всю машину министерства и заниматься разбором кадровых дел и конфликтных ситуаций на местах. Круглов же, первый заместитель Бе-

рия, вместо этого предложил, чтобы Эйтингон и отец, сохраняя свои должности в Бюро по разведке и диверсионной работе, были назначены заместителями начальника только что созданного Управления идеологической контрразведки. Нашей основной задачей должен был стать окончательный разгром националистического подполья на территории Советского Союза, преимущественно в республиках Прибалтики и в Западной Украине.

Отец это предложение принял, однако к новой работе так и не приступил. Не прошло и недели, как Берия предложил ему заменить начальника Главного контрразведывательного управления Федотова. На следующий день, когда они с Федотовым явились к Берия, Кобулов совершенно неожиданно предложил отцу должность министра госбезопасности Украины; затем сказал, что, пожалуй, лучше было бы, чтобы отец стал уполномоченным МВД по Германии, намекнув на то, что за хорошую работу неплохо было бы некоторое время пожить с семьей в более комфортных условиях. Зная Богдана Кобулова как большого мастера интриг, отец ответил, что не может принять эти предложения по причинам личного характера. К тому же он сослался и на состояние здоровья нашей мамы и назвал как возможного кандидата для работы в Германии Амаяка Кобулова, в то время начальника управления МВД по делам военнопленных.

«Думаю, — рассказывал об этом случае отец, — Богдан Кобулов просто хотел избавиться от меня в центральном аппарате министерства, потому что я слишком много знал об операциях, которые он и Берия проводили против грузинских эмигрантов в Париже. Я знал также, что племянник жены Берия, некто Шавдиа, был захвачен немцами в плен и действовал в качестве нашего агента-двойника, сотрудничая с гестапо в Париже. В 1945 году он вернулся в Москву, а затем уехал в Тбилиси. В 1951 году Сталин распорядился арестовать его за сотрудничество с нацистами и как одного из мингрельских националистов. Шавдиа был приговорен к двадцати пяти годам лагерей строгого режима. Берия не освободил его из заключения, когда возглавил МВД. Однако родственная связь с осужденным преступником оставалась темным пятном в его биографии и таила в себе потенциальную опасность».

Берия тоже не согласился с этими предложениями, сказав, что Судоплатов не может уехать из Москвы. И

все же в течение недели отец получил назначение на должность начальника вновь созданного 9-го отдела МВД с подчинением непосредственно министру. 9-й отдел, более известный как Бюро специальных заданий, имел в своем подчинении бригаду спецвойск особого назначения для проведения диверсионных операций за рубежом. Хотя никто прямо не говорил о характере задач, которые должна была выполнять бригада, новая работа отца соответствовала ранее высказанной Сталиным рекомендации — он фактически стал заместителем начальника Главного разведывательного управления госбезопасности и получил возможность мобилизовать все силы и средства разведки на случай чрезвычайных ситуаций.

После смерти Сталина начался пересмотр главных задач в работе за рубежом и внутри страны. Берия взял инициативу в свои руки.

Отец был среди тех, кому он поручил подготовить докладные записки с детальным перечнем и анализом ошибок, допущенных партийными организациями и органами госбезопасности в борьбе с националистическим подпольем в Литве и на Украине. Берия считал необходимым выдвигать местные кадры на руководящие посты, а на должности заместителей назначать людей славянских национальностей. В этих записках, подготовленных в ведомстве отца, в частности, отмечались случаи ничем не оправданных депортаций и репрессий в отношении этнических групп, которые не занимались антисоветской деятельностью.

Берия всячески настаивал на развитии национальных традиций в области культуры и языка. Его очень заботила проблема воспитания нового поколения национальной интеллигенции, для которой были бы по-настоящему близки социалистические идеалы. И это была не рисовка, как бы в угоду новым веяниям. Он был в этом убежден, по крайней мере это чувствовали многие, кто работал вместе с ним.

«Помню, — рассказывал отец, — его предложение ввести в республиках собственные ордена и награды — это, считал он, поднимет чувство национальной гордости».

Но эти предложения были так необычны, что их наверху никак не понимали. Все это создавало подчас неловкие ситуации. К примеру, только что назначенный

министр внутренних дел Литвы по наивности направил в секретариат Берия докладную на литовском языке, вызвав настоящий переполох, — никто в центре, разумеется, не знал литовского. Кроме того, когда министр приехал в Москву, чтобы встретиться с Берия, он не мог объяснить детали весьма деликатной операции — радиогри с британской разведкой. Причина на сей раз заключалась в том, что он потерял портфель с документами в гостинице МВД в Колпачном переулке. Позднее прошел слух, что он потерял свои документы специально. Бывший партийный функционер, а затем председатель исполкома Вильнюса, он не имел ни малейшего желания работать в органах госбезопасности. Он достиг своей цели — ему дали работу в планово-экономическом ведомстве республики.

«К сожалению, — вспоминает отец, — в то время, когда была подготовлена записка об ошибках в национальной политике на Украине, разгорелся конфликт между вновь назначенным министром внутренних дел Мешиком и местными партийными чиновниками, а также сотрудниками аппарата МВД Украины. Мешик во что бы то ни стало стремился выгнать с работы хрущевского протеже Строкача, которого в 1941 году уволили из органов за то, что он не сумел вывести часть архива НКВД, когда немцы окружили Киев. К тому же Мешик не ладил с партийными руководителями Украины Сердюком и Шелестом. Сердюк пытался отобрать у МВД дом, использовавшийся под детский сад для детей сотрудников министерства: он облюбовал этот особняк во Львове для себя и своей семьи. Сердюк послал своего помощника в детский сад, а Мешик выставил охрану. Шелест, в то время секретарь Киевского обкома партии, взял в свое пользование для охоты катер пожарного надзора и не вернул. Об этом Мешик доложил в МВД и правительство.

Хотя на заседании украинского ЦК принято было говорить по-русски, Мешик позволил себе дерзко обратиться к присутствующим на украинском языке, порекомендовав шокированным русским, включая первого секретаря ЦК Мельникова, учить украинский язык. Его с энтузиазмом поддерживал писатель Александр Корнейчук, также выступивший на украинском и превозносивший Берия, поскольку один из его ближайших родственников благодаря Берия был назначен начальником областного управления МВД и представлен к генеральскому званию.

Мешик с гордостью рассказывал мне об этих эпизодах, свидетельствовавших, по его словам, о правильной линии в национальной политике. Я сказал ему, что он дурак, если вступает в конфликты с местной властью. Потом познакомил его с Музиченко, который был в свое время нашим нелегалом в Париже и имел большой опыт работы с настоящими украинскими националистами. Мы знали, что он сможет отличить настоящих террористов от болтунов и поможет Мешику избежать ненужных столкновений. Музиченко, однако, пришлось отложить свою поездку в Киев, потому что в это время Берия по требованию Хрущева распорядился о доставке в Москву сестер Бандеры, сосланных в Сибирь. Здесь их поселили на явочной квартире, где они находились под домашним арестом, и Музиченко должен был убедить их передать Бандере в Германию послание, чтобы вынудить его пойти на встречу с нашим представителем».

Музиченко находился в Москве, когда Берия и Мешика арестовали. Поскольку он еще не был утвержден в новой должности заместителя министра внутренних дел Украины, это спасло его от ареста. Он, по словам отца, просто перестал являться на работу в органы госбезопасности и возобновил свою прежнюю врачебную деятельность в МОНИКИ. Его дважды допрашивали в прокуратуре относительно якобы имевшихся в деле Мешика планов возрождения буржуазного национализма на Украине. Но он был достаточно опытен и ответил, что ничего не знает, так как не приступал к новой работе.

Абакумов все это время оставался в тюрьме, несмотря на то что почти все сотрудники госбезопасности, арестованные по тому же делу, были выпущены на свободу, кроме начальника его секретариата и руководителей Следственной части по особо важным делам СМЕРШ и бывшего МГБ.

Берия также положил конец расследованию так называемого «мингрельского дела», начатого два года назад по приказу Сталина. Он освободил секретарей ЦК Компартии Грузии Барамиа и Шариа и бывшего министра госбезопасности Рапаву, который, невзирая на пытки, оставался непреклонен и не пошел на ложные признания. Однако главный организатор «мингрельского дела» Рухадзе, который по указке Сталина сфабриковал его, а также установил подслушивающие устройства на

квартирах и дачах Берия и его матери в Абхазии и в Тбилиси, оставался в тюрьме.

Хрущев помог Берия поставить точку в «мингрельском деле», оформив это решением ЦК КПСС. Берия лично отправился в Тбилиси после того, как с грузинской партийной организации было снято обвинение в национализме. Мгеладзе, главный противник Берия, который плел против него интриги, был снят с поста первого секретаря ЦК Компартии Грузии. С благословения Хрущева Берия назначил на место члена бюро ЦК по кадрам Компартии Грузии бывшего начальника своего секретариата в Москве Мамулова. В республиканской компартии происходила крупномасштабная «чистка».

«Позднее Мамулов рассказал мне, — пишет в воспоминаниях отец, — что проводить эту бескровную кампанию без арестов ему поручил не Берия, а Хрущев. Ирония судьбы заключалась в том, что Мамулову надо было отделаться от тех, кто обманывал Сталина и писал клеветнические письма в Москву о связи Берия и Маленкова с грузинскими меньшевиками и националистами, хотя именно Сталин приказал написать такие письма на грузинском языке, чтобы иметь компромат на Берия. Позже стало известным, что Сталин, Рухадзе и Мгеладзе обсуждали за обедом, каким должно быть содержание этих доносов.

Мингрельское происхождение Берия и раньше мешало его карьере, а в конечном счете оказалось роковым. Сердечной дружбе Берия и Маленкова наступил конец в мае 1953 года. Известный драматург Мдивани, лично знавший Берия, вручил начальнику его секретариата Людвигову письмо, в котором обвинял Маленкова, только что ставшего Председателем Совета Министров СССР, в том, что он в своем докладе на XIX съезде партии будто бы использовал материал из речи царского министра внутренних дел Булыгина в Государственной думе, когда говорил, что нужны новые Гоголи и Щедрины, чтобы поднять духовную атмосферу в обществе. Обвинение в таком заимствовании — речь шла о партийных документах — являлось серьезным делом, особенно во время борьбы за власть, обострившейся после смерти Сталина. Берия с возмущением приказал Людвигову списать это письмо и прекратить общение с «грузинской сволочью». Однако письмо в мае 1953 года из секретариата Берия было переслано в секретариат Маленкова — «сердечной дружбе» пришел конец.

Эти интриги происходили как раз в тот момент, когда Берия приступил к осуществлению еще одной инициативы, на сей раз она касалась участка работы моего отца. По его воспоминаниям, на совещании начальников разведслужб Министерства обороны и МВД Берия резко критиковал Рясного, начальника зарубежной разведки МГБ, выдвиженца Хрущева, за примитивные и малоэффективные методы: сталинские директивы об уничтожении престарелых деятелей эмиграции (Керенского) и второстепенных фигур, по его словам, не имели никакого практического смысла.

Берия сказал, что сейчас главной задачей является создание мощной базы для проведения разведывательных операций. В Германии для этого нужно использовать то, что осталось от прежней агентурной сети «Красной капеллы» в Гамбурге. В странах, граничащих с Соединенными Штатами Америки, надлежало усилить позиции нелегалов. Необходимо также, продолжал он, подготовить решение правительства, обязывающее МИД, Министерство внешней торговли, ТАСС и другие советские загранучреждения расширить поддержку операций советской разведки за рубежом. Он также отметил целесообразность существования двух параллельных разведслужб — в Министерстве внутренних дел и в Министерстве обороны. Первой предстояло собирать развединформацию обычного типа, а второй — проводить специальные операции в случае возникновения опасности развязывания войны. Его аргументы, в сущности, были повторением сталинских установок с той только разницей, что отныне приостанавливались до особого распоряжения готовившиеся операции по диверсиям и ликвидации за рубежом неугодных правительству лиц.

Берия дал отцу указание подготовить в течение недели вместе с начальником военной разведки генералом армии Захаровым и маршалом Головановым, командовавшим специальной бомбардировочной авиацией дальнего действия, доклад о мерах по нейтрализации американского стратегического превосходства в воздухе и проведению диверсий на ядерных и стратегических объектах США и НАТО. Берия приказал представить план выведения из строя базы снабжения ВВС и ВМФ США в Европе.

Об этом эпизоде отец рассказывал так: «На следующей неделе в просторном кабинете Берия в Кремле, где проходило совещание, адмирал Кузнецов, командующий ВМФ, поблагодарил Берия за то, что тот реабилитировал его помощника вице-адмирала Гончарова, умершего в 1948 году во время до-

проса. Абакумов обвинял его вместе с Кузнецовым в анти-сталинских взглядах. Почти все заместители Кузнецова были арестованы в 1948 году, а сам Кузнецов разжалован в контр-адмиралы и назначен командующим Тихоокеанским флотом. Три года спустя Кузнецов написал Сталину письмо с предложениями по стратегическому перевооружению Военно-Морского Флота и по строительству большого подводного флота, созданию атомных подводных лодок. План Кузнецова предусматривал значительное изменение соотношения надводных и подводных кораблей в составе ВМФ. Сталин поддержал предложения Кузнецова и восстановил его в должности командующего военно-морскими силами, хотя его бывшие заместители по-прежнему оставались в тюрьме».

Я знал, что отец всегда относился к Кузнецову с большим уважением и считал его, как и многие другие, выдающимся военачальником, высоко ценимым в кругах нашей разведки. И в этот раз Кузнецов, как всегда и всюду, задавал тон работе совещания.

Отец доложил план создания нелегальных резидентур, которые смогут вести регулярное наблюдение примерно за ста пятьюдесятью основными западными стратегическими объектами в Европе и Соединенных Штатах Америки. Адмирал Кузнецов представил на рассмотрение другой вариант действий. По его мнению, специальные операции и диверсии должны разрабатываться в соответствии с требованиями ведения современной войны. Нынешние военные конфликты скоротечны, сказал он, они должны заканчиваться быстрым и решительным исходом. Кузнецов предложил обсудить возможность нанесения упреждающих ударов, рассчитанных из-за ограниченности наших ресурсов на уничтожение трех-четырёх авианосцев США. По его мнению, это дало бы нашим подводникам большие преимущества при развертывании операций против морских коммуникаций противника. Имело бы смысл, продолжал он, провести диверсии на военно-морских базах и в портах Европы, чтобы предотвратить прибытие подкреплений американским войскам в Германии, Франции и Италии.

Генерал армии Захаров, позднее начальник Генштаба, заметил, что вопрос об упреждающем ударе по стратегическим объектам противника является принципиально новым в военном искусстве и его нужно серьезно проработать.

Маршал Голованов не согласился с нами. Он отметил, что в условиях войны, при ограниченных ресурсах, было бы реалистичнее предположить, что мы сможем нанести противнику не более одного-двух ударов по стратегическим сооружениям. И в этом случае следует атаковать не корабли на базах противника, а прежде всего уничтожить на аэродромах часть его мощных военно-воздушных сил, способных нанести ядерный удар по нашим городам.

«Я поддержал Захарова, — рассказывал отец, — приведя примеры из практики второй мировой войны и нашего небольшого опыта, полученного в корейской войне, тогда наши легальные резидентуры имели возможность лишь вести наблюдения за военными базами США на Дальнем Востоке. Что касается опыта прошлой войны, то он ограничивался захватом отдельных объектов, а также лиц, владевших важнейшей оперативной и стратегической информацией. Новые требования в условиях предполагаемой ядерной войны вызывали к жизни необходимость пересмотра всей нашей системы диверсионных операций. Я сказал, что мы нуждаемся не только в индивидуально подготовленных агентах, но также в мобильных ударных группах, которые могли бы быть задействованы всеми основными нелегальными резидентурами. В их задачу должно входить нападение на склады ядерного оружия или базы, где находятся самолеты с ядерным оружием. Наша тактика нападений хорошо срабатывала против немцев в 1941—1944 годах. Однако наши успехи объяснялись отчасти тем, что немцы действовали на враждебной им территории, а в нашем распоряжении была сильная агентурная сеть.

Я указал также, что опыт второй мировой и корейской войн показывает: нарушение линий снабжения противника, особенно когда они растянуты на большие расстояния, может оказаться в оперативном плане куда более важным, чем прямые удары по военным целям. Правда, при прямых ударах возникает паника в рядах противника и внешне это весьма эффективно, но разрушение линий снабжения является более значительным, а воздействие его — долгосрочным. К тому же военные объекты находятся под усиленной охраной и при нападении не приходится рассчитывать на выведение из строя более двух-трех сооружений».

Выдвинутый отцом на этом совещании план использования диверсионных операций вместо ограниченных возможностей воздушных и военно-морских ударов по-

казался военному руководству убедительным. Все присутствовавшие на совещании с отцом согласились.

Берия внимательно выслушал всех. Отметил выступление отца, но он еще не представлял, как реорганизованная служба диверсий с более широкими правами должна построить свою работу.

— Может быть, — спросил он, — речь идет о комбинированной разведывательно-диверсионной группе всех родов войск? Если так, то не будет ли это такой же неудачей, как созданный Комитет информации? В 1947—1949 годах комитет, разрабатывая операции, исходил прежде всего из потребностей внешнеполитического курса и упускал военные вопросы.

Во время обсуждения генерал Захаров предложил, чтобы диверсионные операции спецслужб проводились по линии всех видов Вооруженных Сил и Министерства внутренних дел. Однако, по его мнению, приоритет в агентурной работе должен принадлежать специальной службе, а именно той, которую возглавлял мой отец.

— В то же самое время, — уточнил свою мысль Захаров, — должна существовать для координации постоянная рабочая группа на уровне заместителей начальников управлений военной разведки, МВД и служб разведки ВМФ и ВВС.

Берия согласился и закрыл совещание. Через месяц все участники совещания должны были представить детальный план с предложениями по координации диверсионной работы за границей. Берия обещал помочь ресурсами и кадрами, особенно экспертами в области вооружений, нефтепереработки, транспорта и снабжения.

«На следующий день, — вспоминает отец, — Берия вызвал Круглова и меня и распорядился выделить мне дополнительные штаты и средства. Мы решили сформировать бригаду особого назначения для проведения диверсий. Такая же бригада находилась под моим командованием в годы войны и была распушена Абакумовым в 1946 году. Берия и Круглов одобрили мое предложение привлечь наших специалистов по разведке и партизанским операциям к активной работе в органах. Василевский, Зарубин и его жена, Серебрянский, Афанасьев, Семенов и Таубман, уволенные из органов, вновь были возвращены на Лубянку и заняли высокие должности в расширенном 9-м отделе МВД, но через три месяца после

моего ареста их снова уволили, а Серебрянского арестовали вскоре после меня, и он погиб в тюрьме.

Между тем я посоветовался с маршалом Головановым относительно возможностей в нанесении воздушного удара по базам НАТО в Западной Европе. Я предложил осуществить пробный полет самолетов, способных атаковать стратегические объекты, и проверить, обнаружат ли их радары противника. Дело в том, что мы уже получили от нашего агента, голландского офицера-летчика, прикомандированного к штаб-квартире НАТО, специальный прибор — самолетный радиоответчик и запросчик («свой—чужой»), определяющий принадлежность самолета на экране радиолокатора. Наш бомбардировщик-разведчик, снабженный этим устройством, вылетел из-под Мурманска в конце мая 1953 года и пролетел вдоль северной оконечности Норвегии, а затем Великобритании, приблизился к натовским стратегическим объектам на расстояние, достаточное для нанесения бомбового удара. Полет не был зафиксирован ПВО НАТО.

Пробный полет мы согласовали с командованием стратегической авиации. Наш офицер связи с Генштабом, по-моему, полковник Зимин, сообщил об успехе операции мне, а я — Берия. Генералы Штеменко и Захаров, как мне сказали, были под большим впечатлением от успеха этой разведоперации. В мае того же года Берия, используя свое положение первого заместителя главы правительства, без предварительного согласования с Маленковым и Хрущевым, отдал приказ о подготовке и проведении испытания первой водородной бомбы».

Намерения Берия в отношении Германии и Югославии отражали царивший при Маленкове разброд среди руководителей страны. Мысль об объединении Германии вовсе не принадлежала лично Берия: в 1951 году Сталин предложил идею создания единой Германии с учетом интересов Советского Союза (проблема обсуждалась вплоть до строительства Берлинской стены в 1961 году). Игнатьев еще до смерти Сталина утвердил специальный зондажный вопросник наших спецслужб за рубежом по этой проблеме.

Перед самым Первомаем 1953 года Берия поручил отцу подготовить секретные разведывательные мероприятия для зондирования возможности воссоединения Германии. Он сказал, что нейтральная объединенная Германия с коалиционным правительством укрепит наше

положение в мире. Восточная Германия, или Германская Демократическая Республика, стала бы автономной провинцией новой единой Германии. Объединенная Германия должна была стать своеобразным буфером между Америкой и Советским Союзом, чьи интересы сталкивались в Западной Европе. Это означало бы уступки с нашей стороны, но проблема могла быть решена путем выплаты нам компенсации, хотя это было бы больше похоже на предательство.

План Берия предусматривал использование немецких контактов Ольги Чеховой, князя Януша Радзивилла и связи Григулевича: в Ватикане они должны были пустить слух, что Советский Союз готов пойти на компромисс по вопросу объединения Германии. Нам необходимо было прошупать реакцию Ватикана и политических кругов Америки, а также влиятельных людей из окружения канцлера Западной Германии Конрада Аденауэра. После такого зондажа Берия надеялся начать переговоры с западными державами.

Отец вспоминал, что к этому делу была привлечена также полковник Зоя Рыбкина, начальник немецкого отдела Первого главного управления. Она должна была отправиться в Берлин и Вену и провести через Ольгу Чехову зондаж, который, как надеялись, повлечет за собой переговоры, подобно тому, как это было в Финляндии в 1944 году. Берия предупредил меня, что этот план является сверхсекретным и аппарат Молотова, как и все Министерство иностранных дел, подключится к делу лишь на втором этапе, когда начнутся переговоры.

События в Восточной Германии вскоре вышли из-под контроля отчасти из-за инициативы Берия. В мае вызвали в Москву генерала Волльвебера, министра госбезопасности ГДР, который сообщил о серьезном расколе в руководстве после заявления Вальтера Ульбрихта о том, что главная цель ГДР — строительство социалистического государства пролетарской диктатуры. Заявление Ульбрихта вызвало жаркие дискуссии и сильно обеспокоило Москву, поскольку приходилось считаться с настроениями западной общественности и политиков. Советский политический советник при Ульбрихте, бывший посол в Китае Юдин, получил нагоняй. Молотов предложил, чтобы Президиум ЦК партии принял специальное решение о том, что курс на ускоренное строи-

тельство социализма в Германии, как главная цель, является ошибочным. Но Берия, проводя свою линию и спекулируя лозунгом демократической, объединенной и нейтральной Германии, сказал: СССР вообще не нужна постоянно нестабильная социалистическая Германия, существование которой целиком зависит от поддержки Советского Союза.

Молотов резко возражал, и вскоре была создана комиссия в составе Берия, Маленкова и Молотова для выработки политической линии по германскому вопросу. Комиссия должна была подготовить условия соглашения объединения Германии с учетом продления на десять лет срока выплаты репараций в виде оборудования для восстановления промышленности и строительства автомобильных и железных дорог в СССР, что позволило бы решить транспортные проблемы и в случае войны быстро перебрасывать войска в Европу.

Репарации составляли примерно десять миллиардов долларов — это сумма, которую раньше в Москве рассчитывали получить в виде кредитов от международных еврейских организаций для восстановления народного хозяйства. План предусматривал укрепление советской позиции как в Восточной Германии, так и в Польше, где свирепствовавший в то время экономический кризис заставлял тысячи поляков бежать в Западную Германию. Вопрос о воссоединении Германии стоял остро, потому что из СССР приходилось снабжать по дешевым ценам сырьем и продовольствием и Восточную Германию, и Польшу, прежде чем коллективное сельское хозяйство и восстановленная промышленность в этих странах смогут принести свои плоды.

5 июня 1953 года в Германию прибыл Семенов, вновь назначенный верховный комиссар, для наблюдения за выполнением московских директив не форсировать ход социалистического строительства и добиваться воссоединения Германии. Позже Семенов рассказывал Зое Рыбкиной, что немецкие руководители умоляли дать им две недели, чтобы они смогли обосновать изменение политического курса. Семенов настаивал на скорейшем ответе, утверждая, что ГДР станет автономной областью в составе объединенной Германии. Поэтому начиная с 5 июня правительство ГДР находилось в состоянии полного паралича — ходили слухи, что дни Ульбрихта сочтены.

Между тем в Москве генерал Волльвебер и полковник Фадейкин, заместитель советского резидента в Берлине, рассказали руководству о растущем недовольстве в Германии, вызванном экономическими трудностями и бездействием управленческих структур. Ульбрихт вместе с другими руководителями ГДР в начале июня был вызван в Москву, где их проинформировали о нашем новом политическом курсе в отношении Восточной Германии, одобренном Президиумом ЦК партии 12 июня. В связи с заявлением Молотова о том, что в настоящее время ускоренное строительство социализма в Германии представляется бесперспективным, Президиум принял решение «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР». Этот документ обязывал Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта изменить направление своей политики и в какой-то степени отражал взгляды Берия (сегодня имеются ссылки на это решение в ряде официальных публикаций, но сам документ не обнаружен).

На встрече с делегацией из Восточной Германии, на которой были Берия, Маленков, Хрущев, Молотов, Семенов и командующий советскими войсками в Германии генерал Гречко, Ульбрихт высказал серьезные возражения против плана Москвы. Поэтому Берия, Маленков и Хрущев приняли решение отстранить его.

Вспышка забастовок и выступлений в ГДР 17 июня 1953 года была, возможно, спровоцирована ее зачинщиками, которые считали, что правительство не в силах предпринять ответные шаги и вот-вот падет под нажимом Москвы. Другая версия заключалась в том, что беспорядки были спровоцированы самим Ульбрихтом, отказавшимся выполнить требование бастовавших рабочих об увеличении заработной платы. Очевидно, имели место оба фактора. В Восточной Германии существовало ложное представление о том, что правительство Ульбрихта не поддерживается русскими и они не выступают против забастовщиков.

Когда произошли эти события, Берия приказал Гречко и Семенову навести порядок с помощью военной силы. Результат был трагическим — тысячи людей погибли. Однако Берия не оставил мысль о воссоединении Германии. Демонстрация силы, как он надеялся, лишь усилит шансы СССР в достижении компромисса с за-

падными державами по вопросу мирного объединения Германии. Запад, считал он, расстанется с иллюзией, будто советское присутствие в Германии может быть устранено путем массовых выступлений.

Для зондажа реакции Запада по вопросу объединения Германии в Берлин прибыла Зоя Рыбкина. Она встретила с Ольгой Чеховой и по спецсвязи сообщила отцу, что контакт возобновлен. Доложить Берия о выполнении задания мой отец не успел: 26 июня Берия был арестован в Кремле. Отец, ничего не объясняя, приказал Рыбкиной немедленно возвращаться в Москву военным самолетом.

Но легче было приказать, чем выполнить приказ. Дело в том, что генерал Гречко получил инструкции из Москвы, обязывавшие его задержать всех сотрудников МВД, недавно прибывших в Германию. Амаяк Кобулов, представитель МВД в Германии, и Гоглидзе, не так давно назначенный Берия начальником военной контрразведки, приехавшие в Берлин, чтобы навести порядок, тут же были арестованы и под охраной отправлены в Москву. Все средства связи оказались под контролем Гречко. Зое Рыбкиной пришлось обратиться лично к нему с просьбой предоставить ей возможность вылететь в Москву. К счастью, генерал никогда не воспринимал женщин всерьез, тем более что она ничего не сообщила о своем задании. Арест Берия тогда еще держался в секрете. Она сказала, что получила приказ немедленно приехать в Москву.

Гречко не имел понятия о том, «кто такой Судоплатов и кем может быть эта женщина — полковник службы госбезопасности». Он разрешил ей вылететь, правда, в сопровождении офицеров военной разведки. Ей явно повезло: эти офицеры знали Рыбкину по частым приездам в Германию и сумели уговорить Гречко не задерживать ее. Им было известно также, что последние пять лет она была начальником немецкого направления в Комитете информации, а затем в Управлении разведки МГБ. И, наконец, ей повезло, что секретное задание было дано в устной форме и никаких письменных подтверждений не существовало. Зондаж Берия по поводу воссоединения Германии был прерван, не начавшись. 29 июня 1953 года Президиум ЦК КПСС отменил свое решение от 12 июня по германскому вопросу.

Аналогичная история произошла и с Югославией. Берия убедил Маленкова в необходимости примирения с Тито. План ликвидации Тито был отменен. Берия предложил послать своего представителя, полковника Федосеева, для установления контакта с югославским руководством. Он должен был сообщить югославам новый курс Москвы на восстановление сотрудничества между нашими странами. Выбор пал на Федосеева потому, что этот молодой энергичный сотрудник разведки имел уже немалый опыт и был недавно назначен на должность заместителя начальника разведывательного главка. Мой отец знал его еще по годам войны, когда тот возглавлял службу контрразведки в Московском городском управлении НКВД и оказывал весьма ценную помощь в проведении радиоигр с немецкой разведкой. С 1947 года он работал в Комитете информации. Поскольку он не выезжал на Запад, то не был известен зарубежным спецслужбам. Берия утвердил его резидентом в Белграде, и Маленков одобрил эту кандидатуру, что было документально подтверждено.

Ничего не зная о миссии Федосеева, мой отец занимался проведением параллельного зондажа, направленного на примирение с Тито. Наш агент Григулевич был вызван в Москву для обсуждения с Берия вариантов по улучшению отношений с Югославией. И эта попытка также не состоялась из-за ареста Берия.

После опубликования статей Орлова (Никольского) в американском журнале «Лайф» в Москве решили, что Григулевича рискованно направлять с этой миссией, поскольку он, может быть, уже засвечен западными спецслужбами. В результате Григулевич так и не вернулся в Италию, а правительство Коста-Рики, послом которого он был в Ватикане и Югославии, потеряло его из виду. В Москве он стал одним из ведущих ученых-латиноамериканистов. Федосеев, как и Григулевич, так и не поехал в Белград: когда ему надо было отправляться туда, Берия арестовали.

В планы Берия входила кадровая перестановка в венгерском руководстве. Он предложил в качестве кандидата в премьер-министры Имре Надя. С 30-х годов Имре Надь являлся штатным агентом НКВД (кодовое имя Володя) и высоко ценился нашим руководством. Именно поэтому Берия планировал поставить его на ключевой

пост в венгерском правительстве: не приходилось сомневаться, что Имре Надь будет послушно выполнять все приказы Москвы.

В 1956 году он возглавил восстание в Венгрии. Его заманили в ловушку — якобы на конспиративную зондажную беседу с представителями советского правительства. Он был немедленно арестован опергруппой КГБ во главе с Серовым, Коротковым и Крохиным. Сотрудничество Имре Надя с НКВД сыграло роковую роль в его жизни.

Глава 23

АРЕСТ ОТЦА И ВСЕ, ЧТО С НИМ И НАМИ БЫЛО

Позволю сделать отступление и сказать пару слов о себе, прежде чем перелистать следующие страницы биографии моего отца и его воспоминаний.

Я появился на этот свет летом 1940 года первенцем в семье Павла и Эммы Судоплатовых. Как всякий ребенок, начиная что-то помнить о детстве годков с четырех-пяти, и то очень отрывочно.

Сначала, помню, мы жили в Москве на Кропоткинской улице, потом на улице Горького, в доме, где на первом этаже находился спортивный магазин «Динамо», отсюда с матерью и родственниками я уехал в октябре 1941 года в Куйбышев, оттуда в Уфу. После возвращения из Уфы мы стали жить в известном доме НКВД на Большой Садовой улице, на седьмом этаже.

Из первых воспоминаний детства на Садовой — это прогон пленных немцев в начале лета 1944 года. Я смотрел на это трагикомическое шествие тысяч пленных с балкона, видимость была отличная. Впереди шли генералы в брюках с красными лампасами, потом офицеры, за ними — солдаты. Было очень тихо, люди стояли на балконах, торчали в окнах, стеной стояли по обе стороны улицы. Было слышно, как цокают копыта лошадей, на которых сидели наши солдаты с оружием. Погода в тот день была солнечная, теплая, как будто сама природа радовалась грядущей нашей победе.

До войны у отца была дача в Жуковке, потом дали дачу в окрестностях Новогорска у деревни Гаврилково

на Ленинградском шоссе. Дача была двухэтажная, из 12 комнат, с водопроводом и прочими удобствами. Отапливался дом голландскими печами, в зимние вечера я любил греться у них. Это был дом бывшего священника из церкви, остатки которой находились вне территории дачи. Отец любил срезать сухие ветви с деревьев, иногда копался в земле. Но это были редкие случаи, так как он много времени был занят на работе. Нашу дачу несколько лет назад снесли.

Рядом с дачей были дачи Емельяна Ярославского и секретаря Сталина — Двинского. На территории дачи Ярославского был пруд, и я с отцом иногда совершал там прогулки. К слову сказать, мои родители были всю жизнь дружны с Ярославскими.

На даче у нас был большой цветник. Выращивала на нем цветы мама. В цветнике было всегда изобилие флоксов, ирисов, нарциссов, пионов, настурций. Цветы были высажены так, что когда одни отцветали, другие принимались цвести. В саду были кусты черной, белой и красной смородины, крыжовника, малины; под окнами главного входа в дом росли вишня и слива.

Длинная пихтовая аллея начиналась кустами белых роз и, как туннель, вела в глубь дачи к большой круглой беседке-ротонде с куполом, где я любил в одиночестве читать любимые книги.

Отлично помню, как на дачу привезли моего младшего брата — Толю. Он был очень маленький и что-то пищал, его положили на стол в столовой, я же потом ушел в сад, для меня это явление не было значимым по причине возраста.

В 1944 году мы переехали с Садовой на улицу Мархлевского. В то время там жили семьи Деканозова, Аполлонова, Фитина, Шляхтенко, Наседкина, Чернышова, Мамулова, Спектора.

Еще детьми мы с братом были вхожи во все квартиры, кроме Деканозова. Во дворе всегда собиралась детвора нашего дома.

Прожили мы на Мархлевке до 1961 года, потом дом передали под торгпредство Польши, а мы переехали в другую квартиру в Останкино. Там я прожил до 1967 года. Когда женился, я начал самостоятельную от родителей и брата жизнь.

Из значимых событий детства — Парад Победы в июне 1945-го — отец взял меня на этот парад. Отец был в штатском, как всегда.

Запомнился дождик, собаки-саперы, боевая техника, кавалерия, а потом — тишина — и солдаты, подходя к Мавзолею, бросали фашистские знамена на мокрую брусчатку, в лужи. Запомнился салют, в черном небе подсвеченный прожекторами красный флаг с портретом Сталина.

Конечно, нужно учитывать, что это детские, а не взрослые воспоминания. Вскоре после этого парада меня возили в какой-то парк, где тренировался в езде на лошади маршал Рокоссовский. Я стоял у невысокой металлической изгороди, как в зоопарке, и смотрел на маршала, а больше на его лошадь. Было интересно. Потом меня отвезли на дачу.

У отца до войны был большой черный ЗИС, на нем он как-то, сидя за рулем, перевернулся в кювет на Ленинградском шоссе. Себе здорово повредил ребра, а маме пришлось зашивать рану на лбу. С тех пор отец никогда сам за руль не садился, хотя имел водительские права. А вот ездить на машине быстро не любил. В годы войны и после у отца из машин были «эмка», «мерседесы» (малый и большой), «хорьх» (малый и большой, как у германского адмирала Редера), «бьюики» и другие иномарки. Последней автомашиной был ЗИС-110 без номерного знака впереди.

Летом 1945 года я впервые уехал из Москвы отдыхать под Ригу в Майори с моей тетей Лелей, сестрой матери, потом к нам приехал отец. Вначале мы жили в санатории, потом переехали на спецдачу. На Рижское взморье я ездил несколько лет подряд, кажется, до 1950 года. В Риге на ежегодном празднике песни, на большом стадионе, отец познакомил меня с В. Лацисом, одним из руководителей Советской Латвии.

Отец был очень приветлив с местными жителями, очень любил детей, с неподдельным уважением, чуткостью относился к пожилым.

Отец — невысокий, коренастый человек, красивый лицом, с густыми бровями и темно-кариими глазами, красивыми здоровыми зубами (он их потерял впоследствии, почти все, из-за цинги в тюрьме). Всегда аккуратно одетый, при галстукe, если надо было идти в театр или в

гости вечером — обязательно брился второй раз. В форме я его видел очень мало. Потом, став взрослым, я понял, что нежелание часто надевать «военку» — это была служебная необходимость.

Мама — старший офицер госбезопасности — не имела и вовсе военной формы дома, а когда надо было сфотографироваться в ней, она брала у кого-либо форму с погонами подполковника напрокат.

В жизни отец был большим оптимистом, никогда не унывал, трезво относился ко всему происходящему. Неоднократно мне говорил, что человек сам строит свое благополучие в работе, особенно такой, как у него, где надо все и всегда просчитывать на один шаг вперед.

Он говорил: «Я имел главное право, не командное — моральное право посылать людей на опасную работу, потому что узнал на своей судьбе, что такое нелегальный труд».

Отец любил своих родных, друзей, помогал им, чем мог, когда мог. Забегая вперед, скажу, как мы с братом были удивлены, что так много людей, знавших отца, прошли мимо его гроба в госпитале, приняли участие в поминках, сказав искренние добрые, хорошие слова в его честь.

Отец дома и на работе никогда не повышал голоса, деликатен был очень; даже в простой просьбе принести чаю говорил: «Не откажи в любезности, принеси, пожалуйста, чайку мне».

Отец никогда не пил водки, коньяка, на праздниках все это всегда стояло на столе, но для других, сам же пил грузинское вино, и то разбавляя (треть стакана — вино, остальное — лимонад).

Никогда не курил, а вот мама курила долго, потом бросила, эту привычку затем она глушила леденцами.

Отец любил пить холодное молоко да чай с лимоном. В еде — неприхотлив, что сготовят — то и съест. Готовила у нас мамина мама — бабушка Фаня (Фаина Евсеевна).

В свободное время отец постоянно читал, на даче было много книг — стеллаж занимал всю стену до самого потолка. К сожалению, после известных событий книги пришлось продать.

В 1947 году я пошел в школу, она была рядом с домом, в ней преподавали немецкий язык, а дома мне

помогала его изучать жена того самого разведчика, который проник в «Сатурн», по его работе были сделаны filmy: «Путь в Сатурн», «Конец Сатурна». С этим разведчиком меня познакомил отец на «Динамо», когда отмечалось 25 лет Победы. Тогда же меня познакомили и с шеф-пилотом отца, фамилию его я, к сожалению, забыл.

На Мархлевке и на даче мы жили своей семьей, бывали лишь родственники родителей, их дети, из сотрудников — семейство Рыбкиных, Соболев (Гуро), Зубовы, Ярославские, мамыны друзья из культурной интеллигенции Москвы; гостила у нас Елена Станиславовна из Одессы — ее настоящим именем названа героиня «Двенадцати стульев».

Воспитывали нас бабушки, тети, так как родители работали, с 1951 года мама вышла на пенсию, выслужив 25 лет.

Мама отличалась аналитическим умом, сильной волей, большими знаниями жизни. Она стала, по сути дела, редактором и корректором всех публикаций отца (переводов художественной литературы, публицистики, сборников книг). Мать дала отцу после освобождения путевку в литературную жизнь: надо было зарабатывать на пенсию, а ведь отцу тогда было за 60! Благодаря стараниям матери, отец стал литератором.

Я вспоминаю парад 1 Мая 1953 года. Отец обратил мое внимание на рыжего мальчика с женщиной. Они стояли тоже на трибуне «А», недалеко от нас. Это была дочь Сталина — Светлана с сыном.

А вот на параде ВВС в Тушино, в августе 1952 года, отец познакомил меня с Героем Советского Союза генералом армии Масленниковым, этот генерал пропустил меня к самым перилам открытой трибуны, чтобы я смог лучше посмотреть на пролет самолетов.

Позже, в 1953 году, он застрелился, придя домой после разговора с Генеральным прокурором Руденко. О чем там у них шла речь, мне не ведомо, но, видимо, «беседа» была жесткой...

Жизнь на Мархлевке шла своим чередом, ушли из жизни Шляхтенко, Наседкин, Чернышов, менялись жильцы; мы ездили на учебу в Сокольники (спецшкола), там я встречался, как школьник, с Андреем и Егором Маленковыми, сыном дипломата Малика и другими ребятами из «высокопоставленных» семей.

5 марта 1953 года, поздно вечером, вдруг позвонил с работы отец, сказал маме, что товарищ Сталин умер. Стало в доме как-то тихо, отрешенно.

Через некоторое время приехал отец. Он закрылся в нашей комнате (где спали и занимались мы с братом) и долго не выходил. Я решил войти. Открыв дверь, я увидел, что отец лежит на одной из кроватей и беззвучно плачет. Я никогда не мог себе представить, чтобы этот закаленный житейскими бурями человек мог лить слезы, как все мы — дети. Я никому из домашних об этом не сказал. Второй раз он так же плакал, когда в больнице умерла мама.

Отец стоял у гроба Сталина в почетном карауле, потом был на Красной площади 9 марта (пропуск до сих пор хранится у брата).

Мы были детьми, но понимали, что стряслось что-то важное для будущего страны.

В начале июня 1953 года родители отправили меня и брата на Украину к родственникам, а сами переехали на дачу. Нас с братом устроили в дом отдыха в Ворзеле под Киевом и оставили под присмотром двоюродной сестры, бывшей старше нас.

Мы пробыли там недели две, а потом неожиданно за нами приехал папин брат — дядя Григорий, работавший в Киеве, без особых объяснений усадил нас в поезд, и на другой день мы были в Москве. С Киевского вокзала мы уехали на дачу. А 21 августа утром на дачу приехала «Победа», из нее вышел неизвестный мне мужчина с трубкой во рту, он подошел к маме (она была во дворе — ждала машину, которую отец послал за ней), показал красную книжицу, что он ей говорил — не знаю, но я расслышал: «Детям не подавайте вида».

При обыске он был корректен. Позже я узнал его фамилию — подполковник Гордеев, копия акта обыска была подписана им.

В это время приехал ЗИС-110, посланный отцом, и мать уехала в Москву, где в квартире также произвели обыск. Конечно же ничего крамольного не нашли. Да и не могли, даже если бы и надо было что-то отцу держать дома, то он, имея огромный опыт конспиратора-нелегала, уж наверное бы об этом хорошо побеспокоился. Но это так, к слову. Прятать, как показало время и вся его жизнь, ему действительно было нечего, да и не от кого.

Через день-два мы уезжали с дачи навсегда, мама, брат, родственники, прислуга на ЗИС-110, а я — в кузове грузовика с мебелью, книгами и прочим скарбом.

Во время обыска я пытался позвонить отцу на работу, но мне сотрудник органов не разрешил. Тогда я пошел в дачный поселок ЦК и оттуда позвонил отцу, его дежурный секретарь сказал, что отец в городе, по делам.

Необъяснимое чувство тревоги и чего-то случившегося с отцом не покидало меня, я несколько раз звонил ему, и всякий раз ответ был тот же.

Утром 21 августа отец был арестован в своем служебном кабинете.

Так что с конца августа 1953 года для нас началась другая жизнь. Мы повзрослели, хотя оставались подростками по уму и поступкам.

Гораздо позже, по прошествии долгих пятнадцати лет отец рассказал нам, а потом описал в своих воспоминаниях, как 26 июня 1953 года, возвращаясь с работы на дачу, он увидел колонну танков, заполнившую все шоссе, но подумал, что это обычные учения, плохо скоординированные со службой ГАИ. Когда отец пришел на Лубянку на следующий день, то сразу понял: произошло что-то чрезвычайное.

«Меня, — вспоминал отец, — вызвали в конференц-зал, где уже собрались все руководители самостоятельных отделов и управлений и все заместители министра, кроме Богдана Кобулова. Круглов и Серов сидели на председательских местах. Круглов сообщил, что за провокационные антигосударственные действия Берия арестован и министром внутренних дел назначен он. Круглов обратился к нам с просьбой продолжать спокойно работать и выполнять его приказы. Нас также обязали доложить лично ему обо всех известных нам провокационных шагах Берия. Серов прервал Круглова, объявив, что остается на посту первого заместителя министра. Он сообщил также об аресте Богдана Кобулова, его брата Амаяка и начальника военной контрразведки Гоглидзе за преступную связь с Берия. Кроме них, сказал Серов, арестованы министр внутренних дел Украины Мешик, начальник охраны Берия Саркисов и начальник его секретариата Людвигов. Мы все были поражены. Круглов поспешил закрыть заседание, сказав, что доложит товарищу Маленкову: Министерство внутренних дел и его войска остаются верны правительству и партии.

Не дожидаясь конца рабочего дня, я позвонил жене и договорился встретиться. Она была встревожена больше, чем я, и считала, что список арестованных будет пополняться, в него обязательно попаду и я. Как начальник особо важного подразделения министерства, хорошо известного Маленкову, Молотову и Хрущеву, я не мог избежать их пристального внимания. Нам оставалось ничего не предпринимать и как можно скорее привезти детей из Киева. Жена тут же позвонила моему брату, директору консервного завода в Киеве, и попросила немедленно отправить детей в Москву, используя его собственные каналы, и ни в коем случае не обращаться за помощью к украинской службе госбезопасности.

Мы решили, что моя старшая сестра Надежда встретит детей на вокзале и отвезет их к себе домой, если жену и меня уже арестуют».

О том, что Берия был арестован Жуковым и несколькими генералами на заседании Президиума ЦК партии и содержался в бункере штаба Московского военного округа, отец узнал дня через два...

В Кремле в день ареста Берия царила нервная обстановка. Суханов, заведующий секретариатом Маленкова, распорядился, чтобы все сотрудники в течение трех часов — пока длилось заседание Президиума — оставались на рабочих местах и не выходили в коридор. В Кремле (вещь совершенно беспрецедентная!) появились более десяти вооруженных генералов из Министерства обороны, которых вызвали в Президиум ЦК КПСС. По приказу Серова и Круглова, первых заместителей Берия, охрана правительства передала им все полномочия на несение боевого дежурства в Кремле. Среди генералов был и Брежнев, заместитель начальника Главного политуправления Советской Армии и ВМФ.

Борьба за власть в Кремле приняла опасные размеры. При Сталине входить в Кремль с оружием было строго-настрого запрещено — единственные, кто имел при себе оружие, были охранники. Какой прецедент создавал министр обороны Булганин, приведя группу вооруженных офицеров и генералов, скрытно пронесших свое оружие! Вооруженные офицеры ничего не знали о цели вызова в Кремль: министр обороны распорядился, чтобы они пришли со своим личным оружием, но ничего не объяснил. А что, если бы офицеров со спрятанным оружием остановила охрана, у кого-то не выдержали бы

нервы и в Кремле началась стрельба? Последствия, прокомментировал этот факт мой отец, могли бы быть трагическими. Позже он узнал, что маршал Жуков услышал о плане ареста Берия всего за несколько часов до того, как это произошло. Было ясно, что за переворотом в Кремле стоял Хрущев и арестовали Берия его люди, военные, подчинявшиеся непосредственно Булганину, который являлся человеком Хрущева.

Теперь установлено, что Берия не вступал ни в какие заговоры с целью захвата власти и свержения коллективного руководства. Для этого у него не было реальной силы и поддержки в партийно-государственном аппарате. Предпринятые им инициативы показывали, что он хотел лишь усилить свое влияние в решении вопросов как внутренней, так и внешней политики. Берия использовал свои личные связи с Маленковым и фактически поставил его в трудное положение, изолировав от других членов Президиума ЦК партии. Однако положение Берия целиком зависело от Маленкова и его поддержки. Берия раздражал Маленкова: в союзе с Хрущевым Берия поспешил избавиться от Игнатьева, человека Маленкова, который отвечал за партийный контроль над органами безопасности. Маленков, в свою очередь, переоценил собственные силы; он не видел, что поддержка Берия была решающей для его положения в Президиуме ЦК. Дело в том, что Берия, Первухин, Сабуров и Маленков представляли относительно молодое поколение в советском руководстве. «Старики» — Молотов, Ворошилов, Микоян, Каганович, — лишенные Сталиным реальной власти в последние годы его правления, враждебно относились к этому молодому поколению, пришедшему к власти в результате репрессий 30—40-х годов. Между этими двумя возрастными группами в марте—апреле 1953 года установилось зыбкое равновесие, но общественный престиж старших лидеров был выше, чем у Маленкова, Хрущева и Берия, которые в глазах народа являлись прислужниками Сталина, а вовсе не любимыми вождями.

Хрущев успешно маневрировал между двумя этими группами — он поддерживал Берия, чтобы ослабить Маленкова, когда Игнатьев оказался скомпрометированным после провала дела о «заговоре врачей». Поддерживал он его и тогда, когда надо было лишить Маленкова вла-

сти, которую давал ему пост секретаря ЦК. Хрущев вовремя воспользовался недовольством среди других руководителей, вызванным всплеском активности Берия, чтобы устранить его.

Архивные документы свидетельствуют, что Хрущев после ареста Берия перехватил инициативу. Под его нажимом Президиум ЦК снял Генерального прокурора Сафонова и назначил на эту должность хрущевского протеже Руденко. Только что назначенному Генеральному прокурору 29 июня 1953 года поручили расследование дела Берия.

Обвинения против него базировались лишь на «предательских инициативах» в области национальной политики, шагах, направленных на урегулирование отношений с Югославией, и его намерениях объединения Германии. Версия о «заговоре» включала связь Берия с британской Интеллидженс сервис. Прокурор сделал это заключение, основываясь на приказе Берия о прекращении следствия по делу Майского, нашего посла в Великобритании, обвинявшегося в шпионаже в пользу англичан. В обвинительном заключении утверждалось, что Майский должен был занять пост министра иностранных дел в правительстве Берия.

Берия обвиняли в том, что он без санкции ЦК дал распоряжение о подготовке испытания водородной бомбы. Между тем этот приказ никто не отменил после его ареста, и подготовка продолжалась весь июнь, когда он уже сидел в тюрьме, а испытание провели в августе.

Одно из главных обвинений против Берия заключалось в том, что во время Гражданской войны, в 1919 году, он являлся агентом мусаватистской националистической разведки и якобы установил тайные контакты с британской спецслужбой в Баку, которая внедрила его в большевистскую организацию. В приговоре по его делу утверждалось, что Берия уничтожил всех свидетелей своего предательского поведения в годы Гражданской войны на Кавказе и оклеветал память славного большевика Серго Орджоникидзе, героя грузинского народа и верного друга Ленина и Сталина. Однако Орджоникидзе сам подготовил и собственноручно написал заявление в Комиссию партконтроля, подтверждавшее, что Берия был послан Коммунистической партией в организацию азербайджанских националистов, с тем чтобы проник-

Маршал
А. М. Василевский

Маршал
И. С. Конев

Адмирал Флота СССР
Н. Г. Кузнецов

Представитель советского командования маршал
Г. К. Жуков ставит свою подпись под Актом о
безоговорочной капитуляции Германии. 8 мая 1945 г.

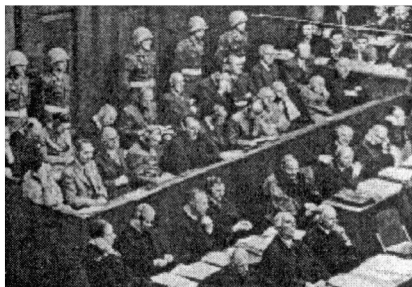

Генерал-фельдмаршал
В. Кейтель подписывает
Акт о капитуляции
вооруженных сил
Германии. 8 мая 1945 г.

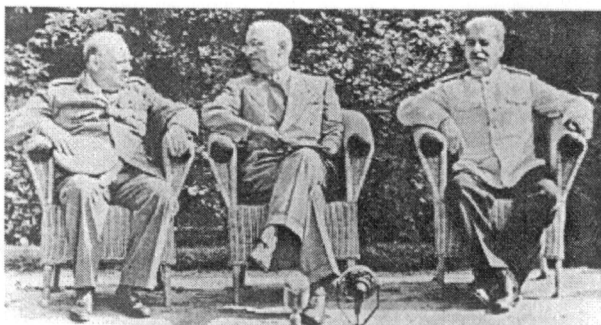
Р. А. Руденко, главный обвини-
тель от СССР в Нюрнберге

Нюрнберг. Идет суд над
нацистскими военными
преступниками. Ноябрь
1945 г. Приговор был
оглашен 1 октября 1946 г.

Генерал Власов,
организатор РОА.
Казнен по приговору
военного трибунала
как изменник родины

Американский сержант Вуд. Он
набрасывал веревку на шеи
нацистских преступников

У. Черчилль,
Г. Трумэн,
И. Сталин во
время Берлин-
ской конферен-
ции (17 июля —
2 августа).
Потсдам, 1945 г

Главный организатор учредительной конференции
Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско в
апреле 1945 г. г-н Хисс обменивается рукопожатиями с
президентом США Г. Трумэном

Л. П. Берия

В. С. Абакумов

И. А. Серов

С. Н. Круглов

В. Н. Меркулов

И. И. Масленников

С. Н. Надарая и
Р. С. Саркисов

Идет заседание Президиума Верховного Совета СССР.
Председательствует М. И. Калинин. В заседании
принимает участие И. В. Сталин

А. А. Жданов

Н. А. Вознесенский

Члены бюро Ленинградского обкома и горкома партии с представителем Ставки генерал-полковником В. В. Вороновым (в центре). Сидят: А. А. Кузнецов, Я. Ф. Капустин, Н. Д. Шумилов. Стоят: П. С. Попков, Н. В. Соловьев, Г. Х. Бумагин, А. Д. Вербицкий. Фото военной поры

А. А. Кузнецов

П. С. Попков

П. Н. Кубаткин

Г. М. Маленков

Н. А. Булганин

И. Т. Савченко

Н. С. Хрушев

А. И. Микоян

А. А. Епишев

Л. З. Мехлис

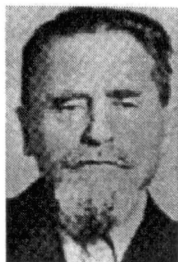
Л. П. Берия и Р. С. Саркисов

С. М. Михозлс,
художественный
руководитель
еврейского театра

С. М. Михозлс и
актриса Хелен Хейз.
1943 г.

Профессор
Б. Б. Коган и
Д. З. Мануильский
в зале заседания
сессии ООН.
Лондон, 1946 г.

С. А. Лозовский

Ю. С. Юзефович

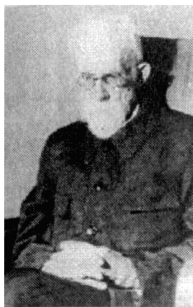
На снимке:
С. М. Михозлс,
И. С. Фефер,
Б. Гольдберг на
приеме у мэра
Чикаго (США)
г-на Келли.
1943 г.

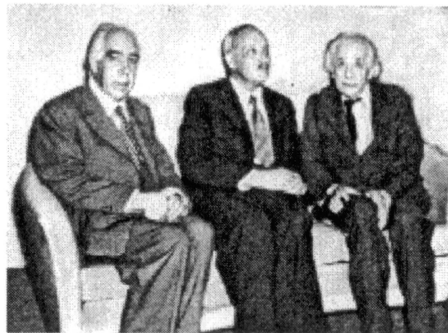
Светлана Сталина
(Аллилуева) с мужем
Г. И. Морозовым.
Октябрь 1945 г.

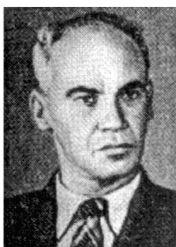
Полина Жемчужина, жена
В. М. Молотова, одна из
функционеров еврейского
антифашистского комитета (ЕАК)

Академик
В. И. Вернадский

Нильс Бор, Джеймс Франк, Альберт
Эйнштейн. Принстон, 50-е гг.

Академик
И. К. Кикоин

Академик
И. В. Курчатов

Академик
П. Л. Капица

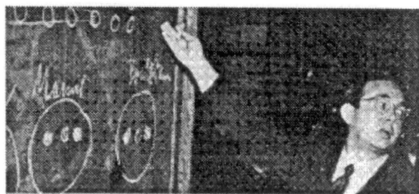
Академик
Л. Д. Ландау

Фредерик
Жолио-Кюри

Роберт
Оппенгеймер

Лео Сцилард, один из создателей атомного
реактора

М. Г. Первухин (слева), один из кураторов
советского атомного проекта

Нильс Бор и
Энрико Ферми
на Аппиевой
дороге под
Римом

Григорий Хейфиц, Григорий Каспаров и Мартин Кармен. США, середина 40-х гг.

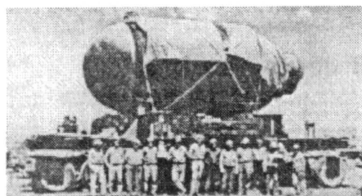
Британский физик Клаус Фукс во время ареста за шпионаж в пользу СССР

Дэвид Гринглас, сообщник К. Фукса

Гарри Декстер Уайт, главный советский агент в министерстве финансов США

Изделие «Манхэттенского проекта» на платформе в ядерном центре в Лос-Аламосе, США. Слева генерал Лесли Гровс, руководитель проекта

Макс Планк

Джордж (Георгий Антонович) Гамов

Сенатор Маккарти объявляет охоту на «ведьм».

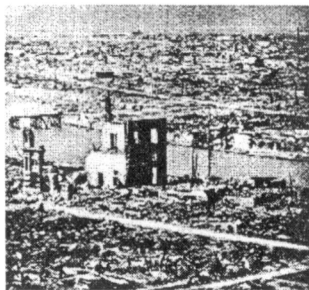
Энрико Ферми

Супруги Розенберг, Джулиус и Этель, «атомные шпионы», казненные на электрическом стуле в 1953 г.

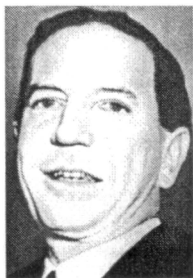
Экипаж «Энолы Гей» американского бомбардировщика, сбросивший атомную бомбу на Хиросиму

Так выглядела Хиросима после «визита» «Энолы Гей». Пепел и руины

А. Г. Дейч, один из создателей «кембриджской пятерки»

Ким Филби

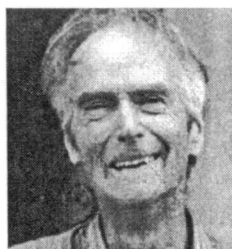
Энтони Блант

Дональд Маклин

Гай Берджесс

Джон Кэнкросс

И. Рейф

Юрий Модин в лондонском парке Бокс Хилл, где часто им проводились разведывательные операции. 1950 г.

pg. 2

[illegible]

1. В корпусе 60 атомной бомбы, № 55
2. Корпус 20 нейтронной атомной бомбы, №
3. Корпус оксидной атомной бомбы, № 245
в производстве: готовая
4. 60 атомной бомбы, № 245-250
5. В корпусе 60 атомной бомбы, № 252
6. 60 атомной бомбы, № 257
7. Корпус нейтрон-оксидной атомной бомбы с
разделением топлива, № 258
в производстве: готовая
8. В корпусе 60 атомной бомбы, № 259
9. Серийная бомба, № 500-а
10. 60 атомной бомбы, № 265
11. Корпус 20 нейтронной атомной бомбы, № 268

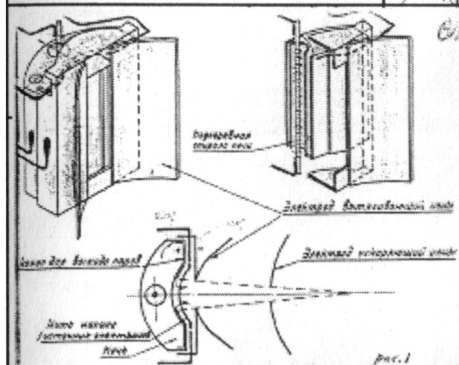
Principles of Language Learning: A Comprehensive Guide to Understanding the Process of Acquiring a New Language

[illegible]

Характеристики значения значения пометки на
карте биологических наук. Биологическая карта
показывает ~~характер~~ характер биологических наук.

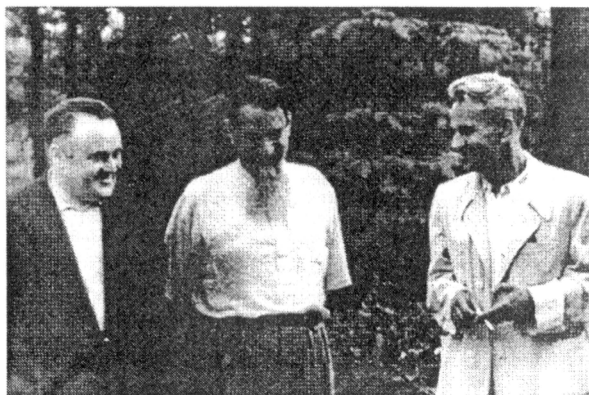
Weyman

1. General
 2. Particular
 3. Conclusion
 4. Summary
 5. Remarks
 6. Signature
 7. Date
 8. Place
 9. Page
 10. Total

Proc. 4

Знаменитые «Три «К», организаторы работ по созданию ракетно-ядерного щита СССР (слева направо): Сергей Королев, Игорь Курчатов, Мстислав Келдыш

Первый секретарь
посольства Велико-
британии в США,
агент КГБ Дональд
Маклин (полусидит
на столе) в кабинете
посла

Уильям Вайсбанд, сотрудник
управления безопасности
армии США, раскрывший
русским тайну «Веноны»

П. Д. Гудцайт

Яков Голос

И. А. Ахмеров

Г. Б. Овакимян

В. Б. Барковский

А. С. Феклисов

Л. Р. Квасников

А. А. Яцков

Питер Коэн
(Крогер)

Елена Коэн
(Крогер)

Р. И. Абель
(Фишер В. Г.)

К. Т. Молодой

И. В. Сталин

Пропуск на
Красную площадь
на имя

П. А. Судоплатова
в день похорон
И. В. Сталина

Руководители партии и
правительства выносят
гроб с телом
И. В. Сталина из Дома
союзов. Москва, март
1953 г.

Г. М. Маленков и Л. П. Берия на
трибуне Мавзолея Ленина и Сталина

Профессор
В. В. Виноградов

Профессор
Б. И. Збарский

П. И. Егоров,
начальник санупра
Кремля

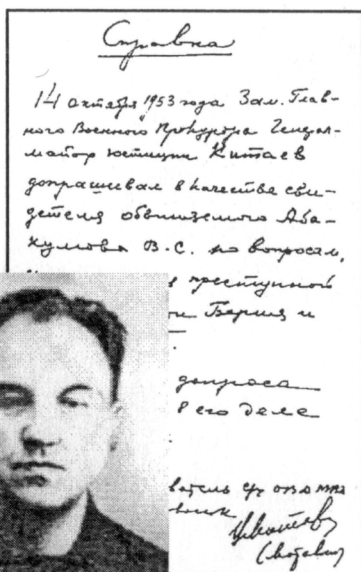
Маршал
Иосип Броз Тито

В. С. Абакумов
незадолго до ареста

Справка о
допросе
Абакумова
по делу
Л. П. Берия

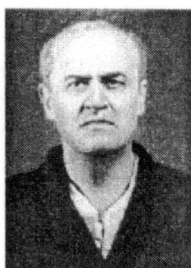
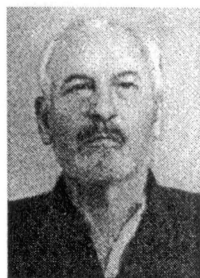

В. С. Абакумов, узник «Матросской
тишины»

И. А. Чернов

Ш. О. Церетели

А. Н. Рапава

П. А. Шария

Н. М. Рухадзе

М. Д. Рюмин

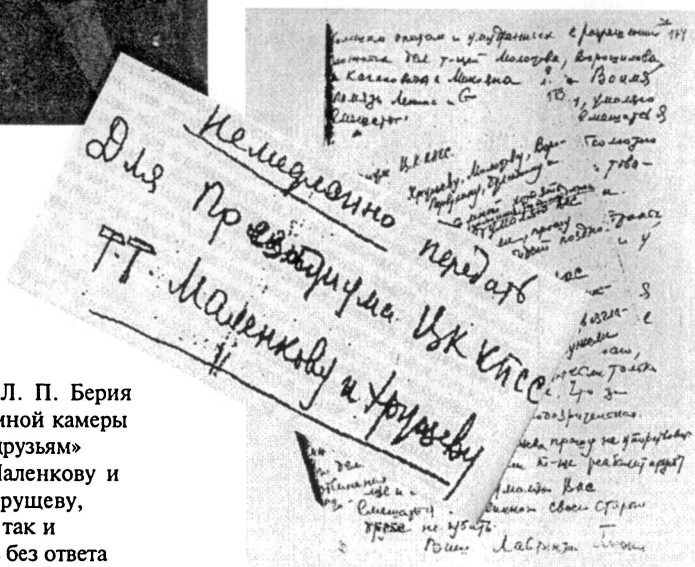
П. А. Судоплатов. Совсем скоро он будет арестован за «пособничество» Берия

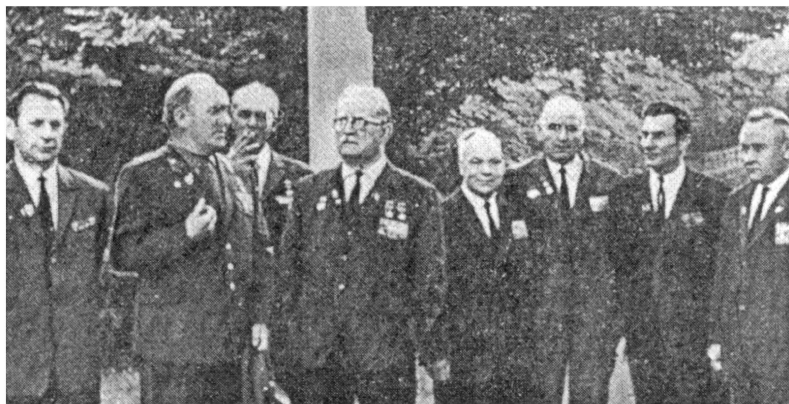
Л. П. Берия с женой. Сзади стоят
Б. А. Людвигов и Г. А. Ордынцев

Л. П. Берия

Письма Л. П. Берия из тюремной камеры своим «друзьям» Г. М. Маленкову и Н. С. Хрущеву, которые так и остались без ответа

Ветераны ОМСБОНа на традиционной встрече в Москве

Джордж Блейк

Гайк Овакимян, Конон Молодой, Рудольф
Абель

М. П. Родина (Африка
де Лас Эрас) на встрече
с боевыми друзьями

Надгробие на могиле знаменитой развед-
чицы Африки де Лас Эрас на одном из
московских кладбищ

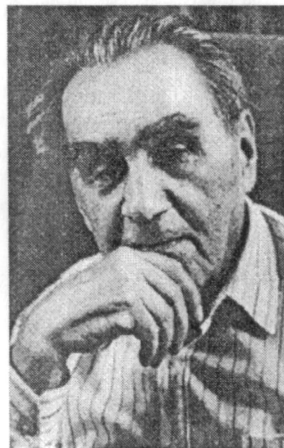
П. А. Судоплатов с сыном
Андреем. Москва, январь 1944 г.

П. А. Судоплатов и
Э. К. Каганова со старшим
сыном Андреем.
Подмосковье, июнь 1947 г.

П. А. Судоплатов.
80-е гг.

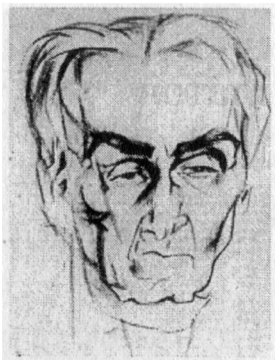

П. А. Судоплатов с детьми.
8 мая 1948 г.

Н. И. Эйтингон с дочерью

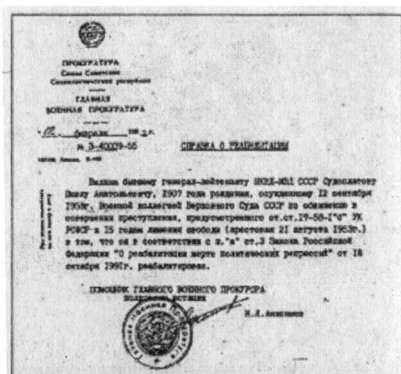

П. А. Судоплатов.
Рисунок

Обложка книги
П. А. Судоплатова,
изданной в Германии

Справка о реабилитации, выданная
П. А. Судоплатову Главной военной
прокуратурой 12 февраля 1992 г.

Соратники и друзья — генералы-чекисты
Наум Эйтингон и Павел Судоплатов

П. А. Судоплатов с младшим сыном Анатолием

П. А. Судоплатов,
90-е гг.

нуть в их спецслужбу. Этот документ находится в «фонде Берия», в президентском архиве.

5 августа, вспоминал отец, его вызвали в кабинет к Круглову и приказали принести агентурное дело Стаменова, болгарского посла в Москве в 1941—1944 годах, агента НКВД, которого он курировал. Без всякого объяснения Круглов сказал, что нас ждут в «инстанции» — это означало, что надо ехать в Кремль.

«В бывшем кабинете Сталина, — пишет в воспоминаниях отец, — находились Хрушев, Молотов, Маленков, Булганин и Ворошилов. Ко мне обратился Хрушев:

— Товарищ Судоплатов, вы знаете, что мы арестовали Берия за предательскую деятельность. Вы работали с ним многие годы. Берия пишет, что хочет с нами объясниться. Но мы не хотим с ним разговаривать. Мы пригласили вас, чтобы выяснить некоторые его предательские действия. Думаем, что вы будете откровенны в своих ответах перед партией.

— Мой партийный долг — представить руководству партии и правительства истинные факты. — Объяснив, что меня поразило разоблачение Берия как врага народа, я добавил: — К сожалению, я узнал о его заговоре против правительства лишь из официального сообщения.

Маленков потребовал, чтобы я объяснил свое участие в тайных попытках Берия в первые месяцы войны установить контакт с Гитлером, чтобы начать мирные переговоры на основе территориальных уступок».

Отец этого факта, как мы знаем из его рассказов, не отвергал и ответил, что в начале войны Берия действительно приказал встретиться со Стаменовым — давним агентом нашей разведки. Отцу поручалось использовать его для распространения дезинформации среди дипломатического корпуса в Москве. Дезинформация сводилась к тому, что мирное урегулирование с немцами на основе территориальных уступок вполне возможно. Отец знал, что Берия хотел встретиться со Стаменовым сам, но ему запретил это делать В. М. Молотов. По своей инициативе Стаменов, чтобы произвести впечатление на болгарского царя, должен был передать эти слухи, сославшись на «надежный источник в верхах». На этот счет не было никакого письменного приказа. Отец рассказал также, что с разрешения Молотова договорился об устройстве жены Стаменова на работу в Институт биохимии Академии наук СССР.

Хрущев попросил отца «доложить» о секретных ликвидациих, которыми занималось подчиненное отцу подразделение. Он сначала рассказал об акции против Коновальца и Троцкого, а затем перешел к специальным операциям в Минске и Берлине в годы войны. Назвал он и четыре послевоенные акции: с Оггинсом, Саметом, Ромжой и Шумским — и в каждом случае указал, кто давал приказ о ликвидации, и что все эти действия предпринимались с одобрения не только Сталина, но также Молотова, Хрущева и Булганина.

Хрущев тут же поправил отца и, обратившись к Президиуму, заявил, что в большинстве случаев инициатива исходила от Сталина и наших зарубежных товарищей. Затем он же и закончил беседу, обратившись к отцу:

— Партия ничего против вас, — сказал он, — не имеет. Мы вам верим. Продолжайте работать. Скоро мы попросим вас подготовить план ликвидации бандеровского руководства, стоящего во главе украинского фашистского движения в Западной Европе, которое имеет наглость оскорблять руководителей Советского Союза.

Отец пишет в своих мемуарах, что не поверил ни одному слову из того, что сказал ему Хрущев в заключение. Тяжелое впечатление произвели на него враждебность Маленкова и молчание Молотова.

А по министерству уже гуляли слухи, что служба отца несет ответственность за тайные массовые убийства, совершенные по приказу Берия. Через два-три дня он узнал, что его имя начало всплывать в протоколах допросов Берия, Кобулова и Майрановского. А затем последовал и роковой звонок от Генерального прокурора Руденко. Тот потребовал явиться к нему, чтобы «прояснить некоторые известные существенные факты».

«Прежде чем отправиться к Генеральному прокурору на Пушкинскую улицу, — вспоминал отец, — я сказал себе: стреляться я не собираюсь и буду бороться до конца — я никогда не был ни сообщником Берия, ни даже человеком, входившим в его ближайшее окружение.

С самого начала мне не понравился тон и сами вопросы, которые задавал Руденко:

— Когда вы получили преступный приказ Берия начать зондаж возможности тайного мирного соглашения с Гитлером?

Я запротестовал, отметив, что такие выражения, как «преступный приказ», не использовались товарищами Маленковым и Хрущевым, когда они задавали вопросы и выслушивали мои объяснения. О преступных же деяниях Берия я узнал лишь из официального сообщения правительства.

Моими запротоколированными ответами Руденко остался весьма недоволен.

Меня арестовали 21 августа 1953 года. Я находился у себя в кабинете, когда появился майор Бычков, мой секретарь, и ввел трех офицеров.

Одного из них я знал — это был подполковник Гордеев, начальник службы, отвечавшей за аресты, задержания и обыски в особо важных случаях. Он предъявил ордер на мой арест. Тогда я предложил не проходить через приемную, чтобы у сотрудников не вызвать панику, а выйти в другую дверь. Это было грубым нарушением закона, но они согласились. По всем правилам я должен был подписать акт о проведении обыска у себя в кабинете и оставаться на месте, пока он не будет закончен».

Отец рассказывал, что с ним было дальше. Его привели во внутреннюю тюрьму, находившуюся в подвале Лубянки. Только несколько часов спустя двое надзирателей вывели его в административный блок тюрьмы, где обыскали, сняли с руки швейцарские часы-хронометр, купленные отцом пятнадцать лет назад в Бельгии, и положили их в нагрудный карман его пиджака. Потом провели к тюремной машине, и в самый последний момент один из надзирателей выхватил из кармана отцовские часы. Это мелкое воровство потрясло его. Он не мог себе представить, что надзиратели особо секретной внутренней тюрьмы, люди в чекистских погонах, могут вести себя как карманники.

Отца привезли в Бутырскую тюрьму и поместили в одиночную камеру. Первый допрос состоялся поздно вечером. Допрашивали Руденко и полковник юстиции Цареградский. Руденко грубым тоном объявил отцу, что он арестован как активный участник заговора Берия, целью которого был захват власти. Дальше пошло совсем невообразимое. Оказалось, отец является доверенным лицом и сообщником Берия в тайных сделках с иностранными державами против интересов Советского государства, что он организовал ряд террористических актов против личных врагов Берия и планировал теракты

против руководителей Советского государства. Тут я цитирую отца почти дословно.

«Выслушав эти чудовишные обвинения, — вспоминал отец, — я стал резко протестовать против незаконных в отношении меня как арестованного действий: я не присутствовал при обыске в моем кабинете, мне не дали опись изъятых при обыске вещей, и в завершение при доставке под конвоем в Бутырскую тюрьму у меня были похищены надзирателем швейцарские ручные часы-хронометр.

Руденко и Царегородский остолбенело уставились на меня, не веря собственным ушам. Наконец Руденко пришел в себя и сказал, что прикажет во всем разобраться. Пока оба были в замешательстве, я решил пойти дальше и выразить протест, что меня вопреки закону допрашивают в ночное время. Но Руденко оборвал меня:

— Мы не будем придерживаться правил, допрашивая заклятых врагов советской власти. Можно подумать, что у вас в НКВД соблюдались формальности. С вами, Берия и со всей вашей бандой будем поступать так же».

Когда я прочитал эти слова в книге отца, в первый момент мне не хотелось верить в то, что этот, как его преподносили везде, самый, самый справедливый прокурор оказался ничуть не лучше тех самых следователей ОГПУ—НКВД, которые вели себя с заключенными как цепные псы.

«На следующее утро, — продолжал отец, — в камере появился дежурный офицер с описью отобранных у меня при обыске вещей, среди них были часы-хронометр».

На втором допросе, который, кстати, проходил днем, Руденко уже вежливо поинтересовался у отца его биографией. Отвечая на его вопросы, отец, как и в прошлый раз, настоятельно подчеркнул, что не имел никаких связей с Берия до назначения его в 1938 году в центральный аппарат НКВД.

Внезапно Руденко предложил ему дать свидетельские показания против Берия: рассказать о его плане тайного сговора с Гитлером по заключению сепаратного мира при посредничестве болгарского посла Стаменова, о привлечении «английского шпиона» Майского для установления тайных контактов с Черчиллем и, наконец, о готовившихся терактах по уничтожению советского руководства с помощью ядов. Руденко добавил, что Берия также отменил приказ правительства о похищении гла-

варей грузинской эмиграции в Париже, поскольку среди них был дядя его жены. В итоге он заявил, что помощь отца в разоблачении злодейских планов Берия — это его партийный долг.

Что мог на эти «деликатные» предложения ответить отец прокурору, у которого, по велению Хрущева, была совершенно определенная задача — упрятать отца (это в лучшем случае) в тюремный каземат. Отец по этому поводу пишет в своих воспоминаниях: «Во-первых, я не знал об этих чудовищных планах, а во-вторых, Стаменов был нашим агентом, через него по приказу правительства запускалась дезинформация, рассчитанная на дипломатические круги и в конечном счете на немцев, о возможном мирном договоре с Гитлером на основе территориальных уступок, чтобы выиграть время, остановить наступление немецких войск. Что касается Майского, то последний раз я беседовал с ним в 1946 году, когда Берия уже не руководил органами госбезопасности, а занимался только разведкой по атомному оружию, и я не имел с ним с тех пор никаких связей. Я также отрицал участие в террористических планах против врагов Берия: в течение тридцатилетней службы в органах безопасности я делал все, зачастую рискуя жизнью, чтобы защитить правительство, государство и советских людей от наших общих врагов».

Такая исповедь подследственного явно не устраивала Генпрокурора. Он грубо оборвал отца и предъявил еще одно обвинение, якобы тот не выполнил приказ Сталина и Маленкова о ликвидации таких злейших врагов Советского государства, как Керенский и Тито. Это была последняя встреча отца с Руденко. Через день допросы возобновились, но вел их теперь Цареградский, предъявивший отцу официальное обвинение в заговоре с участием Стаменова с целью заключения тайного сепаратного мира с Гитлером; в создании Особой группы при наркоме внутренних дел для совершения по приказам Берия тайных убийств враждебно настроенных к нему лиц и руководителей партии и правительства, в сговоре с «сионистом» Майрановским, бывшим начальником «Лаборатории-Х», для совершения этих убийств с применением специальных ядов, которые нельзя обнаружить.

К этим обвинениям он добавил еще участие в заговоре с целью захвата власти в стране и сокрытие от правительства информации о предательских действиях югославской «клики Тито» в 1947 и 1948 годах и намерении

Берия убежать за границу. В частности, речь шла о плане Берия использовать для побега на Запад бомбардировщик с военно-воздушной базы вблизи Мурманска.

«Я отверг эти домыслы, — пишет далее отец, — и заявил: Военно-Воздушные Силы мне не подчинялись, и поэтому я не мог помочь в осуществлении подобного плана. Упоминание о базе ВВС под Мурманском ясно показывало, как исказили операцию по успешной проверке системы ПВО НАТО. Полет нашего бомбардировщика дальнего действия над военными объектами в Норвегии позволил определить уязвимость американцев и англичан. Известно, что Берия, как первый заместитель главы правительства, санкционировал этот полет, но не доложил Маленкову. Вот этот-то факт и был приведен как доказательство, что Берия хотел использовать военно-воздушную базу под Мурманском в случае провала его заговора».

Цареградский предъявил отцу и еще одно нелепейшее обвинение в том, что будто он «самым трусливым и предательским» образом сорвал операцию по ликвидации Тито. Все протесты и требования отца дать ему возможность опровергнуть эти обвинения игнорировались следствием. Наоборот, шла буквально на его глазах намеренная подтасовка фактов. Делалось это явно для того, чтобы показать, что он уже ничего и никогда не сможет опровергнуть. Так ломали волю к сопротивлению.

Цареградский инкриминировал отцу и связь с расстрелянными «врагами народа» — Шпигельгласом, Малли и другими разведчиками. Он старался представить дело так, что отец был их сообщником, заявляя, что Берия знал о существовании уличающих отца связей с ними, но предпочел умолчать о них, чтобы надежнее завербовать его в свою организацию заговорщиков. Обманывая партию и правительство, отец получал якобы из рук Берия незаслуженно высокие награды за свою работу. При этом, сказал он, Берия не только скрыл от ЦК и правительства, что есть множество компрометирующих отца материалов в Следственной части НКВД, но и добился его назначения одним из руководителей советской разведки.

В годы войны отец, по словам Цареградского, выполняя указания Берия, тайно заминировал правительственные дачи и загородные резиденции, а затем скрыл минирование этих объектов от Управления охраны Крем-

ля, чтобы ликвидировать руководителей партии и правительства в подходящий для заговорщиков момент.

В действительности, рассказывал отец, дело обстояло следующим образом. Ему было поручено руководить минированием дорог и объектов в Москве и Подмосковье, чтобы блокировать немецкое наступление в октябре 1941 года под Москвой. Но после того как немцев отбили, мины были сняты, причем делалось все это под строгим контролем по детально разработанному плану. Очевидно, Хрущев и Маленков поверили этой сногшибательной байке о минировании их дач, состряпанной в прокуратуре или добытой ценой вынужденных признаний у кого-то из арестованных.

На допросах отца не били. Время как бы изменилось, и вожди не отдавали уже приказов вести допрос с пристрастием. Они, после сотен расстрелянных по их указанию людей, стремились выглядеть гуманистами, бить не били, но сна лишали. Следовательские бригады из молодых офицеров, сменявшие друг друга, до пяти утра без конца повторяли один и тот же вопрос: признаете ли вы свое участие в предательских планах и действиях Бегля?

«Я решил, — пишет отец, — действовать в духе советов, которые давал мой наставник Шпигельглас: если нет возможности отрицать свою вину, постепенно надо перестать отвечать на вопросы, постепенно перестать есть, без объявления голодовки каждый день выбрасывать часть еды в парашу. Гарантировано, что через две-три недели вы впадете в протрацию, затем полный отказ от пищи. Пройдет еще какое-то время, прежде чем появится тюремный врач и поставит диагноз — истощение; потом госпитализация — и насильное кормление. Наиболее ответственный момент наступает тогда, когда делают спинномозговую пункцию, чтобы проверить болевую реакцию пациента и вывести его из ступора. Если удастся выдержать страшную боль, любая комиссия психиатров подтвердит, что вы не можете подвергаться допросам или предстать перед судом.

К концу осени я начал терять силы, не отвечал на вопросы, которые мне задавал Цареградский. Вскоре в камере появилась женщина-врач и предложила перевести меня в больничный блок стационарного обследования.

В палате меня стали насильно кормить. Об этом времени сохранились самые смутные воспоминания, потому что я на-

ходиллся фактически в полубессознательном состоянии. Через несколько дней пребывания в больнице мне сделали пункцию — боль на самом деле была ужасной, но я все же выдержал и не закричал».

Мой отец оставался в психиатрическом отделении больницы в Бутырках больше года. Маме удалось наладить контакт, а затем установить и дружеские отношения с медсестрой тюремной больницы, постоянно дежурившей в палате отца. Она стала тайно сообщать отцу обо всех важных событиях оригинальным способом, придуманным мамой. Свою книгу, которую медсестра обычно читала во время дежурства в палате, она стала оборачивать свежими номерами газеты «Правда», помещая на видное место обложки самые важные правительственные сообщения. Ведь говорить открыто в палате было нельзя: помещение круглосуточно прослушивалось.

Круг посетителей нашей квартиры сузился, но старые боевые товарищи и друзья отца и матери находили время и место для встреч с мамой, помогали, как могли, в тех условиях.

Мы существовали на мамину военную пенсию, а когда она была сокращена Хрущевым пополам (2300 рублей), мама научилась шить, этим содержала дом, поднимала нас, ребят. Родственники также нам помогали.

Хотя над мамой всячески измывались и требовали, чтобы она освободила квартиру, она упорствовала и заявляла, что подчинится только решению суда.

Зимой 1955 года отца перевезли из Москвы в Ленинград, в психиатрическое отделение тюрьмы «Кресты» для дальнейшего медицинского обследования. Мама, узнав об этом, сразу же поехала вслед за отцом. В «Крестах» отец стал инвалидом. Там ему второй раз сделали спинномозговую пункцию и серьезно повредили позвоночник. Прокуратура разрешила свидания только в конце 1957 года. В декабре они с мамой виделись семь раз. На каждом свидании присутствовали следователь Царегородский и двое врачей.

В апреле 1958 года врачи сочли состояние отца удовлетворительным и разрешили возобновить следствие. Для этого отца перевезли обратно в Москву и заключили в Бутырскую тюрьму. Уже там моему отцу было предъявлено обвинительное заключение.

Из первоначально выдвинутых обвинений осталось три: первое — тайный сговор с Берия для достижения сепаратного мира с гитлеровской Германией в 1941 году и свержения советского правительства;

второе — как человек Берия и начальник Особой группы, созданной до войны, П. А. Судоплатов осуществлял тайные убийства враждебно настроенных к Берия людей с помощью яда, выдавая их смерть за несчастные случаи;

третье — с 1942 по 1946 год П. А. Судоплатов наблюдал за работой «Лаборатории-Х» — спецкамеры, где проверялось действие ядов на приговоренных к смерти заключенных.

В обвинении не было названо ни одного конкретного случая умерщвления людей. Зато упоминался заместитель отца Эйтингон, арестованный в октябре 1951 года, «ошибочно и преступно» выпущенный Берия на свободу после смерти Сталина в марте 1953 года и вновь осужденный по тому же обвинению — измена родине — в 1957 году.

Обвинительное заключение заканчивалось предложением о слушании дела в закрытом порядке военной коллегией Верховного суда без участия прокурора и защиты. Но 30 апреля 1956 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об отмене особого порядка закрытого судебного разбирательства по делам о государственной измене без участия защиты, и отцу уже в тюрьме удалось об этом узнать. Однако его официальное заявление о предоставлении адвоката проигнорировали скорее всего по распоряжению «инстанций», то есть самого Хрущева, который к этому времени стал главой и партии, и правительства. Мой отец направил более тридцати заявлений Хрущеву, Руденко, секретарю Президиума Верховного Совета СССР Горкину, Серову, ставшему председателем КГБ, и другим с требованием предоставить ему защитника и протестом по поводу грубых фальсификаций, содержащихся в выдвинутых против него обвинениях. Ни на одно из них он не получил ответа. Только в начале сентября 1958 года отца официально известили, что его дело будет рассматриваться военной коллегией 12 сентября без участия прокурора и защиты. Он был переведен во внутреннюю тюрьму Лубянки, а затем в Лефортово.

Ход судебного процесса отец потом подробно описал. Вот его описание: «В здание Верховного суда на улице Воровского меня привезли в тюремной машине. На мне не было наручников, и конвоирам КГБ, которые меня сопровождали, приказали ждать в приемной заместителя председателя военной коллегии, то есть за пределами зала судебных заседаний. Им не разрешили войти в зал вопреки общепринятой процедуре. Я был в гражданском. Комната, куда я вошел, совсем не напоминала зал для слушания судебных дел. Это был хорошо обставленный кабинет с письменным столом в углу и длинным столом, предназначенным для совещаний, во главе которого сидел генерал-майор Костромин, представившийся заместителем председателя военной коллегии. Другими судьями были полковник юстиции Романов и вице-адмирал Симонов. В комнате присутствовали также два секретаря.

Я сидел в торце длинного стола, а на другом конце располагались судьи. Заседание открыл Костромин, осведомившись, не будет ли у меня возражений и отводов по составу суда. Я ответил, что возражений и отводов не имею, но заявляю протест по поводу самого закрытого заседания и грубого нарушения моих конституционных прав на предоставление мне защиты, а из-за серьезной болезни, которую перенес, я не могу квалифицированно осуществлять свою собственную защиту в судебном заседании.

Костромин ошеломлен от этого заявления, затем объявил, что суд удаляется на совещание для рассмотрения моего ходатайства, и возмущенно заметил, что у меня нет никакого права оспаривать процессуальную форму слушания дела. Тут же он попросил секретаря проводить меня в приемную.

Судьи совещались примерно час, и за это время мне неожиданно удалось увидеть тех, кто должен был выступить против меня в качестве свидетелей. Первым из них в приемной появился академик Муромцев, заведовавший ранее бактериологической лабораторией НКВД—МГБ, где испытывали бактериологические средства на приговоренных к смерти вплоть до 1950 года. Я едва знал его и никогда с ним не работал, если не считать того, что посылал ему разведывательные материалы, полученные на Западе, по последним разработкам в области бактериологического оружия. Другим свидетелем был Майрановский: бледный и испуганный, он появился в приемной в сопровождении конвоя. На нем был поношенный костюм — сразу было видно, что его доставили прямо из тюрь-

мы. Мне стало ясно, что работа токсикологической «Лаборатории-Х» будет одним из главных пунктов обвинения в моем деле.

Костромин объявил, что мое ходатайство о предоставлении защитника и заявление о незаконности слушания дела в закрытом заседании без участия адвоката отклонено лично председателем Верховного суда СССР. Это распоряжение только что получено по телефону правительственной связи. В том случае, если я буду упорствовать и откажусь отвечать на вопросы суда, слушание дела будет продолжено без меня. Верховный суд, заметил он, как высшая судебная инстанция имеет право устанавливать любые процедуры для слушания дел, представляющих особую важность для интересов государства. Он задал мне вопрос, признаю ли я себя виновным. Я категорически отверг все предъявленные мне обвинения.

Далее Костромин заявил: суд не убедили показания Берия во время предварительного следствия по его делу, что вы не являлись его доверенным лицом, а лишь выполняли приказы, которые он передавал от имени правительства. Более того, сказал Костромин, суд считает, что Берия пытался скрыть факт государственной измены, и показания, имеющиеся в вашем следственном деле, не имеют значения для суда.

Эпизод со Стаменовым был лишь упомянут. Костромин подчеркнул факт несомненной государственной измены, добавив, что новые данные, свидетельствующие, что Берия обсуждал вопрос о контактах со Стаменовым и с другими членами правительства, будут доложены Верховному суду и, возможно, будет принято частное определение в адрес правительственных инстанций. Я решительно отрицал, что мною делались попытки установить тайные контакты в обход правительства, поскольку Молотов не только знал об этих контактах, но и санкционировал их, а санкционированный правительством зондаж в разведывательных целях нельзя классифицировать как факт государственной измены. Однако мое заявление суд проигнорировал. Более того, сказал я, лично товарищ Хрущев пять лет тому назад, 5 августа 1953 года, заверил меня, что не находит в моих действиях никакого преступного нарушения закона или вины в эпизоде со Стаменовым.

Побледнев, председатель запретил мне упоминать имя Хрущева. Секретари тут же перестали вести протокол. Я почувствовал, как кровь бросилась мне в лицо, и, не сдержавшись, выкрикнул:

— Вы судите человека, приговоренного к смерти фашист-

ской ОУН, человека, который рисковал своей жизнью ради советского народа! Вы судите меня так же, как ваши предшественники, которые подводили под расстрел героев советской разведки.

Я начал перечислять имена своих погибших друзей и коллег — Артузова, Шпигельгласа, Малли, Серебрянского, Соновского, Горожанина и других. Костромин был ошеломлен; вице-адмирал Симонов сидел бледный как мел.

После небольшой паузы Костромин взял себя в руки и проговорил:

— Никто заранее к смертной казни вас не приговаривал. Мы хотим установить истину.

Затем вызвали свидетеля Муромцева. К удивлению и неудовольствию судей, Муромцев заявил, что он не помнит никаких фактов моей причастности к работе секретной бактериологической исследовательской лаборатории.

Затем вызвали Майрановского. Он дал показания, что никогда не был подчинен мне по работе и что эксперименты, о которых идет речь, на самом деле были боевыми операциями, а приказы об уничтожении людей отдавали Хрущев и Молотов. Он рассказал, как встречался с Молотовым в здании Комитета информации, а затем, вызвав гнев председателя суда, упомянул о встрече с Хрущевым в железнодорожном вагоне в Киеве. Тут Костромин прервал его, сказав, что суду и так ясны его показания.

Судьи были явно растеряны. Они получили подтверждение, что так называемые террористические акты на самом деле являлись боевыми операциями, проводившимися против злейших противников советской власти по прямому приказу правительства, а не по моей инициативе. Я также указал, что не являлся старшим должностным лицом при выполнении данных операций, поскольку в каждом случае присутствовали специальные представители правительства — первый заместитель министра госбезопасности СССР Огольцов и министр госбезопасности Украины Савченко, а местные органы госбезопасности подчинялись непосредственно им. Я предложил вызвать их в качестве свидетелей и потребовал ответить мне, почему они не привлекались к ответственности за руководство этими акциями.

И снова судьи почувствовали себя не в своей тарелке. Я знал, что в протоколах моих допросов все упоминания о работе в период «холодной войны» 1946—1953 годов были крайне туманными и неконкретными. Мысль, проходившая красной

нитью через все обвинения, сводилась к следующему: Майрановский с моей помощью убивал людей, враждебно настроенных к Берия. Я совершенно явственно чувствовал, что судьи не готовы признать реальный факт, что все эти ликвидации санкционировались руководителями, стоявшими в таблице о рангах выше Берия, а он к эпизодам, рассказанным на суде, вообще не имел отношения.

Костромин быстро и деловито подвел итог судебного заседания. По его словам, меня судят не за эти операции против врагов советской власти. Суд полагает, что я руководил на своей даче другими тайными операциями, направленными против врагов Берия. Я тут же попросил привести хотя бы один конкретный факт террористического акта с моим участием против правительства или врагов Берия. Костромин жестко возразил: дело Берия закрыто, и точно установлено, что такого рода акции совершались неоднократно, а поскольку я работал под его началом, то также являюсь виновным. Однако суд в данный момент еще не располагает на сей счет соответствующими доказательствами. С этими словами он закрыл слушание дела, дав мне возможность выступить с последним словом. Я был краток и заявил о своей невинности и о том, что расправа надо мной происходит в интересах украинских фашистов, империалистических спецслужб и троцкистов за рубежом. И наконец, я потребовал реализовать мое законное право ознакомиться с протоколом судебного заседания, внести в него свои замечания. В этом мне было тут же отказано».

Вот так и сработал наш суд. Что тут можно сказать? Может быть, упомянуть фразу, произнесенную одним из героев известного фильма: «Да здравствует наш советский суд, самый гуманный и справедливый суд в мире»...

Словом, отцу зачитали приговор, который в точности повторял обвинительное заключение прокуратуры с одним добавлением: «Суд не считает целесообразным применение ко мне высшей меры наказания — смертной казни (значит, такая все же предусматривалась. — *Авт.*) и основывает свой приговор на материалах, имеющих в деле, но не рассмотренных в судебном заседании».

Отца приговорили к пятнадцати годам тюремного заключения по статьям 17, 58 п.16 УК РСФСР. Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал. Это

случилось 12 сентября 1958 года. Со времени ареста отца в 1953 году он провел в тюрьме уже пять жутких, мучительных лет.

После суда отца в спецвагоне отвезли во Владимирскую тюрьму, в которой он не раз бывал в свое время по служебным делам. Поместили его в больничном корпусе. Мы ездили туда два раза в год на свидания. Они проходили на первом этаже главного здания тюрьмы. Технология входа такова: в вестибюле за стойкой — дежурный офицер, предъявляешь паспорт, он его кладет в нишу ящика на стене, потом проходишь налево по коридору и в конце справа — узкая комната с железными решетками и полупрозрачным стеклом в единственном окошке. Посередине комнаты большой стол, по бокам — скамейки, на обеих стенах — картины (фотокопии), в углу у входа — тумбочка с графином. Мы входили тогда, когда отец был уже в комнате, рассаживались: отец и сотрудница-сержант — с одной стороны стола, мы — с другой. Разговор длился 30—40 минут. «Лишнее» говорить не разрешалось. Каждая беседа записывалась, мы это знали. Первыми комнату всегда покидали мы, при этом всякий раз отец говорил нам, ребятам: «Осторожно, голову» (низкая дверь). У дежурного получали паспорта — и на улицу.

Переписка была такая: мы, то есть мама, я, брат, родственники — могли писать когда угодно, сколько угодно, отец же — одно письмо в месяц.

Мать писала отцу почти каждый день. Мамины письма отец привез из тюрьмы, они и сейчас находятся у брата.

По мере взросления накапливались знания об отце, его работе. Если поначалу для меня он был просто генерал, каких было много, то потом я уже знал, что он не простой генерал, а прошел тяжкий путь от рядового чекиста — с четырнадцатилетнего возраста, до руководителя разведывательно-диверсионной службы органов безопасности Советского государства.

О том, с каким доверием к нему относился товарищ Сталин, говорит такой факт: во время подготовки и проведения Ялтинской конференции, когда наркомы внутренних дел и государственной безопасности, а также их замы были в Ялте, два человека две недели руководили наркоматами СССР: Судоплатов — НКГБ, Богдан Кобулов — НКВД.

Наше положение в эти годы немного улучшилось. Опасаясь, что ее лишат пенсии, мама, как выше я уже упоминал, научилась шить и скоро как портниха стала пользоваться популярностью среди новых друзей из мира искусства, что приносило ей дополнительный заработок. И когда Хрущев урезал военные пенсии, она по-прежнему была в состоянии содержать нас, детей, и свою мать. МВД попыталось было отобрать у нас квартиру в центре Москвы, но не смогло сделать это на законных основаниях, поскольку мама была участником войны и получала военную пенсию.

К счастью, пребывание отца во Владимирской тюрьме совпало с кратким периодом хрущевской либерализации дисциплинарной системы. Ему было разрешено получать до четырех продуктовых передач ежемесячно. Правда, держали его в одиночной камере, но все же полностью он не был изолирован — имел доступ к газетам, мог слушать радио, пользоваться тюремной библиотекой.

Отец продолжал в тюрьме доказывать свою невиновность, требовал освобождения и реабилитации. Как позднее он вспоминал, его хлопоты не были напрасными: «В 1960 году меня вызвали в кабинет начальника тюрьмы. Там вместо начальника находился представительный, модно одетый мужчина за пятьдесят, следователь по особо важным делам Комитета партийного контроля Герман Климов (отец известного кинорежиссера Элема Климова).

Он сказал, что Центральный Комитет партии поручил ему изучить мое следственное и личное дело из управления кадров КГБ. Центральный Комитет интересуют данные об участии Молотова в тайных разведывательных операциях Берия за рубежом, а также, что особенно важно, имена людей, похищение и убийство которых было организовано Берия внутри страны.

Климов предъявил мне справку для Комитета партийного контроля, подписанную заместителем Руденко Салиным. Справка содержала перечень тайных убийств и похищений, совершенных по приказу Берия. Так, прокуратура, расследуя его дело, установила, что в 1940—1941 годах он отдал приказ о ликвидации бывшего советского посла в Китае Луганца и его жены, а также С. Кулик, жены расстрелянного в 1950 году по приказу Сталина маршала артиллерии Кулика.

Прокуратура располагает, говорилось в справке, заслуживающими доверия сведениями о других тайных убийствах по

приказу Берия как внутри страны, так и за ее пределами, однако имена жертв установить не удалось, потому что Эйтингон и я скрыли все следы. Также указывалось, что в течение длительного времени состояние здоровья мое и Эйтингона не позволяло прокуратуре провести полное расследование этих дел.

Климов от имени ЦК партии потребовал рассказать правду об операциях, в которых я принимал участие, так как в прокуратуре не было письменных документов, подтверждавших устные обвинения меня в организации убийства Михоэlsa, — это, видимо, смущало Климова. Он был весьма удивлен, когда я сказал, что совершенно непричастен к убийству Михоэlsa, и доказал это. Ему надо было прояснить темные страницы нашей недавней истории до начала работы очередного партийного съезда, который должен был состояться в 1961 году, но мне показалось, что он проявлял и чисто человеческий интерес и сочувственно относился к моему делу.

Я не отрицал своего участия в специальных акциях, но отметил, что они рассматривались правительством как совершенно секретные боевые операции против известных врагов Советского государства и осуществлялись по приказу руководителей, и ныне находящихся у власти. Поэтому прокуроры отказались письменно зафиксировать обстоятельства каждого дела. Климов настойчиво пытался выяснить все детали — на него сильное впечатление произвело мое заявление, что в Министерстве госбезопасности существовала система отчетности по работе каждого сотрудника, имевшего отношение к токсикологической лаборатории.

Климов признал, что я не мог отдавать приказы Майрановскому или получать от него яды. Положение о лаборатории, утвержденное правительством и руководителями НКВД—МГБ Берия, Меркуловым, Абакумовым и Игнатьевым, запрещало подобные действия. Этот документ, сказал Климов, автоматически доказывает мою невиновность. Если бы он был в деле, мне и Эйтингону нельзя было бы предъявить такое обвинение, но он находился в недрах архивов ЦК КПСС, КГБ и в особом делопроизводстве прокуратуры.

Отчеты о ликвидации нежелательных правительству лиц в 1946—1951 годах составлялись Огольцовым как старшим должностным лицом, выезжавшим на место их проведения, и министром госбезопасности Украины Савченко. Они хранились в специальном запечатанном пакете. После каждой операции печать вскрывали, добавляли новый отчет, написанный от ру-

ки, и вновь запечатывали пакет. На пакете стоял штамп: «Без разрешения министра не вскрывать. Огольцов».

По распоряжению Климова мне в камеру дали пишущую машинку, чтобы я напечатал ответы на все его вопросы. Они охватывали историю разведывательных операций, подробности указаний, которые давали Берия, Абакумов, Игнатьев, Круглов, Маленков и Молотов, а также мое участие в деле проведения подпольных и диверсионных акций против немцев и сбору информации по атомной бомбе. Наконец, по предложению Климова я напечатал еще одно заявление об освобождении и реабилитации. Учитывая его совет, я не упоминал имени Хрущева, однако указал, что все приказы, отдававшиеся мне, исходили от ЦК партии. Климов уверил меня, что мое освобождение неизбежно, как и восстановление в партии. Такие же обещания он дал и Эйтингону».

Позже отец узнал, что интерес к его делу был далеко не праздный. С одной стороны, власти таким образом хотели глубже заглянуть в подоплеку сталинских преступлений и окружавших его имя тайн. С другой — освобождение Рамона Меркадера из мексиканской тюрьмы и его приезд в Москву подстегнули Долорес Ибаррури и руководителей Французской и Австрийской коммунистических партий добиваться освобождения из тюрьмы отца и его заместителя и друга Наума Эйтингона.

Недавно назначенный председатель КГБ Шелепин направил в Комитет партийного контроля справку, положительно характеризующую их деятельность; в ней отмечалось, что Комитет госбезопасности «не располагает никакими компрометирующими материалами против Судоплатова и Эйтингона, свидетельствующими о том, что они были причастны к преступлениям, совершенным группой Берия». Этот документ резко контрастировал с подготовленной в 1954 году Серовым, Сахаровским и Коротковым справкой о том, что якобы подразделение отца никакой полезной работы после войны не проводило. На эту справку до сих пор ссылаются все отцовы недоброжелатели из числа историков советской внешней разведки.

Идеологическое управление КГБ заинтересовалось опытом работы моей мамы Эммы Судоплатовой с творческой интеллигенцией в 30-е годы. Бывшие слушатели школы НКВД, которых она обучала основам привлечения агентуры, и подполковник Рябов проконсультиро-

вались с ней, как использовать популярность, связи и знакомства Евгения Евтушенко в оперативных целях и во внешнеполитической пропаганде. Мама предложила установить с ним дружеские конфиденциальные контакты, ни в коем случае не вербовать его в качестве осведомителя, а направить в сопровождении Рябова на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Финляндию. После поездки Евтушенко стал активным сторонником «новых коммунистических идей», которые проводил в жизнь Хрущев.

Дом на улице Мархлевского, где мы жили в большой квартире, передали в ведение Министерства иностранных дел, и там разместилась польская торговая миссия. Мы получили неплохую, но гораздо меньшую квартиру в районе ВДНХ, в то время на окраине Москвы. Наш переезд, однако, не помешал Меркадеру и другим деятелям зарубежных компартий навещать и всячески поддерживать нашу маму.

В 1961 году мы все окончательно расстались с иллюзиями, что власти в конце концов признают судебную ошибку, допущенную в деле отца. После того как Климов принял маму в ЦК и заявил ей, что Эйтингон и Судоплатов — невинные жертвы в деле Берия и он добивается пересмотра их приговоров на самом высшем уровне, мы поняли: судьба отца находится в руках Хрущева. Дело застопорилось не в бюрократических лабиринтах — решение держать отца в тюрьме было принято на самом верху.

Мама, мыслившая реалистически, начала подталкивать отца к тому, чтобы он начал готовиться после освобождения из тюрьмы к новой работе — переводчика. Зоя Зарубина передала ему в тюрьму целую кипу книг на французском, немецком, польском и украинском языках.

Стремясь привлечь внимание к ходатайствам о реабилитации, отец с Эйтингоном, находясь в то время в одной камере, написали Хрущеву письмо, в котором содержались оперативные предложения по противодействию только что организованным президентом Кеннеди диверсионным соединениям особого назначения — «зеленым беретам». Письмо получило одобрительную оценку Шелепина, секретаря ЦК КПСС, курировавшего вопросы госбезопасности и деятельность разведки. Эта инициатива привела в конечном итоге к рождению в КГБ

спецназа. Был создан учебно-диверсионный центр, подчиненный Первому главному управлению (ПГУ). Позднее его сотрудники в составе группы «Альфа» штурмовали в 1979 году дворец Амина в Кабуле.

Вдохновленные моральной поддержкой КГБ, отец с Эйтингоном послали новое предложение Хрущеву о возобновлении контактов с лидером курдов М. Барзани, чтобы использовать его против иракского диктатора генерала Касема, который начал выходить из-под советского влияния.

Эйтингона освободили в 1964 году, и он начал работать старшим редактором в Издательстве иностранной литературы. Мама надеялась, что и отца тоже досрочно освободят, но ее просьба была немедленно отклонена.

Президиум Верховного Совета СССР подготовил проект Указа о досрочном освобождении отца после того, как он перенес уже второй инфаркт и ослеп на левый глаз, но 19 декабря 1966 года Подгорный, Председатель Президиума Верховного Совета, отклонил это представление. Отец оставался в тюрьме еще полтора года.

21 августа 1968 года, в день вторжения войск Варшавского Договора в Чехословакию, отцу истек срок нахождения в тюрьме, я с мамой и братом Толей приехал во Владимир.

Дядя Саша (муж маминой сестры) Комельков, заместитель начальника ГАИ Владимирской области, завел свою «Победу», и на ней поехали к тюрьме.

Ждали около часа. Отец показался в главных дверях улыбающийся, кто-то сзади нес его немудреный багаж узника: вещи, письма за десять лет.

Во всех окнах главного корпуса были видны лица сотрудников.

Мы сели в «Победу», я — впереди, мама, отец, Толя — сзади, и поехали через город к Владимирскому шоссе. По дороге где-то в центре дядя Саша остановил машину, зашел в универмаг и вышел с бывшим начальником Владимирской тюрьмы — Кротом (он работал тогда директором этого универмага). Бывший полковник МВД очень тепло распрощался с отцом.

Мы выехали за город и быстро погнали к Москве.

Отец ехал молча, иногда повторял, глядя на убегающие осенние красоты природы: «Как красиво, как красиво!»

Для него начавшаяся свобода была как второе рождение. Чувствовалось, что он очень взволнован, но это чувство было глубоко запрятано в нем. Мы сделали остановку, въехав в лес. Отец медленно вышел, очень медленно, словно по зыбкой почве, ходил вокруг машины, после камеры лес — диковинная красота!

Через три часа мы были уже в Москве, проехали до ВДНХ, оттуда свернули в Останкино, куда всей семьей, но без отца переехали в феврале 1961 года. По приезде нас ждал торжественный обед, на котором мы выпили шампанского за возвращение отца. После обеда отец ушел в спальню и там лежал до ужина.

Наша жизнь стала радостней, хотя уже стоял вопрос — как быть с пенсией отца, ведь ему был уже 61 год.

Первым нам позвонил и предложил работу в юридическом отделе своего института Семенов Александр Ильич (подполковник милиции, капитан ГБ): отец окончил Военно-юридическую академию в 1953 году. Но находиться на работе полных восемь часов для отца в тогдaшнем состоянии было очень трудно: адаптация к простору, отсутствие запретов и т. п. — дело не быстрое.

Было решено заняться переводами с немецкого, польского, украинского, белорусского. И отец принялся за эту творческую работу.

В начале 1970-х он вступил в Комитет литераторов при Союзе писателей СССР: легче было заключать договора на книги, появилась возможность пользоваться поликлиникой Литфонда, а главное — была узаконена его творческая деятельность. Отец с гордостью говорил: «Я литератор».

У отца вышло более 20 переводных книг, несколько «своих» книг в содружестве с Ириной Гуро (Раиса Соболев), с которой мои родители были в дружбе с 1920-х годов. Раиса Соболев была капитаном чекистской разведки, до войны работала в Германии, прошла наши лагеря; когда началась война, была участником партизанского движения. У отца были и другие литературные публикации, которые до 1994 года шли под именем «Анатолий Андреев».

В 1994 году вышла книга в США «Особые задания», где впервые, как выше уже говорилось, появилось настоящее имя, отчество, фамилия отца. Работа отца, мамы и других стала известна всему миру. Переводы этой

книги вышли в Англии, Франции, Испании, Германии, Финляндии, Израиле и других странах.

Конечно, об отце, о его жизни и работе мы с братом знали далеко не все. Хотя отец и делился со мной и братом своими воспоминаниями, рассказывая о себе, своей жизни, что называется, «по случаю» или «к слову», я раньше не связывал воедино все его отрывочные рассказы. Я просто чувствовал его всегда близко, рядом со мной, просто знал: вот это — мой отец, и мне этого было достаточно. Цельное, сознательное представление о личности моего отца, уже непосредственно связанное с той эпохой, в которой ему пришлось жить и работать, пришло ко мне гораздо позже, уже в зрелом возрасте. Впервые же, пожалуй, последовательно и подробно отец рассказал о себе на страницах своих книг-воспоминаний.

Моя мама умерла в сентябре 1988 года, и ее прах похоронят на кладбище Донского монастыря. После смерти мамы здоровье отца ухудшилось, тем не менее он продолжал усиленно работать над своими воспоминаниями, готовя их к публикации. В них, в частности, отец пишет об отношении к нему «перестроечного» руководства страны:

«Высшее руководство в середине 80-х годов занимало по отношению ко мне двойственную позицию. С одной стороны, считая, что мое дело сфабриковано, меня приглашали в институт имени Ю. Андропова — с лекциями по истории разведки. Я принимал участие в конференции КГБ по изучению истории разведывательных операций в Германии, проводившейся в Ясеневе, штаб-квартире внешней разведки. В 1986 году, в канун встречи Горбачева с президентом Рейганом в Рейкьявике, я направил в КГБ памятную записку, в которой изложил наш опыт обслуживания Ялтинской конференции.

Но, с другой стороны, я все еще не был реабилитирован.

Горбачева между тем интересовало, как готовились и передавались приказы по уничтожению людей и способы их ликвидации. Меня посетил в связи с этим генерал-майор Шадрин, отвечавший в КГБ за выполнение специальных поручений. Я объяснил, что полные отчеты об этом хранятся в архивах ЦК партии, и указал, что лично я подготовил два написанных от руки отчета об операциях в Мехико и Роттердаме, за которые отвечал. Другие отчеты писались от руки высшими должностными лицами, непосредственно занимавшимися этими операциями — Огольцовым, Савченко, Цанавой и Аба-

кумовым, или Молотовым и Вышинским, когда они возглавляли Комитет информации. Для Шадрина было новостью, что военная разведка в 1930—1950 годах также ликвидировала агентов-двойников и перебежчиков, этим занималась специальная группа.

По иронии судьбы, в то время как я подавал ходатайства о реабилитации, Горбачев получил своеобразное послание, подписанное тремя генералами, принимавшими участие в аресте Берия. Они потребовали от Горбачева в апреле 1985 года присвоения звания Героя Советского Союза, которое было им в свое время обещано за проведение секретной и рискованной операции. Таким образом, когда председатель Комитета партийного контроля Соломенцев готовил дело о моей реабилитации, генералы требовали себе наград. Горбачев отклонил оба ходатайства — и мое, и генеральское. Генералам напомнили: 28 января 1954 года они уже получили за эту операцию по ордену Красного Знамени, и Центральный Комитет не считал целесообразным возвращаться вновь к этому вопросу».

В 1990 году отец узнал от высокопоставленного сотрудника КГБ, что Горбачев недоволен тем, что процесс демократизации выходит из-под контроля. Осенью этого года КГБ и Вооруженные Силы получили приказ подготовить план о введении военного положения. В это же время вдвое увеличили жалованье всем военнослужащим.

Существенную моральную поддержку получил отец и от генерал-майоров КГБ Кеворкова и Губернаторова. Они воспользовались назначением бывшего начальника Идеологического управления КГБ генерала Абрамова заместителем Генерального прокурора СССР и у него в кабинете изучили его дело. По их словам, четыре тома дела содержали слухи, а никак не конкретные свидетельства против отца и Эйтингона. Что было еще важнее, они обнаружили записку Политбюро с проектом решения: принять предложение Комитета партийного контроля и КГБ о реабилитации Судоплатова и Эйтингона по вновь открывшимся обстоятельствам и ввиду отсутствия доказательств их причастности к преступлениям Берия и его группы, а также принимая во внимание вклад в победу над фашизмом и в решении атомной проблемы.

Это придало отцу уверенности. Его новое заявление о реабилитации было поддержано не только КГБ, но и

высокопоставленными лицами в аппарате ЦК партии. Гласность дала мне возможность использовать прессу. Отец, хорошо владея пером, написал обстоятельное письмо в комиссию А. Яковлева по реабилитации жертв политических репрессий, в котором заявил, что намерен сообщить прессе о том, что правда о реальном механизме репрессий скрывается до сих пор, и в частности в самом ЦК партии. В другом письме — В. Крючкову — отец просил передать в прокуратуру копии документов о его разведработе и назвал номера приказов (их ему подсказали друзья в КГБ) о задачах подразделений, которыми он руководил. Это могло установить, что его дело практически сфальсифицировано.

КГБ отреагировал незамедлительно. Заместитель начальника управления кадров уведомил его, что все документы, перечисленные в письме, заверены в КГБ и направлены в прокуратуру с рекомендацией проанализировать и рассматривать как новые материалы по делу отца. Его пригласили в военную прокуратуру, где сообщили, что дело будет пересмотрено. Они также перепроверили дело Абакумова и его группы. Новое расследование заняло год. У отца, как он говорил, сложилось впечатление, что расследование проводилось по чьему-то негласному указанию.

И тут начали происходить странные вещи. Дело Берия было изъято из прокуратуры и передано в секретариат Горбачева. Затем некоторые документы из него исчезли. Вскоре после этого в газете «Московские новости» появилась статья с грубыми нападками на отца, в которой приводились цитаты из обвинительного заключения по делу Берия и утверждалось, что по указаниям отца на конспиративных квартирах в Москве и других городах организовывались тайные убийства людей с помощью ядов. Отца снова, но уже «демократические» деятели (все они, кстати, вышли из здания на Старой площади) ретиво обвиняли как соучастника Берия, не упоминая о его работе в разведке. Газета просила читателей присылать любую информацию, связанную с Судоплатовым, так как в деле Берия нет фактов и конкретных имен его жертв. Реакции читателей не последовало. В редакционном примечании к статье Егор Яковлев, редактор «Московских новостей», писал, что необходим закон о контроле за оперативной работой спецслужб и в

особенности токсикологических лабораторий, занимающихся ядами, как в ЦРУ, так и в КГБ.

Эти примечания были сделаны в ответ на заявление генерала Калугина о том, что подобная лаборатория все еще существует в КГБ, а ЦРУ испытывает токсичные препараты на американских гражданах.

«Я понял, — говорил в ту пору отец, — что вопрос о моей реабилитации будет тянуться до бесконечности, поскольку никто из находившихся у власти не хотел обнародования правды, которая скомпрометировала бы либеральную политику Хрущева».

А реформаторы пытались использовать хрущевскую «оттепель» как модель перестройки. Уничтожение таких политических противников, как Троцкий и украинские националисты, по решению высших руководителей страны больше не обсуждалось в печати. Горбачев отмалчивался, он не мог себе позволить разоблачить Хрущева как приспешника Сталина и организатора тайных политических убийств. Ведь тогда была бы запятнана историческая память о XX съезде партии, на котором Хрущев выступил с разоблачением сталинских преступлений. Члены ЦК партии и многие делегаты съезда знали о его и своем собственном участии в сталинских преступлениях. Поэтому, если бы дело отца всплыло на поверхность, было бы разоблачено все партийное руководство при Хрущеве, использовавшее Берия и людей, которые работали под его началом, как козлов отпущения. Кстати, в своих мемуарах Н. Хрущев все-таки признал факт, что в тот момент Берия им показался наиболее подходящей фигурой, на которую можно списать все. Что и было сделано. Что касается горбачевского руководства и его главного идеолога — Яковлева, то оно бы несло тогда ответственность за сокрытие вины своих наставников, которые привели их к власти.

Берия и его враги в руководстве страны исповедовали одну мораль. Единственная разница между Берия и его соперниками только в количестве пролитой ими крови. Однако, несмотря на свои преступления, Берия, Сталин, Молотов сумели преобразовать отсталую аграрную страну в мощную супердержаву, имеющую ракетно-ядерное оружие, подготовить Россию к завоеванию космоса. Совершая такие же чудовищные преступления, Хрущев, Булганин и Маленков, однако, в гораздо меньшей сте-

пени способствовали созданию мощного потенциала СССР как великой державы. В отличие от Сталина, они значительно ослабили государство в результате своей борьбы за власть.

Горбачев и его помощники, в не меньшей степени руководствуясь собственными амбициями, привели великую державу к полному развалу. Михаил Горбачев и Александр Яковлев вели себя как типичные партийные вожди, прикрываясь демократическими лозунгами для укрепления своей власти. Как государственные деятели они оказались несостоятельны и лишь питали иллюзии, будто могут перехитрить соперников (Ельцина, Лигачева, Рыжкова, Полозкова и других) и тем самым сохранить безраздельную власть в своих руках. Их достижения в области внутренней и внешней политики равны нулю. В 1989 году Горбачев в силу личной неприязни отстранил Эриха Хонеккера от власти в Восточной Германии, чтобы «укрепить социализм», но так же как в 1953 году, это привело к потрясениям, только в этот раз ГДР перестала существовать. Он и Шеварднадзе оказались неспособными добиться путем переговоров экономической компенсации со стороны Запада в обмен на вывод наших войск из Восточной Европы и сокращение стратегических вооружений.

В 1991 году военная прокуратура по-новому подошла к делу отца и Эйтингона. Материалы доказывали, что они не фабриковали фальшивых дел против «врагов народа». Официальные обвинения, что они якобы являлись пособниками Берия в совершении государственной измены, планировании и осуществлении террористических актов против правительства и личных врагов лубянского маршала, были опровергнуты документально.

После августовских событий 1991 года и распада СССР, незадолго до ухода в отставку, главный военный прокурор прекратил их дела и заявил: «Если бы я не реабилитировал вас, архивные материалы показали бы, что я еще один соучастник сокрытия правды о тайных пружинах борьбы за власть в Кремле в 30—50-х годах».

18 октября 1991 года он подвел черту в деле отца и Эйтингона и подписал постановление об их реабилитации.

Сейчас на дворе, как говорится, новое время. К власти пришло новое поколение. И хотя оно выросло при

прежнем режиме, нынешние руководители не были замешаны в зверствах Сталина и Хрущева, бывших авторитарных правителей страны. Имя Хрущева, активно использовавшееся в начале перестройки, потеряло ныне свою привлекательность. Иначе и быть не может.

«В сложной обстановке после распада СССР, порожденной отсутствием политической культуры, — пишет отец, — ненависть по отношению ко мне сохраняют только те, кто предпочел бы, чтобы люди, знающие действительные обстоятельства трагедии и героики прошлого, молча ушли из жизни. Они открыто стремятся присвоить себе монопольное право на трактовку событий нашего прошлого. Хотя большинство из них скомпрометировали себя тем, что в 1960—1990 годах сознательно преподносили обществу грубо сфальсифицированные объяснения мотивов и механизма сталинских репрессий и крупных событий в нашей внутренней и внешней политике».

Да, это была ложь. С ней пытались бороться люди чести, диссидентствующая публика тут практически ни при чем. У нее были свои мелкие интересы. Время это красноречиво доказало, так что нет смысла тут об этом распространяться. Ложь, которую принес в нашу жизнь Хрущев, в конечном итоге сказалась на нравственном здоровье общества. Оно перестало сопротивляться и поплыло по течению до горбачевского времени. А тут его «взяли», как говорится, «тепленьким».

С осени 1995 года отец не выходил на улицу: кружилась голова, не держали ноги. По квартире ходил очень медленно, с палочкой, опираясь на стены. Потом палку заменил стул, который отец двумя руками двигал перед собой. Сидеть ему было тяжело — болел позвоночник. Хождения по квартире перешли в постельный режим. В кровати лежал, читал газеты, книги, с посторонней помощью садился на кровать, опираясь на подушки. По выходным я брил отца, мыл в ванной. Он меня узнавал и благодарил словами за такую помощь. С конца лета он уже не мог читать, смотрел телевизор, тихо дремал на кровати. Когда я подходил к нему и начинал разговаривать, он как бы пробуждался ото сна, вздрагивал, открывал глаза и внимательно слушал. Но все чаще не узнавал меня, спрашивал: «А кто это? Кто меня бреет?» Я брил его за два дня до смерти. Он фактически никак не реагировал на мое присутствие, на мою помощь. У

меня было ощущение, что я брею уже неживого человека (у него была холодная на ощупь голова, глаз он не открывал).

При его прежнем здоровье отец прожил бы дольше, если бы не болезни, нажитые трагедией 53 года в Ленинградской спецбольнице и Владимирском центре. Отец умер на руках младшего сына (моего брата) Анатолия 24 сентября 1996 года в 6 утра. Тело отца утром перевезли в госпиталь на Пехотной. Потом Анатолий позвонил мне на работу о случившемся. Мы, взрослые дети, имеющие своих детей, стали сиротами на всю нашу дальнейшую жизнь.

27 сентября родственники, близкие, товарищи по оружию, знакомые и незнакомые люди пришли на Пехотную проститься с отцом. Была племянница Малли. Присутствовали разведчики Рогатнев, Юлий Антонович Колесников, Барковский, а также дети Серебрянского, Эйтингона, Малли и Воскресенской. В первом почетном карауле стояли генерал Шебаршин, ветераны. С Пехотной в сопровождении автомашин ГАИ колонна доехала в Митино без остановок минут за двадцать.

В ритуальном зале состоялось последнее прощание. Выступил Герой РФ полковник Ю. А. Колесников, генерал — представитель спецназа и Герой Советского Союза Надежда Викторовна Троян. Прозвучали залпы военного салюта. Одну гильзу мне вручили на память. Черные шторы закрылись, окончился путь еще одного Гражданина — Солдата Советского Союза. На Пехотной, в Митино шла видеосъемка прощания с отцом, которая и была показана по телевизору в тот же вечер на канале «Россия». Память отца почтили газеты «Новости разведки и контрразведки», «Красная звезда», «Патриот», «Новая газета», «Московский комсомолец», журнал «Огонек» и другие издания.

К сороковому дню памяти отца урны с его прахом и прахом матери были преданы земле Донского монастыря, над ними встало черное мраморное надгробие с датами жизни родителей. На том же кладбище похоронены его боевые друзья и соратники: Мельников, Эйтингон, Огольцов, Абель и другие.

Хочу привести полный текст статьи «Родина любила Судоплатова меньше, чем он ее», посвященной памяти отца, из «Новой газеты» от 30 сентября 1996 года: «Ушел

из жизни Павел Судоплатов — легенда советской разведки. Мы плохо знали, мы почти не знали эту легенду. До войны Судоплатов был нелегалом в Западной Европе и лично ликвидировал врагов Советского Союза. Позже организовал убийство Троцкого. Во время войны Судоплатов и его управление создали десятки партизанских отрядов, забросили в тыл гитлеровцев более 2200 диверсионных групп. Судоплатов и его агенты добыли нам атомную бомбу. В 1953 году был репрессирован, получил 15 лет, отсидел полностью.

Он рисковал жизнью, его подчиненные — нелегалы, партизаны, диверсанты — рисковали жизнью. Никто из них не разбогател. Люди и тогда были разные. Некоторые шли в полицию и старосты. Судоплатовцы взрывали поезда и гауляйтеров. Они находились за линией фронта, за их спиной не было заградотрядов, ничто не мешало им предать или хотя бы раствориться в хаосе войны. Но они любили Родину и уважали командира.

На похороны своего командира пришли ветераны разведки — нелегалы, партизаны, диверсанты. Всем под 80 и за 80. Очень старые умные лица, очень скромная одежда. Они настоящие герои, эти старики, но бедны, поскольку и их Родина любит меньше, чем они ее. Если бы на похороны Судоплатова они надели ордена — вес присутствующих увеличился бы на тонну. Если бы этих стариков собрали на консилиум осенью 94-го — возможно, не было бы Чеченской войны с таким количеством жертв.

Судоплатов умер на 90-м году жизни. Он успел написать книгу. Родина не успела вернуть ему ордена.

Александр Минкин».

Публикации о работе П. А. Судоплатова продолжают появляться в журналах, газетах, на телевидении.

«Человек живет, пока его помнят», — гласит пословица. Пусть память о нем будет долгой и справедливой.

В своем последнем интервью, данном за полтора месяца до кончины, на замечание журналиста, что его называют «главным террористом и диверсантом Советского Союза», он ответил: «Я долго руководил службой разведывательно-диверсионных операций в советских органах безопасности с конца 1930-х до начала 1950-х годов, включая период Великой Отечественной войны. Однако моя работа как раз и была направлена на противодействие террору, преступным элементам, которые вели тайную вооруженную борьбу с нашим государством и обществом».

Перестройка и новое мышление много изменили в мире. Уходит в прошлое «холодная война». Говорят, что у нас теперь нет врагов. Но это не повод для беспечности. Надо присмотреться к тем, кто делает такие заявления. С чего бы это? А между тем в мире сохраняются огромные атомные арсеналы, создаются новые военные базы, разрабатываются самые эффективные виды оружия. Не сданы в архив планы достижения решающего военного превосходства над СССР, хотя страна с таким названием уже и не существует. Запад, с одной стороны поддерживая наши преобразования, в то же время не желает, в частности, отменять ограничения по поставкам в Россию новейшего оборудования и технологий.

И в мире и у нас то там, то здесь возникают экстремальные ситуации и военные конфликты. В этих условиях разведка должна иметь самую достоверную информацию о политических процессах в мире, чтобы наша страна могла вовремя и адекватно отреагировать.

Одной из важнейших задач российской разведки остается отслеживание развития вооружений и создание принципиально новых видов оружия.

Экономическая реформа, проводимая в нашей стране, новый характер внешнеэкономических связей, курс на интеграцию экономики в мировое хозяйство требуют усиления разведки по экономической проблематике.

Большие задачи стоят перед разведкой в работе по ограждению советских граждан, командированных за границу, от попыток западных спецслужб привлечь их к негласному сотрудничеству, втянуть в контрабандные операции и т. д.

Ну и конечно же в области борьбы с международным терроризмом и наркомафией нашим разведчикам еще придется немало поработать. Главное, чтобы нынешнее поколение разведчиков, осваивая новые методы работы, никогда не забывало тех, кто проложил им в труднейших условиях путь в будущее.

ПРИЛОЖЕНИЯ

НА «КРЮЧКЕ» У СОВЕТСКОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ

Сергей Михайлович Федосеев родился в 1915 году в Москве. В 1937 году по молодежному набору был зачислен курсантом Московской межкраевой школы ГУГБ НКВД.

С началом войны в июле 1941 года возглавил службу контрразведки управления НКВД по Москве и Московской области. Непосредственно участвовал в операциях, связанных с захватом забрасываемых в Подмоскovie на парашютах немецких шпионов и диверсантов и ведением радиоигр с нацистской разведкой. С 1944 года был начальником контрразведывательной службы УНКВД в другой «горячей точке» — в Ленинграде, а в 1946 году назначен руководителем отдела зарубежной контрразведки в центральном аппарате Министерства государственной безопасности СССР. В 1951 году занял пост заместителя начальника Первого главного управления МГБ (внешняя разведка). Позже возглавил одну из ведущих кафедр Высшей школы КГБ, где и работал до выхода на пенсию в 1966 году.

С. М. Федосеев — кандидат экономических наук, автор ряда учебников и книг, а также многих статей о деятельности зарубежных спецслужб. Это человек достаточно известный среди чекистов хотя бы потому, что многие операции, которыми он руководил или в которых непосредственно участвовал, стали не только школой для нескольких поколений советских контрразведчиков, но и увлекательной историей для любителей детективов.

Об одном из эпизодов беспокойной и весьма нелегкой работы полковника в отставке Сергея Михайловича Федосеева повествуется ниже.

Опыт, накопленный советской контрразведкой за первые месяцы войны, рассказывает С. М. Федосеев, особенно успешно применялся в радиоиграх, ставших одним из наиболее эффективных средств борьбы с гитлеровской разведкой и введения в заблуждение немецкого командования относительно планов советского руководства. Об одной такой радиоигре и пойдет речь ниже.

...Как-то в начале весны 1942 года в Московское областное управление НКВД поступило сообщение, что ночной сторож одной из деревень Волоколамского района заметил, как на рассвете от самолета, летевшего на небольшой высоте, отделились несколько парашютистов. Сколько, с какого самолета, когда именно это произошло, он ответить не смог.

Тут же к месту происшествия двинулась поисково-истребительная группа. Были взяты под контроль близлежащие шоссе и проселочные дороги. Старательно прочесав местность, поисковики в тот же день задержали показавшегося подозрительным младшего лейтенанта. Предъявленные им документы не вызвали сомнений. Однако наличие рации, обнаруженной в вещевом мешке, и крупной суммы денег офицер толком объяснить не сумел. В ходе расследования выяснилось, что задержанный является одним из парашютистов, агент-радиист. Он показал, что приземлившихся было трое. Но так как выброска шпионов происходила с определенным интервалом, они оказались разбросанными друг от друга на значительное расстояние и им пришлось довольно много времени потратить на взаимные поиски. Двоим удалось встретиться. Продав безрезультатно два часа третьего парашютиста и понимая, что задерживаться в районе выброски опасно, они решили уходить. Кстати, насколько мне помнится, третий агент, несмотря на принятые меры, так и не был обнаружен. Очевидно, он решил не связываться в шпионские дела.

Как им и советовали в разведывательной школе, агенты разошлись по разным направлениям. Условились, что места их дальнейших встреч постоянно будут меняться и в целях конспирации они не станут сообщать друг другу своего адреса.

Во время допроса радиист также сообщил, что, попав в окружение, он и его товарищи оказались в лагере для советских военнопленных, где их и завербовали в Катынскую разведывательно-диверсионную школу абвера. В поселке Красный Бор под Смоленском они прошли специальную трехмесячную подготовку. Программа специальных занятий в школе охватывала широкий круг предметов: искусство маскировки,

подложные документы, тайные средства, связь, прыжки с парашютом. Агенты были снабжены форменной одеждой младшего офицерского состава Красной Армии, им была придумана легенда и выданы подкрепляющие ее личные документы, в которых они значились временно командированными из воинских частей, дислоцированных во фронтовой зоне.

Перед группой была поставлена задача: осесть на территории Московской области в местах, близко расположенных к идущим на запад магистралям, и неослабно круглые сутки следить за продвижением воинских эшелонов. Гитлеровское командование было серьезно обеспокоено возможностью сосредоточения и развертывания стратегических резервов для нового наступления наших войск. Результаты наблюдений радист должен был регулярно сообщать в разведывательный центр.

Было решено использовать эту ситуацию для завязывания радиоигры с абвером. Операция началась сразу после контрнаступления Красной Армии под Москвой, в результате которого Западный фронт относительно стабилизировался. Однако для обеих сторон было очевидно, что затишье продлится недолго. В этих условиях необходимость проникновения в планы противника приобретала для нас первостепенное значение.

Гитлеровское командование в свою очередь старалось любой ценой выведать планы Ставки ВГК. Появление все новых и новых групп вражеских агентов в тылу советских войск означало, что немцы упорно ищут ответы на вопросы: где начнется очередное наступление Красной Армии, какие действия предпримет она на Западном фронте, какими силами располагают ее войска.

Что же касается Красной Армии, то для нее Западный фронт приобретал особое значение. Верховное Главнокомандование и Генеральный штаб склонялись к мнению, что именно здесь будет нанесен повторный немецкий главный удар. Вопреки исходившим из надежных источников данным нашей агентурной разведки (поступили еще осенью 1941 г.) о том, что новый удар последует на юге, в направлении Сталинграда и Кавказа, Сталин считал, что надо ждать повторного наступления немецких войск на Москву. Именно сюда подтягивались стратегические резервы Красной Армии и здесь планировались ее контрдействия. Это, к сожалению, оказалось губительным для юго-восточного фланга наших войск. Допущенный просчет в значительной мере объясняет быстрое продвижение немцев в районе Воронежа и далее на Сталинград.

Как и ожидалось, предложение о сотрудничестве с органами государственной безопасности радист принял охотно. В оговоренный с абвером день и час он вышел в эфир с сообщением о благополучном приземлении и обстоятельствах потери третьего агента.

Спустя несколько дней, когда второй агент явился на встречу с радистом, чтобы передать собранные сведения, он был взят под наружное наблюдение. Опытные сотрудники госбезопасности, следившие за ним, быстро выявили населенный пункт, где он снимал комнату, и установили адрес. Радист доложил в центр, что в ближайшие дни он передаст сообщение о первых результатах наблюдения за железной и шоссейной дорогами. За давностью лет мне трудно вспомнить фамилии агентов нацистской разведки. Через нашу контрразведывательную службу за время войны прошло их несколько десятков, да и такая оперативная игра была не единственной.

Так было положено начало радиоигре, получившей название «Бумеранг». Для контроля за действиями агента-радиста по соседству с ним поселили нашего сотрудника Николая Грачева, имевшего достаточный опыт ведения радиоигр.

Для укрепления доверия абвера, где наверняка после исчезновения третьего агента возникла настороженность к радисту и группе в целом, мы решили второго агента временно оставить на свободе под неослабным наблюдением. Кроме того, эта мера должна была придать поведению участников игры большую естественность. При этом открывался дополнительный канал для поступления руководству вермахта ложной информации, вводящей его в заблуждение относительно планов командования Западного фронта.

Так все и произошло. Агент с нашей помощью очень скоро от лиц из своего окружения (некоторые из них были железнодорожниками) «стал получать» информацию. Излишне говорить, что мы были весьма заинтересованы, чтобы эти сведения доходили до абвера и были приняты им как истинные. Заметим, что по требованию Ставки ВГК переброска частей и соединений, а также военной техники производилась главным образом ночью в условиях строжайшего соблюдения мер маскировки, что способствовало передаче дезинформации. Хотелось бы подчеркнуть, что переданные немцам в ходе радиоигры данные (объем их был достаточно обширен) отрабатывались с участием офицеров Генерального штаба.

«Бумеранг» представлял собой лишь одно из звеньев в общей системе радиоигр, которые велись тогда органами совет-

ской контрразведки. В масштабе страны координировал все действия, связанные с ведением радиоигр, НКВД СССР, где эта работа выполнялась профессионалами высокого класса Н. М. Ендаковым, Д. П. Тарасовым, Г. Ф. Григоренко. Те из нас, кто имел непосредственное отношение к радиоиграм и был как-то связан с этой группой сотрудников, были уверены, что дело находится в надежных руках.

Догадывались ли аналитики немецкой разведки, что в результате двойных радиоигр они нередко становились жертвой дезинформации? И да, и нет: не так-то легко было во всем этом разобраться, уловить существо дела. Порой они просто терялись в догадках (равно как и мы в подобных ситуациях). Лишь после войны и им, и нам многое стало ясно. Оценивая эту сторону деятельности советской контрразведки, В. Шелленберг, например, уже после войны сделал вывод, что некоторое время она поставляла правдивую информацию, чтобы в решающий момент сделать высшее немецкое руководство жертвой роковой дезинформации.

Но вернемся к «Бумерангу». Как можно было судить по реакции руководителей разведцентра противника на сообщения агента-радииста и по характеру получаемых им заданий, они все больше ему доверяли, высоко оценивали смелость и находчивость, которые он обнаруживал с первых часов своего пребывания на советской территории, выражали удовлетворение добываемой им и вторым агентом информацией. Вскоре они поздравили радииста с награждением его Железным крестом за «верную службу фюреру». Не были забыты и услуги второго агента, которому для начала руководство абвера объявило благодарность.

Шло время. Истекал срок действия фиктивных документов, которыми абвер снабдил своих агентов. По всем техническим параметрам скоро должно было иссякнуть питание для радииста. Как-то во время очередного сеанса связи радиист напомнил об этом своим шефам. Тотчас же последовал ответ: «Будьте готовы к приему курьера. Он посетит вас в удобный для него момент и доставит все необходимое...»

Наша радиоигра в это время неожиданно привлекла внимание Верховного Главнокомандующего. Каким-то образом узнал о ней тогдашний начальник Управления особых отделов Наркомата обороны, впоследствии министр госбезопасности В. С. Абакумов, и его заинтересовала наша радиоигра. Откровенно говоря, мы были рады этому обстоятельству. «Бумеранг» оказался во многих отношениях делом сложным и ри-

скованным. Как-то в воскресенье утром Абакумов позвонил мне и попросил зайти. Подробно, до мельчайших деталей, он расспросил о радиоигре. Его интересовало все: как она возникла, вполне ли можно доверять радисту, надежно ли обеспечено наблюдение за вторым агентом, какова реакция абвера на переданную информацию, какими нам видятся перспективы. В заключение он сказал: «Подготовьте мне справку и отразите в ней главные моменты дела. Обязательно дайте краткое обоснование путей развития игры — как мы их себе представляем. К справке подготовьте проект очередного сообщения радиста в радиоцентр».

В подготовленном нами проекте шифрограммы содержалась очередная порция дезинформации. Кроме того, радист уведомлял центр о благополучном прибытии курьера. Это делалось на тот случай, если он действительно явится в эти дни.

Буквально на следующий день Абакумов вновь вызвал к себе. Я доложил ему: «Два часа назад прибыл курьер и доставил все необходимое. Отдыхает в комнате радиста. Вернуться обратно намерен рано утром. На месте находится группа захвата».

«Прочтите», — говорит мне Абакумов, возвращая справку и проект сообщения в разведцентр. Вижу, что местами текст справки подчеркнут синим карандашом. В заключительной части, где излагались наши соображения, внесена небольшая правка. Этот же синий карандаш прошелся и по тексту шифрограммы.

Абакумов объяснил: Верховный считает, что немедленный захват курьера — риск малооправданный, за ним может быть и контрнаблюдение. В результате провала игры мы лишим себя возможности передавать очень важную в данный момент дезинформацию. Кроме того, упустим благоприятную возможность выследить, где и как агентура немецкой разведки преодолевает линию фронта, возвращаясь с задания, какими опорными пунктами во фронтовой полосе пользуется, а то, что они есть там, не вызывает сомнений.

«Будем курьера арестовывать», — заключил разговор Абакумов, — но не там, где намечали, а в самом последнем пункте пути его следования через фронтовую полосу».

Необходимые распоряжения военным контрразведчикам об организации надежного контроля за поведением курьера во время пребывания его во фронтовой зоне и готовности к его задержанию в последний момент я уже сделал.

Некоторое время спустя в связи с изменившейся обстановкой на фронте остававшийся вне подозрений радист полу-

чил указание переместиться дальше на запад, и радиоигра «Бу-меранг» перешла из наших рук в ведение военной контрразведки действующей армии...

* * *

БОРЬБА КУРДОВ ЗА СВОЮ СВОБОДУ

Почти сорок лет прослужил в органах государственной безопасности генерал-майор Вадим Николаевич Удилов. Начинал рядовым сотрудником МГБ Узбекской ССР. Завершил службу в должности заместителя начальника управления КГБ СССР по линии контрразведки. За плечами В. Н. Удилова десятки успешно завершённых дел хитроумных операций, о которых широкая общественность если и знала, то только из коротких сообщений ТАСС либо из официальных нот МИДа.

В своих воспоминаниях Вадим Николаевич приоткрывает тайну над некоторыми из этих дел.

С учетом накопленного мною опыта, а также сохранившегося фронтового задора и энергии руководство МГБ приняло решение назначить меня начальником группы по оперативному обслуживанию интернированного в СССР отряда иракских курдов под командованием Моллы Мустафы Барзани.

В 1930—1940 годах фамилия руководителя большого курдского племени Барзани была широко известна на территории Ближнего и Среднего Востока. Знали об этом племя и политики империалистических государств. Англичане, занимавшие в то время превалирующие позиции в политике народов Ближнего и Среднего Востока, настороженно следили за каждым шагом семьи Барзани, не без основания полагая, что они в своем движении за объединение всех курдских племен в единое государство смогут нанести урон их имперским интересам. Поэтому не только следили, но и всячески исподтишка противодействовали курдам. Но внешне они всячески заигрывали с Барзани, одобряя и восхваляя его политические и практические шаги, когда им это было выгодно.

Не дремали и политики немецко-фашистского рейха и его разведка, склоняя курдов, сартов, фарсов, арабов и другие маленькие народности, населявшие территории Ирана, Ирака, Сирии, Турции, различных арабских эмиратов к восста-

нию против английского ига и прочее. И в ряде случаев они добивались успеха!

В 1943 году, когда кончился срок пребывания английских войск в Ираке, королевское правительство Ирака не было склонно продлевать пребывание на своей территории английских войск, что значительно ослабило бы позиции англичан в этом регионе. Тем более что это сильно осложнило бы положение их оккупационных войск, находившихся совместно с Красной Армией в Иране.

В это время глава племени Шейх Ахмад Барзани и его брат Молла Мустафа Барзани находились в ссылке в Сулеймании за попытку поднять в 1932 году восстание курдских племен и добиться создания нового государства — Курдистан. Восстание это было жестоко подавлено, а его руководителей представители Интеллидженс сервис отправили в почетную ссылку. Они понимали, что вожаки племени им могут еще пригодиться. Так и случилось в 1943 году. В Сулейманию на самолете срочно вылетел английский разведчик Джонсон с заманчивым предложением для Барзани. Обрисовывая обстановку на Ближнем и Среднем Востоке, Джонсон от имени правительственных кругов Великобритании заявил, что именно сейчас назрела обстановка, при которой курды могут поднять с их помощью восстание для объединения в единое государство.

— Мы вас переправим в Иран, на территорию, оккупированную советскими войсками. Там вы сколотите небольшой отряд, оружие для него мы дадим. Затем вы двинетесь к Ираку, на земли Барзанского района, которые сплошь заселены курдами. Они обязательно вольются в ваш отряд. Не исключаем, что вас поддержат другие курдские племена, такие, как шамзини, шервани. А это будет уже означать, что своей целью, которую вынашивали десятки лет, вы добьетесь!

И восстание курдов началось. Под знамена Барзани стали стекаться не только бедные и обездоленные люди, но и грамотные и состоятельные лица, служившие при иракском короле Фейсале, в том числе в генштабе Ирака. Англичане, как и обещали, выделили для восставших три тысячи винтовок. В отряд Барзани почти повально стали переходить курды с оружием в руках, которых было много в различных полицейских участках и охранных формированиях. Их военно-полицейские навыки, основанные на дисциплине и безоговорочном исполнении приказов, цементировали в курдских отрядах военный порядок и укрепляли их маневренность. Так восста-

ние из чисто локального явления как-то быстро переросло в государственное, международного масштаба.

Иракское королевское правительство было уже не в состоянии подавить разросшийся мятеж и вынуждено было пойти на поклон к англичанам. Одним из условий англичан было продление протектората — пребывания их войск в Ираке и еще целый ряд политических и экономических уступок, связанных с использованием морских портов, дорог, обеспечением и снабжением войск и т. д. Восстание с помощью английской авиации, артиллерии и танков было подавлено. Молле Мустафе же было заявлено, что техника была закуплена Ираком ранее и англичане, как могли, сдерживали королевские войска, но, к сожалению, пока неудачно...

Неизвестно, каким образом, но англичанам удалось убедить Моллу Мустафу в своей невиновности и даже лояльности к нему. Примерно в это же время на части территории Ирана, оккупированной Красной Армией, под воздействием национальных и демократических сил стала создаваться новая государственная автономия, назвавшая себя Республикой Иранского Азербайджана и Курдистана. Во главе ее стали Кази Магомед от азербайджанской общины и Пешевари от курдской.

Англичане тут же порекомендовали Барзани, якобы в целях сохранения частей повстанческого движения, уйти вместе с ними в Иран и предложить свои услуги Кази Магомеду и Пешевари. В данном случае они убивали сразу двух зайцев. Путем увода из Ирака повстанцев они укрепляли свои отношения с королем Фейсалом. В то же время происходило усиление агентурных позиций Сикрет интеллидженс сервис в создаваемой на территории Ирана Республике Иранского Азербайджана и Курдистана.

Молла Мустафа Барзани с вооруженными отрядами повстанцев влился в новую автономию. Поскольку слава о барзанских повстанцах, борющихся за свободу и независимость, широко облетела многие страны Ближнего и Среднего Востока, они были приняты с теплотой и сердечностью. Отряды барзанцев послужили костяком для армии новой республики. Командиры повстанцев получили в ней должности и офицерские звания до полковников включительно. Сам Молла Мустафа Барзани был назначен командующим армией, и ему было присвоено звание генерала. Но республика просуществовала недолго, всего несколько лет, и после второй мировой войны распалась. Кази Магомед и Пешевари, якобы для

переговоров, были вызваны шахиншахом в Тегеран и там казнены.

Быстрый развал государственной надстройки коснулся и армии, возглавляемой Барзани. Помимо армии к ее воинам в Иран постепенно прибывали из Ирака их семьи, и всем куда-то нужно было деваться. На совете командования и шейхов было принято решение: всем вернуться на родину, в Барзанский район Ирака. Войско с многочисленными родственниками, громоздким обозом двинулось из Ирана в Ирак. За ними сзади, буквально по пятам, шли иранские воинские части, а на границе их встретили развернувшиеся к боевым действиям иракские войска...

И Молла Мустафа принимает единственно правильное решение. Оказавшись как бы в коридоре между иранскими и иракскими войсками, он, отобрав в свой отряд только смелых и решительных бойцов, по коридору рывком уходит вправо и врывается на территорию Турции. Сделав во время этого ночного марш-броска крюк, вновь заходит на территорию Ирана, но уже в тылы иранских войск и, громя тыловые базы, спешно устремляется на север, к границе Советского Союза.

Советские пограничники в течение суток слышали бомбовые удары на территории Ирана, затем увидели, как на другом берегу пограничной реки Араке стали накапливаться вооруженные группы людей. Через реку переправился человек, который на сносном русском языке заявил:

— Я прибыл по поручению генерала Барзани. Зовут меня Давид Юхан Дихно Ловко. Отряд Моллы Мустафы Барзани спасается от преследования превосходящих сил иранских войск. Он просит предоставить нам убежище, чтобы избежать полного физического уничтожения.

Почти сутки задерживался ответ из Москвы. Бомбовые удары слышались все более отчетливей. На берегу появился Барзани, и по его короткой команде курды тотчас начали массовую переправу на советский берег.

Так был интернирован в СССР отряд иракских курдов Моллы Мустафы Барзани. Вначале отряд как самостоятельная боевая единица был размещен в Азербайджане. Курды вели себя крайне настороженно. Распоряжений администрации советской власти не выполняли, пока не получали указания или одобрения со стороны Моллы Мустафы или его приближенных. Получалось какое-то инородное тело. С другой стороны, среди местного населения и военнотружущих восточной национальности появился нездоровый, как посчитали тогда,

интерес к исламу, обрядам, отправляемым курдами, и мусульманским проповедям их шейхов. Все это вместе взятое повлияло на принятие кем-то наверху волевого решения о роспуске отряда. Под предлогом передислокации отряда в Узбекистан курдов партиями стали отправлять в дорогу. На новом месте курды были расчленены на еще более мелкие группы, вплоть до одиночек, которых разбросали по всем областям Узбекистана как спецпоселенцев... Молла Мустафа был сослан в Муйнакский район Каракалпакии и под бдительным контролем комендатуры МВД пристроен весовщиком в одном из хлопковых совхозов...

В самом начале 50-х годов, когда в Иране начались антишахские волнения, которые возглавил тогда премьер-министр Моссадык, у нас вспомнили об отряде Моллы Мустафы и, как тогда нам говорили, по указанию самого Сталина их вновь стали собирать в отряд, место дислокации которому определили на территории сада-совхоза № 9 Янги-Юльского района Ташкентской области. Молле Мустафе был выделен в качестве резиденции загородный особняк Совета Министров Узбекской ССР в поселке Кибрай в 15 километрах от Ташкента. На содержание отряда была определена дотация правительства в сумме 4 миллионов рублей. К этому надо добавить, что среди курдов существовало правило отчислять из зарплаты каждого курда 50 рублей в личную казну Моллы Мустафы.

Теперь было важно найти людей, которые бы информировали органы безопасности о планах Моллы Мустафы.

Таких людей оказалось достаточно. Среди наших помощников были и штабной работник, нередко обеспечивавший охрану Моллы Мустафы при встрече с английскими разведчиками, и командир батальона его отряда, и командиры роты — прямые свидетели многих интересовавших нас событий. Проводить встречи в ними было весьма сложно. Подчас на явку нужно было ползти по-пластунски огородами, а агент через открытое окно негромко рассказывал оперработнику о намечаемых в отряде тайных мероприятиях.

Пренебрежение конспирацией оборачивалось подчас печальными результатами. Наш оперработник, выступавший под «крышей» администрации совхоза, довольно часто и не всегда конспиративно стал встречаться с интересовавшим нас человеком из числа курдов. О встречах этого курда с администратором совхоза шейхи донесли Молле Мустафе. По его указанию курда раздели донага, привязали к железной кровати и стали истязать, желая получить показания, о чем он говорил

с русским представителем. Издевательства удалось приостановить, а жертву по его желанию отправили из отряда к месту бывшего спецпоселения. Недели через три этого курда нашли убитым. Ему перерезали горло от уха до уха. Так шейхи управлялись с непокорными в назидание другим...

Основная масса курдов — это бесстрашные бойцы, готовые по приказу своего предводителя Барзани броситься и в огонь, и в воду. В то же время это очень добродушные и весьма заботливые люди — в этом мы неоднократно убеждались по их отношению к соседям, женщинам. Верхушка — руководители отряда — состояла из зажиточных шейхов, баев, имевших целью в политической и вооруженной борьбе не только получение автономии, но и решение своих чисто меркантильных задач. На этот счет характерно высказался о себе и своем окружении бывший заместитель Моллы Мустафы полковник Асад Хушави: «Если в наши руки попадет нефть Абадана и Керкука, то этого нам всем хватит надолго».

Таким образом, простые курды оставили у меня теплые воспоминания, а вот их руководители доверия не внушили. В последующем история подтвердила наши выводы. После свержения короля и революции в Ираке курды вернулись на свои земли и снова начали вооруженную борьбу. Снова началось их гонение и притеснение. Молла Мустафа Барзани так и умер в изгнании, кажется в США, у пригrevших его американских «ястребов».

* * *

НЕИЗВЕСТНЫЙ СЕРОВ

Иван Александрович Серов родился 12 (25) августа 1905 года в деревне Афимская Сокольского района нынешней Вологодской области. В 1923 году он закончил среднюю школу и был избран членом волостного исполкома. В 1925 году Вологодский губернский комитет РКП(б) послал его на учебу в Ленинградскую войсковую школу, которую Серов окончил в 1928 году. Во время учебы в 1926 году он был принят в члены РКП(б). После окончания училища Серов служил в артиллерии РККА командиром взвода, батареей, начальником штаба полка. В 1935 году поступил на учебу в Военную академию им. Фрунзе, которую закончил в феврале 1939 года.

Сразу после окончания академии в судьбе Серова происходит резкий поворот. Его направляют на работу в органы НКВД, испытывавшие в то время острый дефицит кадров. 9 февраля Серов был назначен заместителем начальника Главного управления рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) НКВД СССР. На новом месте работы карьера Серова развивается стремительно. 15 февраля ему присваивается звание майора госбезопасности. 18 февраля он становится начальником ГУРКМ НКВД СССР, 30 апреля — получает звание старшего майора госбезопасности.

29 июля 1939 года Серова переводят на работу в госбезопасность, где он был назначен начальником 2-го (секретно-политического) отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) и одновременно заместителем начальника ГУГБ НКВД СССР. 2 сентября того же года его назначают наркомом внутренних дел Украины, 4 сентября — присваивают звание комиссара госбезопасности 3-го ранга.

Работа на Украине сблизила Серова с Н. С. Хрущевым, бывшим тогда первым секретарем ЦК КП(б)У. Эта дружба впоследствии, когда почти все прежние руководители органов госбезопасности были репрессированы Хрущевым, позволила Серову не только уцелеть, но и стать в 1954 году председателем КГБ.

После выделения из НКВД СССР самостоятельного Наркомата государственной безопасности Серова назначили 25 февраля 1941 года первым замом наркома — Всеволода Николаевича Меркулова. Когда же 20 июля 1941 года Наркоматы внутренних дел и государственной безопасности были объединены обратно в НКВД СССР, Серов стал заместителем наркома НКВД. Эту должность он сохранил и после повторного разделения наркомата на НКВД и НКГБ в апреле 1943 года.

В 1941 году при эвакуации части аппарата НКВД в Куйбышев и Свердловск Серов оставался в Москве. В наиболее острый момент угрозы Москве, 13 октября 1941 года, он был назначен начальником охраны НКВД Московской зоны. В его задачи входило «наведение жесткого порядка на тыловых участках». 8 октября 1941 года постановлением ГКО № 740сс была создана «пятерка для проведения специальных мероприятий по предприятиям г. Москвы и Московской области» в составе Серова (руководитель), Журавлева, Попова, Черноусова и Котляра.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Товарищу СТАЛИНУ И. В.

Я извиняюсь, товарищ СТАЛИН, что еще раз вынужден беспокоить Вас, но сейчас сложилась такая обстановка вокруг меня, что решил написать Вам.

С тех пор как я послал Вам, товарищ СТАЛИН, объяснительную записку по поводу лживых показаний БЕЖАНОВА, АБАКУМОВ арестовал до 10 человек из числа сотрудников, работавших со мной, и в том числе двух адъютантов. Сотрудники МГБ и МВД СССР знают об этих арестах, «показаниях» и открыто говорят, что АБАКУМОВ подбирается ко мне.

Я работаю по-прежнему, не обращая внимания на происходящее, однако считаю необходимым доложить Вам об этом, товарищ СТАЛИН, т. к. уверен, что АБАКУМОВ докладывает неправду.

Этой запиской я хочу рассказать несколько подробнее, что из себя представляет АБАКУМОВ.

Насколько мне известно, в ЦК ВКП(б) делались заявления о том, что АБАКУМОВ в целях карьеры готов уничтожить любого, кто встанет на его пути. Эта истина известна очень многим честным людям. Несомненно, что АБАКУМОВ будет стараться свести личные счеты не только со мной, а также и с остальными своими врагами — это с тт. ФЕДОТОВЫМ, КРУГЛОВЫМ, МЕШИКОМ, РАПАВА, МИЛЬШТЕЙНОМ и другими.

Мне АБАКУМОВ в 1943 году заявил, что он все равно когда-нибудь МЕШИКА застрелит. Ну, а теперь на должности Министра имеется полная возможность найти другой способ мести. МЕШИК это знает и остерегается. Также опасаются АБАКУМОВА и другие честные товарищи.

Товарищ СТАЛИН, я не сомневаюсь, что АБАКУМОВУ долго такими методами Вы работать не позволите.

Я приведу несколько фактов, известных мне в результате общения с АБАКУМОВЫМ на протяжении ряда лет. Сейчас для того, чтобы очернить меня, АБАКУМОВ всеми силами старается приплести меня к ЖУКОВУ. Я этих стараний не боюсь, т. к. кроме АБАКУМОВА есть ЦК, который может объективно разобраться. Однако АБАКУМОВ о себе молчит, как он расхваливал ЖУКОВА и выслуживался перед ним как мальчик. Приведу факты, товарищ СТАЛИН.

Когда немцы подошли к Ленинграду и там создалось тяжелое положение, то ведь не кто иной, как всезнающий АБА-

КУМОВ, распространял слухи, что «Жданов в Ленинграде растерялся, боится там оставаться, что Ворошилов не сумел организовать оборону, а вот приехал Жуков и все дело повернул, теперь Ленинград не сдадут».

Теперь АБАКУМОВ, несомненно, откажется от своих слов, но я ему сумею напомнить.

Второй факт. В Германии ко мне обратился из ЦК Компартии УЛЬБРИХТ и рассказал, что в трех районах Берлина англичане и американцы назначили районных судей из немцев, которые выявляют и арестовывают функционеров ЦК Компартии Германии, поэтому там невозможно организовать партийную работу. В конце беседы попросил помощь ЦК в этом деле. Я дал указание негласно посадить трех судей в лагерь. Когда англичане и американцы узнали о пропаже трех судей в их секторах Берлина, то на Контрольном Совете сделали заявление с просьбой расследовать, кто арестовал судей. ЖУКОВ позвонил мне и в резкой форме потребовал их освобождения. Я не считал нужным их освобождать и ответил ему, что мы их не арестовывали. Он возмущался и всем говорил, что СЕРОВ неправильно работает. Затем Межсоюзная Комиссия расследовала, не подтвердила факта, что судьи арестованы нами, и на этом дело прекратилось. ЦК Компартии развернуло свою работу в этих районах.

АБАКУМОВ, узнав, что ЖУКОВ ругает меня, решил выслужиться перед ним. В этих целях он поручил своему верному приятелю аферисту ЗЕЛЕНИНУ, который в тот период был начальником Управления «Смерш» (ныне находится под следствием), подтвердить, что судьи мной арестованы. ЗЕЛЕНИН узнал об аресте судей и доложил АБАКУМОВУ.

Когда была Первая Сессия Верховного Совета СССР, то АБАКУМОВ, сидя рядом с ЖУКОВЫМ (имеются фотографии в газетах), разболтал ему об аресте мной судей. По окончании заседания АБАКУМОВ подошел ко мне и предложил идти вместе в Министерство. По дороге АБАКУМОВ начал мне говорить, что он установил точно, что немецкие судьи мной арестованы, и знает, где они содержатся. Я подтвердил это, т. е. перед чекистом не считал нужным скрывать. Тогда АБАКУМОВ спросил меня, а почему я скрыл это от ЖУКОВА, я ответил, что не все нужно ЖУКОВУ говорить. АБАКУМОВ было попытался прочесть мне лекцию, что «Жукову надо все рассказывать», что «Жуков первый заместитель Верховного» и т. д. Я оборвал его вопросом, почему он так усердно выслуживается перед ЖУКОВЫМ. На это мне АБАКУМОВ

заявил, что он ЖУКОВУ рассказал об аресте судей и что мне будет неприятно. Я за это АБАКУМОВА обозвал дураком, и мы разошлись. А сейчас позволительно спросить АБАКУМОВА, чем вызвано такое желание выслужиться перед ЖУКОВЫМ.

Мне неприятно, товарищ СТАЛИН, вспоминать многочисленные факты самоснабжения АБАКУМОВА во время войны за счет трофеев, но о некоторых из них считаю нужным доложить.

Наверно, АБАКУМОВ не забыл, когда во время Отечественной войны в Москву прибыл эшелон более 20 вагонов с трофейным имуществом, в числе которого ретивые подхалимы АБАКУМОВА из «Смерш» прислали ему полный вагон, нагруженный имуществом, с надписью: «АБАКУМОВУ».

Вероятно, АБАКУМОВ уже забыл, когда в Крыму еще лилась кровь солдат и офицеров Советской Армии, освободивших Севастополь, а его адъютант КУЗНЕЦОВ (ныне «охраняет» АБАКУМОВА) прилетел к начальнику Управления контрразведки «Смерш» и нагрузил полный самолет трофейного имущества. Командование фронтовой авиацией не стало заправлять бензином самолет АБАКУМОВА на обратный путь, т. к. горючего не хватало для боевых самолетов, ведущих бой с немцами. Тогда адъютант АБАКУМОВА не растерялся, обманным путем заправил и улетел. Мне об этом жаловался командир авиационного корпуса и показывал расписку адъютанта АБАКУМОВА. Вот какие подлости выделял АБАКУМОВ во время войны, расходуя моторесурсы самолета СИ-47 и горючее. Эти безобразия и поныне прикрываются фразой: «Самолет летал за арестованными». Сейчас АБАКУМОВ свои самолеты, прилетающие из-за границы, на Контрольных пунктах в Москве не дает проверять, выставляя солдат МГБ, несмотря на постановление Правительства о досмотре всех без исключения самолетов.

Пусть АБАКУМОВ расскажет в ЦК про свое трусливое поведение в тяжелое время войны, когда немцы находились под Москвой. Он ходил как мокрая курица, охал и вздыхал, что с ним будет, а делом не занимался. Его трусость была воспринята и подчиненными аппарата. Своего подхалима ИВАНОВА, ведавшего хозяйственными вопросами, АБАКУМОВ посылал к нам снимать мерку с ног для пошивки болотных сапог, чтобы удирать из Москвы. Многим генералам и себе АБАКУМОВ пошил такие сапоги. Ведь остававшиеся в Москве, в тот период, генералы видели поведение АБАКУМОВА.

Пусть АБАКУМОВ откажется, как он в тяжелые дни войны ходил по городу, выбирал девушек легкого поведения и водил их в гостиницу «Москва».

А сейчас он забыл это и посадил в тюрьму подполковника ТУЖЛОВА, который в первые дни войны был начальником пограничной заставы, в течение семи часов вел бой с немцами до последнего патрона, был ранен и получил орден «Красного Знамени».

Конечно, сейчас АБАКУМОВ, вероятно, «забыл» о разговоре, который у нас с ним происходил в октябре месяце 1941 года о положении под Москвой и какую он дал тогда оценку. АБАКУМОВ по секрету сообщил мне, что «прибыли войска из Сибири, кажется, дело под Москвой должно пойти лучше». На это я ответил ему: «Товарищ СТАЛИН под Москвой повернул ход войны, его за спасение Москвы народ на руках будет носить». И при этом рассказал лично слышанные от Вас, товарищ СТАЛИН, слова, когда Вам покойный ЩЕРБАКОВ доложил, что у него перехвачен приказ Гитлера, в котором он указывает, что 7 ноября будет проводить парад войск на Красной Площади.

Когда Вы на это спокойно и уверенно сказали: «Дурак этот Гитлер! Он и не представляет себе, как побежит без оглядки из России». Эти Ваши слова я рассказал АБАКУМОВУ, он не смеет отказаться, если хоть осталась капля совести. Эти Ваши слова я рассказал многим.

После разгрома немцев под Сталинградом АБАКУМОВ начал мне рассказывать, что «там хорошо организовали операции по разгрому немцев маршалы РОКОССОВСКИЙ, ВОРОНОВ и другие». Я ему на это прямо сказал, что организовали разгром немцев под Сталинградом не маршалы, а товарищ Сталин, и добавил: «Не будь товарища СТАЛИНА, мы погибли бы с твоими маршалами. Товарищу СТАЛИНУ обязан весь русский народ». АБАКУМОВ на это не нашелся ничего сказать, как «да». Да оно и понятно, ведь АБАКУМОВ не способен на политическую оценку событий.

Мне во время войны приходилось чаще по службе и реже в быту встречаться с АБАКУМОВЫМ. Я наблюдал и изучал его. У меня составилось определенное о нем мнение, которое полностью подтвердили последние события.

Для того чтобы создать о себе славу, он идет на любую подлость, даже в ущерб делу.

Сейчас под руководством АБАКУМОВА созданы невыносимые условия совместной работы органов МГБ и МВД. Как

в центре, так и на периферии работники МГБ стараются как можно больше скомпрометировать органы МВД. Ведь АБАКУМОВ на официальных совещаниях выступает и презрительно заявляет, что «теперь мы очистились от этой милиции. МВД больше не болтается под ногами» и т. д.

Ведь между органами МГБ и МВД никаких служебных отношений, необходимых для пользы дела, не существует. Такого враждебного периода в истории органов никогда не было. Партийные организации МГБ и МВД не захотели совместным заседанием почтить память ЛЕНИНА, а проводили раздельно, и при этом парторганизация МГБ не нашла нужным пригласить хотя бы руководство МВД на траурное заседание. Ведь АБАКУМОВ навел такой террор в Министерстве, что чекисты, прослужившие вместе 20—25 лет, а сейчас работающие одни в МВД, а другие в МГБ, при встречах боятся здороваться, не говоря уже о том, чтобы поговорить. Если кому-либо из работников МГБ требуется по делу прийти ко мне, то нужно брать особое разрешение от АБАКУМОВА. Об этом мне официально сообщали начальник отдела МГБ ГРИБОВ и другие.

Ведь в МГБ можно только хвалить руководство, говорить о достижениях в работе и ругать прежние методы работы.

Во внутренних войсках, переданных из МВД в МГБ, офицерам запрещено вспоминать о проведенных операциях во время войны (по переселению немцев, карачаевцев, чечено-ингушей, калмыков и др.). Можно только ругать эти операции.

А ведь осенняя операция МГБ по украинским националистам была известна националистам за десять дней до начала, и многие из них скрылись. Это ведь факт. А АБАКУМОВ за операцию представил сотни сотрудников к наградам.

Не так давно АБАКУМОВ вызывал одного из начальников Управления и ругал за то, что тот не резко выступал на партсобрании против старых методов работы МГБ. Везде на руководящие должности назначены работники «Смерш», малоопытные в работе территориальных органов МГБ. Сотрудники МГБ запуганы увольнениями с работы и расследованиями.

Всем известно, что АБАКУМОВ не проверил работу ни одного органа «Смерш» и боится это сделать, т. к. найдет там много безобразий.

Приезжающие с периферии сотрудники МГБ рассказывают, что там у многих районных отделов МГБ в течение года не было ни одного арестованного. Спрашивается, что делают три-четыре сотрудника РО МГБ в течение года?

А ведь Вам известно, товарищ СТАЛИН, сколько прибыло в страну репатриантов, а среди них и англо-американских шпионов.

Ведь АБАКУМОВ обманул ЦК и провел в штаты МГБ Управление СУДОПЛАТОВА, которое в течение полутора лет ничем не занимается в ожидании работы.

В Управлении кадров МГБ десятки генералов и полковников ходят безработными по году и получают жалованье по пять-шесть тысяч. Секрет заключается в том, что эти генералы на работе осрамились, а вместе с тем для АБАКУМОВА нужные, вот и выжидается момент, куда их можно потом «выдвинуть».

Ради личного престижа АБАКУМОВ готов идти на антигосударственные дела. Я расскажу Вам, товарищ СТАЛИН, историю передачи московской милицией в МГБ регулировщиков уличного движения. В МВД СССР стали поступать заявления от трудящихся столицы и от приезжих граждан, что милиционеры на главных улицах Москвы грубят и не желают разговаривать с населением. При этом указывали номера постов, где эти милиционеры стоят. Когда мы занялись проверкой, то оказалось, во всех случаях это были сотрудники охраны МГБ, стоявшие в форме милиции. Мы вынуждены были написать об этом АБАКУМОВУ. Вместо принятия мер, АБАКУМОВ попросил меня зайти, и вместе с ВЛАСИКОМ начали оскорблять меня и тов. КРУГЛОВА, заявляя при этом, что если они захотят, то заберут всех регулировщиков к себе.

Действительно, через двое суток поступило распоряжение о передаче регулировщиков в МГБ. Сейчас работники МГБ сами говорят, что регулировщики им не нужны, да и практически получается нелепо. На парном посту теперь стоят по четыре человека. Вдоль улицы Горького в 100 метрах друг от друга стоят сотрудники МГБ. Зачем, спрашивается, тратить вдвойне государственные средства. А ведь это делается, товарищ СТАЛИН, под видом усиления охраны членов Правительства.

АБАКУМОВ чувствует, что рано или поздно вскроются все его дела, поэтому он сейчас и старается убрать лиц, знающих об этих и других фактах.

Товарищ СТАЛИН! Прошу Вас, поручите проверить факты, приведенные в этой записке, и все они подтвердятся. Я уверен, что в ходе проверки вскроется очень много других фактов, отрицательно влияющих на работу Министерства Государственной Безопасности.

Вместе с этим, я очень прошу Вас, дорогой товарищ СТАЛИН, поручите комиссии ЦК ВКП(б) разобраться с делом, которое создал АБАКУМОВ против меня для того, чтобы свести со мной личные счёты.

И. СЕРОВ

8 февраля 1948 года

(Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 208—213)

* * *

21 августа 1953 года Судоплатов был арестован как «ближайший пособник Берия». 12 сентября 1958 года приговорен к 15 годам тюремного заключения во Владимирском центре. Освобожден в 1968 году, отсидев срок «от звонка до звонка». Спустя четверть века его реабилитировали.

Ниже публикуются материалы и свидетельства того, как фабриковалось на него дело.

Секретно

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР «...» рассмотрела дело по обвинению: СУДОПЛАТОВА Павла Анатольевича в преступлении, предусмотренном ст.ст. 17-58—1 «б» УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Судоплатов, находясь длительное время на руководящей работе в центральном аппарате органов государственной безопасности, активно способствовал изменнику Родине Берия и его ближайшим сообщникам в проводимой ими вражеской деятельности.

В 1941 году, в первые дни после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, втайне от Советского правительства, предпринял попытку установить связь с Гитлером. С этой изменнической целью Берия через болгарского посла в СССР Стаменова пытался начать переговоры с Гитлером, предлагая уступить фашистской Германии Белоруссию, Украину, Прибалтику, Карельский перешеек, Бессарабию и Буковину.

Тайные переговоры о территориальных уступках и порабощении советских людей по поручению Берия вел лично подсудимый Судоплатов.

Выполнение изменнического поручения Берия Судоплатов длительное время скрывал от Советского правительства и лишь в августе 1953 года после его вызова рассказал об этом.

До начала Великой Отечественной войны Судоплатов по поручению Берия создал и возглавил так называемую особую (специальную) группу из числа работников, особо доверенных Берия лиц. В задачу особой группы входило выполнение совершенно секретных заданий Берия, в частности тайно похищать неудобных ему граждан и уничтожать их без суда и следствия.

Установлено, что Берия и его сообщники совершили тяжкие преступления против человечества, испытывая смертоносные, мучительные яды на живых людях. Специальная лаборатория, созданная для производства опытов по проверке действия яда на живом человеке, работала под наблюдением Судоплатова и его заместителя Эйтингона с 1942 г. по 1946 год, которые от работников лаборатории требовали ядов, только проверенных на людях.

Военная коллегия приговорила: СУДОПЛАТОВА Павла Анатольевича подвергнуть тюремному заключению сроком на пятнадцать (15) лет, с последующим поражением политических прав на три года и с конфискацией в доход государства одной шашки и одного охотничьего ножа.

Судоплатова П. А. лишить правительственных наград, медалей «За оборону Москвы», «В память 800 лет Москвы», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и «30 лет Советской Армии и Флота».

Возбудить ходатайство перед Советом Министров СССР о лишении Судоплатова П. А. воинского звания «генерал-лейтенанта».

Президиум Верховного Совета СССР ставит вопрос о лишении его правительственных наград, орденов и медалей.

Срок наказания Судоплатову П. А. исчислять с 21 августа 1953 года.

Судебные издержки по делу отнести за счет осужденного.

Приговор окончательный, в кассационном порядке обжалованию не подлежит...

[12 сентября 1958 г.]

В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР

ЗАЯВЛЕНИЕ

В августе м-це 1953-го был арестован мой муж Павел Анатольевич Судоплатов.

Почти 12 лет Судоплатов находится в тюрьме. Ему сейчас 58 лет. Он тяжело болен стенокардией, совершенно ослеп на один глаз, и болезнь распространилась на другой глаз, он болен парадонтозом, и у него появились опухоли, требующие квалифицированного хирургического вмешательства.

Тяжелое состояние здоровья моего мужа побуждает меня обратиться к Вам с просьбой о помиловании.

Я знаю Судоплатова более 30-ти лет как коммуниста и чекиста, беззаветно преданного Родине и Партии. На самых острых участках борьбы с контрреволюцией он много раз рисковал своей жизнью, выполняя специальные задания Партии и правительства чрезвычайного государственного значения за границей, находясь на нелегальном положении. Почти 10 лет я работала вместе с Судоплатовым до войны в одном отделе, и по долгу службы лично знала о проведенных им делах, при выполнении которых он проявил высокий патриотизм, мужество и стойкость.

Во время Великой Отечественной войны Судоплатов руководил организацией и работой разведывательно-диверсионных групп в тылу немецко-фашистских захватчиков.

В группах, созданных Судоплатовым, действовали прославленные Герои Советского Союза Дмитрий Медведев, Николай Кузнецов и многие другие, которых он лично готовил для работы в тылу врага. Всю войну не покладая рук Судоплатов работал для победы над фашизмом.

Работая исключительно в области нашей разведки за границей и в тылу врага, Судоплатов никогда не имел никакого отношения к репрессиям против советских людей в годы культа личности. За прошедшие 12 лет выросли наши сыновья. Когда был арестован мой муж, им было 10 и 13 лет. Несмотря на страшное горе, постигшее семью, они выросли коммунистами. Старший сын Андрей — отличник Советской Армии, принят в члены КПСС армейской партийной организацией. Младший сын Анатолий оканчивает Институт иностранных языков, заместитель секретаря Комитета ВЛКСМ этого института, принят в кандидаты КПСС.

Оба сына выходят в большую жизнь, а отец их уже стар и так тяжело болен, что ему не под силу выдержать годы заключения в тюрьме. Тяжкая это трагедия для всей нашей семьи коммунистов. Поэтому я снова обращаюсь к Вам с настоятельной просьбой о помиловании моего мужа и отца моих детей.

С. СУДОПЛАТОВА,
член КПСС с 1939 г.».

[1965 г.]

20 марта [19]65

Гр. СУДОПЛАТОВОЙ С. С.

Сообщаем, что Ваше ходатайство о помиловании СУДОПЛАТОВА П. А. рассмотрено и отклонено.

Зам. заведующего Отделом
В. Волков.

Секретно

СПРАВКА

по ходатайству о помиловании Судоплатова П. А.

Генеральный Прокурор СССР тов. Руденко Р. А. и Председатель Верховного Суда СССР тов. Горкин А. Ф. вошли в Президиум Верховного Совета СССР с представлением о помиловании Судоплатова и освобождении его от дальнейшего отбывания наказания, учитывая, что он имеет возраст 59 лет, тяжело болен и находится в местах заключения уже 13 лет.

Наблюдательная комиссия и администрация тюрьмы своего мнения о возможности применения помилования к Судоплатову не высказывают, учитывая исключительный характер данного дела.

Представление о применении помилования к Судоплатову было предварительно рассмотрено на Совещании у Заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР,

и на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР вынесено предложение об освобождении Судоплатова от дальнейшего отбывания наказания.

Впоследствии некоторые члены Президиума Верховного Совета СССР внесли предложение об отклонении ходатайства о помиловании Судоплатова.

Зам. заведующего Юридическим отделом
В. Волков

[1966 г.]

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Об отклонении предложения о помиловании
Судоплатова П. А.

Отклонить предложение о помиловании СУДОПЛАТОВА Павла Анатольевича, рожд. 1907 года, осужденного Военной коллегией Верховного Суда СССР 12 сентября 1958 года к 15 годам тюремного заключения.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. Подгорный

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. Георгадзе

* * *

ФЕРМИ И ПОНТЕКОРВО НЕ БЫЛИ ШПИОНАМИ...

Все итальянские средства массовой информации, сообщила газета «Известия» (М. Ильинский), распространили информацию, полученную из ФБР США, подозреваемые долгие годы в шпионаже в пользу СССР итальянские физики Энрико Ферми и Бруно Понтекорво никогда не были агентами Москвы. «Советский Союз сам создал атомную бомбу или ему помогли в этом некоторые западные ученые, которые в 1945 году передали Москве секретные документы с тайнами о новом оружии?» Вопрос

этот на протяжении более чем полувека муссировался западными средствами массовой информации, но некоторые «точки» не были окончательно расставлены.

В 1994 году, пишет римская газета «Република», на Западе вышла книга «ответственного сотрудника сталинской разведки» Павла Судоплатова «Специальные задания», в которой среди шпионов, работавших на Москву, названы итальянские ученые-ядерщики Энрико Ферми и Бруно Понтекорво. Подобные инсинуации родились не в 90-е годы, а многие десятилетия назад. В отношении Энрико Ферми все наветы были отброшены довольно быстро и его полная непричастность к советским спецслужбам доказана. Бруно Понтекорво пришлось значительно труднее. В 1950 году ученый выехал из Италии и через «третьи страны» добрался до СССР, где прожил почти сорок лет (работал в Дубне). Вернулся в Италию он в 1990 году, поселился на своей старой квартире в Риме, примерно в двухстах метрах от Ватиканской стены. Кем он был, профессор Понтекорво?..

«Я эмигрировал в СССР и как ученый, и как «товарищ», — рассказывает о себе Б. Понтекорво, — по идейным соображениям. Совершенно добровольно. Я знал, что в Советском Союзе были все возможности для работы исследователя-ядерщика, ощущал весь накал «холодной войны» и как специалист встал на сторону СССР. Это был мой выбор, на который я имел полное право и о котором никогда не сожалел и не сожалею. Россия стала моей второй Родиной, я обрел чистых и искренних друзей, товарищей по работе, творчеству, изысканиям в сфере приложения моих знаний. Конечно, в СССР меня охраняли, но это было формально. О каком шпионаже могла идти речь, если я жил в Советском Союзе, отдавал ему все свои знания, был наравне с другими ведущими учеными в СССР? То, что элементарно просто для ученого, занятого своим трудом, непостижимо для многих, жаждущих невероятных откровений. Оправдывать мне не в чем. Я жил всегда по совести и открыто. Вот и весь мой «шпионаж». И вообще к наветам отношусь спокойно и с юмором. Мое дело проникать в тайны атома...

Все-таки она вертится. Земля? Безусловно. Но я говорю о России».

БЫЛИ ЛИ УЧЕНЫЕ-ЯДЕРЩИКИ ЗАПАДА АГЕНТАМИ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ?

Ныне существуют две диаметрально противоположные точки зрения на проблему советского атомного шпионажа. Сторонники первой считают, что ученых Запада и США, имеющих отношение к созданию американской атомной бомбы, можно обвинить в шпионаже в пользу Советского Союза. Сторонники второй точки зрения утверждают, что подобные высказывания — ложь и клевета. Но при этом и те и другие то ли в силу незнания, то ли по какой-либо иной причине совершенно обходят молчанием главное — наличие в архивах России сотен работ западных ученых, таких, как Р. Оппенгеймер, Э. Ферми, Л. Сциллард, и других, посвященных атомной проблеме.

О том, как появились все эти работы, рассказано и на страницах нашей книги. Одно можно сказать спорщикам: «Без помощи специальных служб просто невозможно получить секретные документы, каковыми являются работы западных ученых».

Не так давно в США, в Англии и во Франции опубликованы воспоминания Павла Судоплатова «Особые задания. Воспоминания нежелательного свидетеля — магистра советского шпионажа».

Он в своих воспоминаниях впервые открыто высказал о той решающей роли советской разведки в получении атомных секретов. Причем он утверждал, что их она получала от таких известных ученых, как Р. Оппенгеймер, Э. Ферми, Л. Сциллард. Однако эту точку зрения пытались опровергнуть.

Как случилось, что из святой святых лаборатории в Лос-Аламосе, где велась работа над американской атомной бомбой, уплывала совершенно секретная информация? Каким образом это происходило? Появление новых свидетельств, например полковника Владимира Барковского, причастного к добыванию атомных секретов, о том, что иностранные ученые передавали секретную информацию совершенно бескорыстно, наводит еще на один вопрос: почему они так поступали? Не было ли между учеными мира какой-то неформальной договоренности по поводу обмена информацией, касающейся атомной бомбы?

ОХОТА ЗА АТОМНЫМИ СЕКРЕТАМИ

Вся жизнь разведчика — риск. Но сами эти люди не считают свое дело «героическим». Просто специфика профессии. Ордена дают за иное — за особые заслуги, выполнение конкретных важных заданий. Если же говорить о Звезде Героя, то, чтобы ее получить, надо совершить нечто выдающееся. Александр Семенович Феклисов. Герой России. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «Знак Почета»... Двенадцать лет он занимался разведывательной работой в США и Великобритании, принимал самое непосредственное участие во многих операциях, в том числе в одной из величайших — добычании для советских физиков сверхсекретных материалов по атомной и водородной бомбе.

В конце февраля 1941 года в советское генеральное консульство в Нью-Йорке прибыл 27-летний стажер (еще даже не имевший дипломатического паспорта) Александр Фомин. Никто из дипломатов не знал, что его настоящая фамилия — Феклисов. Он был разведчиком и свои донесения в Москву подписывал «Каллистрат». Это был один из псевдонимов.

В то время (в 1941 г.) в нью-йоркской резидентуре было тринадцать сотрудников. Сегодня можно назвать некоторых из них. Тридцатилетний Леонид Квасников, заместитель резидента по научно-технической разведке, псевдоним Антон. Он также много сделал для раскрытия атомных секретов. В 1996 году ему посмертно присвоено звание Героя России. Тридцатилетний Семен Семенов — талантливый, принципиальный и бесстрашный человек. Кроме Нью-Йорка, активно поработал и во Франции. В 1950 году в ходе «чистки» МГБ от евреев был уволен из министерства. Оригинально мыслящий Анатолий Яцков. Псевдоним Алексей. Он был тесно связан с ценнейшими агентами по атомной проблеме. Добывал уникальные материалы. В 1996 году присвоено звание Героя России. Молодые сотрудники К. Чугунов, М. Шалапин.

Работавший инженером в Амторге Виктор Лягин. В годы войны он был заброшен в немецкий тыл для организации диверсий. В 1944 году посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Если же говорить о руководителях нью-йоркской резидентуры, то ими были Гайк Овакимян, Василий Зарубин, Степан Апресян.

Итак, слово А. С. Феликсову.

Накануне Великой Отечественной войны наша страна имела мощную разведывательную сеть во многих странах мира. В Германии — «Красная капелла», в Японии — группа Рихарда Зорге, в Англии — знаменитая «пятерка», в Нью-Йорке — резидентура, где я работал, а еще в Швейцарии, Франции, во многих странах. Руководитель американской разведслужбы Ален Даллес сказал как-то: «Любая страна может только мечтать о такой сети». Наша внешняя разведка внесла неоценимый вклад в укрепление обороноспособности страны. Я знаю это доподлинно, не с чьих-то слов, и горжусь...

В 1942 — 1946 годах сотрудничавшие со мной агенты работали в крупнейших авиационных, электротехнических и других фирмах, например «Рестингауз», «Дженерал электрик», «Вестерн электрик», где создавалась самая современная военная техника. Если взять для примера хотя бы электронику, то агенты передали нам более двадцати тысяч страниц секретнейших документов. Материалы по новейшим компьютерам, радарам, прицельным системам, сонарам, радиовзрывателям. Более десяти тысяч страниц мы получили по ракетной технике и военной авиации, в частности по первому американскому реактивному истребителю «Падающая звезда». Но особо важным направлением было конечно же получение материалов по урановой проблеме...

В 1940 году начальник научно-технического отделения внешней разведки Леонид Квасников (кандидат химических наук) обнаружил, что в иностранных научных и технических журналах исчезли публикации по делению ядер урана. До этого ученые оживленно обсуждали теоретическую возможность осуществления цепной реакции, необходимые для этого условия, результаты различных экспериментов. И вдруг все замолчали. Квасников дал задание резидентам в ряде стран узнать, не ведутся ли исследования по созданию атомного оружия.

В сентябре 1941 года англичанин Маклин (один из «пятерки» — Филби, Маклин, Беджес, Блант, Кейнкрос) передал нашему лондонскому резиденту документы о работе Уранового комитета. Это был первый очень серьезный сигнал.

Вот один из уникальных документов той эпохи — «Справка» с грифом «Совершенно секретно», составленная для высшего руководства Советского Союза начальником Разведуправления НКВД СССР Фитиным. Три машинописные странич-

ки: «В 1939 году во Франции, Англии, США и Германии развернулась интенсивная научно-исследовательская работа по расщеплению атомного ядра урана и по разработке метода применения урана для новых взрывчатых веществ. Эти работы ведутся в условиях большой секретности.

...Из прилагаемых сов. секретных материалов, полученных НКВД СССР в Англии агентурным путем, характеризующих деятельность Уранового комитета, видно, что:

а) Эти исследования основаны на использовании одного из изотопов урана, урана-235, обладающего свойством эффективного расщепления.

Для этого используется урановая руда, наиболее значительные запасы которой имеются в Канаде, в Бельгийском Конго, в Судетах и в Португалии...

.....
в) ...Химический концерн «Импириал кемикал индастрис» дает следующую оценку:

«Научно-исследовательские работы по использованию атомной энергии для урановых бомб достигли стадии, когда необходимо начать работы в широком масштабе. Эта проблема может быть разрешена, и необходимый завод может быть построен...

...Профессор Бирмингемского ун-та Р. Нейерлс определил теоретическим путем, что вес 10 кг урана-235 является критической величиной...

Возникает прогрессирующая реакция расщепления, вызывающая колоссальной силы взрыв.

При проектировании бомб активная часть должна состоять из двух равных половин, в своей сумме превышающих критическую величину...

Изучение материалов по разработке проблемы урана для военных целей в Англии приводит к следующим выводам:

1. Верховное Военное Командование Англии считает принципиально решенным вопрос практического использования атомной энергии урана (урана-235) для военных целей.

2. Английский Военный Кабинет занимается вопросом... организации производства урановых бомб...»

Однако вначале Берия, возглавлявший НКВД, не повел разведке. «Это дезинформация, — сказал он. — Враг хочет, чтобы мы отвлекли огромные силы и средства...» И только в конце 1942 года состоялось совещание у Сталина (с участием крупных советских физиков), на котором было решено приступить к работам по атомной бомбе.

Неоценимую помощь нашей стране оказал крупный немецкий ученый Клаус Фукс, работавший в секретных центрах Англии и США. Осенью 1941 года он сам «вышел» в Лондоне через своего друга на советского разведчика, считая недопустимым скрывать от СССР — союзника в борьбе с фашистами — разработку атомного оружия. Связь с ним поддерживалась через агента военной разведки Урсулу Кучинскую.

В январе 1943 года Фукс переехал в США в секретный комплекс в Лос-Аламосе, где создавалась бомба. Американец Гарри Голд был главным «звеном» между Клаусом и нашим разведчиком в Нью-Йорке Анатолием Яцковым. (Много позже арестованный американцами Голд предал всех, кого знал.) Летом 1946 года Фукс вернулся в Англию. А в 1947-м в Лондон прибыл Александр Феклисов, чтобы, установив связь с ученым, продолжать получение от него ценнейших материалов. С 1947 по май 1949 года Клаус давал подробнейшую письменную информацию, в том числе передал принципиальную схему уже не атомной, а водородной бомбы, над которой работали ученые в США и Англии.

Внешняя разведка точно выполняла заказы наших атомщиков. Игорь Курчатов, руководитель советского атомного проекта, составлял подробный перечень вопросов. Через некоторое время он получал исчерпывающие ответы. Плюс к этому документы, чертежи, расчеты. Если было что-то неясно, он просил прислать уточнения. И из Нью-Йорка или Лондона по особым каналам поступали детальные разъяснения.

Не доверяя машинисткам, Игорь Васильевич все запросы составлял в рукописном виде и в единственном экземпляре. Вот один из многих документов (ксерокопия находится в редакции):

«Сов. секретно. Товарищу Е. М. Потаповой. Материал по заводу тяжелой воды был просмотрен мной и т. Корнфельдом М. О.

Материал очень ценен, т. к. он дает схему производства методом электролиза, в которой сложное и взрывоопасное сжигание газов может быть заменено изотопным обменом в реакционных колоннах.

Чрезвычайно важно было бы получить следующие дополнительные данные:

а) Отношение объема реакционной колонны к количеству пропускаемого через нее в единицу времени (час или минуту) водорода.

б) Более точную схему соединения электролизеров и реакционных колонн».

И. Курчатов 22.02.44 г.

Разведчики переправляли в Москву не только документы, но и подлинные образцы секретных изделий.

Кроме Клауса Фукса, сверхсекретные материалы по атомной проблеме передавали советским разведчикам и другие ученые, специалисты, работавшие в Лос-Аламосе, Харуэлле, иных тщательно охраняемых центрах. Наши признают это, но фамилии не называют.

Однако американское Агентство национальной безопасности (АНБ) в прошлом году сообщило: оно считает, что советский агент Млад — это американский физик Теодор Элвин Холл, работавший в Лос-Аламосской лаборатории. Именно у него забирала материалы в соседнем городке Санта-Фе связанная советской разведки американка Леонтина Коэн.

Другие «источники» в Лос-Аламосе, передававшие информацию, до сих пор не раскрыты. АНБ, например, так и не сумело узнать, кто же такие Перс и Квант, которые, судя по расшифрованным телеграммам, тоже участвовали в охоте на атомные секреты.

Результат: атомную бомбу мы взорвали в августе 1949 года, а водородную — в 1953-м, раньше американцев. Сэкономлены огромные средства, выигрыш во времени — годы.

Академик Курчатов в своем письме начальнику внешней разведки подчеркивал: «Разведка оказала неоценимую помощь в создании советского атомного оружия».

* * *

ТАЙНА МЛАДА НЕ РАСКРЫТА

Американские спецслужбы, дешифровавшие донесения советской разведки, до сих пор не могут с уверенностью назвать всех, кто передавал в Москву атомные секреты США.

Разведки не любят раскрывать имен не только своих бывших агентов, но и тех, кто заподозрен в сотрудничестве с противником.

Тем не менее Агентство национальной безопасности США недавно нарушило это неписаное правило, открыв значительную часть некогда сверхсекретного досье «Венона» — материалы советского посольства и внешней разведки, перехвачен-

ные в годы второй мировой войны и дешифрованные американскими спецслужбами.

Рассекреченные данные выдавались общественности порциями. Последняя — особенно сенсационная. Дело в том, что в этих документах упоминаются имена и псевдонимы более 100 американских граждан, которые сотрудничали или, как подозревают правоохранительные органы США, могли сотрудничать с советской разведкой в период второй мировой войны. Многие из них при администрациях Рузвельта и Трумэна занимали высокие посты в Белом доме, министерстве обороны, госдепартаменте и даже Управлении стратегических служб, которое являлось предшественником ЦРУ. Среди тех, кого АНБ сочло возможным назвать поименно, — бывший личный помощник президента Рузвельта Локлин Карри, служащий министерства обороны Уильям Ульман, сотрудники спецслужб Джей Джулиус и Джейн Фостер, работавшие в министерстве финансов Гарри Уайт и Гарольд Глэссер, а также секретарша известного американского журналиста Уолтера Липпмана — Мэй Прайс.

Впервые на этих людей открыто указала «двойной агент» Элизабет Бентли, выступая в начале 1950 года в конгрессе перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности. Однако осужден никто из них не был. Обвинения Бентли оказались неубедительными, а АНБ, уже «прочитавшее» к тому времени часть документов советской разведки, не хотело представлять их в суде в качестве доказательств, дабы Москва не узнала о перехвате и расшифровке этих чрезвычайно важных материалов. Спецслужбы США не могли предположить, что к тому времени Советский Союз был прекрасно осведомлен и о досье «Венона», и о том, что американские криптографы добились успехов, дешифруя телеграммы вашингтонской и нью-йоркской резидентур.

Однако как бы ни были сенсационны обнародованные документы, сопровождаемые пояснениями АНБ, они так до конца и не раскрыли некоторых тайн, касающихся ряда упомянутых в них лиц. Это, в частности, относится к бывшему высокопоставленному сотруднику госдепартамента США Эджеру Хиссу, скрывавшемуся, по мнению АНБ, под псевдонимом Алес и которому так и не удалось инкриминировать сотрудничество с советской разведкой, и к агенту, проходившему под кличкой Млад. Американские спецслужбы подозревают, что этот псевдоним принадлежал физику Теодору Эдвину Холлу.

Этот тогда 19-летний выпускник Гарвардского университета в 1944—1945 годах работал в самом сердце ядерной программы США — Лос-Аламосской лаборатории в штате Нью-Мексико, где в рамках сверхсекретного проекта «Манхэттен» создавалась первая в мире атомная бомба. С его помощью советской разведке якобы удалось получить большое количество ценной информации, которая, по свидетельству американских экспертов, смогла «примерно на два года» приблизить СССР к созданию собственного ядерного оружия.

До настоящего времени широко были известны имена лишь двух советских агентов, работавших в годы войны в Лос-Аламосской лаборатории: английского физика Клауса Фукса, осужденного британскими властями за шпионаж в 1950 году, и технического специалиста Дэвида Грингласса, брата Этель Розенберг, казненной в США вместе со своим мужем Юлиусом в 1953 году. Имя Т. Холла до настоящего времени не упоминалось в публикациях об атомном шпионаже и было известно лишь узкому кругу лиц из разведывательных ведомств двух стран.

Когда в 1950 году американским криптографам удалось расшифровать фрагменты некоторых сообщений нью-йоркской резидентуры советской разведки, были арестованы К. Фукс и его связной Гарри Голд. Пало подозрение и на Холла с Саксом, которые в то время работали в университетской лаборатории в Чикаго и являлись членами молодежной коммунистической лиги США. ФБР начало их проверку, но, к счастью для молодых физиков, внимание правоохранительных органов США вскоре переключилось на Д. Грингласса.

Газета «Вашингтон пост» признает, что в «деле» Холла и Сакса много неясного. Так, в одном из документов советской разведки, poslanном в Москву из Нью-Йорка в ноябре 1944 года, где говорится о передаче данных о работе атомной лаборатории в Лос-Аламосе, не упоминается, что Холл — это Млад. Другие сообщения, отмечает газета, содержат только косвенные доказательства того, что это одно и то же лицо.

Сам же доктор Холл, в 1962 году переехавший в Англию, которому сейчас 70 лет, известный своими работами по биологическому микроанализу, не подтверждает, что работал на советскую разведку и вообще предпочитает не касаться той давней истории.

Поэтому можно строить лишь предположения о том, кто же скрывался под именем Млад, который однажды передал женщине-курьеру Леонтине Коэн незадолго до первого испытания американской атомной бомбы сверхсекретные документы.

Словом, тайна Млада по-прежнему остается нераскрытой. Хотя официальный историк АНБ Роберт Бенсон и уверен, что человек, скрывавшийся под этим псевдонимом, до сих пор жив и его истинное имя известно правительству США.

Между тем в скромном кирпичном доме в юго-западной части графства Кембридж в Англии уже многие годы живет бывший физик Кембриджского университета. Его имя Теодор Эдвин Холл, он давно на пенсии... Сын простого скорняка, родившийся в штате Нью-Йорк, Холл с самого детства был исключительно одаренным ребенком. В 18 лет он уже окончил престижный Гарвард. После войны в Чикагском университете получил докторскую степень. В 1947 году женился на Джоан Крэкоувер, в браке с которой у них родилось трое детей. В 1962 году их семья переехала в Кембридж. Вот, пожалуй, и все сведения, которые известны соседям и знакомым. Они еще смогут добавить, что изнуренный, страдающий болезнью Паркинсона и раком почек Теодор Холл редко отваживается покидать свой дом, в основном супруги ведут замкнутый образ жизни.

Гораздо менее известны некоторые факты жизни Холла, связанные с его работой в США в годы второй мировой войны, когда молодой и одаренный физик был приглашен в секретную Лос-Аламосскую лабораторию в штате Нью-Мексика для работы над знаменитым «Манхэттенским проектом», завершившимся созданием первой в мире атомной бомбы...

Так был ли Холл советским агентом?.. Если все же и был, то он вполне может быть приравнен по значимости к таким известным по делам о ядерном шпионаже СССР личностям, как Клаус Фукс, также работавший в Лос-Аламосе над атомным проектом и нанесший весьма серьезный ущерб национальной безопасности США.

* * *

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» — ЗАКОНЧИЛАСЬ, ШПИОНСКИЕ СТРАСТИ — В РАЗГАРЕ

Следя за последними событиями в сегодняшнем быстроменяющемся мире, трудно отделаться от ощущения, что за всем происходящим — какая-то сила. Какая?

Невозможно сегодня дать ответ на вопрос, который занимает весь мир. Напомним только: год с лишним спустя после

ареста Олдрича Эймса, бывшего высокопоставленного офицера Центрального разведывательного управления США, приговоренного к пожизненному заключению за сотрудничество с КГБ и российской разведкой, ЦРУ официально признало, что, с точки зрения ущерба для США, «все обстоит гораздо хуже, чем это представлялось вначале».

Директор ЦРУ Джон Дейч выступил с секретным докладом по «делу Эймса» перед членами комитетов по разведке сената и палаты представителей Конгресса США. Он заявил, что двойные агенты, внедренные КГБ с помощью Эймса (подавляющее большинство из них были впоследствии расстреляны), снабжали ЦРУ дезинформацией. Это, возможно, привело к растрате миллионов долларов на различные системы вооружений, призванные противостоять советской военной угрозе.

Президент Клинтон заявил, что в отличие от республиканской, его администрация будет подотчетна народу, а с тайными операциями будет покончено.

Став хозяином Белого дома, он приказал реорганизовать разведывательное ведомство. Было решено провести чистку авгиевых конюшен Лонгли: многие «ветераны» были вынуждены уйти в отставку. Руководители комитетов по разведке Конгресса США подвергли разносторонней критике трех бывших директоров ЦРУ: Узбетера, Гейтса и Вулси. Вполне возможно, они подозревали, что информация поступает от так называемых «контролируемых агентов», однако исправно снабжали ею правительственные ведомства в Вашингтоне. Но по большому счету все осталось как прежде...

* * *

ВСПОМИНАЕТ ВАЛЬТЕР ШЕЛЕНБЕРГ

...Сразу же после окончания первой мировой войны Рехберг разработал план объединения политических, промышленных и военных интересов Великобритании, Франции и Германии с целью создания единого фронта против большевистской угрозы с Востока. Рехбергу удалось склонить на свою сторону генерала Людендорфа. Вместе с ним и генералом Гофманом он начал зондировать почву на Западе. Ему удалось завязать контакты с руководящими политическими деятелями Англии и Франции. Среди них был английский генерал Маль-

кольм и француз генерал Ноллер, глава французской контрольной комиссии. Эти и другие выдающиеся деятели высказали готовность поддержать политику Гофмана и Рехберга. Причина неудачи этого плана заключалась в том, что правительства указанных стран в недостаточной степени оценили опасность большевистской угрозы.

Более благоприятные шансы возникли в области промышленности. В 1926 году был заключен союз между французской и немецкой калийной промышленностью. Позже представители немецкой, французской, бельгийской и люксембургской тяжелой промышленности образовали «Международное объединение сырьевых материалов». С 1929 года к нему присоединились и английские предприятия.

Как и следовало предвидеть, создание столь крупных промышленных объединений не осталось без далеко идущих политических и военных последствий. Контакт с Пуанкаре Рехберг установил через французского маршала Фоша. Рехберг позднее рассказал мне об этом: Фош в то время был непримиримым врагом Германии, однако, учитывая большевистскую опасность, серьезность которой он хорошо понимал, высказался за преодоление старых противоречий между европейскими народами и за промышленное сотрудничество путем развития военного сотрудничества.

Фон и Рехберг разработали совместный план, согласно которому численность французской и немецкой армий устанавливалась в соотношении 5:3, создавалось единое верховное командование и в каждый немецкий штаб от дивизии и выше включался один французский офицер. Осуществлением такого проекта хотели привлечь к участию в союзе Англию. Одновременно обсуждался договор между Францией, Англией и Германией, посредством которого военно-морские силы и флоты трех стран находились бы под взаимным контролем. Оказалось, однако, что сторонники прорусской политики в рейхсвере не желали отказываться от установленных отношений с Красной Армией в пользу западной ориентации. Осуществить такой курс против воли рейхсвера было при тогдашнем положении дел невозможно.

Погруженный в эти заботы, в 1927 году умер генерал Гофман; причина его смерти осталась невыясненной. Он никогда не делал тайны из того, что, по его убеждению, победить русский большевизм можно только в результате военного вторжения Германии в Россию по меньшей мере вплоть до Урала. Правда, он был убежден в том, что у одной Германии не хва-

тит сил для такого вторжения, если ей не будет гарантирована военная поддержка Франции, Англии и Соединенных Штатов.

Генерал Людендорф еще до этого отошел от Гофмана. Он перестал верить в реальность плана Рехберга и Гофмана, после того как послы Лоран (Франция), лорд Д. Эбернон (Англия) и Хьютон (США), на продолжительных переговорах в Берлине в принципе одоббившие эту идею, не получили от своих правительств соответствующих полномочий.

В отличие от Людендорфа, Арнольд Рехберг никогда не отказывался от своего плана. В 1939 году он передал через меня Гитлеру обширный меморандум, в котором освещал историческое развитие отношений Германии с Востоком и Западом и без обиняков предупреждал об опасности большевизма. Это было как раз в то время, когда должен был быть подписан германо-советский договор о ненападении. Во время чтения этой записки на Гитлера напал один из его обычных припадков бешенства и он приказал Гейдриху немедленно арестовать Рехберга. Через некоторое время мне удалось освободить этого мужественного германского промышленника.

В 1940 году, когда Гитлер вел переговоры с маршалом Петеном в Монтуаре, Рехберг вручил новый меморандум, в котором давал рекомендации и предложения относительно обращения с вишистской Францией. О реакции Гитлера свидетельствовал новый арест Рехберга. Через некоторое время мне и на этот раз удалось вызволить его из заключения. После покушения на Гитлера 20 июля 1944 года Кальтербруннер (сменивший с 1943 года Гейдриха) и шеф государственной полиции Мюллер вновь заключили его под стражу. Закулисным руководителем этой акции был шеф партийной канцелярии рейхсляйтер Мартин Борман, а также полковник в отставке Николай¹. Рехберг в качестве почетного пленника был помещен в отель «Дреезен», где его содержали вместе с интернированными французскими генералами и политическими деятелями (среди них была и сестра генерала де Голля) до самого конца войны.

¹ Полковник Николай во время первой мировой войны был шефом немецкой военной разведки. По его инициативе Людендорф согласился с планом проезда Ленина из Швейцарии в Россию в plombированном вагоне. Имевшиеся в моем распоряжении документы позволили досконально изучить контакты, которые Николай непрерывно поддерживал с Россией как при Ленине, так и при Сталине вплоть до подписания германо-советского договора о ненападении в 1939 году.

...Мы с большим беспокойством восприняли известие о назначении Деканозова на пост посла в Берлине, так как нам было ясно, что это событие повлечет за собой активизацию деятельности русской разведки как в Германии, так и в оккупированных нами областях.

За безопасность русской делегации на пути от Варшавы до Берлина отвечал я. Относительно мер по охране на территории Германии я был совершенно спокоен, но на участке пути, проходившем по польским землям, нужно было быть готовым ко всяким неожиданностям. Советы сразу же высказали свои сомнения на этот счет. Вдоль железной дороги на всем протяжении пути были выставлены удвоенные посты, кроме того, специальные команды патрулировали участки пути. При этом мы установили всеобъемлющий контроль за границей, гостиницами и поездом. Вместе с тем велось скрытое наблюдение за всеми спутниками Молотова; ведь не в первый раз русские использовали такие возможности, чтобы незаметно протащить с собой агентов разведки. Наше подозрение и на этот раз было не без оснований — личность трех членов делегации нам не удалось установить, и как раз они-то, прибыв в Берлин, сразу же установили контакты со всеми возможными центрами. Однажды мы захотели вмешаться, но русскому удалось достичь экстерриториальной зоны своего посольства и скрыться там.

Молотов вернулся в Москву через четыре дня. 27 ноября Министерство иностранных дел СССР вручило германскому послу ноту, содержащую основные позиции Советского Союза. В ноте предлагалось дать ясный ответ на ряд вопросов:

Наше отношение к политике СССР в Финляндии.

Россия хотела установить свои военные базы в Болгарии и договориться о таком же соглашении, какое мы имели с Румынией; с этой целью необходимо установить военные базы в Дарданеллах; если Турция не пойдет на это, то Россия, Германия и Италия должны принудить ее выполнить эти требования.

О сферах интересов в районах южнее Баку и Батуми.

О необходимости Германии повлиять на Японию уладить спор с Советским Союзом при решении вопросов, связанных с островом Сахалин.

Если на все эти вопросы последуют удовлетворительные ответы, Советский Союз готов присоединиться к трехстороннему пакту.

Переговоры между Молотовым и Гитлером протекали в весьма холодной обстановке и ни к чему не привели. Уже в

сентябре сорокового года Гитлер укрепил Восточный фронт двадцатью немецкими дивизиями, а генеральный штаб разработал планы возможного вторжения в Советский Союз летом того же года. Затем последовали широкие маневры под командованием генерала фон Паулюса.

18 декабря 1940 года Гитлер подписал приказ по вермахту № 21 «Об операции «Барбаросса» — нападении на Советский Союз. Приказ предусматривал наступление примерно ста пехотных дивизий, двадцати пяти танковых и тридцати моторизованных дивизий. 3 февраля 1941 года Гитлер одобрил представленный Главнокомандующим армии фельдмаршалом фон Браухичем стратегический план нападения на СССР...

...Во главе нашей контрразведки в Бреслау стоял опытный и способный сотрудник, который уже много лет занимался делами, связанными с восточными областями, великолепно зная русский и польский языки. Его партнером по сектору военной контрразведки был также человек, обладавший большими способностями. Оба неоднократно поставляли нам ценную информацию. И все же у меня было впечатление, что они порой пытаются пустить Берлину «пыль в глаза». Перед отъездом на курорт в Карлсбад я, больше по заведенному обычаю, чем из подозрений, в порядке обычной ревизии, распорядился проверить результаты их работы и установить за ними внутреннее наблюдение. Мне сообщили, что в квартире, где обитали эти сотрудники, бывает очень много посторонних и разговоры там ведутся в основном по-русски. Кроме того, бросалось в глаза, что семьи обоих служащих жили на слишком широкую ногу. Мы сравнили их расходы с их доходами и заинтересовались, откуда же берутся на это деньги. Вскоре после этого руководитель нашего отдела в Бреслау сообщил, что его служебную машину взломали и похитили из нее папку с ценными материалами. Прежде чем мы успели вмешаться, оба — и наш сотрудник, и его коллега из военной контрразведки — бесследно исчезли. И с ними пропали важнейшие документы обоих отделов.

Супруга начальника нашего отдела в Бреслау — жена дружка — внезапно умерла — сообщила на допросе, что ее муж связался с русской разведкой, имея, однако, намерение извлечь из этого большую пользу для Германии. По ее словам, он не решился запросить центр в Берлине о согласии с его планом, поскольку считал, что ему наверняка откажут.

Специалисты обыскали весь дом. Нашли мы немного — обрывки разорванных рукописей, обнаруженные в дорожном

несессере. По мнению экспертов криминалистического института, это были остатки прощальных писем нашего сотрудника, адресованных его жене, в которых, помимо прочего, содержалась заключительная фраза: «Следуй за мной». Жена отрицала, что когда-либо читала такое письмо своего мужа, и утверждала, что это вообще не письмо ее мужа. Приговор эксперта-графолога гласил, что почерк в любом случае ясно свидетельствует о том, что автор письма находился или в состоянии сильного опьянения, или под воздействием наркотиков. После этого я распорядился провести еще один тщательный розыск, но безуспешно. Обоих так и не нашли. Мы так никогда и не узнали, совершили ли они предательство или их похитили, а может быть, даже убили русские.

Еще один удар удалось Советам нанести мне в области промышленного шпионажа. В нашем отделе, ведавшем этой работой, служил пожилой, тяжело больной сахарным диабетом инспектор Л., которого все на службе за его добродушие звали дядюшкой Вилли. Он был женат и вел скромную жизнь простого бюргера. Правда, у него была одна страсть — лошадиные бега. В 1936 году он впервые начал играть на ипподроме, и сразу же его увлекла эта страсть, хотя он проиграл большую часть своего месячного заработка. Знакомые дали потерпевшему неудачу новичку хорошие советы, и дядюшка Вилли утешился возможностью вскоре отыграться. Он сделал новые ставки, проиграл и остался без денег. В отчаянии, не зная, что делать, он хотел тут же покинуть ипподром, но тут с ним заговорили двое мужчин, которые явно видели его неудачу. «Ну, и что ж с того, — произнес тот, кто назвал себя Мецгером, — со мной такое раньше тоже случалось, так что нечего вешать голову». Мецгер проявил понимание к страстишке дядюшки Вилли и предложил ему в виде помощи небольшую сумму денег, с условием, что он будет получать пятьдесят процентов от каждого выигрыша. Дядюшка Вилли согласился, но ему опять не повезло, и он проиграл. Он получил новую субсидию и на этот раз выиграл. Но эти деньги ему теперь были крайне необходимы для семьи. Теперь Мецгер предъявил ему счет. Он потребовал вернуть все полученные на игру деньги, и поскольку дядюшка Вилли не в состоянии был расплатиться, тот пригрозил заявить об этом вышестоящему начальству. Во время этого разговора Л. был под хмельком и согласился на условия своего сердобольного «друга». За предоставление новой ссуды он обещал передавать ему информацию из центрального управления нашей разведки. Отныне он

состоял на службе у русских. В течение нескольких лет его так умело использовали, что со стороны никто не заметил появления у него нового источника доходов. Он мог теперь удовлетворить свою страсть к игре на скачках, но при этом тщательно следил за тем, чтобы его образ жизни остался прежним. Его растущий банковский счет был так тонко устроен, что здесь не могло возникнуть никаких подозрений. В качестве промежуточного лица здесь действовал Мецгер, который брал со счета необходимые суммы.

За время своего сотрудничества с русскими Л. передал им столько обширного и важного материала, что мы вынуждены были во многих областях провести серьезную реорганизацию. На допросе он признался, что передавал своим партнерам не только устную информацию, но и важные документы. Бумаги он обычно носил за подкладкой шляпы. «Хозяин» Мецгера, имевший внешность преуспевающего человека, носил такую же шляпу. Когда он выходил из ресторана, где происходила встреча, они незаметно обменивались шляпами. Сведения в тот же вечер переправлялись в Москву из дома, расположенного в глубине двора, где советские агенты оборудовали свою радиостанцию. Сам радист был коммунистом, обучавшимся в Москве, который состоял не только в КПГ, но и в НСДАП и прочих нацистских организациях. Соседи и сослуживцы знали его как ревностного национал-социалиста. Но как-то он заболел и вынужден был лечь на операцию. Под наркозом он начал говорить о необходимой перемене шифра и несколько раз вскрикивал: «Почему Москва не отвечает?» Врач, оперировавший его, сам пошел к Мюллеру и сообщил о случившемся. Обнаруженное таким образом шпионское кольцо включало в общей сложности шестнадцать человек, к которым принадлежал и дядюшка Вилли. Вместе с другими восемью обвиняемыми он по приговору суда был расстрелян. Так как Гиммлер приказал держать все это дело в тайне, на службе у дядюшки Вилли мы распространили известие, что он во время служебной поездки в Варшаву, по всей вероятности во время приступа сахарной комы, выпал из поезда и разбился насмерть. Я думаю, что до сих пор никто, кроме тогдашних участников дела, ничего не узнал о действительной подоплеке событий.

Дело дядюшки Вилли было типичным образцом великолепной работы Советов: для руководства агентами они использовали, как правило, только те кадры, которые получили в этой области предварительно основательную подготовку. Об-

рабатывая свои жертвы, они не спешили; не торопили, не требовали невозможного; они прочно стояли обеими ногами на земле.

Тем временем работа против русской секретной службы успешно продвигалась. Мы раскрыли многочисленную агентуру, маршруты курьеров и местонахождение секретных радиопередатчиков. Мой метод в основном заключался в слежке и в передаче ложных сведений. Вести передачи на той волне, на которой работали секретные радиопередатчики русских, надо было очень осторожно, так как русские все тщательно проверяли и, заметив малейшие отклонения в сигналах, воспринимали их как дезинформацию. Но нам везло: достаточно часто русские не подозревали, что получают ложные сведения. Основное значение этой работы заключалось не в том, чтобы ввести их в заблуждение, а в том, чтобы узнать, что их интересует. Нам также стало многое известно о методах их работы и об отношениях между различными группами агентов, работавших на них.

Русские гораздо раньше нас поняли, какое важное значение имеют хорошо функционирующие секретные службы. Эффективность методов их работы получила самую высокую оценку наших специалистов.

Однажды нам крайне не повезло. Один из агентов Советского Союза, о котором мы думали, что он работает на нас, оказался главным курьером между Берлином и Стокгольмом. Однажды он вез подлинные материалы, представлявшие большую ценность. В них сообщалось о новом методе сварки, имевшем большое значение для авиационной промышленности. Эти материалы агент должен был только показать представителю советского посольства, при вручении подменив их ложными. Наши агенты ни на минуту не выпускали его из виду, но он предупредил русских через служащего гостиницы, который был их агентом. Затем по дороге в ванную ему удалось, при помощи того же служащего, ускользнуть через черный ход и скрыться в советском посольстве. Мы никогда больше не видели его и полагали, что он немедленно выехал в Москву с дипломатическим паспортом.

Курьер, конечно, на многое раскрыл глаза своему начальству, следствием чего явилось внезапное прекращение связи с русскими по секретному радио.

Тем не менее мы уже имели достаточно много ценных сведений о разведывательной службе Советского Союза за рубе-

жом и о разногласиях, которые существовали между разведывательной службой МВД (прежде НКВД) — разведорганом секретной полиции советской Коммунистической партии — и военной разведывательной службой...

...22 июня 1941 года наши войска в рассветной мгле на всех участках фронта от Финляндии до Черного моря перешли в наступление против Советов.

Во второй половине дня мне позвонили из министерства иностранных дел и сообщили, что необходимо мое срочное содействие в связи с обменом аккредитованного в Берлине советского посла Деканозова и персонала его посольства. Было намечено осуществить обмен на болгаро-турецкой границе, куда должен будет прибыть из Москвы немецкий посол граф фон Шуленбург со своим персоналом. Делопроизводитель министерства иностранных дел сообщил мне, что Деканозов отказался выехать из Берлина, так как вот уже несколько дней, как пропали двое сотрудников советского консульства в Данциге. Как заявил посол, из достоверных источников ему известно, что эти люди арестованы тайной государственной полицией. Без этих сотрудников, сказал он, обмен дипломатами не может состояться.

Я срочно связался с Данцигом и попросил объяснить мне ситуацию. Сотрудники нашего данцигского отдела сообщили, что речь здесь идет о руководителях обширной шпионской сети русских, имевших связи и с генерал-губернаторством, и с Берлином. Их арестовали с помощью разведывательных органов вермахта. Информация, переданная этими агентами в Москву, касалась перемещения войск, транспортных перевозок и интенсивности движения войск в Восточной Пруссии и в генерал-губернаторстве. Совершенно точно установлено, что использованный ими передатчик все еще находится в районе Данцига. Точные данные, однако, до сих пор не удалось выяснить, поэтому необходимо продолжить допрос арестованных.

На следующее утро сотрудник из Данцига явился ко мне в Берлин. Он выглядел бледным и невыспавшимся; еще раз возбужденно он сообщил мне все подробности дела. В заключение он сказал, что не мог привезти с собой обоих русских. Он готов к тому, чтобы его подвергли за это дисциплинарному взысканию. Теперь пришла моя пора перепугаться. Я озабоченно спросил его: неужели оба арестованных уже мертвы? Он рассказал мне: один из сотрудников, ведших допрос, пришел в ярость от упорного запирательства агентов — поставил

одному из них синяк под глазом. Я тут же позвонил в министерство иностранных дел и сообщил, что оба русских у меня в руках, однако сейчас невозможно посадить их на поезд с сотрудниками советского посольства, стоящий в Берлине. Их доставят из Данцига к турецкой границе на самолете. Господин Деканозов может спокойно выезжать. Если оба сотрудника консульства не придут вовремя, он сможет всегда задержать обмен наших дипломатов. После длительных колебаний Деканозов принял наше предложение.

Я приказал срочно доставить обоих агентов из Данцига, выиграв при этом достаточно времени, чтобы ими в течение целого дня в Берлине смог заняться один из начальников подчиненных мне отделов, бегло говоривший по-русски и назначенный мной им в сопровождающие. Русских поместили в берлинской гостинице, где они могли, выпив водки, как следует выспаться. Они не высказали приставленному к ним начальнику отдела никаких жалоб, наоборот, тот, у которого был подбит глаз, неоднократно подчеркивал, что сожалеет об отказе отвечать, ведь иначе ему не пришлось бы пережить таких неприятностей. Второй считал дело полностью законченным, но его отнюдь не воодушевляла перспектива быть доставленным на самолете в распоряжение посла. Это, по его мнению, заставило бы их выглядеть в глазах Деканозова в неблагоприятном свете. На следующее утро оба русских покинули Берлин. Перед отлетом я еще раз встретился с ними и пришел к выводу, что в их внешнем виде не было особенных недостатков. Чем ближе они были к цели своего путешествия, тем беспокойнее они становились. Из их разговоров выяснилось, что они боятся и Деканозова, и своего московского начальства. Они опасались, как сообщил мне впоследствии их провожатый, что их провал, приведший к аресту и разоблачению их заданий, не останется безнаказанным. До самого прибытия на турецкую границу и передачи послу наш сотрудник прикладывал все усилия, чтобы удержать их от попытки совершить побег.

Тем временем, несмотря на успехи нашего летнего наступления в 1942 году, на Восточном фронте нам приходилось преодолевать большие трудности, о которых тогда было известно лишь посвященным. Нас вновь изумила несломленная мощь русских танковых войск, а также становившиеся теперь все более очевидными достижения русских в организации партизанской войны, сковывавшей все большее число наших оккупационных частей. В связи с этим Гиммлер сообщил мне, что

фюрер ни в коей степени не удовлетворен результатами сбора разведывательной информации о России. Видимо, сказал он мне, мы вообще не в состоянии усилить деятельность разведки в соответствии с требованиями войны. Я попытался обогреться, указав на то, что ошибки и упущения прошлого невозможно исправить в мгновение ока. При этом я сказал об «узких местах» в организации и личном составе разведки. Для борьбы с таким великаном, как Россия, необходима разветвленная агентурная сеть. Существующие каналы связи через Швецию, Финляндию, Балканы и Турцию работали неплохо, но их явно было недостаточно, чтобы составлять надежные общие обзоры обстановки. Да и круги немецкой эмиграции, жившие в Советском Союзе и других странах, с которыми мы поддерживали контакты, давали всего лишь разрозненные сведения. Мне необходимо было иметь по меньшей мере еще две-три тысячи обученных сотрудников с хорошим знанием иностранных языков, а также более совершенное оборудование, включающее средства радиосвязи. В этой области наша разведка работала уже круглосуточно, но все равно не могла хоть сколько-нибудь удовлетворить неудержимо растущие потребности. Для массового использования агентов, сказал я, необходимо иметь гораздо больше оборудования — автомашин, самолетов, оружия.

Гиммлер молча выслушал меня и сказал задумчиво: «Русские — страшный враг, но мы должны их разгромить, пока не появились новые враги». Он пообещал мне оказать широкую поддержку в активизации деятельности разведки. В то же время он приказал мне представить ему всеобъемлющий доклад о состоянии разведывательной работы против России.

В то время разведка против Советского Союза велась по трем направлениям: первое охватывало зарубежные опорные пункты почти во всех столицах Европы, а также ряд особо важных информаторов. Через одного из них, например, мы поддерживали связь с двумя офицерами Генерального штаба, прикомандированными к штабу маршала Рокоссовского. После объединения впоследствии военной разведки с нашим 6-м управлением в мое распоряжение поступил еще один очень ценный информатор, которым весьма успешно руководил один немецкий еврей. В своей работе он обходился всего двумя канцелярскими сотрудниками, но техническое оснащение его бюро находилось на самом высоком уровне, какой я только стремился обеспечить для своего ведомства. Все было механизировано и насыщено техникой; его каналы связи проходили

ли через множество стран, где он получал свою информацию из самых различных кругов общества. Прежде всего он поставлял оперативную и точную информацию из высших штабов русского командования сухопутных сил. Работа этого человека была мастерской. Часто он за две-три недели сообщал о запланированных передвижениях советских войск численностью до дивизии; при этом его информация была точной вплоть до мельчайших деталей. Благодаря этому наше высшее руководство могло принимать своевременные контрмеры. Вернее было бы сказать — оно могло бы принять соответствующие своевременные меры, если бы Гитлер больше прислушивался к мнению руководителя аналитического отдела «Иностранные армии Востока». Но, к сожалению, Гитлер замкнулся в своем узком окружении, которое постоянно пыталось доказать, что информация, которой располагает руководитель управления «Иностранные армии Востока», представляет собой широко задуманную игру Советов, которые некоторое время поставляли правдивую информацию, чтобы в решающий момент сделать высшее немецкое руководство жертвой роковой дезинформации. Я изо всех сил старался бороться против таких представлений.

Второе направление разрабатывало операцию «Цеппелин». Здесь мы нарушили обычные правила использования агентов — главное внимание уделялось массовости. В лагерях для военнопленных отбирались тысячи русских, которых после обучения забрасывали на парашютах в глубь русской территории. Их основной задачей, наряду с передачей текущей информации, было политическое разложение населения и диверсии. Другие группы предназначались для борьбы с партизанами, для чего их забрасывали в качестве наших агентов к русским партизанам. Чтобы поскорее добиться успеха, мы начали набирать добровольцев из числа русских военнопленных прямо в прифронтовой полосе. Было бы полнейшей нелепостью привлекать военнопленных к агентурной работе в принудительном порядке, так как, высадив их в тылу русских, мы утрачивали над ними контроль, вследствие чего нужные результаты могло принести только добровольное сотрудничество. Разумеется, здесь нам приходилось рассчитывать на гораздо большее число неудач и измен, чем обычно. Но мы учитывали это. Мы смогли отказаться от длительной подготовки военнопленных, которых намечалось использовать недалеко от фронта, то есть не далее четырехсот километров от передовой. Ими руководили самостоятельно рабочие группы «Юг»,

«Центр» и «Север». Главные отряды этих групп поддерживали тесные контакты с соответствующими инстанциями вермахта, а также имели связь с 3-м и 4-м управлениями главного имперского управления безопасности.

Особенно умело подыскивали подходящих военнопленных прибалтийские немцы, благодаря хорошему знанию русского языка. Прошедшие первоначальную проверку лица помещались в специальные лагеря, где они подвергались особенно тщательной обработке, учитывающей предстоящие им задачи. После первых экзаменов, на которых проверялась их пригодность, они практически получали статус немецкого солдата и им разрешалось, в соответствии с договоренностью с генералом, командующим добровольческими частями, носить форму вермахта. Они получали все, что радует сердце солдата, — хорошее питание, чистую одежду, помещение, увольнительные в город в гражданской одежде, доклады и лекции, сопровождаемые показом диапозитивов, и даже поездки по Германии, совершавшиеся для ознакомления обучавшихся с уровнем жизни в Германии, который они могли бы сравнить с русскими условиями. Тем временем преподаватели и доверенные лица изучали истинные политические взгляды этих людей: они выясняли, насколько их привлекают только материальные выгоды — или они на самом деле вызвались служить из политических убеждений.

...С середины 1942 года операция «Цеппелин» стала осуществляться в широких масштабах. Разумеется, НКВД постоянно пытался разрушить наши планы, в особенности изнутри. Не оправдало наших надежд и командование «Дружины» — полковник Родионов, он же Гилль, изменил нам. Однажды «Дружину» использовали для беспощадного прочесывания одной партизанской деревни. На обратном пути бойцы «Дружины» внезапно напали на сопровождавших их эсэсовцев и всех уничтожили. Ни одному не удалось уйти живым. Гилль уже загодя установил связи с центральным штабом партизанского движения в Москве и постепенно убеждал своих подчиненных порвать с нами. После этого он улетел на самолете, поднявшемся с одного из замаскированных в лесу партизанских аэродромов, в Москву. Там его лично принял Сталин и наградил орденом. Это было для нас, конечно, тяжелым ударом; однако меня нельзя было за это привлечь к ответственности, так как я неоднократно предупреждал Гиммлера, предлагая отстранить Гилля от борьбы с партизанами.

И все же в других областях нашей деятельности, связанной с осуществлением операции «Цеппелин», мы добились успехов. Прежде всего мы смогли среди множества русских военнопленных подобрать большое количество технических специалистов — инженеров-электротехников, химиков, металлургов и других, которых использовали в соответствии с их профессией. Эти специалисты оказали немалую помощь нашей оборонной промышленности. Предназначенные для особого использования пленные получали гражданскую одежду и жили большей частью в частных квартирах. В подавляющем большинстве это были одиночки, деятельность которых контролировалась так, что вероятность их измены была сведена к минимуму. Одному из этих агентов удалось, выдав себя за бежавшего из немецкого плена, устроиться в штабе маршала Рокоссовского и передавать нам оттуда сведения.

Еще один участок работы, связанной с операцией «Цеппелин», находился первоначально в ведении своего рода планового отдела, который в чисто теоретических целях собирал всевозможные документы и материалы, стремясь выяснить, где и каким образом необходимо нанести удары по русской промышленности и системе снабжения, чтобы парализовать их. С течением времени этот отдел стал проводить отдельные операции. Если бы в нашем распоряжении было больше самолетов, можно было бы наносить ощутимые удары по русской промышленности, так как в техническом и профессиональном отношении вся подготовительная работа была проведена полностью. Мы смогли бы, в частности, с помощью бомбардировщиков дальнего действия сбросить в районе намеченной цели снаряд Фау-1, которым бы после отделения от самолета-носителя управлял пилот-смертник. У нас было достаточно таких летчиков. Налетам должны были подвергнуться прежде всего промышленные комплексы в Куйбышеве, Челябинске, Магнитогорске, а также районы, расположенные за Уралом. Узловые пункты промышленных районов были указаны нам опытными специалистами на основе нашей информации. Но и здесь все широко задуманные планы рухнули, натолкнувшись на ограниченные возможности наших военно-воздушных сил. Нам пришлось ограничиться мелкими операциями, проводимыми отдельными группами, — взрывами наземных трансформаторов и высоковольтных мачт. Но все это были лишь булавочные уколы, которые почти не отражались на боеспособности русской армии...

В области радиосвязи, благодаря расширению производства средств связи, мы смогли наладить более широкую и успешную работу. Огромное значение для командования войск имело подслушивание радиосвязи противника между армиями, дивизиями и полками. Большого успеха мы добились, когда нам удалось подключиться к каналам радиосвязи центрального аппарата русской разведки в Москве. Здесь мы повели широко задуманную радиоигру в целях дезинформации противника. В конце концов в Москве были вынуждены сменить шифр и личный состав агентов. Потери, понесенные Советами в людях, времени и средствах, были довольно ощутимыми. Я припоминаю, что в ходе этой радиоигры мы сумели «перевернуть» свыше шестидесяти русских радиостанций.

Техническое усовершенствование нашей радиоаппаратуры помогло нам преодолеть трудности, возникавшие при радиопередачах из глубины русской территории. Иногда наших агентов забрасывали в районы, где у них жили родственники, но часто они были вынуждены действовать на свой страх и риск. Некоторых мы снабжали велосипедами, в pedalном механизме которых были вмонтированы радиопередатчики. Размерно крутя педали, наши агенты могли вести передачу, которую мы воспринимали совершенно отчетливо, несмотря на огромное расстояние. Одному из наших агентов удалось даже добраться на русском военном эшелоне до Владивостока, где он следил за передвижениями войск и передавал нам интересную информацию. Необозримые просторы России позволяли нашим агентам месяцами колесить по стране, не обнаруживая себя. Но в конце концов большинство из них все же попало в руки НКВД. Как только русская разведка нападала на след, она не останавливалась перед тем, чтобы использовать целые дивизии и отдельные партизанские подразделения для поимки наших людей.

...Перед тем как выехать из Германии, русский посол Деканозов провел действительно неплохую подготовительную работу. Однако только в середине 1942 года нам удалось проникнуть в крупнейшую советскую шпионскую организацию, которая впервые появилась в поле нашего зрения летом 1941 года, создав обширную сеть радиосвязи. Мы дали этой организации название «Красная капелла» (в противоположность «Черной капелле» — группе сопротивления, сформировавшейся вокруг адмирала Канариса и генерала Остера).

Основная заслуга первого крупного проникновения в эту гигантскую шпионскую организацию, бесспорно, принадле-

жит Мюллеру. Пойдя навстречу Мюллеру, я сам взялся доложить начальству о проделанной работе. В тот момент Мюллер обосновывал свою просьбу тем, что у него создалось впечатление, будто Гиммлер не желает его видеть. Лишь позднее мне стало ясно, что на самом деле Мюллер уже тогда хотел отмежеваться от борьбы с советской разведкой, для чего он и подsunул мне этот доклад на подпись. О позиции Мюллера я еще скажу в особой главе.

В июле 1942 года меня вызвали в штаб-квартиру фюрера в Восточной Пруссии. Причиной вызова был мой доклад. К моему удивлению, я встретил там адмирала Канариса, который также должен был делать доклад о «Красной капелле», о чем я тогда не знал. Рейхсфюрер СС находился в тот день в особенно плохом настроении. Выслушав мой доклад, он принялся перечитывать его первые абзацы, предназначенные для Гитлера, при этом подвергнув меня настоящему разносу. Вне себя от злости, он сказал: «Это типично для вас — занижать заслуги других, а свои собственные раздувать — недостойная манера, можете об этом сказать и Мюллеру». Его раздражение было вызвано тем, что заслуги военной разведки в раскрытии шпионов не были, как ему казалось, достаточно отражены в докладе. В довершение несчастья, Гиммлер вызвал Канариса, потребовав доложить со всеми подробностями об участии военной радиоразведки в поимке шпионов. Теперь, в присутствии Канариса, он еще больше ополчился на меня, забыв, что, собственно говоря, не я, а Мюллер был ответственным за доклад. После окончания аудиенции Канарис чувствовал себя обязанным извиниться передо мной за грубость Гиммлера; он сказал, что очень сожалеет, что мне пришлось выступить в роли громоотвода, принимающего на себя «молнии» Гиммлера, но, как он надеется, он достаточно отчетливо выразил свое отношение к этому в словах, сказанных при прощании с Гиммлером.

Гитлер, узнавший о докладе в тот же вечер от Гиммлера, пришел в такую ярость из-за односторонней трактовки доклада, что не захотел принять ни меня, ни Канариса.

А теперь о самой «Красной капелле». Ее радиосеть охватывала всю территорию Европы, протянувшись от Норвегии через Швейцарию до Средиземного моря и от Атлантического океана до Балтики. Первые «музыканты» — так мы называли радистов — были сотрудниками советского посольства в Париже, которые после вступления во Францию немецких войск разъехались по разным странам. Мы насторожились после то-

го, как вскоре после начала войны с Россией один из наших контрольных пунктов, ведший особенно интенсивную радиоразведку, обнаружил передатчик, координаты которого находились в Бельгии. Шеф радиоразведки, генерал Тиле, адмирал Канарис, Мюллер и я обсудили этот случай. Мы пришли к единому выводу, что необходимо совместными силами в широких масштабах начать поиски неизвестного передатчика. Вскоре после этого мы слышали в эфире еще один радиопередатчик, расположенный, вероятно, где-то в районе Берлина. Но прежде чем нам удалось установить его местонахождение, «музыкант» прекратил свой «концерт». Тем не менее технические расчеты показали, что принимающая станция этого передатчика должна находиться в районе Москвы. По мнению наших специалистов, в этом случае использовалась коротковолновая радиоаппаратура новейшей конструкции и применялся шифр особой сложности.

Тем временем Мюллер оборудовал специальную станцию радиоразведки, которая должна была следить за Бельгией и Северной Францией. Первые следы вели в одно из предместий Брюсселя. По предварительной договоренности с Канарисом в конце 1941 года было решено попытаться захватить бельгийскую станцию. Во время этой операции удалось арестовать двух сотрудников советской разведки. Один из них был руководителем разведывательного центра, другой — опытным радистом. С ними работала еще одна русская, по имени София, выполнявшая обязанности шифровальщицы. Эта шпионская группа жила вместе в одном маленьком особнячке. Там же находилась и потайная радиостанция. Их допросы проходили с большим трудом, так как все трое отказались давать показания и различными способами пытались покончить жизнь самоубийством. Арестованная вместе с ними бельгийская консьержка хотя и не входила в состав этой группы, но, благодаря своим показаниям, стала для нас ключевой фигурой всей истории, в полном смысле этого слова. Так, она вспомнила, что арестованные часто читали книги, некоторые названия их она смогла нам сразу назвать. Поскольку мы часто при составлении шифров пользовались словами и цифрами, взятыми из фраз, находящихся в различных книгах, мы устроили поиски экземпляров, названий которых еще не знали, но относительно которых у нас уже были кое-какие догадки. Все библиотеки в Бельгии и Северной Франции были буквально перерыты сверху донизу. В то же время мы делали все, чтобы сохранить в тайне аресты, произведенные в Брюсселе, так как

надеялись, что после ареста агентов обнаружатся подчиненные им сотрудники. Но пока все было тихо. Тем временем математический отдел радиоразведки и служба дешифровки главного командования вермахта лихорадочно работала над найденным в особняке наполовину обуглившимся обрывком зашифрованного текста радиопередачи. Они пришли к выводу, что ключ к шифру находится в тексте какой-то французской книги. Из крошечного обрывка сожженного листка бумаги специалисты после кропотливых исследований сумели реконструировать слово «Проктор». Теперь следовало выяснить, в каких книгах встречается это ключевое слово. Через три месяца мы разыскали эту книгу. Теперь специалисты отдела дешифровки главного командования вермахта принялись за работу, чтобы «раскусить» шифр. Они смогли расшифровать обнаруженные в Брюсселе и перехваченные заново радиопередачи. Подтвердилось, что мы имеем дело с чрезвычайно разветвленной сетью советской разведки, нити которой протянулись через Францию, Голландию, Данию, Швецию и Германию, а оттуда — в Россию. Самый главный агент действовал под кличкой Гильберт; другой в передачах назывался Кент. В самой Германии действовали два главных агента под кличками Коро и Арвид, информация которых могла поступать только из высших немецких кругов.

Теперь вся наша разведка, ознакомившись с достигнутыми нами результатами, заработала на полную мощность. Однако проходило время, а мы не продвигались ни на шаг. Нам все еще не удалось установить личности двух главных агентов, действовавших в Германии. Внезапно отдел дешифровки, изучая перехваченные еще до арестов в Брюсселе радиопередачи, натолкнулся на указание Москвы, в котором говорилось, что Кент еще осенью 1941 года был переведен в Берлин, где ему были сообщены три явки. Таким образом нам удалось совершить второй решающий прорыв в гигантскую шпионскую сеть, так как адреса явок были точно указаны в шифровке. После этого, по договоренности между генералом Типе, адмиралом Канарисом, полковником фон Бентивеньи (сотрудником военной разведки) и мной, за более чем полусотней лиц было установлено наблюдение. Примерно через месяц мы решились арестовать часть подозрительных. Остальных мы пока решили не трогать, чтобы иметь возможность еще глубже проникнуть в недра шпионской организации. Произведенные аресты и первые допросы раскрыли факты, подействовавшие на нас в этот период войны с Россией как удар грома. Я назову

здесь только некоторых из участников шпионской организации. Среди них был, в частности, инженер-полковник Бекер, один из ведущих специалистов в области конструирования бомбардировщиков и истребителей. Он был приверженцем Советов и регулярно сообщал на центральную радиостанцию, расположенную на севере Берлина, секретнейшую информацию для дальнейшей передачи ее в Москву. Затем выяснилось, что с Бекером сотрудничали пять сотрудников генерального штаба ВВС, занимавшие руководящие посты. Главной фигурой среди них был обер-лейтенант Шульце-Бойзен, фанатично преданный своему делу сотрудник берлинской шпионской организации. Он не только поставлял врагу важнейшую информацию (являясь начальником отдела разведки в министерстве воздушного флота), но и выполнял функции пропагандиста. При этом он однажды дошел до того, что появился в северных кварталах Берлина в полной офицерской форме и, встретившись в рассветной мгле с одним из подчиненных ему агентов «Красной капеллы», угрожал ему пистолетом, отчитывая за плохую работу в качестве пропагандиста на одной из берлинских фабрик, где тот работал. В шпионскую организацию входили не только высокопоставленные представители вермахта, почти в каждом имперском министерстве работали ее связники. В имперском министерстве экономики действовала чета Харнаков — обер-регирунгсрат Арвид Харнак и его жена Милдред, урожденная американка. Харнак был руководящим сотрудником в области планирования использования сырьевых ресурсов и снабжал Советы столь исчерпывающей информацией, что в Москве имели более полное представление о наших ресурсах, чем, к примеру, соответствующий чиновник министерства вооружений, которому по долгу службы надлежало знать об этом, но который, став жертвой ведомственных дрызг по вопросу о сфере компетенции, зачастую не получал необходимых сведений. В министерстве иностранных дел на страже интересов вражеской разведки стоял легацонсрат фон Шелига. Он подвизался на поприще светского шпионажа, о котором я уже говорил. Фон Шелига передавал Советам не только информацию о планах министерства иностранных дел, но и скрупулезно собирал самые разнообразнейшие сведения, поскольку его квартира была излюбленным местом вечеринок всего дипломатического корпуса, чтобы, сгруппировав их, сообщать в Москву.

Разумеется, нас интересовали побуждения, двигавшие этими интеллигентами. Деньги не играли для них важной роли.

Как явствует из протоколов следствия, они боролись не только против национал-социализма, в своем мировоззрении они настолько отошли от идеологии Запада, который они считали безнадежно больным, что видели спасение человечества только на Востоке.

Тем временем гестапо все шире забрасывало свой невод. Число арестованных настолько возросло, что мы были вынуждены организовать собственный разведывательный отдел «Красная капелла». Ни в одной из областей разведывательной деятельности не шла такая ожесточенная борьба, как эта, которую мы вели с Советами на всей территории Европы. Постоянно обнаруживались все новые радиопередатчики, устанавливались все новые слежки — в Париже, Брюсселе, Копенгагене, Стокгольме, Будапеште, Вене, Белграде, Афинах, Стамбуле, Риме и Барселоне. Конструкции передатчиков и методы их маскировки постоянно совершенствовались. Нам было крайне трудно, особенно в нейтральных странах, расширять контингент своих агентов, пополняя его опытными радиотехниками и специалистами по радиоперехвату, а также доставлять туда замаскированную радиоаппаратуру и использовать ее в разведывательных целях.

Когда однажды в Марселе был обнаружен новый передатчик, радиоразведка сообщила, что новая станция заменила брюссельскую, ликвидированную нами. Одновременно разведка, проводя крупную розыскную операцию в Париже, натолкнулась на круг лиц, сообщивших нам некоторые сведения о «Кенте», благодаря чему мы смогли опознать этого агента. Он разъезжал под различными псевдонимами, имея при себе южноамериканский паспорт. Смогли мы разузнать и настоящее имя Гильберта — это был немецкий коммунист, долгое время учившийся в Москве. Раздобыв эти исходные данные, мы начали по всей Европе розыск этих агентов. Охота длилась четыре месяца, наконец нам удалось напасть на след Кента в Марселе. Роковой для него оказалась связь с одной венгеркой. У них была маленькая дочь, и Кент всем своим существом был привязан к этой женщине и ребенку. Установив местонахождение квартиры женщины, мы могли с уверенностью рассчитывать на то, что он появится там. Нам не пришлось долго ждать — Кент вскоре появился и был арестован. Так как он готов был пожертвовать всем ради женщины и ребенка, он предоставил себя в наше распоряжение. Теперь мы могли перевербовать главного радиста «Красной капеллы» и впервые выйти на связь с центром в Москве. Несколько ме-

сяцев подряд нам удавалось таким образом сообщать русской разведке важную дезинформацию, в результате чего противник был введен в заблуждение. Над составлением дезинформирующих сведений работала созданная и руководимая Мюллером специальная группа, с которой мне, однако, с конца 1943 года пришлось бороться всеми средствами. О роли Мюллера в дальнейшем ходе войны я еще расскажу подробнее позже.

Все больше и больше красных «музыкантов» в других важных точках Европы попадалось в наши сети. Наконец под нашим контролем находилось более шестидесяти радиостанций, поддерживающих связь с Москвой и работавших на нас. Разумеется, Советы со временем разгадали нашу игру и попытались противодействовать ей всеми способами. При этом они создали настолько тонко продуманную систему, что мы позднее, после занятия Италии союзными войсками, сами пользовались ею, ведя передачи из Рима.

Тем временем охота за Гильбертом давала очень скудные результаты. Только нашим группам пеленга удавалось с большими трудами запеленговать его радиопередатчики, как он прекращал передачу и продолжал «музичировать» на новом месте, рядом с прежним, как будто считал нас за дураков. Тем самым он пытался распылить силы нашей радиоразведки. Но в конце концов Гильберт потерпел поражение, столкнувшись с настойчивостью наших сотрудников радиоперехвата. Ведя борьбу с коммунистическими группами Сопротивления в Бельгии, мы в ходе допросов арестованных обнаружили человека, который раньше работал в качестве помощника Гильберта и был его правой рукой. Этот агент был специальным агентом-связником, обучавшимся в Москве, который уже долгое время жил в Бельгии. В то время он руководил радиостанцией, которая поддерживала связь между «красными маки» и бельгийским движением Сопротивления. Передатчик этого агента не был связан с работой бельгийской станции, и так как он занимал важную должность в одном немецком учреждении, он получил разрешение из центра непосредственно выходить на связь с Москвой. После своего ареста он был перевербован нами. Чтобы не вызвать у русских подозрений, мы снабжали его точными сведениями. Тем самым мы намеревались вновь вывести его на связь с главной радиостанцией Гильберта. Подлинные материалы вызвали интерес у Гильберта, но он по-прежнему проявлял крайнюю осторожность. В тот момент он обосновал свою штаб-квартиру в Париже.

Когда мы в конце концов попытались его схватить, в наши сети попался только его секретарь. Сам Гильберт, как оказалось, ушел к зубному врачу. Имя зубного врача было неизвестно. По всему Парижу началась бешеная охота, ведь мы должны были заполучить в свои руки Гильберта до того, как его предупредят. В последний момент от консьержки соседнего дома мы узнали адрес зубного врача. Как раз в тот момент, когда лечение зубов Гильберта было закончено, в ход пошли наши «щипцы». Он сдался неожиданно быстро и сразу же согласился предоставить в наше распоряжение свою мощную станцию. По различным признакам мы заметили, что русские теперь стали крайне недоверчивы, и создали специальную контрольную станцию, отличающую ложные сведения от подлинных. В результате этого, после длительных колебаний, мы дольше, чем нам этого хотелось, поставляли русским подлинные и ценные сведения и тем самым медленно вновь усыпили бдительность контрольной станции противника. Тогда игра началась снова.

Но окончательного поражения шпионской организации «Красная капелла» нам до самого конца войны так и не удалось нанести.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абакумов Виктор Семенович (1908—1954). Один из руководителей советских органов госбезопасности. Член ВКП(б) с 1930 г. В органах внутренних дел с 1932 г. В 1938—1940 гг. — начальник УНКВД по Ростовской области, в 1940—1941 гг. — заместитель наркома внутренних дел СССР, начальник Управления особых отделов НКВД СССР. В 1943—1946 гг. — заместитель наркома обороны СССР, начальник ГУКР СМЕРШ НКО СССР. С мая 1946 по июль 1951 г. — министр государственной безопасности СССР. Арестован 13 июля 1951 г. 19 декабря 1954 г. военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания (расстрелян).

Агабеков Леон Андреевич (1903—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Армянин. Член ВКП(б) с 1930 г. Начальник 4-го отдела НКВД Узбекистана, 21 января 1939 г. арестован как участник антисоветской заговорщицкой организации, по заданию которой фальсифицировал следственные дела и производил необоснованные аресты. Вину не признал, осужден ОСО при НКВД СССР 2 июля 1940 г. на пять лет ИТЛ. Освобожден в октябре 1942 г. в связи с просьбой отправить на фронт. В 1943 г. заброшен с парашютом в глубокий тыл противника в качестве начальника опергруппы НКГБ СССР. 21 ноября 1942 г. ОСО снизило срок до отбытого, 19 августа 1944 г. сняло судимость. Награжден орденом Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны 1-й степени». 30 марта 1945 г. в КПК восстановлен в партии с перерывом партстажа с 26 января 1939 по март 1945 г.

Агаянц Иван Иванович (1911—1968). Сотрудник советских органов госбезопасности. Родился в г. Гянджа (Азербайджан) в семье счетовода. Армянин. Окончил экономический техникум. С 1930 г. — в Экономическом управлении ОГПУ. С 1936 г. — в аппарате внешней разведки. С 1937 г. — на оперативной работе во Франции под

прикрытием сотрудника торгпредства, а затем — заведующего Консульским отделом посольства СССР. С 1940 г. — начальник отделения, затем заместитель начальника отдела Первого управления НКГБ СССР. С августа 1941 г. — резидент в Иране, затем резидент в Париже. С 1948 г. — начальник Управления Комитета информации, начальник кафедры Высшей разведывательной школы, начальник Службы активных мероприятий. С 1967 г. — заместитель начальника Первого главного управления КГБ (внешней разведки). Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Агранов (Сорендзон) Яков Саулович (1893—1939). Один из руководителей советских органов госбезопасности. Комиссар госбезопасности 1-го ранга. Член партии эсеров с 1912 г. Большевик с 1915 г. В 1917 г. избран секретарем Полесского областного комитета большевиков. С 1918 г. — секретарь малого СНК. В 1919—1920 гг. — секретарь СНК. Одновременно с мая 1919 г. — особоуполномоченный ВЧК. В 1921 г. — секретарь малого СНК. В 1923—1937 гг. — на руководящих должностях ОГПУ—НКВД. В 1930 г. — начальник Секретного отдела ОГПУ. В июле 1934 — мае 1937 г. — первый заместитель наркома внутренних дел. С апреля 1937 г. — начальник Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД. С мая 1937 г. — начальник Саратовского УНКВД. В июле 1937 г. арестован (расстрелян).

Адамович Михаил Михайлович (1898—1979). Сотрудник советских органов госбезопасности. Родился в Риге в рабочей семье. Русский. Участник Гражданской войны. Латышский стрелок. После окончания Гражданской войны — в органах ВЧК. В 1932—1939 гг. работал за границей — в Латвии, Франции, Чехословакии. В 1941 г. по состоянию здоровья уволен в запас из органов НКВД. В октябре 1941 г. командирован в Ташкент. С 1943 г. работал на ответственных постах в правительственных учреждениях Узбекской ССР.

Акинчиц Фабиан (Фома) Иванович (1886—1943). Агент гестапо. С 1937 г. проживал в Польше, с 1939 по 1941 г. — в Берлине, с 1942 г. — старший руководитель так называемой «белорусской группы» учебного лагеря в местечке Вутзец близ г. Нойруппина (Германия). Возглавлял «Белорусское национальное объединение» и другие националистические организации. 5 марта 1943 г. убит белорусскими партизанами.

Александровский (Юкельзон) Михаил Константинович (1898—1937). Сотрудник советских органов госбезопасности. Старший майор Гб. Уроженец города Ровно. Из служащих. Большевик с мая 1917 г. На подпольной работе в Киеве, Ровно. Участник Гражданской войны на Украине. Военком Отдельного полка 12-й армии. Уполномоченный Информационного отдела 12-й армии. Принимал

участие в разгроме войск Б. Савинкова, С. Булак-Балаховича. С 1921 г. — в органах ВЧК—ГПУ—ОГПУ на Украине. Сотрудник Секретно-оперативной части, заместитель начальника Экономического управления, в 1925—1930 гг. — начальник Запорожского окружного отдела ГПУ Украины. В 1930—1931 гг. — в распоряжении ГПУ Украины (на курсах марксизма-ленинизма). В 1931—1932 гг. — начальник 5-го отделения Особого отдела ОГПУ СССР. В 1932—1933 гг. — начальник Секретно-политического отдела ГПУ Украины. В 1933—1936 гг. — начальник Особого отдела Украинского военного округа. В 1936—1937 гг. — начальник Контрразведывательного отдела НКВД Украины. С 11 января по 20 сентября 1937 г. — заместитель начальника Четвертого (Разведывательного) управления Генштаба РККА. Награжден орденом Красного Знамени. Репрессирован.

Алехин Михаил Сергеевич (1902—1939). Сотрудник советских органов госбезопасности. Майор ГБ (1938). Член РКП(б) с 1920 г. В ГПУ с 1921 г. С декабря 1934 г. — начальник Оперативного отдела УГБ УНКВД по Ленинградской области. В марте—мае 1937 г. — в резерве Отдела кадров НКВД СССР. С июня 1937 г. — заместитель начальника 12-го отдела ГУГБ НКВД СССР. В июне—сентябре 1938 г. — начальник отдела Опертехники НКВД СССР. Приговорен к высшей мере наказания.

Алиханов Абрам Исаакович (1904—1970). Советский физик. Член-корреспондент (1939), академик (1943) АН СССР, академик АН Армянской ССР (1943). Родился в г. Карсе. В 1928 г. окончил Ленинградский политехнический институт. В 1927—1941 гг. работал в Ленинградском физико-техническом институте АН СССР. В 1945 г. организовал Институт теоретической и экспериментальной физики, директором которого был до 1968 г. Принимал участие в создании первых советских ядерных реакторов. Герой Социалистического Труда (1954). Лауреат Сталинских премий (1941, 1948, 1953).

Аллахвердов Михаил Андреевич (1900—1968). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-майор. Родился в г. Шуша (Нагорный Карабах). Армянин. С 1918 г. в Красной Армии. В составе 3-го Туркестанского стрелкового полка участвовал в боях с басмачами. С 1919 г. в органах ВЧК. С 1920 г. член РКП(б). Окончил Военную академию РККА. С июня 1921 г. — заместитель начальника Особого отдела Памирской военно-политической экспедиции. С 1923 г. — в центральном аппарате ОГПУ. С 1925 г. — на разведывательной работе в Иране; в 1928—1930 гг. — резидент, в 1930—1933 гг. — в центральном аппарате ИНО; в 1933—1934 гг. — резидент в Австрии, Швейцарии и Франции; в 1934—1936 гг. — резидент в Афганистане; в 1936—1938 гг. — резидент в Турции; в 1938—1941 гг. работал в центральном аппарате разведки в Москве. С началом Вели-

кой Отечественной войны до 1944 г. вновь резидент в Афганистане. По возвращении в Москву — начальник Информационного отдела в Первом управлении КГБ СССР. В 1945 г. в Швейцарии. С ноября 1947 по 1955 г. — заместитель начальника Высшей разведывательной школы КГБ СССР. Занимался научной и педагогической деятельностью. С 1955 г. в отставке.

Андропов Юрий Владимирович (1914—1984). Советский партийный и государственный деятель. Генерал армии (1976). Посол СССР в Венгрии в 1953—1957 гг. В 1967—1982 гг. — председатель КГБ СССР. С ноября 1982 г. — Генеральный секретарь ЦК КПСС. Одновременно с июня 1983 г. — Председатель Президиума ВС СССР.

Аполлонов Аркадий Николаевич (1907—1978). Сотрудник советских органов госбезопасности. Родился в г. Балашове Саратовской области. Член ВКП(б) с 1931 г. С 1932 г. — в органах ОГПУ—НКВД. В 1936 г. поступил в Военную академию им. М. В. Фрунзе, которую окончил в 1939 г. С 8 марта 1939 г. — заместитель начальника Главного управления пограничных войск НКВД СССР. С 31 июля 1941 г. — начальник Главного управления внутренних войск НКВД СССР. С 11 марта 1942 г. — заместитель наркома внутренних дел СССР по войскам. Со 2 апреля 1948 г. — председатель Комитета по делам физкультуры и спорта при Совмине СССР. С 31 декабря 1950 по 26 августа 1951 г. — заместитель министра госбезопасности СССР по войскам. С августа 1951 по декабрь 1953 г. — в кадрах Министерства обороны СССР. 7 декабря 1953 г. уволен в запас по болезни.

Артузов (Фраучи) Артур Христианович (1891—1937). Один из руководителей советских органов госбезопасности. Корпусной комиссар (1936). Выходец из семьи итальянского швейцарца, сыродела, переселившегося в Россию. Племянник М. С. Кедрова. Большевик с 1917 г. Окончил Петербургский политехнический институт. С декабря 1918 г. — на работе в ВЧК. С мая 1919 г. — начальник активного отделения и заместитель начальника Особого отдела ВЧК. В 1922—1927 гг. — начальник Контрразведывательного отдела ВЧК—ГПУ—ОГПУ; в 1927—1931 гг. — помощник начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ. В августе 1931 — 1935 гг. начальник ИНО ОГПУ, НКВД. Одновременно в 1934—1937 гг. заместитель начальника Четвертого (Разведывательного) управления Генштаба РККА. В 1937 г. — начальник Особого бюро ГУГБ НКВД. Награжден орденом Красного Знамени. Арестован 13 мая 1937 г. (расстрелян 21 августа).

Афанасьев Борис Маноилович (1902—1981). Сотрудник советских органов госбезопасности. Родился в г. Лом (Болгария) в семье писаря. В 1916—1922 гг. работал чернорабочим на кирпичном заводе и на виноградниках. С 1922 г. — член Болгарской коммунистиче-

ской партии. В 1922 г. эмигрировал в СССР. В 1923 г. вступил в РКП(б). До 1926 г. учился в Академии коммунистического воспитания. В 1926—1927 гг. — заместитель заведующего агитационно-пропагандистским кабинетом Краснопресненского райкома ВКП(б) в Москве. В 1927—1930 гг. — аспирант и преподаватель Коммунистического университета им. Свердлова. В 1930—1947 гг. — сотрудник ОГПУ—НКВД—МГБ, был на нелегальной разведработе. В 1947 г. в связи с отрицательной характеристикой уволен из МГБ. В 1948—1953 гг. — начальник Управления научной информации Издательства иностранной литературы. В мае—июне 1953 г. вновь в МВД СССР в 9-м отделе у Судоплатова в звании полковника. В 1953—1954 гг. — внештатный литсотрудник журналов «Новое время» и «Военная мысль». В 1954—1958 гг. — пенсионер. В 1958—1963 гг. — ответственный редактор журнала «Произведения и мнения» на французском языке. В 1963—1981 гг. — заместитель главного редактора журнала «Советская литература».

Ахмеров Исхак Абдуллович (1901—1975). Сотрудник советских органов госбезопасности. Полковник. Родился в г. Троицке Челябинской области. В возрасте нескольких месяцев лишился отца. С 1912 г. работал мальчиком на побегушках, подмастерьем, батраком. В 1919 г. вступил в РКП(б). В 1921—1922 гг. — на учебе в Коммунистическом университете народов Востока. В 1930 г. закончил факультет международных отношений МГУ. С 1930 г. — в органах государственной безопасности. В 1930—1931 гг. участвовал в борьбе с басмачеством в Бухарской республике. В 1932 г. переведен на работу в ИНО ОГПУ. После стажировки в НКВД направлен в Турцию под прикрытием секретаря генерального консульства СССР в Стамбуле, где находился до 1934 г. В 1934 г. — на нелегальной работе в Китае. В 1935—1945 гг. — на нелегальной работе в США, при этом в 1942—1945 гг. возглавлял нелегальную резидентуру в США. С 1945 г. — заместитель начальника Отдела нелегальной разведки.

Багиров Мир Джафар Аббасович (1896—1956). Советский партийный и государственный деятель. Член партии большевиков с 1917 г. В 1921—1927 гг. — председатель Азербайджанской ЧК, ГПУ, нарком внутренних дел и заместитель Председателя СНК Азербайджанской ССР. В 1928—1929 гг. — председатель Правления закавказского сельсоюза (г. Тифлис), в 1929—1930 гг. → председатель Азербайджанского ГПУ (г. Баку). В 1930—1932 гг. — слушатель курсов марксизма при ЦК ВКП(б). С 1932 г. — ответственный инструктор ЦК ВКП(б). В 1932—1933 гг. — Председатель СНК Азербайджанской ССР. В 1933—1953 гг. — первый секретарь ЦК КП(б) Азер-

байджана и Бакинского ГК. С 1934 г. — кандидат, в 1937—1953 гг. — член ЦК ВКП(б). Осужден и расстрелян в мае 1956 г.

Базаров (Шпак) Борис Яковлевич (1893—1939). Сотрудник советской военной разведки. Майор ГБ. Член ВКП(б) с 1930 г. Окончил Виленское военное училище. Участник первой мировой войны, поручик. В 1915—1918 гг. — в немецком плену. 1918—1920 гг. — офицер в частях Белой армии. По заданию советской разведки в 20-е гг. руководил резидентурами в Болгарии, Югославии и Румынии. Провел ряд важнейших мероприятий по возвращению русских военнопленных на родину, снабжению оружием и денежными средствами боевиков на Балканах. В 1927 г. работал в системе ВСНХ СССР. С 1928 г. — руководитель резидентуры ИНО ОГПУ в Германии и на Балканах. В 1934—1935 гг. — начальник отделения ИНО ГУГБ НКВД. С 1936 г. — резидент Четвертого (Разведывательного) управления Генштаба РККА в США. Возглавляемая им резидентура организовала получение ценнейшей политической и научно-технической информации. В 1938 г. отозван. Арестован 3 июля 1938 г. (расстрелян 21 февраля 1939 г.). На момент ареста — сотрудник отдела ГУГБ НКВД СССР.

Балицкий Всеволод Аполлонович (1892—1937). Сотрудник советских органов госбезопасности. Комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935). Член РСДРП с 1915 г. С 1918 г. — в органах ВЧК. В 1923—1931 гг. — полномочный представитель ОГПУ на Украине. Член ЦКК в 1925 г. и в 1930—1934 гг., член ЦК ВКП(б) в 1934—1937 гг. В 1931—1932 гг. — заместитель председателя ОГПУ. С 1933 г. — председатель ОГПУ УССР, в 1934—1937 гг. — нарком внутренних дел УССР. В 1937 г. — начальник УНКВД по Дальневосточному краю. Репрессирован.

Бандера Степан Андреевич (1909—1959). Один из лидеров украинских националистов. Сын униатского священника. В гимназии вступил в Украинскую военную организацию (УВО). С 1929 г. член ОУН. С 1933 г. — руководитель (проводник) ОУН на западноукраинских землях. За организацию убийства министра внутренних дел Польши В. Перацкого приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. В 1940 г. — инициатор раскола ОУН. Руководитель ОУН (революционной), известной как «бандеровская». В августе 1941 г. арестован гестапо. До октября 1944 г. в Заксенхаузене. После второй мировой войны возглавлял ОУН(р) в эмиграции. Убит агентом КГБ 15 октября 1959 г. в Мюнхене.

Бельский Лев Николаевич (Левин А. М.) (1889(1890?)—1941). Сотрудник советских органов госбезопасности. Член Бунда с 1904 по 1907 г. Член партии большевиков с 1917 г. В 1918—1919 гг. — председатель Симбирской губчека. В 1919—1920 гг. — начальник Особо-

го отдела 8-й армии, в 1920—1921 гг. — председатель Астраханской губчека, в 1921—1922 гг. — начальник Госполитохраны Дальневосточной республики и полномочный представитель ГПУ на Дальнем Востоке. С 1923 г. — полномочный представитель ОГПУ в Туркестане. В феврале 1930 г. — полномочный представитель ОГПУ по Московской области, в августе 1931 г. назначен начальником управления наркомснаба. В 1933 г. назначен полномочным представителем ОГПУ по Нижней Волге. В 1934—1935 гг. — начальник Главного управления рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ. В ноябре 1936 — 1937 гг. — заместитель наркома внутренних дел по милиции. С марта 1938 г. — начальник Управления транспорта и связи НКВД, заместитель наркома путей сообщения. 30 июня 1939 г. арестован. 5 июля 1941 г. приговорен военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания. 16 октября 1941 г. расстрелян.

Бельченко Сергей Саввич (1902—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Уроженец Екатеринославской губернии. Член РКП(б) с 1922 г. В РККА с 1924 г. В 1925—1927 гг. — слушатель Киевского военно-политического училища и Высшей пограншколы ОГПУ СССР в Москве. В 1927—1937 гг. — в органах погранохраны ОГПУ—НКВД Средней Азии. С 1937 г. — инструктор ПО ГУПВО НКВД СССР, затем заместитель начальника ПО УПВВ НКВД БССР, начальник УНКВД по Белостокской области. После начала Великой Отечественной войны — помощник, затем заместитель начальника Особого отдела НКВД Западного фронта. В 1942 г. — член Военного совета Калининского фронта и начальник Штаба партизанского движения Калининского фронта. В 1943 г. — заместитель начальника Штаба партизанского движения. С ноября 1943 г. — нарком внутренних дел БССР.

Беляев Алексей Иванович (1904—?). Русский. Член РКП(б) с 1920 г. Начальник 3-го отдела УНКВД по Тульской области, допущен в 1938 г. нарушения законности, арестован и осужден 23 декабря 1939 г. Военным трибуналом ВНКВД по Московской области на шесть лет. Освобожден Президиумом ВС СССР из ИТЛ 21 октября 1942 г. и направлен в НКГБ. Работал в тылу противника.

Бенеш Эдуард (1884—1948). Чехословацкий государственный и политический деятель. В 1935—1938 и в 1946—1948 гг. — президент Чехословакии.

Берджес Гай (1911—1963). Советский разведчик. Родился в семье офицера ВМС Англии. Учился в Итоне, затем в Тринити-колледже Кембриджа. В 1934 г. завербован лондонской агентурой советской разведки. С 1935 г. работал в Би-би-си. С 1938 г. — сотрудник секретной разведывательно-диверсионной службы Великобритании. С 1944 г. — в пресс-отделе МИДа Великобритании, личный

помощник министра иностранных дел. С 1950 г. — второй секретарь посольства Великобритании в США. В мае 1951 г. в связи с угрозой ареста нелегально переправлен в СССР.

Берия Лаврентий Павлович (1899—1953). Советский партийный и государственный деятель, один из руководителей советских органов госбезопасности. Член партии большевиков с 1917 г. В 1918 г. — председатель Бакинской партийной организации. В 1921—1931 гг. — в органах разведки и контрразведки. В 1921—1922 гг. — начальник Секретно-оперативной части, заместитель председателя ЧК Азербайджана. Затем председатель Грузинского и Закавказского ГПУ, представитель ОГПУ в ЗСФСР. С 1931 г. — первый секретарь ЦК КП(б) Грузии, одновременно с 1932 г. — 1-й секретарь Закавказского крайкома и Тбилисского ГК ВКП(б). Член ЦК ВКП(б) в 1934—1953 гг. Кандидат в члены Политбюро в 1939—1946 гг. Член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)—КПСС в 1946—1953 гг. С 1938 г. — заместитель наркома, в 1938—1945 гг. и в марте—июне 1953 г. — нарком — министр внутренних дел СССР, одновременно в 1941—1946 гг. — заместитель Председателя СНК СССР, в 1946—1953 гг. — заместитель (с 15 марта по 26 июня 1953 г. — первый заместитель) Председателя Совмина СССР. С 1944 г. — заместитель Председателя ГКО, Маршал Советского Союза. 26 июня 1953 г. снят с постов и арестован. 23 декабря 1953 г. расстрелян «за преступные антипартийные и антигосударственные действия».

Берлинск Орест (Лиценст) (1913—1978). Берлинский корреспондент. Латыш. Завербован резидентурой НКГБ 15 августа 1940 г. Как выяснилось по окончании войны, являлся провокатором гестапо, специально введенным в окружение резидента А. Кобулова с целью дезинформации. О результатах встреч Лиценста с Кобуловым гестапо докладывало Гитлеру. С началом войны был арестован по личному приказу Гитлера.

Берман Матвей Давыдович (1896(1898?)—1939). Сотрудник советских органов госбезопасности. Комиссар госбезопасности 3-го ранга. Окончил Иркутское военное училище. Прапорщик. Активный участник Октябрьской революции, Гражданской войны в Сибири. В 1920 г. — директор Госполитохраны ДВР. Затем на руководящей чекистской работе в Иркутской губернии, 5-й армии, Восточно-Сибирском военном округе, Бурятском, Владивостокском округах, Ивановской области. С 1931 г. — заместитель начальника, с 1932 г. — начальник ГУЛАГа. Заместитель наркома внутренних дел СССР (1936—1937). Нарком связи СССР (1937—1938). Репрессирован.

Бете Ханс Альбрехт (1906—?). Физик-теоретик. Родился в Страсбурге. В 1928 г. окончил Мюнхенский университет. В 1928—1933 гг. преподавал во Франкфуртском, Штутгартском, Мюнхенском

и Тюбингенском университетах, в 1933—1935 гг. — в Манчестерском и Бристольском университетах. В 1935—1975 гг. работал в Корнеллском университете (с 1937 г. — профессор). В 1943—1946 гг. возглавлял теоретический отдел в Лос-Аламосской лаборатории. Лауреат Нобелевской премии (1967). Член ряда академий и научных обществ. С 1954 г. — президент Американского физического общества.

Блант Э. (1907—1983). Искусствовед, агент ИНО НКВД (с 1937 г.), сотрудник английской разведки МИ-6 (1940—1945).

Блохин Василий Михайлович (1895—1955). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-майор. Член РКП(б) с 1920 г. В органах с 1921 г. В 1924—1946 гг. — на работе в ОГПУ—НКВД СССР в Москве. Капитан ГБ (1935). В 1946—1953 гг. — начальник отдела МГБ СССР. С 1953 г. — на пенсии.

Блюмкин Яков Григорьевич (1900(1898?)—1929). Сотрудник ВЧК. Член партии левых эсеров с 1917 г. В июне — начале июля 1918 г. — заведующий отделом ВЧК по борьбе с немецким шпионажем. 6 июля 1918 г. по заданию ЦК партии левых эсеров принял участие в террористическом акте с целью сорвать Брестский мир, в результате чего был убит германский посол граф В. Мирбах. Заочно приговорен к трем годам заключения. После подавления выступления левых эсеров бежал на Украину, где участвовал в повстанческой деятельности и подготовке террористического акта против гетмана Скоропадского. В апреле 1919 г. явился с повинной в ВЧК, был амнистирован Президиумом ВЦИК. В 1920 г. вступил в РКП(б), был направлен на военную работу. Летом 1920 г. — комиссар Штаба Красной Армии Гилянской советской республики (в Северном Иране), вступил в Коммунистическую партию Ирана. С сентября 1920 г. — слушатель Академии Генерального штаба РККА; с 1922 г. работал в секретариате Троцкого для особых поручений; с 1923 г. — во внешней разведке ОГПУ. В 1924—1925 гг. — помощник полномочного представителя ОГПУ в Закавказье по командованию войсками Закавказской ЧК. В 1925—1926 гг. — ответственный сотрудник Наркомторга. В 1926—1927 гг. — главный инструктор внутренней охраны (службы безопасности) Монголии. В 1928—1929 гг. — резидент советской разведки на Ближнем Востоке. 16 апреля 1929 г. в Константинополе имел встречу с Троцким, а затем поддерживал с ним связь через его сына Л. Седова. Блюмкин заявил Троцкому, что передает себя «в его распоряжение», составил рекомендации об организации его личной охраны. Кроме того, он подготовил и передал Троцкому, который в это время готовил к изданию автобиографическую книгу «Моя жизнь», сведения о деятельности поезда Председателя Реввоенсовета в годы Гражданской войны. Блюмкин также согласился нелегально перевезти в СССР для активных участников оппозиции письмо Троцкого

и несколько его книг. По возвращении в СССР он был в середине октября 1929 г. арестован. После окончания следствия судебная коллегия ОГПУ 3 ноября 1929 г. постановила расстрелять его «за повторную измену делу пролетарской революции и Советской власти и за измену революционной чекистской армии».

Бор Нильс Хендрик Давид (1885—1962). Выдающийся датский физик-теоретик, один из создателей современной физики. Член Датского королевского общества (1917), президент с 1939 г. Родился в Копенгагене. Окончил Копенгагенский университет в 1908 г. В 1911—1912 гг. работал в Кембридже у Дж. Дж. Томсона, в 1912—1913 гг. — в Манчестере у Э. Резерфорда. С 1916 г. — профессор Копенгагенского университета и с 1920 г. — директор созданного им Института теоретической физики, который стал международным центром физиков-теоретиков и сыграл большую роль в международном общении ученых (Институт Нильса Бора). Почетный член более 20 академий наук мира, в том числе иностранный член АН СССР (1929).

Борисоглебский Виктор Валерьянович (1913—1964). Генерал-лейтенант юстиции. Председатель военной коллегии Верховного суда СССР.

Брежнев Леонид Ильич (1906—1982). Советский партийный и государственный деятель. Маршал Советского Союза (1976). В 1964—1966 гг. — первый секретарь, в 1966—1982 гг. — Генеральный секретарь ЦК КПСС. С 1977 г. — Председатель Президиума ВС СССР.

Булганин Николай Александрович (1895—1975). Советский партийный и государственный деятель. Член партии большевиков с 1917 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г., член ЦК ВКП(б)—КПСС в 1939—1961 гг. Член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)—КПСС в 1948—1958 гг. С 1931 г. — председатель исполкома Моссовета. В 1937—1938 гг. — Председатель СНК РСФСР. В 1938—1940 гг. — председатель правления Госбанка СССР. С 1938 г. — заместитель Председателя СНК СССР. С 1941 г. — член Военного совета ряда фронтов, с 1944 г. — член ГКО и заместитель наркома обороны. В 1947—1949 гг. и 1953—1955 гг. — министр Вооруженных Сил (оборонны) СССР. С 1953 г. — первый заместитель Председателя, в 1955—1958 гг. — Председатель Совмина СССР.

Быстролетов Дмитрий Александрович (1901—1975). Советский разведчик. Родился в дер. Ачкор Крымской области. С 1919 г. в эмиграции. Учился на юридическом факультете Украинского университета в Праге. В 1924 г. завербован резидентурой советской внешней разведки. В 1930 г. направлен на нелегальную работу в Германию. В 1937 г. возвратился в Москву, работал в центральном аппарате разведки и Торговой палате. С 1938 по 1954 г. — в заключении по обвинению в шпионской деятельности. В 1954 г. освобожден и

реабилитирован. Работал во ВНИИ медицинской и медико-технической информации Минздрава СССР в качестве научного консультанта.

Вайскопф Виктор Фредерик (1908—?). Американский физик-теоретик, член Национальной академии наук (1952). Родился в Вене. Окончил Геттингенский университет в 1931 г. В 1932—1934 гг. работал в Копенгагенском университете, в 1934—1937 гг. — в Цюрихском политехникуме. Переехал в 1937 г. в США. В 1937—1943 гг. работал в Rochesterском университете, в 1943—1946 — в Лос-Аламосской лаборатории, в 1946—1960 гг. и с 1965 г. — профессор Массачусетского технологического института, в 1961—1965 гг. — генеральный директор Европейского центра ядерных исследований (ЦЕРН). Член ряда академий наук и научных обществ, в частности АН СССР (1976).

Ванников Борис Львович (1897—1962). Советский государственный деятель. Генерал-полковник инженерно-артиллерийской службы. Член партии большевиков с 1919 г., член ЦК ВКП(б) с 1939 г. В 1936—1937 гг. — начальник Главного артиллерийско-танкового, затем артиллерийского управления НКОП, директор завода им. Молотова. С декабря 1937 г. — заместитель наркома оборонной промышленности; в 1939—1941 гг. — нарком вооружения.

Василевский Лев Петрович (1904—1979). Советский разведчик. Полковник. В 1936—1938 гг. — командир разведывательно-диверсионной группы ИНО НКВД в Испании. В 1939—1941 гг. — резидент ИНО — Первого управления в Париже. В 1941—1942 гг. — заместитель резидента НКВД в Анкаре (Турция). В 1943—1945 гг. — резидент НКВД—НКГБ в Мексике. В 1945—1947 гг. — начальник научно-технической разведки НКВД—НКГБ СССР, заместитель начальника Разведывательного бюро по атомной проблематике. В 1948—1953 гг. — пенсионер МГБ, заместитель директора Главкинопроката Комитета по кинематографии. В апреле—июне 1953 г. — помощник начальника 9-го отдела МВД СССР (Служба диверсий за границей). В 1954 г. исключен из КПСС за связи с Берия и «политические» ошибки в заграничной работе. В 1959 г. реабилитирован, восстановлен в партии и воинском звании. Автор более 50 книг и статей по истории гражданской войны в Испании. В соавторстве с А. В. Горским (резидент в годы войны в Англии) переводчик знаменитой книги Сабатини «Одиссея капитана Блада».

Ваушасов Станислав Алексеевич (1899—1976). Советский разведчик, активный участник партизанского движения. Полковник. Родился в дер. Грузджий Шяуляйского района в семье батрака. Литовец. В 1918 г. вступил в РККА. Участник боев на Западном фрон-

те. В 1920—1925 гг. командовал партизанскими отрядами в Западной Белоруссии. С 1925 г. на административно-хозяйственной работе в Москве. С 1930 г. — в органах госбезопасности. В 1937—1939 гг. во время гражданской войны в Испании выполнял боевые задания против франкистских войск. Участник советско-финской войны 1939—1940 гг. Член ВКП(б) с 1940 г. После начала Великой Отечественной войны — командир батальона ОМСБОН. С марта 1942 г. под псевдонимом Градов — командир партизанского отряда НКГБ СССР «Местные», действовавшего в Минской области. Во время разгрома Японии в 1945 г. возглавлял оперативную группу. После войны до 1958 г. — в органах госбезопасности. Герой Советского Союза (5 ноября 1944 г.). Награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Трудового Красного Знамени БССР и медалями.

Вейншток Яков Маркович (1899—1939). Сотрудник советских органов госбезопасности. Старший майор ГБ (1935). Член РКП(б) с 1919 г. В ВЧК с 1919 г. С июля 1934 г. — начальник Отдела кадров ГУГБ НКВД СССР и Сектора кадров НКВД СССР. С октября 1934 г. — начальник отдела кадров НКВД СССР. С декабря 1936 г. — начальник 10-го (тюремного) отдела ГУГБ НКВД СССР. С апреля 1938 г. — заместитель наркома водного транспорта СССР. Репрессирован. Приговорен к высшей мере наказания.

Ветров Михаил Сергеевич (1910(?)—1980). Советский дипломат. Член ВКП(б) с 1929 г.

Винаров Иван Цолович (1896—1969). Болгарский генерал, полковник Советской Армии. Выходец из семьи крупного землевладельца. Член Болгарской СДРП «тесняков» с 1916 г. Участник первой мировой войны. Активный участник Сентябрьского (Владыкского) восстания 1918 г. Сотрудник военного аппарата Болгарской компартии. Занимался закупкой и похищением оружия для компартии. В 1921 г. арестован. После ареста бежал из заключения, эмигрировал в СССР. Занимался транспортировкой оружия из СССР в Болгарию по морю. С 1924 г. сотрудник Четвертого (Разведывательного) управления ГШ РККА. В 1925 г. на нелегальной работе на Балканах. С 1926 г. военный советник, в 1927—1929 гг. — помощник резидента в Китае. В начале 30-х гг. резидент в Австрии и на Балканах. В 1933—1936 гг. — в СССР. Закончил Военную академию им. Фрунзе. В 1936—1938 гг. руководил нелегальной резидентурой в Париже. Преподаватель Военной академии им. Фрунзе. В августе—сентябре 1941 г. выполнял спецзадание в Турции. Участник Великой Отечественной войны. Занимался подготовкой разведчиков и диверсантов для Болгарии. Комиссар бригады особого назначения. Награжден советскими орденами. После 1944 г. — в болгарской армии.

Власик Николай Сидорович (Сергеевич) (1896—1967). Начальник охраны Сталина. Генерал-лейтенант. Член партии большевиков с 1918 г. В органах ВЧК с 1919 г. В 1938—1941 гг. — начальник 1-го отделения ГУГБ НКВД СССР. В 1941—1942 гг. — начальник 1-го отделения НКГБ—НКВД СССР. В 1942—1943 гг. — заместитель начальника 1-го отделения НКВД СССР. В 1943 г. — начальник Шестого управления НКГБ СССР. В 1943—1946 гг. — заместитель начальника Шестого управления НКГБ СССР и начальник 1-го отдела Шестого управления НКГБ СССР. В 1946 г. — начальник Управления охраны № 2 МГБ СССР, затем уполномоченный МГБ СССР по Сочи-Гагринскому району. В 1946—1952 гг. — начальник Главного управления охраны МГБ СССР. В 1952 г. арестован. В 1955 г. военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к пяти годам ссылки.

Власов А. А. (1901—1946). Изменник родины. С января 1941 г. — командир 14-го механизированного корпуса, в июле—сентябре 1941 г. — командующий 37-й армией, с ноября 1941 г. — заместитель командующего Юго-Западным фронтом, с марта 1942 г. — заместитель командующего Волховским фронтом, с апреля по 1 июля 1942 г. — командующий 2-й ударной армией. Перейдя на сторону немцев, возглавил Русскую освободительную армию. В августе 1946 г. военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к смертной казни через повешение за измену родине.

Вознесенский Николай Алексеевич (1903—1950). Советский государственный и партийный деятель. Академик АН СССР. Член РКП(б) с 1919 г., с 1934 г. — член КСК, член ЦК ВКП(б) в 1939—1949 гг., с 1941 г. — кандидат, в 1947—1949 гг. — член Политбюро. С 1921 г. учился в Комуниверситете им. Свердлова; по окончании университета до 1928 г. был на партийной работе в Донбассе. В 1928—1931 гг. учился, а затем работал в Экономическом институте красной профессуры. Одновременно работал в ЦКК—РКИ, а затем в Комиссии совконтроля. С 1934 г. — уполномоченный КСК по Донецкой области. С декабря 1937 г. — заместитель председателя, в 1938—1941 гг. — председатель Госплана СССР, одновременно в 1939—1941 гг. — заместитель Председателя СНК СССР. В 1949 г. в связи с «ленинградским делом» репрессирован.

Войков Петр Лазаревич (1888—1927). Активный участник революционного движения в России, советский дипломат. Член партии большевиков с 1913 г. С 1907 по май 1917 г. — в эмиграции. В 1920—1924 гг. член коллегии НКВД РСФСР. В 1921—1922 гг. председатель советской делегации в смешанной советско-польской реэвакуационной комиссии, созданной в соответствии с Рижским мирным договором 1921 г. В 1922 г. назначен советским официальным агентом в Канаде, однако британское правительство отказало ему в

агремене. С октября 1924 г. — полпред СССР в Польше. 7 июня 1927 г. убит белоэмигрантом Б. Ковердой в Варшаве. Похоронен на Красной площади в Москве.

Волков И. Д. (1899—?). Начальник Инженерного отдела ГУ МПВО НКВД СССР.

Воронцов Иван Александрович (1894—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Из семьи священнослужителя. Член партии большевиков с 1918 г. До 1917 г. учился на юридическом факультете Московского университета. В РККА с 1918 по 1921 г., в 6-й и 14-й армиях. Награжден орденом Красного Знамени. В органах ОГПУ с 1921 г. Начальник Административно-организационного управления.

Воскресенская (Рыбкина) Зоя Ивановна (1907—1992). Сотрудник советских органов госбезопасности, затем писательница. Полковник. Родилась на ст. Узловая Тульской области в семье железнодорожного служащего. С 1921 г. — в органах ВЧК—ОГПУ, с 1932 — в органах внешней разведки НКВД—НКГБ. Выполняла задания в Харбине, Берлине, Стамбуле. С 1938 г. замужем за Б. А. Рыбкиным. Резидент зарубежной разведки НКВД в Стокгольме (1942—1944), заместитель начальника германского отдела Первого управления НКГБ (1944—1945). В 1953 г. уволена из органов МГБ. Впоследствии стала известной детской писательницей, написав, в частности, «Рассказы о Ленине».

Вуойлиоки Хелла (Поэт) (1886—1954). Финская поэтесса, антифашистка.

Вышинский Андрей Януарьевич (1883—1954). Советский юрист и дипломат, академик АН СССР. С 1903 по 1920 г. меньшевик, затем большевик. Ректор МГУ. Председатель специального присутствия Верховного суда СССР по шахтинскому процессу (1929), делу промпартии (1930). С 1931 г. — прокурор РСФСР, заместитель наркома юстиции РСФСР, с 1933 г. — заместитель прокурора, в 1935—1939 гг. — прокурор СССР. Главный обвинитель на всех открытых показательных процессах 1936—1938 гг. С 1940 г. на дипломатической работе. Имел ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. В 1939—1944 гг. — заместитель Председателя СНК СССР. В 1940—1946 гг. — первый заместитель наркома иностранных дел, в 1946—1949 гг. — заместитель министра иностранных дел СССР по общим вопросам, в 1949—1953 гг. — министр иностранных дел СССР. В 1953—1954 гг. — первый заместитель министра иностранных дел и постоянный представитель СССР в ООН. Член ЦК ВКП(б) с 1939 г.

Галан Ярослав Александрович (лит. псевд. **Яга, Мирон Яро, Володимир Росович**) (1902—1949). Украинский писатель. Родился

в г. Дынове (ныне Польша) в семье мелкого служащего. В 1915 г. эвакуировался в Ростов-на-Дону, в 1918 г. вернулся на Западную Украину. Член Компартии Западной Украины с 1924 г. Член Компартии Польши с 1926 г. В 1928 г. окончил Краковский университет, работал в гимназии в Луцке, откуда был уволен в 1929 г. Сотрудничал в журналах «Викна» и «Нови шляхи», был членом литературной организации западно-украинских пролетарских писателей «Горно», одним из организаторов антифашистского конгресса деятелей культуры во Львове в 1936 г. В 1937 г. — сотрудник редакции варшавского «Dziennika popularnego». После освобождения Западной Украины в 1939 г. работал журналистом во Львове, заведующим литературной частью Киевского театра им. Леси Украинки. Во время Великой Отечественной войны — в редакции польского журнала «Nowe widnokręgu» в Москве, затем комментатор украинских советских прифронтовых радиостанций. После войны — корреспондент газеты «Радянська Украина», как представитель советской прессы присутствовал на Нюрнбергском процессе в 1945 г. Убит украинскими националистами подо Львовом. Лауреат Сталинской премии (1952, посмертно).

Гамов Джордж (Георгий Антонович) (1904—1968). Американский физик-теоретик, член Национальной академии наук (1953). Родился в Одессе. Окончил Ленинградский университет в 1926 г., в 1931—1933 гг. работал в Ленинградском физико-техническом институте. С 1934 г. жил в США. В 1934—1956 гг. — профессор университета Дж. Вашингтона, с 1956 г. — университета штата Колорадо.

Гамсахурдия Константин Симонович (1891—1975). Грузинский советский писатель, академик АН Грузинской ССР (1944). Родился в пос. Абаша в дворянской семье. Печататься начал с 1914 г. В 1919 г. окончил Берлинский университет. Внес значительный вклад в развитие грузинской прозы.

Гаранин Степан Николаевич (1898—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Начальник УСВИТЛ НКВД СССР. В 1940 г. Особым совещанием НКВД приговорен к восьми годам лишения свободы. В 1945 г. ОСО НКВД срок снижен. В 1945 г. решением ОСО НКВД СССР освобожден.

Гарбуз Иосиф Михайлович (р. 1923). Сотрудник советских органов госбезопасности. Участник Великой Отечественной войны.

Гарриман Уильям Аверелл (1891—1986). Американский дипломат и бизнесмен. В 1943—1946 гг. — посол в СССР, в 1946—1948 гг. — министр торговли. В 1950—1969 гг. — на различных дипломатических и административных постах.

Гвишиани Максим Максимович (?—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. С ноября 1938 г. — начальник УНКВД, с

1941 г. — начальник УНКГБ Приморского края. 24 августа 1953 г. уволен из органов МВД по служебному несоответствию. Постановлением Совмина СССР от 23 ноября 1954 г. лишен звания генерал-лейтенанта.

Гейзенберг Вернер Карл (1901—1976). Немецкий физик-теоретик, один из создателей квантовой механики. Родился в Вюрцбурге. В 1923 г. окончил Мюнхенский, в 1924 г. — Геттингенский университеты. В 1927—1941 гг. — профессор теоретической физики Лейпцигского университета, в 1941—1945 гг. — директор Института физики кайзера Вильгельма и профессор Берлинского университета. В 1946—1958 гг. — директор Физического института и профессор Геттингенского университета. С 1958 г. — директор Института физики и астрофизики и профессор Мюнхенского университета. Лауреат Нобелевской премии (1932). Почетный член многих академий наук и научных обществ.

Геринг Герман (1893—1946). Один из руководителей нацистской Германии. Приговорен на Нюрнбергском процессе к смертной казни.

Герц Густав Людвиг (1887—1975). Немецкий физик, член АН ГДР. Племянник Генриха Герца. Родился в Гамбурге. Окончил Мюнхенский и Берлинский (1911) университеты. В 1913—1920 гг. работал в Берлинском университете; в 1920—1925 гг. — в лаборатории завода Филлипса (Эйхховен), в 1928—1935 гг. — в Высшей технической школе в Берлине, в 1935—1945 гг. возглавлял научно-исследовательскую лабораторию Сименса в Берлине, в 1945—1954 гг. работал в СССР, в 1954—1962 гг. — профессор и директор Физического института Лейпцигского университета. Лауреат Нобелевской премии (1925). Член академий наук ряда стран, иностранный член АН СССР (1958). Лауреат Сталинской премии (1951), Национальной премии ГДР (1955).

Герцовский Аркадий Яковлевич (1904—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-майор (1945). Член ВКП(б) с 1939 г. В органах ВЧК с 1920 г. В 1938—1941 гг. — помощник, затем заместитель начальника 1-го спецотдела НКВД СССР. В 1941 г. — начальник 1-го спецотдела НКВД СССР. В 1941—1943 гг. — заместитель начальника 1-го спецотдела НКВД СССР. В 1943—1953 гг. — начальник отдела «А» НКГБ—МГБ СССР. В 1953 г. арестован. В 1955 г. военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к десяти годам ИТЛ.

Гиришфельд Александр Владимирович (1897—1962). Сотрудник советской военной разведки. Член РКП(б) с 1918 г. С 1918 по 1931 г. — в РККА. С 1931 по 1938 г. — на разведывательной работе за границей, в том числе в Германии. Работал под дипломатическим при-

крытием. Затем — в Институте истории, Тихоокеанском институте АН СССР. Участник Великой Отечественной войны. После войны — профессор МГУ. Награжден почетным оружием, медалями.

Гоглидзе Сергей Арсеньевич (1901—1953). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-полковник (1945). Член партии большевиков с 1919 г. В органах ВЧК с 1921 г. В 1934—1937 гг. — нарком внутренних дел ЗСФСР и Грузинской ССР. С ноября 1937 по ноябрь 1938 г. — нарком внутренних дел Грузинской ССР. С ноября 1938 г. — начальник УНКВД по Ленинградской области. В апреле—июле 1941 г. — уполномоченный ЦК ВКП(б) и СНК СССР в Молдавии. С июля 1941 г. — начальник УНКВД по Хабаровскому краю и уполномоченный НКВД СССР по Хабаровскому и Приморскому краям, Читинской области и Бурят-Монгольской АССР. С мая 1943 г. — начальник УНКГБ по Хабаровскому краю и уполномоченный НКГБ СССР по Дальнему Востоку. С апреля 1946 г. — начальник УМГБ по Хабаровскому краю, одновременно с марта 1948 г. — уполномоченный МГБ СССР по Хабаровскому и Приморскому краям, Сахалинской и Читинской областям и Бурят-Монгольской АССР. С января 1951 г. — начальник Главного управления охраны МГБ СССР на железнодорожном и водном транспорте. С августа 1951 г. — первый заместитель министра государственной безопасности СССР. С ноября 1951 г. — министр государственной безопасности Узбекской ССР. С февраля 1952 г. — заместитель министра государственной безопасности СССР, он же начальник Третьего главного управления МГБ СССР. С марта 1953 г. — начальник Третьего управления МВД СССР. 23 декабря 1953 г. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания вместе с Л. П. Берия.

Голиков Филипп Иванович (1900—1980). Советский военачальник. Маршал Советского Союза (1961). Родился в с. Борисове Кайтагского района Курганской области в крестьянской семье. Член РКП(б) с 1918 г. В том же году вступил в РККА. Участник Гражданской войны. После ее окончания до 1931 г. — на партийно-политической работе, затем командир стрелкового полка, дивизии, механизированной бригады, механизированного корпуса, член Военного совета военного округа. В 1933 г. закончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. С ноября 1938 г. — командующий Винницкой армейской группой, с сентября 1939 г. — 6-й армией. Принимал участие в освобождении Западной Украины. В 1940—1941 гг. — заместитель начальника Генерального штаба и начальник Главного разведуправления Наркомата обороны, генерал-майор. Глава советской военной миссии в Англии и США. Во время Великой Отечественной войны — командующий 10-й и 4-й ударной армиями, Брянским и

Воронежским фронтами, 1-й гвардейской армией. С апреля 1943 г. — заместитель наркома обороны по кадрам, с мая 1943 г. — начальник Главного управления кадров ВС СССР. С 1950 г. — командующий объединением, затем начальник Военной академии бронетанковых войск, начальник ГлавПУ Советской Армии и ВМФ. С 1962 г. — в Группе генеральных инспекторов МО СССР. Член ЦК КПСС в 1941—1952 и в 1961—1966 гг.

Гопкинс Гарри Ллойд (1890—1946). Американский государственный деятель. Советник и специальный помощник президента США Ф. Рузвельта во время второй мировой войны. В 1938—1940 гг. — министр торговли.

Горкин Александр Федорович (1897—1988). Советский государственный деятель. С 1937 г. — секретарь ЦИК СССР, с 1938 г. — секретарь Президиума ВС СССР. В 1957—1972 гг. — председатель Верховного суда СССР. С 1972 г. — советник Президиума ВС СССР. Герой Социалистического Труда (1967).

Горлинский Николай Дмитриевич (1907—1965). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-лейтенант (1945). С декабря 1938 г. — заместитель наркома внутренних дел УССР. С февраля 1941 г. — заместитель начальника Третьего управления НКГБ СССР, в 1941—1943 гг. — начальник Третьего управления НКВД СССР, с мая 1943 г. — начальник УНКГБ по Краснодарскому краю. С сентября 1945 г. — уполномоченный НКВД—НКГБ по Эстонской ССР. В 1949 г. — министр государственной безопасности Литовской ССР, в 1949—1951 гг. — начальник Управления МГБ по Ленинградской области. В 1951 г. отстранен от должности и уволен в запас. В марте—июне 1953 г. — начальник Пятого управления МВД СССР. После ареста Л. П. Берия уволен из органов и в 1954 г. лишен воинского звания.

Горожанин (Кудельский) Валерий Михайлович (1889—1938). Сотрудник советских органов госбезопасности. Старший майор госбезопасности (29 ноября 1935 г.). Уроженец г. Аккерман Бессарабской губернии, еврей, из семьи страхового агента. Учился на юридическом факультете Новороссийского университета (Одесса, 1909—1912). Член партии эсеров в 1907—1914 гг., боротьбист в 1917—1919 гг., член РКП(б) с 1919 г. В 1912 г. был арестован и после шести месяцев заключения сослан на два года в Вологодскую губернию. В 1914—1915 гг. — вольноопределяющийся. С января 1918 г. — в Красной гвардии, одновременно сотрудник (под псевд. Горожанин) газеты «Голос революции» в Одессе. В период деникинской оккупации находился в Одессе, был арестован и приговорен к расстрелу, освобожден Красной Армией. В органах ВЧК с 1919 г. С мая 1919 г. — следователь по особо важным делам президиума Одесской губчека.

В 1920 г. — уполномоченный по борьбе с контрреволюцией Николаевской губчека. В 1920 — феврале 1921 г. — начальник СОЧ и член коллегии Николаевской губчека. С 1921 по 13 января 1923 г. — начальник СО ВУЧК—ГПУ УССР. С 22 февраля 1923 г. — начальник СОЧ Киевского губотдела ГПУ и ПП ГПУ по Правобережной Украине. С 13 июня 1923 г. — начальник СОЧ и помощник начальника Киевского окротдела ГПУ. С 23 октября 1923 г. — врид начальника Киевского окротдела ГПУ на время отпуска т. Иванова. С 4 декабря 1923 г. — помощник начальника, с 14 января 1924 г. — заместитель начальника Киевского окротдела ГПУ. 7 марта 1924 г. откомандирован в распоряжение ГПУ УССР. С 7 мая 1924 по май 1930 г. — начальник СОСПО ГПУ УССР. В мае 1930 г. откомандирован в ОГПУ СССР. С 7 мая 1930 г. — заместитель начальника СОСПО ОГПУ СССР. С 14 марта 1931 г. — начальник 1-го отделения СОСПО ОГПУ СССР. С 23 августа 1931 г. одновременно помощник начальника СПО. С 3 декабря 1931 г. — заместитель начальника СПО ОГПУ СССР. С 5 июля 1933 г. — помощник начальника, с 21 мая 1935 г. — второй заместитель начальника ИНО ОГПУ—НКВД СССР. С 15 февраля 1937 г. — начальник, с 27 мая — заместитель начальника Особого бюро НКВД СССР. 19 августа 1937 г. арестован. 29 августа 1938 г. военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу. Был награжден орденом Красного Знамени (28 декабря 1927 г.) и знаком ВЧК—ОГПУ (13 ноября 1924 г.).

Горская (в девичестве — Розенцвейг, по мужу — Зарубина) Елизавета Юльевна (1900—1987). Советская разведчица. Дочь управляющего лесхоза в имении помещика. Закончила гимназию в Черновцах, училась на историко-филологических факультетах Черновицкого, Парижского и Венского университетов. В 1923 г. вступила в Компартию Австрии. В 1924—1925 гг. работала в полпредстве и торгпредстве в Вене. В 1925—1928 гг. была привлечена к работе в венской резидентуре ИНО ОГПУ. Для выполнения специальных заданий из Вены выезжала в Турцию. С конца 1920-х гг. вместе с мужем (В. М. Зарубиным) в течение девяти лет находилась на нелегальной разведывательной работе в Дании, Германии и Франции. В 1941—1944 гг. — в легальной резидентуре в США. По возвращении в Москву в 1944—1946 гг. работала в центральном аппарате внешней разведки. В сентябре 1946 г. уволена в запас.

Горский Анатолий Вениаминович (1907—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Родился в дер. Меньшиково Канского района Красноярского края. В органах госбезопасности с 1928 г. Работал в Особом отделе ЭКУ ОГПУ. В 1936 г. переведен во внешнюю разведку. Помощник резидента, с 1940 г. — резидент в Лондоне. В январе 1944 г. вернулся в СССР. С середины 1944 г. — рези-

дент в Вашингтоне. С 1947 по 1952 г. — на руководящей работе в центральном аппарате разведки. С 1953 г. — на руководящей работе во Втором главном управлении МГБ СССР.

Горшков Николай Михайлович (1912—1994). Сотрудник советских органов госбезопасности. Полковник. Родился в с. Воскресенское Горьковской области в крестьянской семье. С 1930 г. — рабочий радиотелефонного завода в Горьком. В 1932—1938 гг. — на учебе в Казанском авиационном институте, по окончании которого направлен в Центральную школу НКВД, а оттуда — в Школу особого назначения. После окончания ШОН в 1939 г. направлен в Италию. С 1941 г. — в центральном аппарате разведки. В 1943—1944 гг. — резидент внешней разведки в Алжире, в 1944—1950 гг. — в Италии. В 1950—1954 гг. — в центральном аппарате: начальник отдела, затем заместитель начальника Управления нелегальной разведки. В 1954—1955 гг. — резидент в Швейцарии. Позднее работал в центральном аппарате, преподавал в Краснознаменном институте внешней разведки.

Готвальд Клемент (1896—1953). Деятель чехословацкого и международного коммунистического движения. В 1935—1943 гг. — секретарь ИККИ. Лидер чехословацких коммунистов, глава ЧССР (1948—1953).

Граур Андрей Григорьевич (1905—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Родился в с. Арнаутовка Вознесенского района Одесской области, в семье крестьянина. Украинец. Член ВЛКСМ с 1924 по 1930 г. Кандидат в члены ВКП(б) с июля 1925 г., член ВКП(б) с мая 1928 г. Окончил четыре класса сельской школы в с. Арнаутовка. С апреля 1913 по ноябрь 1920 г. — батрак у кулака Ильи Богданова. С ноября 1920 по декабрь 1922 г. — продармеец Вознесенского продотряда. С декабря 1922 по сентябрь 1923 г. — молотобоец у кузнеца Щербины в с. Арнаутовка. С сентября 1923 по август 1925 г. — председатель сельсовета в с. Арнаутовка. С августа 1925 по октябрь 1928 г. — студент рабфака при Московском институте инженеров транспорта, с октября 1928 по сентябрь 1930 г. — студент МВТУ, с сентября 1930 по декабрь 1931 г. — студент Автомеханического института им. Ломоносова. С декабря 1931 по август 1934 г. — мастер цеха автозавода им. Сталина. С августа 1934 по ноябрь 1935 г. — курсант артдивизиона прожекторного полка № 1. С ноября 1935 по июнь 1936 г. — начальник цеха автобазы треста хлебопечения Наркомпищепрома. С сентября 1936 по февраль 1938 г. — студент Института востоковедения. С февраля 1938 г. — сотрудник НКВД СССР. С августа 1938 по апрель 1939 г. — в заграничной командировке в США. С апреля 1940 по июнь 1943 г. — в Англии и Швеции. С августа 1951 по март 1953 г. — в Германии и Австрии. В марте—апреле 1953 г. —

заместитель начальника отдела МГБ СССР. С апреля 1953 г. — на пенсии.

Графпен Григорий Борисович (1891—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Родился в Одессе. Еврей. В июне—октябре 1908 г. — меньшевик. Член РКП(б) с ноября 1919 г. Окончил шестиклассное городское училище в 1906 г. и три курса технического училища в 1909 г. в Одессе. В 1910—1913 гг. — печатник типолитографии братьев Кульберг в Одессе. С 1913 по ноябрь 1917 г. — солдат, затем младший унтер-офицер 131-го пехотного Тираспольского полка. В ноябре 1917 — мае 1918 г. — командир роты связи Интернационального полка. С мая 1918 по июль 1919 г. — командир батальона связи 57-й стрелковой дивизии. С августа 1919 по август 1920 г. — военный комендант Ромны, Прилуки, Сумы, Конотопа. С августа 1920 по апрель 1921 г. — военный комендант Киева и Чернигова. С апреля 1921 по сентябрь 1922 г. — секретарь заместителя начальника управления снабжения РККА. С сентября 1922 по ноябрь 1924 г. — заместитель начальника общего отдела Бюджетного управления Наркомфина СССР. С ноября 1924 по сентябрь 1926 г. — секретарь первого заместителя наркома РКИ и ЦКК ВКП(б). С сентября 1926 по апрель 1927 г. — заместитель управляющего Главного секретариата Наркомата внешней и внутренней торговли СССР. С апреля 1927 по сентябрь 1931 г. — управляющий делами и директор импортного управления Амторга в Нью-Йорке. С сентября 1931 по декабрь 1938 г. — сотрудник ОГПУ—НКВД. С декабря 1938 по декабрь 1943 г. находился под следствием. С декабря 1943 по октябрь 1956 г. — на хозяйственной работе, затем на пенсии в Ленинграде. Реабилитирован военной коллегией Верховного суда СССР 22 сентября 1956 г.

Гречко Андрей Антонович (1903—1976). Советский военачальник. Маршал Советского Союза (1955). Член ВКП(б) с 1928 г. С 1967 г. — министр обороны СССР. Дважды Герой Советского Союза (1958, 1973).

Григулевич Иосиф Ромуальдович (р. 1913). Советский ученый и разведчик. Родился в г. Вильнюсе в семье служащего. С 1937 г. — на нелегальной работе по линии НКВД в Латинской Америке и Европе. В 1957—1960 гг. — заместитель заведующего отделом в Госкомитете по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР. С 1960 г. — старший научный сотрудник, с 1970 г. — заведующий сектором Института этнографии АН СССР.

Гриднев Вячеслав Васильевич (1898—1991). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-майор (1945). Член РКП(б) с 1918 г. В 1917 г. — рядовой 5-й роты отдельного электротехнического батальона. В 1919—1920 гг. — красноармеец связи на бронепоезде. С сентября 1921 г. — сотрудник МЧК. В 1923—1924 гг. —

слушатель Высшей пограншколы. В 1924—1931 гг. — комендант погранучастка, начальник погранотряда на советско-иранской границе. В 1931—1932 гг. — на курсах усовершенствования Высшей школы ОГПУ. В 1932—1936 гг. — инструктор погранохраны Монголии. В 1936—1939 гг. — начальник погранотряда на советско-иранской границе. С августа 1939 г. — начальник отделения Главного управления погранвойск НКВД СССР. После освобождения Западной Белоруссии — начальник оперативной группы НКВД БССР, затем начальник Волковысского горотдела НКВД. В 1941—1942 гг. — командир 1-го полка ОМСБОНа. В 1942—1943 гг. — командир ОМСБОНа. С ноября 1943 по январь 1949 г. — советник министра госбезопасности МНР. Участник войны с Японией. С 1949 г. — начальник отдела Комитета информации при Совете Министров СССР. В 1950—1960 гг. — начальник Высшей школы МГБ (КГБ). С 1960 г. — в отставке.

Гринченко Симона Исааковна (1918—1964). Сотрудница советских органов госбезопасности. Участница гражданской войны в Испании. В Великую Отечественную войну — радистка отряда особого назначения. После окончания войны — на разведывательной работе в Первом главном управлении КГБ.

Гувер Герберт Кларк (1874—1964). Американский государственный деятель. С 1919 г. возглавлял Американскую администрацию помощи (АРА). В 1921—1928 гг. — министр торговли. В 1929—1933 гг. — президент США.

Гудимович Петр Ильич (Иван) (1902—1993). Советский разведчик. Сотрудник ИНО НКВД с 1933 г. Резидент нелегальной разведки НКВД—НКГБ в Варшаве в октябре 1940 — июне 1941 г. Официально занимал пост управляющего имуществом СССР в Варшаве. Связь с Центром поддерживал через легальную резидентуру НКГБ в Берлине.

Гузенко Игорь Сергеевич (1919—1985). Сотрудник советских органов госбезопасности, перебежчик. Образование незаконченное высшее. Участник Великой Отечественной войны. Лейтенант Красной Армии. С августа 1943 г. в Канаде. Сотрудник советской военной разведки. Шифровальщик. 6 сентября 1945 г. вместе со своей женой стал невозвращенцем. Передал американцам секретные документы.

Гутцайт Петр Давидович (1901—1939). Сотрудник советских органов госбезопасности. Майор ГБ. Родился в с. Бородаевка Днепропетровской области в семье мелкого торговца. В 1934—1938 гг. — первый легальный резидент внешней разведки в США, затем начальник отделения НТР ИНО ГУГБ НКВД СССР. Арестован в октябре 1938 г., расстрелян 21 февраля 1939 г.

Дагин Израиль Яковлевич (1896—1940). Сотрудник советских органов госбезопасности. Комиссар госбезопасности 3-го ранга (1935). Член партии большевиков с 1919 г. В ВЧК с 1918 г. С июля 1934 г. — начальник УНКВД по Северо-Кавказскому краю, с апреля 1937 г. — начальник УНКВД по Горьковской области, с июня 1937 г. — начальник 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР, с марта 1938 г. — начальник 1-го отдела Первого управления НКВД СССР, в сентябре—ноябре 1938 г. — начальник 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Репрессирован.

Дейч Арнольд Генрихович (Стефан Ланг) (1904—1942). Советский разведчик. Родился в Вене в семье мелкого коммерсанта. В 1923 г. окончил гимназию. Член Компартии Австрии с 1924 г. В 1928 г. окончил Венский университет с дипломом доктора философии. С 1928 г. в подпольной организации Коминтерна. Выезжал в качестве курьера и связника в Румынию, Грецию, Сирию, Палестину. С 1932 г. — член ВКП(б), в ИНО НКВД. С начала 1933 г. — на нелегальной работе во Франции, помощник, затем заместитель резидента. В 1934—1937 гг. — в Лондоне. Завербовал «кембриджскую пятерку» (Филби, Маклейн, Берджес). С сентября 1937 г. — в Москве. С 1938 г. — гражданин СССР. Сотрудник Института мирового хозяйства и мировой экономики АН СССР. В начале Великой Отечественной войны был направлен нелегальным резидентом в Аргентину, но 7 ноября 1942 г. погиб на транспорте «Донбасс», потопленном немецким крейсером.

Деканозов Владимир Георгиевич (1898—1953). Сотрудник советских органов госбезопасности, партийный и государственный деятель. Член партии большевиков с 1920 г., с 1939 г. — кандидат в члены ЦК. В 1932—1934 гг. — секретарь ЦК КП(б) Грузии по транспорту и снабжению, в 1934—1936 гг. — заведующий совторготделом ЦК КП(б) Грузии, в 1937 и 1938 гг. — заместитель председателя СНК, нарком пищевой промышленности Грузинской ССР. В 1938—1939 гг. — начальник Иностранного отдела, заместитель начальника ГУГБ НКВД СССР. С ноября 1940 по июнь 1941 г. — полпред СССР в Германии. 23 декабря 1953 г. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания вместе с Л. П. Берия.

Димитров Георгий (Георги) Михайлович (1882—1949). Деятель болгарского и международного коммунистического движения. Родился в рабочей семье вблизи г. Радомира. С 1902 г. — член Болгарской социал-демократической рабочей партии. После раскола партии примыкал к фракции «тесняков». С 1909 г. — член ЦК партии «тесных» социалистов. В 1913 г. избран депутатом болгарского парламента. В начале 1918 г. арестован, в декабре был освобожден.

Один из руководителей вооруженного восстания в Болгарии в сентябре 1923 г. После неудачи восстания эмигрировал. Работал в Коминтерне. В 1933 г. был арестован в Берлине и обвинен в организации поджога рейхстага. После Лейпцигского процесса освобожден и в феврале 1934 г. прибыл в Москву. В 1935—1943 гг. — генеральный секретарь ИККИ. В 1937—1945 гг. — депутат ВС СССР. В ноябре 1945 г. возвратился на родину. С ноября 1946 г. — Председатель Совета Министров Народной Республики Болгарии. Генеральный секретарь БКП с декабря 1948 г.

Дроздов Виктор Александрович (1902—?). Сотрудник советских органов внутренних дел. Уроженец Одессы. В органах ВЧК с 1921 г. Член ВКП(б) с 1927 г. С 19 марта 1938 г. — помощник начальника Управления НКВД по милиции и начальник Управления рабоче-крестьянской милиции Сталинградской области. С 11 апреля 1941 г. — начальник Управления милиции НКВД Москвы. С 7 октября 1941 г. — заместитель начальника 1-го отдела Первого управления НКВД СССР, с 1 июня 1942 г. — начальник 3-го отдела Четвертого управления НКВД СССР. 24 апреля 1943 г. назначен начальником отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом. Со 2 сентября 1943 г. — нарком внутренних дел Чечено-Ингушской АССР. С 14 апреля 1944 по 22 мая 1945 г. — начальник Управления НКВД по Грозненской области. С 9 августа 1945 г. — начальник отдела военнопленных Оперативного управления ГУПВИ НКВД СССР. 7 октября 1953 г. уволен из органов НКВД СССР.

Ежов Николай Иванович (1895—1940). Советский партийный и государственный деятель. Большевик с 1917 г. Участник Гражданской войны. В РККА в 1919—1921 гг. С 1922 г. на партийной работе: ответственный секретарь Марийского, Семипалатинского губкомов, Казахского крайкома ВКП(б). В 1927—1929 гг. — заместитель заведующего отделом ЦК ВКП(б). Заместитель наркома земледелия СССР (1929—1930), инструктор, помощник заместителя заведующего Распределотделом, Отделом кадров и Промышленным отделом ЦК ВКП(б) (1930—1934), секретарь ЦК ВКП(б) (1935—1938), заместитель председателя (1934) и председатель (1935—1936) Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Член ЦК в 1934—1939 гг., член КПК в 1934—1939 гг., кандидат в члены Политбюро в 1937—1939 гг. Нарком внутренних дел СССР (сентябрь 1936 — декабрь 1938 г.), генеральный комиссар государственной безопасности (1937). Нарком водного транспорта СССР (апрель 1938 — апрель 1939 г.). Член ВЦИК и ЦИК СССР. Награжден орденом Ленина (1937). Расстрелян 4 февраля 1940 г.

Епишев Алексей Алексеевич (1908—1985). Советский партийный деятель. Генерал армии. Член ВКП(б) с 1929 г. В 1938 г.

окончил Военную академию механизации и моторизации РККА. В 1940—1943 гг. — первый секретарь Харьковского обкома и горкома КП(б) Украины, уполномоченный Военного совета Сталинградского фронта, в аппарате ЦК ВКП(б), заместитель наркома среднего машиностроения СССР. В 1943—1946 гг. — член Военных советов ряда армий. В 1946—1949 гг. — секретарь ЦК КП(б) Украины, в 1950—1951 гг. — первый секретарь Одесского обкома и горкома КП(б) Украины. В 1951—1953 гг. — заместитель министра госбезопасности СССР. В 1953—1955 гг. — первый секретарь Одесского обкома. В 1955—1961 гг. — Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Румынии, в 1961—1962 гг. — в Югославии. С мая 1962 г. — начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. Кандидат в члены ЦК КПСС с 1952 по 1964 г. Член ЦК КПСС с 1964 г. Герой Советского Союза (1978).

Жданов Андрей Александрович (1896—1948). Советский государственный и партийный деятель. Член партии большевиков с 1915 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1927 г., член ЦК с 1930 г., кандидат в члены Политбюро с 1935 г., член Политбюро с 1939 г. Участник Октябрьской революции и Гражданской войны. В 1924—1934 гг. — первый секретарь Нижегородского губкома и Горьковского крайкома партии. С 1934 г. — секретарь ЦК ВКП(б), заведующий Сельскохозяйственным, Планово-финансово-торговым отделами, с ноября 1938 г. — Отделом агитации и пропаганды ЦК, одновременно в 1934—1944 гг. — первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). Член ВЦИК, ЦИК СССР. В 1946—1947 гг. — Председатель Совета Союза ВС СССР.

Жолио-Кюри Фредерик (1900—1958). Французский физик, член Парижской АН (1943). Родился в Париже. В 1923 г. окончил Школу физики и химии (Париж). В 1925—1930 гг. работал в Институте радия и одновременно преподавал в различных учебных заведениях Парижа. В 1930 г. защитил докторскую диссертацию и стал научным сотрудником Национального фонда наук, с 1932 г. также преподавал в Сорбонне. С 1937 г. — профессор Коллеж де Франс и одновременно руководитель Лаборатории атомного синтеза в Национальном центре научных исследований (в 1944—1945 гг. — директор). В 1946—1950 гг. — верховный комиссар организованного по его инициативе Комиссариата по атомной энергии. С 1956 г. — профессор Парижского университета, руководитель Лаборатории Кюри в Институте радия и директор Института ядерной физики в Орсе. С 1950 г. — председатель Всемирного Совета Мира, в 1950 г. выступил инициатором Стокгольмского воззвания. Лауреат Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1951). С 1947 г. президент

общества «Франция—СССР», один из основателей и президент (с 1946 г.) Всемирной федерации научных работников. Президент Французского физико-химического общества (1936—1938). Член многих академий наук и научных обществ, в том числе иностранный член АН СССР (1947).

Жуков Георгий Константинович (1896—1974). Советский военачальник. Маршал Советского Союза (1943). Член партии большевиков с 1919 г. В 1939 г. командовал советскими войсками в боях на реке Халхин-Гол. В январе—июле 1941 г. — начальник Генштаба. В Великую Отечественную войну в 1941—1942 гг. — командующий войсками Резервного, Ленинградского и Западного фронтов. С августа 1942 г. — первый заместитель наркома обороны и заместитель Верховного Главнокомандующего. В 1944—1945 гг. — командующий войсками 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов. В 1953—1955 гг. — заместитель министра, в 1955—1957 гг. — министр обороны СССР.

Жуковский Семен Борисович (1896—1940). Сотрудник советских органов госбезопасности. Член партии большевиков с 1917 г. В 1934—1936 гг. — член КПК. В 1931 г. — член коллегии Наркомвнешторга, заместитель торгпреда СССР в Германии. В 1933 г. — заместитель начальника Импортного управления Наркомвнешторга. С 16 октября 1936 г. — начальник Административно-хозяйственного управления НКВД СССР, в 1937 г. — заместитель начальника 3-го отдела ГУГБ НКВД. С 27 июля 1937 по 13 января 1938 г. — начальник 12-го отдела ГУГБ НКВД. С 8 января по 3 октября 1938 г. — заместитель наркома внутренних дел СССР. Затем начальник Риддерского полиметаллического комбината. 24 января 1940 г. расстрелян.

Журавлев Виктор Павлович (1902—1946). Сотрудник советских органов госбезопасности. Член РКП(б) с 1920 г. С 1921 г. — в органах ОГПУ. С июля 1934 по 1937 г. — начальник СПО УГБ Томского горотдела НКВД. В 1937 г. — заместитель начальника СПО УГБ НКВД по Красноярскому краю. С октября 1937 г. — начальник УНКВД по Куйбышевской области, с февраля 1938 г. — по Ивановской области, с декабря 1938 г. — по Московской области. С июня 1939 г. — начальник Карагандинского ИТЛ НКВД. С марта по июль 1944 г. — в распоряжении отдела кадров НКВД СССР. С июля 1944 по декабрь 1946 г. — на работе в Дальстрое НКВД. Умер.

Журавлев М. И. (1911—1976). Сотрудник советских органов госбезопасности. В 1941—1948 гг. — начальник управления НКВД по Москве и Московской области.

Журавлев Павел Матвеевич (1898—1956). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-майор (1945). Начальник отделения ИНО НКВД (1939—1941), начальник отдела Первого управления

НКГБ (1941—1942), резидент зарубежной разведки НКВД в Тегеране (1943—1945).

Журбенко Александр Спиридонович (1903—1940). Сотрудник советских органов госбезопасности. Майор ГБ (1937). С 1920 г. в ВЧК. Член ВКП(б) с 1928 г. С марта 1935 г. — помощник начальника СПО УГБ НКВД по Московской области. С ноября 1936 г. — начальник 6-го отделения СПО ГУГБ НКВД СССР. С апреля 1937 г. — начальник 9-го отделения 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С мая 1938 г. — начальник 4-го отдела Первого управления НКВД СССР. С сентября по ноябрь 1938 г. — начальник УНКВД по Московской области. Репрессирован. Приговорен к высшей мере наказания.

Завенягин Авраамий Павлович (1901—1956). Советский государственный деятель. Член партии большевиков с 1917 г., в 1934—1939, 1952—1956 гг. — кандидат в члены ЦК. В 1933—1937 гг. — директор Магнитогорского металлургического комбината. В 1937 г. — марте 1938 г. — заместитель наркома тяжелой промышленности, в 1938—1941 гг. — начальник строительства, затем директор Норильского горнометаллургического комбината. В 1941—1950 гг. — заместитель наркома внутренних дел, затем министра внутренних дел СССР. В 1945—1953 гг. — заместитель начальника Первого главного управления при СНК — Совмине СССР.

Закровский (Штубис) Леонид Михайлович (Генрих Эрнестович) (1894—1938). Сотрудник советских органов госбезопасности. Комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935). Большевик с 1913 г. Уроженец Латвии. Участник Октябрьской революции в Петрограде. В ВЧК с декабря 1917 г. Участник Гражданской войны. С 1921 г. председатель Подольской ЧК. Начальник Одесского ОГПУ (1923—1925), полпред ОГПУ по Сибирскому краю (1926—1932), Белоруссии (1932—1934), начальник УНКВД по Ленинграду и области (декабрь 1934 — январь 1938 г.), с января 1938 г. — заместитель наркома внутренних дел СССР и начальник УНКВД по Московской области. С апреля 1938 г. — начальник строительства Куйбышевского гидроузла НКВД СССР. Награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды. Репрессирован.

Зарубин Василий Михайлович (1894—1972). Советский разведчик. Генерал-майор. Член РКП(б) с 1918 г. Активный участник Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. С 1921 г. в органах ВЧК. Начальник Экономического отдела, ОГПУ во Владивостоке. С 1925 г. сотрудник ИНО. Во второй половине 20-х — 30-е гг. (около 13 лет) на нелегальной работе в Германии и во Франции. Добился выдающихся результатов в проникновении в правящие круги этих стран. В предвоенные годы на руководящей работе в Цент-

ре. В годы Великой Отечественной войны резидент советской разведки в США.

Зельдович Яков Борисович (1914—1987). Советский физик, академик (1958; член-корреспондент с 1946 г.). Родился в Минске. В 1931 г. начал работать в Институте химической физики АН СССР. С 1946 г. работает в Институте прикладной математики АН СССР, с 1966 г. — также профессор Московского университета. Создал школу релятивистской астрофизики. Трижды Герой Социалистического Труда (1949, 1953, 1956), лауреат Ленинской (1957) и четырех Сталинских премий (1943, 1949, 1951, 1953). Награжден золотой медалью И. В. Курчатова (1977). Член ряда зарубежных академий наук.

Золотарь Иван Федорович (1905—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Русский. С 1920 г. в РККА. С 1922 г. — в ОГПУ Кубани. Член ВКП(б) с 1927 г. С 1932 г. — оперуполномоченный ЭКО Брянского оперсектора. С 1933 г. — начальник Славгородского, с 1934 г. — Каменского райотделов ОГПУ. С ноября 1936 г. — начальник Ленинск-Кузнецкого горотдела НКВД, старший лейтенант ГБ. Арестован 15 февраля 1938 г. «за дискредитацию органов и нарушение революционной законности», осужден военным трибуналом погранвойск НКВД ЗСО 13 октября 1938 г. на пять лет ИТЛ. Освобожден 13 января 1942 г. по особому ходатайству НКВД СССР со снятием судимости. С февраля 1942 г. на спецработе в тылу врага, награжден 20 сентября 1943 г. орденом Ленина и 29 октября 1943 г. — медалью «За отвагу». 1 декабря 1943 г., будучи начальником опергруппы, в распоряжении 2-го отдела Четвертого управления НКГБ, КПК восстановлен в ВКП(б) со стажем с 1927 г.

Зорин Валериан Александрович (1902—1986). Советский дипломат. Родился в Новочеркасске Ростовской области в семье учителя. С 1920 г. работал в газете в Кременчуге. В 1922—1935 гг. — на руководящей работе в МГК и ЦК ВЛКСМ. В 1935 г. окончил Высший коммунистический институт просвещения. В 1935—1938 гг. — на партийной работе. В 1939—1941 гг. — заместитель директора Московского городского пединститута. С 1941 г. — на работе в НКВД. В 1941—1942 гг. — помощник Генерального секретаря НКВД СССР, в 1942 г. — помощник заведующего IV Европейским отделом НКВД, в 1943 г. — помощник заместителя наркома иностранных дел СССР. В 1943—1945 гг. — заведующий IV Европейским отделом НКВД СССР. В 1945—1947 гг. — посол СССР в ЧСР. В 1947—1955 гг. — заместитель министра иностранных дел СССР, одновременно в 1952—1953 гг. — постоянный представитель СССР в Совете Безопасности ООН. В 1955—1956 гг. — посол СССР в ФРГ. В 1956—1965 гг. — заместитель министра иностранных дел СССР. С 1965 г. — посол

СССР во Франции. С 1971 г. — посол по особым поручениям при МИДе СССР.

Зубов Петр Яковлевич (псевдоним Гришин, Привалов) (1898—?). Советский разведчик. Родился в Тифлисе в рабочей семье. Работал на железной дороге. Член РКП(б) с 1918 г. Состоял в боевой дружине большевиков. В 1920 г. арестован правительством Грузии и выслан в Россию. Работал в ЧК Терской области, в 1921—1927 гг. — в ГрузЧК ОГПУ, заместитель начальника Секретного отдела. В 1928 г. направлен в резидентуру внешней разведки в Стамбуле, работал под фамилией Гришин. В 1930—1931 гг. вновь работал в Закавказском ГПУ. В 1931—1933 гг. — сотрудник парижской резидентуры ИНО ОГПУ. В 1933—1937 гг. — в центральном аппарате разведки. С апреля 1937 по 1939 г. под фамилией Привалов — резидент внешней разведки в Праге. Во время Великой Отечественной войны руководил подготовкой и заброской в тыл врага специальных разведывательных групп. В 1946 г. уволен в запас.

Игнатов Николай Григорьевич (1901—1966). Советский партийный и государственный деятель. Член РКП(б) с 1924 г. В 1938—1941 гг. — первый секретарь Куйбышевского обкома. В 1952—1953, 1957—1960 гг. — секретарь ЦК КПСС. С 1960 г. — заместитель Председателя Совета Министров СССР. С 1962 г. — Председатель Президиума ВС РСФСР, с 1963 г. — заместитель Председателя Президиума ВС СССР.

Иден Антони (1897—1977). Британский государственный деятель и дипломат. Консерватор. В 1935—1938, 1940—1945 и 1951—1955 гг. — министр иностранных дел. В 1939—1940 гг. — министр по делам колоний. В 1955—1957 гг. — премьер-министр.

Израилович Абрам Павлович (1901—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Сын скупщика хлеба. В 1915 г. эвакуировался с семьей сначала в Витебск, затем в Саратов. Член партии большевиков с 1919 г. В том же году поступил в отряд ЧОНа. Затем служил в политотделе Саратовского губвоенкомата. С 1920 г. — в органах ВЧК.

Ильичев Иван Иванович (1905—1983). Один из руководителей советской военной разведки, дипломат. Родился в дер. Наволоки под Калугой. В мае 1938 г. окончил Военно-политическую академию им. Ленина и назначен начальником политотдела Разведупра РККА. Бригадный комиссар. В 1942—1945 гг. — начальник ГРУ Наркомата обороны. Генерал-лейтенант. С 1948 г. — на дипломатической работе. В 1949—1952 гг. — заместитель политического советника Советской контрольной комиссии в Германии. В 1952—1953 гг. возглавлял дипломатическую миссию СССР в ГДР. В 1953—

1956 г. — верховный комиссар, затем посол СССР в Австрии. В 1956—1966 гг. — заведующий III Европейским отделом МИДа СССР. В 1966—1968 гг. — посол СССР в Дании. Затем на ответственной работе в центральном аппарате МИДа СССР.

Иоффе Абрам Федорович (1880—1960). Советский физик, академик (1920, член-корреспондент с 1918 г.), вице-президент АН СССР (1926—1929, 1942—1945). Родился в г. Ромны. Окончил Петербургский технологический институт (1902). В 1903—1906 гг. — практикант, ассистент в лаборатории В. Рентгена в Мюнхенском университете. В 1906 г. начал работать в Петербургском политехническом институте. В 1913—1948 гг. — профессор и в 1919—1948 гг. декан (с перерывами) физико-механического факультета института. Ленинская премия (1961, посмертно). Герой Социалистического Труда (1955). Сталинская премия (1942). Член многих академий наук и научных обществ. В 1924—1930 гг. — главный редактор «Журнала прикладной физики», в 1931—1938 гг. — «Журнала экспериментальной и теоретической физики», 1931—1959 гг. — «Журнала технической физики».

Каганович Лазарь Моисеевич (1893—1991). Советский партийный, государственный деятель. Член партии большевиков с 1911 г. В 1917 г. — член Саратовского комитета партии большевиков. В 1918 г. — комиссар Всероссийской коллегии по организации Красной Армии. В 1918—1919 гг. — председатель Нижегородского губкома партии и губисполкома. В 1919 г. — председатель Воронежского губревкома, а затем губисполкома. С 1920 г. — член Туркестанского бюро ЦК РКП(б), нарком РКИ Туркестанской советской республики. С 1922 г. — заведующий отделом ЦК РКП(б). В 1924—1925 и 1928—1939 гг. — секретарь ЦК РКП(б) (ВКП(б)). В 1925—1928 гг. генеральный секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1930—1935 гг. — первый секретарь МК партии, одновременно в 1931—1934 гг. — первый секретарь МГК партии. В 1926—1930 гг. — кандидат в члены, в 1930—1957 гг. — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) (КПСС). В 1934—1935 гг. — председатель КПК при ЦК ВКП(б) и заведующий отделом ЦК ВКП(б). В 1935—1937, 1938—1942, 1943—1944 гг. — нарком путей сообщения СССР. В 1937—1939 гг. — нарком тяжелой промышленности СССР, в 1939 г. — топливной промышленности СССР, в 1939—1940 гг. — нефтяной промышленности СССР, одновременно по 1947 г. — заместитель Председателя СНК (Совета Министров) СССР. Член ВЦИК, ЦИК СССР. В 1953—1957 гг. — первый заместитель Председателя Совмина СССР. На июньском Пленуме ЦК (1957 г.) выведен из состава Президиума ЦК и из состава ЦК за «несовместимую с ленинскими принципами пар-

тии фракционную деятельность». В 1961 г. исключен из КПСС «за антипартийную деятельность».

Какучая Варлам Алексеевич (1905—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. В 1925 г. окончил педагогический институт в Сухуми. В 1926—1930 гг. с перерывами учился в Тбилисском университете. С 1930 г. — в органах НКВД. Помощник уполномоченного, а затем начальник райотдела ГПУ г. Караязы (Грузия). Член ВКП(б) с 1936 г. В 1937—1938 гг. — начальник райотдела НКВД г. Зугдиди. В 1938 г. — первый секретарь Потийского горкома. В 1938—1939 гг. — заместитель начальника Следственной части ГУГБ НКВД в Москве. В 1939—1941 гг. — нарком внутренних дел Абхазии, в 1941 г. — нарком внутренних дел Грузии. В 1941—1942 гг. — заместитель начальника 2-го отдела НКВД СССР. С марта 1942 по май 1943 г. — начальник 2-го отдела и заместитель начальника Четвертого управления НКВД—НКГБ СССР. В 1943—1947 гг. — нарком (министр) государственной безопасности Северо-Осетинской АССР. С августа 1947 по октябрь 1951 г. — заместитель начальника Управления МГБ Новосибирской области. С 25 марта 1952 по 30 марта 1953 г. — заместитель начальника управления МГБ Ростовской области. С 30 марта по 10 апреля 1953 г. — министр внутренних дел Грузии. С 10 апреля по июнь 1953 г. — начальник Управления контрразведки МВД Закавказского военного округа. В 1956 г. военным трибуналом Закавказского военного округа осужден к пятнадцати годам лишения свободы. В 1968 г. освобожден из заключения.

Каллио Кюэсти (1873—1940). Финский государственный деятель. Премьер-министр Финляндии в 1922—1924, 1925—1926, 1929—1930 и в 1936—1937 гг. В 1937—1940 гг. — президент Финляндии. Примыкал к правому крылу партии Аграрный союз.

Каминский Иван Николаевич (1896—1944). Советский разведчик. Активный участник Гражданской войны на Украине. С начала 20-х гг. на закордонной работе по линии ИНО ОГПУ в Польше, Чехословакии, Германии и других странах. В 1939 г. репрессирован. В начале Великой Отечественной войны освобожден и направлен на работу в тыл противника. Покончил жизнь самоубийством во время ареста органами абвера в Житомире.

Камо (Тер-Петросян Семен Аршакович) (1882—1922). Советский государственный деятель, террорист, дипломат. Член РСДРП с 1901 г. С осени 1921 г. работал в системе Внешторга РСФСР, в Наркомате финансов Грузинской ССР. Убит в 1922 г.

Капица Петр Леонидович (1894—1984). Советский физик, академик (1939, член-корреспондент с 1929 г.). Родился в Кронштадте. Окончил Петроградский политехнический институт (1918) и остался работать на кафедре у А. Ф. Иоффе. В 1921 г. был направлен в

научную командировку в Англию, где работал в Кавендишской лаборатории. В 1924—1932 гг. — заместитель директора Кавендишской лаборатории, в 1930—1934 гг. — директор Лаборатории Монда при Королевском обществе, профессор. В 1929 г. избран членом Лондонского королевского общества. После возвращения в СССР организовал в Москве Институт физических проблем, директором которого был в 1935—1946 гг. и с 1955 г. В 1939—1946 гг. — профессор Московского университета, с 1947 г. — Московского физико-технического института. Дважды Герой Социалистического Труда (1945, 1974), дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1943). Член многих зарубежных академий наук и научных обществ. Золотая медаль М. В. Ломоносова (1959), медали М. Фарадея (1942), Б. Франклина (1944), Н. Бора (1964), Э. Резерфорда (1966), премия Ф. Саймона (1973) и др. Главный редактор «Журнала экспериментальной и теоретической физики» (с 1955 г.).

Карденас Ласаро (1895—1970). Государственный, военный и общественный деятель Мексики. Участник революции 1910—1917 гг. Представитель левого крыла правящей Национально-революционной партии (с 1946 г. — Институционно-революционной партии), в 1930 г. избран председателем исполкома партии. В 1934—1940 гг. — президент Мексики. После второй мировой войны — активный участник Движения сторонников мира, с 1955 г. — вице-президент, а с 1969 г. — почетный президент Всемирного Совета Мира. Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1955).

Карин Федор Яковлевич (Крутянский Тодрес Янкелевич) (1896—1937). Один из руководителей советской разведки. Еврей, уроженец с. Суслены Бессарабской губернии. Член партии большевиков с 1919 г., с того же года в РККА, затем — в органах ВЧК. В 1922—1924 гг. — разведчик-нелегал в Румынии, Австрии, Болгарии. В 1924—1927 гг. — резидент в Харбине. В 1928—1933 гг. — резидент в Германии и Франции. В Разведупре Штаба РККА с 1934 г. 20 января 1935 г. назначен начальником 2-го отдела Разведупра. 23 ноября 1935 г. присвоено звание «корпусной комиссар». Арестован 16 мая 1937 г., расстрелян 21 августа 1937 г.

Каяк Александр Александрович (1896—?). Сын судебного механика. До 1915 г. учился. В 1915—1917 гг. — на фронте. В 1917 г. приехал в Петроград. Участник Октябрьской революции. Был отправлен на фронт под Псков, где тяжело заболел. С 1919 г. — в органах ВЧК.

Каяндер Айно Карло (1879—1943). Финский государственный деятель. Премьер-министр Финляндии в 1922, 1924 г. и в 1937—1939 гг.

Квасников Леонид Романович (1905—1993). Сотрудник советских органов госбезопасности. Родился в семье железнодорожника на ст. Узловая Тульской губернии. В органах госбезопасности с сентября 1938 г. Неоднократно выезжал в командировки в Германию и Польшу. В 1943—1945 гг. — резидент научно-технической разведки в Нью-Йорке. С декабря 1966 г. — на пенсии.

Керенский Александр Федорович (1881—1970). Адвокат. Глава Временного правительства в 1917 г. Член IV Государственной думы с 1912 г., был председателем фракции трудовиков. С марта 1917 г. — эсер. В период Февральской революции 1917 г. — член и товарищ председателя исполкома Петроградского Совета, вошел в состав Временного правительства как министр юстиции, военный и морской министр, а с 8 июля — министр-председатель. С 30 августа занял также пост верховного главнокомандующего. В 1918 г. эмигрировал во Францию, с 1940 г. жил в США. В эмиграции редактировал газету «Дни» (1922—1932). Автор мемуаров и книг о революции. В последний период эмиграции — профессор Стэнфордского университета в Калифорнии.

Кернкросс Дж. (?—?). Агент ИНО НКВД (с 1935 г.), сотрудник МИДа Великобритании, министерства финансов, разведки МИ-6. В годы второй мировой войны в центре правительственной связи (служба радиоперехвата).

Кикоин Исаак Константинович (1908—1984). Советский физик-экспериментатор, академик (1953, член-корреспондент с 1943 г.). Родился в г. Жагары. Окончил Ленинградский политехнический институт (1930). В 1927—1936 гг. работал в Ленинградском физико-техническом институте, в 1936—1943 гг. — в Уральском физико-техническом институте и возглавлял кафедру физики Политехнического института (Свердловск). Принимал активное участие в создании лаборатории, преобразованной затем в Институт атомной энергии. Одновременно являлся профессором Московского университета (с 1955 г.). Дважды Герой Социалистического Труда (1951, 1978), лауреат Ленинской премии (1959), Сталинских премий (1942, 1949, 1951, 1953), Государственных премий СССР (1967, 1980). Награжден золотой медалью И. В. Курчатова (1971), премией П. Н. Лебедева (1979).

Кирсанова Клавдия Ивановна (1888—1947). Деятель международного и российского коммунистического движения. Член партии большевиков с 1904 г. Начала свою революционную деятельность в Перми. В 1905 г. входила в боевую дружину, в 1906 г. вела работу в войсках. Неоднократно арестовывалась, в 1910 г. приговорена к четырем годам каторжных работ с последующей ссылкой в Сибирь. Освобожденная Февральской революцией, вела партийную работу на Урале, была председателем Совета рабочих и крестьянских депутатов

Надеждинска. После оккупации Урала Колчаком вернулась в Москву, была секретарем Хамовнического (ныне Фрунзенского) райкома партии. В 1920 г. командирована в Сибирь, избрана секретарем Омского городского комитета партии. С 1922 г. по возвращении в Москву была ректором Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, организовала курсы уездных партийных работников при ЦК РКП(б). Затем заведовала Международной Ленинской школой. Во время Отечественной войны выступала как агитатор и лектор среди воинов Советской Армии. Вела работу среди женщин, была членом Исполнительного комитета Международного конгресса женщин и Антифашистского комитета советских женщин. Жена Е. М. Ярославского.

Киселев Василий Иванович (1896—1960). Сотрудник советских органов госбезопасности. С 1918 г. — в РККА. Член РКП(б) с 1919 г. С 1922 г. — в войсках ОГПУ. Участник гражданской войны в Испании и Великой Отечественной войны. После войны служил в органах МВД, генерал-майор.

Киселев Николай Васильевич (1903—1983). Советский партийный деятель. Родился в дер. Борнуки Городищенского района Пензенской области в семье крестьянина. Трудовую деятельность начал в 1923 г., работал инструктором, заведующим политпросветотделом укома ВЛКСМ. Был вторым секретарем Полесского обкома партии, первым секретарем Брестского, Белостокского обкомов партии, вторым секретарем ЦК КП(б)Б, первым секретарем Омского обкома партии, заместителем начальника Управления кадров ЦК ВКП(б), инспектором ЦК ВКП(б). С 1952 по 1960 г. — первый секретарь Ростовского обкома КПСС, затем до ухода на пенсию — советник при Совете Министров РСФСР.

Клюкин Константин Николаевич (1904—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Сын купца. Образование среднее. Член ВКП(б) с 1927 г. В ОГПУ—НКВД с 1923 по 1937 г. Начальник отдела УГБ Казахстана. 20 июня 1937 г. осужден военным трибуналом погранвойск НКВД СССР на два с половиной года за бытовую связь с ссыльными. 5 марта 1938 г. военная коллегия Верховного суда СССР снизила срок до одного года условно. 22 мая 1938 г. осужден Особым совещанием по обвинению в расконспирации себя и агентуры во время командировки в Китай, «за преступное отношение к выполнению особо важного поручения». Освобожден с зачетом предварительного заключения. Исключен из ВКП(б), 25 сентября 1939 г. КПК подтвердил исключение. Судимость снята 30 мая 1941 г. С сентября 1941 г. — в распоряжении Четвертого управления НКГБ, выполнил ряд спецзаданий. 5 мая 1944 г. КПК отказал в восстановлении в ВКП(б).

Кобулов Амаяк Захарович (1906—1954(1955?)). Сотрудник советских органов госбезопасности. Брат Б. З. Кобулова. Генерал-лейтенант (1945). Член ВКП(б) с 1932 г. В органах ОГПУ с 1927 г. В 1938 г. — исполняющий обязанности наркома внутренних дел Абхазской АССР. В 1938—1939 гг. — первый заместитель наркома внутренних дел Украины. В 1939—1941 гг. — советник Полпредства СССР в Германии. В 1941—1945 гг. — нарком НКГБ—НКВД Узбекской ССР. В 1945—1951 гг. — первый заместитель начальника ГУПВИ НКВД—МВД СССР. В 1951—1953 гг. — первый заместитель начальника ГУЛАГа МВД СССР и начальник УПВИ МВД СССР. В 1953 г. — заместитель начальника Контрольной инспекции при МВД СССР. В 1953 г. арестован. В 1954 г. военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания.

Кобулов Богдан Захарович (1904—1953). Сотрудник советских органов госбезопасности. Уроженец Тифлиса. Член ВКП(б) с 1925 г. В органах ВЧК с 1922 г. С февраля 1936 г. — начальник Экономического управления госбезопасности ЗСФСР. С 19 марта 1937 г. — заместитель начальника 4-го отдела УГБ Грузинской ССР. С 3 апреля 1937 г. — начальник 4-го отдела, с 9 августа 1938 г. — заместитель наркома внутренних дел Грузинской ССР. С сентября 1939 г. — начальник Главного экономического управления НКВД СССР. С 25 февраля 1941 г. — заместитель наркома внутренних дел СССР. С 7 января 1944 г. — заместитель наркома госбезопасности СССР. Генерал-полковник (1944). С 1950 г. — заместитель председателя СКК в Германии, в марте—июне 1953 г. — первый заместитель министра внутренних дел СССР. Арестован в июне 1953 г., расстрелян 23 декабря 1953 г. вместе с Л. П. Берия.

Козельский Борис Владимирович (Голованевский Бернارد Вольфович) (1902—1936). Сотрудник советских органов госбезопасности. Майор госбезопасности (1935). Член ВКП(б) с 1931 г. В органах ВЧК с 1921 г. В 1930—1933 гг. — заместитель начальника Секретно-политического отдела ГПУ УССР. В 1933—1934 гг. — начальник СПО ГПУ УССР, в 1934—1936 гг. — начальник СПО УГБ НКВД УССР. Покончил с собой.

Козловский Вацлав (?—1943). Бывший офицер польской армии. В 1940—1943 гг. — руководитель Белорусской национал-социалистской партии, редактировал фашистский журнал «Новый шлях». В период оккупации немцами Минска — главный редактор профашистской «Белорусской газеты». Убит партизанами 13 ноября 1943 г.

Корж Василий Захарович (1899—1967). Один из руководителей партизанского движения в Белоруссии во время Великой Отечественной войны. Генерал-майор (1943). Родился в дер. Хоростово Лунинецкого района Брестской области в семье крестьянина. Белорус.

В 1921—1925 гг. — боец партизанского отряда К. П. Орловского, действовавшего в Западной Белоруссии. С 1925 г. — председатель колхозов в Слуцком и Старобинском районах Минской области. Член ВКП(б) с 1929 г. В 1931—1936 гг. — в органах НКВД БССР. В 1936—1937 гг. — командир интернационального партизанского отряда в Испании. В 1939—1940 гг. — директор зерносовхоза в Краснодарском крае, совхоза им. Ланге в Добрушском районе Гомельской области. С 1940 г. — заведующий сектором Пинского обкома КП(б)Б. В первые дни Великой Отечественной войны сформировал и возглавил один из первых в Белоруссии партизанских отрядов. В 1946 г. окончил Военную академию Генштаба. С 1946 г. в отставке по болезни. В 1949—1953 гг. — заместитель министра лесного хозяйства БССР. В 1953—1963 гг. — председатель колхоза «Партизанский край» Старобинского района. Герой Советского Союза (15 августа 1944). Награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени и Красной Звезды, медалями.

Коротков Александр Михайлович (1909—1961). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-майор. Сотрудник ИНО НКВД (с 1933 г.), начальник германского отдела Первого управления НКГБ (1941—1944), заместитель начальника Разведуправления НКГБ (1945). В 1946—1950 гг. — заместитель начальника Первого главного управления МГБ СССР, в 1950—1953 гг. — заместитель начальника Бюро № 1 МГБ СССР, в 1953—1954 гг. — начальник отдела Первого главного управления МВД СССР.

Косенко (Кислов) Георгий Николаевич (1901—1939). Сотрудник советских органов госбезопасности. Капитан ГБ. Родился в Ставрополе в семье служащих. Член РКП(б) с 1921 г. В органах госбезопасности с 1924 г. С 1933 г. — сотрудник ИНО ГУГБ НКВД. В 1937—1938 гг. — резидент ИНО в Париже под фамилией Кислов. В ноябре 1938 г. отозван в Москву. В декабре 1938 г. арестован, 20 февраля 1939 г. расстрелян.

Кочергина Александра Васильевна (1900—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Член ВКП(б) с 1920 г. Образование начальное. В 1917—1920 гг. — продавец в аптеке. До установления советской власти на Кавказе участвовала там в подпольной партийной работе. С 1920 по 1923 г. — технический секретарь ячейки ОГПУ. С 1923 г. — на оперативной работе в ОГПУ. Участница гражданской войны в Испании.

Кочетков Виктор Васильевич (1902—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Образование низшее. Член ВКП(б) с 1924 г. Начальник ДТО НКВД Орджоникидзевской железной дороги. В 1940 г. осужден военным трибуналом НКВД на пять лет за

нарушения законности. В 1940—1941 гг. сидел в лагере, работал там начальником строительства лесогорной дороги и Орджоникидзевского лесозавода. По ходатайству НКВД СССР освобожден 9 октября 1941 г. со снятием судимости. Выполнял ряд спецзаданий во время наступления немцев под Москвой, с мая 1942 г. — в тылу врага. Награжден орденом Красного Знамени (декабрь 1943 г.). 23 февраля 1944 г. восстановлен в ВКП(б).

Кравцов Евгений Игнатьевич (1913—1974). Сотрудник советских органов госбезопасности. Полковник. Родился в станице Невинномысская Ставропольского края в семье врача. В 1938 г. окончил Ленинградский индустриальный институт. С 1938 г. — в органах НКВД. С 1942 по 1945 г. — резидент НКВД в Турции. В дальнейшем — на преподавательской работе в Краснознаменном институте КГБ.

Криппс Ричард Стаффорд (1889—1952). Английский политический деятель. В 1930-е гг. являлся одним из лидеров левого крыла лейбористской партии Англии, был сторонником отпора фашистской агрессии. В 1940—1942 гг. — посол Великобритании в СССР. От имени Великобритании подписал в июле 1941 г. соглашение с СССР о совместных действиях в войне против фашистской Германии. Содействовал развитию англо-советского сотрудничества в годы войны.

Кропотов Петр Николаевич (1894—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Родился в дер. Черкасской Кромского уезда Орловской губернии в семье чиновника-архивариуса и учительницы. Русский. Член РКП(б) с декабря 1918 г. с перерывом с 1923 по 1928 г. Окончил сельскую школу в дер. Черкасской в 1903 г., 1-ю Орловскую гимназию в 1913 г., три курса юридического факультета Петербургского университета в 1916 г. С октября 1915 по сентябрь 1916 г. — младший статистик-экономист Особого совещания по продовольствию при Министерстве земледелия. С ноября 1916 по апрель 1917 г. — юнкер 3-й Петергофской школы прапорщиков. В апреле—декабре 1917 г. — прапорщик, помощник курсового офицера в 3-й Петергофской школе прапорщиков. С декабря 1917 по февраль 1919 г. — член уездного исполкома г. Кромы Орловской губернии. В феврале—июне 1919 г. — член президиума Орловского губисполкома. В июне—сентябре 1919 г. — начальник подива 36-й дивизии на Южном фронте. С сентября 1919 по март 1920 г. — казначей, военком 482-го полка 54-й дивизии. В марте—июне 1920 г. — инструктор Политотдела 59-й дивизии, в июне—августе — член Реввоентрибунала 59-й дивизии, в августе—ноябре — член Реввоентрибунала 3-й Туркестанской дивизии. С ноября 1920 по март 1921 г. — председатель Реввоентрибунала 1-й армии Туркестанского фронта. В мар-

те—июне 1921 г. — заместитель председателя и председатель Реввоентрибунала при штабе Туркестанского фронта. С июня 1921 по март 1922 г. — член Реввоентрибунала Туркестанского фронта. В марте—августе 1922 г. — сотрудник НКВД. С августа 1922 по сентябрь 1923 г. — секретарь генконсульства СССР в г. Мазари-Шериф (Афганистан). С сентября 1923 по ноябрь 1924 г. — секретарь месткома швейсиндиката в Москве. С ноября 1924 по январь 1925 г. — безработный. С января 1925 г. — в ОГПУ—НКВД СССР. В 1932 г. награжден знаком почетного работника ВЧК—ОГПУ—НКВД. 28 апреля 1938 г. парткомом ГУГБ НКВД СССР объявлен строгий выговор с занесением «за потерю партийной бдительности, выразившейся в связи с... врагами народа Мироновым, Сили, Гавриловым, Сауловым и др.».

Круглов Сергей Никифорович (1907—1977). Один из руководителей советских органов госбезопасности. Генерал-полковник (1945). Уроженец дер. Устье Зубцовского района Калининской области. Член партии с 1923 г. В органах НКВД с 1938 г. С 1938 г. — особоуполномоченный НКВД СССР, с 1939 г. — заместитель, с 1943 г. — первый заместитель наркома внутренних дел СССР. 5 июля 1941 г. назначен членом Военного совета Резервного фронта, а в октябре 1941 г. — начальником Управления оборонительного строительства — командующим 4-й саперной армией. С 25 декабря 1945 по март 1953 г. — нарком (министр) внутренних дел СССР. С марта по июль 1953 г. — первый заместитель министра внутренних дел СССР, с июля 1953 по февраль 1956 г. — министр внутренних дел СССР. С февраля 1956 г. — заместитель министра электростанций СССР, с августа 1957 по июль 1958 г. — заместитель председателя совнархоза Кировского экономического административного района. В 1958 г. уволен на пенсию по инвалидности. В 1960 г. исключен из КПСС. В 1977 г. скончался в результате несчастного случая.

Кубаткин Петр Николаевич (1907—1950). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-лейтенант. Член ВКП(б) с 1930 г. В органах ОГПУ с 1929 г. В 1939—1941 гг. — начальник УНКВД по Московской области. В 1941 г. — начальник УНКВД по Ленинградской области, затем начальник 3-го спецотдела НКВД СССР. В 1941—1946 гг. — начальник УНКВД—УНКГБ—УМГБ по Ленинградской области. В 1946 г. — начальник Первого главного управления МГБ СССР. В 1946—1949 гг. — начальник УМГБ по Горьковской области. В 1949 г. — председатель Саратовского областного Совета. В 1949 г. арестован. В 1950 г. военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к смертной казни.

Кудря Иван Давидович (Максим) (1912—1942?). Советский разведчик. Родился в с. Сальниково Киевской области. Окончил Во-

енно-политическое училище НКВД. С 1938 г. — в центральном аппарате внешней разведки. После начала Великой Отечественной войны — руководитель подпольно-диверсионной группы в оккупированном Киеве. 5 июля 1942 г. арестован немцами. Погиб в заключении. Герой Советского Союза (8 мая 1965, посмертно).

Кузнецов Александр Александрович (1905—1950). Советский партийный деятель. В 1944—1946 гг. — первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). С апреля 1946 г. — секретарь ЦК ВКП(б). Расстрелян в связи с так называемым «ленинградским делом» 1 октября 1950 г.

Кузнецов Николай Иванович (1911—1944). Советский разведчик. Родился в дер. Зырянка Талицкого района Свердловской области в крестьянской семье. С 1938 г. — в аппарате внешней разведки. Летом 1942 г. заброшен на оккупированную немцами Украину. Действуя под видом обер-лейтенанта немецкой армии П. Зиберта, уничтожил ряд чиновников оккупационной администрации. В ночь с 8 на 9 марта 1944 г. попал в засаду УПА в с. Боратин Львовской области и был убит. Герой Советского Союза (5 ноября 1944, посмертно).

Кукин Константин Михайлович (1897—1979). Сотрудник советских органов госбезопасности. Полковник. С 1918 по 1926 г. — в РККА. С 1931 г. — в ИНО ОГПУ. В 1931—1932 гг. — в резидентуре в Англии, в 1933—1934 гг. — в Харбине. В 1937—1940 гг. — в командировке в США. С 1943 г. — резидент в Англии. В 1952 г. уволен в запас по выслуге лет.

Кулик Григорий Иванович (1890—1950). Советский военачальник. Член партии большевиков с 1917 г. Член ЦК ВКП(б) с 1939 г. С 1937 г. — командующий Приморской группой войск, в 1937—1938 гг. — начальник Главного артиллерийского управления. С января 1939 г. — заместитель наркома обороны СССР. Во время Великой Отечественной войны неоднократно разжаловался. Расстрелян в 1950 г.

Курский Владимир Михайлович (1897—1937). Сотрудник советских органов госбезопасности. Член партии большевиков с 1917 г. В органах ОГПУ—НКВД с 1921 г. До ноября 1936 г. — начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю, с 28 ноября 1936 по 15 апреля 1937 г. — начальник Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД. В апреле—июне 1937 г. — начальник 1-го отдела ГУГБ НКВД и заместитель наркома внутренних дел СССР. С 14 июня по 8 июля 1937 г. — начальник 3-го отдела и заместитель начальника ГУГБ НКВД СССР. Покончил жизнь самоубийством 8 июля 1937 г.

Курчатов Игорь Васильевич (1903—1960). Советский физик, академик (1943). Родился в г. Сим (ныне Челябинской обл.). Окончил

Крымский университет (1923). В 1925—1942 гг. работал в Ленинградском физико-техническом институте (с 1930 г. — заведующий Лабораторией). В 1943 г. организовал Лабораторию № 2 АН СССР, преобразованную в 1955 г. в Институт атомной энергии, директором которого был до конца жизни и который теперь носит его имя. Трижды Герой Социалистического Труда (1949, 1951, 1954), лауреат Ленинской премии (1957), Сталинских премий (1942, 1949, 1951, 1954). Награжден золотой медалью Ф. Жолио-Кюри (1959).

Кущин Эммануил Соломонович (Варте) (1899—1978). Сотрудник советских органов госбезопасности. Сын служащего. Окончил гимназию в Житомире. С 1919 г. — красноармеец украинского полка, в 1920 г. — курсант 4-й артиллерийской Киевской школы. Член РКП(б) с 1920 г. В 20—30-х гг. — в ОГПУ—НКВД. В 1935 г. — помощник начальника отделения ИНО ГУГБ НКВД. После исключения из ВКП(б) снят с оперработы и переведен в систему ГУШОСДОР НКВД, где работал с марта 1938 по август 1942 г. С августа 1942 по июль 1944 г. был по заданию НКГБ СССР в тылу противника, имеет положительные отзывы от руководства Четвертого управления НКГБ и командования партизанского соединения Минской области. Награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. Находился в резерве ОК НКВД СССР. 8 февраля 1945 г. КПК отказал в восстановлении в ВКП(б), разрешив вступление на общих основаниях. В последние годы жизни — персональный пенсионер. Умер в Москве.

Кучински Урсула (Вернер Рут, Соня) (р. 1907). Советская разведчица. Подполковник. Дочь крупного германского экономиста и статистика. С 1924 г. член КСМГ. С 1926 г. член КПГ. Работала в системе книгоиздательства и книготорговли. С 1928 г. в США, затем в Китае. В 1930—1932 гг. сотрудничала с резидентурой Р. Зорге в Шанхае. В 1933 г. прошла курс разведподготовки в СССР. Затем на разведывательно-диверсионной работе в Маньчжурии. С 1936 г. в Польше, Данциге, Швейцарии, где оказала большую помощь в создании «Красной капеллы», Великобритании, где сотрудничала с К. Фуксом в «атомном шпионаже». С 1950 г. живет в ГДР. Награждена двумя орденами Красного Знамени.

Ландау Лев Давыдович (1908—1968). Советский физик-теоретик, академик (1946). Родился в Баку. Окончил Ленинградский университет (1927). В 1927—1932 гг. — аспирант, научный сотрудник Ленинградского физико-технического института. В 1932—1937 гг. возглавлял теоретический отдел Харьковского физико-технического института и одновременно заведовал кафедрой теоретической физики Харьковского механико-машиностроительного института, с 1935 г. —

кафедрой общей физики Харьковского университета. С 1937 г. заведовал теоретическим отделом Института физических проблем АН СССР. Одновременно профессор Московского университета (1943—1947 и с 1955 г.) и Московского физико-технического института (1946—1950). Лауреат Нобелевской премии (1962). Герой Социалистического Труда (1954), лауреат Ленинской премии (1962), Сталинских премий (1946, 1949, 1953). Член многих зарубежных академий наук и научных обществ. Награжден медалью Ф. Лондона.

Лебедев Михаил Федорович (1904—1985). Сотрудник советских органов госбезопасности. Полковник ГБ. Из семьи тюремного служащего. Окончил школу 1-й ступени. Член ВКП(б) с 1928 г. (кандидат с 1926 г.). В ОГПУ с 1922 г. В 1922—1928 гг. — уполномоченный райотдела Можайского ГПУ. С 1928 г. — уполномоченный Информотдела ОГПУ. В 1943—1944 гг. в органах СМЕРШ в Белоруссии. После Великой Отечественной войны — на Дальнем Востоке. С 1954 г. — в отставке.

Леоненко Анатолий Иванович (1907—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Родился в дер. Асетки Витебского района Витебской области в семье крестьянина. Белорус. В 1920—1921 гг. — батрак. В 1922—1924 гг. — ученик, в 1924—1925 гг. — подмастерье швейной артели в Витебске. В 1926—1927 гг. — рабочий совхоза «Тулово». В 1927—1930 гг. — студент Политпросветтехникума в Могилеве. Член ВКП(б) с декабря 1929 г. В июне—июле 1930 г. — ответственный секретарь РК ЛКСМ Белоруссии в г. Шклове Могилевского округа. В августе—ноябре 1930 г. — инспектор райотдела народного образования в г. Городок Витебского округа. С ноября 1930 по октябрь 1931 г. — на одногодичных курсах в Смоленске при штабе Белорусского военного округа. С ноября 1931 по апрель 1932 г. — студент Института народного хозяйства им. Плеханова в Москве. С мая 1932 по август 1933 г. — курсант Школы летчиков в Оренбурге. С сентября 1933 по август 1936 г. — студент Института народного хозяйства им. Плеханова, затем до августа 1937 г. — секретарь комитета ВЛКСМ института. С сентября 1937 г. — в органах НКВД—МГБ. С марта 1943 по август 1948 г. — в заграничной командировке в Турции и Югославии.

Листенгурт Михаил Александрович (1903—1940). Сотрудник советских органов госбезопасности. Майор госбезопасности. С 1933 г. — помощник начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР — начальник отделения. С 17 февраля 1938 г. — начальник 5-го отдела УГБ НКВД Украинской ССР. 27 января 1939 г. уволен из НКВД.

Литвин Михаил Иосифович (1892—1938). Сотрудник советских органов госбезопасности. Комиссар государственной безопасности 3-го ранга (20 января 1938 г.). Член партии большевиков с 1917 г. В

1930—1931 гг. — заведующий Распредотделом Средне-Азиатского бюро ЦК. В 1931—1932 гг. — заведующий сектором, заместитель заведующего Распредотделом ЦК, в марте 1933 г. назначен заведующим Отделом кадров ЦК КП(б)У. С 1936 г. — второй секретарь Харьковского обкома. С 15 октября 1936 г. — начальник Отдела кадров НКВД СССР. С 17 мая 1937 г. — начальник 4-го (Секретно-политического) отдела ГУТБ НКВД СССР. С 20 января 1938 г. — начальник УНКВД по Ленинградской области. Покончил жизнь самоубийством 12 ноября 1938 г.

Литвинов (Валлах) Максим Максимович (Мейер, Макс) (1876—1951). Советский дипломат, имел ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Член РСДРП с 1898 г. Агент «Искры». С 1908 г. в эмиграции. На дипломатической работе с 1917 г. В 1918 г. назначен дипломатическим представителем РСФСР в Великобритании, однако британское правительство не признало его полномочий, и он в сентябре 1918 г. был заключен в тюрьму. Обменен на английского дипломата и разведчика Р. Локкарта. В 1918—1921 гг. — член коллегии НКВД РСФСР; в 1920 г. — полпред РСФСР в Эстонии; в 1921—1930 гг. — заместитель наркома по иностранным делам РСФСР (с 1923 г. — СССР), одновременно — член коллегии Наркомата РКИ и заместитель председателя Главконцесскома. С 1922 г. — заместитель руководителя советской делегации на Генуэзской, затем глава делегации на Гаагской международной конференциях. В 1930—1939 гг. — нарком по иностранным делам СССР (с 1936 г. — иностранных дел), одновременно в 1934—1938 гг. — представитель СССР в Лиге Наций. Член ЦК ВКП(б) в 1934—1941 гг. Член ВЦИК и ЦИК СССР. В 1941—1946 гг. — заместитель наркома иностранных дел СССР, одновременно в 1941—1943 гг. — посол СССР в США и в 1942—1943 гг. — посланник СССР на Кубе, с 1946 г. — в отставке.

Лопатин Петр Григорьевич (1907—1974). Один из руководителей партизанского движения в Белоруссии во время Великой Отечественной войны. Родился в дер. Излехоша Усманьского района Липецкой области в семье крестьянина. Русский. С 1929 г. — в РККА. В 1934—1935 гг. работал в органах НКВД, с 1936 г. на железнодорожной станции Минск. После начала Великой Отечественной войны — командир отделения, взвода партизанского отряда. С марта 1942 г. — руководитель специальной разведывательно-диверсионной группы НКГБ СССР «Бывалые», с августа 1942 г. — командир партизанской бригады «Дяди Коли», действовавшей в Минской области. С 1944 г. — заместитель председателя Борисовского горисполкома, затем райисполкома. Член ВКП(б) с 1947 г. В 1955—1962 гг. — на хозяйственной работе.

Лукин Александр Александрович (1901—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Подполковник ГБ. Еврей. Член партии в 1918—1921, 1936—1940 гг. и с 1944 г. В 1934 г. работал в Одесском облотделе ГПУ УССР, был подвергнут аресту на десять суток. В 1940 г. — заместитель начальника Особого отдела УНКВД по Московской области. 30 июля 1940 г. исключен из ВКП(б). С 20 июня 1942 г. находился в опергруппе под командованием полковника Медведева, был заброшен с воздуха в тыл противника. Начальник агентурной разведки отряда. Награжден орденом Красного Знамени и медалью «Партизану Отечественной войны 1-й степени». Начальник 4-го отдела Четвертого управления НКГБ. В 1944 г. — помощник руководителя опергруппы НКГБ СССР. 11 октября 1944 г. КПК восстановлен в партии.

Лягин Виктор Александрович (1908—1943). Советский разведчик. Родился в пос. Сельцо Брянской области в семье железнодорожника. В 1934 г. окончил Ленинградский политехнический институт по специальности инженер-механик. Работал инженером на Ленинградском станкостроительном заводе. С 1938 г. — в УНКВД по Ленинградской области, затем в центральном аппарате НКВД. С июля 1939 по июнь 1941 г. — в командировке в США. В 1942 г. направлен на подпольную работу в оккупированный немцами Николаев. В марте 1943 г. арестован немцами. 17 июля 1943 г. расстрелян.

Маклейн Дональд Дюарт (1913—1983). Советский разведчик. Родился в Лондоне. В 1934 г. окончил факультет политической истории и филологии Кембриджского университета. В том же году завербован лондонской агентурой советской разведки. С октября 1935 г. работал в МИДе Англии, занимал дипломатические должности в посольствах Англии во Франции, США и Египте. В 1950—1951 гг. возглавлял американский отдел МИДа. В 1951 г. в связи с угрозой провала нелегально переправлен в СССР. Работал старшим научным сотрудником в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР.

Маклярский Михаил (Исидор) Борисович (1909—1978). Сотрудник советских органов госбезопасности. Родился в Одессе в семье портного. С 1924 г. — в погранвойсках. С 1927 г. — в ОГПУ. В 1932 г. окончил Среднеазиатский университет в Ташкенте. Сотрудник Секретно-политического отдела НКВД (1930-е гг.), сотрудник Контрразведывательного управления НКВД (1939—1941). С 1941 г. — начальник 3-го отдела Особой группы при наркоме внутренних дел. С 1942 г. — начальник 3-го отдела Четвертого управления НКВД. Полковник ГБ (1942). С 1947 г. — в отставке. В 1947—1951 гг. — пред-

седатель объединения «Экспертфильм», директор Госфильмофонда СССР. Арестован 6 ноября 1951 г. 16 ноября 1953 г. освобожден. В 1960—1972 гг. — директор высших сценарных и режиссерских курсов в Москве. Автор сценариев фильмов «Подвиг разведчика» (1947), «Секретная миссия» (1950), «Ночной патруль» (1957) и других.

Маленков Георгий Максимилианович (1901—1988). Советский партийный и государственный деятель. С 1919 г. — в Красной Армии. Член РКП(б) с 1920 г. С 1925 г. — в аппарате ЦК ВКП(б). С 1930 г. — заведующий отделом Московского комитета партии. В 1934—1939 гг. — заведующий ОРПО ЦК ВКП(б). Член ЦК в 1939—1957 гг., кандидат в члены Политбюро в 1941—1946 гг., член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в 1946—1957 гг. В 1939—1946 гг. — секретарь ЦК ВКП(б). С 1939 г. — начальник Управления кадров ЦК ВКП(б). В 1946—1953, 1955—1957 гг. — заместитель Председателя, в 1953—1955 гг. — Председатель Совмина СССР. С 1961 г. — на пенсии.

Мамулов Степан Соломонович (1902—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Уроженец Тбилиси. Член РКП(б) с 1921 г. В 1923—1927 гг. — на партработе в Абхазии. В 1927—1931 гг. — на партработе в Грузии, Казахстане и Днепрпетровске. В 1934—1938 гг. — заведующий Отделом руководящих партийных органов, третий секретарь Тбилисского комитета КП(б) Грузии, заведующий Сельхозотделом ЦК КП(б) Грузии. С 1939 г. — в органах НКВД: с 3 января 1939 г. — первый заместитель начальника Секретариата НКВД СССР. С 16 августа 1939 по 26 апреля 1946 г. — начальник Секретариата НКВД—МВД СССР. С 22 апреля 1946 по 11 марта 1953 г. — заместитель министра внутренних дел СССР. С 12 марта 1953 по 10 апреля 1953 г. — начальник Секретариата МВД СССР. С 10 апреля 1953 г. — заведующий Отделом партийных, комсомольских и профсоюзных органов ЦК КП Грузии. 30 июня 1953 г. арестован. 28 сентября 1954 г. военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к пятнадцати годам тюремного заключения. 28 июня 1968 г. освобожден из мест лишения свободы Владимирской области по отбытии срока заключения.

Маршалл Джордж Кэтлетт (1880—1959). Американский военачальник. Генерал армии (1944). В 1939—1945 гг. — начальник штаба армии США. В 1947—1949 гг. — госсекретарь США, в 1950—1951 гг. — министр обороны. Инициатор «плана Маршалла».

Масленников Иван Иванович (1900—1954). Советский военачальник. Генерал армии (1944). Герой Советского Союза (1945). В 1939—1941 гг. — заместитель наркома внутренних дел СССР. В годы Великой Отечественной войны с июля 1941 г. командовал 29-й и 39-й армиями, Северной группой войск Закавказского фронта, Северо-

Кавказским фронтом, с мая по декабрь 1943 г. — заместитель командующего войсками Волховского, Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов, с декабря 1943 г. — командующий 42-й армией, с марта 1944 г. — заместитель командующего Ленинградским фронтом, с апреля 1944 г. — командующий войсками 3-го Прибалтийского фронта. В 1945 г. — заместитель главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке. В 1945—1947 гг. — командующий войсками Бакинского и Закавказского военных округов. В 1948—1954 гг. — заместитель министра внутренних дел СССР. 16 апреля 1954 г. застрелился.

Махнев В. А. (1904—1966). В 1940—1941 гг. — заместитель наркома госконтроля СССР, в 1941—1945 гг. — заместитель наркома боеприпасов СССР, одновременно в 1942—1945 гг. — заместитель члена ГКО. В 1945—1953 гг. — заведующий секретариатом Специального комитета при Совнарком (Совете Министров) СССР.

Мдивани (Буду) Поликарп Гургенович (1877—1937). Революционер, советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1903 г. Участник революции 1905—1907 гг. Активный участник революции 1917 г. и Гражданской войны в Закавказье. С конца 1918 по март 1920 г. — член РВС 11-й армии, начальник Политотдела 10-й армии. В 1920—1921 гг. — член Кавказского бюро ЦК РКП(б), одновременно — представитель РСФСР при Восточном фронте Турции. В июне 1921 — 1923 гг. — председатель Ревкома Грузии, председатель Союзного Совета Закавказья. В 1922 г. избран членом Президиума ЦК КП(б) Грузии. Возглавлял группу руководителей КП(б)Г, вступивших в конфликт с Орджоникидзе и обвиненных в «национал-уклонизме». В ноябре 1922 г. — член делегации на Лозаннской конференции, в ноябре 1923 г. введен в состав Главконцесскома. В 1928 г. исключен из партии как троцкист. Раскался. В 1931 г. восстановлен в партии. В 1931—1936 гг. — Председатель ВСНХ, нарком легкой промышленности, первый заместитель Председателя СНК Грузинской ССР. В 1936 г. снова исключен из партии за антипартийную деятельность. В июле 1937 г. по делу о так называемом «троцкистском шпионско-вредительском центре» (Грузии) приговорен к расстрелу.

Медведев Дмитрий Николаевич (1898—1954). Сотрудник советских органов госбезопасности. Полковник. Родился в местечке Бежица Брянского уезда Орловской губернии в семье сталелитейщика. С 1918 г. — в РККА. С 1920 г. — в ВЧК. С 1936 г. — в ИНО НКВД. С конца 1939 г. — на пенсии по состоянию здоровья. После начала Великой Отечественной войны — в ОМСБОНе. С августа 1941 по январь 1942 г. — командир диверсионного отряда «Митя», с июня 1942 по сентябрь 1944 г. — командир отряда специального назначе-

ния «Победители», действовавших в тылу немецких войск. С 1946 г. в отставке.

Медведь Филипп Демьянович (1890—1937). Сотрудник советских органов госбезопасности. Уроженец дер. Мосево Гродненской губернии. Белорус. Член РСДРП с 1907 г. В ВЧК с 1918 г. Председатель Тульской (1918) и Петроградской (1919) ВЧК. Член коллегии ВЧК. Начальник Особого отдела Западного фронта. Полномочный представитель ВЧК по Западному краю (1921—1922). Полпред ОГПУ в Ленинградском военном округе (1924—1929). С декабря 1929 по декабрь 1934 г. — начальник ГПУ—УНКВД по Ленинграду и области. В связи с убийством Кирова 23 января 1935 г. осужден на три года лишения свободы. Начальник Северного горного управления. В конце 1937 г. расстрелян.

Мейтнер (Майтнер) Лизе (1878—1968). Австралийский физик и радиохимик. Родилась в Вене. Окончила Венский университет (1905). Научную деятельность начала в Лаборатории О. Гана в Берлине в 1907 г. в качестве гостя. В 1912—1933 гг. работала в Институте химии кайзера Вильгельма (Берлин-Далем), возглавляла с 1918 г. физический отдел и одновременно с 1912 г. работала в Берлинском университете (с 1926 г. — профессор). В 1933 г. подверглась преследованиям фашистского режима и была вынуждена эмигрировать сначала в Данию, а затем в Швецию. В 1938—1946 гг. работала в Нобелевском институте, в 1947—1960 гг. — в лаборатории Комиссии по атомной энергии при Королевском технологическом институте (Стокгольм). С 1960 г. жила в Англии. Член ряда академий наук и научных обществ.

Мельников Н. Д. (1905—1944). Сотрудник советских органов госбезопасности. Комиссар госбезопасности. В 1939—1941 гг. — заместитель начальника Первого управления НКВД СССР. С 1942 г. — заместитель начальника Четвертого управления НКВД—НКГБ СССР и одновременно заместитель начальника Управления по делам военнопленных и интернированных. Покончил жизнь самоубийством.

Меркадер Рамон (?—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. В 1940 г. совершил покушение на Л. Д. Троцкого. Герой Советского Союза.

Меркулов Всеволод Николаевич (1895—1953). Один из руководителей советских органов госбезопасности. Генерал армии. Уроженец г. Закаталы (Азербайджан). Член ВКП(б) с 1925 г. В органах ВЧК с 1921 г. В 1931 г. — начальник Секретно-политического отдела ГПУ ЗСФСР. В 1931—1938 гг. — на партийной работе в ЦК КП(б) Грузии и ЗСФСР. В 1938—1941 гг. — начальник ГУГБ НКВД СССР и первый заместитель наркома внутренних дел СССР. Нарком (министр) госбезопасности СССР в январе—июне 1941 и в 1943—

1946 гг. С июля 1941 по апрель 1943 г. — первый заместитель наркома внутренних дел СССР. В 1946—1947 гг. — заместитель начальника, в 1947—1950 гг. — начальник Главного управления советского загранмущества при СМ СССР. В 1950—1953 гг. — министр госконтроля СССР. Летом 1953 г. арестован вместе с Л. П. Берия, 23 декабря 1953 г. расстрелян.

Мешик Павел Яковлевич (1910—1953). Сотрудник советских органов госбезопасности. В 1938—1939 гг. — врид начальника 3-го отделения 2-го отдела Главного экономического управления (ГЭУ) НКВД СССР, в 1939 г. — помощник начальника Следственной части НКВД СССР. С сентября 1939 г. — начальник Следственной части ГЭУ, с марта 1940 г. — начальник 1-го отдела ГЭУ НКВД СССР. С февраля 1941 г. — нарком госбезопасности УССР. С июля по ноябрь 1941 г. и с ноября 1942 г. — начальник Экономического управления НКВД СССР. С мая 1943 г. — заместитель начальника ГУКР СМЕРШ НКО СССР. В декабре 1945 г. освобожден от занимаемой должности. В 1946—1953 гг. — заместитель начальника Первого главного управления при СНК (Совмине) СССР, в марте—июне 1953 г. — министр внутренних дел УССР, генерал-лейтенант. 23 декабря 1953 г. расстрелян по приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР вместе с Л. П. Берия.

Миллер Георгий Георгиевич (1898—?). Деятель коммунистического движения, сотрудник советских органов госбезопасности. Старший лейтенант госбезопасности. Австриец. Родился в семье рабочего. Один из организаторов Компартии Австрии в 1918 г. Руководитель партийной организации в г. Дойч-Ваграм. С 1922 г. по заданию ЦК КПА работал в спортивных организациях. В 1923 г. — делегат II конгресса Красного спортинтерна, за что был исключен социал-демократическим руководством из Рабочего спортивного союза. С 1924 г. — депутат городской управы г. Дойч-Ваграм и редактор местной коммунистической газеты «Гемайнде корреспондент». В 1924—1927 гг. — курьер представительства СССР в Австрии. В 1927—1930 гг. — на нелегальной работе в спецаппарате ЦК КПА. Руководил изготовлением фальшивых документов для работников Коминтерна и советской разведки. В связи с угрозой провала в 1930 г. выехал в СССР. Член ВКП(б) с 1931 г. В 1930—1945 гг. — ответственный сотрудник ОГПУ—НКВД СССР. Награжден орденами Красной Звезды, «Знак Почета», медалью «За боевые заслуги». В 1937 г. награжден орденом Красного Знамени в связи с участием в событиях в Испании.

Мильштейн Михаил Абрамович (1910—1992). Сотрудник советской военной разведки. Генерал-лейтенант (1966). Родился в г. Ачинске Красноярского края в семье служащего. В 1927 г. окончил не-

полную среднюю школу, в 1930 г. — педагогический техникум. С 1930 г. — в РККА. Работник Разведупра Штаба РККА. В 1941 г. окончил Высшую военную специальную школу. В 1941—1945 гг. — заместитель начальника Главного разведуправления Наркомата обороны. В 1948 г. окончил Военную академию Генерального штаба. С 1954 г. — начальник кафедры Военной академии Генерального штаба. Генерал-майор (1955). С 1972 г. — в отставке. Умер в Москве.

Минаев-Цихановский Александр Матвеевич (1888—1939). Сотрудник советских органов госбезопасности. Комиссар государственной безопасности 3-го ранга (3 апреля 1937 г.). Член РКП(б) с 1919 г. С 1919 г. — в ВЧК. С июля 1934 г. — начальник УНКВД по Челябинской области, с июля 1936 г. — по Сталинградской области. С 7 апреля 1937 г. — заместитель начальника 3-го отдела (контрразведка) ГУГБ НКВД СССР, а с 11 июля 1937 г. — врид начальника 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С марта 1938 г. — начальник 8-го отдела Первого управления НКВД СССР. С июня по ноябрь 1938 г. — заместитель наркома тяжелой промышленности СССР. Арестован 6 ноября 1938 г. Приговорен к расстрелу 25 февраля 1939 г.

Минскер Яков Григорьевич (1891—1934). Советский разведчик и дипломат. Родился в семье портного. Окончил четыре класса ремесленного училища. В 1911—1918 гг. — член партии социалистов-революционеров. С 1914 г. в ссылке, как член Киевской рабочей группы партии эсеров. С 1918 г. — член партии левых эсеров в Иркутске, сидел в тюрьме. С 1918 г. — член РКП(б). В 1920—1921 гг. — уполномоченный Разведупра Штаба РККА в Северной Маньчжурии. В 1922—1924 гг. — консул в Персии. С 1925 г. в ИНО ОГПУ. Работал под прикрытием вице-консула в Шанхае (1925—1926), атташе полпредства в Турции (1926—1929). Умер в 1934 г.

Мирбах Вильгельм (1871—1918). Германский дипломат. Граф. На дипломатической службе с 1911 г. В 1915—1917 гг. — посланник Германии в Греции. В 1917—1918 гг., в период оккупации Румынии германскими войсками, — представитель МИДа Германии в Бухаресте, участвовал в заключении Брест-Литовского мирного договора 1918 г. В апреле—июле 1918 г. — официальный представитель германского правительства в ранге посланника при правительстве РСФСР. 6 июля 1918 г. убит левым эсером Я. Блюмкиным в Москве, что послужило сигналом к левозесеровскому мятежу.

Мирковский Евгений Иванович (р. 1904). Один из руководителей партизанского движения в Белоруссии во время Великой Отечественной войны. Полковник. Родился в Минске в семье мелкого служащего. Белорус. В 1921—1925 гг. — слесарь бондарной мастерской, строительный рабочий. Член ВКП(б) с 1927 г. С 1927 по 1941 г. служил в пограничных войсках на западной границе. С июля 1941 г. —

командир отряда ОМСБОНа, участник обороны Москвы. С марта 1942 по август 1944 г. — командир специального партизанского отряда им. Дзержинского, действовавшего на территории Белоруссии, Украины и Польши. С 1944 по 1956 г. — на руководящей оперативной работе в органах НКВД—НКГБ—КГБ. Уволен в запас по состоянию здоровья. Герой Советского Союза (1944).

Миронов Александр Николаевич (1909—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Капитан ГБ. В 1937—1953 гг. — начальник Внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД—МВД СССР.

Миронов Василий Дмитриевич (1907—1945). Сотрудник советских органов госбезопасности. Капитан ГБ. Родился в Москве в рабочей семье. В ВКП(б) с 1928 г. С 1941 по 1944 г. — второй секретарь полпредства СССР в США, одновременно заместитель резидента внешней разведки. Используя служебное положение, «сфабриковал ложное провокационное дело по обвинению двух работников органов НКГБ СССР, работавших в США, в измене родине». Кроме того, занимался разглашением известных ему государственных тайн среди лиц, не внушавших доверия. Отозван. Арестован 10 июня 1944 г. 5 августа 1944 г. осужден ОСО при НКВД СССР на пять лет ИТЛ. 28 сентября 1944 г. исключен из ВКП(б) как осужденный. По вновь открывшимся обстоятельствам 28 июля 1945 г. приговорен к высшей мере наказания. 3 августа 1945 г. расстрелян.

Миронов Лев Григорьевич (1895—1938). Сотрудник советских органов госбезопасности. Комиссар госбезопасности 2-го ранга (1935). Член РКП(б) с 1918 г. В ВЧК с 1919 г., вновь в органах в 1924 г. В 1930—1931 гг. — полпред ОГПУ по Средней Азии. В 1931—1934 гг. — заместитель начальника, начальник ЭКУ ОГПУ СССР и член коллегии ОГПУ СССР. В 1934—1936 гг. — начальник ЭКО ГУГБ НКВД СССР. В 1936—1937 гг. — начальник КРО ГУГБ НКВД СССР (3-й отдел ГУГБ НКВД СССР). В 1937 г. арестован, в 1938 г. приговорен военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и расстрелян.

Миронов Николай Романович (1913—1964). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-майор. Русский. С 1933 по 1937 г. работал в Днепропетровском облсовпрофе и областном комитете по делам физкультуры и спорта. В 1937—1941 гг. учился в Днепропетровском университете, который закончил в 1946 г. Член ВКП(б) с 1940 г. В 1941—1945 гг. — на политработе в частях действующей Красной Армии. В 1945—1947 гг. — в аппарате Днепропетровского обкома ВКП(б). В 1947—1949 гг. — первый секретарь Октябрьского райкома Днепропетровска. В 1949—1951 гг. — секретарь Кировоградского обкома КП(б)У. С 1951 г. — на руководящей работе в МГБ—КГБ СССР. В 1956—1959 гг. — начальник управления

КГБ по Ленинградской области. С 1959 г. — заведующий отделом ЦК КПСС. Член Центральной ревизионной комиссии КПСС. Погиб 19 октября 1964 г. в авиационной катастрофе в районе Белграда.

Миронов-Король Сергей Наумович (1894—1940). Сотрудник советских органов госбезопасности. Комиссар госбезопасности 3-го ранга (1937). Член ВКП(б) с 1925 г. В органах с 1920 г. В 1931—1933 гг. — заместитель полпреда ОГПУ по Казахстану. В 1933—1934 гг. — начальник Днепропетровского облотдела ГПУ. В 1934—1936 гг. — начальник УНКВД по Днепропетровской области. В 1936—1937 гг. — начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю. В 1937—1938 гг. — полпред СССР в Монголии. В 1938—1939 гг. — заведующий 2-го Восточного отдела НКВД СССР. В 1939 г. арестован, в 1940 г. военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

Миросинченко Александр Григорьевич (1894—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Подполковник ГБ (1943). Участник первой мировой и Гражданской войн. Член РКП(б) с 1918 г. В 1918—1921 гг. — в органах ВЧК. В 1921—1924 гг. — в РККА и на партийной работе. С 1924 г. — снова в органах ГПУ Украины. С 1929 г. — начальник 1-го отделения ИНФО ГПУ УССР. С 1938 г. — в органах НКВД СССР. В марте 1941 г. арестован. Освобожден в сентябре 1941 г. Старший оперуполномоченный Четвертого управления НКГБ—НКВД СССР на фронте. С июля 1944 г. — на работе в органах НКВД—МВД СССР. С 1950 г. — в запасе.

Михай I (р. 1921). Сын Кароля II, король Румынии с июля 1927 по июнь 1930 г. (в Регентский совет входили принц Николаи, брат Кароля, патриарх Мирон Кристя и председатель Верховного суда Георге Буздучаи) и с 6 сентября 1940 по 30 декабря 1947 г. Был вынужден отречься от престола. В начале января 1948 г. покинул Румынию. Жил в эмиграции в Швейцарии. С 1948 г. женат на принцессе Анне Бурбон-Пармской.

Михельсон Артур Иванович (1898—1939). Сотрудник советских органов госбезопасности. Майор ГБ (1937). Член партии большевиков с 1917 г. С 1921 г. — в ГПУ. С июля 1934 г. — начальник УРКМ УНКВД по Северо-Кавказскому краю. С января 1935 г. — начальник УРКМ УНКВД и помощник начальника УНКВД по Орджоникидзевскому краю. С июня 1937 г. — заместитель начальника УНКВД по Горьковской области. С октября 1937 г. — нарком НКВД Крымской АССР. В августе—декабре 1938 г. — начальник Управления Московского речного пароходства НКВД СССР. Приговорен к высшей мере наказания.

Мицкевич Евгений Петрович (1893—1959). Сотрудник советских органов госбезопасности. Полковник. Родился в Ровенской области

в крестьянской семье. Участник Гражданской войны. С 1924 г. — в ИНО ОГПУ. С 1925 г. — на нелегальной работе в Германии. С ноября 1927 по 1930 г. — руководитель нелегальной резидентуры в Риме. С 1931 г. — нелегальный, с 1932 г. — легальный резидент в Великобритании. С 1934 по 1939 г. — на нелегальной работе в США и Китае. После начала Великой Отечественной войны — начальник отдела Первого управления НКВД СССР. С 1944 по 1946 г. — нелегальный резидент в Италии. С 1946 по 1948 г. — начальник отдела Первого управления МГБ, затем Комитета информации при Совете Министров СССР. С 1948 по 1953 г. — начальник кафедры Высшей разведывательной школы КГБ СССР. С 1953 г. — в отставке по выслуге лет.

Мкртчян Сурен Львович (1903—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Сын пчеловода. Член ВЛКСМ с 1923 г. В органах ОГПУ с 1924 г. Одновременно в 1927 г. окончил Институт востоковедения. Кандидат в члены ВКП(б) с 1927 г.

Модржинская Елена Дмитриевна (Марья) (1910—1982). Советская разведчица. Сотрудница нелегальной резидентуры НКВД—НКГБ в Варшаве в декабре 1940 — июне 1941 г. Жена П. И. Гудимовича. В мае—декабре 1943 г. — начальник Информотдела Первого управления НКГБ, с декабря 1943 по июнь 1946 г. — заместитель начальника Информационного (с октября 1944 г. — 8-го) отдела Первого управления НКГБ. После окончания войны защитила докторскую диссертацию, стала известным советским философом.

Молодцов Владимир Александрович (1911—1942). Сотрудник советских органов госбезопасности. Капитан ГБ. Родился в г. Сасово Рязанской области. Русский. Член ВКП(б) с 1931 г. В 1930 г. по комсомольской путевке уехал в г. Донской Тульской области. Работал шахтером, секретарем комсомольской организации шахты, помощником начальника шахты. Поступил на рабфак при Московском институте инженеров-энергетиков. В 1933 г. направлен на работу в органы госбезопасности. С 1941 г. — на подпольной работе в Одессе. В феврале 1942 г. выдан предателем, в июле — расстрелян оккупантами. Герой Советского Союза (1944, посмертно).

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986). Советский государственный и партийный деятель. Член партии с 1906 г. Вел партийную работу в Казани, Вологодской губернии и Петербурге. Подвергался арестам, ссылке. Участник Октябрьской революции, в 1917 г. член Исполкома Петроградского Совета и член ВРК. В 1918—1919 гг. — председатель Совета народного хозяйства Северного района. С 1919 г. — председатель Нижегородского губисполкома, в 1920 г. — секретарь Донецкого губкома РКП(б). В 1920—1921 гг. — секретарь ЦК КП(б) Украины. Кандидат в члены ЦК

РКП(б) с 1920 г., член ЦК в 1921—1957 гг. В 1921—1930 гг. — секретарь ЦК РКП(б). В 1928—1929 гг. — первый секретарь МГК партии. Кандидат в члены Политбюро с 1921 г., член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б) — КПСС в 1926—1957 гг. В 1930—1941 гг. — Председатель СНК СССР и СТО СССР (до 1937 г.). В 1941—1942 и 1946—1953 гг. — заместитель Председателя, в 1942—1946 и 1953—1957 гг. — первый заместитель Председателя СНК (Совета Министров) СССР. Одновременно в 1939—1949 и 1953—1956 гг. — нарком (министр) иностранных дел СССР. Член ВЦИК, ЦИК СССР. На июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС был выведен из состава ЦК и его Президиума как «член антипартийной группировки, пытавшийся препятствовать разоблачению культа личности Сталина». С 1957 г. — посол в Монголии. В 1960—1962 гг. — постоянный представитель СССР при Международном агентстве по атомной энергии. В 1962 г. исключен из партии. Восстановлен в КПСС в 1984 г. С 1962 г. на пенсии.

Моравец Франтишек (1895—1966). Руководитель чехословацкой разведки в 1930-е годы и в период второй мировой войны. Генерал.

Мордвинов Георгий Иванович (1896—1966). Сотрудник советских органов госбезопасности. Родился в дер. Бурашово Верхне-Удинского района Забайкальской области в семье крестьянина. С 1915 г. — в армии, участник первой мировой войны. С 1918 г. — сотрудник Забайкальской ЧК. С декабря 1918 г. — командир партизанского отряда. С 1920 г. — командир 1-й Амурской кавалерийской бригады. С конца 1921 г. — комиссар Особого Амурского полка. В 1926—1929 гг. — комендант отдельной погранкомендатуры и начальник Феодосийско-Судакского отдела ОГПУ в Крыму. С 1930 г. — по линии внешней разведки в Монголии, затем в Китае. В 1938—1940 гг. — в ИККИ. После начала Великой Отечественной войны — в Четвертом управлении НКГБ. В октябре 1941 г. направлен в Турцию. В 1942 г. арестован турецкими властями и осужден на шестнадцать лет тюремного заключения. В 1944 г. освобожден, вернулся в СССР, работал в центральном аппарате разведки. С октября 1944 по май 1945 г. выполнял спецзадание в немецком тылу. Летом 1945 г. — начальник разведотдела МГБ по Читинской области. С декабря 1945 г. — заместитель управляющего Китайско-Чунцинской железной дороги. С января 1949 г. — в отставке по болезни.

Муромцев Сергей Николаевич (1898—1960). Советский микробиолог. Академик ВАСХНИЛ (1948). Родился в с. Маккавеево Рязанской губернии. В 1923 г. окончил медицинский факультет 1-го Московского университета и работал в научно-исследовательских учреждениях. В 1931 г. — один из организаторов системы Госконтроля ветеринарных биопрепаратов в СССР. Член ВКП(б) с 1940 г. В

1934—1943 гг. разработал и внедрил в практику новый принцип изготовления так называемых полужидких вакцин против ряда заразных болезней животных, за что был удостоен Сталинской премии (1946). С 1956 г. — директор Института эпидемиологии и микробиологии им. Н. Ф. Гамалея АМН СССР. Умер в Москве.

Мэй Алан Нан (Алек) (р. 1911). Английский физик, советский разведчик. Окончил Кембриджский университет. В 1936 г. посетил Ленинград, после чего примкнул к коммунистическому движению. С 1942 г. участвовал в работах по созданию атомного оружия, сначала в Англии, а с 1943 г. — в Канаде. В результате предательства И. Гузенко был арестован в Лондоне и в 1946 г. приговорен сначала к десяти, затем к семнадцати годам тюремного заключения. Вышел на свободу в 1962 г. Переселился в Гану, где преподает физику и греется на солнышке.

Надь Имре (1896—1958). Деятель Компартии Венгрии. В годы первой мировой войны был в русском плену. С 1917 г. — в Красной Армии. В 1917 г. вступил в РКП(б). В 1921 г. вернулся в Венгрию и вступил в СДП. В 1925 г. исключен из СДП и вступил в тогдашнюю ВСРП; был арестован и осужден на два года тюрьмы. В 1929 г. эмигрировал в Берлин, в 1930 г. — в Советский Союз, где жил до 1944 г. Участвовал в работе Зарубежного комитета КПВ. До 1936 г. — сотрудник Международного аграрного института. С 1939 г. — личный секретарь Г. М. Маленкова. С 1941 г. — руководитель радиостанции «Кошут», вещавшей из Москвы. В ноябре 1944 г. возвратился на родину и был назначен министром земледелия во Временном национальном правительстве. В 1945—1946 гг. — министр внутренних дел; в 1947—1949 гг. — Председатель Государственного собрания. Со времени возвращения из СССР до апреля 1955 г. — член ЦР ВКП, затем ВПТ; в 1945—1949 и с 1951 до апреля 1955 г. — член Политбюро; в 1951—1955 гг. — член Секретариата ЦР. В сентябре 1949 г. подвергся критике за занятую им позицию в связи с аграрной политикой и был выведен из состава Политбюро. В 1950 г. — заведующий административным отделом ЦР ВПТ; с конца того же года до января 1952 г. — министр продовольствия, затем до декабря 1952 г. — министр продовольственных заготовок. С декабря 1952 до июля 1953 г. — заместитель Председателя Совета Министров, затем до апреля 1955 г. — Председатель Совета Министров. В апреле 1955 г. снят со всех партийных постов; в декабре 1955 г. исключен из партии; 13 октября 1956 г. восстановлен. 23—24 октября избран членом ЦР и Политбюро ВПТ и назначен Председателем Совета Министров. С 28 октября 1956 г. — член Президиума ВПТ; 31 октября избран членом Административного комитета ВСРП; с 1 до 4 ноября — министр

иностранных дел. 4 ноября вместе со своими соратниками получил убежище в югославском посольстве. 24 ноября похищен и арестован советскими военными властями, затем депортирован в Румынию. В апреле 1957 г. доставлен в Венгрию. 15 июня 1958 г. по обвинению в организации и руководстве заговора, направленного на свержение народно-демократического государственного строя, а также за измену родине приговорен к смерти; на следующий день, 16 июня, приговор приведен в исполнение.

Николаев-Журид Николай Галактионович (1897—1940). Сотрудник советских органов госбезопасности. Комиссар госбезопасности 3-го ранга (1935). В ВЧК с 1919 г. В РКП(б) с 1920 г. С июля 1934 г. — заместитель начальника УНКВД по Азово-Черноморскому краю. С января 1935 г. — заместитель начальника УНКВД по Ленинградской области. С декабря 1936 г. — начальник 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР, с июня 1937 г. — начальник 5-го отдела, с июня 1938 г. — начальник 3-го отдела Первого управления НКВД СССР и заместитель начальника Первого управления. Репрессирован. Приговорен к высшей мере наказания.

Обручников Борис Петрович (1905—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-лейтенант. Уроженец г. Сызрани Куйбышевской области. Член ВКП(б) с 1926 г. В органах НКВД с 1936 г. С 7 июля 1936 по 23 апреля 1937 г. — помощник начальника отделения Особого отдела ГУГБ НКВД СССР. С 23 апреля 1937 г. — заместитель начальника 4-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С 21 октября 1937 г. — заместитель начальника 5-го отделения 3-го отдела и начальник 6-го отделения 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С 3 августа 1939 г. — заместитель начальника 5-го отделения ГЭУ НКВД СССР. В 1941—1952 гг. — заместитель наркома (министра) внутренних дел СССР по кадрам. В 1952—1953 гг. — заместитель министра государственной безопасности СССР, в марте—июле 1953 г. — начальник Управления кадров МВД СССР. В марте 1954 г. уволен из органов МВД, в 1955 г. лишен воинского звания по фактам дискредитации.

Овакимян Гайк Бадалович (1898—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-майор. Армянин. В 1929 г. окончил МВТУ им. Баумана. С 1931 г. — в ОГПУ. В 1931—1932 гг. — в Германии по линии внешней разведки. В 1932—1933 гг. — адъютант Военно-химической академии РККА. В 1933—1941 гг. — в США, заместитель резидента, резидент (с 1939 г.) по линии научно-технической разведки. В апреле 1941 г. арестован ФБР. С началом Великой Отечественной войны освобожден, выехал в СССР. В 1941—1943 гг. — начальник отдела в центральном аппарате развед-

ки. С 1943 г. — заместитель начальника внешней разведки. С 1947 г. — в распоряжении Комитета информации при Совете Министров СССР.

Огольцов Сергей Иванович (1900—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-лейтенант (1945). Член партии большевиков с 1918 г. В органах ВЧК с 1918 г. В 1939—1941 гг. — начальник УНКВД по г. Ленинграду. В 1941—1943 гг. — заместитель начальника УНКГБ—УНКВД по Ленинградской области. В 1943—1944 гг. — начальник УНКВД—УНКГБ по Куйбышевской области. В 1944—1945 гг. — нарком госбезопасности Казахской ССР. В 1945 г. — первый заместитель наркома госбезопасности СССР. В 1946—1952 гг. — заместитель министра госбезопасности СССР и заместитель председателя коллегии МГБ СССР. В 1952 г. — министр госбезопасности Узбекской ССР. В 1953—1954 гг. — первый заместитель министра госбезопасности СССР и начальник ГРУ МГБ СССР. В 1954 г. уволен из КГБ СССР по выслуге лет. В 1957 г. — уволен по фактам дискредитации. В 1959 г. лишен звания генерал-лейтенанта.

Оппенгеймер Роберт (1904—1967). Американский физик-теоретик, член Национальной академии наук (1941). Родился в Нью-Йорке. Окончил Гарвардский университет (1925). Совершенствовал знания в Кембриджском университете у Э. Резерфорда (1925—1926) и Геттингенском университете у М. Борна (1927), где защитил докторскую диссертацию. В 1928 г. возвратился в США. В 1929—1947 гг. работал в Калифорнийском университете и Калифорнийском технологическом институте (с 1936 г. — профессор). В 1943—1945 гг. возглавлял Лос-Аламосскую научную лабораторию. В 1947—1966 гг. — директор и в 1947—1967 гг. — профессор Института перспективных исследований (Принстон). Основатель научной школы в Беркли. Член ряда академий наук и научных обществ. С 1948 г. — президент Американского физического общества.

Орлов Александр Михайлович (в кадрах ОГПУ—НКВД Никольский Лев Лазаревич, наст. имя Фельбинг Лейба Лазаревич) (1895—1973). Сотрудник советских органов госбезопасности. Майор госбезопасности (1935). Студент юрфака Московского университета. С 1916 г. в армии. Член партии социал-демократов-интернационалистов, затем РКП(б). В 1918—1919 гг. — сотрудник Высшего финансового совета. Участник Гражданской войны на юге России. В 1920 г. в Особом отделе 12-й армии. Начальник Секретно-оперативной части Архангельской ЧК. В 1921—1924 гг. — следователь Верховного трибунала при ВЦИК и помощник прокурора уголовно-кассационной коллегии Верховного суда. С 1924 г. — сотрудник Экономического управления ОГПУ и начальник погранохраны Сухумского гарнизона. С 1926 г. — в ИНО ОГПУ. В 1926—1930 гг. — во

Франции. В 1930—1933 гг. — в центральном аппарате ИНО в Москве. В 1933—1937 гг. — нелегальный резидент ИНО во Франции, Австрии, Италии. В 1937—1938 гг. — резидент НКВД и советник республиканского правительства по безопасности в Испании. С июля 1938 г. невозвращенец. Жил в США.

Орлов Михаил Федорович (?—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Полковник. Родился в рабочем поселке Белевского уезда Тульской губернии в семье рабочего-слесаря. С 1919 г. — уполномоченный укома комсомола по организации волостных ячеек, председатель райкома комсомола. С декабря 1920 г. — в РККА, участвовал в подавлении антисоветских мятежей, затем окончил Объединенную военную школу имени ВЦИК. С февраля 1926 г. — член ВКП(б). В 1930—1931 гг. принимал участие в борьбе с бандитизмом в Азербайджане и с басмачеством в Средней Азии. Затем в войсках НКВД, работал в военных учебных заведениях. Перед началом Великой Отечественной войны — начальник Себежского военного училища НКВД. После начала войны — заместитель начальника Особой группы, с 15 октября 1941 г. командир ОМСБОНа.

Орловский Кирилл Прокофьевич (Аршинов, Муха-Михальский) (1895—1968). Активный участник партизанского движения в Белоруссии. Родился в дер. Мышковичи Смоленской области в крестьянской семье. Белорус. До 1915 г. крестьянствовал. В 1915—1918 гг. — в армии, унтер-офицер, командир саперного взвода 65-го стрелкового полка на Западном фронте. Член РКП(б) с 1918 г. В июне того же года создал партизанский отряд в Бобруйском уезде, действовавший против немецких оккупантов. В декабре 1918 — апреле 1919 г. — в Бобруйской ЧК. В 1919—1920 гг. учился на курсах комсостава, участвовал в боях против войск Юденича, в советско-польской войне. В 1920—1925 гг. руководил партизанскими группами в Западной Белоруссии. В 1930 г. окончил Коммунистический университет нацменьшинств Запада им. Мархлевского. В 1925—1937 гг. — в органах ГПУ—НКВД Белоруссии. В 1936 г. — начальник участка на строительстве канала Москва—Волга. В 1937—1938 гг. участвовал в гражданской войне в Испании. С 1939 г. — помощник директора Сельскохозяйственного института в Чкалове (Оренбург). С 1940 г. — в органах госбезопасности. 27 октября 1942 г. направлен с группой десантников в тыл врага, в район Беловежской пуши, участвовал в организации партизанских отрядов и сам возглавил отряд «Соколы». В феврале 1943 г. во время операции по уничтожению заместителя гауляйтера Белоруссии Ф. Фенса был тяжело ранен. С августа 1943 по декабрь 1944 г. — в НКГБ Белоруссии. С января 1945 г. — председатель колхоза «Рассвет» Кировского района Могилевской области. Делегат XX, XXII и XXIII съездов КПСС. В 1956—1961 гг. — канди-

дат в члены ЦК КПСС. Герой Советского Союза (1943). Герой Социалистического Труда (1958). Награжден пятью орденами Ленина, орденом Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени БССР и медалями.

Панфилов Алексей Павлович (1898—1966). Советский военачальник, один из руководителей советской военной разведки. Генерал-лейтенант (1944). Родился в Казани в семье железнодорожного служащего. Окончил Свияжское высшее начальное училище и два курса Казанского политехнического института. В апреле 1918 г. вступил добровольцем в РККА. Член РКП(б) с 1918 г. Участвовал в Гражданской войне на Восточном фронте в составе 26-й стрелковой дивизии. Уездный военком, занимал административно-хозяйственные должности, на военно-политической работе: военком полка, военком отдельной бригады. В 1925—1926 гг. — на учебе на Курсах усовершенствования высшего начсостава РККА. В 1928—1931 гг. — помощник прокурора 18-го стрелкового корпуса, помощник прокурора Отдела военной прокуратуры ЛВО. В 1937 г. окончил Военную академию механизации и моторизации им. Сталина. Участник боев в районе озера Хасан и на реке Халхин-Гол. Помощник начальника Автобронетанкового управления ГШ РККА. В 1940—1941 гг. — заместитель начальника Разведупра ГШ РККА. В 1941—1942 гг. — начальник Разведупра ГШ РККА, уполномоченный ГШ РККА по формированию частей польской армии. В 1942—1945 гг. командовал крупными танковыми соединениями на фронте. Затем на командных должностях в войсках, в Академии бронетанковых войск и в Военной академии Генерального штаба. Герой Советского Союза (1945).

Папен Франц фон (1879—1969). Германский государственный деятель и дипломат. Принадлежал к католической партии центра. В 1913—1915 гг. — военный атташе в США, откуда был выслан за организацию шпионажа. С 30 мая по 6 ноября 1932 г. — рейхсканцлер. С января по ноябрь 1933 г. — вице-канцлер в правительстве А. Гитлера. С ноября 1933 г. — чрезвычайный уполномоченный правительства по делам Саарской области. С июля 1934 по март 1938 г. — посланник в Австрии. С апреля 1939 до осени 1944 г. — посол в Турции. Был оправдан Международным военным трибуналом в Нюрнберге. В январе 1947 г. немецкий суд по денацификации приговорил его к восьми годам заключения в трудовом лагере. Освобожден в 1949 г.

Пассов Залман Исаевич (1905—1940). Сотрудник советских органов госбезопасности. Старший майор ГБ (1938). Родился в Старой Руссе. С 1922 г. — в органах госбезопасности. С 1927 г. — член

ВКП(б). В 1929 г. окончил Высшую пограншколу ОГПУ. Работал в Особом отделе сотрудником для особых поручений, заместитель начальника отделения. С 1936 г. — в контрразведке. В 1937—1938 гг. — заместитель начальника 3-го отделения ГУГБ НКВД СССР. С апреля по ноябрь 1938 г. — начальник 5-го отдела (ИНО) Первого управления НКВД СССР. Арестован в ноябре 1938 г. Приговорен к высшей мере наказания. В феврале 1940 г. расстрелян.

Перевозников Самуил Маркович (1904—1939). Советский разведчик. В 1922—1926 гг. учился в Германии, где в 1926 г. вступил в КПГ. Активно участвовал в молодежном коммунистическом и профсоюзном движении. С 1926 г. в СССР, перевелся в члены ВКП(б) и работал в Профинтерне. С 1933 г. в органах ОГПУ. В течение пяти лет нелегальный резидент «Особой группы Серебрянского» в Шанхае. В 1939 г. репрессирован.

Перминов Петр Романович (1906—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Русский. В 1923—1928 гг. — в ВЛКСМ, член ВКП(б) с 1928 г. В 1936 г. — начальник Бийского райотдела НКВД, лейтенант ГБ. В 1937 г. начальник Куйбышевского оперсектора НКВД ЗСК, старший лейтенант ГБ. С октября 1937 г. — начальник СПО УНКВД по Алтайскому краю. В январе 1938 г. вместе со своим заместителем И. Я. Юркиным арестовал 810 якобы «повстанцев», из которых 29 были расстреляны, а 242 — освобождены. Затем создал дело на 25 человек, из которых 16 — расстреляны, а 9 — освобождены. 7 марта 1939 г. исключен из партии за нарушения законности, приговорен к высшей мере наказания военной коллегией Верховного суда СССР 28—29 мая 1941 г. Военным трибуналом НКВД ЗСО осужден на десять лет ИТЛ и отправлен на фронт. С января 1942 г. выполнял спецзадания в составе опергруппы управления НКГБ. В качестве командира разведгруппы организовал в августе 1943 г. рейд в Киев, где лично проводил разведку. С сентября 1944 г. в качестве заместителя командира оперативной группы НКГБ СССР вторично заброшен на оккупированную территорию для ведения диверсионной разведывательной работы в тылу врага. 27 апреля 1945 г. восстановлен КПК в партии.

Питовранов Евгений Петрович (1915—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. В 1946—1950 гг. — начальник Второго главного управления МГБ СССР. В 1951—1952 гг. — отстранен от должности, под следствием. В 1953—1957 гг. — старший советник МВД—КГБ СССР в ГДР.

Понтекорво Бруно Максимович (р. 1913). Советский физик, академик (1964, член-корреспондент с 1958 г.). Родился в Пизе (Италия). Окончил Римский университет (1933), работал в нем, затем в 1936—1940 гг. — во Франции, в 1940—1943 гг. — в США, в 1943—

1948 гг. — в Канаде, в 1948—1950 гг. — в Атомном центре в Харуэлле в Англии. С 1950 г. работал в СССР. В 1950—1956 гг. — в Институте ядерных проблем АН СССР, с 1956 г. — в Объединенном институте ядерных исследований (г. Дубна), с 1961 г. — также профессор Московского университета. Лауреат Сталинской премии (1954), Ленинской премии (1963).

Правдин Владимир Сергеевич (он же Франсуа Росси, Ролан Аб-биат) (1904(1905?)—1962). Агент ИНО ОГПУ. Из семьи музыканта и композитора, гражданина Монако. Родился в Англии. Вырос в Санкт-Петербурге. В 1920 г. выехал с родителями в Монако. Работал по найму в сельском хозяйстве в г. Ланкастер (Англия). В 1922—1924 гг. — посыльный, официант гостиницы «Эрмитаж» в Монте-Карло. В 1924—1925 гг. — бухгалтер гостиницы «Париж» в Монте-Карло, в 1925—1926 гг. — кассир гостиницы «Метрополь» в Марселе, в 1926 г. — официант гостиницы «Астор» в Нью-Йорке. В 1926—1928 гг. — безработный в США. В 1929—1932 гг. — заместитель администратора и администратор гостиницы «Альгамбра» в Ницце. В 1932—1948 гг. — сотрудник ОГПУ—НКВД—МГБ. Выполнял ответственные задания в Швейцарии, Франции, Мексике. Участник убийства И. Рейсса. В 1937 г. принял советское гражданство. С 1938 г. в СССР. В 1940—1941 гг. — выпускающий информацию для заграницы ТАСС. В 1941—1943 гг. — корреспондент-редактор отделения ТАСС в Нью-Йорке, в 1943—1946 гг. — заведующий отделением ТАСС в США. Член ВКП(б) с 1946 г. С 1948 г. — на пенсии по инвалидности. В 1948—1951 гг. — главный редактор Издательства иностранной литературы. В мае—июле 1953 г. — сотрудник 9-го отдела МВД СССР (у Судоплатова) в звании капитана.

Прокопюк Николай Архипович (1902—1975). Один из руководителей партизанского движения во время Великой Отечественной войны. Полковник (1948). Родился в с. Самчики ныне Староконовского района Хмельницкой области. Украинец. В РККА с 1920 г. Участник Гражданской войны. Затем служил в органах госбезопасности. Участник гражданской войны в Испании в 1937—1938 гг. Во время Великой Отечественной войны в августе 1942 г. был заброшен в тыл врага во главе чекистской группы «Охотники», на базе которой под его командованием было создано партизанское соединение, действовавшее в 1942—1944 гг. на территории Украины, Польши и Чехословакии. Член ВКП(б) с 1944 г. С декабря 1944 по июль 1946 г. участвовал в войне в Китае. С 1950 г. в запасе. Герой Советского Союза (1944). Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени и медалями, а также восемью иностранными орденами.

Прокофьев Георгий Евгеньевич (1895—1937). Сотрудник советских органов госбезопасности. Из дворян. Родился в Киеве в семье мелкого чиновника. По образованию — юрист. Окончил Киевский университет. В 1916—1918 гг. анархо-коммунист. С 1919 г. член РКП(б). В период Гражданской войны — в 12-й и 1-й Конной армиях. Затем — один из организаторов и руководителей ИНО ВЧК—ОГПУ. В 1921—1922 гг. — помощник начальника Закардонной части ИНО ГПУ, в 1922—1924 гг. — помощник начальника ИНО ГПУ, в 1925—1926 гг. — начальник Информационного отдела ОГПУ, в 1926—1931 гг. — начальник Экономического управления. С ноября 1932 по 1934 г. — заместитель председателя ОГПУ и начальник Главного управления рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ. В июле 1934 — сентябре 1936 г. второй заместитель наркома внутренних дел СССР, уполномоченный НКВД при СНК СССР. Комиссар госбезопасности 1-го ранга (1935). В 1936—1937 гг. — заместитель наркома связи СССР. Член КСК с 1934 г. Член ВЦИК и ЦИК. Репрессирован (расстрелян 14 августа 1937 г.).

Прудников Борис Михайлович (?—?). Заместитель начальника советской внешней разведки накануне Великой Отечественной войны. Добровольно пошел на фронт и погиб в битве под Москвой.

Прудников Михаил Сидорович (р. 1913). Сотрудник советских органов госбезопасности. Родился в семье крестьянина. В 1931—1933 гг. — красноармеец 15-го Алма-Атинского полка войск ОГПУ. В 1933—1935 гг. — курсант 2-й Харьковской пограничной школы, по окончании которой был назначен комендантом школы. В 1940—1941 гг. — курсант Московской высшей пограничной школы. С июля 1941 по февраль 1942 г. — командир пулеметной роты ОМСБОНа, командир батальона ОМСБОНа. С февраля 1942 по май 1943 г. — командир оперативной группы «Неуловимые» в тылу немецких войск. Подполковник (1943).

Пудин Василий Иванович (1901—1974). Сотрудник советских органов госбезопасности. Сын сапожника. В 1916—1918 гг. — ломовой извозчик. Образование низшее. С 1919 г. — в РККА. С 1920 г. — помощник коменданта и комендант Ревтрибунала, с 1921 г. — в МЧК. С 1923 г. — на нелегальной работе в Харбине. В 1932 г. — в Монголии. Во время Великой Отечественной войны — руководитель диверсионной группы в Белоруссии. После окончания войны — заместитель начальника Управления внешней разведки. С 1952 г. — в отставке по состоянию здоровья.

Рабцевич Александр Маркович (1898—1961). Один из руководителей партизанского движения в Белоруссии во время Великой Отечественной войны. Родился в дер. Лозовая Буда Кировского района

Могилевской области в семье крестьянина. Белорус. Член ВКП(б) с 1939 г. В 1918 г. — партизан отряда, действовавшего в Бобруйском уезде против корпуса Довбор-Мусницкого и немецких оккупантов. С конца 1918 г. — в РККА. В октябре—ноябре 1919 г. на Петроградском фронте. В 1920 г. окончил Школу комсостава РККА. В 1921—1924 гг. — участник партизанского движения в Западной Белоруссии. В 1937—1938 гг. — участник гражданской войны в Испании. С 1941 г. — командир роты ОМСБОНа. С июля 1942 г. — командир диверсионного партизанского отряда «Храбрецы», действовавшего в Белоруссии. В 1945—1952 гг. — в органах МГБ БССР. Герой Советского Союза (1944).

Радзивилл Януш (1880—1967). Польский князь. Жил в Берлине и до 1918 г. руководил польской фракцией в рейхстаге. Был дружен с Г. Герингом, в имении которого охотился. В 1939 г. арестован органами НКВД. В 1940 г. с помощью Геринга освобожден и выехал в Германию. В 1944 г. арестован гестапо, в 1945 г. — вновь органами НКВД.

Радзивиловский Александр Павлович (1904—1940). Сотрудник советских органов госбезопасности. Старший майор ГБ (1935). В органах ВЧК с 1921 г. Член ВКП(б) с 1927 г. В 1932—1936 гг. — ПП ОГПУ, заместитель начальника УНКВД по Московской области, с июля 1937 по февраль 1938 г. — начальник УНКВД по Ивановской области. С февраля 1938 г. — в распоряжении Отдела кадров НКВД СССР. С июня по сентябрь 1938 г. — начальник 3-го отдела Третьего управления НКВД СССР. Репрессирован.

Райхман Леонид Федорович (1908—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-лейтенант (1945). В органах ОГПУ с 1924 г. В 1946—1953 гг. — заместитель начальника Второго главного управления МГБ СССР, в марте—июне 1953 г. — начальник контрольной инспекции при МВД СССР. В 1956 г. осужден военной коллегией Верховного суда СССР на пять лет лишения свободы и лишен воинского звания.

Рапава Авксентий Нарикович (1899—1955). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-лейтенант (1945). В органах с 1924 г. В 1934—1936 гг. — начальник Дорожно-транспортного отдела ГУГБ НКВД Закавказской железной дороги. В 1936—1938 гг. — заместитель наркома внутренних дел Грузинской ССР. Одновременно в 1937—1938 гг. — начальник 3-го отдела УГБ НКВД Грузинской ССР. В 1938 г. — исполняющий обязанности председателя ЦИК Абхазской АССР. В 1938—1941 гг. — нарком внутренних дел Грузинской ССР. В 1941 г. — нарком госбезопасности Грузинской ССР. В 1941—1943 гг. — нарком внутренних дел Грузинской ССР. С 1943 г. — нарком госбезопасности Грузинской ССР. В 1955 г. приговорен к высшей мере наказания.

Ратушный Н. Т. (1906—?). Заместитель наркома внутренних дел СССР.

Робелен Густав (1905—1967). Немецкий коммунист. В 1933 г. эмигрировал из Германии. Вел работу на территории Голландии, Бельгии, Франции и Англии. Известен как Ротфронт Густав. В 1936—1939 гг. — участник гражданской войны в Испании, майор. Неоднократно выполнял спецзадания советской разведки. В период Великой Отечественной войны — сотрудник Четвертого управления НКВД—НКГБ, действовал на оккупированной территории. В 1945 г. вернулся в Германию, где занимал руководящие посты в ЦК КПГ, а затем — СЕПГ.

Рогатнев Глеб Иванович (?—?). Сотрудник ИНО НКВД с 1938 г., резидент зарубежной разведки НКВД в Италии в 1940—1941 гг.

Родос Борис Вениаминович (1905—1956). Сотрудник советских органов госбезопасности. Член ВКП(б) с 1938 г. В 1933—1937 гг. — на работе в УНКВД по Одесской области. В 1938—1947 гг. — следователь, начальник Следчасти по ОВД НКВД—МГБ СССР. В 1947—1952 гг. — заместитель начальника УМГБ по Крымской области. Приговорен к высшей мере наказания.

Ромпе Роберт (1905—?). Немецкий физик, член АН ГДР (1953). Родился в Петербурге. Окончил Технический университет в Берлине. В 1930—1945 гг. работал в фирме «Осрам». С 1946 г. — профессор университета им. А. Гумбольдта (Берлин) и директор 2-го Физического института этого университета, с 1950 г. — директор Института источников АН ГДР, с 1958 г. — Физико-технического института. С 1969 г. — директор Центрального института электронной физики АН ГДР. Национальная премия (1951). Один из основателей журнала «Наука и прогресс» и физического общества ГДР, был его председателем.

Росси Бруно (1905—?). Итальянский физик, член Академии деи Линчеи (1959). Родился в Венеции. Учился в университетах Падуи (1923—1925) и Болоньи (1925—1927). В 1928—1932 гг. работал в университете во Флоренции, в 1932—1938 гг. — профессор Падуанского университета. С 1939 г. — в США. В 1939—1940 гг. работал в Чикагском, в 1940—1943 гг. — в Корнеллском университетах, в 1943—1946 гг. — в Лос-Аламосской лаборатории. В 1946—1970 гг. — профессор Массачусетского технологического института. Член Национальной АН США (1950).

Рощин Василий Петрович (1903—1988). Сотрудник советских органов госбезопасности. Родился в с. Жариково Ханкайской волости Николо-Уссурийского района Приморского края в семье крестьянина. В 1920 г. участвовал в партизанском движении на Дальнем Востоке. В ноябре 1925—1926 гг. — в Харбине по линии военной раз-

ведки. С декабря 1926 до 1929 г. — в харбинской резидентуре внешней разведки. В 1929—1930 гг. — резидент внешней разведки в Харбине. В 1930—1932 гг. — заместитель начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД. С июня 1932 г. — сотрудник резидентуры в Германии. С мая 1935 г. — резидент в Австрии. В 1938 г. отозван и уволен из разведки, в начале 1941 г. восстановлен. После начала Великой Отечественной войны — начальник отделения Четвертого управления НКГБ. В 1943—1945 гг. — резидент внешней разведки в Швеции, в 1945—1947 гг. — в Финляндии. В октябре 1947 — июле 1950 г. — резидент КГБ в Берлине. В 1950—1953 гг. — в центральном аппарате разведки. С 1953 г. — в отставке по состоянию здоровья.

Рузвельт Франклин Делано (1882—1945). Американский государственный деятель. С 1933 г. президент США от Демократической партии. Избирался на этот пост четыре раза подряд. В 1933 г. установил дипломатические отношения с СССР. Известен как автор реформ («Новый курс») и один из основателей антигитлеровской коалиции в годы второй мировой войны.

Рыбкин (Ярцев) Борис Аркадьевич (1899—1947). Советский разведчик. Полковник. Родился в крестьянской семье на Украине. Еврей. С десяти лет работал наборщиком в типографии, окончил коммерческое училище. В 1920—1921 гг. — в РККА. С 1921 г. — в органах ВЧК—ОГПУ, с 1930 г. — в органах внешней разведки НКВД—НКГБ. Используя дипломатическое прикрытие, находился в длительных командировках в Иране, Финляндии. С 1941 г. — резидент советской разведки в Стокгольме. В 1944 г. — начальник отдела Четвертого управления НКГБ СССР. Погиб в автомобильной катастрофе в Чехословакии.

Рыжов Михаил Иванович (?—1939). Сотрудник советских органов госбезопасности. Старший майор ГБ. В июле—октябре 1937 г. — начальник АХУ НКВД СССР. Позднее нарком лесной промышленности СССР. Арестован, умер во время следствия.

Рюти Ристо (1889—1956). Финский государственный деятель. В 1939—1940 гг. — премьер-министр, в 1940—1944 гг. — президент Финляндии. Способствовал вовлечению страны во вторую мировую войну на стороне фашистской Германии. В 1946 г. осужден как военный преступник. В 1949 г. освобожден.

Рясной Василий Степанович (1904—1995). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-лейтенант (1945). Родился в Самарканде. Член партии с 1922 г. В органах НКВД, с 1937 г. В 1941—1943 гг. — начальник УНКВД—УНКГБ по Горьковской области. В 1943—1946 гг. — нарком внутренних дел УССР. В 1946—1952 гг. — заместитель и первый заместитель министра внутренних дел СССР. В 1952—1953 гг. — заместитель министра госбезопасности СССР,

член коллегии МГБ СССР, одновременно в 1952 г. — начальник Второго главного управления МГБ СССР, врид заместителя начальника Управления охраны МГБ СССР, в 1953 г. — начальник Управления контрразведки внутри страны ГРУ МГБ СССР. В 1953—1956 гг. — начальник УМВД по Москве и Московской области. В 1956 г. уволен в запас по болезни, затем — по фактам дискредитации.

Савченко И. Т. (1908—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. В 1947—1951 гг. — заместитель начальника Управления кадров ЦК КП(б) Украины, в 1951—1952 гг. — заместитель министра государственной безопасности СССР, в 1952—1953 гг. — начальник Главного управления специальной службы при ЦК ВКП(б), с марта 1953 г. — начальник Восьмого управления МВД СССР, с 1954 г. — заместитель председателя КГБ при Совмине СССР, полковник.

Савченко Сергей Романович (1904—1966). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-лейтенант. Родился в г. Скадовске в семье грузчика. Член ВКП(б) с 1926 г. В органах НКВД — с 1939 г. В 1939 г. — заместитель начальника пограничных войск НКВД Киевского округа, в 1940 г. — заместитель начальника пограничных войск НКВД Украинского округа, начальник 5-го отдела Управления погранвойск НКВД УССР, заместитель начальника погранвойск НКВД УССР. С мая 1941 г. — заместитель наркома госбезопасности УССР, с июля 1941 г. — заместитель наркома внутренних дел УССР, с мая 1943 г. — заместитель наркома госбезопасности УССР. В последующие годы — на руководящих должностях в органах МГБ—МВД СССР. В 1953—1954 гг. — начальник Особого отдела МВД Управления строительных войск при строительстве № 565. В феврале 1955 г. уволен из органов госбезопасности по служебному несоответствию.

Саджая Алексей Николаевич (1897—1942). Сотрудник советских органов госбезопасности. Старший майор ГБ (1938). Родился в селе Патара-Коки Зугдидского уезда Кутаисской губернии в семье крестьянина. В 1914 г. принимал участие в организации нелегального революционного кружка учащихся в Зугдидском шестиклассном училище. Вынужден был оставить училище из-за отсутствия средств. Работал в Туапсе чернорабочим и грузчиком. Во время Октябрьской революции участвовал в установлении советской власти на Кубани. С 1918 г. в РККА. Член РКП(б) с 1919 г. В начале 1921 г. — на подпольной работе в Абхазии. В органах госбезопасности с 1921 г. В 1931—1934 гг. — председатель ГПУ Аджарской АССР. В 1934—1935 гг. — начальник УНКВД по Аджарской АССР. В 1935—1938 гг. — первый секретарь Потийского, Кутаисского горкомов и Аджарского обкома КП(б) Грузии. В 1938—1941 гг. — нарком внутренних дел Узбекской ССР. В 1941 г. — нарком госбезопасности Узбекской

СССР. Погиб в ноябре 1942 г. при выполнении служебных обязанностей.

Сазыкин Николай Степанович (1910—1985). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-лейтенант (1945). В органах НКВД с 1930 г. Член ВКП(б) с 1939 г. В 1938—1939 гг. — начальник Секретариата 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР. В 1939 г. — заместитель начальника Секретариата НКВД СССР. В 1939—1940 гг. — начальник УНКВД по Молотовской (Пермской) области. В 1940—1941 гг. — нарком госбезопасности Молдавской ССР. В 1941 г. — начальник Особого отдела НКВД Южного фронта. В 1941—1943 гг. — начальник 3-го спецотдела НКВД СССР. В 1943—1944 гг. — заместитель начальника Второго главного управления НКГБ СССР. В 1944—1945 гг. — уполномоченный НКВД и НКГБ СССР по Эстонии. В 1945—1947 гг. — заместитель начальника отдела «С» НКГБ—МГБ СССР. В 1947 г. — заместитель министра госбезопасности БССР. В 1947—1953 гг. — помощник Л. П. Берия в Совмине СССР, в марте—июле 1953 г. — член коллегии МВД СССР и начальник Четвертого управления МВД СССР. В 1954 г. лишен воинского звания и уволен из органов.

Сафразьян Леон Богданович (1893—1954). Советский промышленный руководитель. Родился в Баку. В 1929—1934 гг. — заместитель начальника строительства и директор Челябинского тракторного завода. В 1934—1935 гг. — начальник строительства Ярославского автозавода. В 1935—1937 гг. — начальник строительства Горьковского автозавода. С сентября 1937 г. — начальник Главного управления капитального строительства Наркоммаша. С июля 1938 г. — начальник Главвоенстроя при СНК СССР. С 22 марта 1941 по 5 февраля 1946 г. — заместитель наркома внутренних дел СССР. Одновременно с 31 июля 1941 по 5 февраля 1946 г. — начальник Главного управления аэродромного строительства НКВД СССР. С 5 февраля 1946 г. — заместитель наркома (министра) по строительству топливных предприятий. С 28 декабря 1948 г. — заместитель министра нефтяной промышленности СССР. 21 сентября 1954 г. погиб при исполнении служебного задания.

Свобода Людвиг (1895—1979). Государственный, политический и военный деятель Чехословакии. Генерал армии (ноябрь 1945 г.). Родился в с. Грознатин (Чехия) в крестьянской семье. Получил агрономическое образование. В 1915 г. призван в австро-венгерскую армию и направлен на русский фронт. Перешел на сторону русских войск. В 1916 г. вступил в чехословацкий легион, командовал взводом, затем ротой. В 1920 г. вернулся на родину, кадровый офицер чехословацкой армии. В 1931—1934 гг. преподавал в Военной академии в Границе (Моравия), затем командир пехотного батальона.

После оккупации Чехословакии немцами был одним из организаторов подпольной антифашистской организации. Летом 1939 г. выехал в Польшу, где в Кракове сформировал чехословацкую воинскую часть, с которой в сентябре 1939 г. перешел в СССР. Инициатор создания в феврале 1942 г. в Бузулуке 1-го Чехословацкого отдельного пехотного батальона. В 1943 г. возглавил 1-ю Чехословацкую отдельную бригаду, в 1944 г. — 1-й Чехословацкий армейский корпус. В 1945—1950 гг. — министр обороны чехословацкого правительства. Вместе с другими чехословацкими деятелями подписал Кошицкую программу. В 1948 г. вступил в КПЧ. В 1950—1951 гг. — заместитель председателя правительства Чехословакии, председатель Государственного комитета по делам физкультуры и спорта. В 1955—1959 гг. — начальник Военной академии им. К. Готвальда. В марте 1968 — мае 1975 г. — президент ЧССР. Член ЦК КПЧ в 1948—1949 гг. и с августа 1968 г., член Президиума ЦК КПЧ с августа 1968 г. Трижды Герой ЧССР (1965, 1970, 1975), Герой Советского Союза (1965).

Селивановский Николай Николаевич (1901—1997). Один из руководителей советских органов госбезопасности. Родился в местечке Хойники Речинского уезда Полесской области. В 1920—1922 гг. — в РККА. С ноября 1922 по апрель 1937 г. — в Особом отделе ГПУ—ОГПУ—НКВД, последнее место службы — Бухара. С апреля 1937 г. — в аппарате ГУГБ НКВД СССР. С февраля 1941 г. — начальник отделения Третьего управления НКО СССР. С октября 1941 г. — начальник Особых отделов НКВД Юго-Западного, Сталинградского, Донского фронтов, в ноябре 1942 — январе 1943 г. — вновь Сталинградского фронта. Затем заместитель начальника УОО НКВД СССР. С мая 1943 по 1945 г. — заместитель начальника Главного управления военной контрразведки СМЕРШ Наркомата обороны по разведывательной работе. Одновременно в январе—апреле 1945 г. — уполномоченный НКВД СССР на 4-м Украинском фронте и в Польше. С 7 мая 1946 г. — заместитель министра госбезопасности СССР. 26 августа 1951 г. освобожден от занимаемой должности. 2 ноября 1951 г. арестован по делу Абакумова. 21 марта 1953 г. освобожден за отсутствием состава преступления. В июне 1953 г. уволен в запас по состоянию здоровья.

Семенов Семен Маркович (1911—1986). Сотрудник советских органов госбезопасности. Подполковник. Родился в Одессе. Еврей. В 1936 г. окончил Московский текстильный институт по специальности инженер-энергетик. С 1937 г. — в органах НКВД. В 1938—1944 гг. — в резидентуре внешней разведки в США под прикрытием (в 1938—1940 гг. студента Массачусеттского технологического института, с 1940 г. — инженера Амторга). В 1946—1949 гг. — во Фран-

ции. В 1953 г. уволен из органов госбезопасности. Работал на текстильной фабрике, затем переводчиком технической литературы в одном из издательств.

Сергиенко Василий Тимофеевич (1903—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Член ВКП(б) с 1927 г. Из рабочих. В органах ОГПУ с 1927 г. В 1939—1940 гг. — начальник Следственной части ГУГБ НКВД СССР. В 1940—1941 гг. — заместитель наркома внутренних дел УССР и начальник УНКВД по Львовской области. В 1941—1943 гг. — нарком внутренних дел УССР. В 1943—1946 гг. — нарком внутренних дел Крымской АССР, затем начальник УНКВД—УМГБ по Крымской области. В 1946—1947 гг. — заместитель начальника Управления строительства № 907 МВД и комбината и ИТЛ МВД СССР. В 1948—1952 гг. — начальник Управления Особлага МВД № 3 Дубровлага МВД СССР. В 1952—1954 гг. — начальник Управления Песчаного ИТЛ МВД СССР. В 1954 г. уволен по фактам дискредитации. В 1955 г. лишен звания генерал-лейтенанта.

Серебрянский (Бергман) Яков Исаакович (1891—1953). Сотрудник советских органов госбезопасности. Старший майор ГБ (1936); полковник (1943). Сын подмастерья-часовщика. Окончил городское училище. До 1917 г. — монтер, затем служил в Красной Армии. Член партии эсеров в 1907—1917 гг. Член ВКП(б) с 1927 г. В РККА в 1917—1920 гг. В органах ОГПУ с 1920 г. Заочно окончил Свердловский университет. С 1926 г. начальник Группы специальных операций ИНО ОГПУ (Группа Яши). Координировал деятельность так называемых «летучих групп» за границей, в которые входили сотрудники нелегальных резидентур и агенты-нелегалы. В январе 1930 г. руководил операцией по похищению в Париже руководителя РОВС генерала А. Кутепова. В 1931 г. был арестован в Румынии. С декабря 1936 г. — начальник Группы особых заданий при наркоме ВД. 10 ноября 1938 г. арестован, 7 июля 1941 г. осужден военной коллегией Верховного суда СССР. 9 августа 1941 г. по ходатайству П. А. Судоплатова амнистирован со снятием судимости, 30 сентября 1941 г. восстановлен в ВКП(б). С 1941 г. — начальник направления Особой группы, затем — Четвертого управления НКВД—НКГБ СССР. С мая 1953 г. — в 9-м отделе МВД СССР, в августе 1953 г. арестован, умер на допросе в Прокуратуре СССР.

Серов Иван Александрович (1905—1990). Один из руководителей советских органов госбезопасности. Уроженец дер. Афимская Сокольского района Вологодской губернии. После окончания средней школы в 1923 г. работал в сельском исполкоме. С 1926 г. — член ВКП(б). В 1928 г. закончил Ленинградское военное училище, после чего проходил службу в артиллерии: командовал взводом, батареями, занимал должность начальника штаба полка. В 1935—1939 гг. —

слушатель Военной академии им. Фрунзе. По окончании работал в НКВД СССР, заместитель начальника, затем начальник Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР. С 1939 г. — начальник 2-го отдела и заместитель начальника ГУГБ НКВД СССР. С 25 февраля 1941 г. — первый заместитель наркома госбезопасности. Комиссар госбезопасности 2-го ранга (4 февраля 1943 г.). В 1941—1954 гг. — заместитель, первый заместитель наркома (министра) внутренних дел СССР, в 1954—1958 гг. — председатель КГБ при Совмине СССР. Генерал армии, Герой Советского Союза. В 1958—1961 гг. — начальник ГРУ ГШ, затем до 1963 г. работал в Ташкенте на военных должностях. Понижен в воинском звании до генерал-майора за «утерю политической бдительности». Лишен наград советского правительства.

Сикейрос (Альфаре Сикейрос) Давид (1898—1974). Мексиканский художник и общественный деятель. Член Компартии Мексики с 1924 г.

Синицын Елисей Тихонович (?—?). Советский разведчик. Резидент легальной резидентуры НКВД—НКГБ в Хельсинки в 1939—1941 гг.

Слудский Абрам Аронович (1898—1938). Сотрудник советских органов госбезопасности. Комиссар госбезопасности 2-го ранга (29 ноября 1935 г.). Член РКП(б) с 1917 г. Получил среднее образование. Знал немецкий и узбекский языки. До Октябрьской революции — монтер на хлопкоочистительном заводе в Андижанском уезде, рядовой 7-го Сибирского стрелкового полка. Участник Октябрьской революции и установления советской власти в Средней Азии. Член Андижанского укома РКП(б). Председатель уездного трибунала, член бюро Ферганского обкома. В 1919—1922 гг. — в органах ВЧК: следователь-инспектор Особого отдела Туркестанского фронта, заместитель председателя Ташкентской областной ЧК. В 1922—1923 гг. — член коллегии Туркестанского военного трибунала, ответственный секретарь Ташкентского ГК ВКП(б), председатель военного трибунала 2-го стрелкового корпуса Московского гарнизона. С 1925 г. — на хозяйственной работе в системе ВСНХ — председатель Государственного рыбного синдиката. С 1926 г. — в Экономическом управлении ОГПУ: помощник начальника, начальник отделения, в 1929—1931 гг. — помощник начальника ЭКУ ОГПУ. Секретарь парткома ОГПУ. Одновременно в 1930—1931 гг. — помощник начальника ИНО ОГПУ. В 1931—1933 гг. — на работе в торгпредстве в Германии. В 1931—1934 гг. — заместитель начальника ИНО ОГПУ. В 1934—1935 гг. — заместитель начальника ИНО ГУГБ НКВД. В 1935—1936 гг. — начальник ИНО ГУГБ НКВД. В 1936—1938 гг. — начальник 7-го отдела ГУГБ НКВД. Неоднократно участвовал в специальных операциях в Германии, Ис-

пании, Франции. С помощью завербованной им агентуры вывез из Швеции технические секреты производства шарикоподшипников. Награжден орденом Красного Знамени. 17 февраля 1938 г. скоропостижно скончался в кабинете заместителя наркома В. Д. Фриновского в результате отравления цианистым калием. Согласно официальной версии умер от сердечного приступа.

Соболь Ранса Романовна (Ирина Гуро) (1904—1988). Сотрудник советских органов госбезопасности, затем советская писательница. Дочка директора крупного завода. До 12 лет училась. В 1919 г. с красноармейцами принимала участие в организации кружков красной молодежи. В 1920 г. принимала участие в организации КСМ. В 1921 г. была членом укома КСМ в Белгороде. С 1921 г. училась на юридическом факультете в вузе в Харькове. В 1923—1926 гг. — на судебной работе. Член ВКП(б) с 1925 г. В органах ОГПУ с 1926 г. В 1938 г. арестована по показаниям мужа — М. Е. Ревзина (осужден). Осуждена на восемь лет. Освобождена в сентябре 1941 г. с прекращением дела. С 16 октября 1941 по 27 июля 1942 г. — оперуполномоченный Особого отдела Юго-Западного фронта. С августа 1942 г. — инструктор разведотдела штаба Северной группы партизанских отрядов. С 1946 г. — писательница. 12 января 1944 г. КПК отказал в восстановлении в ВКП(б). Повторно вступила в ВКП(б) в 1948 г. Умерла в Москве.

Сосновский (Добрынский) Игнатий Игнатьевич (1897—1937). Сотрудник советских органов госбезопасности. Комиссар госбезопасности 3-го ранга (1935). Поляк, уроженец Риги. С 1912 г., будучи гимназистом в Вильно, принимал активное участие в деятельности различных польских националистических групп. Учился в Московском университете. С 1918 г. член ППС (революционная фракция). Служил вольноопределяющимся в корпусе генерала Довбор-Мусницкого (армия Пилсудского). Руководил восстаниями рабочих в Сувалках и Гродно против немцев. Являлся членом Польской организации войсковой. Руководил разведывательной сетью 2-го отдела генштаба Польши в России под кличкой Сверщ. В мае 1920 г. арестован и вместе со своими бывшими агентами перешел на работу в органы ВЧК. Сотрудник для особых поручений. В 1921 г. награжден орденом Красного Знамени. С мая 1921 г. — помощник начальника, с 1922 г. — начальник отделения КРО ОГПУ. С 1926 по 1929 г. ответственный работник Секретно-оперативного управления ОГПУ. Позднее начальник контрразведки полномочного представительства по Белорусскому военному округу, затем по Центрально-Черноземной области. С января 1935 по ноябрь 1936 г. — заместитель начальника УНКВД по Саратовскому краю. Арестован в ноябре 1936 г., расстрелян 15 ноября 1937 г.

Спектор Марк Борисович (1903—1985). Сотрудник советских органов госбезопасности. Полковник (1943). Член РКП(б) с 1920 г. Последняя должность — заместитель председателя Московской городской коллегии адвокатов, заведующий юридической конторой.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879—1953). Один из руководящих деятелей Коммунистической партии, Советского государства и международного коммунистического движения. Герой Социалистического Труда и Советского Союза (1939, 1945). Генералиссимус Советского Союза, Верховный Главнокомандующий в Великой Отечественной войне (1941—1945).

Строкач Тимофей Амвросиевич (1903—1963). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-лейтенант. Родился в Приморском крае. В 1924—1941 гг. служил в погранвойсках ОГПУ—НКВД СССР. Член ВКП(б) с 1927 г. С 28 марта 1941 по 16 января 1946 г. — заместитель наркома внутренних дел УССР. В 1942—1944 гг. — начальник Украинского штаба партизанского движения. С 16 января 1946 по 19 марта 1953 г. — нарком (министр) внутренних дел УССР. С 19 марта 1953 г. — начальник УМВД Львовской области. С 3 июля 1953 по 31 мая 1956 г. — министр внутренних дел УССР. С 28 мая 1956 по 8 марта 1957 г. — начальник ГУПВВ МВД СССР и заместитель министра внутренних дел СССР. 22 мая 1957 г. уволен из МВД СССР по болезни.

Сумбатов-Топуридзе Ювелиан Давидович (1889—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-лейтенант (1945). Член партии с 1918 г. В органах ВЧК с 1920 г. В 1933—1934 гг. — заместитель председателя ГПУ Азербайджанской ССР. В 1934—1938 гг. — председатель ГПУ Азербайджанской ССР, начальник УНКВД, НКВД Азербайджанской ССР. В 1938—1941 гг. — начальник Административно-хозяйственного управления НКВД СССР. В 1941—1947 гг. — начальник ХОЗУ НКВД—МВД СССР. С 1947 г. — заместитель Председателя СНК Азербайджанской ССР.

Сцилард (Силард) Лео (1898—1964). Физик. Родился в Будапеште. Окончил Берлинский университет (1922), там же работал в 1925—1932 гг. В 1935—1938 гг. — в лабораториях Лондона и Оксфорда, в 1939—1942 гг. — в Колумбийском университете, в 1942—1946 гг. — в Металлургической лаборатории Чикагского университета, с 1946 г. — профессор этого университета. Член Национальной АН США.

Таннер Вьяне Альфред (1881—1966). Финский государственный деятель. Премьер-министр Финляндии в 1926—1927 гг., министр иностранных дел в 1939—1940 гг. В 1946 г. за военные преступления приговорен к тюремному заключению.

Теллер Эдвард (р. 1908). Американский физик, член Национальной АН США (1948). Родился в Будапеште. Учился в Политехникуме в Карлсруэ (1926—1928), окончил Лейпцигский университет (1930). В 1931—1935 гг. работал в Лейпциге, Геттингене, Копенгагене и в Лондоне. В 1935—1941 гг. — профессор университета Дж. Вашингтона, 1941—1942 гг. — Колумбийского университета, в 1942—1946 гг. участвовал в «Манхэттенском проекте», в 1946—1952 гг. — профессор Чикагского университета (в 1949—1952 гг. — также в Лос-Аламосской лаборатории). В 1953—1975 гг. профессор Калифорнийского университета в Беркли и в 1954—1975 гг. — заместитель директора Ливерморской радиационной лаборатории.

Терехов Павел Васильевич (1905—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Русский. Член ВКП(б) с 1925 г. Заместитель начальника отдела УГБ УНКВД по Мурманской области. 9—10 июля 1939 г. исключен из партии за грубейшее извращение методов следственной работы, арестован в 1939 г. и осужден в марте 1941 г. на десять лет. Освобожден в декабре 1941 г. и направлен к партизанам; в тылу врага находился более двух лет. Заместитель командира партизанского отряда в Карелии и Крыму. Награжден орденом Отечественной войны 2-й степени и медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени, судимость снята. В 1942—1944 гг. трижды направлялся со спецзаданиями в тыл противника в Карелии и Крыму, в 1945 г. — служил в отряде особого назначения НКГБ СССР.

Тито (Броз Тито) Иосип (1892—1980). Партийный и государственный деятель Югославии. Маршал (1943). В 1910 г. вступил в Социал-демократическую партию Хорватии и Славонии. Участник первой мировой войны. В 1915 г. в русском плену. С сентября 1920 г. на родине, вступил в Компартию Югославии. С 1934 г. — член ЦК и Политбюро ЦК КПЮ. В 1935—1936 гг. — в Москве, работал в Коминтерне. С декабря 1937 г. в Югославии, возглавил КПЮ. В 1940—1966 гг. — Генеральный секретарь КПЮ—СКЮ. В 1941—1945 гг. — верховный главнокомандующий Народно-освободительной армии Югославии. В 1943—1945 гг. — председатель Национального комитета освобождения Югославии. В 1945—1946 гг. — председатель Временного правительства, министр обороны и верховный главнокомандующий вооруженными силами. В 1946—1953 гг. — Председатель Совета Министров ФНРЮ, в 1953—1963 гг. — Председатель Союзного исполнительного веча (правительства) ФНРЮ. С 1953 г. — президент Югославии. С 1971 г. — Председатель Президиума СФРЮ. С 1966 г. — председатель СКЮ.

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879—1940). Один из лидеров партии большевиков. В социал-демократическом движении с 1897 г. Примыкал к меньшевикам. Участник революции 1905—

1907 гг., председатель Петербургского Совета. В 1907—1917 гг. — в эмиграции. В 1917—1927 гг. член партии большевиков. В 1917—1927 гг. член ЦК, в 1919—1926 гг. член Политбюро ЦК. В сентябре—ноябре 1917 г. председатель Петроградского Совета. В 1917—1918 гг. нарком по иностранным делам. В 1918 г. выступил против заключения Брестского мира. Нарком по военным и морским делам и Председатель РВС РСФСР (1918—1923), СССР (1923—1925), одновременно в марте—декабре 1920 г. — нарком путей сообщения РСФСР и председатель ЦК союза транспортных рабочих. Член ИККИ. 26 января 1925 г. постановлением Президиума ЦИК СССР был освобожден от руководящих военных постов. В 1925—1927 гг. — член Президиума ВСНХ СССР, председатель Главконцесскома. 14 октября 1927 г. исключен из партии и выслан в Алма-Ату. В 1929 г. по обвинению в антисоветской деятельности выслан из СССР. В 1932 г. лишен гражданства СССР. До 17 июля 1933 г. жил в Турции, затем во Франции и Норвегии, а с 9 января 1937 г. — в Мексике. В 1938 г. основал IV Интернационал. 20 августа 1940 г. смертельно ранен агентом НКВД Рамоном Меркадером, умер на следующий день.

Трумэн Гарри (1884—1972). Американский государственный деятель. Вице-президент в январе—апреле 1945 г., президент США в 1945—1953 гг.

Тютюнник Юрий Иосифович (1891—1930). Украинский националист. Генерал-хорунжий при правительстве С. Петлюры на Украине. В 1919—1920 гг. командовал дивизией войск УНР, после разгрома петлюровцев бежал в Польшу, откуда в 1921 г. при поддержке немецкого генерального штаба организовал бандитский рейд семитысячной вооруженной банды на территорию Украины. В июне 1923 г. при нелегальном переходе государственной границы СССР был арестован ГПУ Украины. На суде раскаялся в своей преступной деятельности и был амнистирован. 12 февраля 1929 г. вновь был арестован ГПУ УССР по ст. 58-4 УК РСФСР. Постановлением коллегии ОГПУ от 3 декабря 1929 г. приговорен к высшей мере наказания.

Ульбрихт Вальтер (1893—1973). Деятель германского и международного рабочего и коммунистического движения. С 1912 г. — член Социал-демократической партии Германии. В 1918 г. вступил в «Союз Спартака»; был одним из основателей организации Коммунистической партии Германии в Лейпциге. С 1923 г. — член ЦК КП Германии. В 1925—1929 гг. (с перерывами) — представитель КПГ в ИККИ. С 1928 г. — кандидат в члены ИККИ. В 1928—1933 гг. — депутат германского рейхстага. В 1933 г. — один из руководителей нелегальной КПГ. В конце 1933 г. в связи с угрозой ареста покинул Германию. С 1935 г. — член Политбюро ЦК КПГ. В 1943—1945 гг. —

член Национального комитета «Свободная Германия». В 1950—1971 гг. — руководитель СЕПГ.

Уманский Константин Александрович (1902—1945). Советский дипломат и журналист. На дипломатической работе находился в августе—октябре 1922 г. и в 1931 г. (на ответственной работе в центральном аппарате НКВД РСФСР). В 1931—1936 гг. — заместитель заведующего, затем заведующий Отделом печати и информации НКВД СССР; в 1936—1938 гг. — советник полпредства СССР в США; в 1938—1939 гг. — временный поверенный в делах СССР в США; в 1939—1941 гг. — полпред СССР в США; в 1941—1943 гг. — член коллегии НКВД СССР; в 1943—1945 гг. — посол СССР в Мексике. В 1944 г. был назначен посланником СССР в Коста-Рике по совместительству. 25 января 1945 г. погиб в авиационной катастрофе, направляясь из Мексики в Коста-Рику для вручения верительных грамот.

Успенский Александр Иванович (1902—1940). Сотрудник советских органов госбезопасности. Комиссар госбезопасности 3-го ранга (1938). Член партии с 1920 г. В органах ВЧК с 1920 г. В 1933—1934 гг. — заместитель ПП ОГПУ по Московской области. В 1934—1935 гг. — заместитель начальника УНКВД по Московской области. В 1935—1936 гг. — заместитель коменданта Московского Кремля по внутренней охране. С 1936 по март 1937 г. — заместитель начальника УНКВД по Западно-Сибирскому краю, с марта 1937 г. — начальник УНКВД по Оренбургской области, с января 1938 г. — нарком внутренних дел Украины. В том же году бежал, перешел на нелегальное положение. В 1939 г. арестован. В 1940 г. военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

Устинов Дмитрий Федорович (1908—1984). В 1941—1953 гг. — нарком (министр) вооружения СССР.

Утехин Георгий Валентинович (1906—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Член ВКП(б), в органах с 1933 г. Младший лейтенант ГБ (1935). В 1941—1943 гг. — начальник Особого отдела НКВД 23-й армии Ленинградского фронта, в 1943 г. — Особого отдела НКВД 2-й гвардейской армии Южного фронта. В 1943—1946 гг. — начальник отдела ГУКР СМЕРШ. В 1946—1949 гг. — заместитель начальника ГУ МГБ СССР. В 1949—1951 гг. — начальник управления МГБ СССР. В 1951—1953 гг. — заместитель начальника управления МГБ—МВД СССР. В 1953 г. — начальник отдела УМВД по Челябинской области.

Ушаков-Ушимирский Зиновий Маркович (1895—1940). Сотрудник советских органов госбезопасности. Майор ГБ (1937). С февраля 1935 по декабрь 1936 г. — заместитель начальника Особого отдела

УГБ НКВД БССР. С января 1937 по сентябрь 1938 г. — помощник начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Репрессирован. Приговорен к высшей мере наказания.

Федичкин Дмитрий Георгиевич (1902—1991). Сотрудник советских органов госбезопасности. Полковник. Родился в дер. Мерлево Московской области в крестьянской семье. Закончил гимназию, затем учительскую семинарию. В 1919—1921 гг. — на подпольной работе и в партизанском движении на Дальнем Востоке. В 1922—1930 гг. — в КРО ГПУ по Дальнему Востоку. В 1925—1926 гг. — резидент в Маньчжурии. В 1931 г. — в центральном аппарате разведки. В 1932—1934 гг. — резидент в Таллине. С 1934 г. — помощник резидента в Варшаве. В 1936 г. арестован, в том же году обменян на польского разведчика. В 1936—1940 гг. — помощник резидента, затем резидент в Италии. В 1940—1941 гг. — в Контрразведывательном управлении НКВД. В начале 1942 г. — начальник отдела Четвертого управления НКГБ. В 1943—1944 гг. — резидент в Болгарии. В 1944—1945 гг. — в центральном аппарате. В 1945—1947 гг. — резидент в Румынии. В 1947—1951 гг. — заместитель начальника управления в Комитете информации при Совмине СССР. В 1951—1955 гг. — резидент в Италии. С 1957 по 1977 г. — преподаватель Краснознаменного института КГБ.

Федотов Петр Васильевич (1898(1890)—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-лейтенант (1945). В 1941—1943 гг. — начальник Второго управления НКВД СССР. В 1943—1946 гг. — начальник Второго главного управления НКГБ СССР, в 1946—1947 гг. — заместитель министра государственной безопасности СССР и начальник Первого главного управления МГБ СССР, в 1947—1952 гг. — заместитель председателя Комитета информации при МИДе СССР, в 1952—1953 гг. — в распоряжении МГБ СССР, в 1953—1954 гг. — начальник Первого главного управления МВД СССР, с 1954 г. — начальник Второго главного управления КГБ при СМ СССР.

Феклисов (Фомин) Александр Семенович (р. ?). Сотрудник советских органов госбезопасности. В 1941—1946 гг. — в Нью-Йорке, в 1947—1949 гг. — в Англии. В 1950—1953 гг. — заместитель начальника английского, затем американского отдела внешней разведки. В 1960—1964 гг. — резидент в Вашингтоне. С 1964 по 1974 г. — заместитель начальника разведшколы. В настоящее время на пенсии.

Ферми Энрико (1901—1954). Итальянский физик, член Национальной академии деи Линчеи (1935). Родился в Риме. Окончил Пизанский университет (1922). В 1923 г. работал в Геттингенском университете у М. Борна, в 1924 г. — в Лейденском у П. Эренфе-

ста, затем преподавал в Римском и Флорентийском университетах, с 1926 г. — профессор Римского университета. В 1938 г. эмигрировал в США. В 1939—1942 гг. — профессор Колумбийского университета, в 1942—1945 гг. — Чикагского университета (в 1944—1945 гг. — заведующий отделом в Лос-Аламосской лаборатории). С 1946 г. — профессор Института ядерных исследований (Чикаго). Лауреат Нобелевской премии (1938). Член многих академий наук и научных обществ, иностранный член АН СССР (1929).

Филби Ким (1912—1988). Советский разведчик. Родился в Индии в семье чиновника британской администрации. Окончил Вестминстерскую школу. В 1929 г. поступил в Тринити-колледж Кембриджского университета. С 1934 г. — агент ИНО НКВД. Сотрудник английской разведки МИ-6, руководитель секции в контрразведке МИ-6 (1940—1941), руководитель секции в контрразведке МИ-5 (1941—1944), начальник 9-го отдела МИ-5 (1944—1946). С 1947 г. — резидент британской разведки в Стамбуле. В 1949—1951 гг. возглавлял в Вашингтоне миссию по связи английской разведки с ЦРУ. В 1956 г. направлен в качестве агента британской разведки в Бейрут. В связи с угрозой провала в начале 1963 г. нелегально вывезен в СССР. С 1963 по 1988 г. работал консультантом советской внешней разведки.

Фитин Павел Михайлович (1907—1971). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-лейтенант (1945). Родился в с. Ожогини Курганской области. В 1932 г. окончил инженерный факультет сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. В 1932—1934 гг. — заведующий редакцией Сельхозгиза. В 1934—1935 гг. служил в Красной Армии. После демобилизации вновь работал до 1938 г. в том же издательстве заместителем главного редактора. В марте 1938 г. направлен по партнабору на учебу в Высшую школу НКВД. В ноябре 1938 г. направлен стажером в 5-й отдел ГУГБ НКВД СССР (внешняя разведка). В конце 1938 г. назначен заместителем начальника отдела, с мая 1939 г. — начальник 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С февраля по июль 1941 г. — начальник Первого управления НКГБ СССР, с июля 1941 г. — начальник Первого управления НКВД СССР, с мая 1943 по июнь 1946 г. — начальник Первого управления НКГБ—МГБ СССР. С декабря 1946 г. — заместитель уполномоченного МГБ СССР в Германии. С апреля 1947 г. — заместитель начальника Управления госбезопасности по Свердловской области. С сентября 1951 г. — министр госбезопасности Казахской ССР. С марта 1953 г. — начальник УМВД по Свердловской области. В июле 1953 г. освобожден от занимаемой должности и 9 октября уволен в запас по служебному несоответствию. Работал директором фотокомбината Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Награж-

ден двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Красного Знамени Тувы, многими медалями.

Фишер Вильям Генрихович (Абель Рудольф Иванович) (1903—1971). Советский разведчик. Полковник. Родился в г. Ньюкасл-на-Тайне в Англии в семье русских политэмигрантов. В 1920 г. вернулся в Советскую Россию. С 1927 г. — в ИНО ОГПУ. 31 декабря 1938 г. уволен из органов госбезопасности. Работал во Всесоюзной торговой палате, затем на авиапромышленном заводе. С сентября 1941 г. — в Четвертом управлении НКГБ. С ноября 1948 г. — резидент в США. В 1957 г. арестован американскими спецслужбами, приговорен к тридцати годам тюрьмы. 10 февраля 1962 г. обменен на осужденного в СССР американского летчика Ф. Пауэрса. До конца жизни работал в центральном аппарате внешней разведки.

Флеров Георгий Николаевич (р. 1913). Советский физик-экспериментатор, академик (1968; член-корреспондент с 1953 г.). Родился в Ростове-на-Дону. Окончил Ленинградский политехнический институт (1938), начал работать в лаборатории И. В. Курчатова в Ленинградском физико-техническом институте. В 1943—1960 гг. — руководитель сектора Института атомной энергии им. И. В. Курчатова, с 1960 г. — директор Лаборатории ядерных реакций Объединенного института ядерных исследований (г. Дубна). Лауреат Сталинских премий (1946, 1949), Государственной премии СССР (1975). Герой Социалистического Труда (1949).

Фриновский Михаил Петрович (1898—1940). Советский государственный и военный деятель, один из руководителей органов госбезопасности. Командарм 1-го ранга (1938). Член РКП(б) с 1918 г. В ВЧК с 1918 г. Окончил Курсы усовершенствования высшего состава РККА при Военной академии им. М. В. Фрунзе (1927). Начальник Особого отдела ВЧК 1-й Конной армии. В межвоенный период начальник погранокруга Черноморского побережья Северо-Кавказского края, начальник Особого отдела Северо-Кавказского военного округа, командир и военком дивизии ОН им. Ф. Э. Дзержинского. С августа 1930 г. председатель ГПУ АзССР, с апреля 1933 г. — начальник Главного управления пограничной и внутренней охраны ОГПУ—НКВД СССР, одновременно с октября 1936 г. заместитель наркома внутренних дел СССР. С сентября 1938 по март 1939 г. — нарком ВМФ СССР. Депутат ВС СССР первого созыва. Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалью «XX лет РККА». Репрессирован (расстрелян 4 февраля 1940 г.).

Фролов Владимир Григорьевич (1899—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Еврей. Член ВКП(б) с ноября 1936 г. Начальник отделения аппарата НКВД СССР. Арестован в июне 1938 г. по

подозрению в шпионаже и как социально опасный элемент осужден ОСО при НКВД СССР на три года. После отбытия срока в 1941 г. обратился в НКВД с просьбой отправить на фронт. С мая 1942 г. — в отряде Медведева на спецзадании. В 1945 г. — заместитель начальника ОЛП УИТЛК УНКВД по Московской области при заводе № 48.

Фукс Клаус (1911—?). Немецкий физик-теоретик, член АН ГДР (1972). Родился в Рюссельсгейме (ФРГ). Учился в Лейпцигском и Кильском университетах. В 1933 г. эмигрировал сначала в Париж, затем в Англию. В 1937 г. получил степень доктора философии в Бристольском университете, в 1939 г. — доктора наук в Эдинбургском. В 1941—1946 гг. работал в Бирмингемском и Колумбийском университетах, Лос-Аламосской лаборатории, в 1946—1950 гг. — в Атомном центре в Харуэлле. В 1959—1978 гг. — заместитель директора Центрального института ядерных исследований в Россендорфе (ГДР).

Харитон Юлий Борисович (1904—?). Советский физик и физико-химик, академик (1953; член-корреспондент с 1946 г.) Родился в Петербурге. Окончил Ленинградский политехнический институт (1925). С 1921 г. начал работать в Ленинградском физико-техническом институте. В 1926—1928 гг. стажировался в Кавендишской лаборатории у Э. Резерфорда. С 1931 г. — в Институте химической физики АН СССР и других научно-исследовательских учреждениях. Создал научную школу. Трижды Герой Социалистического Труда (1949, 1951, 1954), лауреат Ленинской (1956), Сталинских (1949, 1951, 1954) премий. Награжден золотой медалью М. В. Ломоносова (1982).

Хейфец Григорий Маркович (1899—1984). Агент Коминтерна. Уроженец Риги. Племянник А. Гуральского. Член Коммунистической партии с 1919 г. Получил техническое образование. Свободно владел многими языками. С 1922 г. в органах ВЧК—ОГПУ. С 1924 по 1929 г. выполнял специальные задания Коминтерна в Китае, Турции, Германии, Австрии, Франции, Латвии и других странах под фамилией Гримерилс. При этом в 1924—1927 гг. действовал под прикрытием сотрудника НКВД. Затем в ИНО ОГПУ—НКВД. Под дипломатическим прикрытием с 1929 г. во Франции, с 1932 г. — в США, с 1936 г. — в Италии. В 1938—1941 гг. — в аппарате Центра. С осени 1941 г. — резидент Первого управления и советский вице-консул в Сан-Франциско. В 1944 г. отозван в Москву. С 1947 г. — заместитель ответственного секретаря и член президиума Еврейского антифашистского комитета. В 1951 г. арестован., В августе 1952 г. приговорен к двадцати пяти годам лишения свободы. Освобожден вскоре после смерти Сталина.

Хрущев Никита Сергеевич (1894—1971). Советский государственный, партийный деятель. Член партии с 1918 г. С 1924 г. — на партий-

ной работе в Донбассе и Киеве. С 1931 г. — секретарь Бауманского, Краснопресненского райкомов партии в Москве. В 1932—1934 гг. — второй секретарь МГК партии, в 1934—1935 гг. — первый секретарь МГК и второй секретарь МК партии, в 1935—1938 гг. — первый секретарь МГК и МК партии. Член ЦК ВКП(б) — КПСС в 1934—1966 гг. Кандидат в члены Политбюро с 1938 г., член Политбюро (Президиума) ЦК в 1939—1964 гг. В 1938—1949 гг. — первый секретарь ЦК КП(б) Украины, одновременно в 1944—1947 гг. — Председатель СНК (Совмина) Украинской ССР. Во время Великой Отечественной войны член Военных советов ряда фронтов. С 1949 г. — секретарь ЦК, одновременно в 1949—1953 гг. — первый секретарь МК партии. В 1953—1964 гг. — Первый секретарь ЦК КПСС, одновременно с 1958 г. — Председатель Совета Министров СССР. 14 октября 1964 г. освобожден Пленумом ЦК КПСС от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС и члена Президиума ЦК КПСС.

Цанава (Джанджгава) Лаврентий Фомич (1900—1955). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-лейтенант (1945). С декабря 1938 г. — нарком внутренних дел Белорусской ССР, с февраля 1941 г. — нарком госбезопасности БССР. В 1941—1942 гг. — начальник Особого отдела НКВД Западного фронта, руководитель оперативно-чекистской группы НКВД БССР, с июня 1942 г. — заместитель начальника Управления особых отделов НКВД СССР, с марта 1943 г. — начальник Особого отдела НКВД Центрального фронта. С июня 1943 г. — нарком госбезопасности БССР, с апреля 1946 г. — министр госбезопасности БССР. С октября 1951 г. — заместитель министра госбезопасности СССР, одновременно с ноября 1951 г. — начальник Второго главного управления МГБ СССР. В феврале 1952 г. освобожден от работы в МГБ СССР. 4 апреля 1953 г. арестован. Находясь в заключении, умер 12 октября 1955 г.

Цесарский Владимир Ефимович (1895—1940). Сотрудник советских органов госбезопасности. Старший майор ГБ (1937). Член РКП(б) с 1919 г. В 1921—1922 гг. — в ГПУ. С марта 1934 г. — помощник заведующего Промышленным отделом ЦК ВКП(б). С февраля 1935 г. — референт-докладчик при секретаре ЦК ВКП(б). С октября 1936 г. — особоуполномоченный при НКВД СССР. С ноября 1936 г. — начальник 8-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С апреля 1937 г. — по совместительству секретарь ОСО НКВД СССР. С апреля 1938 г. — начальник 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С мая 1938 г. — начальник УНКВД по Московской области. С сентября 1938 г. — начальник Ухто-Печерского ИТЛ НКВД. Репрессирован. Приговорен к высшей мере наказания.

Чапский Адольф Сигизмундович (Гельман Яков Соломонович, Шустер Арон Вацлавович) (1892—1937). Сотрудник советских органов госбезопасности. Майор ГБ. Уроженец г. Велюнь (Польша). Еврей. Сын управляющего домами в Лодзи. Окончил шесть классов коммерческого училища в Лодзи и Политехнический институт в Германии в 1914 г. В 1909—1913 гг. — член ППС-«левицы». С 1917 г. — эсер, затем левый эсер (на Украине). До 1917 г. — военный техник на Южном фронте. С 1919 г. — член ВКП(б). В 1919—1921 гг. — в РККА. В 1921 г. окончил Военную академию Генштаба РККА. С 1921 г. в ОГПУ. В 1924—1927 гг. — на нелегальной работе в Китае, в 1928—1930 гг. — в США. В 1931—1934 гг. — на руководящей работе в центральном аппарате. В 1934—1937 гг. — резидент НКВД (второй секретарь полпредства) в Великобритании и Австрии. Арестован 19 сентября 1937 г., расстрелян 4 ноября 1937 г.

Чернышов Василий Васильевич (1896—1952). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-полковник. Уроженец дер. Вылики Рязанской губернии. Образование среднее, член партии большевиков с 1917 г. В 1919 г. — организатор отрядов особого назначения в губернии для борьбы с Мамонтовым. В 1921—1923 гг. — начальник войск ВЧК Туркестанского фронта. В 1924—1927 гг. — начальник Управления военного округа Дальневосточного края. С 1937 г. — начальник Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД. С 26 февраля 1942 г. — заместитель наркома внутренних дел СССР. Умер 12 сентября 1952 г.

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874—1965). Государственный и политический деятель Великобритании. С 1908 г. на различных министерских постах, в том числе в 1910—1911 гг. — министр внутренних дел, в 1911—1915 гг. — морской министр, в 1919—1921 гг. — военный министр и министр авиации, в 1921—1922 гг. — министр колоний, в 1924—1929 гг. — министр финансов, в 1939—1940 гг. — военно-морской министр. Премьер-министр Великобритании в 1940—1945 и 1951—1955 гг. Нобелевский лауреат по литературе (1953).

Чехова Ольга (1897—1980). Немецкая русская актриса.

Чиапо Галеаццо (1903—1944). Итальянский дипломат. Граф. Зять Б. Муссолини. На дипломатической службе с 1925 г., секретарь итальянского посольства в Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айресе, консул в Пекине, Генеральный консул в Шанхае. В 1935—1936 гг. — министр прессы и пропаганды. В те же годы участвовал в войне против Эфиопии. В 1936—1943 гг. — министр иностранных дел. В июле 1943 г. на заседании Большого фашистского совета голосовал против Муссолини. Казнен в январе 1944 г. по приговору Веронского трибунала, созданного фашистами.

Чичаев Иван Андреевич (1896—1984). Сотрудник советских органов госбезопасности. Родился в с. Ускляй Кокчетавской области в крестьянской семье. С 1919 г. — в органах ВЧК. С 1923 г. — в Наркоминделе, командирован в Монголию по линии внешней контрразведки. В 1924—1925 гг. — консул в Тувинской республике. В 1925—1927 гг. — референт НКВД. В 1927—1930 гг. — Генеральный консул и резидент в Сеуле (Корея). В 1932—1934 гг. — Генеральный консул и резидент в Выборге (Финляндия). В 1934 г. — резидент в Эстонии. В 1935—1938 гг. — в центральном аппарате разведки. В 1938—1939 гг. — резидент в Латвии. В 1940—1941 гг. — резидент в Швеции. С сентября 1941 г. — представитель советской разведки в Лондоне. В 1945—1947 гг. — резидент в Чехословакии. С 1947 г. — начальник отдела Комитета информации, затем заместитель начальника управления. С 1952 г. — на пенсии по состоянию здоровья.

Шадрин Дмитрий Николаевич (1906—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-майор (1945). Член ВКП(б) с 1930 г. В органах ОГПУ с 1931 г. В 1939—1941 гг. — начальник 3-го спецотдела НКВД—НКГБ СССР. В 1941—1943 гг. — заместитель начальника 1-го отдела НКГБ—НКВД СССР. В 1943—1946 гг. — заместитель начальника Шестого управления НКГБ СССР и начальник 2-го отдела Шестого управления НКГБ СССР. В 1946—1949 гг. — начальник Управления охраны № 2 (Главного управления охраны) МГБ СССР. В 1950—1953 гг. — заместитель начальника УМГБ—УМВД по Куйбышевской области. В 1954—1958 гг. — заместитель начальника УКГБ по Куйбышевской области. В 1958 г. уволен в запас по болезни.

Шапиро Исаак Ильич (1895—1940). Сотрудник советских органов госбезопасности. В НКВД с 1936 г. С июля 1937 по апрель 1938 г. — начальник 9-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Одновременно с августа 1937 по ноябрь 1938 г. — начальник Секретариата НКВД СССР. С апреля по ноябрь 1938 г. — начальник 1-го спецотдела НКВД СССР. Репрессирован. Приговорен к высшей мере наказания.

Шевелев Иван Григорьевич (?—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Генерал-лейтенант (1945). С ноября 1938 г. — начальник 6-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С февраля 1940 г. — заместитель начальника 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР. С февраля 1941 г. — заместитель начальника Третьего управления НКГБ СССР. С июля 1941 г. — начальник 5-го спецотдела НКВД СССР, с ноября 1942 г. — начальник Пятого управления НКВД СССР. С мая 1943 г. — начальник Пятого управления НКГБ СССР, с мая 1946 г. — начальник Шестого управления МГБ СССР. В ноябре 1949 г. ко-

мандирован в распоряжение ЦК ВКП(б). С марта 1953 г. — начальник 5-го отдела Первого главного управления МВД СССР. 8 июля 1954 г. уволен в запас по болезни.

Шпигельглас Сергей Михайлович (1897—1939). Один из руководителей советских органов госбезопасности. Майор госбезопасности. Уроженец Гродненской губернии. Родился в семье бухгалтера. Окончил 1-е Варшавское реальное училище. Учился на юридическом факультете Московского университета. В мае 1917 г. призван в армию. Прапорщик. После Октябрьской революции заведующий финчастью Мосгубвоенкома. После его упразднения переведен в Военный контроль (военная контрразведка). После слияния Военконтроля с Военным отделом ВЧК начальник сметного (финансового) отделения Особого отдела ВЧК, затем на оперативных должностях в КРО и ИНО ОГПУ НКВД. Неоднократно выполнял ответственные задания за рубежом. Помощник, с 1935 г. заместитель начальника ИНО ГУГБ НКВД. После смерти А. А. Слуцкого исполняющий обязанности начальника ИНО. Репрессирован.

Штейнберг Матус Азарьевич (1904—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Родился в Бессарабии в семье приказчика. Окончил коммерческое училище. Находился в Бессарабии во время ее оккупации Румынией. В конце 1923 г. уехал в Бельгию, работал на металлургическом заводе чернорабочим. В 1924 г. вступил в Компартию Бельгии, был выслан во Францию. Работал на деревообрабатывающем заводе полировщиком, вступил в Компартию Франции. В 1926 г. через полпредство выехал в СССР. Кандидат в члены ВКП(б) с 1927 г. В 1926—1927 гг. — в РККА. С 1928 г. — в ИНО ОГПУ.

Шумский Александр Яковлевич (1890—1946). Советский партийный деятель. Член украинской партии эсеров-«боротьбистов». С 1920 г. — член КП(б)У. Член Исполкома Коминтерна. В 1922—1924 гг. возглавлял полпредство Украины в Польше. Руководил Закардонным бюро помощи КПЗУ. С 1924 г. — нарком просвещения Украины. Обвинен в так называемом «национал-уклонизме», снят с руководящей работы и в январе 1933 г. арестован. В 1946 г. убит работниками НКВД по дороге из места ссылки на Украину.

Шухевич Роман (Тарас Чупренко, Тур, Роман Лозовский, Чернец, Туча, Степан, Шука, Звон) (1907—1950). Родился в Краковцах Яворовского района Львовской области. Погиб в селе Белогорща возле Львова. Сын уездного судьи. Закончил гимназию во Львове в 1925 г. Член «Пласта» (курень «Лесные черти», позднее «Черноморцы») во Львове в 1922—1930 гг. Служил в польской армии в артиллерии в 1928—1929 гг. Член ОУН с 1929 г. Выдающийся спортсмен. Студент-политехник.

Щорс Игорь Александрович (р. 1915). Сотрудник советских органов госбезопасности. Родился в Елизаветградской области. Окончил Житомирский горный техникум, учился в Ленинградском горном институте. С 1940 г. — в НКВД. В 1941 г. — сотрудник Особой группы при Наркоме внутренних дел, лейтенант госбезопасности. С 1942 г. — начальник отделения Четвертого управления НКВД. С 1945 г. — уполномоченный НКГБ в Советско-болгарском горном обществе. С 1955 г. в отставке. Директор угольной шахты на Чукотке.

Эйков Карл (Франкфуртер) (?—?). Агент советской разведки. Офицер германской морской разведки. Позднее работал в СССР инженером на судоремонтном заводе. До 1936 г. сотрудничал с органами внешней разведки СССР. После пятилетнего перерыва в апреле 1941 г. контакт с ним был возобновлен.

Эйнштейн Альберт (1879—1955). Выдающийся физик-теоретик, один из создателей современной физики. Родился в Ульме (Германия). Четырнадцать лет переехал в Швейцарию, где окончил Цюрихский политехникум (1900). В 1902—1908 гг. работал экспертом в патентном бюро в Берне, в 1909—1913 гг. — профессор Цюрихского политехникума (в 1911 г. — профессор Немецкого университета в Праге), в 1914—1933 гг. — профессор Берлинского университета и директор Института физики. После установления власти фашистов подвергся преследованиям и был вынужден покинуть Германию. В 1933 г. переехал в США, где до конца жизни работал в Принстонском институте перспективных исследований. В 1921 г. — лауреат Нобелевской премии. Член многих академий наук и научных обществ, в частности иностранный член АН СССР (1926).

Эйтингон Наум Исаакович (Котов Леонид Александрович) (1899—1981). Сотрудник советских органов госбезопасности. Родился в Могилеве в семье служащего. Учился в Могилевском коммерческом училище. Член партии левых эсеров с февраля 1917 г. Одновременно начал работать в городской управе, а затем в местном Совете. После оккупации Могилева немцами весной 1918 г. работал на бетонном заводе рабочим, затем кладовщиком. После восстановления советской власти в ноябре 1918 г. работал в губпродкоме, занимался продразверстками и подавлением кулацкого саботажа. Затем работал по кооперации в Губпродукт. В апреле—мае 1919 г. командирован в Москву на курсы при Всероссийском совете рабочих кооперации. В сентябре 1919 г. выехал в Гомель, где вступил в члены РКП(б) и был направлен в партийный отряд, в рядах которого принимал участие в защите города, после чего вновь работал инструктором по кооперации и профсоюзной работе. С мая 1920 г. — уполномо-

моченный Особого отдела Гомельского укрепрайона. Затем уполномоченный по военным делам Гомельской губчека, член коллегии и заместитель председателя Гомельской губчека. Активно участвовал в борьбе с бандитизмом. Агентурно разработал и лично участвовал в поимке известного авантюриста Оперпуга и ликвидации савинковской организации в Гомельской губернии (агентурное дело «Крот»). В октябре 1921 г. тяжело ранен. После выздоровления в 1922—1923 гг. — член коллегии Башкирского отдела ОГПУ. Руководил ликвидацией националистических бандформирований. С мая 1923 г. отозван в Москву и назначен уполномоченным, затем помощником начальника отделения Восточного отдела ОГПУ. Одновременно в 1925 г. окончил восточный факультет Военной академии Генштаба. С 1925 г. — в ИНО ОГПУ. В 1925—1931 гг. — в долгосрочной командировке за рубежом (Китай, Турция). В 1931 г. — начальник 8-го отделения ИНО ОГПУ. В 1931—1933 гг. — в долгосрочной командировке за рубежом (Франция, Бельгия). В 1933 г. — начальник 1-го отделения ИНО ОГПУ. В 1933—1939 гг. — вновь в долгосрочной командировке за рубежом. Резидент в Китае, заместитель резидента, затем резидент в Испании. В 1939—1941 гг. организовал и осуществил убийство Троцкого в Мексике. Создал базу для разведработы на территории США. С 1941 г. — заместитель начальника Первого управления НКВД СССР. С июля 1941 г. — заместитель начальника Особой группы НКГБ СССР. Был направлен в Турцию для организации покушения на германского посла фон Папена. С декабря 1942 г. — заместитель начальника Четвертого управления НКВД—НКГБ СССР. Один из руководителей партизанского движения и спецработы на оккупированной территории СССР, а также в Польше, Чехословакии, Болгарии и Румынии. После окончания войны принял активное участие и лично разработал и осуществил агентурные комбинации по ликвидации польских и литовских националистических бандформирований. С 1946 г. — заместитель начальника службы ДР (диверсии и террор). Генерал-майор (1945). В 1951 г. арестован по обвинению в принадлежности к сионистской организации в МГБ. Освобожден в 1953 г. С мая 1953 г. — заместитель начальника 9-го отдела МВД СССР. В 1957 г. осужден. Освобожден в 1964 г. После освобождения работал редактором в издательстве «Международная книга».

Эпштейн (Шахно) Александр Борисович (1883—1945). Еврейский публицист и литературный критик. Родился в Литве в семье раввина. В 1903 г. вступил в Бунд и участвовал в революционной деятельности, за что был арестован. В 1906 г. бежал из России, поселился в Австрии, потом в Швейцарии. В 1909—1917 гг. жил в США, активно печатался там в еврейской социалистической печати. В 1917 г. вернулся в Россию. Активно работал в Бунде, затем в

Комбунде. В 1919 г. вступил в РКП(б). Редактировал ряд газет. В 1921—1929 гг. — снова в США, участвовал в еврейском коммунистическом движении. По возвращении в СССР работал редактором в различных еврейских и русских изданиях. В 30-е гг. направлялся за рубеж с секретными заданиями, в том числе по линии разведки. Был ответственным секретарем Еврейского антифашистского комитета.

Эрас де лас, Африка (Патрия) (1910—1988). Советская разведчица. Полковник. Родилась в г. Тетуан (Испанское Марокко) в семье ссыльного испанского офицера. Участница гражданской войны в Испании в 1936—1939 гг. С 1937 г. — сотрудник советской внешней разведки. В 1939 г. нелегально вывезена в СССР. После начала Великой Отечественной войны — в ОМСБОНе. Радистка партизанского отряда «Победители». В 1945—1967 гг. — на нелегальной работе в Латинской Америке. С 1971 г. — на преподавательской работе в Москве.

Ягода (Иегода) Генрих Григорьевич (Евон Гершонович) (1891—1938). Руководитель советских органов госбезопасности. Генеральный комиссар госбезопасности (26 сентября 1935 г.). Член РСДРП с 1907 г. В юности работал учеником гравера в Нижнем Новгороде. Отец — двоюродный брат отца Я. М. Свердлова, впоследствии Ягода был женат на племяннице Свердлова И. Л. Авербах. В царской армии с 1915 г. В 1917 г. член Военной организации большевиков в Петрограде. В 1918—1919 гг. сотрудник Высшей военной инспекции. В 1919—1922 гг. — член коллегии Наркомвнешторга. Одновременно с 1919 г. — секретарь Президиума ВЧК, управделами Особого отдела ВЧК, заместитель начальника Особого отдела ВЧК. С 1924 г. — второй заместитель председателя, в 1926—1934 гг. — первый заместитель председателя ОГПУ, в связи с длительной болезнью председателя В. Р. Менжинского всегда замещал его на этом посту. С 1930 г. — кандидат в члены ЦК ВКП(б), с 1934 г. — член ЦК. В 1931—1933 гг. курировал строительство Беломорско-Балтийского канала. Нарком внутренних дел СССР (10 июня 1934 — 26 сентября 1936 г.). Нарком связи СССР (26 сентября 1936 — 3 апреля 1937 г.). Награжден орденами Ленина и Красного Знамени. В июне 1937 г. исключен из состава ЦК и из партии. 13 марта 1938 г. на процессе по так называемому «антисоветскому правотроцкистскому блоку» приговорен к высшей мере наказания, расстрелян 15 марта 1938 г.

Якушев-Бабкин Лаврентий Трофимович (1903—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Из крестьян. С 1920 г. в органах ВЧК. С 1922 г. — помощник уполномоченного ИНФО Мелитополь-

ского окружного отдела ГПУ. Член ВКП(б) с 1927 г. С 1928 г. — уполномоченный ГПУ СССР. В дальнейшем продолжал службу в органах ГБ Украины. В 1938 г., будучи наркомом внутренних дел Крымской АССР, был арестован. Осужден на двадцать лет заключения. 9 октября 1941 г. постановлением Президиума ВС СССР судимость снята. Прошел спецподготовку в ОМСБОНе в Москве. С июня 1942 г. — заместитель начальника Разведотдела и заместитель начальника оперативной группы НКВД СССР Северной группы партизанских отрядов в Смоленской области. С ноября 1942 г. — заместитель начальника Разведотдела и заместитель начальника оперативной группы НКВД СССР Управления партизанских отрядов Калининского фронта. С июля 1943 г. — заместитель начальника Разведотдела и заместитель начальника оперативной группы НКВД СССР партизанской бригады Вишнева, Витебская область. С марта 1944 г. — заместитель командира по разведке специального партизанского отряда Иванова в Ровенской, Львовской и Драгобичской областях. После войны продолжал службу в органах МВД СССР. С 1951 г. — в Министерстве обороны СССР. В 1957 г. исключен из КПСС за нарушения социалистической законности на посту наркома внутренних дел Крымской АССР.

Яриков Михаил Степанович (1905—?). Сотрудник советских органов госбезопасности. Родился на Дальнем Востоке в семье рабочего — дежурного кочегара депо. До 1919 г. учился в Высшем начальном училище. Затем поступил учеником слесаря в депо. В этом же году вступил в комсомол и перешел на освобожденную комсомольскую работу. До 1925 г. был на руководящей комсомольской работе в Троицко-Савске, Чите, Владивостоке, Николаевске-на-Амуре. Член РКП(б) с 1924 г. С 1925 г. учился в Ленинградском восточном институте. С 1927 г. — в ИНО ОГПУ. В этом же году выехал в первую зарубежную командировку.

Ярославский Емельян Михайлович (Губельман Миней Израилевич) (1878—1943). Советский государственный и партийный деятель, публицист, историк партии. Член РСДРП с 1898 г. Участник революции 1905—1907 гг. Один из руководителей Октябрьской революции в Москве, член ВРК. В 1921—1922 гг. — секретарь ЦК, в 1923—1934 гг. — член Президиума и секретарь Партколлегии ЦКК партии, член коллегии Наркомата РКИ СССР. Член КПК в 1934—1939 гг. Действительный член АН СССР (1939). С 1931 г. — председатель Всесоюзного общества старых большевиков, с 1939 г. — заведующий кафедрой ВПШ при ЦК ВКП(б), затем член редколлегий газеты «Правда» и журнала «Большевик». Член ВЦИК и ЦИК СССР. Депутат Верховного Совета СССР первого созыва. Награжден орденом Ленина. Лауреат Сталинской премии.

Яцков Анатолий Антонович (1913—1993). Сотрудник советских органов госбезопасности. Полковник. Родился в г. Аккерман в Молдавии (ныне Белгород-Днестровский). В 1937 г. окончил Московский полиграфический институт. С 1939 г. — в органах НКВД. В 1941—1946 гг. — сотрудник и руководитель резидентуры в Нью-Йорке, затем работал в Париже и аппарате уполномоченного МГБ СССР в Германии. Впоследствии длительное время возглавлял спецфакультет в Краснознаменном институте разведки. С 1985 г. в отставке.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ВТОРАЯ

Глава 15	
ОМСБОН НА ЛИНИИ ОГНЯ	3
Глава 16	
СОВЕТСКАЯ РАЗВЕДКА В ГОДЫ ФАШИСТСКОГО НАШЕСТВИЯ	25
Глава 17	
ВОЕННЫЕ РАДИОИГРЫ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ ...	71
Глава 18	
АТОМНЫЙ ШПИОНАЖ	112
Глава 19	
СТРАНИЦЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»	192
Глава 20	
ТАЙНА «ЛАБОРАТОРИИ-Х»	268
Глава 21	
ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС	290
Глава 22	
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ СТАЛИНА	321
Глава 23	
АРЕСТ ОТЦА И ВСЕ, ЧТО С НИМ И НАМИ БЫЛО ...	375
<i>Приложения</i>	414

Серия «Досье»

Андрей Судоплатов

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ГЕНЕРАЛА СУДОПЛАТОВА

Правда и вымыслы о моем отце

Книга вторая

Редактор *А. В. Диенко*

Художественный редактор *В. В. Покатов*

Технический редактор *В. И. Тушева*

Корректоры *Г. А. Голубкова, Н. М. Кочергина,*

М. Г. Курносенкова, И. И. Попова

Издание подготовлено к печати по автоматизированной
редакционно-издательской технологии на персональных ЭВМ
Оператор *Н. И. Меламед*

ЛР № 010006 от 28.10.96

ЛР № 070099 от 03.09.96

Сдано в набор 04.06.98. Подписано к печати 24.09.98. Формат 84 × 108¹/₃₂.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага типографская № 2.
Усл. печ. л. 29,4 + вкл. 1,68. Тираж 25 000 экз. Заказ № 3677.

Издательство «Современник»
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075, Москва, Звездный бульвар, 23

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «Красный пролетарий»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16

Издательство «СОВРЕМЕННОК»

Серия
«ЖЕСТОКИЙ ВЕК»

Библиотека
мемуарной литературы

Георгий АГАБЕКОВ
СЕКРЕТНЫЙ ТЕРРОР
Записки разведчика

Нина АЛЕКСЕЕВА
ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Александр БАРМИН
СОКОЛЫ ТРОЦКОГО

Григорий БЕСЕДОВСКИЙ
НА ПУТИ К ТЕРМИДОРУ

Дмитрий БЫСТРОЛЕТОВ
ПУТЕШЕСТВИЕ НА КРАЙ НОЧИ

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ
ПОД ПСЕВДОНИМОМ ИРИНА
Записки разведчицы

Сергей КРАСИКОВ
ВОЗЛЕ ВОЖДЕЙ

Вальтер КРИВИЦКИЙ
Я БЫЛ АГЕНТОМ СТАЛИНА

Владимир ОРЛОВ
ДВОЙНОЙ АГЕНТ
Записки русского контрразведчика

Владимир ПЯТНИЦКИЙ
ЗАГОВОР ПРОТИВ СТАЛИНА

Эти книги можно получить по почте:

111116, г. Москва, а/я 30,

издательство «Современник», код №14.

Оплата при получении книг. Заявки присылать обязательно
на открытках.

Издательство «СОВРЕМЕННОК»
серия книг

ПОД ГРИФОМ
«СЕКРЕТНО»

АРИГИН В.
**Неразгаданные тайны
Пушкина**

ВЕЛИДОВ А.
Похождения террориста.
Одиссея Якова Блюмкина

КУЗНЕЦОВ В.
**Тайна гибели
Есенина.**

*Свидетельствуют архивы спецслужб.
По следам одной версии*

Эти книги можно получить по почте:
111116, г. Москва, а/я 30, издательство «Современник»,
код №14 . Оплата при получении книг.
Заявки присылать обязательно на открытках.

"Я долго руководил службой разведывательно-диверсионных операций в советских органах безопасности с конца 30-х до начала 50-х годов, включая период Великой Отечественной войны. Однако моя работа как раз и была направлена на противодействие террору, преступным элементам, которые вели тайную вооруженную борьбу с нашим государством и обществом..."

***Из последнего интервью П. А. Судоплатова,
данного им за полтора месяца до кончины.***

"...Павел Анатольевич Судоплатов прожил достойную жизнь в мире с самим собой, в соответствии со своими идеалами и принципами, верность которым он пронес через все испытания."

Из некролога одной из московских газет

ISBN 5-224-00136-6

9 785224 001361